

Центр научных работников и преподавателей иудаики в ВУЗах «Сэфер»
Институт славяноведения Российской академии наук

Глубокое: память о еврейском местечке

Москва

2017

The Moscow Center for University Teaching of Jewish Civilization “Sefer”
The Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

The Shtetl of Hlybokaye in Contemporary Cultural Memory

Moscow

2017

Редколлегия:

С. Амосова, О. Белова, М. Васильев, И. Копченова (отв. ред.), В. Мочалова

Рецензенты:

канд. филол. наук М. Ахметова, канд. филол. наук М. Ясинская

Издание осуществлено при финансовой поддержке

UJA Federation of NY

Genesis Philanthropy Group

В оформлении обложки использованы фотографии из личной коллекции Деборы Ротман (США), из архивной коллекции Мемориального музея Холокоста (Вашингтон, США), с сайта <http://www.radzima.net/maps/guberniya-vilenskaya/vilenskaya-guberniya-1871-karta-large.jpg>, план еврейского кладбища (сост. М. Васильев, Т. Журавлева, М. Каранаев, Ю. Лень, П. Парадня, Б. Рашковский)

Глубокое: память о еврейском местечке / Отв. ред. И. Копченова. – М., 2017. – 376 с.

Книга объединила в себе данные устной истории, фольклора и этнографии, эпиграфики, архивные материалы о жизни евреев местечка Глубокое в Западной Беларуси, собранные как во время школы-экспедиции Центра «Сэфер» и Центра славяно-иудаики Института славяноведения РАН (22–30 июля 2015 г.), так и в ходе архивных изысканий. Книга стала опытом реконструкции «еврейской истории» бывших белорусских местечек. Хочется верить, что книга, посвященная еврейскому Глубокому, истории межэтнических контактов, запечатлевшейся в народной памяти и памятниках материальной культуры, будет востребована как специалистами (историками, этнографами, фольклористами), так и широким кругом читателей, неравнодушных к истории еврейского народа и его культурным традициям.

Оформление обложки: С. Трофимов

Верстка: Д. Дименштейн, Р. Дименштейн

Технический редактор: В. Комарова

ISBN 978-5-7576-0365-0

© Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», 2016

© Коллектив авторов, 2016

© Центр «Сэфер», оригинал-макет, 2016

Содержание

Предисловие.....	7
Благодарности.....	17
Очерки истории и культуры.....	21
<i>Виктория Мочалова</i> Глубокое – страницы истории	23
<i>Инна Соркина</i> Местечко Глубокое и его жители на фоне эпохи: XVIII – первая треть XX в.....	49
<i>Маргарита Коженевская</i> Еврейская община местечка Глубокое в конце XIX – начале XX в. на страницах архивных документов.....	91
<i>Сэмюэль Д. Кассов</i> Община и идентичность в межвоенном штетле. <i>Перевод с английского</i> <i>Ирины Копченовой</i>	101
<i>Кирилл Гавриленко</i> Благодетельность в еврейской погребальной обрядности на территории Западной Беларуси (1921–1939 гг.).....	121
<i>Михаил Крутиков</i> Райсн: «Беларусь» в модернистской поэзии на идише	141
Локальный текст местечка	151
<i>Наталья Савина</i> Заметки о локальном тексте Глубокого	153
<i>Ольга Белова</i> Быт и повседневность в рассказах жителей Глубокого.....	177
<i>Оксана Чёха</i> Народные легенды Глубокого.....	221
<i>Юлия Бернштейн</i> Гибель штетла Глубокое глазами его подростков.....	233
Голоса Глубокого	259
<i>Оксана Чёха</i> «Итальянцы на пляже»: детские воспоминания о трагических событиях Второй мировой войны.....	261
<i>Андрей Мороз</i> «Столько истории в этих стенах...»: История Глубокого через призму истории одного дома	265
<i>Анастасия Головина</i> Еврейский календарь глазами иноэтнических соседей	275
<i>Анна Скопина</i> На стыке двух религий.....	281
Еврейское кладбище Глубокого	285
<i>Михаил Носоновский</i> Еврейские надгробные надписи из Глубокого как исторический источник и явление культуры	287
<i>Алфавитный указатель имен. Топонимы</i> Составители Александра Фишель и <i>Михаил Васильев</i>	301
Приложения	315
Список домовладельцев местечка Глубокое за 1921 г. <i>Предисловие, перевод с польского</i> и публикация <i>Маргариты Коженевской</i>	317
Список владельцев промышленных и торговых предприятий в местечке Глубокое (1923 г.) <i>Перевод с польского и публикация Маргариты Коженевской</i>	337

Сведения о евреях – жителях местечка Глубокое, содержащиеся в «Памятных книжках Виленской губернии» (1890-е – 1910-е гг.) <i>Публикация Константина Карпекина</i>	345
Выдержки из протоколов заседаний Глубокского РК и Дисненского УК КП(б)Б (январь 1940 г. – май 1941 г.) <i>Предисловие и публикация Константина Карпекина</i>	347
Verordnung über Arbeitseinsatz, Verpflegung und Entlohnung der Juden vom 16. September 1942 (Распоряжение о привлечении к труду, питании и оплате труда евреев от 1 сентября 1942 г.) <i>Предисловие и публикация Константина Карпекина</i>	353
Жизнь гетто в Глубоком по фотоматериалам из архива Мемориального музея Холокоста (Вашингтон, США) <i>Предисловие и перевод с английского Ирины Копченовой</i>	361
Summary.....	371
Сведения об авторах	374
Материалы из базы данных SFIRA	375

Предисловие

Сборник представляет собой третий выпуск серии «Память о еврейском местечке», посвященной истории и культуре евреев Белоруссии¹.

Цель этого масштабного проекта – ввести в научный оборот архивные материалы и новые экспедиционные данные об истории, традициях, фольклоре бывших еврейских местечек, представить сохранившиеся до наших дней фрагменты еврейского культурного наследия, привлечь внимание к проблемам его сохранения. Выпуски серии строятся на материалах, собранных как во время школ-экспедиций, ежегодно организуемых Центром «Сэфер» и Центром славяно-иудаики Института славяноведения РАН, так и в ходе архивных изысканий².

Экспедиция в Глубокое, ныне районный центр в Витебской области Республики Беларусь, стала важной вехой в изучении устных свидетельств, исторических документов и сохранившихся некрополей; предпринят еще один опыт реконструкции «еврейской истории» бывших белорусских местечек на основе исторических, эпиграфических, этнографических данных³.

Что делает Глубокое таким интересным для исследователя? Это прекрасный пример местечка,

которое на протяжении всей своей истории находилось в зоне этнического и конфессионального пограничья. В 1921–1939 гг. Глубокое входило в состав Польши, до начала Второй мировой войны сохраняя в своих пределах живую еврейскую культурную и религиозную традицию⁴.

Кроме того, долгое время (вплоть до объединения в 1832 г.) существовала еще одна интересная особенность Глубокое – разделение на две части с идентичным названием: частновладельческое местечко (принадлежавшее до 1622 г. Зеновичам, позже Радзивиллам, с 1832 г. Витгенштейнам) и духовное местечко, которые принадлежали к разным административно-территориальным единицам. Эта «двупанскость» сыграла свою роль и в расселении евреев в Глубоком: им позволялось жить на территории именно частновладельческого местечка.

Глубокое всегда существовало на перекрестье разных культурных традиций. Для местечка был характерен смешанный этнический (евреи, белорусы, поляки, татары, цыгане) и конфессиональный (иудеи, католики, униаты, а после 1839 г. и православные, мусульмане) состав населения.

Вид на костел Св. Троицы с колокольни собора Рождества Пресвятой Богородицы (современный вид)

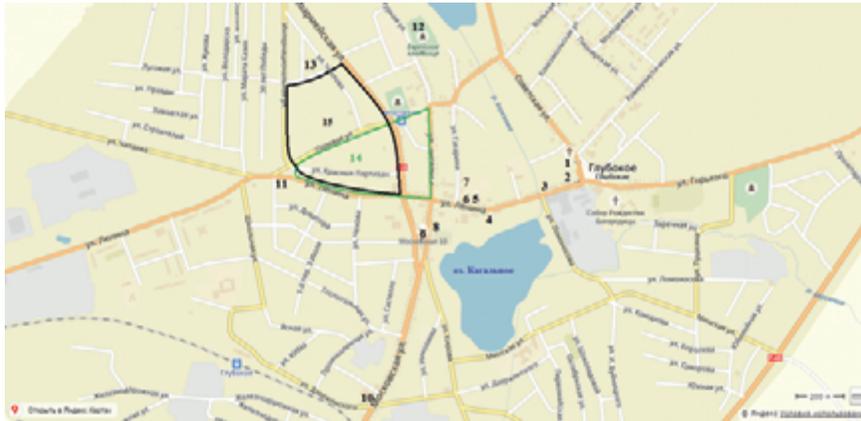
Вид на костел Св. Троицы с колокольни собора Рождества Пресвятой Богородицы (современный вид)

Вид на костел Св. Троицы с колокольни собора Рождества Пресвятой Богородицы (Фото Леонарда Рачицкого, 1931 г.)

История еврейской общины Глубокого уходит корнями, по крайней мере, в XVII век; участниками эпитафического потока на еврейском кладбище была найдена одна из старейших мацев Белоруссии, датированная 1708 г. Численность ев-

рейского населения в местечке на протяжении трех столетий постоянно возрастала, в том числе и по сравнению с христианским населением, достигнув согласно переписи 1897 г. 3917 человек (70,4% от всего населения местечка)⁵.

*Карта Глубокого с расположением еврейских объектов (сост. М. Коженевская).
1 – молитвенный дом,
2 – молитвенный дом,
3 – молитвенный дом,
4 – аптека Фейертага,
5 – магазин металлических изделий Янкеля Шейнкера,
6 – кинотеатр, принадлежавший еврею, 7 – хедер,
8 – синагогальный двор (включал в себя Большую синагогу, микву, молитвенный дом, Талмуд-Тору), 9 – синагога,*

10 – паровая мельница Петра Мирмана, 11 – школа М. Раяк, 12 – еврейское кладбище, 13 – памятник жертвам Холокоста, 14 – территория гетто с октября 1941 г. до лета 1942 г., 15 – территория гетто с лета 1942 г. по август 1943 г.

Существование еврейской общины прочно вписано в историю местечка, что нашло отражение в рассказах наших современников – коренных глубочан и тех, кто давно живет в городе и проникся его традициями. Участникам этнографического потока посчастливилось записать ценные свидетельства о жизни еврейского Глубокого, семейные истории и представления о соседях-евреях, которые находят подтверждение в исторических и этнографических источниках. Так, яркой особенностью местного погребального обряда был специальный институт плакальщиц, которых нанимали, чтобы проводить усопшего в последний путь (память наших рассказчиков сохранила и ритуальный текст, которым сопровождался проводы покойного). При разрешении спорных вопросов еврейская община призывала в качестве независимого «судьи» христианина, и его мнение при разрешении конфликтной ситуации считалось решающим. Выявилась интересная подробность представлений о еврейских праздниках – когда приметы, обычно связываемые с осенним праздником Кущей, приурочиваются к еврейской Пасхе. Именно из таких деталей постепенно складывался цельный образ еврейского местечка, сохранившийся в памяти старожилов.

Еврейская тема колоритно отразилась и в местной топонимии: одно из озер в местечке, ранее называвшееся Глубоким, теперь носит название Кагальное (из-за расположенных поблизости зда-

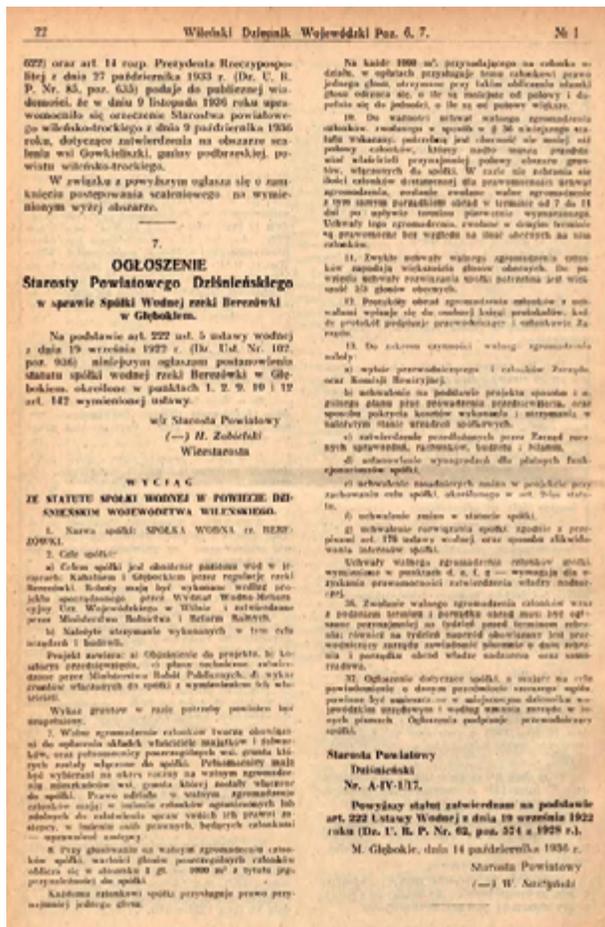
ний еврейской общины и, согласно народной молве, пока не подтвержденной документами, из-за того, что община в конце XIX в. стала брать озеро в аренду, или озеро было куплено евреями)⁶.

Глубокое было важным торговым центром, начиная с середины XVII в. здесь проводились в разные годы от трех до шести ежегодных ярмарок, не считая еженедельных базаров. Евреи играли ключевую роль в экономической жизни местечка (в сфере торговли, ремесла, рыболовного промысла и арендаторства).

Евреи составляли большинство среди мещанского населения местечка, что сказывалось и на весомом представительстве в городском самоуправлении в пореформенной Российской империи (несмотря на ограничительные законы для иудеев) и вплоть до середины 1930-х гг.

Еврейская община Глубокого была весьма заметна в социально-политической жизни местечка, так, например, на протяжении 1930-х гг. здесь выходили три газеты на идише, поддерживались постоянные тесные связи с большим землячеством глубоких евреев в США.

Трагическая история существования еврейского гетто в Глубоком в условиях немецкой оккупации до 20 августа 1943 г. (день окончательной ликвидации гетто) показывает, что еврейская община смогла даже в таких условиях создать рабочие места для евреев на различных предприятиях, открыть больницу, организовать питание для

«Ogłoszenie Starosty Powiatowego Dziśnieńskiego w sprawie Spółki Wodnej rzeki Berezówki w Głębokiem» (Wileński Dziennik Wojewódzki. № 1. 1937. S. 22)

нуждающихся. Бежавшие из гетто люди сплотились в еврейский отряд, участвовавший как самостоятельно, так в сотрудничестве с местными партизанами в сопротивлении.

После войны Глубокое разделило судьбу многих еврейских местечек, где замерла еврейская жизнь. Однако память о еврейском прошлом Глубокое сохранили многие местные жители, щедро делившиеся воспоминаниями с участниками экспедиции, за что мы им благодарны.

Композиция книги отражает комплексный подход в исследовании еврейских местечек: анализ собранных участниками школы материалов устной истории, фольклора и этнографии, изучение

Глубокое. Улица Замковая. Фото 1915 г. (<http://shtetle.co.il/Shtetls/glubokoe/edidovich.html>)

Глубокое. Улица Докишицкая. Фото 1915 г. (<http://shtetle.co.il/Shtetls/glubokoe/edidovich.html>)

Герб Глубокое (<http://f-g.ru/images/gerb/Belarus/VitebskayaObl/GerbHlybokaje.png>)

данных некропостики и эпиграфики, сбор архивных материалов.

В первую часть сборника вошли статьи, посвященные истории Глубокое и его еврейской общины в разные исторические периоды и культурным особенностям региона. Книгу открывает статья *Виктории Мочаловой*, в которой прослеживается история местечка со времен Речи Посполитой и до XIX в. и освещается роль евреев в его развитии. *Инна Соркина* продолжает описание городской истории с XVIII до первой трети XX в., акцентируя внимание на социально-экономическом положении еврейской общины. *Маргарита Кожневская*, открывая страницы повседневности еврейского местечка на рубеже XIX–XX в., вводит в научный оборот новые архивные материалы. Статья известного американского исследователя *Сэмуэля Д. Кассова* о межвоенном штетле в Польше, переведенная на русский язык и помещенная в контекст сборника, позволила, с одной стороны,

Фото семьи Тиллес (Фотография из коллекции Д. Ротман)

выйти за границы истории отдельного местечка Глубокое и рассмотреть характерные черты предвоенного штетла, глобальные изменения, происходившие в нем в этот период, а с другой стороны – не покидать местечко Глубокое, поскольку исследование Кассова основано большей частью на глубокских материалах. Статья *Кирилла Гавриленко* помогает понять структуру функционирования еврейских погребальных братств Западной Белоруссии в межвоенный период. Завершает этот раздел статья *Михаила Крутикова*, посвященная переосмыслению модернистскими еврейскими поэтами, писавшими на идише, природных ландшафтов и пространства в целом в особом культурно-географическом регионе «Райсн» («Беларусь»).

Вторая часть книги посвящена изучению системы стереотипов, объяснительных моделей, мотивов и сюжетов, бытующих в местной культурной традиции, посредством которой локальное сообщество формирует образ города Глубокое. *Наталья Савина* выделяет основные повествовательные сюжеты, создающие образ города и отражающие его «городской текст»; среди городских сюжетов («торговый город», «гетто» и др.) важное место занимают евреи. Статья *Ольги Беловой* посвящена быту и повседневности Глубокое, запечатленным в рассказах местных жителей; память старожилов сохранила яркие черты еврейского

прошлого Глубокое, особенности соседского общежития в условиях поликонфессиональной среды, воспоминания о еврейских обычаях, обрядах и фольклоре. *Оксана Чёха* акцентирует внимание на местных народных легендах на библейские сюжеты, в которых заметную роль играет фигура еврея. Исследование *Юлии Бернштейн* знакомит с воспоминаниями еврейских подростков о гетто в Глубоком, записанными Архивом Шоа во второй половине 1990-х гг. В процессе подготовки публикации выяснилось, что некоторые свидетели жизни в глубокском гетто еще живы: они дополнили исследование ценными воспоминаниями, позволившими воссоздать эпизоды истории гетто, до сих пор не обнародованные, и предоставили фотографии из личных архивов. Составители выражают благодарность Якову Романовичу Суховольскому за помощь в работе над сборником.

В третьем разделе опубликованы избранные интервью с жителями Глубокое с комментариями собирателей. Один из рассказчиков делится с *Оксаной Чёхой* воспоминаниями о военных годах, *Андрей Мороз* публикует историю одного дома, рассказанную его владельцем, в которой отразилась история Глубокое. Представления иноэтничных соседей о еврейских праздниках нашли отражение в публикуемых *Анастасией Головиной* фрагментах интервью, в которых затрагивалась тема

народного календаря. *Анна Скопина* сопоставляет рассказы двух своих собеседников, одна из которых, еврейка по происхождению, выбрала православную религиозную традицию, а другой, белорус, интересуется иудаизмом и практикует кашрут.

Следующий раздел книги посвящен еврейскому кладбищу в Глубоком. В ходе работы были полностью зафиксированы различные параметры этого

кладбища: определена территория, учтено количество памятников, составлен каталог захоронений и мацев, собраны тексты эпитафий и т.п. В этот блок включена статья *Михаила Носоновского*, рассматривающего эпитафии на еврейском кладбище в Глубоком как исторический источник и явление культуры, а также подготовленный *Александрой Фишель* и *Михаилом Васильевым* каталог надгро-

Еврейское кладбище

Камни с еврейского кладбища использовались для строительства, устройства ограждений и пр. Сейчас многие из них возвращены на кладбище

Озеро Кагальное

бий, обнаруженных в ходе исследования кладбища. Каталог представлен в виде алфавитного именного указателя, в котором содержатся сведения о почти 600 сохранившихся надгробных памятниках и их фрагментах. Подробный план кладбища с обозначением памятников и их нумерации приводится на заднем форзаце сборника.

Завершает книгу раздел, объединивший архивные материалы по истории Глубокого; многие из них переведены с польского и немецкого языков и впервые вводятся в научный оборот. «Список домовладельцев местечка Глубокое за 1921 г.» и «Список владельцев промышленных и торговых предприятий в местечке Глубокое (1923 г.)» хранятся в составе фонда Дисненского поветового староства Виленского воеводства Зонального государственного архива г. Молодечно и важны для понимания общественно-экономической, политической и культурной жизни еврейской общины Глубокого в межвоенный период. Выдержки из «Памятных книжек Виленской губернии» 1890–1910-х гг. дают нам сведения о евреях – жителях местечка Глубокое. Материалы из протоколов заседаний Глубокского РК и Дисненского УК КП(б)Б (январь 1940 г. – май 1941 г.) хранятся в фонде Глубокского районного комитета Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии в Государственном архиве Витебской области и являются ценным источником биографического характера. Оригинал и перевод «Распоряжения о привлечении к труду, питанию и оплате труда евреев от 16 сентября 1942 г.» гебитскомиссара Глубокского округа отражает специфику положения еврей-

*Мельница,
ул. Держинская, 1
(раньше Варшавская, 1),
в начале XX в.
владел Петр Мирман*

ского населения на оккупированной территории. А опубликованная следом подборка фотографий из жизни еврейского гетто в Глубоком из архива Мемориального музея Холокоста (the United States Holocaust Memorial, Washington) является уникальным визуальным источником для изучения темы Катастрофы в Глубоком.

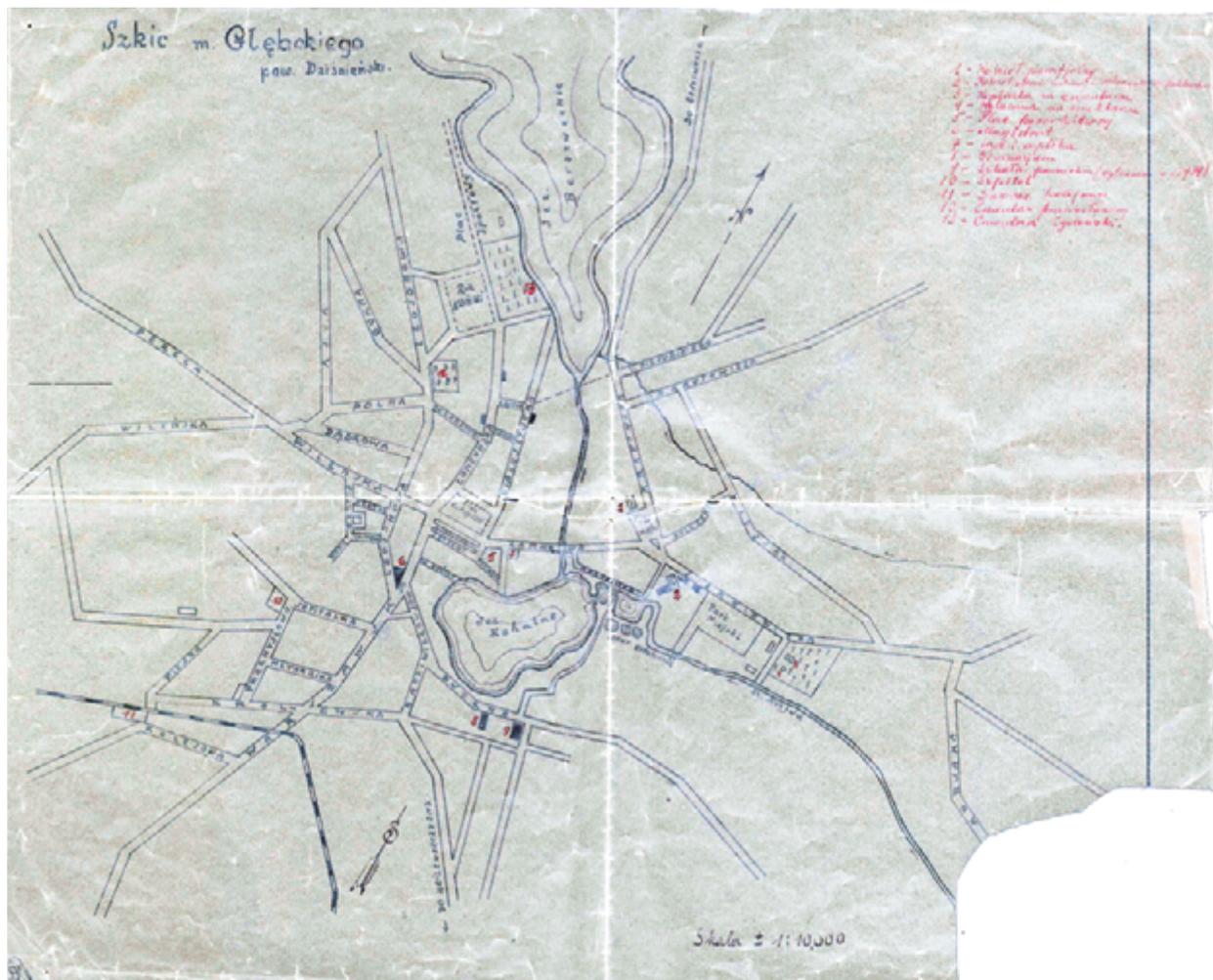
Авторы и составители сборника «Глубокое: память о еврейском местечке» выражают надежду, что их вклад в изучение истории и культуры евреев Восточной Европы послужит делу сохранения еврейского культурного наследия.

Мы надеемся также, что серия изданий, отражающая результаты региональных по содержанию и комплексных по методике исследований, и в дальнейшем будет вводить в научный оборот новые данные по истории и культуре евреев и наглядно представлять современное состояние еврейской традиции в местах, где прежде эта традиция во многом была доминирующей.

Хочется верить, что книга, посвященная еврейскому Глубокому, истории межэтнических контактов, запечатлевшейся в народной памяти и памятниках материальной культуры, будет востребована как специалистами (историками, этнографами, фольклористами), так и широким кругом читателей, неравнодушных к истории еврейского народа и его культурным традициям.

Ольга Белова, Ирина Копченова

Статья написана по гранту РНФ № 15-18-00143 «Проблемы межэтнических контактов и взаимодействий в текстах устной и письменной культуры: славяне и евреи».

Карта местечка Глубокое 1930-х гг. (<https://polona.pl/item/56683862/0/>)

1 – костел, 2 – костел (современная церковь) и строения около него, 3 – часовня на кладбище, 4 – колонна на кладбище, 5 – территория бывшей церкви, 6 – магистрат, 7 – суд и аптека, 8 – гимназия, 9 – начальная школа, 10 – больница, 11 – железнодорожный вокзал, 12 – православное кладбище, 13 – еврейское кладбище

Примечания

- ¹ Желудок: память о еврейском местечке / Отв. ред. И. Копчёнова. М., 2013; Лепель: память о еврейском местечке / Отв. ред. С. Амосова. М., 2016.
- ² С 2003 г. Центр «Сэфер» проводит полевые школы по еврейской этнографии и эпиграфике для студентов, аспирантов и молодых исследователей в области иудаики в Белоруссии, Грузии, Латвии, Литве,

Молдавии, России, Узбекистане и Украине: Крым (2003–2005), Тамань (2004, 2007), Тульчин (2005), Балта (2006), Могилёв-Подольский (2004, 2007), Черновцы (2007), Невель (2008), Бершадь (2008), Ужгород (2008), Кишинёв, Бельцы (2008, 2011, 2012), Ивано-Франковск (2009, 2010), Бухара, Самарканд (2001), Желудок (2012), Краслава, Субате, Лудза, Зи-

лупе (2012, 2014), Биржай (2013, 2014), Тбилиси, Гори, Сурами, Кутаиси, Цагери, Кулаши, Лайлаши (2013), Лепель, Чашники, Ушачи (2014), Смоленск, Рославль, Любавичи, Петровичи, Монастырщина, Шумячи (2015, 2016), Сураж, Мглин и Унеча (2016), Бешенковичи (2016).

Материалы экспедиций представлены в изданиях: Утраченное соседство: Евреи в культурной памяти жителей Латгалии. Материалы экспедиций 2011–2012 гг. / Отв. ред. С. Амосова. М., 2013; Страницы истории и культуры евреев Грузии: по следам экспедиции 2013 г. / Отв. ред. М. Членов. М., 2014; Евреи на карте Литвы: Биржай. Проблемы сохранения еврейского наследия и исторической памяти / Отв. ред. И. Копчёнова. М., 2015; Утраченное соседство: Евреи в культурной памяти жителей Латгалии. Часть II / Отв. ред. С. Амосова. М., 2016.

³ Школа-экспедиция проходила 22–30 июля 2015 г., в ней приняли участие этнографы и эпиграфисты (30 студентов, аспирантов, исследователей из Бреста, Воронежа, Глубокого, Гродно, Киева, Минска, Милуоки, Мичигана, Москвы, Нижнекамска, Санкт-Петербурга и Черновцов), а также местные краеведы и волонтеры. Работа экспедиции была организована при поддержке Genesis Philanthropy Group, UJA Federation of NY, Российского научного фонда и Rothschild Foundation Europe.

Работой этнографического потока (10 участников) руководили Ольга Белова (д.ф.н., ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН) и Андрей Мороз (д.ф.н., профессор Российского государственного гуманитарного университета).

Команду эпиграфистов возглавляли д-р Михаил Носоновский (Висконсинский университет в Милуоки), Михаил Васильев (РАНХиГС), Александра Фишель (Институт восточных рукописей РАН). Участники эпиграфического потока (11 человек) занимались описанием еврейского кладбища (чтением и расшифровкой эпиграфий, каталогизацией памятников). За время экспедиции эпиграфистами было сделано настоящее открытие: найдены несколько мацев 1720-х г. за оградой кладбища, а в конце экспедиции и одна из старейших мацев в Белоруссии – стела, сделанная из мельничного жернова и

датированная 1708 г. Это открытие сразу привлекло внимание как местной, так и зарубежной прессы.

Академическая часть программы школы состояла из лекций по истории и культуре региона, которые прочли слушателям специалисты (историки, этнографы, фольклористы, идишисты): А. Мороз «Еврейский город без евреев»; И. Соркина (Европейский гуманитарный университет (Вильнюс)) «Феномен поликультурности местечка Восточной Европы (на примере Глубокого)»; Михаил Крутиков (Мичиганский университет) «Райсн: Беларусь в еврейской культуре XX в.», «История штетла»; В. Петрухин (Институт славяноведения РАН) «Судьбы евреев в средневековой Руси. От “кенаанитов” к “жидовствующим”»; О. Белова «Этнокультурные контакты славян и евреев на Витебщине: этнографические источники XIX – начала XX в. и современные полевые материалы».

За время экспедиции этнографы записали более 75 интервью продолжительностью 120 часов, эпиграфисты завершили каталогизацию еврейского кладбища Глубокого (описано 596 мацев).

На основе материалов школы был создан фильм (авт. В. Корабельникова <http://sefer.ru/rus/video/programmes/7779/>), подробная информация о школе размещена на сайте www.sefer.ru.

⁴ *Hedemann O. Głębokie – szkic dziejów. Wilno: Nakładem Oddziału Polskiego Towarzystwa Krajoznawczego w Głębokiem, 1935. Пер. на белорус. яз.: Гедеман О. Глыбокае. Гістарычны нарыс / Пер. з польскай мовы М. Гіля. Паставы; Глыбокае, 2012; Khurbn Głubok (The Destruction of Globokie) / [Ed.] M. and Z. Rajak. Buenos Aires, 1956; Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Глыбоцкага на раёна. / Гал.рэд.: Б. Исачанка і інш. Мінск, 1995.*

⁵ По результатам переписи 1989 г. количество евреев в городе 38 человек (0,1% городского населения). См. «Шлях перамогі» за 18 верасня 1990 г. Сейчас в городе проживают около 10 евреев.

⁶ Так в статье «Ogłoszenie Starosty Powiatowego Dziśnieńskiego w sprawie Spółki Wodnej rzeki Berezówki w Głębokiem» (Wileński Dziennik Wojewódski. 1937. № 1. S. 22) цитируется устав Водного Товарищества 1922 г., в котором уже зафиксировано название «Кагальное».

Участники школы-экспедиции в Глубоком 2015 г.

Участники школы-экспедиции в Глубоком 2015 г. у здания Глубокского историко-этнографического музея

Благодарности

Публикация сборника стала возможной благодаря финансовой поддержке Genesis Philanthropy Group, UJA Federation of NY, Российского научного фонда, Rothschild Foundation Europe.

Выражаем огромную признательность за помощь в проведении полевых исследований в Глубоком и подготовке сборника:

- главному инициатору изучения еврейской истории города Глубокого Маргарите Коженевской – глубочанке, выпускнице аспирантуры Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, которая подала идею проведения школы в этом регионе и является автором статьи и публикатором многих архивных документов в этом сборнике;
- Глубокскому районному исполнительному комитету за всестороннюю помощь в проведении школы и лично Олегу Викторовичу Морхату, Татьяне Леонидовне Молотовник, Галине Владимировне Унукович, Людмиле Фёдоровне Карнилович, Татьяне Викторовне Працук и Анжеле Николаевне Внучкиной;
- Юрию Петровичу Колбасичу – учителю Глубокской детской художественной школы им Я. Дроздовича, который не только познакомил нас со всеми значительными архитектурными памятниками города во время экскурсий, но и помогал искать информантов, собирать материалы для сборника и всегда был готов ответить на все наши вопросы;
- научным сотрудникам Глубокского историко-этнографического музея Елене Николаевне Мяделец и Владимиру Анатольевичу Мирончику за прекрасную экскурсию по краеведческому музею для участников школы-экспедиции;
- ученикам средней школы № 3 и Глубокской районной гимназии, которые в разгар каникул трудились наравне с участниками экспедиции на еврейском кладбище;
- Мемориальному музею Холокоста (Вашингтон, США), предоставившему на безвозмездной основе большую коллекцию фотографий, посвященную гетто в Глубоком;

- Якову Романовичу Суховольскому (Калининград) за помощь в работе над сборником и за фрагменты воспоминаний, с которыми он нас познакомил;
- Деборе Ротман (Рочестер, штат Нью-Йорк, США), чья семья происходит из Глубокого, которая поделилась с нами семейными фотографиями и участвовала в редакции сборника;
- Стэну Фелсону (Залману Фейгельсону) и его семье (Нью-Йорк, США), которые поделились с нами фотографиями из личной коллекции.

Жители Глубокого бережно хранят память о своих соседях и воспринимают историю еврейской общины города как часть своей собственной истории и культуры.

Рассказчики, фрагменты интервью с которыми использованы в этом сборнике и которым участники школы-экспедиции выражают самую глубокую благодарность:

Адамович Ванда Феликсовна, 1934 г.р.
 Бондарь Игорь, 1966 г.р.
 Бобровская Евгения Петровна, 1937 г.р.
 Ботяновская Янина Мечиславовна, 1930 г.р.
 Буда Янина Константиновна, 1930 г.р.
 Войнич Людмила, 1941 г.р.
 Вольнец Петр Владимирович, 1930 г.р.
 Гулько Вероника Ивановна, 1942 г.р.
 Долгая Галина Владимировна, 1934 г.р.
 Долманова Галина Петровна, 1932 г.р.
 Дрозд Зоя Викентьевна, 1926 г.р.
 Дрозд Ольга Викентьевна, 1922 г.р.
 Дубровская Вера Александровна, 1936 г.р.
 Ежинин Дмитрий Никандрович, 1953 г.р.
 Зевалин Владимир Александрович, 1927 г.р.
 Зевалина Лидия Викторовна, 1928 г.р.
 Зязюля Мария Константиновна, 1929 г.р.
 Каротчик Таисия Ивановна, 1932 г.р.
 Козел Алина Павловна, 1941 г.р.
 Козел Георгий Петрович, 1938 г.р.
 Козел Леонила Алексеевна, 1929 г.р.
 Козловская Анна Францевна, 1927 г.р.
 Колбасич Мария Владимировна, 1940 г.р.
 Коллонтай Анна Константиновна, 1927 г.р.

Конюх Лидия Фёдоровна, 1947 г.р.
 Кухто Ванда, 1937 г.р.
 Лавринович Иван Николаевич, 1961 г.р.
 Маслова Людмила Перфильевна, 1937 г.р.
 Михалевич Галина Федоровна, 1949 г.р.
 Орехва Глафира Петровна, 1933 г.р.
 Орехва Иван Ипполитович, 1931 г.р.
 Парфенович Александр Васильевич, 1931 г.р.
 Парфёнов Олег Борисович, 1969 г.р.
 Пашкевич Лидия Ивановна, 1946 г.р.
 Пашкович Клавдия Тимофеевна, 1921 г.р.
 Перепечко Вера Степановна, 1926 г.р.
 Платончик Вера Васильевна, 1933 г.р.
 Поздняков Геннадий Фёдорович, 1943 г.р.
 Полидовец Иван Юлианович, 1939 г.р.
 Радиш Валентина Устиновна, 1946 г.р.
 Ромашко Сальвина Аркадьевна, 1928 г.р.
 Севицкая Таисия Никифоровна, 1942 г.р.
 Скработун Владимир Иванович, 1955 г.р.
 Сорокина Мария Александровна, 1928 г.р.
 Татыржа Иван Антонович, 1934 г.р.
 Татыржа Зоя Иосифовна, 1936 г.р.
 Телеш Нина Кирилловна, 1923 г.р.
 Храповицкая Клавдия Васильевна, 1932 г.р.
 Чешун Алина Ивановна, 1933 г.р.
 Чухарева Алина Михайловна, 1930 г.р.
 Шаробайко Александр Фёдорович, ок. 1950 г.р.
 Шнейвайс Владимир Лазаревич, 1948 г.р.
 Шнейвайс Маргарита Яковлевна, 1957 г.р.
 Якубовская Лидия Ивановна, 1946 г.р.

В экспедиции в Глубоком работала международная команда, благодаря знаниям, упорству, трудолюбию, самоотверженности и верности академической иудаике которой и состоялся этот проект:

Александра Киселёва (Москва)
 Нина Антонова (Москва)
 Ольга Белова (Москва)
 Михаил Бессмертный (Москва)
 Михаил Васильев (Москва)
 Юлиан Верхолевский (Минск)
 Мария Вологжанина (Санкт-Петербург)
 Кирилл Гавриленко (Брест)
 Анастасия Головина (Москва)
 Алексей Жбанов (Берлин)

Татьяна Журавлева (Черновцы)
Раиса Зенюк (Минск)
Михаил Каранаев (Нижекамск)
Анна Кирзюк (Санкт-Петербург)
Маргарита Коженевская (Глубокое)
Ирина Копченова (Москва)
Александр Котик (Санкт-Петербург)
Михаил Крутиков (Мичиган)
Виктория Кухтина (Москва)
Юлия Лень (Минск)
Андрей Мороз (Москва)

Михаил Носоновский (Милуоки)
Николай Омонов (Москва)
Владимир Петрухин (Москва)
Борис Рашковский (Москва)
Наталья Савина (Москва)
Анна Скопина (Санкт-Петербург)
Инна Соркина (Гродно)
Ксения Фетискина (Санкт-Петербург)
Александра Фишель (Киев)
Елена Чернякова (Томск)
Оксана Чёха (Москва)

14.	21.	Михайла Мовинович.	2.	47
15.	22.	Кашинъ Радоновичъ Ресень.	4.	34
16.	19.	Абрамъ Рабиновичъ.	1.	20
17.	23.	Нахонъ Рапопортъ.	3.	51
18.	24.	Радоинъ Берковичъ Ресень.	2.	5.
19.	26.	Дверка Добыдова Фридриманова.	17.	7
20.	27.	Дверка Фридриманова.	3.	31
21.	"	Дарка Кеихъ Стрениъ	1.	2
22.	24.	Кашинъ Михайловичъ Барканъ.	14.	74
23.	30.	Мейданъ Фоксиковичъ Мундлингеръ.	3.	4

Очерки истории и культуры

Улица А. рыцка.

24.	32.	Овсей Берковичъ Фришманъ.	3.	70
25.	33.	Овсей Мухомировичъ Фришманъ.	5.	30

Улица Заиковая сторона правая

26.	34.	Алексей Берковичъ Тордонъ.	2.	27
27.	35.	Юда Берковичъ Каранъ.	3.	4.
28.	36.	Мейеръ Фоксиковичъ Вунс.	2.	42
29.	38.	Айба Маргуховичъ Тра.	1.	6.
30.	40.	Нохимъ Турмановичъ Соковъ.	1.	40
31.	42.	Зайна Абрамовичъ Дасентъ.	1.	3.

Виктория Мочалова

Глубокое – страницы истории

У города Глубокого¹, – в наши дни это районный центр в Витебской области Республики Беларусь, – довольно необычная и прихотливая история: две его части принадлежали разным владельцам, которые менялись на протяжении веков; он попеременно менял свою геополитическую принадлежность – входил в состав разных государств: Великого княжества Литовского (ВКЛ), а после его объединения в 1569 г. с землями польской Короны – Речи Посполитой, Российской империи (с 1792 г.), Польши (1921–1939), СССР (в составе Белорусской Народной Республики, ныне – Республики Беларусь – с 1939 г. по настоящее время); неоднократно становился местом кровавых военных столкновений, в связи с которыми его посещали высокопоставленные особы; он фигурировал в разного рода исторических сочинениях и дипломатической переписке.

В «Литовской метрике» Глубокое названо «имением в Дисненском повете разных владельцев»²; в документе 1555 г. название города возводится к одноименному озеру: «По которому озеру и двор Его Милости Пана Старосты Глыбоким зовут»³, в позднейших историко-географических словарях

это не оспаривается, но иногда добавляется и связь названия с низиной. В многотомной краеведческой энциклопедии – «Географическом словаре Царства Польского и других славянских стран», выходявшем в течение многих лет (1880–1914), – Глубокое описано как местечко Дисненского уезда, расположенное над озером того же названия, в 233 верстах от Вильно, у почтового тракта, соединяющего Вилейку с Дисной. Здесь отмечено, что Глубокое состоит как бы из двух не одинаковых по размеру местечек, разделенных рекой, впадающей в озеро⁴. «Глубокое – так называется город по низине, окружающей озеро, у которого он располагается, построен из дерева, от Вильно лежит в 30 верстах, от Дисны – в 10»⁵; «Местечко Глубокое... в 233 верстах от Вильны и в 63 верстах от Дисны; расположено оно между двумя озерами; небольшая речка, протекающая из одного озера в другое, разделяет местечко на две неравные части. Глубокое лежит в глубокой долине, отчего, быть может, и получило свое название»⁶.

Собственно городом Глубокое стало лишь в 1940 г., а до этого считалось местечком, поло-

тилось в город – путем естественного разрастания и в результате социально-экономических перемен. Оно стало – вследствие возведения монастыря кармелитов – центром религиозной жизни крупного региона¹¹, вследствие же устройства ярмарок – местом обмена сельскохозяйственной продукцией и ремесленными товарами. В данном случае и костел, и ярмарка стали факторами развития города¹². Облик и судьбы двух различных частей Глубокого также были различны и обусловлены характером, пристрастиями и занятиями представителей каждого из двух владельческих родов.

Глубокое Зеновичей

Представители рода Зеновичей, как полагают исследователи, переселились в Литву из Сербии или Молдавии¹³ со своим княжеским титулом Деспоты¹⁴ и топонимическим эпитетом Братошинские (то есть из Братошина, местечка в Молдавии) уже в начале XV в. и вскоре заняли видное положение в литовском обществе¹⁵.

Весьма интересные сведения о роде Зеновичей можно почерпнуть из такого источника, как гербовники. Автор знаменитого ренессансного гербовника польской шляхты, Бартош Папроцкий (1543–1614), описывает «бриллиант Литовского княжества, стародавний род Зеновичей, которые в старых документах именуется Деспотами по титулу славных и мужественных сербских князей Деспотов, потомок которых в наше время с помощью Ольбрахта Лаского¹⁶ завоевал Валахскую землю. К той же семье принадлежал рыцарь Зена Бартошевиц¹⁷, муж, алчущий доброй славы; узнав о частых битвах с неприятелем в этих литовских краях, принял в них участие и добился весьма больших заслуг, что принесло ему большое состояние... Витольд¹⁸ даровал ему земли длиной окружности в 50 миль, от Мыссы до Сморгони»¹⁹. Видимо, под «заслугами» автор подразумевает участие родоначальника рода Зеновичей и его сына в Грюнвальдской битве (1410), что было вознаграждено поместьями, занимавшими пространство между Припятью, Дисной и Мыссой, куда входит и Глубокое.

Родовой герб Зеновичей («половина кольца, отверстием обращенная вниз наподобие радуги, на вершине его крест; сидящий на шлеме ворон (Слепворон) держит в клюве перстень с драгоценным кам-

нем») позднейший исследователь геральдики называет гербом «молдавского деспота Зеновича, который, быв стесняем турками, прибыл в 1390 г. к Витовту Литовскому и поселился в его владениях»²⁰.

О земельном даре Витовта мы узнаём косвенным путем (подлинник дарственной грамоты до нас не дошел, сохранились только списки)²¹, в первую очередь – из завещаний представителей рода. Юрий (Ежи) Зенович (ок. 1510–1583) в написанном им в 1582 г. завещании передает Глубокое своей супруге, Ганне Служчанке, называя его своим наследственным владением («*именье мое власное отчинное Глубоко*») и давая подробное его описание: «Лежачое в повете Ошменском, двор з будованем дворным, з гумнами, з житом, збожем всяким, в гумне зложоним молочоним и не молочоним и на полях засеяным, и в клетях зсыпаным, з местом, з мещены глибоцкими, з бояры и их меньями, которые оселости свои в том именью моем мают, з селы того именья, з людьми осадными тяглыми, с платы гиошовыми и медовыми, з службою з бояр, з людей осадных и тяглых належачою, з огороды овощовыми, грунтами оремыми, з сеножатмы, с пушою, боры, лесы, гаи, ставы, сажавьками, озеры и реками в них, з ловы рыбными, з млынами и их вымелками, з ловы зверыными и пташыными, бобровыми гоны и зо всим на все так, яко се само в себе тое именье в пожитках и обыходех своих здавна мело и теперь мает». Спустя оговоренное в завещании время «тое именье мое Глыбокое» супруга должна была передать «сыну моему, пану Крыштофу Зеновичу». Ежи при этом ссылается на сохранившиеся наследственные дарственные грамоты – «Листы привилея *на именья мои вси отчызныя и дедичныя* [наследственные] тые суть в захованю вси на певну клетех скарбных», – которые тоже следует передать сыну Крыштофу²².

Последний, в свою очередь, в своем написанном в Глубоком завещании (1611) придает дарственному документу – *привилею* – важное значение: «Шляхетский долг – не только гордиться славой и величием своих предков, но и тщательно, хорошо и надежно хранить заслуженные ими награды, которые они, проливая кровь и не щадя живота своего в борьбе со всяким врагом Речи Посполитой, передали своим потомкам, то есть привилей и имущество, в нем описанное. Такие

привилеи, которые, по милости Божьей, у меня есть, не только заслуживают тщательного сохранения, но и достойного и глубокого почитания, я, с Божьей помощью, храню в целости в каменном склепе в Сморгони, в белой дубовой шкатулке. Самый ценный там – привилей на пергамене Витольда, или Александра, с большой княжеской печатью, а на обороте – частная печать и подпись самого Витольда, Литовского Князя (что есть не в каждом привилее), и большая редкость – иметь в шляхетском доме дарованный в 1414 году привилей нашему предку Зену Братошевичу». Кшиштоф заклинает своего сына Миколая/Николая и его потомство тщательно хранить эту ценность, поскольку она – не только украшение их шляхетского дома, но и гарантия сохранности этого недвижимого имущества в роду в будущих трудных временах, наступление которых он предвидит²³. Эта дата первого письменного упоминания Глубокого в исторических документах – 1414 год – считается, согласно принятой традиции, и датой его основания, благодаря чему в 2014 г. отмечалось 600-летие города.

Хронологически следующее из дошедших до нас упоминание об этом владении Зеновичей, наследников Постава, Дисны, Мосаря и Глубокого, встречается уже в «Судных делах» Литовской метрики, свидетельствующих о том, что здесь нередки были местные конфликты и столкновения. Например, под 1514 г. записано «восемь судебных определений по обвинению Виленским воеводой Николаем Николаевичем Радзивилом... Юрия Зеновьевича – в нападениях на его имения, в совершении грабежей, убийств и разного рода насилий над его крестьянами», совершавшихся «старцами, наместниками и подданными» Зеновича, но также и им самим. В этих судебных документах содержится и ценное упоминание о существовании уже в 1514 г. в Глубоком ярмарки, с которой возвращается («с торгу з имения пана Юрьева з Глубокого») один из фигурантов очередного уголовного дела²⁴.

Огромные владения облегчают Зеновичам вхождение в круг самых влиятельных людей ВКЛ: начиная с XV в. нет ни одного важного события, в котором не принимал бы участия кто-нибудь из рода Зеновичей. Например, по свидетельству русской летописи, Зиновий Братошич был послом ВКЛ в Новгороде в 1412 г.²⁵; в 1495 г. великий ли-

товский князь (с 1492 г.) Александр Ягеллончик (в 1501–1506 гг. – польский король) посылает своего советника Юрия Зеновича (и других панов-раду) в Московское княжество в составе посольства, которому поручено привезти в Литву его невесту, княжну Елену, дочь великого князя московского Ивана III Васильевича²⁶.

В архивах сохранились письма короля Сигизмунда II Августа (1520–1572) к Ежи Зеновичу на разные темы, что подчеркивает его государственную значимость: уверение в своевременной выплате причитающейся ему денежной суммы (от 24.05.1564)²⁷; оповещение о заседании Сейма (от 15.10.1566)²⁸; приглашение в Гродно для приема московских послов (от 20.06.1567)²⁹, извещение о созыве общего Сейма в Гродно (от 13.03.1568)³⁰, о построении замка в Улле (от 05.09.1568)³¹ или оповещение о столь важном для истории Польско-Литовского государства съезде «сословий» по вопросу заключения унии между Короной и ВКЛ (от 20.10.1568)³². Король Сигизмунд III обращается к Кшиштофу Зеновичу за советом, как следует правильно поступить в связи и с появлением в Московском государстве первого Самозванца, и с проектом своего брака с австрийской принцессой.

Судя по сохранившимся архивным документам, представители рода Зеновичей постоянно принимали участие в военных действиях, недостатка в которых в XV–XVII вв. в этих краях не было³³. В 1442 г. отряды Зеновича и двоих Радзивиллов составляют главный контингент литовского войска в войне с Москвой, побеждая – под командованием гетмана Кишки – превосходящие силы противника³⁴; в 1500 г., во время русско-литовской войны (1500–1503) Миколай Зенович или гибнет в неравном бою с московским войском у реки Ведроши, или вместе с командующим польско-литовскими войсками великим гетманом Константином Острожским попадает в плен, как об этом свидетельствует хроника Быховца («Тогда был взят в плен гетман князь Константин Иванович Острожский, ...пан Николай Зеновьевич и иные многие паны») ³⁵; в 1559 г. Юрий Зенович (вместе с Яном Ходкевичем, «литовским Геркулесом») назначается командовать войском, направленным для занятия укрепленных замков³⁶.

Владельцы Глубокого принимали участие в военных столкновениях не только на своей терри-

тории. Так, сын Кшиштофа, Николай Богуслав Зенович³⁷, последний в своем роду из мужских наследников Глубокое, гибнет на войне с Турцией, в Хотинской битве (1621), как и гетман Ходкевич, и смертельно раненый там Петр Сагайдачный. Якуб Собеский, отец будущего короля Яна III Собеского, оставил описание его героической гибели: «Николай Зенович, каштелян Полоцкий, начальник одного отряда, муж славный по происхождению и лично много заслуживший республике, впал в середину врага в то время, когда слабо завязанный шлем упал у него с головы. Окруженный со всех сторон турками, которые наносили ему со всех сторон удары, он был изрыт многочисленными ранами. Когда же, по обращении турок в бегство, он, израненный двадцатью ранами, чуть живой был привезен на телеге в лагерь, то скончался на третий день, оставив великую славу своего имени»³⁸.

Зеновичи обладали не только воинскими доблестями. Заботясь о просвещении, Кшиштоф Зенович, человек высокой культуры³⁹, как его согласно характеризуют исследователи, собравший большую библиотеку (в основном, книги богословского содержания), в своем завещании оставляет ее сыну Николаю и его потомкам «как величайшую драгоценность», наказывая «не разбрасывать ее, но, даст Бог, и увеличивать»⁴⁰. Он также просит жену, сына и его потомство поддерживать основанный им кальвинистский храм в Глубоком, «дом Божий, дом молитвы», обеспечивая его присутствием хорошего, ученого и достойного священника, чтобы никогда не смолкали здесь псалмы и гимны во славу «Господа Бога нашего Иеговы». Кроме того, следует приглашать как в Сморгонь, так и в Глубокое⁴¹, бакалавров, хорошо обученных в свободных искусствах («in artis liberalibus»), чтобы они надлежащим образом воспитывали детей, за что «Господь Бог наш Иегова не отвратит своего милосердия, любви и лица от вас и потомков ваших»⁴².

Владение Зеновичей, принадлежавшее им еще в XVI в., путем наследования перешло к роду Радзивиллов: дочь погибшего Николая, Анна-София, в 1628 г. вышла замуж за князя Альбрехта-Владислава Радзивилла, принося в качестве приданого родовые земельные поместья, включая Глубокое. В некоторых исследованиях указывается

более поздняя дата перехода Глубокое к Радзивиллам – 1668 г.⁴³ О. Хедеманн предполагает, что их авторы принимают во внимание не год замужества Анны-Софии, а год ее смерти⁴⁴. Исследователь также отмечает, что еще до того, как Глубокое Зеновичей перешло к Радзивиллам, оно недолгое время принадлежало люблинскому каштеляну Франтишеку Зебжидовскому, ибо сохранилось упоминание 1627 г. о пожертвовании на храм в 20 км от Глубокое, внесенном Франтишеком и Анной, урожденной Зенович, Зебжидовскими из их «главного поместья, именуемого Глубоким, лежащего в ошмянском уезде»⁴⁵. Очевидно, Анна была первым браком за Зебжидовским, а лишь затем – за Радзивиллом. По-видимому, эта часть Глубокое сдавалась в аренду или под залог, ибо среди получивших ее таким путем временных хозяев в 1733, 1770 и 1794 г. поочередно упоминаются Якуб Шреттер⁴⁶, виленский епископ (с 1762 г.), просветитель и меценат Игнатий Массальский⁴⁷ и Кароль Хрептович⁴⁸, а в XIX в. Глубокое арендовал Валентий Брохоцкий, ветеран 1812 г. и участник восстания 1831 г.⁴⁹

Позднее в радзивилловской части Глубокое происходят очередные смены владельцев, повлиявшие на общий облик города. Последним из Радзивиллов (несвижской линии рода) наследником Глубокое был князь Доминик Радзивилл, погибший в 1813 г. от полученных в бою ран, воюя в составе войск Наполеона. Его единственная дочь Стефания Радзивилл (1810–1832), фрейлина русской императрицы Марии Федоровны, вышла замуж (1828) за князя Людвиг (Льва Петровича) де Виттгенштейна (1799–1866), бывшего флигель-адъютанта Александра I и Николая I, декабриста (по этой причине царь Николай демонстративно не присутствовал на их свадьбе, однако все же избавил своего флигель-адъютанта от участи остальных «заговорщиков»), внося Глубокое в качестве приданого – в дополнение к его другим обширным владениям, – а после ее безвременной смерти от чахотки оно осталось в его руках⁵⁰. Новые хозяева – Виттгенштейны – придали Глубокому уже совсем иной характер, с прежними польскими традициями не имеющий ничего общего. Наступил долгий период встраивания Глубокое в рамки российской государственности⁵¹.

Глубокое Корсаков

Другая часть Глубокое принадлежала роду Корсаков, одному из наиболее древних и богатых в Полоцком княжестве и в ВКЛ. В документах судебного процесса между Элиасом Корсаком и Михалом Сулистровским, тянувшегося с 1582 г., несколько раз упоминается «местечко Глубокое» с прилегающими землями. Судя по этим документам, претензии Сулистровского были судом отклонены, и в начале XVII в. Глубокое и окрестности вновь возвращаются к Корсакам⁵².

Юзеф (Иосиф) Львович Корсак Глубокский (1590–1643)⁵³, «потомок заслуженного рода и владелец обширных земель»⁵⁴, получил хорошее образование, владел несколькими европейскими языками. Он принимал участие в польско-московской войне (1605–1618), отличился в битвах за Смоленск в 1610 г., в походе королевича Владислава на Москву в 1617 г., и его верная служба королю и отечеству была щедро вознаграждена земельными наделами. Будучи православным, Юзеф Корсак под влиянием своего кузена, главы греко-католической церкви Рафаила Корсака (ок. 1599–1640), перешел в эту христианскую деноминацию, становясь горячим сторонником униатства. В 1628 г. этот мстиславский воевода и дисненский староста основал в Глубоком храм Святой Троицы⁵⁵, в 1638 г. – базилианский униатский монастырь в Березвечье⁵⁶, в 1639 г. – храм и монастырь босых кармелитов⁵⁷. В этом огромном каменном монастыре существовала библиотека, состоявшая из 3000 книг, собрания гравюр и географических карт, были устроены кабинет физики, аптека, больница, начальная школа и интернат для шляхетских детей на 12 учеников, были отведены специальные комнаты для приезжавших посетить это место⁵⁸.

Юзеф Корсак в 1643 г. умер бездетным и заранее оговорил в своем завещании, что его часть Глубокое и другие принадлежащие ему земли, «800 крестьянских дымов», приносящих доход в 100 тысяч злотых⁵⁹, переходят во владение духовных лиц и монастырей. Возможно, предчувствуя свою скорую, хотя и безвременную, кончину, Корсак несколько раз переписывал, «улучшал» свое завещание (в 1639, 1640 и в 1643 г.). Согласно его последней редакции, были созданы четыре фонда – для регулярных каноников в Вильно, для базилиан в

Памятник Юзефу Корсаку в Глубоком

Березвечье, для босых кармелитов в Глубоком и для белого, не монашествующего, священника в Глубоком. Босые кармелиты, помимо «местечка Глубокое со всеми мещанами, их землями и обязанностями», стали обладателями нескольких других земель и поместий, принадлежавших Корсаку. Он «отписал на костел из имения своего Залесья 21 уволоку земли с крепостными людьми; монастырю кармелитскому дал имения Мостовице, Свилу, Передолы. Та и другая фундація утверждены варшавскими сеймами 1641 и 1647 г. Впоследствии кармелитам принадлежало 15 громадных имений, приносявших 100 тыс. годового дохода. Монахов было до 30 человек, клириков до 50. Кармелиты содержали элементарное училище, конвикт на 12 беднейших учеников, библиотеку за 3 тысячи томов, физический кабинет

Березвечье на старой открытке
(<http://www.radzima.org/ru/foto/19497.html>)

Березвечье – современный вид

и аптеку; ежегодно они посылали в гродненскую католическую семинарию несколько клириков; 18 человек воспитывалось на их средства в березвечском 6-классном училище; 2 ученика ежегодно посылались в виленский университет. В их костеле был громадный орган; кроме того, они содержали 40 человек музыкантов, которые играли не только в костеле, но в праздничное время играли на балконе, устроенном над входными дверями костела. Крестьяне не допускались в этот костел, а должны были ходить в фарный (приходской. – В.М.), находящийся поблизости. При монастыре был обширный сад, а несколько ниже, при озере, выкопаны были большие сажалки, в которых разводилась разного рода рыба. Вообще кармелиты утопали в роскоши»⁶⁰.

Корсак также оговаривал суммы на содержание школы-интерната для бедных детей, больницы для бедных, на постройку часовен в усадьбах и т.п. Таким образом, – замечает О. Хедеманн, – завещание свидетельствует, что одним росчерком пера была создана огромная территория владений духовенства. Корсак не только поселил в Глубоком босых кармелитов, но и даровал значительные владения березвечским базилианам (в 1638 г.), а два других Корсака почти в это же время (1625) отписали Залесье виленским базилианам и пригласили францисканцев в Удело (1642). Если учесть, что в XVII в. духовенству были дарованы и другие земли (Докшице, Парафьяново, Тумиловичи и др.), то можно заметить, что в результате огромная территория дисненского уезда с центром в

Глубоком перешла в руки белого и черного духовенства, что в течение 200 лет оказывало мощное духовное и экономическое влияние на местное население⁶¹.

Нельзя сказать, что отношения между кармелитами и базилианами в течение этих двух веков складывались гармонично – между ними нередко были столкновения, доходившие даже до кровопролития. В основном предметом конфликтов становилось совместное пользование озерами и лесами⁶². В изученных Хедеманном архивах сохранилось много судебных дел, в которых кармелиты выступали в качестве ответчиков. В записях приходского глубокского священника под 1720 г. есть свидетельство, что кармелиты, желая обустроить земли четверых своих мещан, «из сада священника, разрушив ночью изгородь, выкопали фруктовые деревья и увезли в свой город»⁶³. Но и глубокские прихожане не оставались в долгу, сводя с кармелитами свои счета: в 1754 г. ожесточенные противники схватились за сабли и нанесли оскорбление своему врагу прямо в костеле, во время торжественного богослужения, производя «суматоху, шум, гвалт и оказывая непочтение к Господу Богу», после чего сели на коней и устроили стрельбу в городе. Хедеманн отмечает, что события такого рода были характерны для атмосферы жизни той эпохи, причем зачастую они отнюдь не противоречили религиозной вере и добродетели даже у непосредственных исполнителей подобных актов насилия: «Поступки людей следует рассматривать в контексте их эпохи»⁶⁴.

Кармелитская часть Глубокого по числу жителей почти в два раза уступала радзивилловской, которая была преимущественно торговой, густо населенной евреями, в то время как кармелитская отнюдь не была открыта для проживания евреев. Она носила характер не столько города, сколько центра религиозной жизни и управления обширными земельными владениями, она была в значительной степени монастырем и двором. Примечательно, что в XVIII в. именно так понималось соотношение обеих частей: в одном официальном документе 1765 г. говорится о городе Глубоком, «предместье которого относится к Полоцку (то есть к полоцкому воеводству), а сам город в ошмянском речушкой Березвицей ограничивается»⁶⁵. В налоговых списках в 1775 г. для Глубокого Радзивиллов употребляется термин «город», а для кармелитской части – «местечко».

Глубокое – театр военных действий

Еще Дмитрий Донской хотел отнять у Литвы Полоцк и Витебск «как свою отчину», Иван III говорил польским послам, что «отчина королевская есть земля польская, а русская (то есть русско-литовские земли) наша», и укорял своего зятя, великого князя литовского, а затем и польского короля в том, что он в Полоцке и других городах «божницы римского закона велел сильно ставить». Василий III считал все «русские» земли своим наследием и обещал его добыть: «Доколе конь мой будет ходить и меч рубить, не дам покоя Литве». Его сын, Иван Грозный, отказывался заключать предлагавшийся польским королем Сигизмундом II Августом (1520–1572) «вечный мир», поскольку «за королем наша отчина извечная: Киев, Волынская земля, Полоцк, Витебск и многие другие города русские, так пригоже ли с королем мир заключать!»⁶⁶.

Во время Ливонской войны (1558–1583 гг.) Иван Грозный взял «ключ Ливонии и Литвы» – Полоцк (1563), и его войска заняли большие территории на запад от этого города, в том числе – Глубокскую волость⁶⁷. Сигизмунд II Август в своем письме царю (от 14.09.1563) упоминает и Глубокое как населенный пункт, страдающий от военных действий: «От людей твоих с Полоцка волостям нашим и князьям, панам, боярам, дворянам и поданным нашим многие и великие кривды и шкоды

деются... жалобы к нам приходили, иж из Полоцка московские ж люди, переходячи Двину на другом местцу, в многие места и села бояр и дворян наших Бобыничи, Глубокое, Березвечо... и во иные именья и села уступают и посягают, и людей на присягу приводят, а иных в полон з статками [имениями] их берут... завжды наших людей войною нищат». Король отмечает, что и в спокойное, не военное время войска Ивана IV «посягают, присягами, войною и иными причинами под розказанье [подданство] твое приворочают»⁶⁸.

Помимо этих действий, как отмечал О. Хедеманн, царские власти спешили освоить добытые территории, изгоняя законных владельцев и раздавая их земли своим «служилым людям»⁶⁹. В том же 1563 г. начались описи новоприобретенных территорий, входящих в состав полоцкого уезда, в их числе – и глубокская волость, что отражено в так называемых «Писцовых книгах», кадастрах населения и земельных участков⁷⁰. В одной из таких книг – «Книге рубежей» – очерчены границы занятых Москвой территорий: от Уллы, Лукомля, через Глубокое («Глубоцкую Слободу»), Березвечье, вдоль реки Березвицы до реки Дисны, а по этой реке до Двины⁷¹. С такой границей не соглашался Сигизмунд Август, прочерчивая другую, идущую восточнее Глубокого.

Мирные переговоры шли тяжело, обе стороны выдвигали различные взаимные обвинения. Послы Речи Посполитой должны были оценить нанесенный войной урон, о чем Сигизмунд Август извещает в своем письме от 19 мая 1565 г. к гражданам ВКЛ, «которым се кривда от жолнеров деет [наносится солдатами обида], посылаючи ревизоров на огледанье кривд и шкод, им сталых». Король призывает «князей, панов, воевод, старост, княгинь, пань, арендаторов, наместников, тивунов, бояр и дворян наших, войтов, бурмистров, радцев и всех урядников наших... в нашем Великом Княжестве Литовском, начиная от Вильни до Мяделя, до Дунилович, до Глубокого, аж по Дисну замок, а через Дисну вниз Двины по Дыномборк [Динабург] и по дороге великую, которая идет на Солоки до Лифлянт [Лифляндия, Ливония] с Вильни, а оттоль дорогою аж назад до Вильни», сообщать его посланцам, призванным объехать все упомянутые земли, о всяком причиненном ущербе, притеснениях и пр., чтобы на основании со-

ставленных посланцами реестров была осуществлена надлежащая компенсация⁷².

Вся эта «бумажная война, перемежающаяся военными действиями», как ее называет О. Хедеманн, продолжалась и после смерти Сигизмунда Августа. Как следует из дипломатической переписки этого времени, Иван IV представлял Полоцкое княжество как исключительно свою вотчину: «А Полотцкое княжество также Бог нам поручил, за неправду брата нашего Жигимонта [Сигизмунда] Августа короля, что вступился в нашу отчину Лифлянскую землю. И ныне Божья воля ссталася, брата нашего Жигимонта Августа короля в животе не стало, и той вотчине Полотцкой вотчича оприч нас никого нет. А государь ваш той вотчине не есть вотчичь». Далее царь Иван перечисляет города «с волостями», которые, по его мнению, принадлежат ему по праву: Лукомль, Чашники, Бобынич, Голубич, Улла, Дисна и др., и «весь Полотцкий повет»⁷³.

Однако новый (с 1576) польский король, Стефан Баторий (1533–1586)⁷⁴, продолжил военные действия и выдвинулся против Ивана IV на следующем этапе Ливонской войны. В «Хронике» (1582) Мачея Стрыйковского отмечается, как после совещания с литовскими панями в Вильне король выехал в последний день июля 1579 г. в Свир для подготовки войск, которые там были собраны: «Оттуда же король направился через Глубокое и Поставы к Дисне, а потом к Полоцку»⁷⁵.

В августе 1579 г. войска Батория освободили Полоцк от московских войск, и эта победа воспевалась во множестве исторических, литературных и пропагандистских текстов, прославляющих короля-победителя, «организатора побед над тираном-Московитом»⁷⁶. Судя по переписке Ивана IV с Баторием (которого он явно презирал как человека, не по праву рождения и высокого происхождения, а по «многмятежному человечеству хотению»), то есть путем выборов, занявшего польский трон, тем более, что на это место претендовал он сам), русский царь помещал их конфликт в контекст священной и церковной истории, представляя его как противостояние истинного христианского благочестия – и ложного, «прелести», «басурманства»⁷⁷, не больше и не меньше.

Итак, «в XVI в. Москва владела Полоцким поветом всего 16 лет: Полоцк был взят Иваном IV 15 февраля 1563 г., а в конце августа 1579 г. взят

обратно Стефаном Баторием. В течение почти всего этого периода Полоцкий уезд служил театром военных действий между Москвою и Литвою. Сравнительно большим спокойствием он пользовался с 1570 г. до 1577 г.: в 1570 г. было заключено перемирие на 3 года, а в 1572 г. начались переговоры о мире, прекратившие военные действия. Но летом 1577 г. они снова возобновились, а в 1579 г. Москва потеряла Полоцк опять на долгое время. Запольским миром 1582 г. Полоцкий повет формально был утвержден за Литвою. Нетрудно понять, что этот 16-летний период почти непрерывной войны тяжело отозвался на благосостоянии Полоцкого повета: известно, как разорительны были тогдашние войны»⁷⁸.

В ходе очередной разорительной польско-московской войны, вызванной присоединением Украины к Московскому государству (1654–1667), Глубокое вновь оказалось на несколько лет (1654–1658) занято московскими войсками. «Не прошло и ста лет со времени Грозного царя, как другой русский царь, Тишайший», вновь вырывает из рук Польши те же многострадальные земли белорусские. Овладев всею Белоруссией и Литвой, царь Алексей Михайлович принял титул «Государя всея Великия, и Малыя, и Белья России»⁷⁹.

Польский историк и поэт Веспасиан Коховский (1633–1700) видел истоки конфликта как в исконной враждебности московской Руси («Этот соседний нам народ, или не забывая прежних поражений, или опасаясь нашего большого могущества, искони враждебен нам (полякам), хотя внешним видом, языком, нравами, а также несением военной повинности не особенно отличается от нас»), так и в профессиональных различиях: «Если мы будем искать причин к войне, то кроме старых и пустых притязаний, не найдём к ней никакого повода; разве то, что притязательный к присвоению титулов монарх, считая себя покровителем греческой церкви, обвинял короля в преследовании веры, в то время, когда король усмирлял оружием восставших своих подданных [то есть православных казаков и крестьян под руководством Б. Хмельницкого. – В.М.]»⁸⁰. Действительно, московский царь считал себя защитником православной веры, о чем прямо заявлялось в рассылаемых грамотах «в Польское королевство и Литовское княжество, матери нашей святой восточной церкви сынам,

греческого закона православным архиереям... и всем православным христианам всякого чина и возраста и достояния, по городам, местечкам, селам и весям». После милостивого принятия Малой России в свое подданство государь теперь извещал всех, «что богохранимое наше царское величество за божиею помощью собравшись со многими ратными людьми на досадителей и разорителей святой восточной церкви греческого закона, на поляков вооружаемся». Целью похода было названо освобождение восточной церкви от гонений, целью таких грамот было привлечение на свою сторону православного населения Польши и Литвы. «Разделение с поляками сотворите, как верую, так и чином», в качестве вознаграждения в этом случае обещалась сохранность «домов и достояния от воинского разорения»⁸¹.

В 1654 г. царь Алексей Михайлович с внушительной армией вступил в пределы ВКЛ, занял Полоцк и форсировал Двину. «24 июля дали знать государю о сдаче Дисны⁸² и Друи⁸³. 2 августа – о взятии Орши, оставленной гетманом литовским Радзивиллом, который был нагнан русскими и разбит. 9 августа боярин Василий Шереметев дал знать о взятии города Глубокое»⁸⁴. Согласно русским источникам, 30 июля 1654 г. воевода Ждан Васильевич Кондырев под Глубоким разбил «литовских людей», захватив пленных, знамена и оружие⁸⁵. В более просторном польском документе говорится о двухтысячном московском войске, вступившем 2 августа в Глубокое, где стоял шляхетский отряд из нескольких сотен всадников, включая полоцкого каштеляна Рудомина с полусотней. Боевые качества отряда не соответствовали уровню задачи, не было никакой разведки, поэтому, когда русские показались из леса у самого города, все бросились беспорядочно бежать, многие погибли или попали в плен⁸⁶. Город вынужден был сдаться, и в течение нескольких лет он оставался в русских руках, пока перемена общей военной ситуации не сделала возможным его освобождение, которым руководил полковник Волович.

В 1661 г. в Глубоком под председательством каштеляна Яна Корсака проходит съезд, на котором обсуждается вопрос об освобождении Дисны, когда Полоцк все еще находится в руках Алексея Михайловича⁸⁷. Глубокое фигурирует в доне-

сениях воеводы русскому царю о том, что шляхта стоит у города, и против них некого послать, что люди из полка Воловича, из Глубокого, приезжают в полоцкий уезд за провиантом, который увозят в свой лагерь в Глубоком, что они сожгли там русские укрепления, и др.⁸⁸

Глубокое оказывается вовлечено как бы в самый центр военных действий: король Ян Казимир приближается к Двине по дороге на Глубокое, подписывает воззвание к войску и останавливается здесь до 11 ноября; 1 ноября он призывает некоего ротмистра поспешить к нему под Глубокое⁸⁹, 3 ноября через город проходят королевские полки, 8 ноября великий гетман Павел Сапега оповещает из глубокского лагеря о своем глубоком сожалении по поводу страшных разрушений на этих землях⁹⁰. Некоторые историки склонны поэтому локализовать именно у Глубокого знаменитую битву, датируемую Веспасианом Коховским 6 ноября 1661 г., в которой Стефан Чарнецкий и Павел Ян Сапега одержали победу над войсками князя Ивана Андреевича Хованского, дважды раненого в этом бою и потерявшего в нем сына. «Правый фланг... напал на московскую кавалерию под командованием Нащокина, сломил ее, ибо вся конная Москва⁹¹ оглядывалась на пехоту, а та была в схватке с левым флангом. Затем Чарнецкий стал наступать на пехоту корпусом, и после частой стрельбы из пушек с обеих сторон пешие войска сошлись и кололи друг друга пиками, другие стреляли из ручного оружия. Долго и трудно сражались, и неясно было, кто кого победит. Но наши, выдержав первый московский огонь, который Москва упорно выпускала, напали на московскую пехоту, которая начала отдаляться от кавалерии, а первыми конные, оставив пехоту, стали убежать. Их было 6000 пехотинцев, так всех и перерезали наши, как скотину... наши захватили 17 бронзовых пушек, помимо деревянных, обитых кожей, по новой моде придуманных для легкости, пороха бесчисленно, более 6000 возов всякого провианта, и трофеи, которые они награбили в Литве, отобрали⁹²... Вокруг города до сих пор сохранились следы окопов, в которых еще долго находили скелеты и алебарды», – писал Веспасиан Коховский⁹³.

Эти же сведения повторялись в польских историко-географических компендиумах и столетия спустя: «У этого города 6 ноября 1661 г. Чарнецкий

одержал победу над Хованским, чей сын и шведский полковник Дуглас здесь полегли... В предместьях города до сих пор сохранились остатки окопов, в которых долго еще находили скелеты и алебарды»⁹⁴.

Позднейший скрупулезный исследователь военной истории, документов и событий этой войны критически отнесся к данным, приводимым Коховским, «недостаточно знакомым с Литвой и литовским войском; хотя он и был солдатом, все же он не силен в стратегии, не знает карты, совершает грубые географические ошибки, впрочем, он по натуре – лирический поэт. Он дал описание битвы у Глубокое 6 ноября 1661 г., повторяемое всеми современными историками»⁹⁵. Изучая доступные источники, Т. Кожон приходит к выводу, что «описание Коховского ошибочно, что Хованский потерпел поражение 4 ноября, под Кушликами, то есть в 10 милях от Глубокое»⁹⁶. Король проводит в Глубокое почти всю неделю и лишь 11 ноября отбывает в Дисну и Кушлики, чтобы осмотреть место битвы, в затем – вновь через Глубокое – направляется на юг, к Вильно, которое захватывает 2 декабря⁹⁷. Хотя глубокскую локализацию данной битвы можно считать сомнительной или даже опровергнутой, тем не менее, несомненно, что Глубокое во время битв XVII в. действительно находилось в области военных действий, а потери и разрушения, приписываемые битве 1661 г., могли быть связаны с событиями 1654 г. или с сожжением русских укреплений в 1658 г.

Понятно, что в ходе продолжительных битв Глубокое не могло не понести значительный ущерб: в частности, был сожжен приходской костел, что вполне вписывалось в общую программу действий московских властей, судя по одному из первых распоряжений «Тишайшего» царя в Белоруссии: «Костелам не быть, униатам не быть, жидам не быть и никакого жития не иметь»⁹⁸. О Хедеманн с прискорбием констатирует, что с пребыванием в Глубокое московских войск связано вынужденное бегство кармелитов, оставивших всю свою богатую недвижимую и обреченных на скитания. Возмущение историка вызывает интерпретация этих событий русскими публикаторами соответствующего документа: бегство кармелитов объясняется тем, что со времени своего обоснования в Глубокое в 1642 г., в течение 15 лет, они сумели вызвать такую враждебность со сто-

роны православного населения, что при приближении московских войск, опасаясь справедливой возмездия, предпочли бежать»⁹⁹.

Однако и после окончания «московской оккупации» столкновения в Глубокое продолжались: Хедеманн отмечает, что в какой-то неясной связи с нею в 1667 г. здесь разыгралась несколько «гротескная битва». О ней сообщает некий поручик венгерского отряда: когда отряд «по военному обычаю» расквартировался на ночлег в Глубокое, местечке кармелитов, внезапно на спящих напала вооруженная толпа глубокских мещан, насчитывающая несколько сотен людей. Поручику, вскочившему на коня, еле удалось разогнать толпу мещан, однако в своем донесении он перечисляет избитых, покалеченных и троих убитых, трупы которых, по его предположению, бросили в озеро. Мещане захватили много сабель, мушкетов, денег и пр. Поскольку это нападение было совершено «с ведома и позволения кармелитов», поручик обратился к настоятелю, однако, без какого-либо успеха. Поручик с отрядом был вынужден покинуть город, направив затем свою жалобу полоцким городским властям¹⁰⁰. Хедеманн отмечает, что эта «битва» выставляет в несколько странном свете боевые качества отряда¹⁰¹, роль монахов, а вместе с тем свидетельствует о многочисленности и воинственности горожан Глубокое.

Драматические перипетии истории Польско-Литовского государства не могли не сказаться на истории Глубокое – уже хотя бы в силу его географического положения. Глубокое упоминается в документах и в связи с Барской конфедерацией¹⁰², когда в 1768 г. через него в погоне за конфедератами проходит русский отряд¹⁰³.

Заседавший в Варшаве Четырехлетний сейм (1788–1792) 3 мая 1791 г. принимает конституцию, которая отнюдь не устраивает не только три соседних империи, уже разделившие между собой эту страну в 1772 г. (правобережная Двина с этого времени уже принадлежала России), но и некоторую часть польской аристократии, создавшей в результате свой заговор – так называемую Тарговицкую конфедерацию (1792 г.), символ предательства национальных интересов, – и ищущей поддержки у Екатерины II¹⁰⁴.

В 1791 г. в Глубокое квартировала Первая бригада национальной кавалерии под командованием

Алоизия Сулистровского¹⁰⁵ в составе 1115 человек (число коней в бригаде – 783)¹⁰⁶. А в мае 1792 г. русские войска форсируют Двину, занимая и Глубокое, которое становится чем-то вроде перевалочного пункта для различных российских армейских формирований, подолгу квартирующих в городе, не давая возможности расположиться здесь литовским войскам, хотя Глубокое вошло в состав Российской империи лишь в результате второго раздела Польши, в июле 1793 г.¹⁰⁷

Когда в марте 1794 г. начинается восстание под руководством Тадеуша Костюшко – отчаянная попытка спасти Польско-Литовское государство от окончательного раздела между Австрией, Пруссией и Россией, а также отомстить тарговичанам, – фактическим соучастникам его второго раздела, – оно находит сочувственный отклик среди глубочан. В частности, А. Сулистровский становится одним из участников подготовки восстания Костюшко в ВКЛ и членом Высшего правительственного литовского совета во время этого восстания¹⁰⁸. Уже в апреле 1794 г. выходит приказ о немедленном направлении русских войск, которым следует «как можно скорее поспешить в Глубокое для успокоения тамошних жителей»¹⁰⁹. Наместник Минской, Изяславской и Брацлавской губерний Т. Тутолмин рапортует главнокомандующему войсками, князю Н. Репнину, что войска посланы в Глубокое с целью наблюдения за неустойчивым в этом крае спокойствием, ибо хотя пока нигде нет явного и открытого восстания («неустройства»), однако все умы готовы к этому¹¹⁰. Генерал Лукашевич уверял Репнина, что пребывание здесь войска задаст иное направление умам жителей новоприобретенных губерний и воспрепятствует их возможным в дальнейшем отговоркам, что они были вынуждены присоединиться к восстанию, поскольку их не защищали русские войска¹¹¹. Из Глубокое в мае русские войска выступают для подавления восстания в Брацлавском уезде, одерживают победу и сжигают Брацлав¹¹²; в конце мая в Глубоком квартируют три эскадрона псковского драгунского полка¹¹³.

Не миновали Глубокое и наполеоновские войны: французская армия проходит через город, а сам Наполеон в 1812 г. на несколько дней останавливается в монастыре кармелитов¹¹⁴, так что прав историк, написавший, что «в 1812 г. Глубокое

играло некоторую роль», хотя он и отмечает, что «никаких сражений и серьезных стычек между русскими и французами в пределах Дисненского уезда не было»¹¹⁵. Известно описание пребывания Наполеона в Глубоком, оставленное Луи Адольфом Тьером: «Глубокое – маленький городок, построенный из дерева, как и все города в этих местностях. Главным зданием в нем был не замок, а большой монастырь (кармелитский). Наполеон остановился в нем. Сюда же прибыла гвардия. Для исполнения своих великих намерений Наполеон ожидал только прибытия тяжелой артиллерии и рассчитывал, что будет в состоянии приступить к действиям 22–23 июля. Пока же он со своей обычной деятельностью занялся устройством в Глубоком этапного пункта, снабженного всем необходимым для армии... Наполеон помещался в трех небольших комнатках на верхнем этаже. Из окон открывался обширный вид на плодородные поля». Рассказывают, что, остановившись в монастыре, он призвал к себе настоятеля и спросил, как велики владения монастыря. Тот ответил: «Тысяча хат». – «Это слишком много, – сказал Наполеон. – А чем вы занимаетесь?» – «Молимся», – отвечал кармелит. – «А это слишком мало», – ответил император¹¹⁶.

В первый же день своего пребывания в Глубоком Наполеон отдает приказ разослать воззвание к полякам, находящимся на русской службе¹¹⁷; из Глубокое же рассылается 20 июля 1812 г. его приказ, резко осуждающий мародеров и грабежи и учреждающий военные суды, которые были призваны определять за это суровое наказание¹¹⁸.

Наполеон был тронут гостеприимством, оказанным ему в кармелитском монастыре, и при расставании подарил настоятелю полное блюдо наполеондор¹¹⁹. Бытовал и рассказ о том, что Наполеон сожалел, что не может взять с собой в Париж костел кармелитов и поставить его рядом с Нотр-Дам (аналогичная история рассказывается и относительно костела св. Анны в Вильно)¹²⁰.

Примечательна роль местного еврейства в событиях 1812 г.¹²¹: «Деятелям французской партии не удалось привлечь его к участию в ее замыслах, и евреи, пассивно подчиняясь ходу событий, заняли положение нейтралитета, дружественного законной власти. „Коварные евреи, – жаловалась временная правительственная комиссия, – небла-

годарные стране, их питающей, преимущественно занимаются шпионством в пользу неприятеля“. Она подчинила их особому надзору подпрефектов и, наконец, воспретила евреям передвигаться с места на место без особых паспортов, выдававшихся, однако, только тем, кто представлял за себя поручительство своего кагала. В целом ряде воспоминаний о войне 1812 года рассыпаны мелкие подробности, характеризующие недоброжелательное отношение евреев к пришельцам»¹²². Исключительная лояльность евреев ВКЛ по отношению к России иллюстрируется, например, таким ярким эпизодом, произошедшим в только что взятом русскими Гродно. Герой этого взятия, легендарный Денис Давыдов, входит в Гродно 9 декабря 1812 г. «при громких кликах радости местного еврейского населения, под еврейским свадебным балдахинном», а затем передает «управление городом в руки еврейского кагала как представителя той части населения, которая засвидетельствовала свою верность государю и России»¹²³.

Понятно поэтому то «особенно внимательное и заботливое отношение, которое на первых порах проявила администрация к нуждам еврейского населения, много потерпевшего от французско-русского управления. Естественно, что указанная роль евреев и то положение, которое они заняли с возвращением русской власти, вызвали по отношению к ним особенно острое чувство раздражения со стороны деятелей французской партии. Кроме того, было соблазнительно всю горечь обманутых чаяний и не имевшую возможность отлиться в реальную форму ненависть к русским направить в сторону наименьшего сопротивления, т.е. на тех же евреев»¹²⁴.

В результате начинаний Наполеона в Глубоком создается провиантский склад; сохранился подписанный маршалом Алоизием Буйницким¹²⁵ приказ о пополнении склада различными продуктами. Но понятно, что массовое пребывание войск нанесло Глубокому ущерб, в частности, согласно инвентарной записи в приходском костеле, он частично разрушен в результате использования как складского помещения, а также разграбления утвари. Почти непрерывные военные действия на территориях, где располагалось Глубокое, разумеется, не способствовали благоустройству региона. Весьма нелестную характеристику состояния до-

рог и территорий в ВКЛ оставил инспектировавший в 1821 г. местные монастыри ксендз Фаустин Чечерский¹²⁶, упомянувший и Глубокое: «В этом местечке двух панов грязи по горло»¹²⁷.

Тяжелый период переживает Глубокое и другие города региона во время следующего польского восстания, начавшегося в Варшаве в ноябре 1830 г., а позже перекинувшегося в ВКЛ¹²⁸. «Во время польского восстания 1831 года Глубокое снова выступает на сцену»¹²⁹. В Лужках¹³⁰ собираются повстанческие отряды (свыше 4000 солдат, из них 600 всадников и 1000 пехотинцев, вооруженных огнестрельным оружием) из местных уездов, однако оружия у повстанцев было мало, при этом у каждого уезда был свой командир. Валентий Брохоцкий, бывший офицер, ветеран 1812 г., был избран в Лужках командиром боевых соединений brasлавско-дисненского региона (следует учитывать, что большинство повстанцев были вооружены косами и пиками)¹³¹.

Повстанческий отряд с самого начала оказался в трудном положении, ибо со всех сторон его окружали русские войска: например, только в Дисне и Глубоком было по 1000 русских солдат, в Свенчанах (ныне – Швянчёнис) – 1000 пехотинцев, кавалерийский полк и 6 пушек, в Видзах – батальон пехоты и батарея конной артиллерии, в динабургской крепости – гарнизон в 4500 солдат, батальон саперов и 4 орудия, в Витебской губернии стояла резервная армия генерала, графа Толстого, насчитывающая около 15 тысяч солдат, к Полоцку, Друе и Дриссе русские стягивали новые силы – около 6 тысяч солдат¹³².

После череды кровавых столкновений наступает поражение, а все отступающие повстанческие силы окрестных уездов собираются около Лужков, Дисны и Глубокого, где функции коменданта исполняет Игнаций Корсак¹³³. За поражением следуют репрессии: кармелитский монастырь превращается в тюрьму.

Для проведения следствия и «усмирения» края был призван тогдашний могилевский вице-губернатор, генерал от инфантерии, Михаил Николаевич Муравьев (1796–1866), фигура, вызывавшая весьма неоднозначные оценки¹³⁴ и вошедшая в историческую память русской либеральной общест-венности с эпитетом «вешатель»¹³⁵. Позднее он вспоминал, что «противоправительственное направление наиболее выказывалось в Полоцком,

Дрисненском и Динабургском уездах»¹³⁶. Прибыв в мае 1831 г. в Глубокое, Муравьев занялся «восстановлением в Дисненском и северной части Борисовского уездов законного порядка» и допросами шляхты, «затевавшей восстановление Речи Посполитой польской», проводя свое дознание в кармелитском монастыре. «О пребывании Муравьева в м. Глубоком сохранилось у дисненских помещиков много преданий, представляющих Муравьева по большей части в виде грозного судьи, наведшего ужас на всех своими суровыми приговорами, и передающих, что с прибытием в местечко комиссии военного суда, бывшей под его председательством, мирное обиталище кармелитских отшельников превратилось в местопребывание страшного инквизиционного судилища»¹³⁷.

По свидетельству современников, в Глубоком судили множество замешанных в мятеже «очень богатых и знатных панов края», но также приводили и привозили из окрестных местечек, мыз и деревень очень много разной панской челяди, экономов, слуг, лесничих, арендаторов и даже евреев, причастных почему-либо к восстанию, которых подвергали физическому воздействию таким образом, чтобы их крики были слышны в камерах. Эта «коварная хитрость» Муравьева влияла на поведение допрашиваемой затем шляхты¹³⁸. Вообще Муравьев был удовлетворен своей тактикой: приговорив 15 человек к заключению в динабургскую крепость, он писал Клейнмихелю: «Дух в помещиках значительно улучшился; они увидели, что с ними не шутят, и вдруг сделались усердны... Дворянство даже собственным своим побуждением просило меня об единой милости: дозволить им изложить в особом акте изображение чистосердечного своего раскаяния»¹³⁹.

Участники восстания, в том числе – духовные лица (особенно активны в нем были глубокские кармелиты и униаты¹⁴⁰, признанные затем «преступниками второй категории»), – подверглись различным наказаниям (виселицы, ссылки, конфискация земель, штрафы и др.) либо вынуждены были бежать из Глубокого, как, например, ряд священников (Ансельм Гурский, Патриций Корсак, Игнатий Рутковский и Нарциз Вольтынский), или арендатор радзивилловской части Глубокого, Валентий Брохоцкий, причисленный к «первой категории преступников».

Следующим кровавым эпизодом в истории Глубокого стало так называемое январское, самое крупное польское национально-освободительное восстание 1863–1864 г.¹⁴¹, охватившее территории Речи Посполитой, включенные после ее разделов в состав Российской империи. Предыдущие заслуги Муравьева в «усмирении» этих земель не были забыты, и он вновь, будучи уже немолодым человеком, направляется сюда для подавления «мятежа». Понимая, что его известная всем жестокость отнюдь не всегда соответствует нормам либерального европеизма, к которым привержена часть русской элиты, он оговаривает себе право беспрепятственного – без оглядки на европейское и европеизированное русское общественное мнение – проведения той суровой «патриотической» политики, которую он считал нужной. Согласно приказу от 1 мая 1863 г., Михаил Николаевич становится генерал-губернатором с чрезвычайными полномочиями в семи губерниях (Виленской, Ковенской, Августовской, Витебской, Минской, Могилевской и Гродненской)¹⁴². Муравьев оправдал ожидания властей, испуганных восстанием: то, что они называли «мятежом», благодаря его «решительным» действиям, было вскоре (к весне 1864 г.) подавлено, а «усмирение» края завершено. Всего за эти годы правления «виленского диктатора» было казнено 128 человек, сослано на каторгу – 972, отправлено в Сибирь – 1427, отдано в солдаты – 345, сослано в арестантские роты – 861, выслано во внутренние губернии под полицейский надзор – 1529, переселено на казенные земли внутри империи – 4096; итого – 9361 человек. Почти столько же (9229) «осталось причастных мятежу прощенных и освобожденных»¹⁴³.

26 мая 1863 г. Муравьев писал министру внутренних дел П.А. Валуеву: «По-видимому, начинают смиряться непокорные. Несколько примеров смертных казней произвели желаемое действие: о них поставлены в известность все жители губернии»¹⁴⁴. Жестокость применяемых «диктатором Литвы» мер по подавлению восстания вызывала даже у петербургских властей, не говоря уже о либеральных представителях русской элиты, желание некоторого смягчения, и он получал соответствующие «официальные настояния о возможном ослаблении принятых мер к укрощению мятежа»¹⁴⁵. Муравьев также эффективно проводил политику

радикальной русификации подвластных ему областей, противостояния католицизму, распространения и укрепления здесь православия¹⁴⁶.

Глубокские монахи-кармелиты вновь, как и во время предыдущего восстания, не остались в стороне от событий, в результате чего в 1865 г. монастырь был упразднен, большинство монастырских собраний разграблено, а в 1873 г. его костел был освящен как православная церковь¹⁴⁷. Согласно изложению ее первого настоятеля, восстание 1863 г. вновь побудило глубокских ксендзов-кармелитов к действию, и они, забыв о присяге, начали подстрекать к бунту, помогали средствами, пробуждали фанатизм, произносили с амвона возмутительные проповеди, укрывали преступников. Поэтому после подавления восстания и доказательства на следствии вины ксендзов, костел и монастырь были немедленно закрыты и отданы православному духовенству¹⁴⁸.

Относительно позиции, которую во время восстания занимали евреи, граф Муравьев в своих записках отмечал: «Евреи играли двусмысленную роль и высказывали будто бы радость по поводу моего назначения, но это было притворно, ибо они везде тайно содействовали мятежу и даже помогали оному деньгами»¹⁴⁹. В процитированных внушительных списках осужденных из Западного края, как теперь называлось ВКЛ, евреи также присутствуют¹⁵⁰.

Евреи в Глубоком

По некоторым данным, первое упоминание о евреях в Глубоком датируется второй половиной XVII в., но встречаются и другие датировки, принять или опровергнуть которые затруднительно из-за недостатка подтверждающих документов¹⁵¹. В радзивилловской части Глубокого селились евреи, число которых постепенно возрастало (в этом отношении Глубокое не было исключением среди городов и местечек ВКЛ, где евреи еще в XVII в. составляли незначительный процент, позднее быстро увеличивавшийся по сравнению с христианским населением). Этот количественный рост позволил исследователю XIX в. написать: «Глубокое населено почти только одними евреями и ведет большую торговлю с Ригой»¹⁵².

Затруднительно ретроспективно подсчитать количество еврейского населения Глубокого, особен-

но учитывая скудность источников. О. Хедеманн исследовал списки лиц, облагаемых так называемым еврейским подушным налогом. Разумеется, евреи не имели права проживания в кармелитской части Глубокого, о чем свидетельствует налоговый «Суммарий» («Summaryusz»), а в радзивилловской части эти налоговые списки за 1766 г. содержат 755 имен¹⁵³. Зная распространенную в еврейской среде тенденцию сокрытия подлинного количества жителей (для сокращения объема налогов), исследователь склонен сомневаться в приведенных цифрах, поскольку в Глубоком эта тенденция явно имела место, хотя и в более поздний период. Так, в 1835 г. шеф жандармов Бенкендорф получил донос, гласящий, что от последней переписи в Глубоком укрылись 100 еврейских мужчин. Когда он послал чиновника проверить эти сведения, тот обнаружил вместо 491 душ (мужчин) – 949, то есть почти на 100% больше¹⁵⁴.

Если, однако, допустить, что приводимое число евреев (755) верно, то получится, что население Глубокого в 1766 г. насчитывает 2955 душ¹⁵⁵, то есть евреи составляли почти четверть городского населения. К концу XVIII в. население Глубокого значительно превосходит 3000 душ, что ставит город в исключительное положение в Браславском и Дисненском уездах – большинство других городов (за исключением Дисны и Друи) по количеству населения оставалось далеко позади¹⁵⁶.

Согласно «Российской еврейской энциклопедии», еврейское население Глубокого вплоть до XIX в. неуклонно возрастало и составило в 1847 г. – 2183 человека, а в 1897 г. – 3917 (70,4% от общего числа населения)¹⁵⁷. В цитированном историко-краеведческом компендиуме 1881 г. не приводится численность населения по национальным группам, учитываются лишь гендерные различия. Так, согласно данным на 1879 г. в Глубоком было всего 4084 жителей (1942 мужчины и 2142 женщины), из них в корсаковской части Глубокого проживал 841 человек (399 мужчин и 442 женщины), в радзивилловской – 3243 человека (1543 мужчины и 1700 женщин). Однако о количестве еврейского населения можно судить по приводимым косвенным данным: в Глубоком было две православные церкви и один приходской католический костел, но – несколько еврейских молельных домов¹⁵⁸.

Разумеется, евреи нуждались в собственном доме молитвы, и существуют сведения о том, в 1569 г. на Базарной площади была построена первая синагога, однако, они не подтверждены документами¹⁵⁹. Поскольку на строительство синагоги (взамен сгоревшей) – в силу существовавшего тогда правила – евреи должны были получать специальное разрешение католических властей, то такие документы более позднего происхождения сохранились. Именно такое разрешение зафиксировано в Ошмянских актах от 1742 г. Виленский епископ Михал Зенкович пишет, что «после уничтожения пожаром синагоги мы прислушались к просьбе евреев, особенно – к заступничеству состоятельных людей, и соблаговолили дать наше разрешение на постройку новой. Настоящим письмом мы разрешаем глубоцким евреям построить одну синагогу в определенном месте и, разумеется, на достаточном отдалении от костела, там, где стояла прежняя. Однако она не должна походить на костел, то есть должна быть без башен, с невысокой крышей и не возносящейся, чтобы она ниоткуда не казалась подобной костелу. Здесь они должны отправлять свои богослужения. При этом позволяем хоронить усопших в обычном месте за городом, не после захода солнца и без оскорбления христиан, ...что по должности нашей... собственной рукой подписываем»¹⁶⁰. Спустя 40 лет (в 1782 г.) в приходском архиве отмечается, что у евреев «есть синагога на основании разрешения епископа М. Зенковича от 5.VI.1742»¹⁶¹.

Преимущественным занятием евреев Глубокого была торговля. Немногие дошедшие до нас архивные документы, исследованные О. Хедеманном, проливают свет именно на эту сферу деятельности. Например, в 1733 г. были арестованы два купца – глубоцкие евреи, которые везли на телегах посуду, ткани, пряности и другие товары стоимостью 400 талеров (=3200 злотых)¹⁶²; в 1779 г. между четырьмя глубоцкими купцами-евреями и двумя немецкими королевскими купцами был заключен следующий договор: поскольку евреи в течение длительного времени не возвращали немцам долг в 10633 злотых за товары, немцы согласились разделить выплату долга на 14 частей, гарантируя при этом, что «если упомянутые евреи расширят свою торговлю до Кенигсберга и будут в других странах и городах торговать разными товарами, то мы не будем им

Большая синагога в Глубоком. Фото 1916 года
(<http://www.radzima.org>)

препятствовать и мешать, пусть они сбывают свои товары, кому хотят, лишь бы только вовремя внесли свои платежи»¹⁶³. Однако уже в том же году глубоцкие евреи обвинили своих кредиторов в том, что они, с давних времен ведя торговлю, поставляли в Кёнигсберг разные товары из Польши, а теперь вынуждены брать в Кёнигсберге бракованные товары, а именно, вместо хорошего вина – кислое, или бочки, наполненные лишь до половины, к тому же свои товары они должны уступать за меньшую – по сравнению с остальными – цену. Они также жаловались, что привезли в Кёнигсберг более 400 мер (łasztówek) льняного семени, а когда начали торговать и попросили кредит, «ища поддержки, ибо обнищали от этой кёнигсбергской торговли», то кёнигсбергские купцы дали им несколько десятков бочек плохого вина по очень высокой цене, из-за чего глубоцкие евреи понесли значительный ущерб¹⁶⁴. Эти документы отражают существовавший в это время регулярный экспортно-импортный товарооборот, предполагающий систему кредитно-денежных отношений и деловое партнерство.

В 1794 г. настоятель монастыря березвечских базилиан упрекает Радзивилла в том, что тот «дарит своим покровительством» шестерых глубоцких евреев, которые взяли в кредит у монастыря около 3100 злотых, а потом обанкротились¹⁶⁵. Подобного рода документы свидетельствуют о реалиях сосуществования в то время: магнаты, в чьих землях проживали евреи, были, как правило, за-

Памятник Элиэзеру бен Йегуде в Глубоком
(автор В. Могучий, 2012 г.)

интересованы в их благополучии, ибо от этого зависел получаемый от евреев доход, и часто принимали их сторону в конфликтах с христианскими соседями. Магнаты предоставляли евреям необходимый элемент успешной торговли – поле действия, благодаря чему евреи охотно прибывали в частновладельческие города (а ведь две трети городов Речи Посполитой находились в частном владении), стремились жить там, где им были обеспечены благоприятные условия, где поддерживалось регулярное устройство ярмарок¹⁶⁶. С другой стороны, подобные документы свидетельствуют и о таких отношениях католиков с иноверцами, которые допускают финансово-экономические

сделки несмотря на всю декларируемую враждебность к «врагам Христа».

Можно предполагать, хотя подтверждающих это документов недостаточно, что в XVIII в. торговля в Глубоком была сосредоточена в руках местных евреев, положение которых отличалось от положения их единоверцев, например, в уездном городе Дисна, где, согласно привилегии Сигизмунда Августа (от 11 января 1569 г.), проживающие евреи «не могут иметь ни своего кагала, ни жидовской школы и не смеют таковую строить; не могут также иметь никакой оседлости, покупать плацы, пользоваться какими-либо общественными выгодами в ущерб дисненским мещанам, согласно правам, привилегиям и давнему обычаю, под штрафом тысячи коп (грошей) литовских». Эта привилегия позже подтверждалась королями Яном Казимиром, Яном III, Августом II и Августом III¹⁶⁷. Глубокские евреи, помимо международной торговли, могли заниматься и мелкой, розничной, ориентированной на внутренний рынок. «Учитывая плотность проживания евреев в восточной части Речи Посполитой, – пишет Г.Д. Хундерт, – можно сказать, что от 50 до 60% всей местной торговли было сосредоточено в руках еврейских купцов»¹⁶⁸. Несколько еврейских семей составляли глубокскую плутократию, остальные их единоверцы занимались арендаторством, ремеслами или держали трактиры, что за небольшими исключениями было типично для частных местечек ВКЛ.

Перелистывая страницы глубокской истории, можно отметить и интеграцию местного еврейства в экономику страны¹⁶⁹, и их включенность в происходящие события, часто весьма драматические, и длительную традицию сосуществования с христианским окружением, а в настоящее время можно наблюдать, как выходцы из Глубокого сохраняют свою «глубокскую идентичность», связь с городом своего исхода¹⁷⁰.

Завершая наш обзор, упомянем знаменитых еврейских уроженцев Глубокого и близлежащих местечек. Среди них – раввин Самуил Могилевер (1824–1898), исполнявший эту должность не только в родном Глубоком (1848–1854), но и во многих других общинах, пытавшийся примирить представителей просветительских и традиционалистских еврейских кругов (ему принадлежит фраза «У Господа две возлюбленных: вера и разум»). Могилевер

вошел в историю как инициатор сионистского движения среди религиозных евреев. Во время съезда *Ховевей-Цион* (Друскеники, 1893) по инициативе Могилевера было принято решение о необходимости создать в Палестине Духовный Центр (на иврите – *Мерказ Рухани*, от этого словосочетания произошло название религиозного сионизма – *Мизрахи*)¹⁷¹. В Глубоком родились: поэт, писатель и философ Николай Максимович Минский (Виленкин, 1855–1937), чья драматическая поэма «Последняя исповедь» (1879) вдохновила Репина на создание картины «Отказ от исповеди перед казнью», а философский трактат «При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни» (1890) стал одной из первых идейных деклараций русского символизма, его перу принадлежит также «Гимн рабочим» (1905), начинающийся словами «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»; видный медик, профессор Иосиф Исаакович Фейгель (1899–1977), один из обвиняемых по «делу врачей»; советский военный ветеринар, генерал-лейтенант, доктор ветеринарных наук, профессор Николай Маркович Шпайер (1882–1964).

В Глубоком установлен памятник (скульптор Валерий Могучий, 2012 г.) «отцу современного иврита» Лейзеру-Иццоку Перельману (Элиезер бен Йегуда, 1858–1922)¹⁷², родившемуся в соседних Лужках и учившемуся в полоцкой и глубокой иешивах.

Статья написана при поддержке гранта РФФ № 15-18-00143 «Проблемы межэтнических контактов и взаимодействий в текстах устной и письменной культуры: славяне и евреи».

Примечания

¹ *Żaryn M., Żaryn J.* Głębokie. Historia i zabytki. Warszawa, 1992; *Imatowicz J.* Głębokie – miasteczko na Białorusi w XVIII wieku // Miasto, region, społeczeństwo. Studia ofiarowane Profesorowi Andrzejowi Wyrobiszowi w sześćdziesiątą rocznicę Jego urodzin. Białystok, 1992. S. 93–101. В июле 2015 г. Центр «Сэфер» организовал полевую школу-экспедицию в Глубокое (см. о ней и ее материалах подробнее: <http://sefer.ru/rus/education/>

[educational_programmes/Summer/glubokoe_2015.php; http://m.yiddish.forward.com/articles/189783/expedition-visits-the-once-jewish-town-of-glubok/?p=all](http://m.yiddish.forward.com/articles/189783/expedition-visits-the-once-jewish-town-of-glubok/?p=all)). См. также «Веснік Глыбоччыны» за 29.07.2015 №60: <http://vg-gazeta.by/index.php/%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D1%83%D0%BC/07302015-0821.html>

² См.: Русская историческая библиотека. Т. XX. Литовская метрика. СПб., 1903. С. 143, 332, 340. Упоминания относятся к 1514 и 1521 гг.

³ См.: *Hedemann O.* Dzisna i Druja, magdeburские miasta. Wilno, 1934. S. 12.

⁴ В период составления этой словарной статьи в Глубоком были почтовая станция, канцелярия полицейского управления, совет волости (она включала 13 сельских округов, в которые входило 95 деревень), деревенская школа, несколько мельниц, винокурный завод, несколько пивоваренных заводов и предприятий по производству меда. См.: *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich.* 1881. Т. II. S. 599–600.

⁵ *Starożytna Polska pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym opisana przez M. Balińskiego i T. Lipińskiego.* Wyd. 2 poprawione i uzupełnione przez F.K. Martynowskiego. Warszawa, 1886. Т. 4. S. 489. Эти места описываются и Сигизмундом Герберштейном, путешествовавшим здесь в первой четверти XVI в.: «Я... приехал в Дисну, где есть озеро того же названия... Между Вильной и Полоцком очень много озер, частые болота и неизмеримо длинные леса, простирающиеся на пятьдесят немецких миль» (*Сигизмунд Герберштейн.* Записки о Московии. В 2 т. М., 2008. Т. I. С. 611–613).

⁶ Материалы по истории и географии Дисненского и Вилейского уезда, Виленской губернии / Изд. А. Сапунова и кн. Друцкого-Любецкого. Витебск, 1896. С. 102.

⁷ *Hedemann O.* Głębokie – szkic dziejów. Wilno: Nakładem Oddziału Polskiego Towarzystwa Krajoznawczego w Głębokiem, 1935. Пер. на белор. яз.: *Гедеман О.* Глыбокае. Гістарычны нарыс / Пер. з польскай мовы М. Гіля. Паставы; Глыбокае, 2012.

⁸ См., в частности, его работы историко-краеведческого характера, посвященные этому региону: *Hedemann O.* Historia powiatu brasławskiego. Wilno, 1930; *Idem.* Dzieje Puszczy Białowieskiej w Polsce przedrozbiorowej (w okresie do 1798 roku). Warszawa, 1939 (репринт: Białystok, 2004). См. его некролог: *Gazeta Lwowska.* 20.V.1937. № 110.

- ⁹ Hedemann O. Op. cit. S.4-5.
- ¹⁰ Мы не приводим архивные ссылки из монографии Хедеманна, поскольку у нас не было возможности проверить сегодняшнее местонахождение этих архивов, ознакомиться с их собраниями и указанными документами. В ряде случаев указывается страница его монографии о Глубоком, где приведены ссылки на архивы.
- ¹¹ См. подробнее: *Iwaszczonek A. Rola klasztoru Karmelitów Bosych w Głębokiem w dziejach miasta i regionu // Krakowskie Pismo Kresowe. 2010. № 2. S. 53–82.*
- ¹² Hedemann O. Głębokie – szkic dziejów. S. 6–7.
- ¹³ См.: *Пташицкий С.Л. Деспоты Зеновичи в конце XVI и XVII веков // Русская старина. 1878. Т. 21. С. 125–133.*
- ¹⁴ Согласно словарным толкованиям, одно из значений слова «деспот» – единовластный правитель (сербский княжеский титул), по-польски это «пан», по-славянски – «владыка» (см.: *Linde S.B. Słownik języka polskiego. Warszawa, 1807. Т. 1. S. 439.*)
- ¹⁵ Ср. энциклопедические сведения об этом роде: «Деспот-Зенович – литовский дворянский род, герба Зенович. Предок их Братош и сын его Зиновий упоминаются в 1401 г., в числе литовских вельмож, подписавших акт о верности польскому королю. Внук Зиновия, Юрий Иванович Зенович, был в 1507 г. наместником смоленским. В XVI в. двое Деспотов-Зеновичей были кастелянами смоленскими и один – воеводой брестским. Приставку «Деспот» род этот принял в конце XVII в., когда появилась легенда о происхождении его от деспотов сербских. Род Деспотов-Зеновичей внесен в VI часть родословной книги Минской губернии. Одна ветвь этого рода переселилась еще в конце XV в. в Россию, где фамилия ее получила форму Зиновьев» (*В.Р. Деспот-Зенович // Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. СПб., 1893. Т. Ха. Кол. 486.*) Согласно генеалогическим исследованиям, Зенон (Зеновий) Братошевич с сыновьями Зиновием и Александром Зиновьевичами прибыли в ВКЛ в 1380 г., а последний из них после смерти отца (1390) переселился на службу в Москву, став там основателем другой ветви рода с несколько видоизмененной фамилией – Зиновьевы (см.: <http://www.russianfamily.ru/Z/Zinovev.html>).
- ¹⁶ Ольбрахт Лаский (1536–1605) – польский сенатор и воевода.
- ¹⁷ В разных источниках встречаются различающиеся написания одних и тех же имен собственных и фамилий: Зена, Зенон, Зеновий, Зиновий, Зеновьевич, Зеневиц, Зенович; Бартошевиц, Братошевич и др. Мы приводим их так, как они выступают в документах, не придавая значения этим различиям. То же относится к различным транскрипциям имен: Кшиштоф, Кристоф, Христоф, Христофор; Николай, Миколай; Ежи, Юрий.
- ¹⁸ Витольд (Витовт, Витаутас, в крещении – Александр, 1350–1430) – великий князь литовский (с 1392 г.), сын Кейстута, племянник Ольгерда, кузен польского короля (с 1386 г.) Владислава II Ягелло (Ягайло, 1362–1434), родоначальника Ягеллонской династии на польском троне. Для истории восточноевропейского еврейства важно, что Витовту принадлежит указ, во многом определивший правовой статус евреев ВКЛ (см.: *Привилегия евреям Витаутаса Великого 1388 года / Подг. С. Лазутка, Э. Гудавичюс. М.; Иерусалим, 1993.*)
- ¹⁹ *Bartosz Paprocki. Herby rycerstwa polskiego. Kraków, 1584. S. 859.*
- ²⁰ *Лакиер А.Б. Русская геральдика. СПб., 1855. С. 429. № 87.*
- ²¹ В Ошмянских земских актах сохранялась запись, что эта привилегия о владении громадным пространством между Припятью, Дисной и Мыссой была предъявлена в подлиннике в 1626 г.; прежде она была дарована королем Ягелло отцу Зеновича, а впоследствии права сына на эти имения лишь были подтверждены (см.: *Пташицкий С.Л. Деспоты Зеновичи в конце XVI и XVII веков. С. 128.*)
- ²² *Пташицкий С.Л. Завещание Юрия Деспота Зеновича // Русская старина. 1878. № 7. С. 507.*
- ²³ Духовное завещание брестского Воеводы Криштофа Зеновича // *Собрание государственных и частных актов, касающихся истории Литвы и соединенных с ней владений (от 1387 до 1710 года), изданное Виленской Археологической Комиссией под редакцией Ученого Секретаря М. Круповича. Вильно, 1858. Ч. 1. С. 52–53.* Криштоф умер в 1615 г., завещание было написано заранее.
- ²⁴ *Русская историческая библиотека. Т. XX. Литовская метрика. СПб., 1903. С. 189–192, 194; Hedemann O. Głębokie – szkic dziejów. S. 7–8.*
- ²⁵ Литовские послы были обижены тем, что в Новгороде их причисляли к язычникам: «Да еще ваши люди нам лаяли и бесчествовали и погаными нас звали» (см.: *Новгородская первая летопись // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XXV.*

- Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949. С. 241; *Хорошкевич А.А.* Католики в представлениях русских летописцев XIV–XV вв. – <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=1026>.
- ²⁶ Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego (1582). Warszawa, 1846. Т. II. S. 297–298; Хроника Быховца / Предисл., коммент. и пер. Н.Н. Улащика; отв. ред. М.Н. Тихомиров. М., 1966. С. 106; *Пташицкий С.А.* Деспоты Зеновичи в конце XVI и XVII веков. С. 128–129. Документы об этом посольстве приводит и С.М. Соловьев: «В генваре 1495 года приехали в Москву за Еленю литовские послы: воевода виленский князь Александр Юрьевич... и наместник брацлавский пан Юрий. Иоанн сказал им: „Скажите от нас... великому князю Александру: ...чтоб нашей дочери никаким образом к римскому закону не нудил...; чтоб между нами про то любовь и прочная дружба не порушилась... Да скажите от нас епископу и панам вашей братье, всей Раде, да и сами поберегите, чтоб брат наш и зять нашу дочь жаловал и между ними братство и любовь и прочная дружба не порушились бы...“ 13 генваря Иоанн, отслушав обедню в Успенском соборе со всем семейством и боярами, подозвал литовских послов к дверям и передал им дочь. Елена остановилась в Дорогомилове и жила два дня: брат ее Василий угощал здесь послов обедом, мать ночевала с нею, сам великий князь приезжал два раза...» (*Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. III. Т. 5. С. 105).
- ²⁷ Zygmunt August, król polski, zapewnia Jerzego Zenowicza o wypłaceniu w terminie pewnej sumy jemu przypadłej (Archiwum Głowne Akt Dawnych w Warszawie (AGAD). F. 354. Dział II. № 42).
- ²⁸ Reskrypt Zygmunta Augusta, króla polskiego, do Jerzego Zenowicza, zawiadamiający go o mającym się odbyć sejmie (AGAD. F. 354. Dział II. № 50).
- ²⁹ Reskrypt Zygmunta Augusta, króla polskiego do Jerzego Zenowicza z wezwaniem, żeby przyjechał do Grodna dla przyjęcia posłów, przybyłych z Moskwy (AGAD. F. 354. Dział II. № 51).
- ³⁰ List Zygmunta Augusta, króla polskiego, do Jerzego Zenowicza, kasztelana połockiego, donoszący o zwołaniu walnego sejmu do Grodna (AGAD. F. 354. Dział II. № 53).
- ³¹ Reskrypt Zygmunta Augusta, króla polskiego, do Jerzego Zenowicza, kasztelana połockiego, dotyczący naznaczenia ludzi do budowania zamku w Ule (AGAD. F. 354. Dział II. № 56).
- ³² List Zygmunta Augusta do Jerzego Zenowicza, kasztelana połockiego, naznaczający termin do zjechania się Stanom Rzeczypospolitej dla zawarcia unii (AGAD. F. 354. Dział II. № 57). Уния была заключена 28 июня 1569 г., утверждена 1 июля польскими и литовскими депутатами на общем сейме в Люблине (она вошла в историю как Люблинская уния), а 4 июля ратифицирована польским королем и великим князем литовским Сигизмундом II Августом.
- ³³ См., например, соответствующие письма разного времени высокопоставленных государственных лиц к представителям рода Зеновичей: List Hrehorego Chodkiewicza, kasztelana wilenskiego, hetmana litewskiego, do Krzysztofa Zenowicza, rotmistrza, wzywający go do dalszej służby (1570.05.28) (AGAD. F. 354. Dział II. № 65); Odezwa Krzysztofa księcia Radziwiłła, podczaszego i hetmana polnego litewskiego, do dzierzawców i rządców dóbr Rzeczki i Wilejki mającej się tam zebrać przypowiedniej rocie Krzysztofa Zenowicza (1573.01.15) (AGAD. F. 354. Dział II. № 88); List Zygmunta III, króla polskiego, do starosty czeczerskiego Mikołaja Zenowicza, o nienaruszaniu granic moskiewskich i o naznaczeniu komisarzy dla rozgraniczenia z Moskwą (1602.02.23) (AGAD. F. 354. Dział II. № 429); Umowa Mikołaja Korffa i Jerzego Zenowicza dotycząca zawieszenia broni w wojnie ze Szwedami (1626.04.20) (AGAD. F. 354. Dział II. № 958); Uniwersał Władysława IV, króla polskiego, polecający Jerzemu Zenowiczowi, aby ruszył ze swymi siłami na terytorium Wielkiego Księstwa Moskiewskiego (1633.11.07) (AGAD. F. 354. Dział II. № 1123); Русская историческая библиотека. Т. XXX. Литовская метрика. Юрьев, 1914. С. 693, 774, 836, 852; и др.
- ³⁴ Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego (1582). Warszawa, 1846. Т. II. S. 211.
- ³⁵ См.: Хроника Быховца. С. 113; *Пташицкий А.* Деспоты Зеновичи в конце XVI и начале XVII веков. С. 129; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. III. Т. 5. С. 114.
- ³⁶ Инструкция, данная Юрию Зеновичу и Яну Ходкевичу для занятия Ливонских замков // Русская старина. 1878. Т. 21. С. 133–135.
- ³⁷ См. о нем: *Kobierzycki St.* Historia Władysława, Krolewicza polskiego i szwedzkiego (1655) / Wyd. J. Byliński, Wł. Kaczorowski; tłum. M. Krajewski. Wrocław, 2005. S. 231, 335, 346; *Kojałowicz W.W.* Herbarz recerstwa W. Ks. Litewskiego. Kraków, 1897. S. 41.
- ³⁸ *Sobieski J.* Commentariorem Chotiniensis belli libri tres. Dantisci, 1646. P. 94. Цит. по: *Пташицкий С.А.* Дес-

- поты Зеновичи в конце XVI и начале XVII веков. С. 132–133.
- ³⁹ Он оставил также трактат: *Tragedia albo początek upadku znacznego w W. Ks. Litewskim // Athenaeum*. 1846. Z. 3. S. 9–10.
- ⁴⁰ *Пташицкий С.А.* Деспоты Зеновичи в конце XVI и начале XVII веков. С. 182; *Hedemann O.* Głębokie – szkic dziejów. S. 10.
- ⁴¹ Кшиштоф был ревностным сторонником литовского реформистского движения, основателем кальвинистских храмов в Сморгони и Глубоком.
- ⁴² Духовное завещание брестского Воеводы Криштофа Зеновича. С. 50.
- ⁴³ «Глубокое в 1668 г. перешло к Радзивиллам после Анны-Софии Зеновичовны, полоцкой кастелянши, жены кн. Альбрехта Радзивилла». (*Starożytna Polska pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym*. S. 489; ср.: *Słownik geograficzny*. Т. II. S. 600).
- ⁴⁴ *Hedemann O.* Głębokie – szkic dziejów. S. 10.
- ⁴⁵ Акты Виленской Археографической комиссии. Т. XXXIII. Акты, относящиеся к истории Западно-русской церкви. Вильна, 1908. С. 237–238.
- ⁴⁶ Якуб Шреттер (1771–1842) – участник восстания Костюшко (1794), наполеоновских войн, где был ранен и оказался в русском плену; участвовал также в восстании 1830–1831 г. (вместе с пятью из своих восьми сыновей, младшему из которых было 10 лет), организуя партизанское движение в Беловежской Пуще. За голову каждого из сражавшихся в восстании Шреттеров царь обещал вознаграждение в 1000 рублей. Позже Якуб и трое его сыновей были награждены в Варшаве золотым крестом *Virtuti Militari*. После разгрома восстания Шреттеры пытаются покинуть страну, однако это удается не всем: сын Юзеф гибнет, Павел попадает в плен и высылается в Сибирь. Члены семьи Шреттеров, которым удалось добраться до Франции, участвовали в политической и культурной жизни эмиграции. См. подробнее: *Bajko P.* *Szretter Jakub // Encyklopedia Puszczu Białowieskiej* (<http://www.encyklopedia.puszczu-bialowieska.eu/index.php?dzial=haslo&id=902>).
- ⁴⁷ См. о нем: *Kasabula T.* *Ignacy Massalski. Biskup wileński*. Lublin, 1998.
- ⁴⁸ Кароль Литавор Хрептович (ум. в 1801 г.) – военный и государственный деятель. В те годы, когда он арендовал радзивилловскую часть Глубокого (1784–1794), оно неоднократно фигурировало в разного рода судебных документах. В судебных тяжбах Хрептович предстает то истцом, то ответчиком. Примечательно, что в 1789 г. Хрептович привлекался к суду за неуплату долга раввину Янкелю, а в 1791 г. он как арендатор Глубокого выступает ответчиком вместе со «старозаконными (еврейскими – В.М.) жителями Глубокого», что свидетельствует о наличии тесных связей помещика с местными евреями (см.: *Konopczyński Wł.* *Chreptowicz Karol Litawor // Polski Słownik Biograficzny*. Kraków, 1937. Т. 3. S. 443–444.
- ⁴⁹ *Hedemann O.* Głębokie – szkic dziejów. S. 11.
- ⁵⁰ *Niesiecki K.* *Herbarz Polski / Wyd. J. N. Bobrowicz*. Lipsk, 1839–1845. Т. VIII. S. 82.
- ⁵¹ *Hedemann O.* Głębokie – szkic dziejów. S. 57–58.
- ⁵² *Ibid.* S. 11.
- ⁵³ См. о нем: *Wasilewski T.* *Józef Korsak // Polski Słownik Biograficzny*. Warszawa, 1968–1969. Т. XIV. S. 108.
- ⁵⁴ *Starożytna Polska pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym*. S. 489.
- ⁵⁵ *Słownik geograficzny*. Т. II. S. 600.
- ⁵⁶ «Березвечье расположено в миле от Глубокого, на другой стороне озера; здесь большой и богатый монастырь базилиан, основанный Корсаком, что было утверждено постановлением сейма от 1647 г.» (*Starożytna Polska pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym*. S. 490). В настоящее время Березвечье входит в состав города Глубокое.
- ⁵⁷ Нищенствующий католический орден, основанный в 1593 г., полное название – Орден босых братьев Пресвятой Девы Марии с горы Кармель; основателями считаются св. Тереза Аквильская и св. Хуан де ла Крус. Разумеется, постройка храма и монастыря должна была занять несколько лет: в завещании 1643 г. есть упоминание, что Корсак дарует кармелитам семь лошадей для привоза строительных материалов для костела (см.: *Hedemann O.* *Głębokie – szkic dziejów*. S. 14).
- ⁵⁸ *Starożytna Polska pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym*. S. 489.
- ⁵⁹ *Ibid.*
- ⁶⁰ Материалы по истории и географии Дисненского и Вилейского уезда. С. 103–104. В 1842 г. обширные владения кармелитов, в том числе и глубокские, переходят к государственной казне и оказываются под властью назначенных управляющих.
- ⁶¹ В документах XVI в. сохранилось свидетельство о том, что какая-то часть глубокских земель принадлежала полоцким иезуитам, которые сменили в 1591 г. ее на более приближенное к Полоцку место

- (см.: Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Т. XIII. Вильна, 1902. С. 39; *Hedemann O. Głębokie – szkic dziejów*. S. 13–14).
- ⁶² *Hedemann O. Dawne puszcze i wody*. Wilno, 1934. S. 110, 153–154, 158–159.
- ⁶³ *Hedemann O. Głębokie – szkic dziejów*. S. 30.
- ⁶⁴ *Ibid.* S. 30–31.
- ⁶⁵ *Ibid.* S. 44 (здесь ссылка на созданное Литовской казначейской комиссией «Описание границ, ...которые переходят купцы... регулярно и тайно...»).
- ⁶⁶ См.: Материалы по истории и географии Дисненского и Вилейского уезда. С. 69.
- ⁶⁷ Там же. С. 69–70. Противостояние Московской Руси и ВКЛ заключалось в споре из-за белорусских и украинских земель, в котором главным аргументом московской стороны была ссылка на то, что эти земли – «вотчина» потомков Владимира Киевского, а этими потомками являются именно московские государи, а не великие князья литовские – потомки Гедимины (см.: *Флоря Б.Н. Иван Грозный*. М., 2002. С. 159).
- ⁶⁸ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Ч. 3 (1560–1570). Т. 3 / Изд. под наблюд. Г.Ф. Карпова. СПб., 1892. Т. 71. С. 161. В свою очередь высказывания Ивана IV, адресованные польскому королю, содержали и обличение, и поучение, и насмешку, призванные утвердить превосходство царя над адресатом (см.: *Флоря Б.Н. Иван Грозный*. С. 158–161).
- ⁶⁹ *Hedemann O. Op. cit.* S. 9–10.
- ⁷⁰ «Полоцкие писцовые книги относятся ко времени с 1563 г. по 1573 г., т. е. к тому периоду, когда Полоцкий повет, после долгого пребывания в руках Литовского правительства, очутился на короткое время под властью Москвы» (Сборник Археологического Института. СПб., 1880. Кн. III. Отд. II. С. 4).
- ⁷¹ Сборник Археологического Института. С. 10, 34, 40–41.
- ⁷² Русская историческая библиотека. Литовская метрика. Т. XXX. С. 803–811.
- ⁷³ *Филлюшкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков*. СПб., 2013. С. 755.
- ⁷⁴ Этот король, будучи горячим сторонником католицизма, тем не менее в своей государственной политике стремился к созданию условий мирного сосуществования различных конфессий: в 1577, 1578 и 1582 гг. он издает постановления, препятствующие беспорядкам на религиозной почве. В 1576 г. он издает два декрета, запрещающие (под страхом смерти) обвинять евреев в ритуальных убийствах и осквернении гостии; в 1578 г. – «привилегию» на свободные выборы как раввинов, подчиняемых исключительно королевской юрисдикции, так и еврейских судей (см.: *Żebrowski R. Dzieje Żydów w Polsce. Kalendarium*. Warszawa, 1993. S. 25–26).
- ⁷⁵ *Kronika polska, litewska, zmódzka i wszystkiéj Rusi Macieja Strykowskiego*. Wyd. nowe, bedace dokadném powtórzeniem wydania pierowtnego królewieckiego z roku 1582. Warszawa, 1846. Т. II. S. 428.
- ⁷⁶ См.: обзор этих памятников: *Kronika polska, litewska, zmódzka i wszystkiéj Rusi Macieja Strykowskiego*. S. 499–504; ср. также: *Reingold Heidenstein. De bello Moscovitico commentariorum libri sex*. Cracoviae, 1584 (рус. пер: *Рейнгольд Гейденштейн. Записки о московской войне*. СПб., 1889); многочисленные произведения крупнейшего поэта польского Ренессанса Яна Кохановского («De expugnatione Pollottei» – Ode XII, 1579; «Panu dzięki oddawajmy» – «Pieśni» II: 13, 1579; «Ad Stephanum Bathorreum Regem Poloniae...», 1583; «Jezda do Moskwy», 1582; «Epinikion», 1583) и других поэтов.
- ⁷⁷ См. подробнее: *Филлюшкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы*. С. 178–191.
- ⁷⁸ Сборник Археологического Института. СПб., 1880. Кн. III. Отд. II. С. 4.
- ⁷⁹ Материалы по истории и географии Дисненского и Вилейского уезда. С. 70.
- ⁸⁰ Цит. по: *Сапунов А.П. Витебская старина*. Витебск, 1885. Т. IV. Ч. 2. С. 367.
- ⁸¹ *Соловьев С.М. История России*. Кн. III. Т. 5. С. 626.
- ⁸² Когда сюда пришли Шереметев и Стрешнев с «государевыми ратными людьми», то «мещане и всякие жилацкие люди государю били челом и веру дали» (см.: *Сапунов А. Река Западная Двина*. Витебск, 1893. С. 445).
- ⁸³ «Воеводы Матвей Шереметев и Стрешнев город Друю взяли, и литовских людей побили, и дворы и костелы пожгли» (*Сапунов А. Река Западная Двина*. С. 452). В 1655 г. Друя сдалась шведам: «В 1654 году боярин Василий Петрович Шереметев взял города Друю, Дрису, Глубокое и людей привел ко кресту служить великому государю; а теперь Друю заняли

- шведы!» (Соловьев С.М. История России. М., 1961. Кн. V. Т. 10. С. 649).
- ⁸⁴ Соловьев С.М. История России. Кн. V. Т. 10. С. 627–628.
- ⁸⁵ Сапунов А. Витебская старина. Т. IV. Ч. 2. С. 14.
- ⁸⁶ Сапунов А. Витебская старина. Т. IV. Ч. 2. С. 357; Hedemann O. Głębokie – szkic dziejów. S. 31–32.
- ⁸⁷ Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской. Витебск, 1894. Т. XXV. С. 386.
- ⁸⁸ Сапунов А. Витебская старина. Т. IV. Ч. 2. С. 102–103, 107.
- ⁸⁹ Hedemann O. Głębokie – szkic dziejów. S. 33; Акты Виленской Археографической Комиссии. Вильна, 1909. Т. XXXIV. С. 214.
- ⁹⁰ Акты Виленской Археографической Комиссии. С. 216.
- ⁹¹ Часто встречающаяся в памятниках замена этнонима топонимом. Имеется в виду: «московские люди», «московское войско».
- ⁹² Иначе описывает захваченные трофеи Т. Кожон: 6 бронзовых пушек, 10 кожаных, окованных железом, 2 мортиры, 115 хоругвей (штанدارов), 5 татарских бунчуков, очень красивая икона Пресвятой Девы, а также 400 пленных (см.: Korzon T. Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. Т. 2: Epoka przedrozbiorowa. Lwów; Kraków; Warszawa, 1923. S. 363).
- ⁹³ Wespazjan Kochowski. Annalium Poloniae ab obitu Vladislai IV Climacteres. 1683 (польск. пер.: Wespazjan Kochowski. Historia panowania Jana Kazimierza / Wyd. E. Raczynski. Т. 2. Poznań, 1859. S. 129–130).
- ⁹⁴ Starożytna Polska pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym. S. 489–490; Słownik geograficzny. S. 599–600.
- ⁹⁵ Korzon T. Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. S. 372.
- ⁹⁶ Ibid. S. 373.
- ⁹⁷ Ibid. S. 362–364 и примеч. к с. 372–373. Ср.: «После известной битвы под Кушликами, где русские войска под начальством Хованского и Нащокина были разбиты, король Ян Казимир, посетив поле сражения, уехал на ночлег в Дисну; там с трудом нашли только три постоялые двора свободными для помещения свиты е.в. короля, по той причине, что все постоялые дворы были переполнены ранеными и искалеченными военными... При виде их король горько заплакал» (Материалы по истории и географии Дисненского и Вилейского уезда. С. 80).
- ⁹⁸ Материалы по истории и географии Дисненского и Вилейского уезда. С. 70; Hedemann O. Głębokie – szkic dziejów. S. 34.
- ⁹⁹ См.: Hedemann O. Głębokie – szkic dziejów. S. 34.
- ¹⁰⁰ Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской. Витебск, 1895. Т. XXVI. С. 170.
- ¹⁰¹ Возможно, это было какое-то нерегулярное и не дисциплинированное вольное соединение, причинявшее беспокойство местному населению, каких в то время было много (см.: Hedemann O. Głębokie – szkic dziejów. S. 35).
- ¹⁰² С таким названием вошел в историю вооруженный союз польской патриотической шляхты, воевавшей и с русскими, и с королевскими войсками под лозунгами консервативного, религиозного (защита католической веры) и освободительного характера. Однако конфедерация привела к противоположным, чем предполагали ее вожди, последствиям: соседние государства использовали ее как предлог для первого раздела страны, «находящейся в ситуации хаоса». См. подробнее: Konopczyński W. Konfederacja barska. Warszawa, 1936–1938. Т. 1–2.
- ¹⁰³ Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильна, 1874. Т. X. С. 351.
- ¹⁰⁴ См.: Davies N. God's Playground: The origins to 1795. Columbia University Press, 2005. P. 496–497; Rolnik D. Postawy szlachty litewskiej wobec konfederacji targowickiej // Wschodni Rocznik Humanistyczny. 2004. Т. I. S. 73–95.
- ¹⁰⁵ Алоизий Сулистровский (умер в 1796 г.) – видный государственный деятель ВКЛ, неоднократно избирался депутатом Сейма, ротмистр армии ВКЛ.
- ¹⁰⁶ ААД. № 18291. К. 190.
- ¹⁰⁷ См.: Rolnik D. Szlachta koronna wschodnich kresów Rzeczypospolitej zabranych w II rozbiórce wobec rosyjskich władz w 1793 roku // Studia Historyczne. 2001. Z. 2. S. 199–213.
- ¹⁰⁸ См.: Szyndler B. Powstanie kościuszkowskie 1794. Warszawa, 1994. S. 117; Mościcki H. General Jasiński i powstanie Kościuszkowskie. Warszawa, 1917; Sulek Z. Sprzysiężenie Jakuba Jasińskiego. Warszawa, 1992; Восстание и война 1794 г. в Литовской провинции (по документам архивов Москвы и Минска) / Сост., ред. и предисл. Е.К. Анищенко. Минск, 2002. Среди руководителей повстанцев в ВКЛ был и автор известного полонеза, Михал Клеофас Огинский. См.: Ogiński M. Pamiętniki Michała Ogińskiego o Polsce i Polakach od roku 1788 aż do końca roku 1815. Poznań, 1870.

- ¹⁰⁹ *Энгель А.* Описание дел, хранящихся в архиве виленского генерал-губернаторства. Вильна, 1869. Т. I. Ч. 2. С. 855.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 764–766.
- ¹¹¹ Там же. С. 760.
- ¹¹² *Hedemann O.* Historia powiatu brasławskiego. S. 143–144.
- ¹¹³ Архив виленского генерал-губернаторства, издаваемый Андреем Энгелем (при содействии К. Гомолицкого). Вильна, 1870. Т. II. Ч. 2. С. 93.
- ¹¹⁴ *Starożytna Polska pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym.* S. 489; *Nawrot D.* Litwa i Napoleon w 1812 roku. Katowice 2008.
- ¹¹⁵ Материалы по истории и географии Дисненского и Вилейского уезда. С. 72.
- ¹¹⁶ Там же. С. 108–109.
- ¹¹⁷ *Kukiel M.* Dzieje oręża polskiego. S. 276.
- ¹¹⁸ Акты Виленской Археографической Комиссии. Т. XXXVII. Документы и материалы, относящиеся к истории Отечественной войны 1812 г. Вильна, 1912. С. 208.
- ¹¹⁹ *Сорокин Р.* Муравьев в Литве // Русская старина. 1873. Т. VIII. С. 115.
- ¹²⁰ *Сорокин Р.* Муравьев в Литве. С. 115; Литовские Епархиальные Ведомости. 1878. С. 330; *Hedemann O.* Głębokie – szkic dziejów. S. 53.
- ¹²¹ Об отношении евреев к Наполеону см.: 1812 год. Россия и евреи. Русско-еврейские историки о войне 1812 года / Сост. М. Гринберг, В. Лукин, И. Лурье. М., 2012; *Фельдман Д.З.* Российские евреи в эпоху наполеоновских войн. М., 2013.
- ¹²² Вильна и Литовские губернии в 1812–1913 гг.: сборник документов архива Управления Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора / Изд. Ю.В. Татищев. Вильна, 1913. С. 88–89. Восторженный прием оказывали русским войскам и жители других городов ВКЛ, пострадавшие во время военных действий: в Ковно православными и католиками были устроены публичные торжественные богослужения, «даже евреи вынесли на площадь свою святыню – свиток Торы» (см.: Там же. С. 63). Разумеется, были и иные примеры: так, некий (крещеный) литовский еврей Вейс, бежавший за границу и поступивший во французскую военную службу, вернулся на родину уже в чине капитана и – еще до начала военных действий – в разговорах предсказывал, что скоро Северо-Западный край будет в руках французов, и потому не следует платить русскому правительству никаких налогов. Вейс был по доносу схвачен и сослан в Оренбургскую губернию под надзор (см.: Там же. С. 12).
- ¹²³ Там же. С. 67–68.
- ¹²⁴ Там же. С. 89.
- ¹²⁵ Там же. С. 238. Спустя 20 лет Буйницкий, уже старик, принял участие в восстании 1863 г., был заключен по приказу Муравьева в динабургскую крепость, где и скончался. (*Hedemann O.* Głębokie – szkic dziejów. S. 54.)
- ¹²⁶ Доминиканец Фаустин Чечерский (1760–1832) был сослан за участие в подготовке восстания Тадеуша Костюшко (1794) и «патриотическую деятельность в Литве» в Сибирь, где также собирал этнографические и исторические сведения. Его перу принадлежит и другой «Дневник», содержащий описание его и его товарищей сибирского опыта (1797–1801).
- ¹²⁷ Дневник визитатора доминиканских монастырей Северо-Западного края за 1821–1832 // Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильна, 1904. Т. XIV. С. 126.
- ¹²⁸ См. подробнее: *Zbiór pamiątek do powstania Litwy w roku 1831 / Wyd. F. Wrotnowski.* Cz. I–II. Paryż, 1833; *Zahorski A.* [Chłapowski K.]. Wojna na Litwie w roku 1831. Kraków, 1913; *Powstanie listopadowe 1830–1831. Dzieje wewnętrzne, militaria, Europa wobec powstania / Red. W. Zajewski.* Warszawa, 1980; *Państwo. Kościół. Niepodległość / Red. J. Skarbek, J. Ziólek.* Lublin, 1986. S. 55–72; *Tokarz W.* Wojna polsko-rosyjska 1830 i 1831 r. Warszawa, 1994; *Domański T.E.* Epoka Powstania Listopadowego. Lublin, 2000; *Polskie powstania narodowe na tle przemian europejskich / Red. A. Barańska, W. Matwiejczyk, J. Ziólek.* Lublin, 2001. S. 467–480, 505–517.
- ¹²⁹ Материалы по истории и географии Дисненского и Вилейского уезда. С. 109.
- ¹³⁰ Лужки – местечко, находящееся в 6 милях от Дисны и в 34 милях от Вильно, у соединяющей их дороги (см.: *Starożytna Polska pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym.* S. 490).
- ¹³¹ *Feduszka J.* Powstanie listopadowe na Litwie i Zmudzii // *Teka Komisji Historycznej.* OL PAN. 2004. № 1. S. 129. При этом вооруженные силы повстанцев оценивались противником весьма высоко: «Мятежники имели отличное регулярное войско и даже вели войну с нами, иногда даже со значительным успехом» (см.: *Гр.*

- Муравьев М.Н.* Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа. 1864 и 1865 г. // Русская старина. 1882. Т. 36. С. 424).
- ¹³² *Feduszka J.* Powstanie listopadowe na Litwie i Zmudzi. S. 146.
- ¹³³ *Hedemann O.* Głębokie – szkic dziejów. S. 54.
- ¹³⁴ См.: *Кропотов Д.* Жизнь графа Муравьева. СПб., 1874; *Долгоруков П.В.* Петербургские очерки, 1860–1867. М.; Л., 1934 (первое изд. – Лондон, 1864; переизд. в 1992 г. под заглавием: Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта. 1860–1867); *Сорокин Р.* Муравьев в Литве. С. 114–118. Муравьев стал прообразом персонажей романов В.В. Крестовского «Две силы» (1872) и Н.Г. Чернышевского «Пролог» (1877). В статьях А.И. Герцена в «Колоколе» («Портрет Муравьева», «Наши прогрессы», «Михаилы и Михайлы Николаевичи», «Виселица и Муравьев») отражен портрет Муравьева как палача и «людоеда». «Людоедом» же назвал Муравьева и петербургский губернатор, князь А.А. Суворов, отказываясь подписать ему приветственный адрес.
- ¹³⁵ Это прозвище возникло как раз после подавления польского восстания 1831 г., в чем Муравьев был столь эффективен, и отразило, согласно многим свидетельствам, его собственные слова, сказанные по прибытии в Гродно, куда он был в августе 1831 г. назначен губернатором. На вопрос, не родственник ли он казненного декабриста Сергея Муравьева-Апостола, Михаил Николаевич ответил, что он не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, которые сами вешают.
- ¹³⁶ *Гр. Муравьев М.Н.* Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа // Русская старина. 1882. Т. 36. С. 423.
- ¹³⁷ Материалы по истории и географии Дисненского и Вилейского уезда. С. 109; ср. также: *Hedemann O.* Historia powiatu brasławskiego. S. 171–174; *Сорокин Р.* Муравьев в Литве. С. 114–118.
- ¹³⁸ *Сорокин Р.* Муравьев в Литве. С. 116–117.
- ¹³⁹ Материалы по истории и географии Дисненского и Вилейского уезда. С. 73.
- ¹⁴⁰ См.: *Raństwo. Kościół. Niepodległość.* S. 98–100.
- ¹⁴¹ См.: *Kieniewicz S., Zahorski A., Zajewski Wł.* Trzy powstania narodowe: kościuszkowskie, listopadowe, styczniowe / Pod red. W. Zajewskiego. Warszawa, 1992; *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. Warszawa, 1987; *Kalemka S.* Powstanie Styczniowe 1863–1864: wrzenie, bój, Europa, wizje. Warszawa, 1990.
- ¹⁴² *Гр. Муравьев М.Н.* Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа // Русская старина. 1882. Т. 36. С. 387–433, 623–644; *Он же.* Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа // Русская старина. 1883. Т. 37. С. 131–166, 291–304 (польск. пер.: *Pamiętniki hr. Michała Mikołajewicza Murawiewa («Wieszatela»): 1863–1865, pisane w roku 1866.* Kraków, 1896).
- ¹⁴³ См.: *Гр. Муравьев М.Н.* Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа. Приложение: Осужденные и наказанные за участие в смуте 1863–1865 гг. // Русская старина. 1882. Т. 36. С. 617; ср. также: Вильна и Литовские губернии в 1812–1913 гг.: сборник документов архива Управления Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора / Изд. Ю.В. Татищев. Вильна, 1913. С. 88–89. За заслуги перед Отечеством М.Н. Муравьев получает высший орден Империи – орден Андрея Первозванного и графское достоинство.
- ¹⁴⁴ *Гр. Муравьев М.Н.* Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа // Русская старина. 1883. Т. 38. С. 145. Ср.: *Долбилов М.* Культурная идиома возрождения России как фактор имперской политики в Северо-Западном крае в 1863–1865 гг. // *Ab Imperio.* 2001. № 1–2. С. 227–268.
- ¹⁴⁵ *Гр. Муравьев М.Н.* Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа. 1864 и 1865 г. // Русская старина. 1882. Т. 36. С. 638.
- ¹⁴⁶ См., в частности: *Цылов Н.И.* Сборник распоряжений графа М.Н. Муравьева по усмирению польского мятежа в Северо-Западных губерниях 1863–1864 гг. Вильна, 1866; Из переписки М.Н. Муравьева относительно религиозных и церковно-обрядовых вопросов северо-западного края (1863–1864) // Русский Архив. М., 1914. Т. III. С. 546–565; *Долбилов М.Д.* Конструирование образов мятежа политика М.Н. Муравьева в Литовско-белорусском крае в 1863–1865 гг. как объект историко-антропологического анализа // *Actio Nova 2000: сборник научных статей / Отв. ред. А.И. Филюшкин.* М., 2000. С. 338–408. Ср.: *Сталюнас Д.* Этнополитическая ситуация Северо-Западного края в оценке М.Н. Муравьева (1863–1865) // Русские творческие ресурсы Балтии.

2003. <http://www.russianresources.lt/archive/Mater/staliunas.html>; *Долбилов М.Д.* Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010.
- ¹⁴⁷ *Starożytna Polska pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym.* S. 489; *Słownik geograficzny.* Т. II. S. 600.
- ¹⁴⁸ *Литовские Епархиальные Ведомости.* 1878. С. 330–331.
- ¹⁴⁹ *Материалы по истории и географии Дисненского и Вилейского уезда.* С. 73. См. также об участии евреев в январском восстании: *Merwin B.* Żydzi w powstaniu 1863 r. Lwów, 1910. Ср. соображения М.Н. Муравьева о ненадежности евреев, а особенно – еврейской молодежи в Северо-Западном крае в: *Государственный исторический архив Литвы.* Ф. 439. Оп. 1. Д. 217. Л. 27; ф. 378. Оп. 1863 г. Д. 114. Л. 9. См. также: С. 746–747.
- ¹⁵⁰ *Гр. Муравьев М.Н.* Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа. Приложение: Осужденные и наказанные за участие в смуте 1863–1865 гг. // *Русская старина.* 1882. Т. 36. С. 621.
- ¹⁵¹ *Вагнер П.С.* Глубокое // *Российская еврейская энциклопедия / Под ред. Г. Бранновера.* Т. 4. Историческое краеведение. М., 2000. Кол. 316. В. Едидович и Г. Гольдман в своей статье «Глубокое. История о рождении и гибели одного из старейших еврейских ишувов Восточной Европы» сообщают иные сведения: «Еврейская община появилась здесь только в 1569 году – спустя полтора века после основания поселения» (<http://shtetle.co.il/Shtetls/glubokoe/edidovich.html>). Присутствие евреев в Глубоком отражено и в его топонимике (озеро Кагальное).
- ¹⁵² *Starożytna Polska pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym.* S. 489. См.: *Бершадский С.А.* Литовские евреи; история их юридического и общественного положения в Литве от Витовта до Люблинской унии 1388–1569 г. СПб., 1883; *Санунов А.П.* Польско-литовское и русское законодательство о евреях. Витебск, 1884. Ср.: <http://www.sztetl.org.pl/ru/article/glebokie/5,-/?action=view>.
- ¹⁵³ *Hedemann O.* Głębokie – szkic dziejów. S. 42.
- ¹⁵⁴ *Ibid.* S. 42–43.
- ¹⁵⁵ *Ibid.* S. 43. Ср.: <http://www.sztetl.org.pl/ru/article/glebokie/6,-/>.
- ¹⁵⁶ *Hedemann O.* Historia powiatu brasławskiego. S. 359.
- ¹⁵⁷ *Вагнер П.С.* Глубокое. Кол. 316.
- ¹⁵⁸ *Słownik geograficzny.* Т. II. S. 599–600.
- ¹⁵⁹ *Едидович В., Гольдман Г.* Глубокое. История о рождении и гибели одного из старейших еврейских ишувов Восточной Европы (<http://shtetle.co.il/Shtetls/glubokoe/edidovich.html>).
- ¹⁶⁰ *Hedemann O.* Głębokie – szkic dziejów. S. 30. О глубокском еврейском кладбище и находке на нем в 2015 г. мацевы 1708 г. (старейшей из известных в Белоруссии) см.: *Белявский К.* Находка на еврейском кладбище в местности Глубокое // *Виртуальный штетл.* 30.7.2015 – <http://www.sztetl.org.pl/ru/cms/-17/4759,-/>; <http://www.sztetl.org.pl/pl/cms/aktualnosci/4759,odkrycie-na-cmentarzu-zydowskim-w-glebokiem/>; <http://www.sztetl.org.pl/he/cms/-17/4759,-/>; <http://www.sztetl.org.pl/en/cms/news/4759,discovery-at-the-jewish-cemetery-in-glubokoye/>.
См. также: *Андреев В.* Что расскажут камни // СБ. 03.08.2015. – <http://www.sb.by/kultura/article/chto-rasskazhut-kamni.html>.
- ¹⁶¹ *Hedemann O.* Głębokie – szkic dziejów. S. 29–30. См.: *Piechotka M., Piechotka M.M., Piechotka J.M.* Bramy nieba. Bożnice drewniane na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej. Wyd. 2. Warszawa, 2015. S. 280–281.
- ¹⁶² *Hedemann O.* Głębokie – szkic dziejów. S. 36.
- ¹⁶³ *Ibid.* S. 36–37.
- ¹⁶⁴ *Ibid.* S. 37.
- ¹⁶⁵ *Ibid.*
- ¹⁶⁶ См.: *Rosman M.J.* The Lords' Jews: Magnate-Jewish Relations in the Polish-Lithuanian Commonwealth during the Eighteenth Century. Cambridge, Mass., 1990 (польск. пер.: *Rosman M.* Żydzi pańscy. Stosunki magnacko-żydowskie w Rzeczypospolitej XVIII wieku / *Przekł. W. Tyszka.* Warszawa, 2005. S. 104–105; *Хундерт Г.Д.* Евреи в Польско-Литовском государстве в XVIII веке: генеалогия Нового времени / Пер. с англ. Ю. Табака. М., 2014. С. 52.
- ¹⁶⁷ *Материалы по истории и географии Дисненского и Вилейского уезда.* С. 88.
- ¹⁶⁸ *Хундерт Г.Д.* Евреи в Польско-Литовском государстве в XVIII веке. С. 49–50.
- ¹⁶⁹ *Hundert G.* The Role of the Jews in Commerce in Early Modern Poland-Lithuania // *Journal of European Economic History.* 1987. № 16. P. 245–275.
- ¹⁷⁰ См.: <http://www.jewishgen.org/Yizkor/Hlybokaye/hly-009.html#Page13>
- ¹⁷¹ См. о нем: *Zebrowski R.* Polski Słownik Judaistyczny. Warszawa, 2003. Т. 2. S. 174–175.
- ¹⁷² См. о нем: *Краткая еврейская энциклопедия.* Иерусалим, 1976. Т. 1. Кол. 345–348.

Инна Соркина

Местечко Глубокое и его жители на фоне эпохи: XVIII – первая треть XX в.

Историческое развитие Глубокое имело как общие черты, характерные для большинства городов и местечек региона, так и некоторые выделявшие его особенности. Богатое историческое прошлое Глубокое привлекает внимание исследователей. Прежде всего, необходимо назвать талантливого историка Оттона Хедеманна (1887–1937), посвятившего Глубокому монографическое исследование¹. Много делают для изучения родного края местные краеведы и патриоты Глубокое Иосиф Бунто, Владимир Скрабатун, Юрий Колбасич, Кастусь Шиталь, Надежда Храповицкая, Маргарита Коженевская и др.

Для восстановления исторической панорамы Глубокое важное значение имеют архивные материалы из Национального исторического архива Беларуси в Минске (НИАБ), Главного архива древних актов в Варшаве (AGAD), Литовского государственного исторического архива в Вильнюсе (LVIA/ЛГИА), Отдела рукописей библиотеки Вильнюсского университета (Rankraščių skyrius Vilniaus universiteto biblioteka), Отдела рукописей библиотеки Академии наук Литвы имени Врублевских (Rankraščių skyrius Lietuvos mokslų akademijos Vrub-

levskių biblioteka), Российского государственного исторического архива (РГИА). В данном исследовании с опорой на достигнутый уровень научных знаний по истории местечек региона отражаются разные аспекты истории Глубокое XVIII – первой трети XX в. на основе, главным образом, выявленных в указанных архивах документов, а также некоторых других источников (периодической печати, воспоминаний). Важное значение для раскрытия отдельных аспектов рассматриваемой проблемы имеют материалы новаторской магистерской диссертации Надежды Храповицкой, посвященной социально-демографическому положению христианского населения частновладельческого Глубокое в первой половине XIX в.²

Специфика исторического развития Глубокое

Для понимания специфики и уникальности Глубокое важно отметить дуализм его генезиса («двупанскость»³). Территория современного города Глубокое состоит из двух частей с идентичным названием, образовавшихся на границе двух имений также с одинаковым названием «Глубокое» –

частновладельческого местечка (принадлежавшего до 1622 г. Зеновичам, позже Радзивиллам, с 1832 г. Витгенштейнам) и духовного местечка (завещанного Юзефом Корсаком монастырю кармелитов, а после конфискации имущества монастыря превратившегося в казенное). Более того, две части Глубокого во времена Великого княжества Литовского (далее ВКЛ) и Речи Посполитой принадлежали к разным административно-территориальным единицам: частновладельческое имение и местечко – к Ошмянскому повету Виленского воеводства, а монастырское местечко – к Полоцкому воеводству. Существовала еще одна граница между обитателями двух имений и местечек: их христианское (униатское) население относилось к разным приходам (частновладельческое Глубокое принадлежало приходу глубокской церкви Святой Троицы, христианские жители кармелитского местечка Глубокое относились к приходу церкви в деревне Ковали в кармелитских владениях), что являлось барьером для матримониальных планов местечковцев⁴.

Частновладельческое Глубокое как более населенное и экономически развитое часто называлось в источниках «место» (город), кармелитская часть Глубокого значительно уступала по уровню развития и всегда называлась только «местечком». Обе части Глубокого были объединены после конфискации большей части монастырских владений в 1832 г. Согласно официальным «Материалам для географии и статистики России» по Виленской губернии (1861 г.), в Дисненском уезде только Глубокое действительно соответствовало статусу местечка, остальные же 17 местечек уезда были «не больше чем деревни, заселенные евреями»⁵.

В истории Глубокого привлекают внимание и, можно сказать, восхищают факты сопротивления жителей местечка неблагоприятным, порой трагическим обстоятельствам, борьба за свои права, в том числе за свободу, за жизнь. Интересно отметить, что автор описания Глубокской церкви и прихода второй половины XIX в., хранящегося в архиве Свято-Успенского Жировицкого монастыря, подчеркивал высокое «практическое умственное развитие» жителей Глубокого, объяснял это влиянием «большого разнообразия жизненных отношений здесь, чем в других местах». По глубокской логике, «умницей считают человека, зна-

Рис. 1. План частновладельческой части Глубокого (Miasto Głębokie) на границе с имением и местечком Глубокое монахов-кармелитов, 1811 г.⁶

Рис. 2. План частновладельческой части Глубокого (Miasto Głębokie) на границе с имением и местечком Глубокое монахов-кармелитов, 1830 г.⁷

ющего законы и могущего не поддаваться обманам и всякого рода подходам, умеющего постоять за себя или за кого другого из своих собратий»⁸.

В конце XVIII в. для Глубокого, как и для всех земель ВКЛ, начался новый период, связанный с присоединением к Российской империи. Для мешан христианского вероисповедания это оберну-

лось утратой мещанского статуса и закрепощением, что вызвало борьбу за возвращение утраченной свободы⁹. Кроме того, греко-католики (униаты) в 1839 г. были переведены в православие. Сохранились сведения о сопротивлении этому униатского священника из Глубокого Яна Обуха¹⁰.

Протестуя против условий отмены крепостного права в 1861 г., крестьяне (бывшие мещане) м. Глубокого отказывались подписывать уставные грамоты и платить оброк¹¹. Даже спустя более 20 лет после реформы оставались не урегулированными споры о земле между крестьянами Глубокской волости и князем Витгенштейном: в 1882 г. согласно «Ведомости о захваченной и оспариваемой земле Его Светлости князя Витгенштейна крестьянами Глубокской волости Дисненского уезда» таких спорных земельных угодий было 1043 десятины. Губернская администрация намеревалась отправить в Глубокскую волость воинскую команду «для прекращения своеволия крестьян», а также двух чиновников особых поручений «для вразумения крестьян»¹².

Сопротивление политике властей Российской империи в начале XX в. проявилось в деятельности в местечке тайных польских школ, в борьбе католического населения местечка против перевода в официальных школах преподавания уроков религии (Закона Божьего) на русский язык, а также против передачи православной Церкви часовни Св. Иосафата и запрета совершать к ней крестные ходы¹³.

Жители Глубокого пытались сопротивляться советской политике и подвергались репрессиям карательных органов. Осенью 1939 г. в Глубоком была создана тюрьма НКВД № 32 (позже № 28) для политических заключенных, которая размещалась в побазилианском монастыре в Березвечье и была рассчитана на 540 мест (одна из самых крупных в Западной Беларуси). По данным на апрель 1941 г., она была переполнена на 160–170%. Среди содержащихся там «преступников» находился и Леон Воякевич, учитель математики и директор гимназии в Глубоком. Он был приговорен к 10 годам заключения, вывезен в Коми АССР, где и умер. С 17 сентября 1939 г. по 24 июня 1941 г. на территории глубокской тюрьмы было убито от 400 до 800 заключенных. 24 июня 1941 г. колонна глубокских узников из 916 человек тронулась в так на-

зываемую дорогу смерти: по пути в Витебск сотрудниками НКВД были расстреляны 714 человек. Позже в этих же монастырских стенах нацисты организовали концлагерь (шталаг № 351)¹⁴. В этом лагере смерти было уничтожено свыше 27 тыс. советских и итальянских военнопленных¹⁵. И сегодня здесь находится тюрьма – исправительная колония особого режима № 13, она считается одним из самых суровых мест заключения в Республике Беларусь.

Осенью 1945 г. учащимися Глубокского педагогического училища с участием учеников средних школ Глубокого была создана подпольная молодежная организация «Союз белорусских патриотов» (СБП), которая выступала против тотальной русификации учебного процесса, за настоящую, а не декларативную государственность, суверенность Беларуси, государственный статус белорусского языка. В феврале 1947 г. СБП был разгромлен органами МГБ¹⁶. Участники этой организации (более 40 человек) были осуждены на большие сроки лишения свободы (от 10 до 25 лет)¹⁷.

Чрезвычайно активной была жизненная позиция еврейской общины Глубокого, свидетельствуя чему сохранилось достаточно много: от разнообразных обращений с прошениями и жалобами в соответствующие инстанции, деловых инициатив в сфере торгово-промышленного предпринимательства до отчаянных попыток сопротивления нацистам во время уничтожения гетто в августе 1943 г.¹⁸

Структура населения Глубокого

Одной из характерных черт городов и местечек на землях ВКЛ, как и в целом Центрально-Восточной Европы, являлась этническая и религиозная пестрота населения и, как следствие, разнообразие культур. Основными этническими группами городских центров на белорусских землях ВКЛ были белорусы и евреи. Причем в XVI – первой половине XVII в. в городских поселениях доминировали белорусы – они составляли не менее 80% всех жителей городов и местечек, евреев было от 2 до 10% населения. Этноконфессиональная структура городского населения в белорусском регионе существенно изменилась после войн, начавшихся в середине XVII в. (Казацко-крестьянская война 1648–1651 гг., война между Россией и

Речью Посполитой 1654–1667 гг., Северная война 1700–1721 гг.). Войны привели край к демографической и хозяйственной катастрофе. Особенно трагичной была тринадцатилетняя война с Россией, в которой городское население белорусских земель уцелело лишь на 45%¹⁹. Возникший вакуум начало заполнять еврейское население. Местные аристократы, заинтересованные в хозяйственном восстановлении своих имений, росте торговли и ремесел, приглашали евреев в свои поселения в обмен на гарантию безопасности, свободы торговли и вероисповедания, а также автономное общинное самоуправление. Глубокая взаимозависимость экономических интересов магнатов и евреев способствовала предоставлению еврейским общинам в конце XVII и в XVIII в. большого количества привилегий. Эта практика соответствовала программе восстановления Речи Посполитой после войн середины XVII – первой четверти XVIII в.

После разделов Речи Посполитой происходила окончательная кристаллизация социокультурной модели местечка. Эти поселения стали преимущественно еврейскими по составу населения в результате ограничительных законов Российской империи: введения черты еврейской оседлости, насильственного выселения евреев из сельской местности в города и местечки²⁰.

В контексте указанных процессов происходило постепенное превращение Глубокого в поликонфессиональное и полиэтническое местечко с преобладанием еврейского населения. Это хорошо иллюстрируют данные инвентарей XVIII – первой половины XIX в.

Табл. 1. Эволюция этноконфессиональной структуры радзивиловской части м. Глубокое²¹

Год	Количество дымов (дворов)	
	Еврейских	Христианских
1704	13	250
1752	88	194
1761	101	180
1765	124	175
1783	159	157
1807	198	134
1811	218	116
1820	234	89

Таким образом, за период чуть больше ста лет состав населения местечка изменился кардинальным образом: при общей тенденции к росту численности населения количество христианских дымов сократилось с 250 до 89, а количество еврейских возросло с 13 до 234.

Вместе с изменением этноконфессионального состава населения м. Глубокого менялась и его пространственная локализация. На примере Глубокого мы также находим подтверждение выявленной исследователями закономерности: евреи селились концентрированно вокруг торговой площади и более рассеянно по мере удаления от нее²². Эволюция пространственной локализации христианского и еврейского населения Глубокого на протяжении XVIII в. наглядно представлена на рисунках 3 и 4.

Рис. 3. Пространственная этноконфессиональная локализация населения в частновладельческом Глубоком на 1704 г. (схема-реконструкция Надежды Храповицкой).

Легенда к рис. 3: 1 – Рынок, 2 – ул. Замковая, 3 – ул. Виленская, 4 – ул. Друянская, 5 – ул. Дворная, 6 – униатская церковь Св. Троицы с кладбищем, 7 – озеро «Между Двором и Местом»; зеленым цветом обозначены христианские пляжи (участки), фиолетовым – еврейские пляжи

Накануне проведения городской реформы 1870 г. с помощью губернаторов были собраны статистические сведения о местечках. В Глубоком насчи-

тали 1999 жителей, около 70% которых относились к городским сословиям, почти все они были иудеями (таблица 2).

В 1880 г. сведения о местечках собирались вновь. Население Глубокое, принадлежащего князю Вит-

генштейну, составило 3723 человек. Структура его представлена в таблице 3.

В 1880 г. в другой части Глубокое проживало 1126 человек, сословная и конфессиональная структура населения показана в таблице 4.

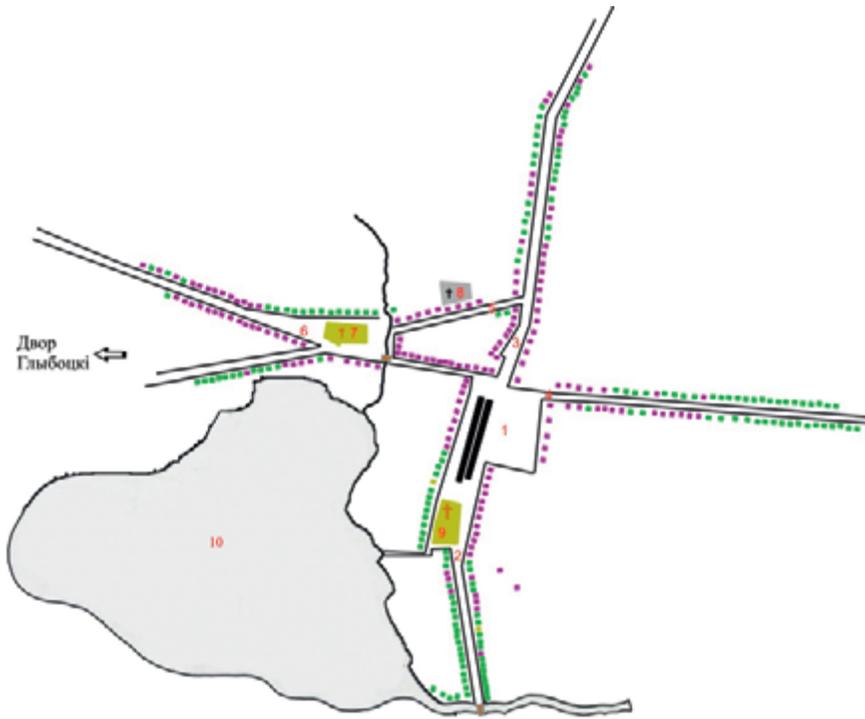

Рис. 4. Пространственная этноконфессиональная локализация населения в частновладельческом Глубоком на 1783 г. (схема-реконструкция Надежды Храповицкой).
 Легенда к рис. 4: 1 – Рынок, 2 – ул. Замковая, 3 – ул. Виленская, 4 – ул. Друянская, 5 – пер. Киселёвцизна, 6 – ул. Дворная, 7 – церковь Св. Петра с кладбищем, 8 – христианское кладбище, 9 – униатская церковь Св. Троицы с кладбищем, 10 – озеро «Между Двором и Местом»; зеленым цветом обозначены христианские пляцы (участки), фиолетовым – еврейские пляцы

Табл. 2. Структура населения Глубокое в конце 1860-х гг.²³

Всех жителей в Глубоком	Дворян и духовенства	Купцов и мещан		Лиц сельских сословий		% относительно общей численности населения		
		христиан	иудеев	христиан	иудеев	лиц городских сословий	лиц сельских сословий	иудеев
1999	17	15	1382	585	-	70,7	29,3	69,1

Табл. 3. Структура населения частновладельческого Глубокое в 1880 г.²⁴

Дворяне		Мещане						Крестьяне			
Мусульмане		Православные		Католики		Иудеи		Православные		Католики	
муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
2	2	-	-	2	1	1446	1579	210	291	89	101

Табл. 4. Структура населения казенного местечка Глубокого в 1880 г.²⁵

Мещане						Крестьяне			
Православные		Католики		Иудеи		Православные		Католики	
муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
-	-	-	-	297	313	133	147	109	127

Таким образом, в Глубоком проживали представители христианских конфессий (униаты (после 1839 г. православные), католики), иудеи, мусульмане. Этнический состав жителей Глубокого в данный период – это евреи (доминирующая группа населения местечка), белорусы, а также татары и цыгане (их упоминают источники первой половины XIX в., что будет показано ниже).

Основными сословными группами населения Глубокого, как и других местечек, были мещане и крестьяне. Среди представителей других немногочисленных сословных групп в социальной структуре местечка следует назвать купцов, дворян, духовенство, а также дворовых людей (служили в Дворе Глубокском) и военных.

В 1808 г. в Глубоком проживало 7 человек, которые относились к купечеству, вероятнее всего, это были представители еврейского населения²⁶.

О проживании дворян и духовенства в Глубоком информации мало. В конце 1860-х гг. эти две категории составили 17 чел. (таблица 2). Как видно из таблицы 3, в 1880 г. дворяне в местечке были представлены 4 мусульманами.

Инвентари конца XVIII – начала XIX в. содержат сведения о семье Рыхловских, которые в метрических записях и инвентарях помечены с титулом «JP». Возможно, Рыхловские были шляхетского происхождения. Под 1783 г. Андрей Рыхловский обозначен как «мечник», в 1808 г. – как «возный». Однако более поздних упоминаний об этом семействе нет – они исчезают из источников²⁷.

Количество дворовых людей было незначительно. Вероятно, обслуживание Двора не требовало большого штата прислуги. Так, ревизские сказки 1811 г. содержат упоминание о 5 дворах дворовых людей, живших при местечке²⁸.

О постоянном проживании военных в местечке источники упоминают редко. Так, среди должников по чиншу за пляцы (усадебные участки) в 1863 г. числились 5 солдат: Иван Белевич, Фома

Ловцевич, Бонифаций Соколовский, Иван Храповицкий, Семен Далидутка²⁹. Имели место временные посты армии. Так, например, в метрических записях за 1802–1804 гг. регулярно фигурируют в качестве крестных солдаты Александрийского гусарского полка (13 таких случаев)³⁰.

Статистика по межвоенному периоду, которая была выявлена в Отделе рукописей библиотеки Академии наук Литвы имени Врублевских, относится к 1932–1933 гг. По переписи населения от 9 декабря 1932 г. в городе Глубоком насчитывалось 15612 человек, в том числе польскоязычных 4475 (или 28,7%), «с другим языком» – 11132 (или 71,3%)³¹. В 1933 г. среди жителей Глубокого показаны 5382 представителя католической parroфии (в течение этого года из православия в католичество перешел 61 человек), 4000 иудеев, 120 мусульман, 8 лютеран, 2 баптиста, а также 10 литовцев³². Эти сведения неполные, о чем свидетельствует отсутствие информации о количестве православных в Глубоком.

Таким образом, для социума Глубокого, как и других местечек, была характерна сословная, конфессиональная, этническая, а, значит, и культурная гетерогенность.

Перипетии конфессиональной ситуации в Глубоком

Христианство в Глубоком было представлено разными направлениями. В период Реформации в конце XVI в. здесь был основан кальвинский сбор с библиотекой и школой. В начале XVII в. на месте сбора был возведен костел Святого Михаила (просуществовал до 1650 г.). В 1628 г. начал действовать Троицкий костел, возведенный в камне к 1782 г. В 1636 г. воевода мстиславский и староста дисненский Юзеф Корсак основал на своей части Глубокого костел и монастырь ордена кармелитов; при монастыре действовала школа. В середине XVII в. в местечке была построена униат-

ская церковь Святой Троицы³³. В 1735 г. кармелитский комплекс перестроен по проекту архитектора Иоганна Глаубица и стал первым примером «виленского барокко» на белорусских землях ВКЛ. Монастырь кармелитов в 1865 г. был закрыт, а костел с 1875 г. преобразован в православную церковь Рождества Богородицы³⁴.

Как свидетельствует документ, сохранившийся в отделе рукописей библиотеки Академии наук Литвы, в 1829 г. велось следствие по обвинению «кармелитского иеромонаха Киприяна Сосновского в насильстве восьмилетней дочери настоятеля Глубокской униатской церкви Юстина Павловского»³⁵.

Известно имя «мятежного» униатского священника Глубокого Яна Обуха, который проявил сопротивление ликвидации Унии и был выслан из местечка в 1837 г. за «непослушание и злостное невыполнение распоряжений властей»³⁶. В следующем 1838 г. церковь сгорела (возможно, это было одним из последствий перевода униатов в православие, но документальных подтверждений этому пока не найдено). В 1842 г. была построена на том же месте новая церковь – уже православная, тоже деревянная, «иждивением князя Витгенштейна и прихожан». В 1880 г. церковь вновь сгорела и больше не отстраивалась, так как в Глубоком уже имелась новая православная церковь, в которую был преобразован костел бывшего кармелитского монастыря. Единственный на сегодняшний день известный образ сгоревшей церкви – ее изображение на акварели «Местечко Глубокое (до пожара 1881 г.)».

Интересно отметить, что из сохранившегося документа «Дело о сооружении церкви в м. Глубоком, 1879 г.» следует, что подряд на строительство получил агент купец Борхардт, так как он предложил свои услуги за сумму на 433 руб. 70 коп. менее сметной суммы, при этом он характеризовался как «благонадежный и добросовестный строитель храмов Божих, получивший за церковностроительство серебряную медаль». Иконостас для глубокской церкви изготавливался скульптором Соломоном Антофильским в мастерской Левина в Вильно³⁸. Участие евреев в сооружении, перестройке и ремонте православных церквей в период их массового возведения на землях бывшего ВКЛ во второй половине XIX в., несмотря на существующие запреты, было довольно распространенным явлением.

Кроме церкви Св. Троицы, в Глубоком существовала и другая церковь – Св. Петра с кладбищем, вероятно также униатская. Она располагалась у вершины треугольника между ул. Дворной и Киселёвкой (что видно на рис. 4). Церковь Св. Петра в последний раз упоминается в инвентаре под 1783 г. Позже в 1818 г. на этом месте упоминается только кладбище, а еще через 20 лет это место обозначается как «давнее кладбище, Конский Рынок, при котором казенная корчма». Таким образом, церковь пришла в упадок и исчезла в конце XVIII – начале XIX в. Исходя из того, что корчма на месте бывшей церкви возникла после пожара 1831 г., можно предполагать, что огонь уничтожил все деревянные постройки на этом

Рис. 5. Две части местечка Глубокое до пожара 1881 г.³⁷ Рисунок отражает как частнособственническое (слева за озером), так и кармелитское (справа) местечко Глубокое с комплексом костела и монастыря кармелитов. На рисунке видна лишь часть частнособственнического местечка: ул. Замковая и деревянная церковь Св. Троицы. Точка обзора художника – со стороны Двора Глубокского

месте, чем поспособствовал решению властей придать этому участку недалеко от центра местечка другое – более прибыльное функциональное назначение. Нельзя исключать и вероятности того, что российские власти пытались стереть с местного ландшафта социотопографические свидетельства об униатстве³⁹.

Как известно, многие униаты, присоединенные к православию в 1839 г., стремились перейти в католичество, особенно после указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. О том, что часть прихожан Глубокского римско-католического костела – это бывшие греко-католики (униаты), свидетельствует их прошение, поданное в апреле 1912 г. на имя премьер-министра Российской империи после безрезультатного обращения к управляющему епархией, о возвращении им каменной часовни Св. Иосафата Кунцевича⁴⁰, к которой они «в прежние старые годы совершали в положенные дни крестные ходы». В 1869 г. «некий архимандрит, заведующий Березвечской церковью, при содействии полиции взял из часовни фигуральное изображение Св. Иосафата и бросил в близ лежащее озеро, из которого католики, хотя и вынули чтимую фигуру, но вторично опасались поместить в часовню, а соорудили крест с фигуральным изображением распятого Спасителя и водрузили в часовне». В 1905 г. возобновились крестные ходы к часовне. Было получено разрешение на ее ремонт. Однако в 1911 г. православное духовенство стало претендовать на то, что эта часовня православная. Крестные ходы к ней католиков были вновь запрещены. Глубочане просили об «оставлении нам нашей часовни и разрешении построить оную на том же месте, так как православное духовенство наняло рабочих и разбивает нашу часовню». Промшение подписали около 80 человек⁴¹.

Следует подчеркнуть, что многие белорусы-католики под влиянием Костела, а также государственной политики Российской империи, а позже и межвоенной Польши стали идентифицировать себя как поляки (в отличие от аутентичных поляков, их принято называть «костельными поляками»). В период Российской империи этот процесс был реакцией на политику русификации. Данный тезис подтверждается документами второй половины XIX – начала XX в. Так, по сведениям учителя глубокского народного училища

Леонарда Окулича, местные жители (христиане) как местечка Глубокое, так и окрестных селений разговаривали на белорусском языке («употребляют наречие белорусское»⁴²). Однако белорусский язык так и не был допущен в школы до самого конца существования Российской империи. Когда начался перевод преподавания уроков религии (Закона Божьего) для католиков на русский язык, то было подано множество прошений от жителей Глубокое и его окрестностей о том, что они поляки, польский язык для них родной, что молятся они на польском языке, и на этом основании они требуют преподавать их детям Закон Божий на польском языке. Приведем несколько фрагментов таких обращений 1912 г. на имя члена Государственной Думы ксендза Станислава Мациевича: «В местечке Глубоком имеются два училища: Народное 2-классное и Городское 4-классное, в которых учатся наши дети католики. До настоящего года в означенных училищах Закон Божий преподавался детям нашим на польском языке, а в настоящем же году Инспектор народных училищ Нечаев предложил Законоучителям преподавать Закон Божий исключительно на русском языке, и тем лишил детей наших нравственного развития, так как русский язык в душевных наших отношениях и молитвах совсем нам чужой. Хотя ж Дисненский уезд населен белорусами, но белорусский язык употребляется только по деревням и в домашнем разговоре, далее же везде употребляется польский язык, а потому мы родители желаем и требуем, чтобы дети наши учились Закона Божия на польском языке, на котором предки наши и мы молимся Господу Богу и слушаем слова Его в костеле»⁴³. Прочитируем более эмоциональное обращение: «Из газет мы узнали, что Священник Вераксин утверждал в Государственной Думе, что нас Поляков нет в Дисненском уезде. Это удивительно – когда мы хотим купить землю у православного, открыть школу, поступить на государственную службу, то нам говорят в глаза: “Вы Поляки, вам нельзя, разве тогда лишь, когда примете православие”. Когда же отдаем ребенка в школу, то, несмотря на протесты наши, на то, что мы умеем читать по-польски, нас же называют белорусами <...>. Молим Вас со слезами – не дозвольте Священникам Вераксиным убивать нас душевно, скажите в Думе, что у нас столько жиз-

ненных сил, что мы все перенесем <...>. Мы просим Вас окажите нам помощь открыть хоть начальные польские школы – хоть на наши средства»⁴⁴.

В Глубоком существовало тайное обучение польскому языку. Есть тому несколько свидетельств. В одном из подобных приведенных выше прошений говорилось: «У нас принято как заповедь Божия не отдавать ребенка в школу, пока не обучим тайком читать и писать по-польски. Если же местные условия, ставимые полицией, так тяжелы, что по-польски мы не можем обучать ребёнка, то во все не посылаем в русскую школу»⁴⁵. В декабре 1907 г. была раскрыта тайная польская школа в м. Глубокое, которую организовал ксендз Буйвис на средства общества «Освята» в доме, нанятом у крестьянина Матвея Садохи. В ней польской и русской грамоте обучались 75 детей, учителями были дворянки Мария Буш, Станислава Мостович и мещанин Адольф Кленовский⁴⁶.

8 октября 1908 г. Глубокский отдел «Союза русского народа»⁴⁷ обращался в Виленский губернский отдел этой организации с прошением «ходатайствовать перед генерал-губернатором о закрытии в м. Глубоком польской школы как противогосударственной, имеющей своей целью не просвещение народа, а воспитание в духе ненависти к Русскому Царю, Русскому Народу и Православию. Пользуясь бедствием нашей Родины, поляки напрягают все усилия к разложению ея, и на развалинах Русского Государства они стремятся восстановить Польшу от моря до моря. А для этой цели им нужно посредством школ ополячить и окатоличить Русский Православный Народ». Попечитель Виленского учебного округа рапортовал виленскому генерал-губернатору: «Обучение польскому языку с преподаванием на этом языке и других предметов производилось в м. Глубоком в доме Садоха от имени благотворительного римско-католического общества. Местной администрацией в лице пристава 1-го стана Дисненского уезда было сделано предупреждение этому обществу о незаконности такого обучения без разрешения учебного начальства. В январе 1908 г. училище было закрыто, дети распущены по домам родителей»⁴⁸.

Таким образом, приведенные факты показывают, что школа была втянута в острое идеологическое противостояние между Русской православной церковью и католическим костелом.

Негативное влияние на конфессиональную ситуацию в Глубоком, как и в других населенных пунктах региона, оказывала деятельность шовинистического «Союза русского народа». Одним из свидетельств этого является небольшая заметка на страницах газеты «Наша Ніва» (№ 34 за 1910 г.): «У чэрвені прыезджаў у Глыбокае ковенскі Архірэі пасьвенцаць у Берэзвечы цэркву, каторая была калісь-то з Базыльянскім манастыром. Глыбочане чэкалі і перэймалі высокага духоўніка хлебам і соляй – і ўсё было-б добра, каб не якіесь-то злыдні, каторыя пачалі раздаваць народу лісткі, у каторых цкуюць людзей адных на адных»⁴⁹. На страницах этой газеты «злыднями» местные корреспонденты часто называли черносотенцев из «Союза русского народа».

Верования и жизненный уклад евреев на протяжении тысячелетий определял иудаизм. В XVIII в. из Волыни на белорусские земли начало проникать новое мистическое религиозное течение – хасидизм. Хасидские лидеры – цадики – в отличие от раввинов считались посредниками между верующими и Богом, чудотворцами и ясновидящими. В белорусском регионе хасидизм имел более рациональный по сравнению с территорией Украины характер и получил местную самобытную форму – Хабад. После издания «Положения о евреях» 1804 г., в котором официально признавалось существование в еврействе двух направлений, хасидизм занял легальное место в религиозной жизни евреев Российской империи. Между хасидами и сторонниками ортодоксального раввинского иудаизма (хасиды называли их *миснагдим* – «оппоненты») развернулась активная борьба в форме взаимных доносов властям, памфлетов, отлучения хасидов от синагоги (*херем*) и др. В Глубоком были представители обоих направлений. Цадик Вульфович и «школа Китаёвцев» упоминаются в 1863 г.⁵⁰ *Китаёвцами* называли хасидов, что объясняется по-разному: от идишского *кат* (секта) и от «китайка» (шелковая материя, из которой якобы предпочитали шить себе халаты хасиды)⁵¹. По данным некоторых источников, в конце XIX в. большинство глубокских евреев были хасидами⁵².

По сведениям на 1867 г. в Глубоком имелись: 1 деревянная синагога, 6 деревянных и 1 каменная молитвенные школы⁵³.

Рис. 6. Синагога
в Губоком.
Фото 1920-х гг.⁵⁴

Рис. 7.
Синагога
в Губоком.
Рисунок
Сергея
Веремейчика.

Уроженцем Глубокоего был известный раввин, один из крупнейших талмудических авторитетов своего времени Шмуэль Могилевевер (1824–1898).

Рис. 8. Шмуэль Могилевевер⁵⁵

Он был основоположником религиозного течения в движении Ховевей-Цион, предшествовавшего сионизму. Получил смиху (присвоение звания раввина) в Воложинской иешиве (1842 г.). Был раввином в родном городе с 1848 по 1854 г. Позже был раввином в Шакае, Сувалках, Радоме. Во всех этих местах был активен в общинных делах. Во время восстания 1863 г. призывал евреев сохранять нейтралитет. Являлся сторонником сотрудничества с маскилами (приверженцами просветительского движения Хаскала) и требовал, чтобы раввины «сочетали религиозную ученость со знанием наук в соответствии с духом времени»⁵⁶.

Татарское население Глубокоего исповедовало ислам. Мусульмане в Глубокоем, отраженные в статистике, составляли в 1880 г. 4 человека⁵⁷, в 1933 г. – 120 человек⁵⁸.

До 1914 г. глубокские татары принадлежали к приходу в Видзах, после Первой мировой войны – к приходу в Докшицах, насчитывавшему в 1937 г. 456 человек. В 1919 г. был заложен татарский мизар (кладбище) в Амбражевичах (Амбросовичах) под Глубоким. Умерших хоронили также и на старом мизаре в Докшицах. В 1931 г. глубокские татары построили собственный молитвенный дом на улице Татарской (сегодняшняя улица Школьная, между домами № 3 и № 5) на земле, дарованной глубокским татаринном Александром Конопатким. Это

был деревянный прямоугольный сруб, накрытый гонтовой крышей. На уличном фасаде имелось небольшое крыльцо на четырех столбах, накрытое крышей, с мусульманским полумесяцем на щите. Во время Второй мировой войны в 1944 г. мечеть сгорела. Татары живут в Глубокоем и сегодня, это небольшое сообщество под руководством Александра Якубовского (в 1989 г. в городе насчитывалось 127 лиц татарской национальности)⁵⁹.

Рис. 9. Татарский молитвенный дом в Глубокоем⁶⁰

Таким образом, конфессиональная ситуация в Глубокоем характеризовалась сосуществованием различных направлений христианства (порой с проявлениями острых противоречий), иудаизма, ислама.

Социально-правовое положение христианского населения местечка

С XVI в. население частнособственнического местечка Глубокоего (на то время полностью христианское) упоминается как «мещане глубокские». По инвентарям XVIII в. систематически прослеживается наличие у христианского населения Глубокоего мещанского статуса. Однако в первой половине XIX в. социальный статус глубокских мещан-христиан был изменен. Глубокое в Российской империи не получило городских прав, и мещане-христиане были переведены в категорию крестьян. Аналогичные процессы происходили на всех землях ВКЛ.

По инвентарям первой половины XIX в. можно проследить «двойственность» статуса бывших глубокских мещан. В инвентарях 1807 г. и 1808 г. сохра-

няется старое определение социального состояния мещан. Однако в инвентаре 1808 г. повинности жителей Глубокого, которые раньше всегда выделялись отдельно, уже сведены в один список с повинностями крестьян окрестных деревень. В инвентарях 1811 г. и 1820 г. жители местечка Глубокого уже перечисляются вместе с жителями всех остальных деревень имения под общей рубрикой «Sytuasya Wloscian». В ревизских сказках христианские жители Глубокого рассматриваются как крестьяне⁶¹.

Некоторые документы НИАБ («Декреты, представления, решения комиссии для разбора Радзивилловских дел об отыскании свободы подданными имения Глубокого. 1833–1837 гг.», «Представления, рапорты, копии решений Радзивилловской комиссии об имении Глубокое, освобождении крестьян от крепостной зависимости и др. 1835–1836 гг.»⁶²), которые требуют основательного изучения, свидетельствуют о том, что имела место борьба бывших мещан-христиан Глубокого за освобождение от крепостной зависимости и возвращение мещанского статуса – подобно тому, как это происходило в других местечках бывшего ВКЛ.

Борьба за свободу закрепощенных после присоединения к Российской империи мещан местечек бывшего ВКЛ, которые не попали в число вновь созданных российскими властями городов, носила упорный и достаточно массовый характер. Были использованы всевозможные формы борьбы – многочисленные жалобы, прошения в различные инстанции, судебные тяжбы, отказ от выполнения повинностей, насильственные действия, направленные против представителей администрации помещика, государственных чиновников и полиции. Институтом самоорганизации и самоуправления, с помощью которого люди целенаправленно и упорно защищали свои права, выступала сформированная самими мещанами община (*громада*). «Бунты» жителей местечек во имя свободы свидетельствуют о том, что они не были тихими и покорными, не только мечтали об утраченных правах, но и активно за них боролись. Они хорошо знали свою историю, тщательно хранили привилегии, выданные их предкам королями польскими и великими князьями литовскими, и использовали их в борьбе за личную свободу и землю⁶³.

Христианское население Глубокого, хотя и не добилося возвращения утраченного мещанства, сохра-

няло гордость за городской статус Глубокого в прошлом, одним из свидетельств чего является определение Глубокого как «Места» в метрических книгах.

Инвентари свидетельствуют, что среди глубоких бывших мещан-христиан сумел остаться свободным и сохранить свой мещанский статус Антоний Пухович, который жил на Рынке возле церкви Св. Троицы. Его статус в 1818 г. обозначен как «вольный», а его сын Казимир в 1840 г. указан как «мещанин Докшиц» (очевидно, он вынужден был приписаться к ближайшему городу Докшицы). Семья Пухович обладала высоким социальным престижем среди местечковцев, что проявилось в том, что жену Антония Теофилию Пухович жители Глубокого униатского вероисповедания довольно часто приглашали в качестве крестной для своих детей – при этом девочки получали имя Теофилия. По метрическим записям 1798–1816 гг. встречается 25 таких случаев крещения⁶⁴.

По состоянию на 1840 г. в Глубоком упоминается еще 3 домохозяйства мещан-христиан, однако все они приписаны к уездному городу Дисна (их статус обозначается как «мещанин Дисненский»). Среди них – Франтишек Микульской; вдова Белевичева; а также цыган Станислав Белевич. Цыгане появлялись в городах эпизодически, но не задерживались вследствие своего странствующего образа жизни. Царские власти пытались сделать цыган оседлыми, например, был принят указ о том, чтобы цыган приписать к мещанскому или купеческому состоянию. Однако новозаписанные мещане и купцы летом все равно вели кочевой образ жизни. В инвентарях 1807–1820 гг. имеется упоминание Яна Белевича как «цыгана», что жил на окраине местечка на улице Дворная; в 1818 г. появляется упоминание еще об одном цыгане – Станиславе Белевиче, что осел на той же улице Дворной. Семьи цыган Белевичей, получив статус мещан, вынуждены были приписаться к городу Дисна⁶⁵.

Ревизские сказки 1816 г. содержат информацию о семье Леона Гмызы, которая «имеет на дворянство доказательство». Трудно оценить обоснованность их претензий на дворянство. Гмызы были потомственными ремесленниками-сапожниками⁶⁶. Возможно, бывшая мещанская семья избрала такую стратегию, чтобы добиться исключения из категории крепостных крестьян.

Другим способом повысить свой социальный статус был переход из крестьян в церковнослужители. Этим путем воспользовались Элияш Соколовский и Гилярий Тавёнок: в 1811 г. они показаны как дьяк и органист при братстве Св. Троицы, позже инвентари и ревизские сказки стали фиксировать их, а также и их сыновей, как дьяков⁶⁷. В 1854 г. 22-летний крестьянин католического вероисповедания Иосиф Дземидович добился «увольнительного свидетельства Палаты государственных имуществ о дозволении ему поступить в Духовное звание» и получил возможность «определения в число семинарских воспитанников»⁶⁸.

Уменьшение численности, ухудшение правового положения христианского населения Глубокого (перевод в категорию крестьян), конкуренция со стороны еврейского населения привели к изменению профессиональной структуры глубокских христиан. Еще в середине XVIII в. среди христианского населения было довольно развитым ремесленное производство. Из общего числа 194 христианских домохозяйств ремеслом занималось 115, или около 60%. Больше всего было сапожников (42), портных (19) и кожевников (13). Среди этих ремесленников возможно проследить и династии. Сведения инвентарей м. Глубокого демонстрируют значительную долю постоянных ремесленных занятий в семьях и передачу мастерства из поколения в поколение. Среди ремесленников-христиан встречаются и более «уникальные» профессии: золотник, мечник, стекольщик, пивовар, винник, скоморохи, музыканты и т.д. Обращает на себя внимание и тот факт, что в первой половине XVIII в. в Глубоком торговля и шинкарство еще не были полностью делом еврейского населения. Так, в 1704 г. из 17 лавок местечка владельцы-христиане были в 12. В 1752 г. среди 35 имеющихся лавок только 2 были во владении христиан. По данным инвентарей первой половины XIX в. наблюдается постепенный упадок ремесленного производства среди христианского населения Глубокого. К 1820 г. сократилось не только количество, но и удельный вес ремесленников среди общего числа христианского населения: из 89 христианских дворов ремесленники составляли 29, или 32,6%. Тем не менее, даже во второй половине XIX в. по сведениям автора «Церковно-исторического и статистического опи-

сания Глубокской церкви и прихода» в местечке Глубоком среди христиан оставалось много «скорняков, столяров, портных и особенно гончаров и сапожников»⁶⁹.

В 1874 г. православные крестьяне м. Глубокого добивались распространения на них льгот, какими пользовались православные русские поселенцы в Северо-Западном крае. В своем прошении на имя виленского генерал-губернатора представители глубокских жителей Андрей Сивко, Семен Лавринович, Николай Филипович, Петр Пашкович, Данила Шевченко, Иван Завадский, Юрий Богданович и Василий Зезюля отмечали: «В 1865 г. мы просители получили надел казенной земли в м. Глубоком, мы православного исповедания из местных крестьян Глубокской волости родом. Осмеливаемся утруждать Ваше Высокопревосходительство покорнейшею просьбою о предоставлении нам как православным льгот, которыми пользуются русские поселенцы»⁷⁰. Будучи насильственно переведенными из мещан в крестьяне, а также из униатов в православные, жители м. Глубокого пытались из этого извлечь хоть какую-либо пользу для себя.

Самоуправление в местечке

В Глубоком в XVIII – первой половине XIX в. существовали должности войта и подвойта. Должность войта была характерна для всех частновладельческих городов, однако была ли это выборная должность или назначаемая владельцем – зависело от конкретного случая. К обязанностям войта относилась, среди прочего, регулярная ревизия противопожарной безопасности в местечке. Инвентари донесли имена глубокских войтов этого периода: кожевник Павел Плискачевич, сапожник Станислав Колосовский, кожевник Антоний Петух⁷¹.

В результате крестьянской реформы 1861 г. крестьяне Глубокого получили сословное самоуправление, представленное волостным правлением. Ведению волостного правления подлежал весьма ограниченный круг дел: производство из волостных сумм всякого рода денежных расходов; принятие на работу и увольнение наемных волостных должностных лиц; продажа имущества крестьян по искам и требованиям. Волостное правление выполняло некоторые упрощенные нотариальные функции: вело книгу договоров, куда крестьяне могли в добровольном порядке заносить сделки

Табл. 5. Мещанское управление Глубокого по сведениям на 1884 г.⁷²

Название мещанского общества	Общий состав его населения	Состав мещан по вероисповеданиям	Какое существует мещанское управление	Личный состав мещанского управления
Глубокское	1009	1007 иудеев, 2 христианина	Мещанское управление, староста и его помощник	Староста Казимир Матвеев Кроп, римско-католического вероисповедания, в должности с 17 мая 1884 г., его помощник Мовша Залманов Фейгельсон, иудейского вероисповедания, в должности с 17 февраля 1883 г.

между собой на сумму не более 300 рублей, а также регистрировало завещания крестьян.

Один из эпизодов деятельности волостного правления – рассмотрение вопроса о выделении средств на Глубокское училище – нашел отражение в газете «Наша Ніва» (№ 7 за 1910 г.): «Хватае грошы на кірмаш, а на книжкі – німаш»: на глыбочанскіх кірмашах заўсягды народу паўнюсенька. Таргі ідуць бойка: у дзьвох манапольках, у дзьвох карчмах і па ўсіх тайных шыночках, – а іх знойдзеш амаль не ў кожнай хаце. А як прыйшлося зрабіць прыгавор, каб скінуцца па капейцэ з дзесяціны і адкрыць гарадское вучылішча, дык паднялі такі гвалт, што хоць ты вушы затыкай! “І бяз книжкі, – загудзелі яны, – патрапяць нашы дзеці араць ды баранаваць!” <...> але знайшліся людзі, каторыя можэ і даб’юцца лепшай справы».

С 1875 г. в местечках вводилось мещанское управление. По причине того, что мещане Глубокого, как и других местечек в черте еврейской оседлости, состояли почти исключительно из евреев, сложно было выполнить требование закона о том, чтобы мещанское управление на $\frac{2}{3}$ состояло из христиан.

На мещанских выборах в Глубоком в 1896 г. старостой был избран Афроим Зунделев Дрейзеншток, помощником старосты – Сроль Янкелев Зак. Баллотировались и мещане-христиане: Ромуальд Шуневич, Станислав Кроп, Августин Закржевский, Игнатий Войцехович. Однако все они получили малое количество голосов (от 6 до 35 из 137 избирателей). Первые два не имели в Глубоком имущества и не проживали в местечке, сапожник А. Закржевский характеризовался как «предающийся пьянству», а сапожник И. Войцехович как «неграмотный,

занимающийся незлостным ростовщичеством». В губернскую администрацию поступила анонимная жалоба на «неправильное произведение выборов», которая была «оставлена без уважения»⁷³.

Евреи доминировали в городском самоуправлении Глубокого и в межвоенный период, по крайней мере, до 1935 г. Об этом, например, свидетельствует одна из публикаций в местной газете «Gluboker Lebн», в которой говорится о том, что евреи составляли $\frac{2}{3}$ городского магистрата, однако на выборах 1935 г. они были вынуждены согласиться на объединение с правительственным блоком и в результате составили 7 из 15 депутатов⁷⁵.

Следует также упомянуть о еврейском общинном самоуправлении, которое в Глубоком, как и в других штетлах, было довольно развитым. Самоуправление осуществлялось местечковой олигархией, из среды которой образовывалось (выбиралось) общинное правление – *кагал*. Кагал собирал налоги с жителей, организовывал религиозную жизнь и социальную помощь, поддерживал порядок в местечке, вершил суд и осуществлял карательные функции, включавшие телесные наказания и *херем* (отлучение). Жизнь местечковых евреев вращалась вокруг синагог (*шул* – идиш), молельных домов (*штибл* – у хасидов, *клойз* – у миснагедов) и *бейс-мидрошей* («дом учения» – место изучения Торы). Под эгидой синагоги существовала целая система, удовлетворявшая религиозные, религиозно-образовательные и социальные нужды населения. Она включала правление синагоги, раввина, религиозный суд, старосту синагоги (*габе*), кантора, ритуальных резников скота и птицы (*шойхетов*), владельцев мясных кошерных лавок, содержателя ритуальной бани (*микве*), по-

хоронное братство (*хебра кадиша*). Такая система позволяла рядовому еврею существовать в своей среде, мало соприкасаясь с внешним миром⁷⁵.

Экономическая деятельность

Глубокое было торгово-ремесленным местечком с доминированием торговой функции. Три ежегодные ярмарки существовали в Глубоком с 1645 г., со времени их основания по привилегии Владислава IV. Бывали периоды, когда количество ярмарок возрастало. Так, по сведениям на 1864 г. в Глубоком в этом году собралось 6 ярмарок: «6 января на Богоявление Господне, 2 февраля на Сретение Господне, 25 марта на Благовещение Богородицы, 28 мая на Вознесение Господне, 18 июня на Воссоединение Унии с Православием, 8 сентября на Рождество Пресвятой Богородицы»⁷⁶. Кроме ярмарок существовали еженедельные базары, которые проводились по воскресеньям или четвергам.

Источники позволяют представить соотношение торгово-промышленных оборотов Глубокого на 1900 г.: в этот период 94,4% всех оборотов местечка составляли торговые обороты, на промышленные приходилось 5,6%⁷⁷.

Большое значение в экономической деятельности жителей местечка христианского вероисповедания имели сельскохозяйственные занятия.

Экономическое положение и устройство обеих частей Глубокого в 1880 г. характеризовалось следующим образом: «Камеры Мирowego судьи и временного судебного следователя, станова квартира, почтовая станция с приёмом и выдачей корреспонденции, Волостное правление, мещанское управление и аптека. Крестьяне занимаются земледелием, а евреи торговлею и разными ремеслами». Жители обеих частей Глубокого платили такую «городскую» подать, как налог с недвижимости. Количество недвижимых имуществ в 1880 г. составило 415 в частновладельческой части и 245 в казенной, налог уплачивался в размере 306 руб. с обеих частей Глубокого⁷⁸.

В Глубокском историко-краеведческом музее посетители информируют о том, что в конце XIX в. в местечке имелись 2 завода по производству лимонада, 2 сапожные мастерские, 5 мануфактурных и 96 мелочных магазинов, 2 аптеки, 11 питейных и 4 заездных домов, 2 трактира, несколько хлебопекарен, маслобойня по производству льняного и конопляного масла, 2 водяные и 2 ветряные мель-

ницы. В 1911 г. Перец Мирман построил мельницу, которая приводилась в движение дизелем.

По описанию на 1909 г. в Глубоком было около 7 тыс. жителей, из которых $\frac{2}{3}$ составляли евреи. «Местечко достаточно торговое, имеется множество разнообразных магазинов и лавочек еврейских, есть крупный польский магазин Общества потребителей. Каждый четверг бывают большие ярмарки при большом количестве народа. Достаточно крупная аптека»⁷⁹.

Наиболее информативным документом о хозяйственной деятельности жителей Глубокого являются подробные «Сведения о состоянии сельского хозяйства и промышленности», составленные в 1873 г. учителем Глубокского народного училища Леонардом Окуличем, приведенные с сокращениями в Приложении 1. Впечатляет слаженность экономического организма местечка, где у каждого его жителя есть своя ниша и своя роль. Евреи Глубокого были заняты в сфере торговли (во всех ее формах: ярмарочной, базарной, стационарной), ремесла, рыболовного промысла, арендаторства (аренда помещичьих имений, озер, садов, мельниц). Белорусы кроме сельскохозяйственной деятельности занимались ремеслами (сапожничество, гончарство, плотничество и др.), рыбной ловлей, извозом. Взаимодействие евреев и белорусов в экономической сфере жизни местечка было связано не только с торговлей. Крестьяне Глубокого имели возможность дополнительного заработка, нанимаясь к евреям для доставки еврейских товаров в Дисну, Динабург, Вильно, Минск, а также для выполнения плотнических работ или ловли рыбы.

Татары известны как лучшие огородники. Возможно, благодаря им в Глубоком в свое время появились свекла, брюква, редис, огурцы, тыква и многое другое. В Глубоком татары выращивали и два сорта табака: «Бакун» и «Мултан». Татары также занимались торговлей лошадьми и козами, извозом (фурманы). Однако глубокские татары наиболее прославились на Виленщине своими навыками выделки кож. «Кажымякі», как их называли жители Глубокого, занимались отделкой кожи лошадей, коров, телят, коз, овец. К концу XIX в. в Глубоком было 16 кожевенных мастерских⁸⁰.

В межвоенный период Глубокое сохраняло свою важную торговую роль. По данным на середину 1920-х гг. в местечке собирались 4 ярмарки в год,

количество дней для еженедельных торгов (базаров) возросло до трех: понедельник, четверг, пятница⁸¹. Действовали кондитерская фабрика, кожаный завод, множество магазинов, а также больница (на 60 мест), 4 аптеки⁸², 2 гостиницы, 2 заездных двора, 4 харчевни⁸³.

Активность еврейского населения Глубокого

Первое упоминание в письменных источниках о евреях в Глубоком относится к середине XVI в. В 1704 г. в местечке было 13 еврейских дворов (105 человек). В 1776 г. количество евреев возросло до 755 человек⁸⁴. По данным на 1847 г. в Глубокском еврейском обществе числилось 2183 человека: 993 мужчины и 2183 женщины⁸⁵. В 1897 г. из общего числа жителей Глубокого 5564 человек было 3917 евреев (около 70%), в 1921 г. перепись населения зафиксировала в Глубоком 2844 еврея (63%)⁸⁶.

В топонимии Глубокого еврейское присутствие проявилось в наличии другого названия озера Глубокого – «Кагальное», что объясняется расположением рядом с одним из его берегов еврейских молитвенных школ⁸⁷, а также арендой озера еврейской общиной (кагалом)⁸⁸.

Документы, почерпнутые из фондов архивов Минска и Вильно, свидетельствуют о разных сторонах жизни еврейской общины Глубокого, позволяют представить масштабы ее деятельности, стратегии поведения в той или иной ситуации.

Евреи Глубокого в XVIII в. были активны не только в торговле на локальном уровне, но и в межрегиональной и зарубежной торговле. Сохранились документы о сделках глубокских купцов-евреев с немецкими купцами из Крулевца (Кёнигсберга)⁸⁹. Купцы из Глубокого вели активные торговые операции с Вильно, Варшавой, Ригой.

Евреи Глубокого упомянуты в жалобе монашек бернардинок Вильно в Главный трибунал ВКЛ от 23 ноября 1771 г. Бернардинки подали жалобу на пана Игнатия Кривоблоцкого и на глубокских евреев, с которыми Кривоблоцкий вошел в сговор и заложил за определенную сумму денег имущество бернардинок без их ведома⁹⁰.

Сохранились сведения о том, что в 1794 г. шесть глубокских евреев, обанкротившись, оставались должниками (3000 золотых) базилианского монастыря в Березвече⁹¹.

Как известно, во время антироссийских восстаний 1830–1831 гг., 1863–1864 гг. евреи белорусско-литовского края, как правило, придерживались нейтралитета. Казалось, что интересную информацию должен содержать выявленный в Минске архивный документ под названием «Дело по прошению мещанина м. Глубокого Фридмана о снятии с него полицейского надзора, установленного за причастие к польскому восстанию 1831 г.». Но оказалось, что полицейский надзор за указанным глубокским евреем был установлен по причине того, что у него были найдены некоторые вещи из числа разграбленных воинскими чинами у помещика Рудоминова. По объяснениям Шавеля Фридмана, эти вещи были им куплены у еврея Израиля Шромана⁹². Местное население, в том числе и евреи, терпели убытки из-за реквизиций во время восстания. Так, мещанин Глубокого Вульф Спаер жаловался на то, что 28 сентября 1831 г. сотник казачьего полка Харитонов взял у него для казенных лошадей овса 30 четвертей и сена 80 пудов⁹³.

Любопытный факт сообщает один из документов Литовского государственного исторического архива: в 1834 г. при строительстве дома купцом 3-й гильдии Фейгельманом на месте, где находилась деревянная церковь Святой Троицы с богадельней («шпиталь для бедных», «шпиталь униатский»), в земле, где стоял униатский шпиталь, были найдены старинные монеты, называемые «шилинги» (196 штук)⁹⁴. Дело о праве владения этим участком земли тянулось до 1871 г., когда в конце концов было принято решение «об очистке площадей, принадлежавших Глубокской церкви и самовольно застроенных частными лицами»⁹⁵.

В 1835 г. канцелярией виленского генерал-губернатора «была получена частным образом записка о злоупотреблениях в Глубокском кагале <...>, кагал обще с местным начальством делают разные злоупотребления, притесняют всяким образом тамошних евреев, от чего они пришли в совершенную бедность». Сообщалось, в частности, что в Глубокском кагале числится 949 мужского пола и 1190 женского пола душ, и что при составлении последних ревизских сказок утаено около 100 человек⁹⁶.

В 1841 г. глубокский кагальный Янкель Кач был снят с занимаемой должности за предоставление

неверных сведений о внеочередной сдаче рекрутов Глубокским кагалом⁹⁷.

В 1867 г. местные власти пытались урегулировать вопрос о еврейских погребальных братствах, ограничив их поборы. Еврейское кладбище в Глубоком предполагалось разделить на 4 разряда: за погребение в 1-м разряде плата составляла 10 руб., во 2-м – 5 руб., в 3-м – 2 руб., в 4-м – бесплатно⁹⁸.

Судя по сохранившимся источникам, еврейская община Глубокого не была богатой. Среди факторов, которые ухудшали экономическое положение жителей местечка, были злоупотребления арендаторов. Виленский губернатор отмечал в 1850 г., что жители м. Глубокое непрерывно жалуются на арендатора Анну Шмидт за «неправильное взимание торговых сборов от всех хозяйственных произведений, чем жители так обеднели, что не в состоянии уплачивать казенных податей и столь значительные казенные недоимки»⁹⁸. В Приложении 2 публикуется документ, в котором приведен список лиц – должников по чиншево-земельным платежам арендатору Анне Шмидт по м. Глубокое

в 1863 г.: в списке значились 220 человек (почти все евреи), их долг составлял 522 руб. 9 коп. Крестьяне м. Глубокое не уплатили к тому времени оброка на сумму 291 руб. 86 коп., отказавшись подписать уставные грамоты¹⁰⁰. Как уже отмечалось, в этом документе упоминаются «школа Китаёвцев», «Цадик Вульфович», что подтверждает наличие среди евреев Глубокого представителей хасидизма.

В 1881 г. уполномоченные от еврейского общества м. Глубокого ходатайствовали об отпуске из сумм коробочного сбора 665 руб. на продовольствие бедных евреев местечка. Просители утверждали, что более 200 семейств «живет впроголодь и терпит крайнюю нужду», на них числятся большие недоимки государственных податей¹⁰¹.

Как формировался коробочный сбор в Глубоком, помогает представить архивный документ «Об утверждении табели таксы на взимание коробочного сбора и смет расходов сего сбора по еврейским обществам Виленской губернии» (таблица 6).

Табл. 6. Сведения о коробочном сборе в м. Глубокое в 1873 г.¹⁰²

Доход (всего в 1873 г.: 1106 руб.)											
От убоя крупного скота (в копейках)		От убоя мелкого скота (в копейках)			От рези птицы (в копейках)						Ожидается от отдачи кор. сбора в откупное содержание
вола	коровы	подъяловки	теленка	барана, овцы, козы, козла	индюка	индейки	гуся	утки	курицы, петуха	парыцы-плат	
50	40	25	15	12	10	8	8	3	2	2	1300 руб.

Расход						
На содержание синагоги	На пособие бедным	На оклад земельного сбора и сбора на ... (неразборчиво)	На содержание при МВД раввинской комиссии, при генерал-губернаторе ученых евреев	На заготовление метрических книг	На приобретение от раввина Гурвича экземпляра собрания молитв на праздничные дни	Остаток на 1 января 1874 г.
50 руб.	60 руб.	84 руб.	16 руб. 41 коп.	8 руб. 8 коп.	51 руб.	836 руб. 57 коп.

Одним из страшнейших и достаточно частых бедствий в местечке были пожары. Например, известно, что Глубокое горело в 1700, 1756, 1831, 1859, 1874, 1882, 1910 годах. Как правило, погорельцам помогали жители как самого Глубокого, так и других местечек. Приходилось обращаться и к владельцам местечка. Так поступили 40 еврейских семейств, пострадавших от пожара в 1831 г., взяв у князя Льва Витгенштейна ссуду на восстановление домов в размере 1684 руб. 83 коп. серебром (от 18 до 150 руб. на каждую семью). В 1859 г. эта история имела продолжение – одновременно рассматривались две судебные тяжбы: 1) по иску князя Петра Витгенштейна о взыскании денег, выданных пострадавшим от пожара евреям по заемным обязательствам; 2) по иску жителей Глубокого о неправильном взыскании Экономией князя с жителей местечка торгового сбора за разные продукты и жизненные припасы. Евреи пытались довести до сведения суда, что сумма в размере 1654 руб. 83 коп. была князем Витгенштейном евреям «по случаю их бедности лично подарена»¹⁰³. Однако когда губернское правление дало разрешение на опись и оценку имущества глубокских евреев-должников для продажи с публичных торгов, то евреи обратились с прошением, в котором предлагали «оба дела кончить миролюбным порядком, дабы раз и навсегда прекратить дальнейшие обоюдные распри и тяжбы»¹⁰⁴.

В 1874 г. погорельцы Глубокого (евреи и христиане) обращались с прошением к виленскому генерал-губернатору с просьбой выдачи им пособия: сообщалось, что сгорело 30 жилых домов, без крова остались 60 семейств. Под прошением поставили свои подписи и евреи, и христиане местечка. За шестерых неграмотных христиан расписался Вацлав Богданович, евреи же расписались собственноручно (те, кто не владел русским языком, возле своих имен, написанных по-русски, поставили подписи на идиш)¹⁰⁵. Последние два листа данного прошения с подписями приведены в Приложении 3.

В 1898 г. в Глубоком было основано пожарное общество. Сохранилось его обращение к виленскому генерал-губернатору в 1899 г. с просьбой об отпуске 150 рублей на приобретение новых пожарных инструментов из сумм Глубокского нотариального сбора (в нотариальной конторе в Глубоком взимался сбор с актов в пользу местечка)¹⁰⁶.

О пожаре в 1910 г. писала белорусская газета «Наша Ніва» (№ 22 за 1910 г.): «20 мая с поўначы ў нашым мястэчку пачаўся пажар. У скорасьці перэскачыў ён на суседніе вуліцы, і ўзнялося бытцам мора агня, у каторым, як сьнег на вясну, сталі та-яць дамы, крамы... Згарэлі дзьве хаўрусныя крамы “саюза рускіх людзей” – і “Пчэла”; манаполька, хаўрусная польская крама і шмат іншых. Шкоды многа». Кроме информации о самом пожаре, эта короткая заметка свидетельствует о том, что в местечке в этот период были не только еврейские лавки и магазины, но появились кооперативные торговые точки, принадлежавшие польским и российским организациям – например, существовали два магазина «Союза русского народа».

Архивные документы сохранили свидетельства защиты евреями Глубокого своих экономических интересов. Так, в 1882 г. они пытались добиться переноса Дисненского съезда мировых судей из г. Дисны в м. Глубокое, надеясь, что это поспособствует оживлению экономической жизни местечка¹⁰⁷. В 1895 г. евреев, живущих и торгующих на Виленской улице, встревожил факт заложения владельцем местечка Карлом-Готлибом Оттоновичем Скерстом новой улицы к вокзалу: они полагали, что в результате этого Виленская улица может утратить свою бойкость в торговом отношении. Чтобы воспрепятствовать инициативе Скерста, евреи обратили внимание губернского начальства на то, что сход (собрание) домохозяев местечка не давал согласия на устройство новой улицы, обсуждались лишь вопросы установки фонарей, посадки деревьев по улицам¹⁰⁸.

В 1904 г. Абрам Фрумин получил через торги подряд на работы по замощению подъездного пути от м. Глубокого до станции Березвечь. Объявленная им цена была наименьшей из предложенных на торгах и менее сметной суммы на 286 руб. 19 коп.¹⁰⁹

В 1880 и 1882 г. купцы и обыватели м. Глубокого (судя по подписям под прошениями – все евреи) обращались с ходатайством к виленскому генерал-губернатору об открытии конного почтового тракта по Глубокско-Свентянской военно-коммуникационной дороге с учреждением почтовых станций с лошадьми в Глубоком, Поставах, Дуниловичах, Годутишках. Просители доказывали, что «наше местечко по числу жителей и торгов-

ле крайне нуждается в таковой станции и почтовом тракте»¹¹⁰.

В 1903 г. евреи Глубокоего протестовали против застройки рыночной площади лавками владельцем местечка Викентием Осиповичем Путырским (приобрел Глубокое у Скерста в 1897 г.). В своем прошении возмущенные евреи писали о том, что Путырский под видом подвижных ларей временного характера устроил 3 лавки, которые сдает в аренду за 60 руб. в год, сложил на рынке стройматериалы и собирается застроить площадь со всех четырех сторон лавками. Просители требовали воспретить Путырскому дальнейшую застройку базарной площади и распорядиться о сношении неправильно возведенных лавок. Свою позицию просители обосновывали так: «М. Глубокое, имея населения 8 тысяч и имея общественное и мещанское управление, носит городской характер. Мы сами устроили Базарную площадь, устроили колодец, провели мостовую за свой счет, мы сами очищаем эту площадь, мы пользуемся гноем, собранным на площади, мы постоянно торгуем на этой площади, а главное – Базарная площадь никогда не находилась в фактическом вла-

дении ни Путырского, ни прежних владельцев»¹¹¹. На уровне губернской администрации просьба глубокских евреев не была удовлетворена. Известно, что они обращались по поводу этой проблемы в Сенат.

Порой противоречивые и конфликтные отношения складывались между самими евреями Глубокоего. Примерами могут служить как архивные документы, так и материалы периодической печати. В архивных фондах губернской администрации сохранилась переписка о том, что в 1870 г. купец 2-й гильдии Лейзер Вольфсон обратился с прошением о разрешении ему устроить в Глубокоем винокурный завод. Однако этому воспрепятствовал арендатор казенной мельницы Залман Мирман, опасаясь, что винокурный завод может повлиять на уменьшение уровня воды в реке¹¹³. В 1893 г. на рассмотрение виленского генерал-губернатора поступило «Дело по безымянному прошению жителей домовладельцев м. Глубокоего об ограждении их от незаконных действий ростовщика Шмуйлы Овсева Левина». Ростовщицеством занимались супруги Шмуйла и Хана Левины. Сообщалось, что справедливому разбиратель-

Рис. 10. План базарной площади Глубокоего с показанием расположения планируемых подвижных ларей. 1903 г.¹¹²

ству по этому делу воспрепятствовала взятка в размере 500 руб.¹¹⁴

Достаточно комичные сцены разрешения конфликтов между евреями путем драк в синагоге содержат материалы газеты «Gluboker Lebn» (25 сентября 1931 г.): «Другие люди любят драться в барах... Мы предпочитаем драться в синагоге. Все споры, все эмоции, все виды безумного поведения сохранялись для синагоги на Шабат или праздник. Если кто-то затаил обиду против кого-то... он ждет Субботы». Газета сообщала, что в предыдущую Субботу были драки в трех синагогах. Особенно крупное «сражение» произошло в 1932 г. на Йом Киппур (Судный день – самый важный из праздников, день поста, покаяния и отпущения грехов). Потребовалось даже вмешательство полиции. 25 человек были привлечены к суду. Редактор местной газеты призвал оппозиционные партии примириться перед началом суда. Какое-то время казалось, что это удалось, но как только начался суд, взаимные обвинения возобновились, вызывая смех присутствующих¹¹⁵.

В период нахождения Глубокого в составе Польши в 1920-х – 1930-х гг. активность евреев проявлялась и в других сферах. В местечке функционировали касса взаимопомощи, выдававшая малоимущим беспроцентные ссуды, еврейский банк, больница, поликлиника. Еврейские дети обучались как в двух польских, так и в двух еврейских школах (в одной из них преподавание велось на идише, в другой – на иврите), а также существовала польская школа для еврейских детей с выходным днем по субботам («Шабасувка»). Кроме этого, в Глубоком был еврейский торговый техникум «Хандлювка», обучение в котором велось на идише. В это же время в местечке работали пять синагог, столько же бет-мидрашей, более десяти хедеров, а также иешива. Есть сведения, что в 1930-е гг. подпольно работала любавичская иешива под руководством Мандельбойма¹¹⁶. В местечке существовала еврейская пресса: издавались газеты «Gluboker Lebn» («Жизнь в Глубоком»), «Gluboker Shtime» («Голос из Глубокого»), «Gluboker Vokh» («Неделя в Глубоком»). С книгами еврейских писателей, а также с переведенными на идиш произведениями русских, английских, польских и немецких классиков литературы можно было ознакомиться в Глубокской библиотеке. О развитой культурной жизни в те годы говорит и тот факт,

что для евреев в двух кинотеатрах наряду с польскими кинофильмами были в прокате и еврейские киноленты на идише, снятые в США. По данным на 1928 г. один из кинотеатров Глубокого принадлежал Давиду Брудному¹¹⁷. Имелись также хор, оркестр, несколько драматических кружков и футбольная команда «Маккаби».

Рис. 11. Футбольная команда «Маккаби из Глубокого»¹¹⁸

Рис. 12. Оркестр мандолин из Глубокого¹¹⁹

Не меньшей была деловая активность евреев Глубокого. Сохранились имена предприимчивых бизнесменов Мойсея Шультгейфера, Гершона Ледермана, Залмана Рубашкина¹²⁰.

В Глубоком функционировали сионистские организации: прежде всего «Хе-Халуц», в 1930-х гг. сообщается о деятельности «Бейтар», «Ха-Шомер

Рис. 13. Сионисты Глубокоего¹²¹

ха-цаир». Получила распространение и деятельность «Бунда».

Все еврейские политические партии и общественные организации после вхождения Глубокоего в 1939 г. в состав БССР были ликвидированы советскими властями.

Видимо, последней еврейской организацией в местечке было созданное в Глубокском гетто подполье, которое организовало вооруженный отпор во время уничтожения гетто в августе 1943 г.

Проявления антисемитизма

Трудно согласиться с тем, что на белорусских землях исторически никогда не было антисемитизма, как утверждал поэт Рыгор (Григорий) Бородулин в предисловии к «еврейскому» номеру журнала «АРСНЕ»¹²². Более правильной представляется мнение историка Игоря Марзалеюка о том, что для белорусов был характерен «мягкий вариант» антисемитизма. С одной стороны, для антисемитских представлений местного христианского населения характерен практически тот же самый набор негативных стереотипных образов еврея, что бытовал и во всем христианском мире. С другой стороны, некие «превентивные» массовые акции, самосуд над евреями без доказательства их вины не только почти не проводились, но и осуждались людьми. Отрицая это, мы никогда не поймем мотиваций поступков тех белорусов, которые принимали участие в еврейских погромах во время первой и третьей российских революций, гражданской и Второй мировой войн. А не учитывая специфики белорусского антисемитизма, мы не

сможем рационально объяснить, почему на белорусской земле подобные позорные поступки никогда не достигали таких масштабов, как у наших ближайших соседей¹²³.

Антисемитизм в местечках проявлялся в бытовании отрицательно окрашенных этнических стереотипов относительно евреев; действиях, связанных с унижением евреев как носителей другого вероисповедания и культуры; в распространении слухов о возможном насилии в отношении евреев; в погромах. Хотя враждебность чаще всего проявлялась в формах бытового антисемитизма, не переходя в насильственные действия, однако она создавала атмосферу беспокойства и настороженности.

Время от времени в местечках распространялись слухи о возможности насильственных действий в отношении евреев. В архивных документах начала 1860-х гг. есть подобные материалы, касающиеся и Глубокоего. Однако, несмотря на наличие таких фактов, местечки белорусских губерний избежали массовых еврейских погромов, которые произошли на территории Украины в начале 1880-х гг. Известны незначительные (по сравнению с украинским регионом) проявления антиеврейского насилия: в 1883 г. в Вороново¹²⁴ Виленской губернии, в 1885 г. – Зельве¹²⁵ Гродненской губернии и др. В Национальном историческом архиве Беларуси в Минске сохранились сведения и о погромах в ближайших к Глубокому местечках Долгинове (июнь 1886 г.) и Докшицах (26 мая 1887 г.). Описание погрома в Докшицах содержится в переписке губернских чиновников: «В полдень с повода одной крестьянки из деревни Кривуль Виленского уезда Марии Конон, утверждавшей, что Михель Гутнер отнял у нее в лавке 3 руб., затеялся беспорядок, некоторые крестьяне из той же деревни пытались произвести погром на подобие Долгиновского, бывшего в прошлом году. Собрались возле лавок Михеля Гутнера и Шмулы Изакона и принялись было разбивать лавки. <...> Из 10 000 толпы народа собралась почти половина. <...> На счастье пристав Кладкевич с урядниками утихомирили полупьяную толпу. Человек 10 самых главных зачинщиков арестовали»¹²⁶.

Обострение христианско-иудейских отношений, в том числе и в белорусских местечках, происходило в начале XX в. в результате активизации дея-

тельности черносотенцев (членов «Союза русского народа»). Однако, когда по всей черте оседлости Российской империи прокатилась очередная волна погромов, белорусский край снова значительно отличался от других регионов. Например, в октябре 1905 г. известны 23 случая погромов на белорусской территории и 292 по всей черте оседлости. Учитывая, что и по количеству еврейского населения, и по территории белорусские губернии составляли значительную часть черты, эта «диспропорция» обращает на себя внимание. Исследования погромов в белорусском регионе в период 1903–1906 гг. показывают, что основной «погромный» импульс исходил от представителей местной российской администрации и жандармско-полицейских структур¹²⁷.

Значительно меньший уровень антиеврейского насилия на белорусских землях объясняется отсутствием здесь «казацких традиций»¹²⁸; замедленностью модернизационных процессов и особенностями ментальности белорусов¹²⁹; спецификой социально-экономического развития (каждая этноконфессиональная группа занимала свою нишу в социальном и экономическом отношении – поэтому конкуренция между ними была минимальной), отсутствием агрессивного антисемитизма у белорусов¹³⁰. Следует учитывать небольшие размеры белорусских местечек, что позволяло всем жителям хорошо знать друг друга. Это тоже один из факторов, который влиял на то, что белорусы в местечках не поддерживали провокаций и призывов к погромам.

Рис. 14. Беседа М. Крутикова и И. Соркиной с В.С. Перепечко

Есть сведения о том, что ко второму году Первой мировой войны в Глубоком функционировало отделение Еврейского общества помощи жертвам войны и погромов. Оставляя местечко, российские войска устроили несколько погромов в августе и сентябре 1915 г.¹³¹

Межвоенная Польша в определенной степени являлась «уникальным государством»: с одной стороны, ни в одной другой стране Центрально-Восточной Европы еврейское население не было столь широко представлено в общественно-политической сфере различного рода политическими и общественными организациями, с другой – ни одна другая страна не знала столь широкого размаха проявлений антисемитизма¹³². Исследователи отмечают два периода пика развития антисемитизма в межвоенное время: рубеж 1910-х – 1920-х гг. и вторая половина 1930-х гг. В основе второго этапа лежали две основные причины: последствия экономического кризиса 1929–1932 гг., рост профашистских настроений в Польше на волне популярности идей национал-социализма, связанных с приходом Гитлера к власти в Германии¹³³.

В Глубоком также имело место изменение лояльного отношения к евреям. Это, в частности, проявилось в ухудшении положения еврейских учеников в польской гимназии – их стали избегать, в 1938 г. доходило даже до нескольких случаев открытого избиения¹³⁴.

Одна из старожилов нынешнего Глубокого Вера Степановна Перепечко, 1926 г.р., вспоминая о польской школе, в которую ходили представители всех национальностей, проживающих в местечке, рассказала о некоторых имевших место антисемитских выходках и подшучивании над учениками-евреями. Так, во время проведения урока религии раввином «дети двери откроют, крикнут: “Аюсь!” (свинья), они тогда кидают и начинают сначала». Бывало, на доске писали антисемитские лозунги по-польски: «Бейте жида! В Палестину!»¹³⁵

В.С. Перепечко также поделилась воспоминаниями о том, как подшучивали над евреями в праздники: «Если евреи молятся в своей школе, то пацаны словят ворону или голубя и впустят им, и свечки потухнут, они уже сами не запалят. Они тогда позовут и дадут 5 грошей, чтоб запалили свечку»¹³⁶.

И на примере Глубокого можно убедиться в том, что наиболее прочными стереотипами относительно евреев являются те, которые касаются объектов культового почитания, обрядов и ритуалов, бытового этикета¹³⁷. Среди наиболее распространенных и устойчивых мифов – миф об использовании евреями в ритуальных целях христианской крови – дожил со времен средневековья до XX в. И сегодня старожилы Глубокого в своих воспоминаниях рассказывают о бочке с гвоздями для добывания крови для мацы¹³⁸.

Евреи Глубокого и окрестностей глазами католических священников

В отделе рукописей библиотеки Академии наук Литвы сохранились очень интересные документы – ответы ксендзов Глубокского деканата на анкету о евреях, разосланную в декабре 1935 г. Курией виленского митрополита. Вопросы анкеты и ответы на них ксендза м. Глубокого (его имя и фамилия подписаны неразборчиво) приведены в Приложении 4. Первая часть анкеты касается информации о количестве еврейского населения, их занятиях, эмиграции в Палестину и другие страны, о переходе из иудаизма в католичество. Из сведений, представленных глубокским ксендзом, видно, что в местечке проживало 3711 евреев, и еще 21 еврей находился в деревнях, принадлежащих парафии; за десятилетие с 1925 по 1935 гг. эмигрировало 17 семей, за это же время было 2 случая перехода евреев в католичество. Главнейшее занятие евреев Глубокого – торговля, менее распространенным занятием среди евреев было ремесло. Только 3 еврейские семьи связаны с земледелием. Вторая часть анкеты касалась вопросов миссионерской деятельности среди евреев и принятия евреями христианства (католичества), а также возможных способов решения «еврейского вопроса». В приведенных рассуждениях глубокского ксендза достаточно очевидно проявились его антисемитские взгляды, в том числе позиция о необходимости принуждения евреев к эмиграции. Стоит пояснить идею анкетированного взять пример с Вены и создать местный «Pauluswerk». Организация с таким названием («Дело Павла») была создана в 1935 г. в Вене Иоханнесем Остеррайхером с целью примирения иудаизма и христианства, обращения евреев в христианскую

веру и помощи «неарийским католикам». И. Остеррайхер (1904–1993) сам был крещеным евреем, получившим в 1927 г. сан священника. В 1936 г. во главе организации встал иезуит Георг Бихльмайр, занимавший достаточно антисемитские позиции, но во времена господства национал-социализма спасший многих евреев. «Pauluswerk» прекратил свое существование в 1938 г.¹³⁹

Следует отметить, что еще двое ксендзов Глубокского деканата высказали схожие антисемитские позиции. Были предложения: «вытеснить евреев с рынка труда, из сферы торговли, чтобы они эмигрировали в а-la Биробиджан¹⁴⁰»; «самооборона от евреев во всех отношениях, разрыв с ними всяких связей и контактов»; «покинуть их собственной судьбе»¹⁴¹ и т.п.

Эпилог

Местечко Глубокое и его жители прошли через разные этапы в своем историческом развитии. Представленные страницы истории Глубокского отразили круговорот активности в хозяйственной, религиозной, просветительской, культурной, социальной, общественно-политической деятельности. Местечко Глубокое на протяжении веков являлось зоной интенсивных межэтнических и межрелигиозных контактов, для которой характерны динамика, разнообразие, противоречия, конфликты. Утратив навсегда штетл, пройдя через русификацию и советизацию, Глубокое сохранило лишь следы поликультурности. О ней, отчасти, напоминает эклектичная «аллея героев» в центре местечка с бюстами знаменитостей Глубоччины¹⁴².

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Сведения о состоянии сельского хозяйства и промышленности, собраны по Глубокской волости Дисненского уезда. 1873 г.¹⁴³

(Отдел рукописей библиотеки Вильнюсского университета, F34–GD 399; публикуется с сокращениями)

Глубокская волость состоит из 13 обществ крестьян собственников и бывших Государственных. Крестьяне собственники составляют общества: Глубокское, Шуневское, Шарабайское, Винценто-

ское, Жуковское, Заборское, Каштеляновское, Озерецкое и Литовщизнянское. Крестьяне бывшие Государственные составляют общества: Глубокское, Ластовицское, Березвечское, Королевичское.

Местечко Глубокое разделяется на две половины небольшим протоком, вытекающим из одного озера и впадающим в другое. Одна половина местечка принадлежит казне, а другая – князю Витгенштейну.

Местные жители как местечка Глубокского, так и окрестных селений употребляют наречие белорусское.

Местечко Глубокое торговое. В нем бывают базары еженедельно в воскресные дни, три довольно значительные ярмарки в году: в последнее воскресенье пред Рождеством, называемая Красником, в первую неделю великого поста, называемая Избором, и на Троицу. Народу на эти ярмарки стекается около 10 000, если благоприятствует погода и дорога. Привозится на продажу хлеб разного зерна, семя, лён, пенька и разные хозяйственные продукты, лошади, рогатый скот, птицы домашние, а также телеги, колеса и разная посуда деревянная и глиняная. Привозимые на продажу произведения расходятся для местного потребления; для сбыта за пределы губернии служат семя, лён и пенька. Скупка произведений производится местными торговцами, которые в свою очередь перепродают их другим, а также приезжают для покупки товаров и из других губерний. Цены рыночные главных произведений бывают на рожь 60 копеек, пшеницу 1 руб. и 10 копеек, ячмень 50 копеек, овес 40 копеек за пуд; горох и боб доходил до цены ржи, лен от 3 до 4 рублей пуд. Пуд соли от 80 копеек до 1 руб., пуд железа до 2 руб. и 40 копеек, сапожный товар до 2 руб.

Крестьяне Глубокской волости занимаются земледелием; между ними есть зажиточные семьи, средней руки и бедные. Жазиточная семья находится в Березвечском обществе в деревне Обруч, из бывших государственных крестьян, в которой находится мужского пола рабочих 7 душ, женского пола рабочих 5 душ, детей мужского пола 4 души, женского пола 5 душ; земли имеет 43 десятины, из оной под усадьбою 2 дес., пахотной 28 дес., сенокосной 8 дес. и под пастбищем 5 дес.; скота имеется: лошадей 6, коров 12, с коих приплода 4 штуки, овец 15, приплода 20 штук, свиней 6, приплода с

оних 10 штук. Семья средней руки имеющая мужского пола рабочих 3 душ, женского пола рабочих 2 душ, детей мужского пола 2 души, женского пола 2 душ; земли имеет 20 десятин, лошадей 3, коров 4, овец 6, свиней 4, приплода от коров 2 штуки, овец 5, от свиней 4. Семья бедная имеющая мужского и женского пола по одной душе рабочих, детей мужского пола 3 души, женского пола 2 души; земли 8 десятин, скота одну лошадь, 2 коровы, 3 овцы, 3 свиней, приплода от скота имеет 1 жеребенка, 1 теленка, 3 свиней.

Строевой лес и топливо местные жители покупают в ближайших казенных дачах и у помещиков. Рубка лесу в казне задается десятинами и плотится за одну десятину от 12 до 20 руб., а у помещиков продается на штуки: строевой лес от 50 коп. до 1 руб. за 1 пень, дрова покупаются сажнями за сажень березовых 2 руб., осиновых и других – 1 руб. и 50 коп.

Расход на покупку одежды у зажиточного хозяина ежегодно обходится на сукно, шерстяную материю, калинкор и обувь 45 руб., а другие наряды изготавливаются дома из собственного материала, как то армяки и штаны з серого сукна, тулупы из овечьих кож.

На покупку разных жизненных потребностей зажиточный хозяин расходует на покупку соли 10 руб., на вино 10 руб., если не бывает свадьбы, крестин, похорон. А если случится то и другое, то на вино, чай и сахар и 50 руб. Кроме этих расходов бывают и другие: на кузнечные работы, смазку колес, ременной упряжи и освещение, так что на все эти потребности выходит до 15 руб. в год.

Крестьяне м. Глубокого, имеющие земли, занимаются в летнее время земледелием, а осенью и зимой шьют сапоги и делают глиняную посуду и тем зарабатывают в день по 60 коп., некоторые занимаются рыбной ловлей и зарабатывают по 50 коп. в день, дети их вяжут рыболовные сети и зарабатывают по 15 коп. в день. В зимнее время имеющие хороших лошадей занимаются извозкою с еврейскими товарами в г. Дисну, Динабург, Вильну, Минск.

Евреи по большей части занимаются торговлею, покупают лён, пеньку, шерсть овечью и хлеб озимый и яровой, доставляют в Динабург и перепродают динабургским купцам. Некоторые из них имеют открытые питейные заведения и лавки с красными суконными и мелочными товарами. Один

из евреев Глубокских занимается кузнечеством, имеет свою мастерскую, в которой постоянно работают 5 чел. и зарабатывают в день по 1 руб., а также имеет собственную железную лавку. Есть много евреев портных, о которых сведений собрать невозможно.

В имении Глубокое находятся озера по названию Чечели, Белое, Кривое, Бяглец и Глубокое, все эти озера отдаются в арендное содержание Глубокским жителям евреям за сумму 150 руб. в год.

Повинности приходится уплачивать в год государственного и земского сбора до 20 руб., выкупных платежей 28 руб., на содержание сельского правления, училищ и больниц, рекрутство 3 руб. и 50 коп., страховой сбор от 25 коп. до 2 руб. Государственные и выкупные платежи взимаются с десятины, а мирские сборы с души.

По всей волости полевое хозяйство как у помещиков, так равно и у крестьян трехпольное. Помещики обрабатывают свои земли большею частью наймом работников годичных, а некоторые из них отдают в запашку из половины произведений или на деньги крестьянам и дворянам, неимевшим своей собственности, и евреям.

Имения преимущественно арендуют дворяне, мелкие участки из половины произведений держат крестьяне, частью мещане, бедная шляхта и евреи.

Имение Марцебылино помещицы Марии Винчо арендуемо евреем за сумму 300 руб. серебром в год.

В озимом поле как у помещиков, так и у крестьян высевается рожь и озимая пшеница, в яровом: ячмень, пшеница, овес, горох, боб, лён, картофель и конопля. Для обработки и уборки полей употребляются обыкновенные орудия: сохи, бороны, грабли, косы, серпы, простые телеги.

Мельницы в м. Глубоком: водяная на двух поставах, ветряная и воловая по одному поставу, принадлежащие князю Витгенштейну, арендуемые евреем: водяная и воловая действуют в году 200 дней, ветряной же определить действие невозможно. Перемалывают в течение года означенные три мельницы 30 000 пудов зерновых, дохода приносит арендатору 350 руб. серебром. Кроме вышеозначенных мельниц, в м. Глубоком находится еще мельница водяная, построенная на речке, называемой Копаница, принадлежащая к казне, таковую мельницу еврей устроил на свой счет, действующая на три постава, и в течение

года перемалывает зернового хлеба количеством примерно 40 000 пудов, приносит чистого 550 руб. серебром.

Растения корнеплодные: картофель, свекловица, репа в сельском хозяйстве, в особенности, картофель, составляют в пище поддержку хлеба, репа и свекловица: часть употребляется в пищу, а остальное идет на откорм свиней. Растения волокнистые: лен, конопля, из коих первый продается в части, а в части употребляется для своей потребности на выделку холста разного сорта, из конопли делают масло, а из волокна вьют канаты и веревки и т.п. Стручковые растения горох и боб употребляются в пищу местными жителями. Все упомянутые растения сеются в огородах, кроме льна, который всегда сеется на полях. Все сии произведения служат для домашнего потребления, кроме льна, служащего более для сбыта. Лен продается трепанный поверенным купцов Динабургских и отправляется через Дисну в Динабург и в Ригу. Цены за последние годы: картофель четверть до 3-х руб., свекловица четверть 1 руб., берковец льна – от 30 до 45 руб. сер.

Находящийся в м. Глубоком сад отдан с публичных торгов в арендное содержание дворянину Дзивановскому за 120 руб. сер. В саду растут груши, яблони, вишни обыкновенные. Произведения садоводства в сыром виде продаются скупщикам старообрядцам и евреям для отправления в Губернские города, ценою от 10 до 15 рублей за четверть. По большей части отдаются сады скупщикам в аренду, сад 20 дерев яблонь и 15 груш платится от 40 до 60 руб.

Скотоводство служит у крестьян для удобрения земли и обихода, помещики держат коров для пахту. Цены на рогатый скот от 15 до 45 руб. штука. Крестьяне молоко, масло и сыры употребляют для себя, так как содержат немного скота. Помещики отдают в пахт, корова гуртом отдается в пахт по 13 руб. в год.

Для обработки полей служит лошадь, зажиточные хозяева держат по 5 и 6 лошадей. Лошадь купить можно довольно порядочную за 40 руб.

Овец стригут два раза в году, весной и осенью, у крестьян употребляется для домашней выделки, а у помещиков в продажу один пуд от 9 до 10 руб. сер.

Крестьяне зажиточные птиц и яиц не продают, а употребляют на свои обиходы, а семейства средней руки и бедной продают птицы: гуси, куры; яйца и выручают за оные до 15 руб. в год.

Рыболовство существует в м. Глубоком как промысел. Сорт рыбы: щука, окунь, лещ, плотва, ерши. Как в летнее, так и в зимнее время ловят сетями. Цена рыбы крупной от 6 до 10 коп. фунт, а мелкой по 2 коп. Три семейства евреев занимаются рыбной ловлей, для которой нанимают крестьян, давая им за труд от 30 до 50 коп. в сутки. Рыба в прок не готовится. Рыба продается в м. Глубоком.

Мед и воск продается в м. Глубоком ценою за 1 пуд меду 4 руб., а за пуд воску от 17 до 18 руб.

В волости существуют следующие производства: токарное, гончарное, портняжество, сапожничество, делание кирпичей, кузнечное, печение баранок, булок и хлеба.

У евреев и безземельных крестьян промысел составляет постоянные занятия на домах их в собственных заведениях, промыслом занимаются хозяева сами. Для делания кирпичей и кузнечной работы евреи нанимают работников. Хозяин-промышленник, если он один занимается промыслом, имеет дохода 100 руб. в год. Дети промышленников начинают с 16 лет приучаться к промыслу.

Железо, дерево и кожи покупаются на стороне.

Все промыслы существуют с давних времен, и существуют только по мере местной потребности.

Многие из крестьян знают плотничество, но оно не составляет промысла, крестьяне только строят для себя, бывают мастера плотники, которые строят постройки и по найму евреям и помещикам, в таком случае плотится плотнику до 50 коп. в сутки.

Крестьяне нанимаются в извоз, каждый из таковых зарабатывает в год до 65 руб. сер.

Отхожих промыслов нет, крестьяне привыкли сидеть дома, а в дальние заработки и промыслы не пускаются.

Выше прописанные сведения почерпнуты по району Глубокской волости составил Наставник Глубокского народного училища Леонард Окулич.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Список жителей м. Глубокое, неуплативших чинш арендаторше Анне Шмидт. 1863 г.¹⁴⁴
(НИАБ. Ф. 694, оп. 4, ед. хр. 866)

Публикуемый документ выявлен в фонде князей Радзивиллов Национального исторического архива Беларуси в Минске. Он интересен как важный исторический источник, содержащий уникальную информацию, которая проливает свет на разные аспекты исторического прошлого Глубокое. Так, с помощью этого документа можно изучать социотопографию местечка середины XIX в., его антропонимику (имена и фамилии), социально-экономическую историю, религиозную жизнь.

В списке 220 позиций – это, в основном, имена жителей местечка, абсолютное большинство которых составляют евреи. Есть только несколько нееврейских имен (например, Антон Мартинов Бобровский (№ 88), Базыль Радзивон (№ 87), Анна и Мария Бобровские (№ 52, 53) и др.). Упоминаются также пять солдат (например, Иван Храповицкий под № 147). Еврейские имена в ряде случаев позволяют узнать о ремесленной специальности их носителей (или же их предков): например, под № 212 Янкель Кравец (что в переводе с белорусского языка означает портной), № 85 – Шилим Юдович Кравец, № 211 – Зиська Сапожник, № 86 – Шмуилович Бляхар, № 142 – Моська Муляр.

Под № 8 указан пляц школьный на Рынке с двумя банями, за который не уплачено 2 рубля; за школу «Китаёвцев» (т.е. хасидов) на ул. Докшицкой (№ 173) – 1 рубль 11 копеек. Самая большая сумма (17 руб. 75 коп.) числилась на Дверке Давидовой Фридмановой, проживающей на Рынке (№ 19). Цадик Вульфович (№ 54) был должен 48 копеек. Общий долг с мещан и солдат местечка составлял 522 руб. 9 коп. Долг крестьян м. Глубокое (без указания конкретных имен), которые не уплатили оброк, отказавшись подписать уставные грамоты, составил 291 руб. 86 коп.

Неуплату мещанами чинша за пляцы и других сборов, а также крестьянами оброка следует рассматривать как форму социального протеста. Арендаторша Анна Борисовна Шмидт постоян-

но вызывала недовольство жителей Глубокое незаконными поборами (сохранились сведения о многочисленных жалобах глубочан). Крестьяне Глубокое были возмущены условиями отмены крепостного права. Следует учитывать и время создания данного документа: конец 1863 – начало 1864 г. Протестным настроениям также способствовали события антиимперского восстания 1863–1864 гг. под руководством Кастуся Калиновского.

ад. л. 1863. 1

Список

Неуплативших чиншам Анне Шмидт в м. Глубокое арендаторше
маршаль Анне Борисовне Шмидт в м. Глубокое
чиншам и востановительным сборам в 1863
году.

№	№	Имя	Сумма
дом	посел.	в том числе	руб.
<u>Чинша 1 ранга</u>			
1	5	Барка Маркович Мартинович.	4 68 $\frac{1}{2}$
2	7	Мартинович Давидович.	2 67 $\frac{1}{2}$
3	8	Мо Сонгис.	3 46 $\frac{1}{2}$
4	3	Анна Александрович Кравец.	2 86 $\frac{1}{2}$
5	10	Занна Викторович Давидович.	2 86 $\frac{1}{2}$
6	11	Антон Радзивон.	1 41
7	12	Занна Давидович.	3 51
8	14	За пляц школьный и два бани.	2 ..
<u>Чинша 2 ранга</u>			
9	16	Фрида Ковальска Шмидт.	6 30
10	17	Мейс Анисович Мартинович.	2 50
11	18	Давид Занкович Мартинович.	4 31
<u>Чинша 3 ранга</u>			
12	19	Фрида Анисович Шмидт.	2 60
13	20	Ольга Анисович Шмидт.	2 32
			Итого. — 42 3 $\frac{1}{2}$

		100	
14	21	Шурина Новиковъ.	2 47
15	22	Кашинъ Рагозиновъ Ревель.	4 34
16	19	Абрамъ Габриеловъ.	1 20.
17	23	Нахонъ Панопертъ.	3 56.
18	24	Рагсонъ Берковъ Ревель.	2 3.
19	26	Дверка Добугова Фридриманова.	17 75
20	27	Дверка Фридриманова.	3 36 1/2
21	"	Дерка Кемпъ Ступель.	1 20.
22	29	Кемперъ Шенжиновъ Барканъ.	14 79
23	30	Меданъ Фисселиовъ Шенжинеръ.	3 41
<u>Группа 4 группа.</u>			
24	32	Обсей Берковъ Фридримановъ.	3 79
25	33	Обсей Мухоминовъ Фридримановъ.	5 38.
<u>Группа Заинковская старая правая</u>			
26	34	Анхель Берковъ Таргонъ.	2 27.
27	35	Юга Берковъ Каранъ.	3 4.
28	36	Кееръ Фисселиовъ Вуне.	2 42.
29	38	Кейба Маргдровъ Трив.	1 62.
30	40	Норинъ Туминовъ Есковъ.	1 40 1/2
31	42	Зайна Абрамовъ Дростъ.	1 35.
32	44	Мовша Мухоминъ.	1 87 1/2
33	45	Мевель Клейдовъ Крестъ Кемперъ.	1 77
34	46	Маргдровъ Мухоминъ Туминовъ.	1 77.
35	47	Тумова Манушова.	3 55.
36	45	Лавка Зинки Беркова.	" 70.
37	49	Кееръ Абрамовъ Нунмовъ.	" 38 1/2
Итого.			86 59

38	50.	Аронъ Мисровицъ Тумусовъ.	2.	37½
<u>Жуца Валиковая отъ права</u>				
39	51.	Аронъ Висковецъ Тумусовъ.	2.	31½
40	52.	Иоаннъ Симионовъ Фру.	1	67½
41	53.	Тимонъ Анисимовъ Соко.	3.	80
42	54.	Симонъ Марковичъ Медвѣв.	..	94
43	55.	Андрѣй Беликовъ Тумусовъ.	1	87
44	58.	Матвей Анисимовъ Намисовъ.	2.	72
45	64.	Вдова Тимонъ Соколовъ.	3	98
46	67.	Матвей Тумусовъ.	11.	2
<u>Жуца другая Дружанская отъ права</u>				
47	73.	Василь Висковецъ Лев.	2.	99
48		Василь Тумусовъ.		
49	74.	Иоаннъ Васильевъ.	2	62
50	..	дѣтка его.	1	35.
51	84.	Матвей Андреевичъ Намисовъ.	..	99.
52	85.	Анна Бобровская.	4	38
53	..	Матвей Бобровская	4	56.
54	86.	Иоаннъ Висковецъ.	..	48.
<u>Матвей жуца отъ права</u>				
55	90.	Константинъ Селивановъ Урвановъ	1	40.
56	91	Матвей Ароновъ Манура.	1.	52.
57	93	Матвей Матвеевичъ Урвановъ.	1.	2.
58	96.	Матвей Матвей.	2.	36.
<u>Жуца третья Дружанская отъ права</u>				
59	102.	Матвей Висковъ Тумусовъ.	1.	16.
			Итого.	55 45½

60	102	Зашманъ Рудинобуръ.	..	85
61	103	Пагравъ Добриговуръ Нокъ.	1	36
62	104	Меръ Туринобуръ Тумендеръ	2	38
63	105	Виксиль Мунковъ Кенеръ.	1	71
64	..	Валавру	2	10
65	106	Медисъ Туринобуръ Тумендеръ	4	83
66	107	Вдова Мовинъ.	2	2
67	108 109	Вдова Туминова	1	10
68	110	Мелица Комисовуръ Тумендеръ	1	75 1/2
69	111	Мелица Анкитовуръ Бука.	2	73
70	113	Конисъ Масовуръ Манура.	2	46
<u>Клеца воев. Дуринская отпр. воева</u>				
71	120	Кеисъ Вениковуръ Кеисъ	5	79
72	..	Ука Кеисовуръ Кеисъ.	1	..
73	121	Анисъ Сурковуръ Сручанъ.	1	89
74	122	Анисъ Сручануръ Мунковуръ	1	89
75	123	Мамуръ Сурковуръ Киръ.	1	71
76	124	Вдова Тина Сручанъ.	1	61
77	128	Кейда Кирковуръ Банаръ.	1	61
78	129	Тина Одверъ Конъ.	2	21
79	130	Мовина Мелисовуръ Суръ.	2	21
80	131	Зашманъ Мовинобуръ Вонкинъ.	1	66
81	132	Кейда-Адранъ Конъ.	1	61
82	133	Сранъ Мовинобуръ Сручанъ	1	66
83	134	Монисъ Анкитовуръ Ломинъ.	1	20
84	..	Пагравъ Мовинобуръ.	..	30
			Умнож.	50. 24 1/2

		12	3
85	..	Михайл Богданович Кравець	.. 90.
86	..	Михайлович Биларь	.. 90.
87	..	Басиль Пагубонь	.. 90
88	..	Антон Мартиньев Соболевский Улица Виленская створ. правая.	
89	135	Зингис Александрович Дражен	3 46.
90	138	Мельс-дева Тимоневич Доминь	2 72 1/2
91	139	Абрам Рабинович	2 72 1/2
92	139	Рубин Александрович Тиндурь	2 ..
93	..	Кейсер Михайлович Унаев.	3. 60
94	141	Алексей Давидович Рубинь.	2. 31.
95	142	Вдова Сирка Усыкова.	2. 11.
"	"	Кеорички.	2. 95.
96	143	Насень Мовшович Рапопорт.	2. 31.
97	146	Анна Давидович Фейензонь	2. 21.
98	147	Симонь.	2. 21.
99	148	Медисей Лебавич и Минчикунь	1. 51 1/2
100	149	Кейсер Михайлович и Минчикунь	1. 51 1/2
101	151	Триша Медвельович Кенягь.	.. 76 1/2
102	152	Кастеро Александрович Кенягь.	1. 11.
103	154	Кейсер Вязодрович Деона.	.. 66.
104	157	Мельс Минькович Крауть.	много.
105	159	Абрам Кейсерович Уварейфери.	1. 11.
106	160	Минина Кунаевич Кенягь.	2. 11.
107	161	Ловтанский Мельсович Венузонь	1. 50.
108	164	Котиль Вульфович Унаев.	1. 5
109	165	Анна Давидович Кенягь.	.. 45
Итого			43. 9 1/2

110	116	Обшии Шриомовуръ Димитр	4.	90.
111	8.	Кейзеръ Зелковуръ Кайс	1	40.
112	10.	Корна Александровъ	3.	90.
<u>Улица Римская/стор. левая.</u>				
113	119.	Мейер/Мейеровуръ Фейденсонъ	4.	22.
114	"	Кунцовъ Кунцовуръ Каналы.	1.	85.
115	170	Спиръ Давидовуръ	1.	70.
116	171.	Кулиха Тундуръ	3.	50.
117	"	Кунцовъ Кунцовуръ	1.	15.
118	172.	Тума Тундуръ	1.	30.
119	173.	Кейс-Мейеровуръ Унаевъ	4.	"
120	174.	Добудъ Кудовуръ Фейденсонъ	3.	90.
121	175	Васманъ Берковуръ Тунцовъ	4.	"
122	176.	Александръ Корковуръ Тунцовъ	3.	80.
123	"	Александръ Кунцовуръ	"	70
124	180.	Тунцовъ Мейеровуръ Тунцовъ	4	47.
125	182.	Васманъ Мейеровуръ Кудовуръ	3.	87.
126	181.	D. D. D.	3.	37.
127	186	Анна Мейер	3.	70.
128	188.	Кудовъ Корковуръ Мунцовуръ	5.	27.
129	189	Анна Александровуръ Перевъ	3.	87.
130	190.	Мунцовъ Мунцовуръ Фейденсонъ	2	6
131	193	Тра Кудовуръ Муръ	1.	15.
132	195	Корковъ Шриомовуръ Перевъ	1.	10.
133	196.	Васманъ Александровуръ Тунцовъ	1.	30.
134	1.	D. D. D.	1.	20.
135	2.	Александръ Васмановуръ Тунцовъ	3.	50.
Итого			79.	18.

163 4

136	42	Вульговъ Кошпановичъ.	1.	20
137	43	Шушунъ Анкешевичъ.	1.	20.
<u>Гуца Новая Дуброва.</u>				
138	4	Муровъ Абрамовичъ Труминъ.	3.	..
139	14	Анковъ Леидовичъ Мовбергъ.	2.	33.
140	16	Аврамъ Шуминовичъ.	2.	19.
141	17	Трумовъ Исавичъ Заводника.	2.	10
142	18	Касока Муровъ.	1.	98
143	19	Бонифрайтъ Колоневскій солдатъ.	1.	78
144	20	Симоновъ Селуца.	1.	58
145	21	Валуанъ Тедерманъ.	1.	47
146	22	Урковъ Леидовичъ Праймунинъ.	1.	48 $\frac{1}{2}$
147	23	Санданъ Уваръ Храновичъ.	1.	32.
148	24	Санданъ Сиверъ Домогудка.	1.	30.
<u>Гуца Новая Киселевка.</u>				
149	201	Мелина Кошпановичъ Треничъ.	..	50.
150	..	Тамкы Абрамовичъ.	..	33.
151	204	Неверъ Муровичъ Друговъ.	..	30.
152	206	Шушунъ Абрамовичъ.	..	70.
153	213	Шушунъ Бендидъ.	..	65
154	..	Бендикунъ Кесривичъ Тимеуфонъ.	..	70.
155	..	Урковъ Леидовичъ Вилчъ.	..	65
<u>Гуца Старая Киселевка.</u>				
156	10	Трума Кесривичъ.	..	40 $\frac{1}{2}$
157	14	Муровъ Шуминовичъ.	..	28
158	15	Бурка.	..	41
159	16	Неверъ Муровъ.	..	20
			Умовъ.	28. 56.

		400	
160	18	Абрамъ Леидовуръ.	.. 74
161	19	Улима Угеливуръ.	1. 26
162	20	Миселъ Ерохивуръ Кавель.	.. 46 1/2
163	22	Вуногъ Леидовуръ.	.. 40
164	23	Умунъ Тунновуръ.	.. 21
165	24	Нахманъ Уваруаръ.	.. 95
166	25	Умунъ Аррешиавуръ Туменинъ.	2 10
167	26	Сонганъ Сана Новуевуръ.	3 96
<u>Тунга Докимункал снор: правая.</u>			
168	232	Умунъ Леидовуръ Кавъ.	6. 74
169	233	Миселъ Мерровуръ Орунмуръ.	1. 98
170	234	Меръ Вуногъвуръ.	.. 60
171	..	Замманъ Мавмалуръ Орунмуръ.	2. 95
172	235	Уроръ Фреливуръ Уманра.	2. 37
173	236	Бахманъ Кумарвуръ.	1. 11
174	237	Менъ Анкеловуръ.	1. 7
175	238	Сонгоръ Умунновуръ Умунновуръ.	1. 27
176	..	Унъ меръ на Краму.	.. 85
<u>Коксинъ пенскъ.</u>			
177	244	Котуръ Зевавуръ.	2. 71
178	245	Уроръ Урорвуръ.	9. 78
179	246	Абрамъ Леидовуръ Тарондеръ.	3. 20
180	247	Анелъ Умунновуръ Кавъ.	5. 80
181	249	Рубинъ Сунновуръ Сунновуръ.	1. ..
182	252	Уроръ Анкеловуръ Орунмуръ.	2. ..
183	253	Мовма.	2. 18
184	254	Бахманъ Леидовуръ Тарманъ.	4. 80
185	255	Абрамъ Уроровуръ Мейеръ.	5. 75
		Итого	66 24 1/2

		<u>Гуца Докмицкая отер. мѣста</u>			
186.	257	Мона Тапишовъ Унагъ.	6.	..	
187.	"	Д. Д. Д.	4.	..	
188.	264	Оуна Бейшовъ.	5	98	
189.	266	Носенъ Куренцовъ.	2.	60	
190.	267	Сандъ Уванъ Крешовъ.	"	75.	
191.	270.	Моруха Бейшовъ Куренцовъ.	2.	5.	
192.	273	Бурка Тупшовъ Невъ.	..	80	
193.	277.	Мовна Кендовъ Куренцовъ.	4.	..	
"	"	Погомукеръ ерѣ.	4.	..	
194.	278	Завенъ Тупшовъ Карменевъ.	2.	40.	
195.	279.	Абрамъ Кендовъ Куренцовъ.	7.	58	
196.	281.	Камаръ Арановъ Буогенъ.	1	30	
197.	280.	Абрамъ Абесовъ Куренцовъ	1	40	
198.	282.	Мевенъ Кендовъ Кендовъ.	1.	20.	
199.	283	Бурка Муншовъ Муншовъ	1.	20.	
200.	284	Бурка Куренцовъ Тупшовъ.	"	90.	
201.	285.	Аранъ Кендовъ Кановъ.	"	80.	
202.	288.	Камаръ Муншовъ Туповъ.	1.	75.	
203.	289	Касперъ Буогенъ.	2.	17.	
204.	290	Д. Д.	1.	97	
205.	291	Завманъ Бейшовъ Муншовъ.	2.	33.	
206.	292	Оуна Томовъ	11.	32.	
207.		<u>Перерывъ Двоинъ.</u>			
207.	304	Мовна Куренцовъ Куренцовъ.	1.	40.	
208.	301.	Муровъ Муншовъ.	1.	30.	
209.	303	Мунховъ Бейшовъ Кановъ	"	81.	
210.	305.	Мовна	..	80.	
			Утого.	70.	81.

211	309	Звезда Сиверскаго	500	60
212	312	Алексей Кравецъ	90	90
213	316	Вдова Звезда Сиверскаго	70	70
214	"	Мордучев Давыдовъ Курганъ	50	50
215	310	Евгений Медведковъ	33	33
<u>Варлаамъ.</u>				
216	"	Монахъ Осеръ Кошницъ	70	70
217	"	Монахъ Мисгониновъ Тумбурго-	1	"
218	"	Монахъ Евк. Мун.	1	40
<u>Монахъ Мун.</u>				
219	"	Монахъ Алексеевъ Оренбургъ	37/2	37/2
220	"	Варлаамъ Монахъ Туденъ	37/2	37/2
				6 36
А всего Намъ съомъ гварагъ два руб. гварагъ съ поновинно конъ сурьютъ.				522 9/2
Кроме то поупомяну Кресно наши одрока М. Вудоконъ по сурьютъ поупомяну Кресно пои Грамоты, которые подшесть отискуемо отъ сурьютъ.				291 86/2
Всего. —				813 96
Изъ Мундиръ				

В городе 3711 человек, по деревням – 21. Эмигрировало за десятилетие 17 семейств.

2. *Сколько евреев занимаются земледелием? От кого приобрели земельное хозяйство?*

В городе 3 семьи имеют землю с давних времен. По деревням 3 семьи обрабатывают парцеллы, выделенные им при давних корчмах. В двух имениях евреи являются арендаторами и обрабатывают землю при помощи работников, которые хвалят своих панов – не зная вопросов хозяйства, легко могут быть обмануты.

3. *Каково отношение местных евреев к католикам? Не оказывают ли евреи отрицательного влияния на католиков?*

Влияние всегда отрицательное: в торговле обманывают, прислугу и работника эксплуатируют и развращают.

4. *Торговля и ремесло исключительно ли в руках евреев, или есть купцы и ремесленники из христиан?*

Торговлей занимаются 433 семьи, ремеслом 94. Есть и купцы-христиане, а ремесленники – преимущественно христиане. Торговля оптовая и розничная железом полностью захвачена евреями, пригодилась бы фирма христианская.

Часть В.

1. *Имеются ли перешедшие из иудаизма в католицизм?*

За десятилетие два случая: Юзеф Ремэн, сержант полка уланов, в 1924 г. стал католиком и женился, где сейчас – не знаю; в 1935 г. приняла католицизм Мина Брумерувна, 27 лет, родом из Тарнополя, собиралась выйти замуж за поручика, затем куда-то выехала, и ничего о ней не знаю.

10. *Что, по мнению Вельможного Ксендза Пробоца, стоит на пути распространения веры католической среди евреев? Что следует делать, чтобы миссионерская деятельность среди евреев была более результативной? Каким может быть способ решения еврейского вопроса у нас?*

Нужны долгие и глубокие исследования, чтобы дать ответ на эти вопросы. Давая ответ анкетный, достаточно видимо подчеркнуть, что на пути распространения веры католической среди евреев стоит еврейская психика, на которую напластывались, с одной стороны, страстная ненасытная

восточная чувственность, с другой, необузданная жажда богатства и власти. История евреев в расеевании свидетельствует о их врожденной ненависти к христианству. Более того, расовость, национальность, талмуд сделали то, что в окружении христианства они являются воплощением антагонизма между миром христианским и талмудическим.

Что следует делать, чтобы миссионерская деятельность среди евреев была более результативной – возможно пойти по примеру Вены и создать какой-либо местный Pauluswerk.

Что касается способа решения еврейского вопроса у нас – не вижу другого выхода, кроме как поощрение и даже принуждение к эмиграции. Этот вывод основывается на факторах расовых, национальных, социальных, а более всего на том, что еврей, даже принявший христианство и ассимилированный, легко возвратится назад к еврейству и станет не меньшим врагом, чем другие евреи.

Материалы для данного исследования собраны благодаря программе Центра «Сэфер» по поддержке исследований в области иудаики (грант Genesis Philanthropy Group).

Примечания

- ¹ Hedemann O. Głębokie (Szkic dziejow). Nakladem oddzialu polskiego towarzystwa krajoznawczego w Głębokiem. Wilno, 1935.
- ² Храповицкая Н. Сацыяльна-дэмаграфічнае становішча хрысціянскага насельніцтва прыватнаўласніцкай часткі м. Глыбокае ў першай палове XIX ст.: магістарская праца (навук. кір. канд. гістар. нав., дац. С. Токць). Еўрапейскі гуманітарны ўніверсітэт. Вільня, 2014.
- ³ Hedemann O. Głębokie. С. 7.
- ⁴ Храповицкая Н. Сацыяльна-дэмаграфічнае становішча хрысціянскага насельніцтва... С. 12.
- ⁵ Корева А. Материалы для географии и статистики России. Виленская губерния. СПб., 1861. С. 704.
- ⁶ Archiwum Głowne Akt Dawnych (AGAD). Zbiór Kartograficzny (ZK). 452-36.
- ⁷ AGAD. ZK. 452-26.
- ⁸ Храповицкая Н. Сацыяльна-дэмаграфічнае становішча хрысціянскага насельніцтва... С. 37.

- ⁹ НИАБ. Ф. 694. Оп. 4. Ед. хр. 621, 872, 873.
- ¹⁰ *Hedemann O.* Głębokie. S. 27–28.
- ¹¹ НИАБ. Ф. 694. Оп. 4. Ед. хр. 866.
- ¹² ЛГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Ед. хр. 1720. Л. 12.
- ¹³ Rankraščių skyrius Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka. F. 43. Vnt. 25056. Lap. 1–3.
- ¹⁴ *Zabiello E.* Berezwech w służbie Boga i w mocy demonów. Wydgoszcz, 2000. S. 67.
- ¹⁵ *Бунто Я.* Глыбокае // Энциклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 3. Мінск, 1996. С. 52.
- ¹⁶ Антысавецкія рухі ў Беларусі (1944–1956). Даведнік. Мінск: Архіў Найноўшае Гісторыі, 1999 (<http://slounik.org/154978.html>).
- ¹⁷ Среди них: Василий Мяделец (руководитель СБП), Антон Фурс (секретарь), Александр Юршевич, Лев Белевич, Терентий Евдокимов, Мария и Иван Бабици, Олег Табола, Олеся Умпирович, Гордей Климанский, Николай Конон, Елена Барсук, Лариса Барсук, Леонид Казак, Юстин Протас, Виктор Бабиц, Михаил Шуман, Павел Шуман, Лидия Нестерович, Виктор Дылевич, Альберт Ботяновский, Николай Почопка, Петр Спиркович, Станислав Савик, Леонид Богович, Тамара Лагун и др.
- ¹⁸ *Шульман А., Рывкин М.* У роковой черты (<http://mishproha.org/library/04/0414.shtml>); *Альтман И.* Глубокое // Холокост на территории СССР. М., 2009. С. 220–223.
- ¹⁹ *Сагановіч Г.* Невядомая вайна: 1654–1667. Мінск, 1995. С. 130, 139.
- ²⁰ *Соркина И.В.* Переселения еврейского населения из сельской местности в города и местечки Беларуси в конце XVIII–XIX вв. // Материалы XIII Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2006. С. 350–365.
- ²¹ Составлено автором по данным: Archiwum Główne Akt Dawnych (AGAD) – Archiwum Radziwiłłów (AR). Dz. XXV. Sygn. 1045–1054.
- ²² *Соколова А.* Архитектура штетла в контексте традиционной культуры // 100 еврейских местечек Украины. Исторический путеводитель. Вып. 2. Подолия / Авт.-сост. В. Лукин, А. Соколова, Б. Хаймович. СПб., 2000. С. 57.
- ²³ Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах империи (городовое положение 16 июня 1870 г.) СПб., 1879. Т. V. С. 86.
- ²⁴ ЛГИА. Ф. 378. Общий отдел, 1880 год. Ед. хр. 869. Дело по отзыву Министра внутренних дел по во-
просу о поселениях, носящих название местечек в Северо-Западном крае. Л. 86–87.
- ²⁵ ЛГИА. Ф. 378. Общий отдел, 1880 год. Ед. хр. 869. Л. 86–87.
- ²⁶ *Соркина И.* Мястэчкі Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. Вільня, 2010.
- ²⁷ *Храпавіцкая Н.* Сацыяльна-дэмаграфічнае становішча хрысціянскага насельніцтва... С. 19.
- ²⁸ *Храпавіцкая Н.* Сацыяльна-дэмаграфічнае становішча хрысціянскага насельніцтва... С. 18.
- ²⁹ НИАБ. Ф. 694. Оп. 4. Ед. хр. 866.
- ³⁰ *Храпавіцкая Н.* Сацыяльна-дэмаграфічнае становішча хрысціянскага насельніцтва... С. 19.
- ³¹ Rankraščių skyrius Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka. F. 318. V. 10266. Lap. 2r.
- ³² Rankraščių skyrius Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka. F. 318. V. 5194. Lap. 2r.
- ³³ *Бунто Я.* Глыбокае // Энциклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 3. Мінск, 1996. С. 52.
- ³⁴ *Габрусь Т.* Глыбоцкі касцёл і кляштар кармелітаў // Архітэктура Беларусі: Энциклапедычны даведнік. Мінск, 1993. С. 149.
- ³⁵ Rankraščių skyrius Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka. F. 273. Vnt. 1929.
- ³⁶ *Hedemann O.* Głębokie. S. 27–28.
- ³⁷ См.: *Сапунов А., Друцкий-Любецкий В.* Материалы по истории и географии Дисненского и Вилейского уездов Виленской губернии. Витебск, 1896. С. 74.
- ³⁸ ЛГИА. Ф. 378. Общий отдел, 1873 год. Ед. хр. 2355.
- ³⁹ *Храпавіцкая Н.* Сацыяльна-дэмаграфічнае становішча хрысціянскага насельніцтва... С. 28.
- ⁴⁰ Иосафат Кунцевич (1580–1623) – униатский церковный деятель Речи Посполитой, католической и униатской церковью прославлен как мученик и святой.
- ⁴¹ Rankraščių skyrius Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka. F. 43. Vnt. 25056. Lap. 1–3.
- ⁴² Rankraščių skyrius Vilniaus universiteto biblioteka. F. 34 – GD 399.
- ⁴³ Rankraščių skyrius Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka. F. 43. Vnt. 25026. Lap. 5.
- ⁴⁴ Rankraščių skyrius Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka. F. 43. Vnt. 25024. Lap. 1.
- ⁴⁵ Rankraščių skyrius Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka. F. 43. Vnt. 25024. Lap. 5.
- ⁴⁶ ЛГИА. Ф. 378. Общий отдел, 1911 год. Ед. хр. 45. Сведения о тайных польских школах Виленской, Ковенской и Гродненской губерний. Л. 44.

- ⁴⁷ «Союз русского народа» – российская политическая организация в 1905–1917 гг., программа и деятельность которой базировались на монархических, шовинистических и антисемитских идеях, а также православном радикализме; пользовалась поддержкой правительства.
- ⁴⁸ ЛГИА. Ф. 378. Общий отдел, 1908 год. Ед. хр. 354. Дело о закрытии в м. Глубоком польской школы. Л. 4.
- ⁴⁹ Фрагменты публикаций белорусской газеты «Наша Ніва» (1906–1915) здесь и далее цитируются с сохранением языка оригинала.
- ⁵⁰ НИАБ. Ф. 694. Оп. 4. Ед. хр. 866.
- ⁵¹ *Соболевская О.А.* Повседневная жизнь евреев Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX века. Гродно, 2012. С. 266.
- ⁵² В частности, такое утверждение встречается в статье о Глубоком в «Encyclopedia Judaica» (https://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/judaica/ejud_0002_0007_0_07419.html).
- ⁵³ ЛГИА. Ф. 378. Общий отдел, 1867 год. Ед. хр. 1728. Дело о доставлении сведений о существующих по городам и местечкам Северо-Западного края еврейских погребальных братствах. Л. 264об.
- ⁵⁴ Фото синагоги взято с сайта: <http://eilatgordinlevitan.com/glubokoye/glubokoye.html>
- ⁵⁵ Могилевер Шмуэль // Электронная еврейская энциклопедия (<http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=12806&query=%D8%CC%D3%DD%CB%DC+%CC%E%3%C8%CB%C5%C2%C5%D0+>).
- ⁵⁶ Могилевер Шмуэль // Электронная еврейская энциклопедия (<http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=12806&query=%D8%CC%D3%DD%CB%DC+%CC%E%3%C8%CB%C5%C2%C5%D0+>).
- ⁵⁷ ЛГИА. Ф. 378. Общий отдел, 1880 год. Ед. хр. 869. Дело по отзыву Министра внутренних дел по вопросу о поселениях, носящих название местечек в Северо-Западном крае. Л. 86–87.
- ⁵⁸ Rankraščių skyrius Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka. F. 318. V. 5194. Lap. 2r.
- ⁵⁹ Татары в Глубоком (<http://radzima.org/ru/object/39816.html>).
- ⁶⁰ Фото из книги: *Kruczyński L.* O Tatarach rzemieślnikach w Polsce // Lud. 1932. T. XI (<http://radzima.org/ru/foto/63896.html>).
- ⁶¹ *Хранавіцкая Н.* Сацыяльна-дэмаграфічнае становішча хрысціянскага насельніцтва... С. 17.
- ⁶² НИАБ. Ф. 694. Оп. 4. Ед. хр. 621, 872, 873.
- ⁶³ *Соркина И.* Бунты ў імя свабоды: змаганне жыхароў беларускіх мястэчак за страчаную свабоду і зямлю ў XVIII–XIX стст.; *Sorkina I.* The Revolt in the Name of Freedom: the Fight of Small Town Dwellers for the Lost Freedom and Land in 18th–19th centuries // Revolt in the Name of Freedom: Forgotten Belarusian Gene? / Ed. by Piotr Rudkouski, Kaciaryna Kolb. Warsaw: Lazarski University, 2013. P. 28–36.
- ⁶⁴ *Хранавіцкая Н.* Сацыяльна-дэмаграфічнае становішча хрысціянскага насельніцтва... С. 17.
- ⁶⁵ *Хранавіцкая Н.* Сацыяльна-дэмаграфічнае становішча хрысціянскага насельніцтва... С. 18.
- ⁶⁶ *Хранавіцкая Н.* Сацыяльна-дэмаграфічнае становішча хрысціянскага насельніцтва... С. 19.
- ⁶⁷ *Хранавіцкая Н.* Сацыяльна-дэмаграфічнае становішча хрысціянскага насельніцтва... С. 19.
- ⁶⁸ Rankraščių skyrius Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka. F. 342. Vnt. 2431. Lap. 1–2.
- ⁶⁹ *Хранавіцкая Н.* Сацыяльна-дэмаграфічнае становішча хрысціянскага насельніцтва... С. 37.
- ⁷⁰ ЛГИА. Ф. 378. Общий отдел, 1874 год. Ед. хр. 826.
- ⁷¹ *Хранавіцкая Н.* Сацыяльна-дэмаграфічнае становішча хрысціянскага насельніцтва... С. 37.
- ⁷² ЛГИА. Ф. 378. Общий отдел, 1884 год. Ед. хр. 1020. Дело о числе самостоятельных мещанских обществ в крае и о личном составе членов мещанских управлений, а также о сроках службы мещанского старосты и его помощника. Л. 45об.–46.
- ⁷³ ЛГИА. Ф. 378. Общий отдел, 1896 год. Ед. хр. 445. Дело о допущении евреев к занятию должностей по общественным выборам в Глубокском мещанском управлении.
- ⁷⁴ *Kassow S. D.* Community and Identity in the Interwar Shtetl // The Jews of Poland between Two World Wars / Ed. Yisrael Gutman and others. University Press of New England, 1989. P. 208–209.
- ⁷⁵ *Бейзер М.* Жизнь в еврейском местечке конца XIX – начала XX века // Еврейская старина. Апрель–июнь 2009 г. (<http://berkovich-zametki.com/2009/Starina/Nomer2/Bejzer1.php>).
- ⁷⁶ ЛГИА. Ф. 378. Общий отдел, 1864 год. Ед. хр. 299. Л. 40.
- ⁷⁷ *Шыбека З.* Гарады Беларусі ў 60-я гады XIX – пачатку XX ст. Мінск, 1997. С. 227.
- ⁷⁸ ЛГИА. Ф. 378. Общий отдел, 1880 год. Ед. хр. 869. Дело по отзыву Министра внутренних дел по вопросу о поселениях, носящих название местечек в Северо-Западном крае. Л. 86–87.

- ⁷⁹ Przewodnik po Litwie i Białejrusi / Zebrał i opracował N. Rouba. Wilno, 1909. S. 65.
- ⁸⁰ Татары в Глубоком (<http://radzima.org/ru/object/39816.html>).
- ⁸¹ Центральный государственный архив Литвы. Ф. 51. Оп. 5. Ед. хр. 212. Л. 28.
- ⁸² Центральный государственный архив Литвы. Ф. 51. Оп. 12. Ед. хр. 2924.
- ⁸³ Государственный архив Гродненской области. Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 2158. Л. 8.
- ⁸⁴ Głębokie (<http://www.sztetl.org.pl/be/article/glebokie/5,-/>).
- ⁸⁵ Список еврейских обществ за 1847 г. // Журнал Министерства внутренних дел. 1850. № 2. С. 240–246.
- ⁸⁶ Głębokie (<http://www.sztetl.org.pl/be/article/glebokie/5,-/>).
- ⁸⁷ Przewodnik po Litwie i Białejrusi... S. 65.
- ⁸⁸ Шыталь К. Тапанімічная спадчына Глыбокага (<http://westki.info/artukuly/12022/tapanimichnaia-spadchyna-hlybokaha>).
- ⁸⁹ Hedemann O. Głębokie. S. 37.
- ⁹⁰ Rankraščių skyrius Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka. F. 273–479.
- ⁹¹ Hedemann O. Głębokie. S. 38.
- ⁹² НИАБ. Ф. 299. Оп. 2. Ед. хр. 1615.
- ⁹³ ЛГИА. Ф. 378. Общий отдел, 1832 год. Ед. хр. 99.
- ⁹⁴ ЛГИА. Ф. 378. Общий отдел, 1834 год. Ед. хр. 694. Дело о найденных старинных деньгах.
- ⁹⁵ Храпавицкая Н. Сацыяльна-дэмаграфічнае становішча хрысціянскага насельніцтва... С. 27.
- ⁹⁶ ЛГИА. Ф. 378. Общий отдел, 1835 год. Ед. хр. 680. Л. 2, 4об.
- ⁹⁷ НИАБ. Ф. 299. Оп. 2. Ед. хр. 1763. Дело о представлении мещанином м. Глубокого кагалным Качем неправильных сведений о внеочередной сдаче в рекруты членов кагала.
- ⁹⁸ ЛГИА. Ф. 378. Общий отдел, 1867 год. Ед. хр. 1728. Дело о доставлении сведений о существующих по городам и местечкам Северо-Западного края еврейских погребальных братствах. Л. 264об.
- ⁹⁹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Ед. хр. 1298. Л. 547.
- ¹⁰⁰ НИАБ. Ф. 694. Оп. 4. Ед. хр. 866.
- ¹⁰¹ ЛГИА. Ф. 378. Общий отдел, 1881 год. Ед. хр. 690. Дело об отпуске из сумм коробочного сбора 665 руб. на продовольствие бедных евреев м. Глубокого.
- ¹⁰² ЛГИА. Ф. 378. Общий отдел, 1876 год. Ед. хр. 1243. Об утверждении табели таксы на взимание коробочного сбора и смет расходов сего сбора по еврейским обществам Виленской губернии в четырехлетие с 1877 по 1881 г. Л. 5, 134.
- ¹⁰³ НИАБ. Ф. 694. Оп. 4. Ед. хр. 5377. Документы и материалы иска, предъявленного кн. Витгенштейном 40 евреям, жителям м. Глубокого о возвращении ссуд, выданных им в 1832 г. на восстановление погоревших домов.
- ¹⁰⁴ НИАБ. Ф. 694. Оп. 4. Ед. хр. 5377. Л. 54–54об., 91–92.
- ¹⁰⁵ ЛГИА. Ф. 378. Общий отдел, 1874 год. Ед. хр. 275. Л. 2.
- ¹⁰⁶ ЛГИА. Ф. 378. Общий отдел, 1899 год. Ед. хр. 561.
- ¹⁰⁷ ЛГИА. Ф. 378. Общий отдел, 1882 год. Ед. хр. 174.
- ¹⁰⁸ ЛГИА. Ф. 382. Оп. 1. Ед. хр. 1652.
- ¹⁰⁹ ЛГИА. Ф. 378. Общий отдел, 1904 год. Ед. хр. 411.
- ¹¹⁰ ЛГИА. Ф. 378. Общий отдел, 1882 год. Ед. хр. 693. Л. 25–26.
- ¹¹¹ ЛГИА. Ф. 382. Оп. 2. Ед. хр. 1079. Дело о постройке полковником Викентием Осиповичем Путырским лавок в м. Глубокое.
- ¹¹² ЛГИА. Ф. 382. Оп. 2. Ед. хр. 1079.
- ¹¹³ ЛГИА. Ф. 382. Оп. 1. Ед. хр. 769.
- ¹¹⁴ ЛГИА. Ф. 378. Общий отдел, 1893 год. Ед. хр. 341.
- ¹¹⁵ См.: Kassow Samuel D. Community and Identity in the Interwar Shtetl // The Jews of Poland between Two World Wars / Ed. Yisrael Gutman and others. University Press of New England, 1989. P. 204–205.
- ¹¹⁶ Głębokie (<http://www.sztetl.org.pl/be/article/glebokie/7,-/45378,-/>).
- ¹¹⁷ Центральный государственный архив Литвы. Ф. 51. Оп. 4. Ед. хр. 290. Л. 15.
- ¹¹⁸ Фото взято с сайта: <http://eilatgordinlevitan.com/glubokoye/glubokoye.html>
- ¹¹⁹ Фото взято с сайта: <http://eilatgordinlevitan.com/glubokoye/glubokoye.html>
- ¹²⁰ Głębokie (<http://www.sztetl.org.pl/be/article/glebokie/37,-/45376,-/>).
- ¹²¹ Фото взято с сайта: <http://eilatgordinlevitan.com/glubokoye/glubokoye.html>
- ¹²² Барадулін Р. Толькі б яўрэі былі! // АРСНЕ. 2000. № 3 (8). С. 7–11.
- ¹²³ См.: Марзалюк І. Хрысціяне і габрэі Вялікага Княства Літоўскага // АРСНЕ. 2000. № 3 (8). С. 40–49.
- ¹²⁴ Staliunas D. Anti-Jewish Disturbances in the North-Western Provinces in the Early 1880s // East European Jewish Affairs. Vol. 34. No. 2. Winter 2004. P. 123.
- ¹²⁵ Сабалеўская В. Габрэйска-хрысціянскі дыялог у Гародні ў XIX – пачатку XX ст. // АРСНЕ. 2010. № 1–2 (88–89). С. 148.

- ¹²⁶ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Ед. хр. 4314.
- ¹²⁷ Михе́дько В. Власть, революция и погромы в Беларуси в начале XX в. // Цайтшрыфт. 2013. № 8 (3). С. 20, 32.
- ¹²⁸ Klier J.D. The Pogrom Paradigm in Russian history // Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History. Cambridge, 1992. P. 14.
- ¹²⁹ Le Foll C. The missing pogroms of Belorussia, 1881–1882: Conditions and motives of an absence of violence // Anti-Jewish Violence: Rethinking the Pogrom in East European History. Bloomington, USA, Indiana University Press, 2011. P. 159–173.
- ¹³⁰ Михе́дько В. Власть, революция и погромы... С. 21, 32.
- ¹³¹ Głębokie (<http://www.sztetl.org.pl/be/article/glebokie/7,-/45378,-/>).
- ¹³² Моцук А. Борьба с антисемитизмом в Западной Беларуси в практике польского Бунда (1921–1939 гг.) // Цайтшрыфт. 2014. № 9 (4). С. 111.
- ¹³³ Моцук А. Борьба с антисемитизмом в Западной Беларуси. С. 113.
- ¹³⁴ Głębokie (<http://www.sztetl.org.pl/be/article/glebokie/5,-/>).
- ¹³⁵ Интервью с Верой Степановной Перепечко, 1926 г.р., записано в Глубоком 23 июля 2015 г. Маргаритой Коженевской, Михаилом Крутиковым, Инной Соркиной.
- ¹³⁶ Интервью с Верой Степановной Перепечко.
- ¹³⁷ См.: Белова О. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005. С. 86.
- ¹³⁸ Интервью с Верой Степановной Перепечко.
- ¹³⁹ Handbuch des Antisemitismus. Judenfeindschaft in Geschichte und Gegenwart / Hrgst. Benz Wolfgang. Band 5. S. 487.
- ¹⁴⁰ Биробиджан – город, административный центр Еврейской автономной области, созданной в СССР в 1934 г.
- ¹⁴¹ Rankraščių skyrius Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka. F. 318. Vnt. 14839. Lap. 12.
- ¹⁴² Среди них Иосиф (Юзеф) Корсак (1590–1643), государственный деятель Великого княжества Литовского, меценат, основатель приходского костела Святой Троицы в Глубоком, монастыря униатского базилианского ордена в Березвечье, костела и монастыря кармелитов в Глубоком; Игнат Буйницкий (1861–1917), белорусский актер, режиссер, театральный деятель, основатель первого профессионального национального белорусского театра; Вацлав Ластовский (1883–1938), белорусский писатель, историк, филолог, литературовед, общественный и политический деятель, премьер-министр Белорусской Народной Республики, директор Белорусского государственного музея; Язеп Дроздович (1888–1954), белорусский живописец, график, скульптор, писатель, фольклорист, этнограф и археолог; Алесь Дубрович (1910–1942), белорусский поэт, общественный и политический деятель; Элизер Бен-Йехуда (1858–1922), еврейский языковед, «отец современного иврита»; Павел Сухой (1895–1975), советский авиаконструктор; Юрий Соболевский (1923–2002), основатель национальной школы геотехники; Петр Козлов (1893–1944), генерал-лейтенант, Герой Советского Союза. Память польского писателя, автора известного романа «Знахарь» Тадеуша Доленги-Мостовича (1898–1939) увековечена мемориальной доской на доме № 2 по ул. Советской. Информация о Клавдии Дуж-Душевском (1891–1959), белорусском общественно-политическом и культурном деятеле, архитекторе, журналисте, авторе бело-красно-белого флага (официального флага Белорусской Народной Республики и Республики Беларусь в 1991–1995 гг.), имеется в экспозиции Глубокского историко-краеведческого музея.
- ¹⁴³ Rankraščių skyrius Vilniaus universiteto biblioteka. F. 34 – GD 399.
- ¹⁴⁴ НИАБ. Ф. 694. Оп. 4. Ед. хр. 866.
- ¹⁴⁵ Rankraščių skyrius Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka. F. 318. Vnt. 14839. Lap. 12.

Маргарита Коженевская

Еврейская община местечка Глубокое в конце XIX – начале XX в. на страницах архивных документов

Около 500 лет насчитывает история соседства христиан и иудеев на Глубокской земле. Несмотря на различие обычаев и верований белорусы и евреи всегда умели находить общий язык. По оценке белорусского писателя и поэта Змитрока Бядули (Самуила Плавника), соседство евреев и белорусов породило такие экономические связи, без которых обе нации уже не могли обойтись.

Сегодня непросто восстановить всю картину жизни еврейской общины местечка Глубокое, что-то еще не попало в руки исследователей, что-то, к сожалению, безвозвратно ушло в небытие.

Богатый фактический материал по этой теме хранят архивные документы, из которых мы можем узнать о светской и религиозной жизни местечка, где больше половины населения составляли евреи. Благодаря этим документам, наконец-то, удалось установить точное число синагог и молитвенных домов, подробности открытия одного из них, а также проследить выборные процессы в должности мещанских депутатов и мещанского старосты.

В этой статье речь пойдет об отдельных страницах жизни еврейской общины Глубокое, которые удалось открыть преимущественно благодаря

работе в Литовском государственном историческом архиве (Вильнюс).

Значительную часть жителей местечка Глубокое длительный период составляли евреи. Тенденция увеличения численности представителей этого народа стала наблюдаться со второй половины XVIII в. Согласно радзивилловским инвентарям, в 1704 г. в местечке проживало 105 евреев, в 1783 г. – 1113. В начале XX в. в местечке проживало около 7000 человек, из них евреев – около 4620 (66%), в 1921 г. – всего жителей 4514, из них евреев – 2844 (63%)¹.

Более состоятельные евреи преимущественно проживали на улицах, примыкающих к рынку: Замокской (совр. ул. Ленина), Варшавской (она же ул. Докшицкая; современная ул. Московская), Ломжинской (современная ул. Энгельса). Здесь же находилось большинство еврейских учреждений, магазинов, мастерских, были сосредоточены купеческие конторы, работали лавки, торгующие промышленными товарами.

Бедное еврейское население жило на Старой Киселевке (современная ул. Красноармейская) и Новой Киселевке (современная ул. Красноармейская), на

В 1921 г. владельцем этого дома был Ицек Трейстер (ул. Варшавская, 105, ныне Московская, 2)

Дом, который в начале XX в. принадлежал еврею

Дубровке (современная ул. Красных партизан), в конце Виленской улицы (современная ул. Ленина).

Во второй половине XIX – начале XX в. в местечке Глубокое активно развивалась торговля. В центральной части расположилась Рыночная площадь, где несколько раз в год проводились ярмарки, куда съезжался торговый люд из ближних и дальних местечек и городов.

Архивные документы повествуют о том, что в конце XIX в. в местечке регулярно проводились ярмарки: в день Святой Троицы, последнее воскресенье перед Рождеством Христовым и один день в течение каждой недели. А по четвергам продавали скот и лошадей². В 1904 г. было разрешено проводить еще две трехдневные сельскохозяйственные ярмарки: весеннюю (24–26 февраля) и осеннюю (8–10 сентября)³. Виленское Губернское Правление находило, что подобные ярмарки смогут содействовать развитию местной торговли и благоприятно влиять на благосостояние местного населения. Со временем предполагалось приурочить их к выставкам-продажам сельскохозяйственных продуктов, лошадей, скота и кустарных изделий⁴.

Неудивительно, что, составляя значительную часть населения местечка, представители еврейского народа являлись депутатами Глубокского мещанского правления и неоднократно занимали должность мещанского старосты. Архивные документы повествуют нам о том, что мещанский староста не всегда выбирался единогласно. Слу-

чалось, что недовольные результатами участники выборов писали жалобы в Губернское Правление.

Так, в 1889 г. должность мещанского старосты занимал иудей Афроим Зунделевич Дрейзеншток⁵. Очередные выборы старосты и его помощника были проведены в ноябре 1894 г. В них приняло участие 116 человек, имеющих право голоса, из них 113 иудеев и 3 католика. На должность старосты баллотировались три кандидата – иудей Афроим Зунделевич Дрейзеншток, католик Казимир Станиславович Крап, католик Августин Клементьевич Закржевский. Старостой в очередной раз был избран Афроим Дрейзеншток, помощником – Сроль Янкелевич Зак.

Однако мещане христианского исповедания (Станислав Кроп, Казимир Кроп, Антон Войцехович, Иосиф Войцехович, Августин Закржевский, Николай Закржевский, Франц Закржевский, Андрей Гинтовт, Адам Гинтовт) были недовольны избранием евреев в качестве должностных лиц мещанского общества. Они жаловались Виленскому губернатору, что мещане-евреи не допускают их к должности, по причине численного превосходства. Недовольные мещане просили назначить новые выборы и избрать старостой христианина, ссылаясь на закон о Городовом Положении 1875 г., по которому иудеи могут избираться в должности в том случае, если среди баллотируемых нет христиан⁶.

Однако прошение не подействовало, и на повторных выборах в ноябре 1895 г. в должностные лица Глубокской мещанской управы были вновь выбраны иудеи.

Баллотирующиеся в должность старосты	Возраст	Числа шаров		Примечания
		Избират.	Неизбират.	
Мещанин Ромуальд Флорьянович Шуневич	36	17	12	Определенного места жительства не имеет, больше проживает в г. Докшицы.
Мещанин Станислав Казимирович Кроп		10	124	Имущества никакого не имеет, определенных занятий также, грамотен, живет у отца в д. Мамаи, ни в чем предосудительном замечен не был. Католик.
Мещанин Августин Клементьевич Закржевский		6	131	Имущества никакого не имеет. Сапожник. Малограмотен. Пьяница. Живет в Глубоком. Католик.
Мещанин Игнатий Францевич Войцехович		35	102	Имеет в Глубоком свой дом, в коем живет. Сапожник. Неграмотен. Занимается также незлостным ростовщичеством. Ни в чем предосудительном не замечен. Католик.
Мещанин Афроим Зунделевич Дрейзеншток		121	15	Живет в своем доме в м. Глубокое. Грамотный. Состоит в должности мещанского старосты около 5 лет. Поведения хорошего, ни в чем дурном замечен не был. Иудей.
В кандидаты старосты: Лейзер-Берка Давидович Боуден.		107	30	Живет в Глубоком в собственном доме. Определенных занятий не имеет. Грамотный. Ни в чем предосудительном не замечен. Иудей.
В помощники старосты: Сроль Янкелевич Зак		129	8	Живет в собственном доме в Глубоком. Грамотный, определенных занятий не имеет. Ни в чем предосудительном замечен не был. Иудей.
В кандидаты помощника: Лейба Йоселевич Коген	27	103	34	Живет в собственном доме, грамотный, занимается частной адвокатурой. Ни в чем предосудительном не замечен. Иудей.

Табл. 1. Список лиц, баллотирующихся в Глубокское мещанское правление. Составлен 13 ноября 1895 г.⁷

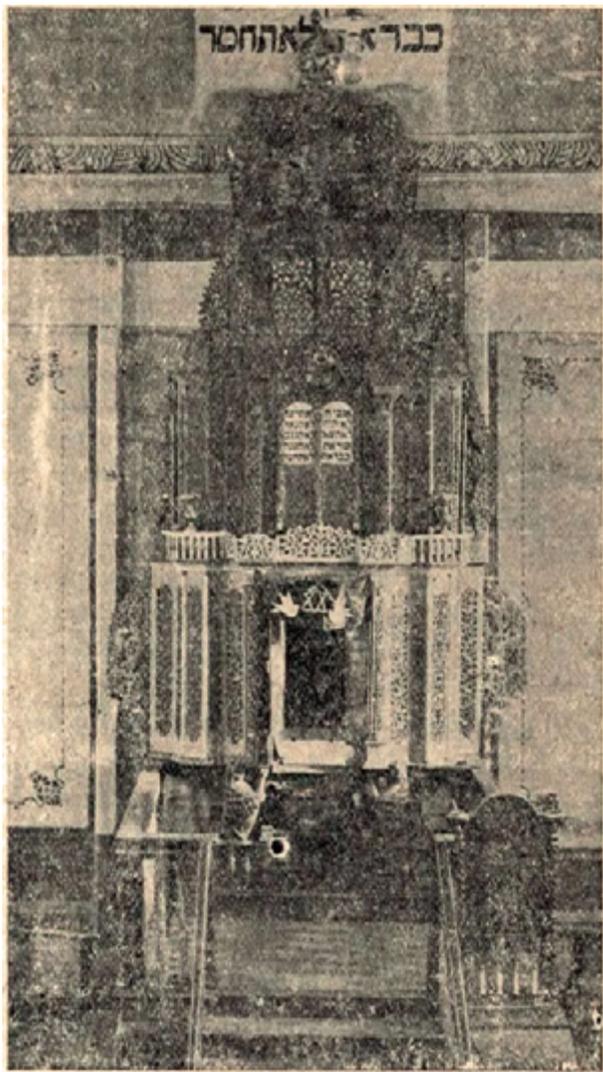
Религиозная и общественная жизнь еврейской общины города сосредоточивалась в главной синагоге. Здесь не только проводились богослужения, но и решались важные общинные дела. По вечерам здесь собирались мужчины для совместного изучения Торы и Талмуда.

Первая синагога в Глубоком была возведена в 1569 г., но в начале XVIII в. она пострадала во время пожара. В 1742 г. евреи получили от Виленского епископа Михала Зенковича разрешение на строительство новой синагоги на месте сгоревшей. Вновь возведенное деревянное строение должно было быть, по мнению М. Зенковича, «непохожим на костел, то есть невысоким, без башен

или высокой крыши, чтобы не выделяться и не выглядеть подобно костелу»⁸. Здание было построено в современном стиле. Фасад, выходящий на улицу, был довольно оригинальным. Вход имел портик с четырьмя колоннами, над которыми возвышался навес⁹. Однако и эта синагога была уничтожена огнем в августе 1859 г.¹⁰

Строительство новой синагоги началось сразу после пожара. До наших дней дошли подробности ее строительства. Мойжеш Хавес, ученик Глубокской гимназии им. Люблинской Унии в своей заметке в 1931 г. так описывал это событие:

«Синагогу начали строить в 1860 г. За два года заложили только фундамент. В 1862 г. известный

*Арон-кодеш синагоги в местечке Глубокое.
Из: Mojżesz Chawes. Rzeźba artystyczna w bożnicy
(Ziemia Dziśnieńska: dwumiesięcznik krajoznawczo-
łowiecko-literacki. Organ młodzieży gimnazjum im.
Unii Lubelskiej. 1931 (listopad-grudzień). № 2)*

своей добродетельностью ксёндз Панкратий пожертвовал на её возведение строительный материал, который доставлялся к месту строительства на плотах через озеро Глубокое (ныне Кагальное. — М.К.). Из этого материала были возведены только стены. Долгое время синагога стояла без крыши и пола, и только в 1870 г. еврей Йосель Зильберман из местечка Видзы положил пол, накрыл её крышей и расписал. Деревянный алтарь синагоги привезли в Глубокое в 1875 г.

Дома, принадлежавшие в начале XX в. евреям

Этот настоящий произведение художественной скульптуры, на котором золотыми буквами были написаны Божии заповеди. Алтарь высотой 10 м был выполнен талантливым самоучкой»¹¹.

В Глубоком насчитывалось несколько молитвенных домов (*бейт-мидраш*), которые, как правило, совмещали религиозные и образовательные функции. При бейт-мидрашах обычно существовали школы для детей, где непременно велось изучение Талмуда.

Государство контролировало строительство как синагог, так и молитвенных домов. Согласно правилам, разрешение на основание молитвенного дома получали в том случае, если его планировалось возводить на расстоянии не менее, чем 100 саженей от христианского храма. План архитектуры утверждала строительная комиссия. Далее уполномоченные будущего молитвенного общества писали на имя губернатора прошение, в котором приводился список прихожан-домохозяев с их подписями, заверявшими согласие на посещение нового молитвенного учреждения. Из этого списка выбирали казначея, старосту и ученого еврея. Они делили между собой выполнение религиозных и административных функций. Местные власти проверяли, высок ли авторитет будущих должностных лиц молитвенного общества, не состояли ли они под судом, лояльны ли правительству, умеют ли читать по-русски. Если все было благополучно, то губернатор утверждал молитвенное общество и разрешал возведение но-

Слева – кинотеатр, владельцем которого до 1939 г. был еврей; справа – здание бывшего магазина металлических изделий Янкеля Шейнкера (ул. Замковая, 72, ныне ул. Ленина, 38)

Здание бывшей аптеки Оттона Фейертага (ул. Замковая, 69, ныне ул. Ленина, 5)

вой синагоги или молитвенного дома. При этом твердо выдерживалась норма соответствия количества домохозяев-иудеев и молитвенных домов: на каждые 80 дворов приходилась 1 синагога, на каждые 30 – молитвенный дом¹².

В Глубоком в конце XIX в. еврейских дворов насчитывалось 371, синагога была одна, а разрешенных молитвенных домов девять (молитвенный дом № 10, молитвенная школа около моста, молитвенная школа Шомрим Лабейкер, Ремесленная молитвенная школа, Старосельская молитвенная школа, Любавичская молитвенная школа, Малая Любавичская молитвенная школа, Каменная молитвенная школа, Талмуд-Тора)¹³.

Архивные документы рассказывают нам о том, как глубокские евреи отстаивали право существования еврейской молитвенной школы № 10 на Березвечской улице (ныне ул. Советская), которую местная полиция в 1895 г. приказала закрыть.

Эта молитвенная школа начала свою работу в 1860-е гг. с разрешения главы Северо-Западного края графа Муравьева¹⁴. Однако местная полиция посчитала, что школа существует без разрешения Виленского Губернского Правления, и выдала распоряжение на ее закрытие¹⁵. Мещане Давид Вульфрам, Рахмиель Альперович, Лейба Кайлин в своем прошении в Виленское Губернское Правление просили разрешить дальнейшее существование означенной молитвенной школы и предписать

Дисненскому уездному исправнику прекратить требования о ее закрытии. Мещане сообщали, что школа существует более 30 лет, и все это время прихожане беспрепятственно и открыто отправляли богослужение. Каждый раз в установленные сроки избирались и утверждались Губернским Начальством члены молитвенного правления: староста, ученый и казначей. Если 30 лет назад была необходимость в открытии 10-й школы, то спустя время эта потребность не исчезла, тем более что ее наличие не противоречило законам¹⁶.

Рапорт Дисненского уездного исправника доносил, что дом, в котором евреи местечка Глубокое просят разрешить дальнейшее существование молитвенной школы, находится на значительном расстоянии от христианских храмов (74 сажени от православной церкви, 52 сажени от католического костела). Дом вполне безопасен в пожарном отношении и соответствует гигиеническим условиям еврейской молитвенной школы¹⁷. Губернское Правление приняло решение о дальнейшем существовании 10-й еврейской молитвенной школы в местечке Глубокое. Было приказано внести сведения о ней как о существующей с надлежащего разрешения Губернского Начальства, а также отдано распоряжение, чтобы прихожане вновь разрешенной школы избрали членов молитвенного правления и кандидатов к ним¹⁸.

В каждом молитвенном доме и синагоге действовало молитвенное правление, члены которо-

Название молитвенных школ и домов	Избраны в должность					
	ученого	кандидата	старосты	кандидата	казначая	кандидата
Синагога	Абрам Юделев Рабинович	Хаим Зиськов Зильберт	Пинхус Йоселев Шнаер	Израиль Авсеев Гейлер	Хаим Шлёмов Клячкин	Ицка Нахманов Трейстер
Малая Любавичская молитвенная школа	Зелик Янкелев Левитан	Берка Янкелев Глаз	Залман Кастрелев Зельдин	Шмерка Залманов Зельдин	Шнеер Хаимов Глаз	Мовша Ицков Лейкинд
Молитвенная школа «Шомрим Лабейкер»	Арон Янкелев Гиндин	Борух Матусов Ластик	Пейсах Берков Фидельгольц	Шлёма Мовшев Фейгельсон	Сроль Йовнов Хавес	Мендель Лейбов Клиота
Рабочая (Ремесленная) молитвенная школа	Янкель Шмуйлов Гольдин	Абрам Мовшев Банд	Ицак Лейбов Прен	Нохим Шмуйлов Гиндин	Йосель Хевелев Шапино	Йосель Симонов Мирман
Любавичская молитвенная школа	Гершен Шлёмов Богин	Залман Рахмелев Гордон	Берка Залманов Эйгес	Шмуйло Шаев Гейдер	Зелик Бенцианов Поляк	Мендель Залманов Гуревич
Молитвенная школа около моста	Гирш Ицков Эпштейн	Лейба Гиршев Каплан	Симон Абрамов Соловейчик	Йосель Абрамов Шейнкер	Рахмель Абрамов Пинтов	Рубин Давидов Лойман
Талмуд-Тора	Израиль Янкелев Беренсон	Меер Нафтелев Юнгельсон	Шлёма Абрамов Вант	Ошер Хевелев Цейтель	Гирш Рафаилов Мусин	Залман Вульф Шердон
Старосельская молитвенная школа	Йосель Залманов Мирман	Сроль Хаимов Беров	Абрам Шаев Шапино	Янкель Лейбов Срагович	Цемах Мовшев Фишер	Герц Ицков Срагович

Табл. 2. Список лиц, избранных на должности ученого, старосты, казначая и кандидатов в местечке Глубокое в 1904 г.

го регулярно выбирались и приводились к присяге на верность службе в присутствии раввина и полицейского чиновника¹⁹. Так, в 1904 г. в местечке на должности ученого, старосты, казначая и кандидатов были проведены выборы (см. Табл. 2).

В каменной молитвенной школе и молитвенном доме № 10 выборы членов правления в указанный год не проводились²⁰.

В еврейском обществе высокое положение занимал раввин, который руководил религиозно-нравственной жизнью общины. В конце XVIII в.

в частновладельческих местечках, коим было Глубокое, выборы раввина производил кагал, после чего община заключала с раввином контракт, далее его утверждала администрация, представляющая интересы магната.

В середине XIX в. раввины были должностными лицами, утверждаемыми местными органами власти, их деятельность находилась под контролем государства. Выборы на должность казенного раввина проходили раз в три года, принимать участие в них имели право только подданные России, ко-

Ф.И.О. баллотирующегося	Число шаров		Примечания
	Избр.	Неизбр.	
Кривичский мещанин Вилейского уезда, учитель Глубокского частного еврейского училища Мовша Шмуїлов Кацович	77	17	Документы Кацовича находятся при делах Виленской дирекции народных училищ по Глубокскому еврейскому училищу
Креславский мещанин Двинского уезда, учитель Глубокского частного еврейского училища Моисей Абрамов Гуфенберг	-	-	Гуфенберг после первых выборов заявил о нежелании баллотироваться
Бобыничский мещанин Лепельского уезда Израиль Лейзеров Шадовский	36	68	Шадовский образовательного ценза не имел

Табл. 3. Список лиц, баллотирующихся на должность помощника Дисненского уездного раввина по м. Глубокое

торые не состоят и не состояли под судом и следствием. Они обязаны были иметь свидетельства об окончании раввинских училищ, учительских институтов или каких-либо учебных заведений государственного типа. Казенные раввины не пользовались доверием у общины, поэтому постепенно сложилась ситуация, когда в общине действовали два раввина, один – так называемый казенный, другой – духовный, не утверждавшийся властями. Это положение чуть позже было признано законом, допускавшим избрание «по желанию молитвенного общества» особого «ученого», который был обязан находиться под наблюдением казенного раввина и подчиняться его решениям²¹.

Документы указывают на то, что в конце XIX в. в местечке Глубокое не было казенного раввина. Это стесняло жителей-евреев, поскольку сложно было обращаться к казенному уездному раввину, который проживал в Дисне, и усложняло совершение обрядов, ведение метрических книг. Поэтому в 1899 г. депутаты мещанского общества (Израиль Мирман, Рафаил Шварцер, Абрам Мусин, Израиль Рейсер, Рахмель Альперович, Абрам Кац, Мовша Юнгельсон, Абрам Пинтов, Соломон Соловейчик) и мещанский староста А. Дрейзеншток ходатайствовали перед Виленским Губернским Правлением о назначении в местечке самостоятельного казенного раввина или помощника уездного раввина (см. Табл. 3)²².

В мае 1899 г. Глубокское еврейское общество представило в Губернское Правление приговор об избрании на должность помощника уездного общественного раввина учителя еврейского частного училища Мовшу Шмуїлова Кацовича, который имел аттестат об окончании курса в Вилейском уездном училище²³.

Однако не все жители местечка были согласны с подобным выбором. Недовольные мещане подали прошение в Губернское Правление, где утверждали, что приговор является неправильным. Они утверждали, что Кацович ходил по домам и четыре дня собирал подписи с жителей местечка Глубокое. Против утверждения в должности помощника общественного раввина Мовши Кацовича выступил и Дисненский уездный казенный раввин Фалка Иоффе²⁴. По итогам рассмотрения поступивших жалоб и законодательства, Виленское Губернское правление отменило решение выборов и отказалось утвердить Мовшу Шмуїловича Кацовича на должность помощника Дисненского уездного раввина по местечку Глубокое по причине несоответствия образовательному цензу²⁵. В ответ на это решение мещанское общество (Израиль Мирман, Абрам Мусин, Мейлах Тейтельбаум, Ханна Трейстер, Лейзер Блудин, Рафал Шварцер, Эля Блат, И. Гейлер, Рахмель Альперович, Симон Соловейчик, Абрам Пинтов, Шмерка Зельдин, Абрам Кац, Мовша Юнгельсон) вступи-

Дома, принадлежавшие в начале XX в. евреям

лось за избранного в должность Кацовича. Они писали о необходимости избрания помощника казенного раввина из числа глубоких евреев и пытались объяснить, что среди местного еврейского населения не было ни одного еврея с высшим или средним образованием, необходимым для занятия этой должности. Бедность местного еврейского населения не позволяла пригласить кого-либо подходящего. Депутаты мещанского общества утверждали, что уездный раввин никогда не совершал обряды в самом местечке. Он неофициально назначил себе в помощники человека, абсолютно неграмотного, который из обрядов ничего не мог исполнить, а метрические книги вел небрежно, пропуская записи. Признавая существование тайного помощника общественного раввина ненормальным, мещанское общество просило оставить при должности избранного Мовшу Кацовича, человека честного и аккуратного, который официально исполнял все обряды умело и добропорядочно²⁶. Однако, несмотря на все аргументы в пользу М. Кацовича, Губернское правление осталось непреклонно в своем решении²⁷.

Повседневную жизнь иудеев нельзя представить без соблюдения ритуалов, охватывающих все стороны жизни. Правильное питание невозможно без услуг такого должностного лица, как резник, который осуществлял забой скота по правилам, предусмотренным традицией. За свой труд резник взимал плату, кроме того, на покупку кошерного мяса и птицы распространялся особый коробоч-

ный сбор. Его величина зависела от обстоятельств, потому что налог шел на покрытие еврейских долгов и нужды общины²⁸.

В местечке Глубокое в 1893 г. содержание коробочного сбора было утверждено за мещанином Гецелем Шмуйловым Шульманом за плату 2525 руб. 75 коп. С января 1897 г. держателем коробочного сбора являлся Борух Гиршев Зак²⁹.

Архивные документы показывают нам также историю открытия по инициативе глубоких евреев общественной скотобойни, которой могли пользоваться все жители местечка. В декабре 1900 г. по просьбе членов Глубокской мещанской управы в числе 28 человек (Израиль Мирман, И. Гейнер, Герц Срагович, Рахмель Альперович, Симон Соловейчик, Пейсах Тойтельбаум, Хевель Цейтель, Абрам Шапиро, Абрам Пинтов, Йосель Тайнкер, Шнеер Глаз, Лейзер Тауден, Михель Краут, Мовша Урвант, Лейба Фридман, Залман Пок, Хаим Трейстер, Михель Рабинович, Шлома Кант, Шмерка Зельдин, Шмерка Шпаер, Мовша Юнгельсон, Пейсах Циблин, Ицик Гительзон, Пейсах Фидельгольц, Абрам Кац, Шая Шапиро и др.) была открыта Глубокская общественная скотобойня. Согласно установленной таксе, за убой крупного скота (коровы, быка, вола) необходимо было заплатить 1 руб. за штуку. От штуки весом свыше 8 пудов – по 1 руб. 20 коп., за убой всякого мелкого скота (козы, овцы и барана, а также теленка) взималась плата в 15 коп. Вырученные от деятельности скотобойни деньги шли в доход общества, в то время как от существовавшей в местечке скотобойни для кошерного убоя животных – в доход коробочного откупа³⁰.

Таким образом, архивные материалы представляют собой ценный источник, который открывает новые страницы истории повседневной жизни Глубокского, а также помогает вспомнить забытые уже имена тех людей, которые некогда творили историю этого местечка, создавая его неповторимый облик.

Материалы собраны благодаря программе Центра «Сэфер» по поддержке исследований в области иудаики (грант Genesis Philanthropy Group).

Примечания

- ¹ Głębokie (www.sztetl.org.pl/pl/article/glebokie/5,-historia/).
- ² Литовский государственный исторический архив (далее – ЛГИА). Ф. 381. Оп. 19. Д. 4422. Л. 3. Дело Виленского Губернского Правления по ходатайству Совета Виленского Общества сельского хозяйства о разрешении открытия в м. Глубокое Дисненского уезда 6 ярмарок и стольких же выставок сельскохозяйственных продуктов (1904 г.).
- ³ Там же. Л. 1.
- ⁴ Там же. Л. 12–12об.
- ⁵ Там же. Ф. 381. Оп. 18. Д. 799. Л. 8. Дело о выборах старосты Глубокского мещанского общества Дисненского уезда (1889–1895).
- ⁶ Там же. Л. 61.
- ⁷ Там же. Л. 109–109об.
- ⁸ *Гедэман О.* Глыбокае. Гістарычны нарыс. Паставы; Глыбокае, 2012. С. 32.
- ⁹ Głębokie (www.sztetl.org.pl/pl/article/glebokie/5,-historia/).
- ¹⁰ ЛГИА. Ф. 381. Оп. 17. Д. 7069. Л. 43. Дело о выдаче пособия жителям м. Глубокое, пострадавшим от пожара (1859–1860 гг.).
- ¹¹ *Chawes M.* Rzeźba artystyczna w bożnicy // *Ziemia Dziśnieńska: dwumiesięcznik krajoznawczo-łowiecko-litewski. Organ młodzieży gimnazjum im. Unii Lubelskiej.* 1931. № 2. S. 10–11.
- ¹² *Соболевская О.А.* Повседневная жизнь евреев Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX в. Гродно, 2012. С. 323.
- ¹³ ЛГИА. Ф. 381. Оп. 17. Д. 1495. Л. 2. Дело по разбору жалоб мещан Вульфрама, Альперовича и Каймана на Дисненскую полицию за закрытие молитвенной школы в м. Глубокое (1895 г.).
- ¹⁴ Там же. Л. 3.
- ¹⁵ Там же. Л. 1.
- ¹⁶ Там же. Л. 3.
- ¹⁷ Там же. Л. 9.
- ¹⁸ Там же. Л. 12.
- ¹⁹ Там же. Ф. 381. Оп. 17. Д. 1502. Л. 12. Дело о выборах членов молитвенного правления Глубокской еврейской молитвенной школы (1895 г.).
- ²⁰ Там же. Ф. 381. Оп. 17. Д. 2005. Л. 60–70. Дело о выборах членов правления Глубокских еврейских молитвенных школ. (1903 г.).
- ²¹ *Соболевская О.А.* Повседневная жизнь... С. 194.
- ²² ЛГИА. Ф. 381. Оп. 17. Д. 1681. Л. 5–5об. Дело о выборах помощника раввина в м. Глубокое Дисненского уезда (1898 г.).
- ²³ Там же. Л. 7.
- ²⁴ Там же. Л. 20.
- ²⁵ Там же. Л. 48.
- ²⁶ Там же. Л. 60–63.
- ²⁷ Там же. Л. 75.
- ²⁸ Там же. Л. 177.
- ²⁹ Там же. Ф. 387. Оп. 17. Д. 1558. Л. 22. Дело об описи и продаже за казенные недоимки имущества содержателя глубокского коробочного откупа Дисненского уезда Шульмана Г. (1895 г.).
- ³⁰ Там же. Ф. 381. Оп. 19. Д. 5917. Л. 7–8. Постановление Виленского губернского по городским делам Присутствия с общественным приговором Глубокского мещанского общества об установлении таксы за убой скота на общественной скотобойне (1901–1902 гг.).

Сэмюэль Д. Кассов

Община и идентичность в межвоенном штетле¹

Штетл приводит историка межвоенной Польши в состояние растерянности. Он оказывается перед необходимостью увязать устоявшиеся представления с реальностью, сочетавшей в себе однородность и явное многообразие, принятую как должное национальную замкнутость евреев и все возрастающее присутствие другой нации, для которой термин *штетл* ровным счетом ничего не значил. Действительно, историк испытывает искушение сослаться на академическую строгость и оставить штетл литературным критикам.

Еще более осложняет дело главная проблема – поиск необходимых источников. Вторичные источники весьма редки и недостаточно убедительны². «Книги памяти» дают важную информацию, но только если использовать их с большой осторожностью и (если нужно выявить общие тенденции) в большом количестве³. Устная история дает нам богатый материал, но нужно учитывать, что многие из переживших войну были в ее начале еще подростками и, следовательно, могут рассказать об общинных институтах гораздо меньше, чем, например, о молодежном движении (это касается и «Книг памяти»). Центральная идишская

пресса сообщает о событиях в маленьких городах, но без подробностей.

Тем не менее, содержательные источники все-таки существуют. Несмотря на то, что «Книги памяти» весьма неровный источник, некоторые из них содержат важную информацию. Архивы Американского еврейского объединенного распределительного комитета «Джойнт» в Нью-Йорке, архивы Якова Лещинского в Еврейском университете в Иерусалиме, молодежные автобиографии в архивах YIVO Institute for Jewish Research в Нью-Йорке так же важны, как и статьи того времени в таких журналах, как «Folkshilf» и «Dos Virtshaftlekhe Lebn». Кроме того, до нас дошли некоторые местные газеты: например, полный выпуск газет «Gluboker Lebn» и «Gluboker Shtime»⁴. Это поистине бесценный источник, особенно если историк будет учитывать его особенности⁵.

Все эти источники, если использовать их осмотрительно, позволяют историку изучить основные черты социальной и общинной жизни в межвоенном польском штетле. Эта тема требует особого внимания. В то время как политическая история и еврейские политические партии изучены исследователями

Футбольная команда, Глубокое, 1928.
Фотография из коллекции Д. Ротман

польского еврейства хорошо, сравнительно мало написано о еврейской жизни на местном уровне, о взаимодействии людей и общинных институтов.

Даже первые шаги в этом направлении исследований покажут нам, что штетл был гораздо более динамичным сообществом, чем многие предполагали: его учреждения и жители были тесно связаны с организациями за его пределами и подвержены внешним влияниям; что сеть общинных институтов демонстрировала значительную степень социальной и поведенческой гибкости. Более того, штетл следует изучать не в вакууме, а в конкретном историческом и правовом контексте.

Учитывая реалии польского еврейства в 1938 г., одновременно ироничным и показательным ка-

жется то, что Мордехай Гебиртиг⁶ в знаменитой песне «Унзер штетл брент» («Наш штетл в огне») выбрал штетл как символ находящегося в опасности польского еврейства. В конце концов, накануне Второй мировой войны каждый четвертый польский еврей жил в пяти крупнейших городах, а 40% евреев жило в населенных пунктах, где было более десяти тысяч человек. Город, а не штетл, был центром, где сосредоточивались новые политические партии, торговые союзы, пресса, молодежные организации, кредитные объединения и культурные организации, которые изменяли польско-еврейскую жизнь. Но, будь то песня Гебиртига, сентиментализм Шолома Аша, депрессивные путевые заметки Ицхака Лейбуша Переца, блестящее изображение штетла в период революционных потрясений у Ицхака Меира Вайсенберга, безжалостный анализ морального разложения штетла военного времени у Лейба Раскина⁷, местечко сохранилось в массовом сознании как воплощение восточноевропейского еврейства⁸.

Штетл прочно занял место в еврейской истории как символ определенного типа еврейской общины. Принимая во внимание особое положение польского еврейства и развитие в местечках институты, обычаи и общинные формы, штетлы стали отражением важнейших социально-политических процессов, происходивших в народе, который оказался в странном положении: на местном уровне евреи зачастую составляли большинство, а на национальном уровне – бесспорное меньшинство. Исторически сложилось так, что еврея можно было идентифицировать скорее с конкретным городом, чем с областью или страной, и именно местные структуры – раввинат, *бес-мдреш* (синагога) или *бикур халим* (общество по уходу за больными) – влияли на жизнь члена общины в гораздо большей степени, чем областные или национальные организации⁹.

Штетл как идеальная модель был формой поселения, тесно связанной с рынком. Рынок служил связующим звеном между еврейским большинством и нееврейской глубинкой, социальный состав и культурный уровень которой минимизировал угрозы не только ассимиляции, но даже аккультурации. Даже в штетле со значительным польским населением евреи жили очень компакт-

ной группой, обычно на улицах, окружающих рыночную площадь¹⁰.

Экономическая функция штетла диктовала особое взаимодействие времени и пространства (базарный день и шаббат как главные события недели) и скорее взаимовыгодные, чем конкурирующие отношения с неевреями, хотя на практике конкуренция с нееврейскими торговцами, ремесленниками и кооперативами в межвоенный период усилилась. Базарный день делился на утренние часы, когда крестьяне продавали свою продукцию, и послеполуденное время, когда они шли в еврейские лавки покупать товары. В небазарный день штетла был абсолютно тих и спокоен¹¹.

Уровень развития дорог и транспорта диктовал рынок, привязанный к месту: штетл в основном обслуживал крестьян, которые приезжали в город на повозках и возвращались домой в тот же день¹². Хотя и существовали сети судоходных рек и железных дорог, удачные крупные предпринимательские сделки были редкими, а возможность получения кредита была постоянной проблемой, настолько серьезной, что основной функцией общины зачастую становилось предоставление кредита на закупку товаров для продажи в базарный день.

Хотя рынок считается основой экономики штетла, в действительности были вариации в экономическом облике различных штетлов, особенно в межвоенный период. В то время как штетлы Польесья или Виленского региона соответствовали классической модели рыночного города и поэтому сильно пострадали от кризиса во внутренних сельскохозяйственных районах, другие штетлы (например, местечко Калушин (*Kaluszyn*) в Варшавском воеводстве) смогли обрести некоторую экономическую независимость как центры специализированных ремесел или стать связующим звеном между большими городами и окружающими сельскими районами¹³.

В штетле было достаточно евреев для поддержания функционирования основных общинных институтов, таких как *миква* (резервуар для ритуального очищения), бес-медреш, *хевре кадиша* (погребальное братство), раввин или *море хораа* (религиозный судья). В этом смысле штетл отличался от меньших по размеру поселений – деревень, и разница между *ишувникес* (деревенскими евреями) и местечковыми евреями постоянно фи-

гурировала в местном юморе. И в то же время еврейская община в штетлах была не настолько большой, чтобы все жители местечка не знали друг друга, не занимали бы строго определенное место в иерархии, не подчинялись бы принятым общественным нормам и, как правило, не носили бы подходящие прозвища¹⁴.

Социальные различия существовали и были очень сильными. Места в синагоге, *алия* (вызов к чтению Торы), места на кладбище – все было определено, неизменно напоминая о существующей социальной иерархии: *шейне идн* (высший класс), *бале-батим* (зажиточные евреи), *бал-мелохес* (ремесленники), *просте* (низший класс.) и т. д. Даже внутри такого сравнительно скромного слоя, как ремесленники, существовали четкие различия в статусе в зависимости от характера их занятий (портные, сапожники). Часовщики неизменно котировались выше¹⁵.

Однако, хотя штетл и охранял систему социальных различий, существовал важный «предохранительный клапан», который компенсировал унижения кастовой системы. Ремесленники могли добиться престижных вызовов к чтению Торы (*алиес*) с помощью простой уловки – создания своего собственного *миньяна* (кворума для молитвы), который являлся по совместительству профессиональным объединением¹⁶. Если богатый человек демонстрировал низкую социальную ответственность или мало жертвовал на благотворительность, похоронное братство могло предъявить его наследникам огромный счет. И особенно это было характерно для Царства Польского и Галиции, где хасидизм был мощной социальной силой, способствующей формированию небольших сообществ, характеризующихся тесными связями между богатыми и бедными, впрочем, зачастую в ущерб статусу женщин и жизни семьи¹⁷.

Хотя социальные различия и предубеждения были вполне реальны, им по-прежнему не хватало четкого юридического и морального фундамента. Местечковая культура была достаточно плюралистичной и гибкой, подпитывая новые социальные отношения, и эта тенденция стала особенно заметна в межвоенный период. После Первой мировой войны молодежные движения привнесли новые импульсы в жизнь штетла и резко нападали

Халуцим Глубокого, 1927 г.
Фотография из коллекции Д. Ротман

на традиционное пристрастие штетла к *мисхер* (торговле) в противовес физическому труду и ремеслу. Новые организации, такие как *хандверкер фарейнен* (союзы ремесленников), боролись за нейтрализацию этого традиционного предубеждения (торговля – это власть), подчеркивая величие физического труда – *мелохе из мелухе* (поговорка «ремесло – это власть»).

Приток помощи из США после Первой мировой войны дал шанс новым лидерам выдвинуться и сыграть важную роль в предпринимаемых усилиях по оказанию помощи, оспаривая при этом позиции довоенной элиты в политической жизни штетлов¹⁸.

Это напряжение между социальной дискриминацией и предохранительными клапанами дает главный ключ к пониманию межвоенного штетла. Другим таким ключом стала разрастающаяся структура организационных связей между штетлом и широкой еврейской общественностью. Землячество, «Джойнт», центральные штаб-квартиры политических партий или молодежных организаций, гастролирующие труппы еврейских театров или ежедневные газеты из Варшавы и Вильно – все это помогало интегрировать штетл в широкую сеть зависимостей и лояльностей. Взаимосвязь экономических лишений и новых внешних влияний придавали особую логику социальным организациям в штетле. Молодые люди не могли себе позволить купить книги и газеты, но основывали библиотеки в рамках своих молодежных органи-

заций, которые в свою очередь трансформировали формы социальной жизни, особенно в сфере отношений между мужчиной и женщиной. Растущая потребность в кредитах давала «Джойнту» возможность основать новый вид кредитных организаций – *гмилес-хесед касе* (касса взаимопомощи), которые также начинают играть важную социальную роль.

Существующие бок о бок традиционные социальные явления, такие как общественные трапезы, и новые ритуалы, например, ежегодный парад пожарных команд (прекрасный пример сотрудничества евреев и окружающего нееврейского населения), благотворительные базары на Песах (вовлекавшие молодежные организации во «взрослую» политическую жизнь), любительские театральные постановки (зачастую проводимые для благотворительных целей в пользу местной школы «Тарбут» или Центральной идишской школьной организации¹⁹), помогают очертить границы эволюции межвоенного штетла и представить чувство общности.

Если принять такую интеграцию как признак «модернизации», когда традиционные общины попадают под влияние универсальных тенденций и мобилизационных влияний извне, то тогда межвоенный штетл явно был подвержен этому процессу. Но в реальности не было такой прямой линейной эволюции от «традиции» к «модерности». Влияние внешних институтов на штетл проходило через фильтры традиционных социальных

организаций. Несмотря на то, что по улицам штетлов накануне Второй мировой войны ходили и одетые в кафтаны *агудники*²⁰, и молодые *бундисты*²¹ в одежде военного покроя, и *халуцим*²² в синих рубашках, топающие на футбольный матч субботним днем, не стоит забывать, что большинство евреев находилось где-то посередине между этими крайностями. Все штетлы имели *хевре шас* (общество по изучению Талмуда) или его эквивалент. В то же самое время в большинстве местечек евреи могли видеть рекламу фильмов «Кинг Конг» (1933) (*цванцик метердике малпе* – обезьяна 20 метров ростом), «Отважные капитаны» (1937), «Голубой ангел» (1930), не говоря уже и о таких вдохновляющих мероприятиях, как конкурс «Мисс Глубокое» (или «Мисс Демблин», или «Мисс Казимеж»), проведенных согласно самой последней моде из Атлантик-Сити.

Традиционные модели и организации по-прежнему оставались влиятельными и отражали переплетение социальных и религиозных проблем. Примером этого можно назвать конфликты вокруг выборов нового рабби; малоимущие евреи могли действовать через организации типа хандверкер фарейн, чтобы гарантировать выборы того рабби, который, как они предполагали, будет учитывать их интересы²³.

Ремесленники могли добиться власти, получив контроль в хевре кадиша. Традиционные миньяны и хевре кадиша часто брали на себя особую политическую роль или даже выдвигали своих собственных кандидатов на выборах в общинах. Мерилом их значимости был тот факт, что они были главными распределителями *моэс хитим* (пасхального сбора) и других денег, присылаемых в штетл заграничными земляческими обществами²⁴. Влияние религии, даже только в форме *хальтн штат* (ради соблюдения приличий), оставалось очень сильным до самого конца.

Несмотря на широко распространенное представление, штетл знал свою долю насилия и крюкотворства. Упомянутый Хаимом Граде в романе «Цемах Атлас»²⁵ случай с местными домовладельцами, нанявшими головорезов для уничтожения библиотеки²⁶, записан по реальным сообщениям о случаях насилия во время общинных выборов, полемике о новых раввинах и похоронах, спорах вокруг налогов. Проклятия и жалобы часто пре-

рывали субботние молитвы и даже вели к дракам в синагогах²⁷. Случаи, подобные инциденту в Минске-Мазовецком в 1930-х гг., когда местный мясник напал на уважаемого сионистского делегата общины после того, как тот поднял налог на мясо в пользу местной школы «Тарбут», не были редки. Взятничество на выборах новых рабби было распространенным явлением, недовольные партии часто обвиняли своих собственных кандидатов, что провоцировало серьезные конфликты, разделявшие семьи и друзей.

Довольно часто эти конфликты доходили до польских судов, что наводит на мысль о гораздо более близких контактах с окружающим населением, чем можно предположить, исходя из «Книг памяти». Случай в Глубоком на Йом Кипур 1932 г. был типичен. Тогда в старосельском миньяне возник конфликт вокруг вопроса о том, кто должен проводить *мусаф* (дополнительные молитвы по субботам и праздникам). Когда рабби Менахем-Меңдл Купершток стал читать *Инэни эани мимаас*²⁸, началась драка. Его оппонент, еще одетый в *талит*, побежал в соседнюю синагогу за поддержкой. Началась массовая драка, и когда прибыла польская полиция в полном составе, чтобы разнять дерущихся, глава куперштокской партии сбежал через окно. 25 евреев, включая многих выдающихся деятелей общины, предстали перед публичным судом, который закончился для них условными приговорами. Редактор местной газеты умолял противоборствующие партии выяснить отношения до суда. На какое-то время показалось, что он достиг успеха в своей посреднической миссии, но как только началось заседание суда, посыпались обвинения и контробвинения на ломаном польском языке, что вызывало взрывы смеха у зрителей²⁹. В Минске-Мазовецком жесточайшее сражение за позицию раввина дошло до польского Верховного административного суда (*Najwyższy Trybunał Administracyjny*)³⁰.

Действительно, штетл не оказывал рабби уважение только исходя из его статуса. Уважение надо было завоевать силой своей личности, оно не появлялось только благодаря должности. Иногда несчастный рабби должен был умолять общину заплатить ему жалованье и даже был вынужден стоять за прилавком на рыночной площади, чтобы хоть как-то прокормиться³¹. Но в других случаях

рабби был не только религиозным лидером, но и организатором в области благотворительности, человеком, спланировавшим общину в кризисные моменты, посредником перед национальными еврейскими организациями³². Таким образом, общения очень сложны.

Тем самым, хотя местечко как «идеальный тип» и имеет некую эвристическую ценность, не существовало двух похожих друг на друга штетлов. Каждый обладал своими специфическими экономическими чертами и особой структурой занятости. Впрочем, общей особенностью штетлов было преобладание «побочной занятости» как дополнительного источника дохода, особенно у евреев, занятых в торговле³³.

Региональные отличия отражались в институциональных, образовательных и политических особенностях. В местечках на востоке Польши, на территории бывшей Российской империи (*кресы*) процент еврейских детей, посещавших частные, негосударственные школы, был значительно выше, чем в Царстве Польском или Галиции³⁴. Однако через некоторое время напряженная экономическая ситуация привела к тому, что все больше родителей посылали детей, особенно девочек, в государственные школы. Характер распределения голосов избирателей также демонстрировал значительную разницу, зависевшую от региона и размера города. Например, штетлы в центральных провинциях были цитаделью «Агудат Исраэль», тогда как их двойники в восточных провинциях поддерживали различные сионистские партии³⁵.

В дополнение к региональным отличиям личные обстоятельства и отношения играли важную роль в развитии конкретных политических организаций и образовательных тенденций. В одном штетле могла быть школа «Тарбут», в соседнем – идишская школа (TSYSHO)³⁶. Соседнее местечко могло содержать совершенно другую сеть молодежных организаций. Соколов-Подляски был оплотом «Поалей Цион»³⁷, тогда как главной организацией соседнего Лукова был «Хашомер ха-цаир»³⁸. Эти различия возникали не из-за социально-экономических причин, а только вследствие человеческого фактора. В действительности штетл был сильно зависим от маленькой группы людей, как молодежи, так и взрослых, которые посвящали свое время развитию

общинных институтов, молодежных организаций и организации культурных событий. Когда такие личности эмигрировали, устав от своих усилий, или, если речь шла о молодых людях, женились и замыкались на семейных заботах, общине было часто достаточно сложно заменить их кем-либо другим³⁹.

Главное различие между структурой общинной жизни в больших городах и в штетлах проистекало от роли и работы общины. Во время разделов Польши различные ее части получили разное законодательство относительно органов самоуправления еврейской общины⁴⁰. Общим знаменателем всех органов самоуправления до 1914 г. были ограничения в избирательном праве и строго религиозная сфера компетенции. Хотя реформа общины перед Первой мировой войной стала первоочередной задачей как сионистов, так и бундистов, мало что было достигнуто во время немецкой оккупации и в последующий период польской независимости⁴¹. К 1928 г. новое законодательство об общинах даровало право голоса всем мужчинам старше 25 лет. Хотя их функции оставались в основном религиозными, органы местного самоуправления могли, если хотели, тратить деньги на социальные нужды⁴². Иными словами община стала катализатором развития политической активности, которая охватывала все слои населения – ситуация заметно отличалась от довоенного периода. Политические партии, коалиции миньянов и хасидских общин, группировки с общими интересами и оккупационные организации – все они участвовали в выборах. Избирательные кампании зачастую сопровождались насилием, особенно когда «Агудат Исраэль» обратилась к местным властям с требованием аннулировать победу на выборах бундистов и левых сионистов⁴³.

В зависимости от благосклонности *воеводы* (местного губернатора) и даже в случае, если еврейский компонент отдельно взятого города был разбавлен включением в его состав прилегающих деревень (населенных неевреями), еврейская община могла использовать своих депутатов в органах местного самоуправления для получения необходимой финансовой помощи таким местным институтам, как еврейские школы, *линас хацедек* (богадельня для бедных), Towarzystwo Ochrony Zdrowia Ludności Żydowskiej (TOZ – Общество

охраны здоровья еврейского населения) или даже для отправки на лечение в санаторий нуждающихся в этом членов общины. Местная политика была ключевой сферой взаимодействия евреев и окружающего населения, результаты были часто, если не всегда, позитивными⁴⁴.

Политическая реальность заставляла евреев идти на компромиссы, даже когда они формировали большинство избирателей и платили 80% налогов. С тех пор, как воевода получил возможность изменять одобренный местным органом самоуправления бюджет, еврейские члены совета принимали решение о гораздо более низких дотациях для еврейских институций, чем они того заслуживали. В Глубоком евреи, даже когда они составляли две трети городского совета, не могли претендовать на щедрые субсидии. В местных выборах 1935 г. евреи столкнулись с необходимостью выбирать – присоединиться к правительственному блоку и принять статус меньшинства в совете (7 из 15 делегатов) или участвовать в выборах по отдельному еврейскому списку. Многие евреи хотели довести борьбу до конца, но редактор газеты напомнил своим читателям, что риск роста антисемитских настроений был бы слишком высокой ценой. Местные власти всегда могли обеспечить нееврейское большинство путем присоединения окружающих деревень. Кроме того, городской со-

вет обладал относительно малой властью. После многих бурных публичных митингов и споров еврейская община приняла предложение поляков⁴⁵.

Политизации штетлов также способствовали новые организации, складывающиеся после Первой мировой войны из *амхо* (бедных евреев). В это время в дополнение к политическим партиям новые ремесленные объединения стали мобилизовать ранее политически пассивные группы в штетлах. Одной из наиболее важных организаций такого рода был союз ремесленников. В некоторых штетлах, в зависимости от личностных и местных факторов, союз ремесленников действовал заодно с партией «Агудат Исраэль», в других – вместе с «Бундом» или сионистами. Важной была сама борьба союза за то, чтобы дать еврейскому ремесленнику новое чувство самоуважения и воодушевить его играть более активную роль в жизни штетла⁴⁶.

Союз ремесленников использовал сдерживаемое долгое годы недовольство зажиточных домовладельцев. Но во многих штетлах организаторы находили ремесленников слишком запуганными и неуверенными в своих силах, чтобы начать конкурировать с зажиточными домовладельцами за контроль над общиной⁴⁷.

Песня стала одним из способов, которыми союз пытался поднять дух.

Handverker fun ale fakhn
glaykht di rukns oys
derloybt nisht mer fun aykh tsu lakhn
geyt shtolts, mutik un faroys
zingt un loybt glaykh mit laytn
di arbet nor iz undzer makht
fargest di alte, alte tsaytn
der handverker hot tsurik ervakht
amol is geven a groysen khet
tsu zayn a blekher, shloser, shmide
yeder yakhsn hot zikh tseredt:
bal melokhe, nidriker yid
inem klal fun lebn keyn onteyl genumen
fun ale gevezn farakht
gey fun vanen du bist gekumen
vi a nidriker brie hot yeder getrakht⁴⁸.

Ремесленники всех профессий,
Встаньте прямо,
Не позволяйте им смеяться над вами,
Идите гордо вперед,
Пойте, возносите хвалы, как и все остальные.
Работа это наша единственная сила.
Забудьте старые времена,
Ремесленник проснулся.
Раньше это было большим грехом
Быть жестянщиком, слесарем, кузнецом.
Каждый знатный еврей говорил себе:
ремесленник – еврей низшего сорта.
Не участвовал в общинной жизни,
Был всеми презираем.
Иди откуда пришел,
Каждый считал низкой тварью.

Суккот 1936 г.
([http://www.eilatgordinlevitan.com/glubokoye/
glubokoye.html](http://www.eilatgordinlevitan.com/glubokoye/glubokoye.html))

Члены хашары – молодежной организации
по подготовке к сельскохозяйственному труду
(подразделение «Хе Халуц» в Глубоком)
([http://www.eilatgordinlevitan.com/glubokoye/
glubokoye.html](http://www.eilatgordinlevitan.com/glubokoye/
glubokoye.html))

Члены молодежной сионистской организации
«Бейтар» в Глубоком (<http://www.eilatgordinlevitan.com/glubokoye/glubokoye.html>)

Члены молодежной организации «Хе Халуц»
([http://www.eilatgordinlevitan.com/glubokoye/
glubokoye.html](http://www.eilatgordinlevitan.com/glubokoye/
glubokoye.html))

День рождения в Глубоком, 1932 г.
([http://www.eilatgordinlevitan.com/glubokoye/
glubokoye.html](http://www.eilatgordinlevitan.com/glubokoye/
glubokoye.html))

Развитие новых организаций в межвоенном штетле привело также к призывам изменить положение женщин. В феврале 1934 г. гневная статья в «*Gluboker Vokh*» обращала внимание читателей на то, что хотя женщины несли на себе большую часть бремени в действующих благотворительных организациях, они вообще не были представлены в важнейших институтах штетла. В следующем номере той же газеты высмеивалось это утверждение и приводилось в качестве контраргумента существование *фроейн фарейн* (женского союза), который играл все большую роль в Глубоком и других местечках⁴⁹.

Другой общей чертой процесса трансформации штетла в межвоенной Польше стала интеграция ранее автономных сообществ в организационную структуру общины. Пока это не произошло повсеместно, прослеживалась тенденция общины утверждать свой контроль над хевре кадиша и убоем скота⁵⁰. После Первой мировой войны стало распространенным явлением, когда хевре кадиша делилась сборами за погребения с общиной.

В межвоенный период хевре кадиша оставалась яблоком раздора, и политические группировки и противоречия в общине зачастую отражались на погребальном братстве. В Минске-Мазовецком, где союзу ремесленников удалось забрать хевре кадиша под свой полный контроль, богатые семьи, не входившие в фарейн, вынуждены были ожидать по несколько дней, чтобы похоронить близких⁵¹.

Другим источником напряжения были похороны членов левых организаций. В Казимеже (*Кузмир* на идише) на похоронах началась драка (поводом стало ношение ермолок), закончившаяся тем, что глава хевре кадиша был сброшен в открытую могилу. В Демблине конфликт возник после того, как братство похоронило члена партии «Поалей Цион» вблизи ограды кладбища. Его друзья раскопали могилу, перезахоронили его и охраняли место захоронения⁵².

Главное отличие общин в крупных городах и местечках заключалось в том, как они тратили свои деньги. Хотя источники были по большей части одинаковые: налог на мясо, подушный налог, похоронные взносы, – общины в крупных городах тратили большую часть бюджета на образование и социальные нужды. В маленьких городах, к большому огорчению многих жителей, главной заботой общины продолжали оставаться

жалованье раввина и содержание традиционных религиозных институтов⁵³. Эта ситуация становится главным предметом спора в политической жизни местечек, когда разные группы призывали увеличить расходы на поддержку отдельных школ, кредитных союзов или на нужды бедных.

Давление на общины с целью увеличить поддержку бедноты усилилось во время Великой депрессии. По понятным причинам польские власти придерживались той точки зрения, что еврейская бедность – это еврейская проблема, она не ложится бременем на фонды по социальному обеспечению. Но здесь у общины местечка возникла непредвиденная проблема. В 1933 г. община Глубокого пыталась организовать широкую кампанию в поддержку бедных. Но «массы» оказались весьма подозрительны, когда увидели напечатанные призывы, подчеркивающие тяжелую участь *гефалене бале-батим* (безработных и разорившихся бывших зажиточных евреев). Община вынуждена была заверить неуправляемую толпу, собравшуюся в главной синагоге, что социальный статус не будет критерием в распределении помощи. К сожалению, эта акция спасения не смогла собрать достаточно денег, и толпа нуждающихся евреев устроила новую демонстрацию перед зданием общины⁵⁴.

Одной из причин разницы в бюджетах общин стало то, что условия жизни в больших городах уже предусматривали существенную институализацию социальных служб, тогда как штетл до сих пор полагался на персональную, прямую форму филантропии. Существовало очень сильное давление на богатых членов общины, чтобы они тратили на благотворительность не только свои деньги, но и свое время⁵⁵. Помощь бедным на Песах и приданое для бедных невест собирались местным рабби или отдельными членами общины⁵⁶. Здравоохранительные организации, такие как богадельни для бедных, стали собирать пожертвования, ставя традиционные *пуримшипили*. Штетлы пытались сохранить привычную социальную систему поддержки: печка при синагоге (которая согревала самых бедных), *зекдеш* (богадельня), *недовес* (пожертвования) для бродячих нищих. После *завдоле* (церемония отделения субботы от наступающих будней) волонтеры собирали ломти хлеба или целые буханки хлеба в *торбе* (короб) для раздачи бедным (*ле-хем эвойним* – «хлеб для бедных»).

Сбор на Песах 1937 г.

Величина общины	Процент сборов от местного еврейского населения	Процент сборов от внешних источников
Менее 2 000 чел.	22,60%	77,40%
2 000–5 000 чел.	44,20%	55,80%
5 000–10 000 чел.	77,70%	22,30%
10 000 и выше чел.	81,60%	19,40%

Источник: *Shner H. Ankete vegn pesakh shtitse in di yorn 1935–1937 // Yidishe ekonomik. 1937. № 1. Z. 65.* Цифры по общинам свыше 10 000 человек составляли в сумме более 100%.

В 1929 г. Хирш Абрамович, статистик Виленского Еврейского комитета помощи жертвам войны (ЕКОПО), написал разоблачительный, крайне негативный отчет, посвященный упадку соседнего местечка. Но он подчеркивал, что местечковые евреи по-прежнему отдавали на благотворительность пропорционально гораздо большую часть их чистого дохода, чем еврейские жители больших городов, и что узы социальной ответственности оставались очень сильными, особенно в случае серьезных болезней, когда евреи делали пожертвования, чтобы отправить своих больных в городской госпиталь⁵⁷. Газета «*Gluboker Lebn*» регулярно отводила важное место открытым воззваниям, в которых благотворители публично призывали людей присоединиться к их пожертвованиям. Типичный случай – дело Либке Кнаут, вдовы с шестью детьми, которой негде было жить. Известные зажиточные евреи провели кампанию за то, чтобы найти ей дом⁵⁸. Благотворительность распространялась даже на государственные школы. Когда еврейская женщина сбежала с гоём, бросив мужа и детей и забрав все семейные сбережения, одноклассники детей собрали 25 злотых в местной *шабасувке* (*szabasówka*) – еврейской общеобразовательной школе с преподаванием на польском языке⁵⁹.

В то же время в межвоенный период все больше ощущалось стремление кардинально изменить структуру местечковой филантропии. Традиционная опора на персональные пожертвования, лехем эвойним и т. п. резко критиковались теми, кто убеждался, что многие нуждающиеся евреи слишком горды, чтобы получать милостыню от людей, но могли бы принять помощь, если бы она была должным образом организована и институционализирована⁶⁰. Часто отмечалось, что сбор еды для бедняков в короб – это обычай, давно нуждающийся в изменении⁶¹.

В межвоенный период становится особенно очевидной важность взаимоотношений штетла и его зарубежных землячеств. Согласно одному джойнтвскому отчету, чем хуже было положение штетла перед Первой мировой войной, тем больше помощи он мог привлечь из этого источника в силу того, что беднейшие штетлы и породили самую активную эмиграцию перед войной⁶². Цифры, опубликованные за 1937 г. по пасхальному сбору, показывают, как были важны землячества (см. Таблицу).

Для Глубокого пожертвования из США были особенно важны. Несколько ключевых землячков – Барни Раппопорт из Хартфорда, Коннектикут; Моррис Цепелович из Буффало, штат Нью-Йорк; Иуда

Поллак из Нью-Йорка – регулярно организовывали кампании сбора денег на Песах, по поддержке Общества охраны здоровья евреев, «Киндер шутц» (Общество защиты детей), гмилес-хесед-касе и местной школы «Тарбут». Важнейшим фактором в поддержании контакта между Глубоким и земляков за границей стала еженедельная газета «Gluboker Lebn», которая постоянно пересылалась в США. (Глубокские жители, в свою очередь, имели возможность читать пространные статьи о подвигах Барни Раппопорта в законодательном органе штата Коннектикут). Не считая денежных средств, посылаемых родственникам, американские деньги обеспечивали приблизительно 60% бюджета этих общественных организаций. Распределение американских денег часто приводило к острым конфликтам.

Помощь из США, подпитываемая еженедельными поступлениями тиража «Gluboker Lebn», доставалась нелегко. «Gluboker Lebn» честно сообщала о растущей бедности в городе, но старалась замывать такие инциденты, как драка на Йом Кипур, из страха снизить приток долларов. Представители американского землячества регулярно посещали Глубокое и слышали жалобы тех, кто чувствовал себя несправедливо обделенным при распределении средств. Некоторые евреи возмущались пресмыкающимся тоном якобы взятым «Gluboker Lebn» в отношении земляков. В 1934 г. Шлойме Багин покинул пост главного редактора. Его преемник, Йона Беркман, объявил читателям, что впредь газета будет писать на чистом идише, а не на американизированном «жаргоне», принятом при Багине. К американским визитерам будут относиться с величайшим уважением, но штетл будет напоминать им о том, что Глубокое – это нечто большее, чем просто ассоциация попрошаек⁶³.

Штетл сильно пострадал от Великой депрессии и структурных проблем в польской экономике. В дополнение к этому свою роль сыграла проблема экономического бойкота евреев в маленьком городе. Еврей в местечке не мог быть анонимной экономической единицей. Его экономическое положение было заметным и персонализированным и зависело в значительной степени от специфических отношений с конкретными неевреями. Да и нееврей не мог так просто скрыть тот факт, что он покупает товары у еврея.

С другой стороны, не следует забывать утверждение Джозефа Маркуса о том, что проблема еврейской бедности должна рассматриваться в контексте уровня жизни окружающего нееврейского населения⁶⁴. Еще один немаловажный момент заключается в том, что эффективность экономического бойкота зависела от двух главных факторов: отношения местных польских властей и способности недавно разбогатевших нееврейских торговцев стать конкурентоспособными в долгосрочной перспективе. У Якова Лещинского сохранилось донесение о том, что сразу после погрома 1936 г. еврейская доля в торговле Минска-Мазовецкого упала с 81% до 63%⁶⁵. Но уже спустя четыре месяца репортер «Varshever radio» писал о том, что евреи сохранили свои позиции в городе, и, пока польские горожане испытывали серьезное общественное давление, требующее избегать покупок в еврейских магазинах, крестьяне игнорировали бойкот. Многие новые нееврейские владельцы магазинов не смогли удержать за собой торговлю с крестьянами, и новый *староста* (глава района) запретил пикетирование еврейских магазинов⁶⁶. Более удачливые штетлы, находившиеся под властью старосты, который предпочел соблюдать порядок, страдали от бойкота значительно меньше, чем города, где местные власти были менее благожелательны.

Помимо помощи от землячеств главным оружием против экономического кризиса были кредитные союзы – особенно спонсируемые «Джойнтом» кассы взаимопомощи. Развитие ссудных касс играло ключевую роль в экономической жизни межвоенного штетла, будучи не только спасательной шлюпкой, но и являясь социальным институтом, уравновешивающим центробежное влияние политических партий и идеологий.

Кредит всегда был востребован в традиционном штетле, как *гмилес хесед* (свободные ссуды), так и стандартные кредиты. Но традиционная организация кредитов зависела в большей степени от вполне определенных лиц. Размер процентной ставки по стандартным кредитам был высок, и традиционные гмилес хесед требовали брать товары под залог⁶⁷.

В 1926 г. «Джойнт» заложил фундамент сети касс взаимопомощи, которая к 1937 г. включала в себя 870 малых и средних городов из общего числа 1 013

городов с еврейским населением, превышающим 300 евреев. Кассы должны были выдавать маленькие, свободные ссуды (до 95 злотых) еврейским ремесленникам и торговцам, которые нуждались в деньгах для покупки товаров для базарного дня, а также более крупные кредиты для покупки лошади или лицензии ремесленника. Для того чтобы заставить членов еврейской общины работать вместе и избежать партийных раздоров, которые будоражили еврейскую местную политику, «Джойнт» ставил условием, чтобы «все социальные и экономические группы города должны быть объединены в работу с ссудно-кредитными кассами... и что не должно существовать касс для особых групп». «Джойнт» давал общине первоначальный капитал после того, как убеждался, что соответствующий комитет, внушающий уважение и доверие общины, был готов руководить этим предприятием. Город должен был дополнить джойнтовский капитал своими собственными взносами и, в конце концов, погасить долг «Джойнту». Эта стратегия оказалась очень успешной. Кассы завоевали доверие еврейской публики, и джойнтовская доля в общем капитале касс уменьшилась с 58% в 1929 г. до 47% в 1936 г. В тот год совокупный капитал касс насчитывал до 10 миллионов злотых. Чем меньше город, тем выше оказывалась пропорция еврейского населения, зависимость от кредитных касс. Обзор за конец 1930-х гг. показывает, что еврейские мелкие торговцы получали половину их общей суммы ассигнований из касс, 20% – от частных банков и 5% – от коммерческих сберегательных институтов. 35% всех заемщиков составляли ремесленники, 50% – мелкие торговцы⁶⁸.

Во многих штетлах более 90% работающего населения входило в состав членов кредитных касс, что давало им право избирать наблюдательный комитет каждый год. Комитет встречался раз в неделю, обычно по воскресеньям, чтобы выслушать обращения за получением кредита. Каждый ссудозаявитель приходил в кассу и излагал доводы о необходимости кредита, который должен был быть возвращен не менее чем за 3 и не более чем за 12 месяцев. Записи кредитных касс дают нам ценную возможность проникнуться проблемами местечковой жизни. Нижеизложенное дело, взятое из отчета из местечка Венгров, было типичным.

«Вошла женщина со слезами на глазах. «Еврей, – сказала она, – вы знаете, что мой муж работает переписчиком и получает 8 злотых в неделю. Конечно, вы знаете, что никто не может прожить на такую зарплату. У моих детей нет хлеба... Я хотела бы открыть продажу газированной воды... Немного газировки, немного яблок, и я бы смогла бы справиться [*Ikh vel zikh an eytse gebn*]. Но лицензия стоит 28 злотых... Пожалуйста, еврей, дайте мне займы 25 злотых. Я буду выплачивать по 1 злотому в неделю»⁶⁹.

«Джойнт» прилагал значительные усилия, чтобы расследовать любые обвинения в коррупции или личных пристрастиях. В отличие от кредитных кооперативов для состоятельных коммерсантов, кассы были относительно свободны от обвинений в фаворитизме или коррупции⁷⁰.

Наряду с новыми общинами и политическими партиями, кассы стали институтами, мобилизовавшими группы населения, до этого не вовлеченные в общественную жизнь штетла. Однако, в отличие от первых двух институтов, кассы вызывали скорее дух общинного взаимодействия, чем конкуренции.

Из всех новых веяний в межвоенном штетле одним из самых важных стало появление молодежного движения⁷¹. Хотя все значительные идеологические течения, которые увлекли за собой восточноевропейское еврейство, появились до Первой мировой войны, они не были массовыми вплоть до межвоенного периода, и их ядром стали именно молодежные организации. В то время как последние не восставали против руководства «взрослых» партий, еврейская парламентская политика в межвоенной Польше в принципе не могла улучшить положение польского еврейства. Однако в создании структуры новой социальной сети и молодежных организаций политические партии были более успешны.

Не будет большой натяжкой сказать, что литература и театр играли почти такую же значительную роль в еврейском молодежном движении, как и идеология. Обсуждение литературы, равно как и идеологических вопросов, и живой интерес к любительскому театру – все это придавало молодежному движению в штетлах особую роль – очага контркультуры, дома вне дома⁷².

Главным детерминантом молодежных движений стало постоянно прогрессирующее уменьше-

Молодежная организация в еврейской школе
([http://www.eilatgordinlevitan.com/glubokoye/
glubokoye.html](http://www.eilatgordinlevitan.com/glubokoye/glubokoye.html))

Глубокская гимназия, 1935 г.
([http://www.eilatgordinlevitan.com/glubokoye/
glubokoye.html](http://www.eilatgordinlevitan.com/glubokoye/glubokoye.html))

Плавание на каяках в Глубоком
(фото предвоенного периода)
([http://www.eilatgordinlevitan.com/glubokoye/
glubokoye.html](http://www.eilatgordinlevitan.com/glubokoye/glubokoye.html))

Члены молодежной организации «Хе Халуц», 1932 г.
([http://www.eilatgordinlevitan.com/glubokoye/
glubokoye.html](http://www.eilatgordinlevitan.com/glubokoye/glubokoye.html))

Члены молодежной организации «Хе Халуц»
([http://www.eilatgordinlevitan.com/glubokoye/
glubokoye.html](http://www.eilatgordinlevitan.com/glubokoye/glubokoye.html))

ние экономических возможностей. Традиционные варианты выбора жизненного пути для молодых людей в штетле включали в себя: получение приданого и открытие магазина; уход в подмастерья либо в штетле, либо в большом городе и обучение торговле; учебу в ешиве в надежде произвести впечатление на будущего свекра; вхождение в бизнес отца; эмиграция. Если молодая девушка не выходила замуж, то у нее был выбор отправиться в большой город и стать служанкой или найти какую-то работу на фабрике. Многие из этих возможностей сократились после Первой мировой войны. Ухудшившиеся экономические условия привели к тому, что размер приданого, который раньше позволял начать бизнес, теперь не покрывал этих расходов⁷³. Совсем небольшая часть польско-еврейской молодежи поступала в торговые училища, а находящиеся в стесненных обстоятельствах ремесленники могли взять меньшее количество учеников⁷⁴.

Данные 1931 г. по Глубокому показывают, что 61% юношей и 83% девушек в возрасте от 16 до 20 лет не имели работы⁷⁵. Другим следствием экономической ситуации могла стать тенденция к более поздней женитьбе⁷⁶. В определенной степени экономическое давление на еврейскую молодежь было сбалансировано негативным демографическим воздействием Первой мировой войны, но количество еврейских детей возраста около тринадцати лет увеличилось с 24 000 в 1930 г. до 45 000 в 1938 г., усиливая конкуренцию в условиях ограниченных экономических возможностей⁷⁷.

Молодежные организации предлагали надежду и чувство собственного достоинства; вечера и послеполуденные встречи по субботам с бурными дискуссиями о моральных ценностях, литературе, политике; возможность участвовать в театральных постановках и путешествовать⁷⁸. Всегда был шанс, пусть и ничтожный, что годы изнурительной подготовки к сельскому труду в Палестине (*хахшара*) могли, в конце концов, привести к получению вожделенного миграционного сертификата на въезд в Палестину. Молодежь из бедных семей зачастую находила в бундистских (и коммунистических) молодежных организациях комфортную среду, которая не только поддерживала уважительное отношение к их труду, но и давала им шанс повысить самооценку, развивая их дра-

матический талант и культурный уровень на том языке, который они знали лучше всего – на идише.

Невзирая на идеологию, структура разных молодежных организаций в целом была похожа. Арендованное помещение – *локал* – было центром их деятельности. Локал часто имел библиотеку, где книги, слишком дорогие, чтобы большинство молодых людей могли их себе позволить, были доступны и служили основанием для дебатов (*кестл овнтн*) и дискуссий. Организаторы спонсировали любительские постановки, поездки в близлежащие штетлы, длительные экскурсии. Почти все (кроме религиозных) молодежные организации назначали путешествия на шаббат, создавая напряжение в отношениях между молодыми людьми и их религиозными родителями.

Как подчеркивает Моше Клингсберг, ценности, пропагандируемые молодежным движением, служили мощным противодействием традиционным местечковым представлениям, принижающим ручной труд и возвеличивающим торговлю⁷⁹. Даже если молодежные движения и не устранили полностью социальные разногласия, они, по крайней мере, создали новую структуру, внутри которой молодые люди из разных классов могли встречаться на равных. В целом социальной интеграции было больше в сионистских молодежных организациях, чем в бундистских, которые ориентировались преимущественно на рабочий класс.

Молодежные движения играли важнейшую роль в меняющихся взаимоотношениях между юношами и девушками. Пешие походы, дискуссионные клубы, кестл овнтн давали возможность молодым людям встречаться без надзора родителей. Родители часто пытались запретить дочерям вступать в молодежные организации, но редко в этом преуспевали. Несчастный отец из штетла около Вильно, которому дочь сказала, что собирается на пикник в лес в субботу после полудня и даже собрала корзинку для еды, ответил: *Male vos zey trogn in vald iz nor a halbe tsore. Di gantse tsore vet zayn ven zey veln onheybn trogn fun vald* («Мало ли что они носят в лес – это еще полбеда. Беда будет, когда они начнут приносить из леса»).

В этом исследовании мы попытались показать, что в действительности среди штетлов в межвоенной Польше царило большое разнообразие, но существовали и важные общие черты. Межвоен-

ный штетл переживал процесс социально-политических изменений. Социальное напряжение и конфликты стали постоянной составляющей жизни штетла, эти разногласия становились все сильнее. Тем не менее, общими тенденциями для штетла стали соответствие основным направлениям развития межвоенного польского еврейства и формирование новых институтов и организаций, которые вовлекли значительную часть населения и обеспечили ее некоторой компенсацией – моральной, если не финансовой – ухудшающейся экономической ситуации.

Более того, штетл продуцировал институты и взгляды, которые служили противовесом традиционным предубеждениям и давали общине социальную гибкость и даже запас прочности. Личности имели такое же важное значение, как и институты. Сила и власть в штетле не проистекали автоматически из статуса раввината и общины, но отражали способность конкретных личностей завоевать уважение и репутацию, работая в различных структурах. Хотя напряженная экономическая обстановка влияла на штетл, в целом общине тенденции преобладали над местными особенностями. Битва евреев за экономическое выживание была не совсем безуспешна. Отношение местных властей, помощь из США, способность евреев удерживать за собой торговлю с крестьянами, сохраняющееся социальное давление дабы способствовать помощи менее удачливым членам общины – все указывает на возможность хотя бы частичного пересмотра широко распространенного тезиса о том, что накануне Второй мировой войны польское еврейство стояло на грани вымирания.

Перевод с английского Ирины Копченовой

Перевод выполнен по гранту РФФ № 15-18-00143 «Проблемы межэтнических контактов и взаимодействий в текстах устной и письменной культуры: славяне и евреи».

Примечания

- ¹ Статья С.Д. Кассова (*Kassow S.D. Community and Identity in the Interwar Shtetl // The Jews of Poland Between Two World Wars / Ed. By Y. Gutman, E. Mendelson, J. Reinharz, Ch. Shmeruk. Brandeis University press, 1989*) во многом основывается на материалах из Глубокого, откуда родом родители исследователя: это материалы местной прессы на идише, «Книга памяти», отчеты «Джойнта», интервью с участниками молодежных организаций местечка. Мы благодарим Сэмюэля Д. Кассова за любезное разрешение опубликовать перевод его статьи в нашем сборнике. Переводчик благодарит Михаила Крутикова за помощь в работе над статьей. – *Прим. пер.*
- ² Две работы о штетле: *Zborowski M. Life Is with People. New York, 1950; Ertel R. Le shtetl: La bourgade juive. Paris, 1982.* Книга Зборовского – это краткий обзор. Эртель активно использует «Книги памяти» и дает интересный анализ молодежного движения, но очень мало касается польской и идишской прессы. Кроме того, обе книги не смогли представить полноценный исторический контекст.
- ³ См.: *Kugelmass J., Boyarin J. Yizker Bikher and the Problem of Historical Veracity: An Antropological Approach // The Jews of Poland Between Two World Wars / Ed. by Y. Gutman, E. Mendelson, J. Reinharz and C. Shmeruk. Brandeis University press, 1989.*
- ⁴ Архивы YIVO Institute for Jewish Research в Нью-Йорке хранят полный выпуск «Gluboker Lebn» (1930–1936) и «Gluboker Shtime» (1936–1939), так же как и выпуски «Gluboker Vokh» (1934–1936). По случайному стечению обстоятельств, эти газеты относятся к местечку, где жили мои родители.
- ⁵ Редактор «Gluboker Lebn» пытался скрыть события, которые бросали тень на образ штетла среди американских земляков. Кроме того, избегая разжигания дальнейшего скандала, газета сглаживала все идеологические споры, в том числе и конфликт вокруг должности *рабби*. Это также проявлялось в том, что «Gluboker Lebn» стремилась не критиковать местные польские власти, особенно после появления газеты-конкурента в 1934 г.
- ⁶ Мордехай Гебиртиг – псевдоним; настоящая фамилия Биртиг (1877, Краков – 1942, Белжец, Польша), поэт-песенник (<http://www.eleven.co.il/article/11092> – *Прим. пер.*).

- ⁷ Шолом Аш – еврейский писатель и драматург (1880, Кутно, Польша – 1957, Лондон) (<http://www.eleven.co.il/article/10363> – *Прим. пер.*); Ицхак Лейбуш Перец – писатель, один из основоположников новой литературы на идиш (1852, Замостье, Люблинской губернии, ныне Замосць, Польша – 1915, Варшава) (<http://www.eleven.co.il/article/13189> – *Прим. пер.*); Ицхак Меир Вайсенберг – романист и драматург (1881, Желехув, Польша – 1938, Варшава) (<http://www.eleven.co.il/article/10825> – *Прим. пер.*); Лейб Раскин – псевдоним, настоящее имя – Шойл Фридман, идишский писатель (1935, Казимеж Дольны, Польша – 1942, Брест) (http://www.jewishvirtual-library.org/jsource/judaica/ejud_0002_0017_0_16454.html – *Прим. пер.*).
- ⁸ *Gebirtig M. Undzer shtetl brent* (1938) // *Gebirtig M. Na-ayarah boeret Undzere shtetl brent*. Tel Aviv, 1967. Z. 8–11; *Ash Sh. A shtetl*. New York, 1909; *Peretz Y.L. Rayze bilder // Peretz Y.L. Geklibene verk* / [Ed.] D. Pinski Vol. 2. New York, 1920. Z. 3–285; *Weissenberg I.M. A shtetl // Weissenberg I.M. Geklibene verk*. Vol. 1. / [Ed.] P. Weissenberg Chicago, 1959. Z. 287–355; *Rashkin L. Di mentshn fun Godlbozhits*. Warsaw, 1936. См. также: *Miron D. Der imazsh fun shtetl*. Tel Aviv, 1981.
- ⁹ Прекрасное эссе, затронувшее этот вопрос: *Menes A. Di kemerlekh fun tsibur lebn bay yidn // YIVO Bleter* 2. 1931. Z. 193–199.
- ¹⁰ Убедительные доказательства этого утверждения содержится в «Книгах памяти» и интервью в архиве г. Минск-Мазовецкий, в котором хранятся описи еврейского и нееврейского населения по улицам, относящиеся к 1932 г. 90% еврейского населения жило на шести улицах, примыкающих к рыночной площади. См.: *Population Registry, 1932* (Archiwum Mińska Mazowieckiego, Otwock, file 112).
- ¹¹ Прекрасное описание штетла в нерыночный день можно найти в докладе из Венгрова (Węgrów) конца 1930-х гг. См.: *Botchan B. Report on the Węgrów gemiles kheshed kase (free-loan society), 1937* (Jacob Leschinsky Archives, Hebrew University Jerusalem, file 258).
- ¹² Подробнее об этом см.: *Sosnov H. Kalkalah ve-hevrah be_Kolno bein shtei milhamot ha-olam // Sefer zikaron le-kehilat Kolno* / [Ed.] I. Reinba and B. Halevi. Tel Aviv, 1971. Z. 28–42. В 1930-х гг. Соснов собирал данные по экономическому положению в разных штетлах для YIVO.
- ¹³ О Калушине подробнее см.: *Gotlib S. A yidish shtetl vu ale hobn parnose // Varshever radio*. 1936 (от 16 октября).
- ¹⁴ О роли прозвищ подробнее см., помимо памятных книг: *Abramovich H. A yidish shtetl in Lite // Oyf di khurves fun milkhomes un mehumes: Pinkes fun gegnt-komitet EKOPO* / [Ed.] M. Shalit Vilna, 1931. Z. 362–384.
- ¹⁵ Вопрос о различиях в статусе среди ремесленников рассматривается в: *Koifman N. Dos yidische ekonomishe lebn in Sokolov // Sefer ha-zikaron: Sokolow Podlaski*. / [Ed.] M. Gelbart. Tel-Aviv, 1962. Z. 156–170. См. также: *Kligsberg M. Di yidische yugnt bavegungen in Poyln tsvishn beyde velt-milkhomes: A sotsyologishe shtudye // Studies on Polish Jewry, 1919–1939* / Ed. J.A. Fishman New York, 1974. P. 143–144.
- ¹⁶ Хорошее объяснение того, почему ремесленники стремились основать собственные миньяны, можно найти в: *Malavanchik Y. In katsevishn bes-medresh // Sefer yizkor le-kehilat Sheletz*. / [Ed.] A. Wolf Jasny (Yasni). Buenos Aires, 1956. Z. 581–584. В 1938 г. глубокий миньян портных был под угрозой закрытия на основании нарушения санитарных норм. «Gluboker Shtime» пишет: «Да, это миньян для рабочих, ремесленников, для тех портных [*horepashnikes*], кто ощущал там чувство самоуважения. Им не надо было ждать вызова к чтению Торы второго класса, редко-го *мафттур* (еженедельного чтения отрывка *гафта-ра*), которые предоставлялись им в других синагогах. Они выбрали главу (*габая*) среди своих членов... и стали в их собственных глазах равными с другими». См.: *Agus S. Shtol // Gluboker Shtime*. 1938 (от 12 августа).
- ¹⁷ Иехезкель Котик в своей книге (*Kotik Y. Maune zikhroynes*. Warsaw, 1913. Z. 399–415) дает прекрасное описание социального влияния хасидизма в конце XIX в. Многие, о чем писал Котик, релевантно и для межвоенного периода. Беллетристическое представление о том, как хасидизм влиял на семейную жизнь, можно найти в: *Singer I.J. Di brider ashkenazi*. New York, 1951. См также: *Katz J. Tradition and Crisis*. New York, 1961.
- ¹⁸ Главным примером может служить роль «Еврейского комитета помощи жертвам войны» (ЕКОПО) в распределении пожертвований Распределительного комитета «Джойнт» в северо-восточной Польше. ЕКОПО основал местные комитеты для того, чтобы следить за справедливым распределением средств.

- ¹⁹ «Тарбут» (תרבות – культура) – еврейская просветительно-культурная организация, под эгидой которой в период между двумя мировыми войнами была создана сеть образовательных учреждений на иврите в странах Восточной Европы. TSYSHO – Tsentrale Yidishe Shul Organizatsye.
- ²⁰ Члены «Агудат Исраэль» (אגודת ישראל) – еврейского религиозного движения, объединенного в политическую партию, целью которой является стремление сохранить устои еврейской религии и традиции, еврейского общества на основе Галахи. – *Прим. пер.*
- ²¹ Члены «Бунда» (בונד, *Алгемэйнэр Йидишэр Арбэтэр Бунд ин Литэ, Пойлн ун Русланд* – Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России) – еврейской социалистической партии. – *Прим. пер.*
- ²² Пионеры сионисты – члены молодежного движения «Хе Халуц». – *Прим. пер.*
- ²³ Примером может служить полемика вокруг выборов *рабби* в Минске-Мазовецком в начале 1930-х гг. Efraim Shedletzky, интервью с автором, Иерусалим, июль 1982 г.
- ²⁴ Vi azoy zaunen farteylt gevorn di 300 doler // *Gluboker Lebn*. 1932 (от 15 апреля). «Комитет в штетле получает пожертвование от американских землячеств и распределит большую его часть между миньянами на необходимые нужды. Определенная сумма пойдет, конечно, на общинные институты или на евреев, которые не связаны ни с какими миньянами».
- ²⁵ В русском переводе – «Ешива». – *Прим. пер.*
- ²⁶ *Grade C. Tsemakh Atlas*. New York, 1968. V. 2. Z. 141.
- ²⁷ *Bagin S. Shande! Shande!* // *Gluboker Lebn*. 1931 (от 25 сентября): «Другие люди любят драться в барах... Мы предпочитаем драться в *шуле* (синагоге). Все споры, все обиды, все виды странного поведения копятя до служб в синагоге на шаббат или на праздники... Если кто-то имеет зуб против кого-нибудь... то дожидается субботы». Газета указывала на события предыдущей субботы, *Шабес тишув* (шаббат между Рош-Ха-Шана и Йом Кипур – *Прим. пер.*), когда состоялись драки в трех синагогах.
- ²⁸ שְׁמַחַת יוֹם הַקִּיּוּם – молитва на Йом Кипур. – *Прим. пер.*
- ²⁹ *Arum dem yom-kipur protses* // *Gluboker Lebn*. 1933 (от 2 июня). Следует отметить, что об этом инциденте нет ни слова в памятной книге.
- ³⁰ *Nasz Przegląd*. 1936 (от 2 июля).
- ³¹ По этому вопросу см., помимо различных упоминаний в литературе: *Abramovich A yidish shtetl in Lite*. Z. 380–381.
- ³² См., например: *Saratzkin E. Der lebensveg fun ha-Rav Zalmen Saratzkin // Pinkes Zhetl* / [Ed.] B. Kaplinski. Tel Aviv, 1957. Z. 233. В Глубоком рабби Йосеф Халеви Кац играл ведущую роль в создании городского банка. В Минске-Мазовецком рабби Якоб Каплан прервал шаббатную службу и приказал евреям идти домой и принести денег для помощи пострадавшим от пожара в соседнем городе. См.: *Budvitzki Y. Bein noar dati* // *Sefer Minsk Mazowieck* / [Ed.] E. Shedletzky. Jerusalem, 1976. Z. 93.
- ³³ Это становится ясно из различных докладов «Джойнта». Например, Пробужная (Probuзна) в Галиции. Из 1 104 евреев города 40% были заняты в торговле, 26,8% – в ремеслах или промышленном производстве. Из 185 семей, занятых в торговле, 62 семьи имеют побочную занятость. Из 121 семей, занятых в ремеслах, 17 семей имели дополнительные источники дохода. Чем скромнее вид коммерческой деятельности, тем вероятнее, что еврей имел побочный вид занятости. Из 38 владельцев лотков на рынке только 8 не имели дополнительного приработка. *Report on Probuзна, 1934 (Joint Distribution Committee Archives, New York, Poland, Reconstruction, Localities, Probuзна)*.
- ³⁴ В центральных провинциях 81,9% еврейских детей посещали государственные школы, тогда как 18,1% – различные еврейские школы («Тарбут», TSYSHO, «Явне» и др). В четырех восточных провинциях 58% детей посещали государственные школы, тогда как в Галиции – 95%. В Виленском регионе 56,3% еврейских детей учились в еврейских школах. См.: *Uczniowie Zydzi w szkolach powszechnych // Biuletyn Ekonomiczno-Statystyczny*. 1937 (сентябрь).
- ³⁵ *Ringelblum L. Di valn tsu di shtotratn in Poyln in 1934 // Dos virtshaflekhe lebn*. 1934. № 8–9. Z. 1–12.
- ³⁶ Информативное исследование образования 44 штетлов в Виленской провинции в 1929 г. см.: *Shalit M. Ankete vegn der tsol kinder in di shuln fun Vilne un gegnt in lernyor 1929–1930 // Oyf di khurves*. Z. 688.
- ³⁷ «Поалей Цион» (פּוֹאֲלֵי צִיּוֹן – трудящиеся Сиона), общественно-политическое движение, сочетавшее политический сионизм с социалистической идеологией. – *Прим. пер.*
- ³⁸ «Ха-Шомэр ха-ца'ир» (הַשּׁוֹמֵר הַצֵּ'יר – юный страж) – молодежное левосоциалистическое сионистское движение, целью которого была подготовка еврейской молодежи к переселению в Эрец-Исраэль и к киббуцной жизни. – *Прим. пер.*

- ³⁹ Y.V. Miz zaynen orem in gezeshaflekhe tuer // Gluboker Shtime. 1939 (от 3 марта); *Dokshitski Y. Tsurik in di reyen* // Gluboker Vokh. 1934 (от 16 февраля).
- ⁴⁰ О деталях законодательных актов о еврейских общинах см.: *Ringel M. Ustawodawstwo Polski Odrodzonej o gminach zydowskich* // *Zydzi w Polsce Odrodzonej*. T. 2 / Red. I.(Y.) Schiper, A. Tartakower, A. Hafftk. Warszawa, 1932. S. 242–248.
- ⁴¹ Какое исключительно важное значение имел этот вопрос в довоенной еврейской политической жизни в Российской империи, см.: *Слюозберг Г. Дела минувших дней: записки русского еврея*. Париж, 1933–1934. Т. 3. С. 263–264.
- ⁴² *Ringel M. Ustawodawstwo Polski Odrodzonej o gminach zydowskich*. S. 246–248.
- ⁴³ Такое случалось часто. 20-я статья в законодательном акте о выборах дисквалифицировала тех, кто открыто провозглашал антирелигиозные взгляды. В Соколов-Подляском после того, как «Агудат Исраэль» присоединилась к хандверкер фарейн, чтобы свести на нет победу левой «Поалей Цион», сторонники «Поалей Цион» бросали камни в окна дома лидера «Агуды» и захватили здание общины, переворачивая столы и стулья. См.: *Granatshtein P. Mayn khover gevorene shtetl Sokolov*. Buenos Aires, 1946. Z. 66.
- ⁴⁴ В межвоенном Дятлово (*Жетл* на идише) еврейское большинство смогло аннулировать решение разбавить еврейское присутствие в органах местного самоуправления путем инкорпорирования близлежащих деревень. Таким образом, еврейские делегаты получили возможность использовать местные налоги (большую часть которых платили сами евреи) на благо города. См.: *Layzerovitsh M.M. Zhetl un der zhetler hadverker* // *Pinkes Zhetl*. Z. 134–135. Межвоенные архивы органов местного самоуправления Минска-Мазовецкого, где из-за инкорпорации еврейские делегаты были в меньшинстве, хранят записи о постоянной борьбе за сохранение городских субсидий для еврейских общинных институтов. Хотя субсидии были маленькими, они сохранялись на протяжении всего межвоенного периода, как, например, оплата расходов на санаторное лечение для беднейших граждан.
- ⁴⁵ *Bagin Sh. Tsu an eynhaytlekher yidish-kristlekher liste tsu di shtorat valn* // *Gluboker Lebn*. 1934 (от 18 мая).
- ⁴⁶ Полезный, хотя и пристрастный источник о хандверкер фарейн: *Rak E. Zikhroynes fun a yidishn handverker tuer*. Buenos Aires, 1958.
- ⁴⁷ См., например: *Rag Y. Tsvey khevres* // *Sefer Ratne* / [Ed.] Y. Batoshanski and Y. Yanosovich. Buenos Aires, 1952. Z. 141–147.
- ⁴⁸ *Rak E. Zikhroynes fun a yidishn handverker tuer*. Z. 151.
- ⁴⁹ *Rubin M. Vi halt es mit der froy in undzer gezeshaflekhn lebn* // *Gluboker Vokh*. 1934 (от 2 февраля); [Письмо редактору] // *Gluboker Vokh*. 1934 (от 9 февраля).
- ⁵⁰ См., например: *Saratzkin Z. Zhetl in der tsayt fun mayn rabones*; *Anon. Hevres un institutsyes* // *Pinkes Zhetl*. Z. 97–109, 177–179.
- ⁵¹ Esther Rokhman, интервью с автором, Тель-Авив, 6 августа 1981; Efraim Shedletzky, интервью с автором, Иерусалим, 7 августа 1981.
- ⁵² *Pinkes Kuzmir* / [Ed.] D. Shtokfish. Tel Aviv, 1970. Z. 195; *Sefer Demblin-Modzice* / [Ed.] D. Shtokfish. Tel Aviv, 1969. P. 127.
- ⁵³ *Sociale arbeit in Poyln*, June 1936 (JDC Archives, Poland, General no. 32A); *Bornshteyn Y. Di struktur fun di budzshetn fun di yidishe kehiles in Poyln* // *Dos virthshaflekhe lebn*. 1934. № 1–2. Z. 16–18.
- ⁵⁴ *Hunger demonstratsye bay der yidisher kehile in Glubok* // *Gluboker Lebn*. 1933 (от 12 февраля). Когда прибыла польская полиция, евреи попросили арестовать их, аргументируя это тем, что хотя бы в тюрьме их накормят.
- ⁵⁵ Моше Зиссерман, интервью с автором, Холн, Израиль, 27 августа 1981 г. Зиссерман был президентом богадельни в Минске-Мазовецком в конце 1930-х гг.
- ⁵⁶ См.: *Sotsyale arbet in Poyln*. В отчете 1934 г. по Пробужной упоминается, что вся благотворительность была организована раввином. Хаим Соснов вспоминает, что в Кольно (Kolno) его отец протестовал против институализации филантропии местечка по причине того, что «она не была еврейской». См.: *Kalkalah ve-hevrah be Kolno*. P. 28–42.
- ⁵⁷ *Abramovich. A yidish shtetl in Lite*. Z. 381–384.
- ⁵⁸ *Retungs-keyt tsu endikn di kleyn shtibele fun der almone mit di yesoymim Kraut* // *Gluboker Lebn*. 1934 (от 6 июля).
- ⁵⁹ *A familyen tragedye vos iz farlofn in Glubok* // *Gluboker Shtime*. 1938 (от 15 апреля).
- ⁶⁰ *Arbeit un sotsyale hilf* // *Gluboker Lebn*. 1932 (от 29 января).
- ⁶¹ [*Bagin Sh.?*] *Arum der Gluboker lekhem evyonim* // *Gluboker Lebn*. 1933 (от 10 ноября): «Это нищий попрошайка мог принять хлеб в коробе, но не *гефалене балебатим* или кто-то, потерявший работу». Га-

- зета убеждала, что филантропия – это ответственность как города, так и общины.
- ⁶² Для изучения этого вопроса см. отчет по Соколке (Sokolka), 1937 (JDC Archives, Poland, Reconstruction, Localities, Sokółka).
- ⁶³ *Berkman Y.* Der sakhakl fun a yor arbet // *Gluboker Lebn*. 1935 (от 28 июня).
- ⁶⁴ *Markus J.* Social and political History of the Jews in Poland, 1919–1939. New York, 1983. P. 243.
- ⁶⁵ Отчет Якова Лещинского о его визите в Минск-Мазовецкий находится в: *Lestschinsky Archive*. F. 286. Другой неопубликованный свидетельский отчет о погроме см. в записи Моше Розенберга 1939 г. в YIVO (YIVO Archives, Youth Autobiographies, 143644/3753).
- ⁶⁶ *Gotlib S.* Der emes vegn di straganes // *Varshever radio*. 1936 (от 7 октября).
- ⁶⁷ *Sotsyale arbet in Poyln* // *Yung vorn*. New York, 1918. Шолом Аш описывает Лейбла, традиционного ростовщика, который любил прогуливаться в окрестностях штетла, пугая своих должников. Хорошее описание еврейского кредитного банка до Первой мировой войны см.: *Mintz B.* Di antviklung fun yidishn kredit vezn in Shedletz // *Sefer Shedletz*. Z. 425–448. Постоянной проблемой организации кредита в штетле были внутренние противоречия между нуждами ремесленников и мелких торговцев.
- ⁶⁸ International memorandum. April 15, 1943 (JDC Archives, Poland, Reconstarcion, Gemiles Khesed Kases, № 398); *Sotsyale arbet in Poyln*.
- ⁶⁹ См. Отчет Бецалея Ботчана 1937 г. о гемайлес хесед кассе Вэнгрова (Węgrów) (Jacob Lestschinsky Archives, Hebrew University, Jerusalem, file 258).
- ⁷⁰ International memorandum on *gemiles khesed kases*. April 11, 1938 (JDC Archives, Poland, Reconstruction, General, 1938).
- ⁷¹ Незаменимым источником по любым проблемам молодежного движения является книга: *Kligsberg M.* Di yidishe yungt bavegungen in Poyln tsvishn beyde velt-milkhomes. Z. 137–228. Многое из того, о чем пойдет речь в дальнейшем, основано на книге Моше Клигсберга, а также на многочисленных интервью, проведенных в 1981 и 1982 гг. с участниками молодежных движений.
- ⁷² По этой проблеме см. прекрасное исследование: *Ertel*. Le shtetl. P. 243–298. Об этом аспекте молодеж-
- ных движений я много беседовал с моим последним дядей, Лазарем Краутом, который был членом «Хашомер ха-цаир» в Глубоком.
- ⁷³ См. по этому вопросу работу: *Abramovich H.* A yidish shtetl in Lite. Z. 371–372.
- ⁷⁴ Много дискуссий по этому вопросу в «Folkshift» и «Dos virtshaftlekhe lebn». Текущие отчеты «Джойнта» из Острога (штетла Вольнской губернии) в конце 1930-х гг. показывают, что из 42 юношей в возрасте от 14 до 16 лет только трое учились торговому делу у мастера. См.: Report on Ostrog, 1937 (JDC Archives, Poland, Reconstruction, Localities, Ostrog).
- ⁷⁵ *Yididovich Sh.* Di yidishe bafelkerung fun Glebok in tsifern (YIVO. № 2. 1931. P. 414–420). Те же, кто трудоустроен, в большинстве случаев помогают в родительских лавках. В целом по городу 53,6% еврейского населения зависело от ремесла и 26,2% – от торговли.
- ⁷⁶ В Городной из 44 молодых людей в возрасте от 25 до 29 лет – 33 человека были неженаты. См.: *Tzinaman A., Shlamovitsch L.* Di yidishe bafelkerung in Horodno // *Dos virtshaftlekhe lebn*. 1935. № 8–9. Z. 92–105. Конечно, излишние обобщения сложно сделать на основе такого фрагментарного свидетельства. См. также: *Shtampfer Sh.* Marital Patterns in Interwar Poland // *The Jews of Poland between Two World Wars* / Ed. Y. Gutman, E. Mendelson, J. Reinhartz, Ch. Shmerik. Brandeis University, 1989. P. 173–197.
- ⁷⁷ *Lestscherinsky J.* Vegn a konstruktivn plan fun hilf far di poylishe yidn // *Yidishe ekonomik*. 1938. № 2. Z. 12.
- ⁷⁸ П. Гранатштейн в книге «Mayn khorev gevorene shtetl Sokolov» (Buenos Aires, 1946. Z. 42–148) дает отличный материал о молодежных организациях в г. Соколов-Подляски (*Sokolów-Podlaski*). Описан случай, когда он призывает сходить в соседнее местечко Стердынь (*Sterdyń*) с другими членами «Поалей Цион» на свадьбу друзей. Лидер стердынской молодежной группы «Поалей Цион» хотел использовать свадьбу для рекрутирования новых членов. Брат невесты, бундист, отказался от политических речей и предложил, чтобы все просто отдохнули и хорошо провели время. Когда группа «Поалей Цион» из Соколов-Подляского поддержала это предложение, вся стердынская ячейка поголовно покинула свадьбу.
- ⁷⁹ *Kligsberg M.* Di yidishe yungt bavegungen in Poyln. Z. 137–228.

Кирилл Гавриленко

Благотворительность в еврейской погребальной обрядности на территории Западной Беларуси (1921–1939 гг.)

«Западной Беларусью» называют территорию четырех северо-восточных воеводств Польского государства (Полесского, Новогрудского, Белостокского (8 восточных поватов) и Виленского)¹, отошедших второй Речи Посполитой по окончании советско-польской войны (1919–1921 гг.) после подписания 18 марта 1921 г. Рижского мирного договора.

Площадь перешедшей Польше территории составляла 113 тыс. кв. км с населением свыше 4 миллионов человек, что составляло 24% от территории и 13% от населения всей республики². Территории Западной Беларуси и Западной Украины именовались *Kresami Wschodnimi* (Восточными окраинами). На территории 4 западнобелорусских воеводств вводилось польское административно-территориальное деление (воеводство, повет, гмина) и распространялось общепольское законодательство. Население западнобелорусских воеводств являлось поликонфессиональным и многонациональным: белорусы, русские, украинцы, поляки и евреи. Еврейское население, по подсчетам П.В. Стецкевича, составляло примерно 11,4%³. Подробные цифры, отражающие количество про-

живающего еврейского населения в северо-восточных воеводствах Польши, можно найти в статистических отчетах, издаваемых Главным статистическим агентством (*Główny Urząd Statystyczny – GUS*) по итогам двух всепольских (1921 и 1931 г.) переписей населения (см. Приложение 1). Большая часть еврейского населения Западной Беларуси проживала в городах. Так, например, в Полесском воеводстве эта цифра в 1924 г. достигала 61,96% (77855 человек), а в 1928 г. уже 61,87% (81134 человека)⁴. Помимо городов евреи проживали в местечках, где, по мнению А.С. Вайцещик, их численность составила 24–25% от иных национальных групп населения⁵. Реже евреи селились в деревнях. Еще в XV–XVI вв., поселясь в городах и местечках, еврейские общины получили широкие права от местной и центральной власти, которые были зафиксированы в привилегиях. Самый первый из известных нам на территории Западной Беларуси привилей был дарован евреям Бреста в 1380-х гг.⁶ Дарование привилегий и иная поддержка со стороны властей способствовала усилению еврейского присутствия в политической и экономической жизни городов и местечек, что не могло

Польша в 1930 г.⁷

не вызвать негодование у нееврейских жителей городов. Негодование славянских горожан выливалось в еврейские погромы, примеры которых мы можем найти и в межвоенной Западной Беларуси. Один из таких погромов произошел 13 мая 1937 г.

в Бресте-над-Бугом⁸. Однако этот пример, как и другие случаи еврейских погромов на территории Западной Беларуси, являлся скорее исключением для региона. По мнению А.Н. Вабищевича, на территории Западной Беларуси антисемитская волна

протестов и погромов не достигла уровня центральных и западных воеводств Польши⁹.

Польское правительство с момента восстановления независимости республики стремилось поставить под контроль как евреев, так и другие национальные и конфессиональные меньшинства на территории страны. Поиск решения был поручен созданному в 1918 г. Министерству вероисповедания и народного просвещения Польши (Minister Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego). Для решения «еврейского вопроса» Министерство вероисповедания и народного просвещения создает институт еврейских религиозных гмин (Gmina Wyznaniowa Żydowska). Еврейские религиозные гмины по своей сути являлись возрожденной формой упраздненных в XIX в. кагалов. Указом Совета министров Польской Республики от 28 октября 1925 г. евреи, живущие на территории Новогрудского, Полесского и Волынского воеводств, объединялись в единый религиозный союз с евреями других регионов Польши. Данная организация получила название Союз Еврейских религиозных гмин (Związek Gmin Wyznaniowych Żydowskich) и подчинялась непосредственно министерству просвещения и вероисповедания РП¹⁰. Согласно указу Совета министров РП членом еврейской религиозной гмины мог стать любой мужчина-иудей старше 25 лет, являющийся гражданином Польши. Именно еврейские религиозные гмины распоряжались всей хозяйственной, политической и религиозной жизнью еврейства на своей территории. Так, в их компетенцию входила постройка и благоустройство синагог, молитвенных домов, микв, религиозных и светских учебных заведений для евреев, домов призрения, больниц и кладбищ¹¹. Еврейские религиозные гмины помимо этого так же являлись крупнейшим благотворителем в еврейской среде. В целом благотворительность – *цдака* или *гмилут хасадим* в межвоенное время на территории Западной Беларуси является логическим продолжением той деятельности, которая велась на этих землях в деле помощи нуждающимся среди евреев в период Российской империи и в более ранние времена. Основными формами благотворительности у евреев Беларуси, по мнению Ю.Б. Функ¹², являлись:

1. (הכנסת אורחים) hakhnasat 'orhim [хахнашат орхим] – гостеприимство;

2. (מלביש ערומים) malbish 'arumim [малбиш арумим] – обеспечение бедных одеждой и обувью;
3. (ביקור חולים) bikur holim [бикур холим] – посещение больных;
4. (הכנסת כלה) hakhnasat kala [хахнашат кала] – сбор приданого для невесты;
5. (פדיון שבוים) pidyon shbuim [пидьён швуим] – выкуп невесты;
6. (הלווית המת) halwayat ha-met [халваят ха-мет] – сопровождение мертвого;
7. (ניחום אבלים) nihum 'abelim [нихум авелим] – утешение тех, кто скорбит по умершему человеку.

Общества, занимающиеся благотворительностью среди евреев, чаще всего функционировали в форме братств (*хеврос*), которые имели свои собственные уставы и структуру. Средства для осуществления своей деятельности братства могли получать от собственных членов, в основном в виде членских взносов, получая процент от общественных сборов, собираемых в общине для социальной помощи, а также как пожертвования от частных лиц и организаций. Газета «Виленский вестник» от 21 ноября 1867 г.¹³ размещает статью, в которой более подробно расписываются пути получения средств для осуществления деятельности еврейскими погребальными братствами на территории северо-западных губерний. Так, основными источниками доходов были названы:

1. могильные деньги (*квуро-гельд*), взимаемые с родственников умерших и не имеющие точного размера, так как сумма определялась старейшиной братства индивидуально в каждом отдельном случае;
2. фондуши и капиталы, добровольно завещанные братству;
3. деньги, полученные с «коробочного сбора» на погребение умерших евреев;
4. доходы с микв;
5. деньги из «кружки братства», которая находилась в молитвенных домах.

В этом же номере газеты автор статьи называл и основные статьи расходов братств. Ими являлись:

1. жалование наемных работников;
2. ремонт кладбищенской ограды и принадлежавших братству построек на кладбище;

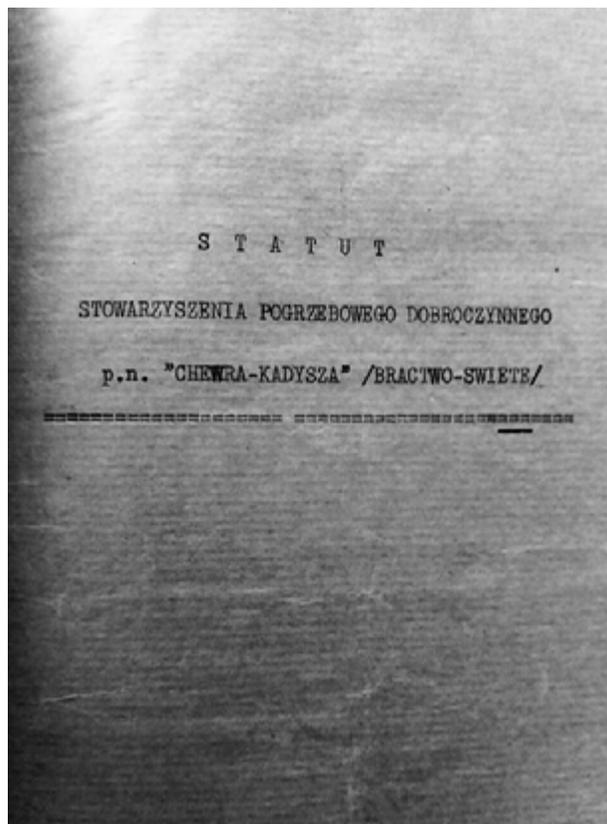
Члены еврейского погребального братства г. Барановичи. Фото 1916 года¹⁴.

3. снабжение саванами крайне бедных;
4. покупка земли под новое кладбище или для расширения существующего некрополя, когда в том появляется надобность;
5. расходы на большую трапезу, устраиваемую 15 кислева, для всех членов братства с целью укрепления связи между ними;
6. расходы на закуски, которые устраиваются в качестве поощрения служителей, готовящих к погребению покойников.

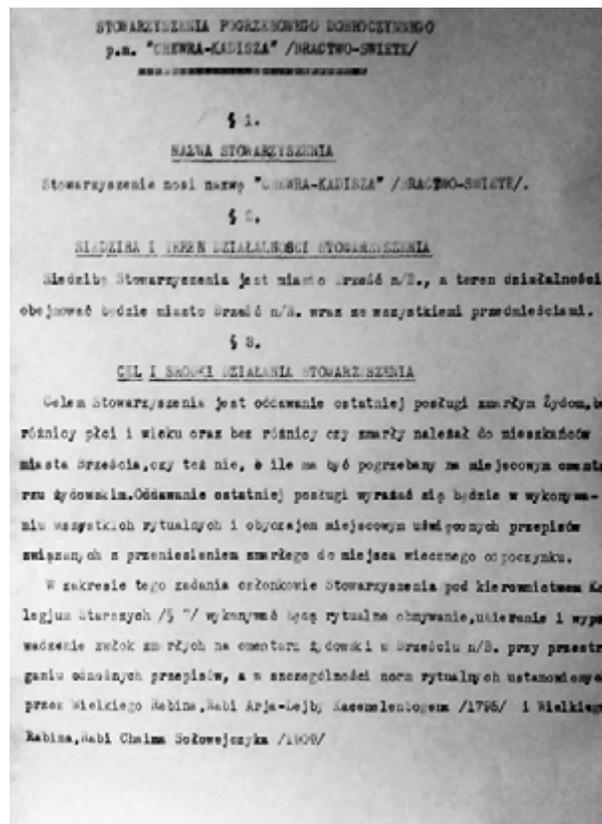
Погребальное братство состояло из рядовых членов (*хаверим*) и почетных членов (*ми-гошио габай*). Ми-гошио габай вносили более высокий взнос в отличие от других членов, за что и получали данный почетный титул, хотя могли и не являться руководителями братства. Ежегодно для осуществления руководством работы «святого братства» избирались три габая из числа членов. «Хевра Кадиша» («Святое братство») для осуществления погребального обряда и поддержания кладбища в надлежащем состоянии помимо своих членов содержала штат наемных рабочих: гробовщика, служек (*шамошим*) и других работников. Помимо погребальных братств, у евреев существовали и другие братства и организации, занимающиеся благотворительностью. Информация об их деятельности присутствует в фондах национальных исторических архивов Республики Беларусь Минска и Гродно, где хранятся отчеты об их деятельности за год, уставы, бюджеты и другие документы, которые отсылались в администрации

губерний для отчетности. Статистические данные о количестве и деятельности еврейских благотворительных организаций на территории белорусских губерний в период Российской империи публиковались ежегодно в памятных книжках губерний (Гродненская, Минская, Витебская и др.)¹⁵.

Присоединение Западной Беларуси к Польской Республике внесло изменение в деятельность еврейских братств, которые были классифицированы как общественные организации. Данные изменения были зафиксированы в польском законодательстве. Первым законодательным актом, который регламентировал деятельность как еврейских, так и иных общественных организаций на территории Западной Беларуси, стало распоряжение Генерального комиссара Восточных земель «о товариществах и союзах» (25 сентября 1919 г.). После него последовал закон «о социальном обеспечении» (16 августа 1923 г.), распоряжение министра труда и социальной защиты «о функционировании общественных организаций на территории Польши» (23 ноября 1927 г.) и ряд других законодательных актов¹⁶. Все наработки в области регламентации деятельности общественных организации были собраны и обобщены в законе «о товариществах». Закон был подписан президентом Польши 28 декабря 1932 г.¹⁷ Основным положением закона явилось то, что все общественные организации делятся на два типа: обычные и легализованные. К обычным относились те общественные организации, которые для получения разрешения на деятельность подавали письменное прошение в *стародство* (администрацию повета). В прошении необходимо было указать: название и цели организации, источники финансирования, территорию, на которую распространяется деятельность организации, имена и фамилии основателей (не менее трех). Если в течение четырех недель со стороны администрации не поступило отказа, общественная организация могла начать работу. Для легализации общественной организации необходимо было подать письменное прошение в местную администрацию, схожее с получением разрешения на деятельность обычной общественной организации, то есть с указанием названия, целей, средств, имен основателей и т.д. Единственным отличием являлось то, что к заявлению необходимо было приложить 4 экземпляра статута организации.

Обложка статута благотворительного погребального общества «Хевра Кадиша» («Святое братство») г. Бреста-над-Бугом¹⁸.

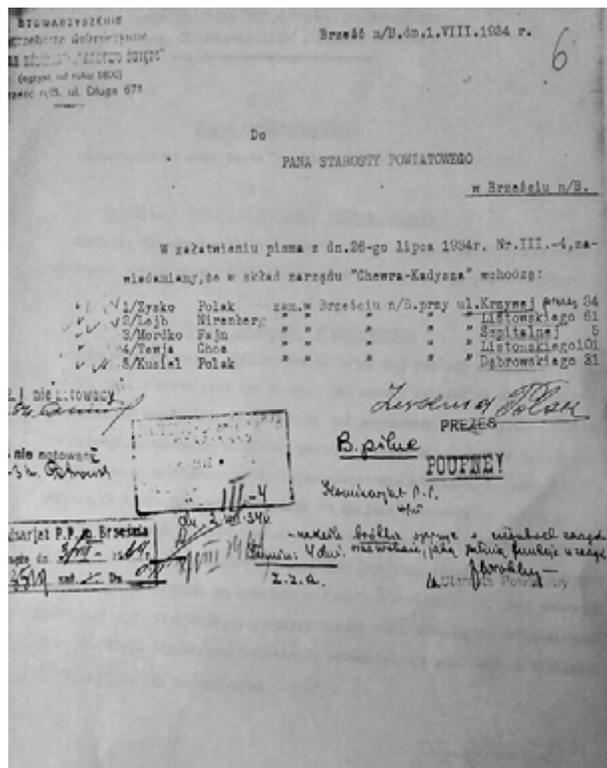

Страница из статута благотворительного погребального общества «Хевра Кадиша» («Святое братство») г. Бреста-над-Бугом¹⁹.

После одобрения прошения о легализации организации ее вносили в «реестр общественных организаций» воеводства и повета с присвоением идентификационного номера. В отличие от обычных, легализованные общественные организации должны были ежегодно до 15 апреля подать отчет о деятельности в предыдущем году. В отчет включались: списки, содержащие сведения о членах правления; информация о количестве членов и внесенных ими членских взносов; количество прошедших за год общих собраний и заседаний правления; финансовый отчет (источники дохода и расходы); изменение в статуте и другое²⁰.

Одной из существенных проблем в изучении деятельности погребальных братств на территории Западной Беларуси являлось то, что не все они прошли процедуру легализации. В связи с этим многие из погребальных братств существо-

вали как обычные, то есть не были внесены в реестр организаций и не посылали ежегодных отчетов в местную администрацию. Это обстоятельство усложняет возможность установить тенденции и особенности деятельности еврейских погребальных братств многих городов и местечек Западной Беларуси межвоенного времени в связи с отсутствием какой-либо информации. Помимо того, что еврейские организации, как и все остальные на территории Польши, делились на легализованные и обычные, существовала и собственная дифференциация. Е.И. Пашкович²¹ в работе «Деятельность благотворительных организаций на территории Западной Беларуси (1921–1939 гг.)» делит все еврейские организации по территориальному признаку, то есть на те, что функционировали на территории всей Польши и были представлены в общинах в виде собственных отделов (филиалов),

Письмо старосте Брестского повета о составе правления брестского общества «Хевра Кадиша» (Святое братство) от 1 августа 1934 г.²².

и те, чья деятельность носила узко региональный (внутриобщинный) характер. К первой группе еврейских общественных организаций можно отнести: «Общество охраны здоровья еврейского населения в Польше» («Towarzystwo Ochrony Zdrowia Ludności Żydowskiej w Polsce» – «ТОЗ»), территорией деятельности которой была объявлена вся Польша. Центральное руководство находилось в Варшаве, а на местах организация была представлена собственными отделами, которые объединялись в округа. Так, отделы в городах Каменец-Литовский и Брест-над-Бугом входили в состав брестского округа²³. Также к первой группе относились просветительская организация «Tarbut», организация «СЕКАВЕ» – Центральное общество поддержки беспроцентного кредита и распространения производительного труда среди еврейского населения в Польше, «CENTOS» – союз организаций опеки над еврейскими сиротами и многие другие²⁴.

Погребальные братства в Польше носили внутриобщинный характер. Наряду с традиционной «Хевра Кадиша» (действовала в Бресте, Пинске, Дисне, Глубоком, Слониме и в других городах²⁵) существовали такие погребальные организации, как «Последняя услуга» – «Chesed Czel Emet(s)» (Брест, Пинск, Погост-Загородский, Давид-Городок и др.), «Ostatnia Posluga» – «Chewra Kadisze Szel Emes» в Карлине²⁶ и «Успокоение тех, кто в горе» – «Nischum Awelim», действующая в Вильно²⁷, однако наиболее распространенными были «Chewra Kadisza» и «Chesed Czel Emet(s)». «Святое братство» и «Последняя услуга» обычно существовали одновременно в одном городе и могли как сотрудничать, так и конкурировать вплоть до проявления вражды. На территории Полесского воеводства обе организации сотрудничали в Бресте-над-Бугом («Последняя услуга» оказывала финансовую помощь «Святому братству»), а в Пинске – враждовали. В Пинске «Chesed Czel Emet» с 1926 по 1932 г. вела переписку с администрацией повета, поводом для которой послужило недовольство «Последней услуги» восстановлением деятельности закрытой незадолго до того «Хевра Кадиша». «Последняя услуга» («Chesed Czel Emet») объявила себя единственной организацией, имеющей право осуществлять погребение евреев на территории города Пинска²⁸.

Основной деятельностью организации «Последняя услуга» являлось²⁹:

1. поддержание в надлежащем состоянии кладбища города, выделение на нем участков для погребения, в том числе и бесплатных для малоимущих или не имеющих родственников евреев;
2. помощь (в большей степени финансовая) семьям умершего еврея;
3. изготовление или поставка необходимых для погребения вещей (гробы, одежды для мертвых (*тахрихим*) и др.);
4. заключение договоров от имени гмины с частными компаниями для благоустройства кладбища или для покупки необходимого для похорон (закупка досок для гробов и др.).

Данная организация возникла из института попечителей или кураторов кладбища, существовавших в предыдущие времена³⁰. Хотя собственником земли, на которой располагалось кладби-

Урок естествознания в школе «Tarbut» в Пинске. Фото 1936 г.³¹.

ще, и всех построек на нем юридически являлась еврейская религиозная гмина, фактически руководство некрополем осуществляло «правление кладбища», выступая в качестве одного из комитетов в структуре гмины. Возглавлял комитет «опекун кладбища», который чаще всего одновременно являлся и председателем общества «Последняя услуга»³².

Помимо членов общества «Последняя услуга» в работе правления кладбища принимали члены «Святого братства». Участие в работе правления кладбища, как и в погребальном братстве в целом, являлось почетным, и потому за работу денег не получали. Члены общества «Последняя услуга», хотя и осуществляли множество функций, связанных с функционированием еврейского кладбища, все же не имели права проводить религиозные обряды, связанные с погребением умершего еврея, что могло входить только в компетенцию общества «Хевра Кадиша».

В структуре похоронного братства «Хевра Кадиша» была так называемая коллегия старшин, которая должна была следить за исполнением всех религиозных норм при подготовке тела умершего к похоронам и при самом погребении. Данные нормы обычно фиксировались в предписаниях. В каждом городе существовали свои предписания для похоронных братств, примером таковых в Бресте являлись предписания, изданные в 1795 г. раввином Йозефом Канцеленобогеном и в 1913 г. раввином Хаймом Соловейчиком³³. «Коллегия старшин» была коллегиальным (4 члена и 1 кандидат) избираемым органом в структуре похоронного братства. Раз в два года, 17 шивана, проходили выборы членов «коллегии старшин» на общем собрании всех членов братства. Выборы проходили в два этапа. В первом туре путем жеребьевки избирали троих из числа всех членов братства, которые и становились выборщиками. Первый тур проходил следующим образом: председатель об-

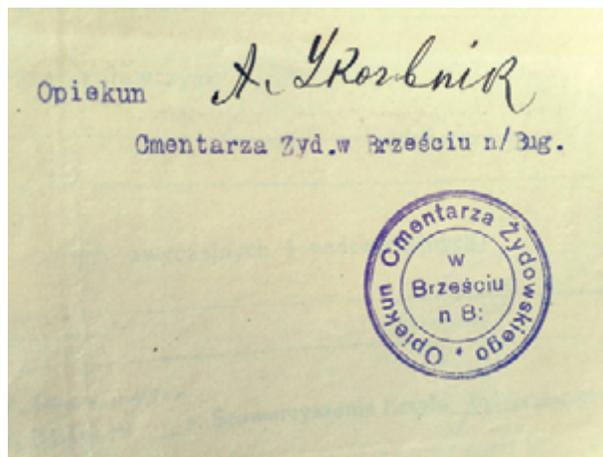

Воспитанницы детского дома «CENTOS» в Пинске. Фото 1930-х годов³⁴.

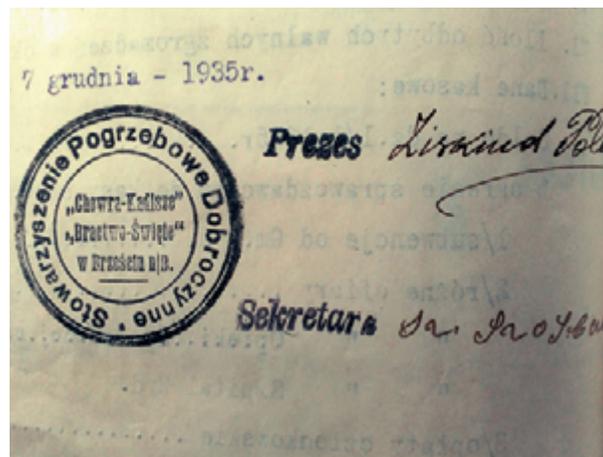
щего собрания и два помощника доставали бумажки без надписей, количество которых было в два раза больше, чем членов братства. На половине бумажек писали имена всех членов братства по списку, а вторую половину бумажек оставляли пустыми, кроме трех, на которых делали запись «избран». Бумажки с именами помещали в одну урну, а остальную часть в другую. У каждой урны стоял один из двух помощников, а между ними становился председатель. Оба помощника одновременно доставали из своей урны по бумажке и передавали их председателю. Председатель зачитывал имя на бумажке, а после говорил «пусто», если вторая бумажка оказывалась пустой, или «избран», если на бумажке была надпись. Секретарь, протоколирующий выборы, в списке всех членов братства напротив фамилии и имени ставил соответствующую надпись: «пусто» или «избран».

В конце оставались три человека, которым выпала бумажка «избран», и именно из их числа формировалась «коллегия выборщиков». «Коллегия выборщиков» должна была в двухдневный срок избрать из состава братства четырех членов и одного заместителя (кто, по их мнению, наиболее авторитетен в знании религиозного закона), которые сформируют «коллегию старшин»³⁵.

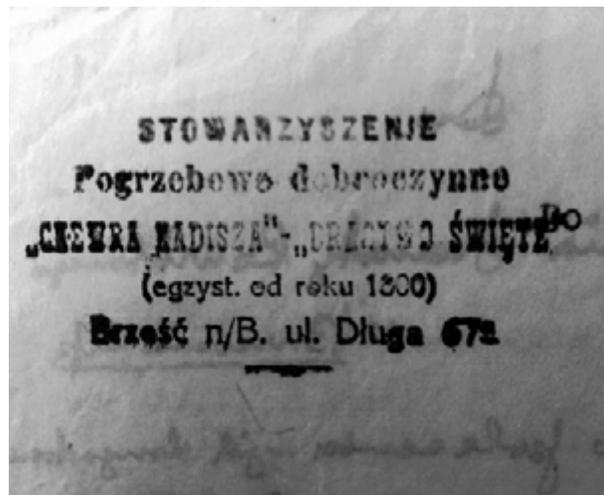
За соблюдением правильности погребального обряда также наблюдал раввинат города или местечка. Помимо «коллегии старшин», в структуре «Хевра Кадиша» существовал еще и «мировой суд», которого не было в обществе «Последняя услуга». В его задачи входило разрешение спорных вопросов между членами похоронного братства. В основном же структура обоих погребальных обществ являлась схожей, и в нее входили³⁶:

Подпись и печать опекуна кладбища Бреста-над-Бугом под финансовым отчетом от 31 августа 1931 года³⁷.

Печать благотворительного погребального общества «Хевра Кадиша»³⁸.

Штамп благотворительного погребального общества «Хевра Кадиша»³⁹.

1. общее собрание;
2. правление;
3. ревизионная комиссия.

Общее собрание – сход всех членов организации – по сути, являлось главным органом власти в структуре как у «Святого братства», так и у «Последней услуги». В начале общего собрания избирали председателя, двух помощников и секретаря. Общее

собрание могло быть двух видов: очередным (раз в год не позднее мая) и внеочередным. В круг решаемых вопросов входило: избрание членов и заместителей правления и ревизионной комиссии; решение вопросов, связанных с куплей-продажей движимого и недвижимого имущества; распоряжение деньгами братства; изменение статута (должны проголосовать $\frac{2}{3}$ присутствующих на собрании при явке $\frac{3}{4}$ от всех членов организации) и др.⁴⁰ За две недели до проведения собрания правление подавало прошение в администрацию повета. В прошении обязательно указывали место проведения собрания и повестку дня⁴¹. Погребальные братства не имели достаточно большого помещения, чтобы вместить всех своих членов; по этой причине они использовали помещения других организаций или помещения молитвенных домов для проведения своих общих собраний. Так, «Последняя услуга» в Бресте провела свое собрание 9 сентября 1935 г. в помещении общества «Союза еврейских ремесленников» (ул. Костюшки, 41), а 29 ноября 1936 г. в здании «Еврейского народного банка» (ул. Дамбровского, 59)⁴². Помимо арендованных помещений, для проведения общих собраний могли использовать кладбище (Карлин Пинского повета Полесского воеводства). После того как разрешение от местной администрации было получено, правление рассылало всем членам организации приглашения. Приведем пример одного из таких приглашений⁴³:

Правление «Хесед шель Эмет» в г. Бресте.

ПРИГЛАШЕНИЕ

Уважаемый господин _____
Настоящим Вы приглашены на Общее собрание общества «Хесед Шель Эмет», которое состоится в воскресенье, 9 мая 1937 года, в помещении «Хапоэль» (улица Переца, 10) в семь часов вечера со следующей повесткой дня:

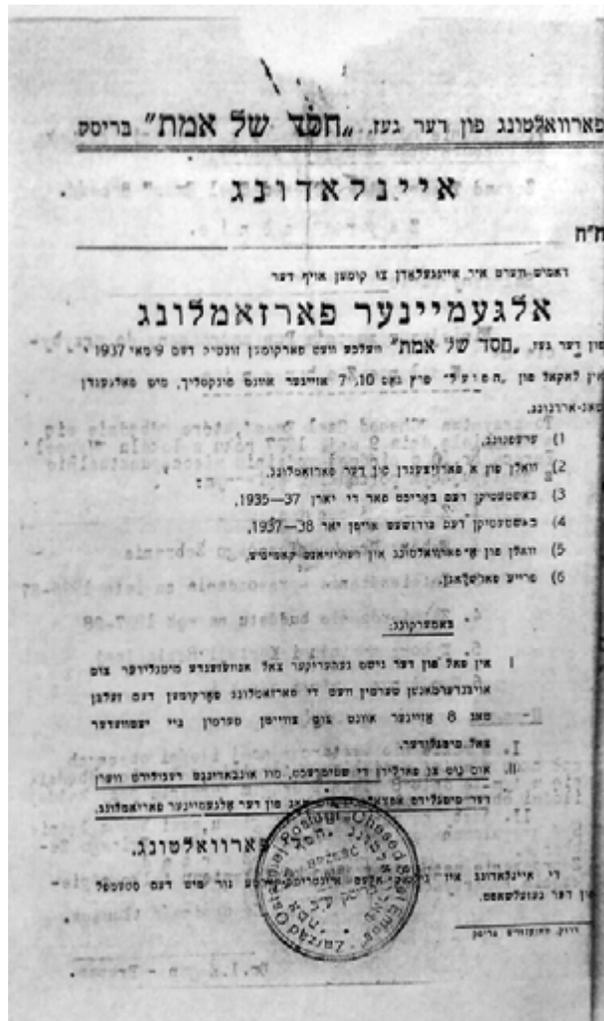
1. Членские взносы.
2. Выборы председателя собрания.
3. Утверждение отчета за 1935–1937 годы.
4. Утверждение бюджета на 1937–1938 год.
5. Избрание членов Правления и Ревизионной комиссии.
6. Любые другие вопросы.

Обратите внимание:

Для того чтобы Вы не утратили право голоса, необходимо до начала собрания внести членские взносы.

Приглашение действительно, только если на нем есть печать общества.

Для того чтобы решение, принятое общим собранием, было легитимным, на заседании должна присутствовать половина от полного состава членов организации плюс один человек⁴⁴. Членом обеих организаций мог стать любой гражданин Польши, мужчина-иудей, живущий в соответствии с религиозными правилами. Однако возрастной ценз для вступления в организацию был разный. Для членства в «Последней услуге» необходимо было быть старше 20 лет⁴⁵; для того, чтобы войти в состав «Святого братства», необходимо было достигнуть тридцатилетнего возраста⁴⁶. Также всем кандидатам на членство в «Хевра Кадиша», помимо одобрения прошения правлением братства, необходимо было пройти собеседование с «коллегией старшин». «Коллегия старшин» определяла, достоин ли кандидат стать членом братства, следует ли он в своей жизни религиозным правилам. Членство в обеих организациях было трех видов: реальное, пожизненное, почетное⁴⁷. Каждый из членов организации являлся таковым до тех пор, пока он ежегодно вносил членские взносы, не утрачивал гражданства Польши или не нарушал правил организации.

Приглашение на общее собрание общества «Последняя услуга»⁴⁸.

Каждый из членов братства имел один голос на общем собрании при голосовании по тому или иному вопросу. Право своего голоса член организации мог передавать другим по доверенности, в случае если он сам лично не мог присутствовать на собрании⁴⁹.

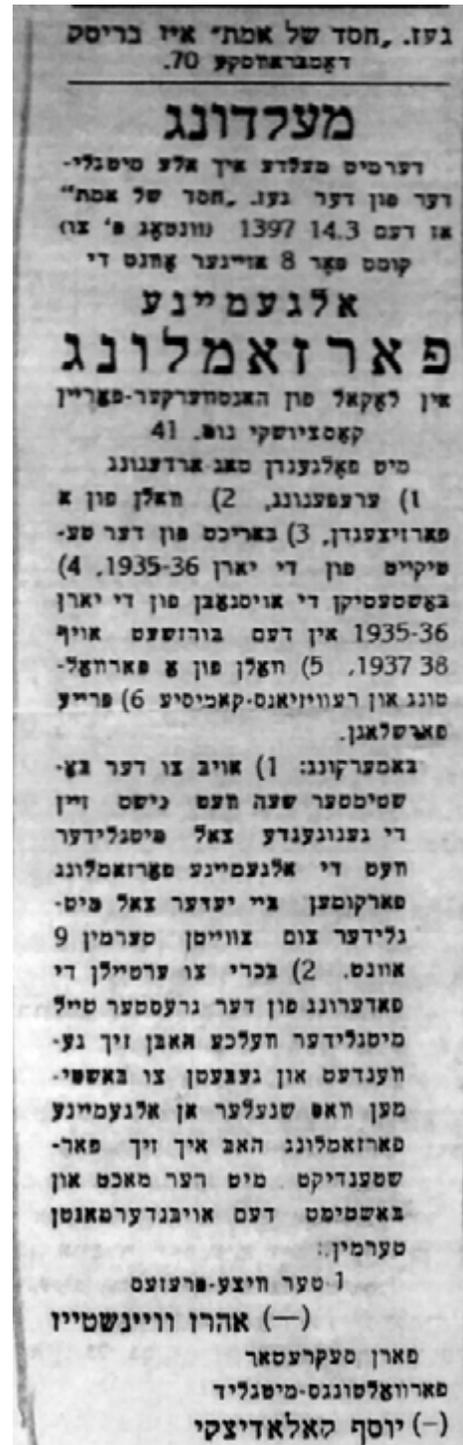
Одним из наиболее важных мероприятий, проводимых на общем собрании, являлись выборы в правление организации на следующий год. Из всех членов организации избирали 12 человек путем прямого и тайного голосования. Из избранных членов правления выбирали:

председателя,
двух вице-председателей,
секретаря,
заместителя секретаря,
скарбника (хранителя казны) и его заместителя,
господаря (заведующего хозяйственной частью)
с заместителем⁵⁰.

Сведения о членах правления дошли до наших дней в списках членов правления, отсылаемых в местную администрацию. Включение списков было обязательным при составлении ежегодного отчета⁵¹. В данные списки, помимо имени и фамилии, включали также род деятельности члена правления; адрес, по которому он проживает; возраст. Некоторые организации подавали еще более подробные сведения в отчете⁵². Исходя из информации, дошедшей до нас в данных списках, нам стало известно, что чаще других членами правления погребального братства становились купцы и предприниматели, средний возраст которых был 55-65 лет. В связи с преклонностью возраста участников правления вместе с ними избирали трех кандидатов на членство в правление, которые становились членами правления в случае, если один из действующих не мог больше выполнять свои обязанности. Причинами тому могли стать смерть, болезнь, преклонный возраст, утрата польского гражданства, эмиграция⁵³. Так, в организации «Последняя услуга» в Пинске в 1933 г. Мордех Гинзбург, один из кандидатов, занял место умершего члена правления Саймона Майденберга⁵⁴.

Ежегодно проходило от 10 до 15 заседаний правления⁵⁵. В компетентность Правления входило:

1. принятие мер, направленных на достижение целей общества;
2. заведование движимым и недвижимым имуществом;
3. прием пожертвований и платежей, покупка и продажа движимого и недвижимого имущества, но с согласия общего собрания;
4. заведование бухгалтерией и подготовка финансового отчета работы за год; разработка годового бюджета;
5. представление общества в органах власти, суде и при заключении договоров с другими организациями;
6. принятие решений о членстве в обществе;

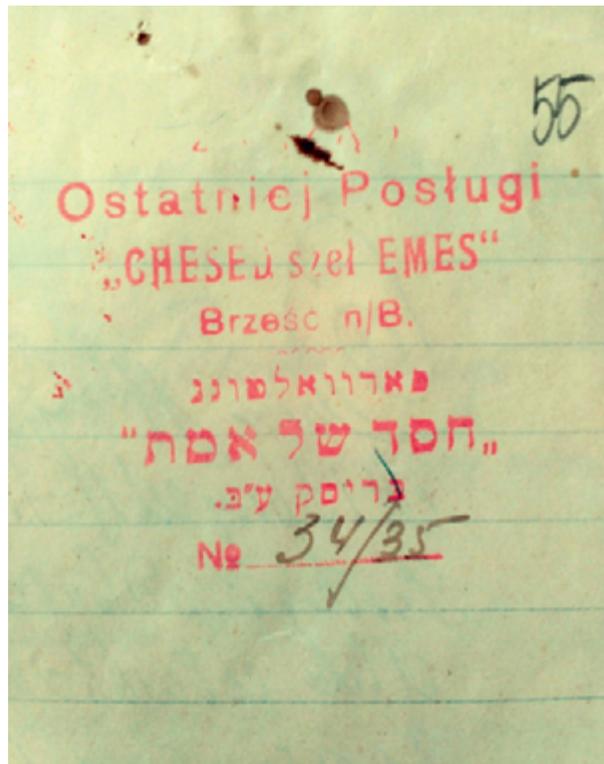
Объявление в газете Poleser Najes № 47 от 25 февраля 1937 года о проведении общего собрания общества «Последняя услуга»⁵⁶.

Председатель общества «Последняя услуга»
Ицко Коган⁵⁷.

7. созыв общего собрания, выработка повестки дня и составление отчета по итогам работы;
8. разработка специальных инструкций относительно внутреннего распорядка в обществе⁵⁸.

Еще одним обязательным органом в структуре всех организаций, участвующих в еврейском погребальном обряде (помимо правления и общего собрания), являлась ревизионная комиссия, которая следила за деятельностью правления, принимала решения о правомерности решений его членов и ежегодно представляла отчет на общем собрании. Как и в правление, на членство в «ревизионной комиссии» ежегодно избирали на общем собрании путем тайного голосования; так же, как и в правление, можно было переизбираться несколько раз подряд. В ревизионной комиссии

Штамп общества «Последняя услуга»⁵⁹.

состояло обычно три-четыре, а в отдельных случаях и до 10 членов, а также на весь срок членства действующего собрания избирали по два кандидата на членство в ревизионной комиссии⁶⁰.

Погребальные братства, как и в более ранние времена, привлекали ряд наемных рабочих для работы на кладбище или для сопровождения похорон. Чаще всего по найму привлекали человека для работы извозчиком для транспортировки тела еврея на кладбище. Существовали и другие должности; так, в Бресте в 1930-х *возным* «Хевра Кадиша» значился Н. Вайнштейн⁶¹, получавший от сопровождения каждой похоронной процессии по полтора злотых. Некоторых работников еврейского кладбища (сторож, гробовщик и др.) нанимала непосредственно еврейская религиозная гмина⁶². Так как только мужчина мог стать членом погребального братства, для сопровождения женских похорон создавалась специальная группа из женщин, находящихся в родственных или брачных отношениях с членами братства. Данная группа

Печать общества «Последняя услуга»⁶³.

выполняла почти все те же функции, которые отводились действительным членам братства при сопровождении мужских похорон.

Различия между «Последней услугой» и «Святым братством» можно найти в финансовых отчетах, которые еще больше демонстрируют религиозную направленность деятельности «Хевра Кадиша». Самым ярким примером тому может служить то, что в ежегодный бюджет закладывали средства для проведения ряда религиозных праздников членами «Святого братства», что было совершенно не характерно для общества «Последняя услуга». Такими праздниками были: Пейсах, Лаг ба-Омер, Шмини Ацерет, 15 кислева (см. Приложение 2) и ряд других⁶⁴. В целом в бюджете «Святого братства» деньги закладывались на проведение ритуалов, связанных с погребением умерших евреев, и реже на оказание помощи малоимущим в покупке земли на кладбище или приобретении необходимого для погребального обряда. «Хевра Кадиша» могла оказать услуги на безвозмездной основе лишь малоимущим или тем, кто не имеет родственников.

Непосредственно благотворительностью занималась «Последняя услуга». Именно к ней обращались малоимущие за финансовой помощью, когда требовалось захоронить своего родственника. Также председатель общества, исполняющий функции «опекуна кладбища», имел право предоставить бесплатный участок на кладбище

Похороны раввина Менахема Юэля Каплана в г. Барановичи. Фото 1936 г.⁶⁵.

либо освободить от платы за установку надгробия. Обе организации для осуществления своей деятельности получали деньги из одних и тех же источников. Первым и основным таким источником доходов были членские взносы, оплата которых была обязательным условием для продолжения членства в братстве. Другими источниками поступления денег для функционирования организации были оплаты услуг погребальных братств и пожертвования, поступающие от состоятельных семей евреев, субсидии еврейской религиозной гмины, финансовая помощь от различных организаций, в том числе и благотворительных⁶⁶. В целом бюджет погребальных братств за год колебался от нескольких сот до десятков тысяч злотых. В г. Бельске (Белостокское воеводство) в 1927 г. бюджет составил 40771 злотый, а в 1932 г. уже превысил 60000 злотых, что являлось весьма солидной суммой⁶⁷.

Таким образом, на территории Западной Беларуси существовали как минимум два вида еврейских погребальных братств: общества, чья деятельность была направлена на выполнение ритуалов в еврейском погребальном обряде, и те, что оказывали финансовую помощь малоимущим при погребении умершего родственника. Члены благотворительных погребальных организаций входили в состав правления кладбища, которое входило в структуру еврейской религиозной гмины и осуществляло фактический контроль за функционированием еврейских кладбищ.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Количество еврейского населения в Белостокском, Виленском, Новогрудском и Полесском воеводствах по данным всеобщих переписей населения 1921 и 1931 годов⁶⁸

1 сентября 1921 года

	Общее количество населения в тыс. чел	Количество иудеев в тыс. чел	Количество иудеев в процентах	Количество евреев в тыс. чел	Количество евреев в процентах
Всего в Польше	27176,7	2845,4	10,5	2110,5	7,8
Во всех городах Польши	6614,3	1911,5	28,9	1668,12	25,22
Во всей Польше в сельской местности	20562,4	657,99	3,2	596,3	2,9
Всего в Белостокском воеводстве	1307,8	194	14,8	163	12,46
В городах Белостокского воеводства	316,2	147	12,5	130	41,11
В сельской местности Белостокского воеводства	991,6	47	4,73	33	3,32
Всего в Виленском воеводстве	973,4	91,8	9,4	79,8	8,19
В городах Виленского воеводства	164,5	63,8	38,78	59,3	36,04
В сельской местности Виленского воеводства	808,8	22,7	28	20,5	2,53
Всего в Новогрудском воеводстве	825	74,4	9	56,3	6,82
В городах Новогрудского воеводства	98	47,4	48,67	40,5	41,32
В сельской местности Новогрудского воеводства	726	37	5,09	15,8	2,17
Всего в Полесском воеводстве	881	110,6	12,6	79,9	9,06

В городах Полесского воеводства	150,2	91,2	10,4	67,5	44,94
В сельской местности Полесского воеводства	730,7	9,4	1,28	32,4	4,43

9 декабря 1931 года

	Общее количество населения в тыс. чел	Количество иудеев в тыс. чел	Количество иудеев в процентах	Количество населения, использующего иврит или идиш как родной язык, в тыс. чел	Количество евреев в процентах
Всего в Польше	31915,8	3113,9	9,8	2732,6	8,56
Во всех городах Польши	8738,6	2380,4	27,2	2124,9	24,31
Во всей Польше в сельской местности	23117,2	733,5	3,2	608,7	2,63
В Белостокском воеводстве	1263,3	115,4	12,3	153,5	12,15
В городах Белостокского воеводства	317,1	112,7	38,7	121,3	38,25
В сельской местности Белостокского воеводства	946,2	32,700	3,5	32,2	3,4
Всего в Виленском воеводстве	1276	110,8	8,7	108,9	8,53
В городах Виленского воеводства	261,3	76,200	29,2	75,6	28,93
В сельской местности Виленского воеводства	1041,7	34,6	3,4	33,3	3,19
Всего в Новогрудском воеводстве	1057,2	82,9	7,8	77	7,28
В городах Новогрудского воеводства	102,7	43,7	42,6	41,3	40,21

В сельской местности Новогрудского воеводства	954,5	39,2	4,1	35,7	3,74
Всего в Полесском воеводстве	1132,2	114	10,1	113	9,98
В городах Полесского воеводства	148,8	73,2	49,2	72,7	48,85
В сельской местности Полесского воеводства	983,4	40,8	4,6	40,3	4,09

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ОТЧЕТ

О деятельности «Хевра Кадиша» г. Бреста-над-Бугом за время с 1 января до 31 декабря 1935 года⁶⁹
(Общество было легализовано 17 июля 1934 года.)

1. Адрес почтовый: Председатель «Хевра Кадиша», Жискинг Поляк, г. Брест-над-Бугом, ул. Перацкого, 34.
2. Состав правления:
  - 1) Жискинг Поляк – председатель, купец, ул. Перацкого, 34.
  - 2) Якоб Скорбник – вице-председатель, купец, ул. Стоцкиевича, 2.
  - 3) Шахма Гросбаум – вице-председатель, купец, ул. Яна Собеского, 182.
  - 4) Залмен Пожежинский – *скарбник*, купец, ул. Домбровского, 134.
  - 5) Шолом Тененбаум – член правления, купец, ул. Белостоцкая, 47.
 Состав ревизионной комиссии:
  - 1) Нохим Саваниук – председатель, владелец недвижимости, ул. Длинная, 102.
  - 2) Нохим Рубин – вице-председатель, купец, ул. Ягеллонская, 58.
  - 3) Тевье Хоц – секретарь, владелец недвижимости, ул. Листовского, 101.
  - 4) Мендель Гросбаум – член комиссии, сапожник, ул. Стефана Батория, 82.
  - 5) Бецалель Гринфельд – член комиссии, владелец недвижимости, ул. Перацкого, 48.
  - 6) Чербовский Шмуэль – член комиссии, учитель, ул. Длугая, 64.
  - 7) Хаим Холодец – член комиссии, ул. Перацкого, 43.
3. Дата ежегодного общего собрания: 21 октября 1934.
4. Количество членов: 150.
5. Членские взносы: 1 злотый в год.
6. Количество общих собраний, проводимых в отчетный период – 1.
7. Бюджет организации на год:
  - 1) Доход:

Сальдо на 1.1.1935 – 34,19 злотых.

 В отчетном периоде, денежные средства, были получены от:
    - 1] Дотации от еврейской религиозной гмины – 475 злотых.
    - 2] Пожертвования:

Разные пожертвования – 109,33 злотых.

Пожертвования от социальной защиты на погребение бедных евреев – 40,80 злотых.

Пожертвования от еврейской больницы – 20 злотых.

3] Членские взносы – 125 злотых.

Оплата за вступление в организацию – 87 злотых.

4] Деньги, взятые в долг – 490 злотых.

Всего – 1381,62 злотых.

2) Расходы:

1] Ремонт инвентаря – 223,84 злотых.

2] Возвращение долгов – 171,84 злотых.

3] Помощь бедным членам организации – 193 злотых.

4] Канцелярские расходы (канцелярские принадлежности; перевод с идиша на польский; ведение бухгалтерской книги) – 95,10 злотых.

5] Организация традиционных праздников:

Праздник Лаг ба-Омер /21.05.1935/ – 68,80 злотых.

Шмини Ацерет /10.20.35/ – 69,50 злотых.

15 кислева /11.12.1935/ – 259,03 злотых.

6] Сопровождение похорон бедных

Холст, ткань – 41,55 злотых.

Женщинам за пошив одежды для умерших – 17 злотых.

А. Биалкиновому за перевозку тел на кладбище – 112 злотых.

7] Н. Вайнштейн, возный – 75 злотых.

Сальдо на 1.1.1936 – 3,72 злотых.

Всего – 545,79 злотых.

8. Выполнение целей:

Целью общества является погребение мертвых евреев /пункт 3 устава организации/. Каждое погребение требует совершения определенных религиозных ритуалов, установленных раввином Й. Канцеленобогеном в 1800 году, когда была основана «Хевра Кадиша». Погребальное братство сопровождала 80% от всех похорон в городе за год.

9. Наемные рабочие: Н. Вайнштейн, г. Брест-над-Бугом, ул. Перацкого, 47, возный, получающий по 1,5 злотых за каждые похороны.

ОТЧЕТ

О деятельности организации «Последняя услуга – Хесед Шель Эмет» в Бресте-над-Бугом в 1935 году⁷⁰.

Адрес организации: г. Брест-над-Бугом, ул. Домбровского, 70.

Правление состоит из следующих лиц

Председатель: доктор Ицко Каган, доктор, ул. Домбровского, 46.

I вице-председатель: Меер Тененбаум, владелец типографии, ул. Стецкевича, 42.

II Вице-президент: Аарон Вэйнштейн, счетовод, ул. Длинная, 2.

Секретарь: Шапса Зелкин, торговец, ул. Длинная, 2.

Скарбник: Ико Бранзел, бухгалтер, ул. Унии Люблинской, 70.

Господарь: Мэйер Левин, владелец недвижимости, ул. Перацкого, 49.

Член правления: Эфроим Владавски, купец, ул. Домбровского, 14.

Член правления: Зелик Клейнберг, безработный, ул. Ягеллонская, 35.

Член правления: Мойше Мацкевич, аптекарь, ул. Сенкевича, 5.

Член правления: Вигдор Бранский, купец, ул. Перацкого, 10.

Член правления: Гер Исаак, часовщик, ул. Домбровского, 47.

Член правления: Корман Шлоэль, клерк, ул. Белосток, 62.

Кандидаты в члены правления:

Йосел Сокол, купец, ул. Белостокская, 70.

Менес Бенцейон, торговец, ул. Длинная, 78.

Бенджамин Голумбович, торговец, ул. Перацкого, 51.

Саул Корман, чиновник, ул. Белостокская, 62.

Цукерман Йозеф, владелец дома, ул. Белостокская, 18.

Менес Бенцийон, чиновник, ул. Длинная, 78.

Члены ревизионной комиссии:

Ицхок Гринвальд, владелец приусадебного участка, ул. Длинная, 161.

Арон Рогак, купец, ул. Госпитальная, 2.

Абрам Закуски, ул. Стефана Батория, 110.

Выше названные были избраны на прошедшем 28 апреля 1935 года общем собрании.

Финансовый отчет

За время с 1 января до 31 декабря 1935.

1. Доходы:

Сальдо на 1 января 1935 года – 14,99 злотых.

Членские взносы – 195,19 злотых.

Долги – 26,20 злотых.

Разные пожертвования – 193,50 злотых.

С продаж одежд для погребения – 72 злотых.

Дотации еврейской религиозной гмины – 650 злотых.

Дополнительные доходы – 8,85 злотых.

Всего – 1537,47 злотых.

2. Расходы:

Оплата за аренду (6 февраля 1935 по 6 февраля 1936 гг.) – 200,5 злотых.

Аренда катафалка в 1935 году – 122,5 злотых.

Канцелярские расходы – 10,15 злотых.

Возвращение долгов – 68,2 злотых.

Зарплата наемным рабочим – 106 злотых.

За материал для пошива одежд для похорон – 51,15 злотый.

Кантору в сопровождении хора – 145 злотых.

Дополнительные расходы – 8,85 злотых.

Объявление и печать – 11 злотых.

Ремонт – 66,55 злотых.

Комиссия банку – 21,34 злотый.

Разное – 16,9 злотых.

Сальдо на 1 января 1936 года – 104,13 злотых.

Всего – 1537,47 злотых.

В течение года не состоялось ни одной благотворительной акции на улицах города по сбору средств, однако было проведено богослужение с участием кантора в сопровождении хора.

В течение года было:

1. 15 заседаний правления.
2. сопровождено 94 погребения.
3. принято новых 44 члена, что демонстрирует заинтересованность населения Бреста-над-Бугом нашей организацией.

В обществе работает два наемных работника:

1. Янкиэль Седельник, возный, ул. Стефана Батория, 128.
2. Бухгалтер, работающий на организацию в случае необходимости.

Примечания

- ¹ См.: Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 5. Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]; рэдкал. М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. Мінск, 2006. С. 352.
- ² См.: Гісторыя Беларусі: Падруч. У 2 ч. Ч. 2. Люты 1917 г. – 2002 г. / Я.К. Новік, Г.С. Марцэў, Э.А. Заборскі і інш.; пад. рэд. Я.К. Новіка, Г.С. Марцэў. Мінск, 2003. С. 196–198.
- ³ *Стецкевич П.Т.* Деятельность всемирной сионистской партии труда в Западной Белоруссии (1921–1926 гг.) // Грамадскі рух і палітычныя партыі ў Беларусі: матэрыялы Рэспубліканскай навуковай канферэнцыі. Гродна, 2009. С. 276.
- ⁴ *Дмитрук Е.* Еврейская эмиграция на Полесье в 1921–1939 гг. // Моладзь Берастейшчыны / Под ред. А.А. Акинчица. Брест, 1997. С. 107.
- ⁵ *Вайцешчык Г.* Месца мястэчак у структуры паселішчаў Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг // Працэсы ўрбанізацыі ў Беларусі: XIX – пачатак XXI: зб. навук. арт. / Рэдкал.: Я.А. Роўба, І.П. Крэнь, І.В. Соркіна (адк. рэд.) [і інш.]. Гродна, 2010. С. 74–82.
- ⁶ *Розенберг А.* Очерки по еврейской истории городов и местечек Беларуси. Мінск, 2011. С. 54.
- ⁷ Карта взята с сайта: <http://www.potempski.com/Background/kresy.htm>
- ⁸ *Śleszyński W.* Zająścia antyżydowskie w Brześciu nad Bugiem 13 maja 1937 roku. Białymstok, 2004. S. 23.
- ⁹ *Вабішчэвіч А.М.* Нацыянальна-культурнае жыццё Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.). Брэст, 2008. С. 124–130.
- ¹⁰ *Василиогла М.Н.* Еврейское образование в Кобрине (1921–1939 гг.) // Евреи Европы и Ближнего Востока: история, языки, традиция, культура. Материалы международной научной конференции памяти Т.Л. Гуринской 26 апреля 2015 г. / Редкол.: Д.А. Эльяшевич (предс.) и др. СПб., 2015. С. 178.
- ¹¹ Rozporządzenie Rady Ministrów z dnia 28 października 1927 roku w sprawie utworzenia gmin wyznaniowych żydowskich // Dziennik Urzędowy Rzeczypospolitej Polskiej (далее Dz. U. R. P.). 1928. № 78. Poz. 807.
- ¹² *Функ Ю.В.* Еврейская благотворительность в Беларуси в XIX – начале XX в. // Беларускі гістарычны часопіс. Мінск, 1999. № 1. С. 64.
- ¹³ Еврейские братства // Виленский вестник. 1867. 21 ноября.
- ¹⁴ Фото взято с сайта: <http://www.eilatgordinlevitan.com/baranowice/baranowice.html>
- ¹⁵ *Функ Ю.В.* Материалы белорусских архивов – источник изучения правового и социально-экономического положения евреев на территории Беларуси в конце XIX – начале XX в. // Архивы и делопроизводство. Минск, 1999. № 5. С. 12–18.
- ¹⁶ *Пашковіч А.І.* Станаўленне заканадаўчай базы дзейнасці дабрачынных арганізацый у Другой Рэчы Паспалітай (1921–1939 гг.) // Весник Гродзенскага ун-та. Сер. 1, Гісторыя. Філасофія. 2006. № 4 (45). С. 38–40.
- ¹⁷ *Пашковіч А.І.* Дабрачынная дзейнасць польскіх грамадскіх арганізацый у сферы выхавання дзяцей і моладзі ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.) // Весник Брэсцкага ун-та. Сер. Гуманітарных і грамадскіх навук. 2006. №2 (26). С. 55.
- ¹⁸ ГАБО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 886. Л. 1.
- ¹⁹ ГАБО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 886. Л. 2.
- ²⁰ Rozporządzenie Prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 27 października 1932 roku «Prawo o stowarzyszeniach» // Dz. U. R. P. 1932. № 94. Poz. 808.

- ²¹ Пашковіч А.І. Дзейнасць дабрачыйных арганізацый на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. Дыс ... канд. гіст. навук: 07.00.02. Мінск: БДУ. 2007. Л. 7.
- ²² ГАБО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 886. Л. 6.
- ²³ Государственный архив Брестской области (далее – ГАБО). Ф. 1. Оп. 9. Д. 104. Л. 32.
- ²⁴ Пашковіч Е.И. Благотворительность в жизни еврейского населения Полесского воеводства (1921–1939 гг.) // Еврейское образование и благотворительность: Материалы междисциплинарной конференции по иудаике, Москва, январь 2001 г. М., С. 14–16.
- ²⁵ Пашковіч А.І. Дзейнасць дабрачыйных арганізацый на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. Л. 50.
- ²⁶ ГАБО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 61. Л. 23–288об.
- ²⁷ Пашковіч А.І. Дзейнасць дабрачыйных арганізацый на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. Л. 50.
- ²⁸ ГАБО. Ф. 2001. Оп. 4. Д. 3993. Л. 47.
- ²⁹ ГАБО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 2314. Л. 10.
- ³⁰ ГАБО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 2405. Л. 7.
- ³¹ Фото взято с сайта: <http://www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/Pinsk>
- ³² ГАБО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 2309. Л. 95–96.
- ³³ ГАБО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 993. Л. 2–2об.
- ³⁴ Фото взято с сайта: <http://www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/Pinsk>
- ³⁵ ГАБО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 886. Л. 13–13об.
- ³⁶ ГАБО. Ф. 2001. Оп. 4. Д. 4949. Л. 13.
- ³⁷ ГАБО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3638. Л. 7.
- ³⁸ ГАБО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 886. Л. 27об.
- ³⁹ ГАБО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 886. Л. 3.
- ⁴⁰ ГАБО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 2673. Л. 14–15об.
- ⁴¹ ГАБО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 4156. Л. 54.
- ⁴² ГАБО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 916. Л. 34.
- ⁴³ ГАБО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 584. Л. 9об. Документ, изначальню напісаны на ідыше, для годовага ачота в адміністрацыю повета дубліравалася на польскім мове. В афарме прыводзіцца пераклад тэкста на рускі мове.
- ⁴⁴ ГАБО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 64. Л. 23.
- ⁴⁵ ГАБО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 584. Л. 2.
- ⁴⁶ ГАБО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 993. Л. 5.
- ⁴⁷ ГАБО. Ф. 2001. Оп. 4. Д. 3993. Л. 14.
- ⁴⁸ ГАБО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 584. Л. 7об.
- ⁴⁹ ГАБО. Ф. 2001. Оп. 4. Д. 2613. Л. 44.
- ⁵⁰ ГАБО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 101. Л. 35.
- ⁵¹ Rozporządzenie Prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 27 października 1932 roku «Prawo o stowarzyszeniach» // Dz. U. R. P. 1932. № 94. Poz. 808.
- ⁵² ГАБО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 1046. Л. 4.
- ⁵³ ГАБО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 886. Л. 28.
- ⁵⁴ ГАБО. Ф. 2001. Оп. 4. Д. 3993. Л. 14.
- ⁵⁵ ГАБО. Ф. 2001. Оп. 4. Д. 4949. Л. 27.
- ⁵⁶ ГАБО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 584. Л. 40об.
- ⁵⁷ ГАБО. Ф. 5. Оп. 2. Д. 273. Л. 9.
- ⁵⁸ ГАБО. Ф. 2001. Оп. 4. Д. 3994. Л. 32.
- ⁵⁹ ГАБО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 584. Л. 34об.
- ⁶⁰ ГАБО. Ф. 2001. Оп. 4. Д. 2613. Л. 43.
- ⁶¹ ГАБО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 916. Л. 24.
- ⁶² ГАБО. Ф. 370. Оп. 1. Д. 12. Л. 31–31об.
- ⁶³ ГАБО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 584. Л. 12.
- ⁶⁴ ГАБО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 886. Л. 27.
- ⁶⁵ Фото взято с сайта: <http://www.jewishgen.org/yizkor/Baranovichi/bar004a.html>
- ⁶⁶ ГАБО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 584. Л. 4.
- ⁶⁷ Proszyk J. Cmentarz żydowski w Bielsku-Białej. Bielsko-Biała, 2002. S. 42.
- ⁶⁸ Rocznik statystyki Rzeczypospolitej Polskiej. R. 6. Warszawa: Główny Urząd Statystyczny, 1928. S. 51–52; Mały rocznik statystyki Rzeczypospolitej Polskiej. Warszawa: Główny Urząd Statystyczny, 1930. S. 46; Mały rocznik... 1931. S. 48; Mały rocznik... 1932. S. 44–47; Mały rocznik... 1934. S. 57; ГАБО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 123. Л. 3–24; ГАБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2528. Л. 39. Тэкст дакумента публікуецца в переклад з польскага на рускі мове.
- ⁶⁹ ГАБО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 886. Л. 27–27об.
- ⁷⁰ ГАБО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 584. Л. 37–37об.

Михаил Крутиков

Райсн: «Беларусь» в модернистской поэзии на идише*

Взаимоотношения еврейской культуры с окружающим пространством и ландшафтом лишь недавно стали темой научных исследований. Культурная память евреев Восточной Европы до Второй мировой войны была весьма консервативна и поэтому сохранила в активном обиходе топонимы, давно исчезнувшие из политической реальности. Одним из таких топонимов было (и отчасти остается) географическое понятие «Лите», примерно соответствующее территории Великого Княжества Литовского накануне его интеграции в состав Польши в XVI в., имевшего до 1764 г. собственную еврейскую общинную организацию «Ваад мединот лита» (Совет литовских земель). Как субэтнический и культурный тип, «литвак» обладает в еврейской культуре определенным набором признаков, которые отличают его от евреев других восточноевропейских регионов: польского, волынского, подольского, галицийского, бессарабского. Одним из ярких отличительных признаков литваков слу-

жит особый диалект идиша, ставший благодаря усилиям YIVO – Еврейского Научного Института, созданного в Вильно в 1925 г., – современным литературным стандартом и потому утратившим свою характерную литвацкую идентичность. В стереотипном фольклорном представлении литвак холоден, расчетлив, рационален и склонен к религиозному скептицизму в противоположность душевному, наивному и набожному польскому и галицийскому еврею. В границах большого региона «Лите» находятся более мелкие области, также обладающие своими особенностями: «Замет/Замут», на западе территории довоенной Литовской республики, и «Райсн», включающая виленский край и северо-западную часть Белоруссии, граничащую на юге с Полесьем. Точные границы этих культурных регионов трудно определить; в отличие от Великого Княжества Литовского, это не прежние политические границы, а ареалы расселения котерриториальных этнических групп: «Замет» происходит от названия региона *Žemaitija* (русское «Жмудь»), восходящего к латинскому *Samogitia*, в то время как «Райсн» родственно понятию «Русь» – в данном случае «Беларусь».

* Автор благодарен В. Дымшицу за поправки и замечания.

В начале XX в. образность ландшафта и пространства была заново переосмыслена в модернистской еврейской поэзии. В поисках нового выразительного языка поэты «киевской группы» – Давид Гофштейн, Лейб Квитко, Перец Маркиш, впоследствии ставшие главными фигурами в советской еврейской литературе, – стремились по-новому метафоризировать знакомые пейзажи центральной Украины, особо выделяя при этом укорененность евреев на этой земле. Идейно эта эстетическая тенденция смыкалась с различными концепциями национально-культурной автономии, популярными среди молодой провинциальной еврейской интеллигенции, искавшей «третий путь» между ассимиляцией и сионизмом. На идише эти идеи получили общее название *doikayt*, это абстрактное существительное, образованное от наречия *do* – «здесь». В свою очередь семантически это понятие перекликается с хайдеггеровской философской категорией *Dasein*, суть которой была близка определенному кругу еврейских модернистов.

С небольшим опозданием эта тенденция проявилась и в литовско-белорусской еврейской поэзии, что совпало по времени с Первой мировой войной. В 1915 г. Литва и западная часть Белоруссии оказалась под немецкой оккупацией, что радикально изменило языковую ситуацию и открыло новые возможности для идиша. Именно в этой ситуации и проявилась важная особенность этого региона. Значительная часть местного сельского населения не идентифицировала себя этнически ни с какой национальностью. Они называли себя просто «тутейшие», что практически совпадает с *doiker* («здешние, местные», слово однокоренное с упомянутым выше словом *doikayt*). В глазах польских, русских, литовских и даже белорусских националистов, стремившихся зачислить местное население в свою нацию, такая идентификация была признаком культурной отсталости и неразвитого самосознания, однако именно она открывала уникальную возможность евреям идентифицироваться с местностью и ее исконными жителями, а не представлять себя как меньшинство по отношению к «титულным» нациям. После поражения Германии и ухода немецких войск в конце 1918 г. земли прежнего Великого Княжества Литовского стали объектом жестоких политических и военных конфликтов между Со-

ветской Россией, Польшей, Литвой и эфемерной Белорусской Народной Республикой, в которых вопрос языка также играл заметную роль.

На фоне разрухи, голода и насилия тем более удивительно звучит поэзия Лейба (Леона) Найдуса (1890–1918). Он родился и вырос в поместье Кустин недалеко от Гродно (теперь на территории Польши рядом с белорусской границей), которое его отец арендовал у местного чиновника. И в жизни, и в поэзии Найдус культивировал образ обедневшего шляхтича, предающегося своим аристократическим увлечениям – охоте, прогулкам, чтению, не обращая внимания на происходящее вокруг. Его поэтическое творчество следовало программе освоения русской и европейской традиции и обогащения просодии идиша новыми размерами и формами по классическим образцам. Найдус активно переводил Пушкина, Мицкевича, Бодлера и Верлена, влияние которого было особенно сильным. Живя в Гродно и Вильно, Найдус много разъезжал по окрестным городам и местечкам, где его поэтические выступления неизменно привлекали интеллигентную молодежь. Возможно, именно отрешенность поэтического воображения Найдуса от убогости окружающей действительности и привлекала к нему читателей. Во время одной из таких поездок Найдус простудился и через несколько дней умер от дифтерита в возрасте 28 лет. Его последней работой остался незаконченный перевод на идиш «Евгения Онегина». В 1920-х гг. Найдус оставался популярным поэтом, особенно в вошедших в состав Польши западной Белоруссии и Виленском крае, о чем свидетельствуют несколько изданий его произведений. Затем он был прочно забыт, однако в Гродно его имя было в 1931 г. увековечено в названии улицы¹.

Как и в поэзии русского и польского романтизма и символизма, ландшафт служит Найдусу богатым источником метафорической образности. Его лирический герой, молодой, но уже уставший от жизни романтик, принадлежит прошлому. Он воспекает осень, закат, угасание, увядание и распад, восхищается старыми предметами и заброшенными домами, пережившими свое время. Точность и неожиданная свежесть этих на первый взгляд стереотипных образов, музыкальность

стиха опровергают распространенное мнение о том, что еврейская культура не чувствительна к природе, а идиш беден словами для ее описания. Найдус активно использует как регионализмы, вошедшие в обиходный идиш из белорусского, так и заимствования из «священного языка» (библейского и талмудического иврита и арамейского), образующие «высокий» регистр идиша. Такое смешение позволяет ему создавать новые неожиданные рифмы, иногда построенные на контрасте между «высоким» и «низким» стилем. В духе неоромантизма он одушевляет природу, представляя ее своего рода зеркалом, фиксирующим легкие нюансы его переменчивого, но в целом меланхолического, настроения:

Kh'hob lib di orme zamd-felder fun Lite un Zamet
Di alte, frume, mokhike shteyner baym veg,
Di lonkes mit zeyer basheydenem grinem samet,
Verbes, vi gzeyres, bay der sazevkes breg².

Я люблю бедные песчаные поля Литвы и Жмуди,
Древние богомольные замшелые камни у дороги,
Луга с их скромным зеленым бархатом,
Ивы, как царские гонения, по берегам прудов³.

В последней строке Найдус противопоставляет древнееврейское слово *gzeyre*, означающее строгое постановление высших властей, как правило, направленное против евреев, и славизм *sazevke* – «сажалка», с характерным для белорусско-литовского диалекта переходом шипящего [ж] в [з].

Одухотворенность для Найдуса не ограничивается сферой иудаизма. В отличие от своих предшественников, он не стремится «иудаизировать» природу и смело вводит христианские образы:

Baym sheyd-veg hiltserne tslomim, vos zeyen
heylike khaloymes,
Kleyne shkotsim-pastekher, fremd un vayt fun
krakh,
Eyntslne beryozkes vi varblondzhete yesoymim,
Alte kluge vegn, vos veysn a sakh⁴.

На распутье деревянные кресты, видящие свя-
тые сны,
Хлопчики пастушки, чужие и далекие от боль-
шого города,

Редкие березки, как заблудившиеся сироты,
Старые мудрые пути, знающие о многом.

В конечном счете главным для него является земля и ее обитатели, неразрывно связанные с пейзажем. На ней, вдали от городов, мирно уживаются иудаизм и христианство, евреи и белорусы. Для лирического героя Найдуса природа – это прежде всего объект эстетического переживания. Сам он, несмотря на восхищение природой, принадлежит уходящему миру высокой, по существу дворянской, культуры и чувствует себя неуютно в буржуазном городском мире. Ностальгия по утраченному укладу поместий и парков объединяет Найдуса с такими польскими писателями, как Чеслав Милош и Ярослав Ивашкевич, с тоской вспоминая об уничтоженном войной и революцией мире своего детства в польских дворянских усадьбах Литвы и Украины. Как и большинство еврейских модернистов начала XX в., Найдус сознательно отделял себя от сложившейся идишской литературной традиции, в которой доминировали Менделе, Шолом-Алейхем и Перец. В отличие от этих трех классических авторов и их последователей, ориентировавшихся на устную речь, фольклор и народную религию, Найдус искал скрытые лингвистические ресурсы в прежних культурных слоях литературного идиша. Вместо имитации «аутентичной» речи воображаемого простого еврея он искусственно выстраивал высокий и формальный поэтический стиль по заимствованным из европейской поэзии образцам.

Всего на шесть лет моложе Найдуса, Мойше Кульбак (1896–1937) принадлежал к следующему литературному поколению, сформировавшемуся в других условиях. Водоразделом послужила Первая мировая война и последующие за ней события, кардинально изменившие жизнь в западных областях распавшейся Российской империи. Кульбак родился в литовско-белорусском местечке Сморгонь, известном, в частности, тем, что там в XVIII в. существовала специальная школа дрессировки медведей. Кульбак получил начальное русское и традиционное для литваков религиозное образование в Мирской и Воложинской ешивах, жил в Ковно, Минске, Вильно и вскоре после окончания

военных действий, осенью 1920 г., отправился в Берлин за новой европейской культурой. Через 13 лет, уже в советском Минске, он иронически воссоздал свое европейское «паломничество» с высоты освоенного марксистского мировоззрения в поэме «Disner Tshayld Garold» («Чайльд Гарольд из Дисны»). Но находясь в Берлине, где он провел три года и издал несколько книг, Кульбак практически не отзывался на окружавшую его жизнь большого города. В своих стихах и прозе он воспевал природу и людей Белоруссии, работая над созданием нового образного языка и стиля.

Влияние немецкого экспрессионизма проявилось в его первом романе «Moshiekh ben Efraim» («Мессия, сын Эфраима»), действие которого происходит в мифологизированном пространстве белорусских лесов, полей и болот. Персонажи романа – это простые евреи, живущие в единении с природой вдали от городской цивилизации. Это цельные, примитивные натуры, плохо владеющие языком, но глубоко проникнутые мессианским духом. В мифическом пространстве Белоруссии сотворение мира близко соприкасается с его концом. Именно там следует ожидать явления Мессии, который придет из глубины лесов в облике простого, грубого и косноязычного еврея и принесет избавление ценой своей жизни. Идеино и эстетически поэтика Кульбака во многом противоположна поэтике Найдуса. Лирический герой Кульбака стремится к опрощению через единение с природой, он не посторонний ценитель ее красоты, находящийся в ней созвучие своим чувствам, а неотъемлемая часть природного мира, *a bokher a hultiay* («гуляка-парень»), бесцельно странствующий по просторам Беларуси.

Baginen, in veg, tsvishn felder.
A bis fun dem breytl – dem hunger gezetikt,
Un vayter geaylt zikh in veg.
Ikh hob keynmol tsu gornisht farshpetikt⁵.

С рассветом в путь, среди полей,
Куском хлеба – насытил голод,
И дальше спешу в путь,
Я никогда и ни к чему не опаздывал.

Мотив странствования глубоко укоренен в еврейской фольклорной и мистической традиции.

Ритуал под названием *praven goles* – «справлять изгнание» – был своего рода подготовительным испытанием для будущих духовных вождей. Не случайно «дедушка» новой еврейской литературы Шолом-Яков Абрамович доверил выдуманному странствующему книгоноше Менделе представлять себя в качестве автора и рассказчика своих произведений. Кульбак по-модернистски переиначивает этот образ. Если традиционная фигура странника служила связующим звеном, соединяющим разбросанные по обширной восточноевропейской территории еврейские островки в единое замкнутое культурное пространство внутри окружавшего его славянского мира, то для героя Кульбака такого разделения не существует. Встречный белорусский крестьянин спрашивает его героя: *tsho tshuvatsh na svetshe?* (в другом варианте *tsho tshibatsh na svetshe?* – что слышать (видать) на свете?), на что еврейский «гулятяй» отвечает: *Svetshe? Petshe metshe*. Такое словосочетание, по-видимому, не имеющее прямого смысла в данном контексте, встречается, тем не менее, как в еврейском, так и славянских языках (в частности, персонажи по имени Пече и Мече фигурируют у М. Булгакова в фельетоне «Пустыня Сахара», 1924 г.)⁶. Таким образом, ответ «гулятяя» можно интерпретировать как выражение глубокого скептицизма в отношении способности языка объяснить или даже описать происходящее в мире, что отражается в косноязычии многих его персонажей. Такое прочтение помещает Кульбака между «дадаистами», с творчеством которых он был знаком по Берлину, и советскими «ОБЭРИУтами».

«Всемирную» (то есть среди разбросанных по всему миру любителей еврейской поэзии) славу Кульбаку принесла эпическая поэма «Raysn», воспевавшая просторы Неманского края и населявших его евреев. Написанная в Берлине и впервые напечатанная в нью-йоркском журнале «Di tsukunft» в феврале 1922 г., она стала культовой среди еврейской молодежи Вильно и окрестностей, к этому времени вошедшими в состав Польши. Каждая глава поэмы написана в своем стиле и размере, соответствующем ее содержанию. Автор рассказывает о семье своего деда, простого крестьянина и плотогона, в которой было 18 сыновей:

O, der zeyde fun Kobilnik iz a yid a posheter
A poyer mit a pelts un mit a hak un mit a ferd...

Un mayne zekhtsn feters un mayn tate –
yidn proste, yidn vi di shtiker erd⁷.

Мой дед из Кобыльника – еврей простой,
мужик в тулупе, с топором и лошадью.
И мои шестнадцать дядьев и мой отец –
евреи простые, евреи, как шматы земли.

Стилистически поэма подражает, с ироническим оттенком, истории праотца Иакова, на что указывают ассоциации с библейским текстом. Слепой бандурист Антоша, отец Настасьи, в которую влюблен один дядьев, естественным образом входит в эту эпическую историю патриархальной еврейской семьи. На своей бандуре он поет о легендарном белорусско-литовском прошлом, упоминая исторические места, как, например, Крево, где была заключена первая литовско-польская уния⁸. При этом никаких отсылок к еврейскому культурному историческому прошлому в поэме нет: евреи как бы самозародились в принеманских лесах и живут там в полной гармонии с природой и людьми.

Своего рода прелюдией к «Raysn» была поэма «А dude» («Дудка», с подзаголовком: «Жалобная песня старой Беларуси»), в которой Кульбак нащупывал стилистические и концептуальные подходы к новому поэтическому осмыслению белорусского ландшафта и фольклора. Поэме предпослан «обэриутский» эпиграф, состоящий из двенадцати повторов слога «ду»⁹. В ней фигурируют фольклорные персонажи – седой ворон, предсказывающий упадок «древнего племени Райсн», от которого не останется ни крестьянина, ни камня от хаты, ни пня в поле. Древний бог Бялун уже не сидит на звездах и не плавает по небу серебряной щукой:

Mir zaunen geblibn bay an emer, vos me kon mit im
nit shepn,
Bay a lopete, vos me kon mit ir nit grobn,
Un bay a vaser, vos men kon es nit aribergeyn.
Hey, du-du-du-du¹⁰.

Мы остались с ведром, которым нельзя черпать,
с лопатой, которой нельзя копать,
и с водой, которую нельзя перейти.
Гей, ду-ду-ду-ду.

Причиной такого упадка стал новый бог Езус, приказавший подстричь длинные бороды и лишивший Райсн мудрости, «ибо борода дает человеку мудрость»¹¹. Изгнанный Бялун отправился в странствование с торбой за плечами и березовым посохом в руке, а лирический герой поэмы собрался выкопать себе могилу на берегу Вилии и превратиться в камень. Езус, новый «бог из Иерусалима», шел по полям, и крестьяне встречали его хлебом-солью.

Es hot der nayer got bay undz gefregt:
– Ver iz ayer tate?
Ver iz ayer mame, ver – di brider ayere?
O, undzer tate iz der vald, der yadlover,
Undzer mame – di Vilie in zaydenem kleyd,
Un di briderlekh – der broyner rob un di sove! –
Er hot oysgetsoygn dem langn finger tsum himl,
Nor mir hobn dortn gornit gezen...
Du-du-du-du¹².

Новый бог спросил у нас:
– Кто ваш отец?
Кто ваша мать? Кто – братья ваши?
О, наш отец – лес еловый,
Наша мать – Вилия в шелковом платье,
И братцы наши – бурый ворон и сова! –
Он вытянул длинный палец к небу,
Но мы там ничего не увидели...
Ду-ду-ду-ду.

В модернистском переосмыслении фольклорной мифологии у Кульбака сотворение мира смыкается с его концом, древнее прошлое с апокалиптическим будущим. На место исконного местного бога Бялуна приходит чужой иерусалимский бог Езус и приносит с собой новую картину мира, в которой небесный Отец оказывается невидимой силой за пределами окружающей природы.

В конечном итоге отношения Кульбака с Вильно и его польскими властями не сложились, и в 1928 г. он эмигрировал в Минск, где стал одной из центральных фигур в еврейской культуре БССР. Еще до переезда Кульбак был популярен среди еврейской молодежи советской Белоруссии. Среди его ранних подражателей был Моисей Тейф, впоследствии известный советский поэт. Стихотворение «Vegn zeydn fun Ihumen» («О деде

из Игумена», 1926 г.) читается как вариация на тему «Райсн»: «Vegn zeydn fun Ihumen, vegn altn ber... / Ау, iz dos geven a yidl – zayne foystn hart un shver...» (О деде из Игумена, о старом медведе... / Ай, вот это был еврей – его кулаки твердые и тяжелые...). Подобно деду из Кобыльника, дед из Игумена также имел большую и крепкую семью. К знакомой кульбаковской теме крепких укорененных в природе евреев Тейф добавляет классовый аспект – «живая дюжина» сыновей надежно защищала его деда от посягательств богачей: «Bay di sheyne balebatim iz di tuts geven bavust: / ven zey nemen toybn traybn, vern gasn pust» («Среди зажиточных обывателей эта дюжина была известна: / Когда они принимались гонять голубей, улицы пустели»).

Переезд в СССР не ослабил влияние Кульбака на виленскую еврейскую молодежь. Он оставался объектом почитания и подражания для членов литературной группы «Yung Vilne» (Молодая Вильна), возникшей в том же 1928 г.

Прямым продолжателем Кульбака был один из ее основоположников, поэт Эльхонен Воглер (настоящее имя – Хонен Рожанский, 1907–1969), выпустивший до войны две поэмы в форме отдельных книг – «A bletl in vint» («Листок на ветру», 1935 г.), «Tsvey beriozes baym trakt» («Две березы у дороги», 1939 г.). На связь с мотивами поэзии Кульбака указывает уже выбор псевдонима: Воглер – «странник» на идише; правда, Воглер не мог сравниться с Кульбаком по своей популярности. Как отмечает в своей диссертации о группе «Yung Vilne» американский исследователь Джастин Камми, поэзия Воглера усложнена нагромождением метафор, а его идиш отягощен славизмами и локализмами, для объяснения которых поэт добавлял специальный глоссарий¹³.

Двадцать пять лет спустя после смерти Кульбака, расстрелянного в 1937 г., уже живя в Париже, Воглер писал: «У Кульбака евреи живут в мире с белорусским крестьянином. Их объединяет благословение земли. Поэзия Кульбака укоренена в литовской даине, с дубами древнего племени, откуда Кульбак черпал свои силы. Он был плоть от плоти Райсн, и песни свои играл на дуде, сидя на камне в поле, на мотив Экклезиаста»¹⁴. В отличие от Кульбака, Воглер родился и вырос вдали от

природы, в самом центре старого Вильно. Тем более сильное впечатление произвели на него литовские пейзажи, когда после смерти отца, в возрасте шести лет, он в 1914 г. оказался в деревне около Вилькомира (теперь Укмерге). Через два года умерла его мать, и до 16 лет он жил в приюте. Для нищего сироты поэзия стала способом душевного выживания, а лес – убежищем, где он мог предаваться чтению и сочинению стихов. Щедрое изобилие природы как бы компенсировало скудость и убогость реальной жизни:

Бедность – это мое богатство. Мне принадлежат эти бледные чахоточные равнины, горбатые шелковистые тракты, светлые, сладкие озера и слепые, отчаявшиеся хутора. Белорусские мятные луга и пасеки с земляникой – мои, молодые орешники и прохладные, напоенные бальзамом сосняки – тоже мои. И песня, которую я пою, тоже почти моя собственная. Я ее ни от кого не услышал, разве что от унылого шума литовских серых рек и от свищущих осиротевших ласточек¹⁵.

Лирический герой Воглера, замкнутый в себе бездомный странник, бродит по литовским просторам «от метафоры к метафоре»¹⁶, которые сам поэт называл «скользкими мостиками» без поручней¹⁷. Метафоры создают ощущение единства с природой: «Мой брат – виленский шлях / Моя жена – литовская земля»¹⁸.

В первой поэме, «Листок на ветру», написанной в символистском ключе, природа выступает в образе сливового сада, и более правильное название, уточняет Воглер в предисловии, было бы «Моя свадьба со сливовым садом» (слово *sod* в идише происходит от славянского корня) – но в таком случае, опасается он, «жестокий читатель повесил бы меня на ольхе, героине поэмы и старой подруге моего сиротского детства»¹⁹. Поэма состоит из трех частей, образующих трагическую историю любви и расставания: «Свадьба», «Роман» и «Скитание». Хронологически эти части соответствуют сезонам: весеннему расцвету, летнему созреванию и осеннему увяданию сада. Белорусско-литовская природа представляется сочетанием материальной скудости и воображаемой роскоши: «Undzer khupe vet zayn in di felder, / Di zaln fun leymikn palats – fun Lite» (Наша хупа будет в полях, / залах глиняного

дворца – Литвы (*Лите*)²⁰. Летом деревья ведут оживленный разговор с пейзажем – дорогами, полями, реками, небом. Им противостоит Бог, жадный хозяин, «банкир-сионист», стремящийся запереть богатства природы в своем шкафу²¹. Борьба природной бедноты с божественным капиталистом описана в марксистских категориях, с анализом классовых противоречий между пролетариатом и мелкой буржуазией, представленных различными видами растений, животных и насекомых.

Сам герой поэмы, счастливый супруг сливового сада, днем зарабатывает на жизнь рисованием вывесок, а по ночам пишет стихи. По мере приближения осени в его «грустные строфы» проникает смерть. Первыми погибают под серпом жнецов поля, пшеничное и гречишное, оставив в одиночестве старого холостяка – проходящий среди них тракт. Готовясь к неизбежной смерти своей возлюбленной, лирический герой поэмы прячет длинный нож – реку Вилию – под полой своей изношенной капоты – темного леса – для совершения обряда *krie*, надрезания края одежды в знак траура по близкому родственнику. Когда саду приходит очередь умереть, он оставляет своему безутешному супругу горстку осиротевших слив. Зимой созревшие плоды садов приносятся в жертву в «священных храмах» городов, где на золотых жертвенниках ресторанов сливовым вином проливается кровь сирот, души которых неслышно вопиют: «О, *koynanim – mentshn – freser!*» (О, священники – люди – пожиратели!)²². Герой, лишившийся супруги и детей, отправляется в странствие по опустевшим зимним лесам и полям:

Der shney iz fun mayn bukh an oysgerisn blat...
Oyf im hob ikh, der sumner geyer,
mit mayne trit fartseykhnt, az na-venad
iz Vogler Elkhonen ben Meir²³

Снег – это лист, вырванный из моей книги...
На нем я, сумрачный прохожий,
записал своими шагами, что странник –
Воглер Эльхонен сын Меира.

Поэма «Две березы у дороги», вышедшая в 1939 г., может быть прочитана как аллегория упадка европейской цивилизации, противопоставляющая обезличенный мир города живой природе²⁴.

Здесь природа предоставляет поэту богатый набор романтических образов, в то время как город служит источником насилия, обмана и разрушения – результатом реальных исторических событий начала XX в. В предисловии он сообщает: «В этой поэме я намереваюсь рассказать историю о шляхе и двух его дочерях, березах, обрученных с духом мира – крестом»²⁵. При этом он объясняет свое отношение к образу креста, столь чуждого и враждебного еврейской традиции: «Я не призван решать проблемы вообще, и проблему креста в частности. Крест – совесть земли, героя поэмы я воспринимаю как близкого родственника леса, птиц, и как символ мучений, справедливости и сиротства. И поскольку шлях я считаю евреем, я и его зятя обратил в иудаизм»²⁶. Согласно легенде, шлях убежал от своей мамы – Вильни – к своей любимой, пшеничной ниве, однако автор сомневается в ее правдивости. Он полагает, что побег произошел в 1905 или 1917 году: «Я хочу... выгравировать в памяти мира, что шлях – это бывший бунтовщик»²⁷. Синонимическое богатство белорусско-литовского диалекта идиша позволяет Воглеру достигать большой точности и полноты в описании ландшафта; например, он использует четыре слова для различных типов дорог: *shlyakh, gostinyets, trakt* и *stezhkele*. Образ проходящей через местечко сельской дороги («гостинец») служит метафорой еврейской жизни и в более раннем стихотворении Тейфа «*Vaysrusish*» («Белорусское», 1928 г.):

Ven di shkie shit zikh oys in fayerlekh oyf grozn
Un dem hoshtiniets fartsit a vayser shtoyb,
In a shtibl, bay di bregn fun beryoze,
kukt oyf mir der zeyde durkh der shoyb²⁸.

Когда закат рассыплется огоньками на траве,
И дорогу затянет белой пылью,
В домике на опушке березняка
На меня глядит дедушка через окно.

Таким образом, можно говорить об определенном стилистическом и идейном единстве еврейской поэзии на всей территории Белоруссии, разделенной советско-польской границей.

Воглер просит прощения у читателя за обилие славизмов и локализмов, «каменей на серебряных

путях поэмы»²⁹. Притулившись к «старой синей Вильне», поэма «хочет обнять окружающие заблудившиеся белорусские местечки». Чтобы отразить «специфический сумеречный колорит нашего серого ландшафта», поэт не может «вырвать» из своих стихов «простые серые венки славизмов – сердце и душу моей земли и достояние моей поэзии» и заменить их на «другие, благородные жемчужные слова»³⁰. Насыщенный славизмами и локализмами идиш был естественным языком, на котором литовско-белорусская природа говорила с поэтом, а для удобства постороннего читателя к поэмам были добавлены глоссарии с объяснениями слов. Тейф, автор «Kikhelekh un zemelekh» («Кихелах и землях»), одного из самых известных в советской еврейской поэзии стихотворений о Холокосте, знакомых русскому читателю в переводе Юнны Мориц, ощущал себя последним хранителем знания об уничтоженной еврейской Белоруссии, которое было уже не доступно его молодому поколению. Стихотворение Тейфа «Beloruski vokzal» («Белорусский вокзал») построено на контрасте, повторяющемся противопоставлении «для вас» – «для меня»: в обычном вокзальном шуме и лязге поэту слышится «волшебная шкагулка, где играет / беспокойный напев моей юности»³¹. Уходящие на запад рельсы тянутся через «пустые поля войны» – «до той ямы, где лежит мое дитя»³². Недоступность уничтоженного прошлого подчеркивается особыми «локальными» рифмами в традиции, идущей от Найдуса через Кульбака и Воглера и нашедшей завершение у Тейфа: литвацкое произношение *sney* – вместо нормативного *shney* – хранит память об убитой сестре, а практически уничтоженный после войны старый еврейский район Минска Немига рифмуется с заимствованным из иврита словом *harige* – «убийство»³³.

Война и массовое убийство евреев в Белоруссии и Литве кардинально изменили отношения еврейской культуры с местным ландшафтом. Леса, поля и озера стали местом смерти, а их умиротворенный вид представлялся обманом, скрывающим ее страшную тайну. Прежние интимные отношения между евреями и природой были навсегда разрушены, и воспевавшая их поэзия оказалась частью культуры довоенного прошлого, которая лишь недавно стала вновь привлекать внимание читателей и исследователей.

Примечания

- ¹ Едва ли не единственным откликом на 125-летие Найдуса стала заметка гродненского литературоведа Аллы Петрушкевич на вебсайте белорусской редакции Радио «Свобода», <http://www.svoboda.org/content/article/27346787.html>
- ² *Naydus L.* Litvishe arabeskn. Warszawa: Sz. Jaczkowski, 1924. Z. 176.
- ³ По замечанию В. Дымшица, ассоциация ив с «гзейрес» могла быть навеяна Найдусу тургеневской фигурой «ракит, всегда готовых к услугам», то есть к порке, крепостных крестьян («Хорь и Калиныч»).
- ⁴ *Naydus L.* Litvishe arabeskn. Z. 176.
- ⁵ *Kulbak M.* Lider. Berlin, Klal-farlag, 1922. Z. 30.
- ⁶ По предположению В. Дымшица, диалектная форма «пече мече» восходит к более распространенному выражению «пети-мети» (от французского *petit métal*), означающему деньги.
- ⁷ *Kulbak M.* Naye lider. Warszawa, Kulturlige, 1922. Z. 27.
- ⁸ На русском языке это стихотворение существует в конгениальном переводе ленинградского поэта Алик Ривина. Подборка переводов Ривина опубликована Л. Кацисом в журнале «Лехаим» (11, 2006), см.: http://www.lechaim.ru/ARHIV/175/slovo.htm#_ftn1
- ⁹ *Kulbak M.* Gut iz der mentsh. M., Советский писатель, 1979. С. 23.
- ¹⁰ Там же. С. 25.
- ¹¹ Там же. С. 26.
- ¹² Там же. С. 29.
- ¹³ *Cammy J.* 'Yung-Vilne'. A Cultural History of a Yiddish Literary Movement in Interwar Poland. Ph. D. Dissertation, Harvard University, 2003. P. 195.
- ¹⁴ *Vogler E.* Moyshe Kulbak der dikhter fun royer erd Di Goldene Keyt. 43. 1962. Z. 104.
- ¹⁵ *Vogler E.* Tsvey beryozes baym trakt. Vilne, 1939. Z. 3.
- ¹⁶ *Cammy J.* 'Yung-Vilne'. P. 199.
- ¹⁷ *Vogler E.* Tsvey beryozes baym trakt. Z. 4.
- ¹⁸ *Cammy J.* 'Yung-Vilne'. P. 200.
- ¹⁹ *Vogler E.* A bletl in vint. Vilne: Yung-Vilne. Z. 7.
- ²⁰ *Vogler E.* A bletl in vint. Vilne: Yung-Vilne. Z. 12.
- ²¹ Там же. Z. 17–18.
- ²² Там же. Z. 58.
- ²³ Там же. Z. 59.
- ²⁴ См.: *Cammy J.* 'Yung-Vilne'. P. 211.
- ²⁵ *Vogler E.* Tsvey beryozes baym trakt. Z. 4.
- ²⁶ Там же. Z. 5.

²⁷ Там же. Z. 7.

²⁸ *Teuf M.* Oysderveylts. Lider. Balades. Poemes. Иерусалим, 2004. Z. 25.

²⁹ *Vogler E.* Tsvey beryozes baym trakt. Z. 8.

³⁰ Там же.

³¹ *Teuf M.* Oysderveylt. Lider. Balades. Poemes. Z. 59

³² Там же.

³³ Там же. Z. 60.

38	50.	Аронъ Месровицъ Тумусонъ. —	2.	37 1/2
<u>Улица Вашикова сторона левая.</u>				
39.	51.	Аронъ Висковицъ Тумусонъ. —	2.	31 1/2
40	52.	Инка Симоновичъ Фру. —	1	6 1/2
41	53.	Гурма Анжеликовъ Соко. —	3.	80
42	54.	Симонъ Медниковъ Медникъ. —	..	94
43	55.	Леида Белевицъ Тумусонъ. —	1.	87
44	58.	Наисахъ Анжеликовъ Намсунъ. —	2.	72
45	64.	Вдова Гинда Соколова. —	3.	98
46	67.	Шмерка Тилевичъ. —	11.	2
<u>Улица старая Дружанская стор. правая</u>				
47.	73.	Виска Вешковичъ Лев. —	2.	92
48		Вашманъ Тоссиновичъ. —		
49	74.	Тосенъ Вашмановичъ. —	2	62
50	..	лавка его. —	1.	35.
51.	84.	Неисафъ Арроминовичъ Ластикъ. —	..	99.
52	85.	Анна Бобровская. —	4	38
53	..	Марта Бобровская —	4	56.
54	86	Цодрикъ Вурговичъ. —	..	48.

Локальный текст местечка

Наталья Савина

Заметки о локальном тексте Глубокого

В этой публикации мы хотели бы представить некоторые фрагменты локального текста города Глубокое, которые, на наш взгляд, можно назвать доминирующими для местного сообщества. Эти фрагменты были выделены нами на основании записанных текстов, конструирующих и репрезентирующих пространство города. Данной статьей мы хотели бы продолжить серию работ, посвященных исследованию локальных текстов малых городов, начало которым было положено несколькими публикациями о локальном тексте Могилёва-Подольского [Алексеевский, Жердева и др. 2008а; Алексеевский, Жердева и др. 2008b].

В отношении термина *локальный текст* мы вслед за М.Л. Лурье будем придерживаться его антропологического осмысления (в отличие от литературоведческого) и понимать его как «систему устойчивых предметных позиций, стереотипных суждений, объяснительных моделей, повествовательных мотивов и сюжетов, ментальных и речевых клише и т.п., которые имеют хождение в местной культурной традиции и посредством которых сообщество, ассоциирующее себя с данным местом, выстраивает образ этого места, ха-

рактеризует его по временным, пространственным, социокультурным и аксиологическим параметрам» [Лурье 2008, 186].

В ряде работ предложенный взгляд на материал через призму термина *локальный текст* использовался по отношению к разным локасам и разным сюжетам. Например, отдельное внимание уделялось исторической составляющей локального текста, в рамках которой специально рассматривались историческое пространство современного села [Куприянов, Половов 2010] или образ отдельного исторического персонажа, ставшего ключевым для местной истории [Куприянов 2013]. Также в рамках антропологического подхода некоторые исследователи обращались к отдельным элементам локального текста, связанным единым семантическим полем или единым тематическим принципом [Ахметова 2008; Ахметова 2009].

Авторами статей о локальном тексте Могилёва-Подольского была предложена форма презентации материала, в основу которой положена структура словаря – т.е. автономное описание отдельных явлений, принадлежащих к дискретному множеству. Эта схема, на наш взгляд, является

довольно удобной и оправданной. С одной стороны, она позволяет напрямую обратиться к конкретному интересующему явлению, а с другой – способствует созданию многогранной картины целого множества, состоящего из отдельных кусочков, каждый из которых, обладая собственной спецификой, тем не менее, находится в крепкой сцепке со всеми остальными. Кроме того, формат словарной статьи позволяет удобным образом сравнивать стоящие под сходным названием явления в разных контекстах. Мы посчитали возможным позаимствовать такую форму подачи материала, поскольку она кажется нам наиболее удобной и удачной для исследований подобного рода. Хотя стоит признаться, что в некоторых случаях мы намеренно отступали от установки жанра словарной статьи на краткость привлекаемых этнографических материалов и уходили, скорее, в сторону этнографического очерка, что делалось в угоду публикации развернутых насыщенных нарративов, которыми нам хотелось поделиться с читателем.

Основанием для выделения отдельной единицы локального текста являются два фактора: существование представлений, практик, текстов относительно какого-либо объекта и маркированное отношение к ним в контексте городского локального самосознания [Лурье 2008, 191]. Естественным образом, для включения единицы в локальный текст места фиксация этих двух факторов должна быть не единичной, а насколько можно более массовой.

Все возможные параметры для выделения единицы локального текста, по мнению вышеупомянутых авторов, исчерпываются пятью группами: 1) символы идентичности; 2) локусы и топонимы; 3) события; 4) лица; 5) сообщества и институты.

Признаемся, что при определении объекта описания применительно к нашему материалу мы не стремились придерживаться именно этой классификации, поскольку это разделение достаточно условно и, на наш взгляд, не привносит существенных дополнений в интерпретацию материала. Кажется, обращение к такому предметно-тематическому принципу было выбрано авторами, скорее, для собственного удобства при работе с выделенными единицами, однако, по сути, представленное разделение является классификацией,

проведенной ради классификации. Хотя, возможно, мы ошибаемся, и наши замечания являются следствием недостаточно полного понимания специфики работы с данным материалом.

Однако, несмотря на наше игнорирование предложенной систематизации, оказалось, что выделенные на нашем собственном материале единицы вполне укладываются в разработанную схему: так, статья «Торговый город» соотносится с разделом символов локальной идентичности, «Подземные ходы» – локусы и топонимы, «Гетто» – события (с некоторой натяжкой устройство и существование гетто на территории города можно классифицировать как событие, хотя, конечно же, его следует рассматривать и как определенное место на карте города), «Наполеон» – лица, «Евреи» – сообщества и институты.

Таким образом, вопреки нашим желаниям мы практически вернулись к той же классификации. Возможно, это свидетельствует о том, что предложенная коллегами классификация действительно исчерпывает весь набор возможных единиц локального текста, а получившийся расклад является чистой случайностью. Тем не менее, на данный момент нам не хотелось бы делать каких-либо однозначных заключений на этот счет.

Как бы то ни было, в данной публикации будут представлены пять заметок о локальном тексте города Глубокое. Безусловно, этот список далек от того, чтобы быть исчерпывающим – невозможно объять всё в рамках одной публикации. В своем выборе мы ориентировались на собранный материал и собственную исследовательскую интуицию. На наш взгляд, обозначенные единицы составляют основу локального репертуара глубокчан, создающего определенный образ города. Весомым основанием для такого заключения является количественное преимущество этого материала над любым другим. С другой стороны, конечно же, нельзя не учитывать тот факт, что полученный нами материал во многом зависел от того, какие темы для разговора были предложены исследователем и как строился ход диалога в дальнейшем. Некоторые моменты были затронуты информантами самостоятельно, без «подсказки» исследователя, другие возникали только после серии наводящих вопросов. В то же время, огромное количество вопросов неизбежно оста-

валось за рамками исследовательского внимания. В каждой заметке мы пытались показать, что та или иная единица локального текста является действительно важной для местной культурной традиции, поскольку можно обнаружить ее связь с широким кругом лексических единиц, мотивов, текстов и практик, в которых эксплицитно проявляются различные смысловые оттенки рассматриваемого явления, а их совокупность позволяет составить наиболее полное представление о его роли для локальной идентичности местного сообщества.

Торговый город

Яркой чертой локального текста Глубокого является его статус торгового города. Ориентированность Глубокого на торговлю проистекает из его выгодного географического положения и налаженных связей с важными торговыми центрами – Вильнюсом, Ригой, Полоцком.

Яны, эта трасса была вот Вильнюс, тады Дуниловичи, Глубокое, Лужки и Дисна. Вот трасса их снабжения была ўсё. Тут этот центр был в Глубоким. Тама это всё. [Это был торговый центр?] Торговый это¹.

Основным местом совершения торговых сделок в городе неизменно являлся рынок. Постоянная задействованность местных жителей в торговле предопределяла их тесную связь с этой точкой городского пространства. Вследствие этого среди информантов можно встретить мнение о том, что рынки стали неотъемлемой частью Глубокого со времени его основания, что сохранилось и до наших дней.

[Вот этот рынок на улице Гагарина – давно?] Можно... если б ён сегодня был на этом месте², можно было бы сказать: сколько лет Глубокому, столько лет и рынку. Изначально³.

Тут вечно были рынки, вечно были тут... Как это, торговля была. Глубокое в основном состояло, наверное, из людей, которые любили купи-продать, вот это, торговали. Всем, чем там производилось вокруг, и тут вечные были базары, я так понимаю. По сегодняшний день это такое⁴.

В разное время рынок неизменно занимал центральное положение в городе, поэтому при описании пространства Глубокого неизбежно присутствует упоминание о рынке.

[Какая самая старая часть Глубокого?] Самая старая частка – гэто вот тут – костёл и вот туды да-лей як рынок, вон туды. Тут вот, де площадь, вот тут во самое, самое...⁵

[Где были базары?] Ну а базары – я вот, скажем, на той, наверное, площади, сейчас «17 сентября» называется. [Там был базар?] Там, где костёл и церква, по-моему...⁶

Обилие рассказов о рынках можно частично объяснить тем, что в городе существовал не один, а несколько рынков, каждый из которых имел собственное название. В некоторых случаях название рынка не является названием в прямом смысле слова – скорее, это можно назвать обиходной номинацией, образованной по разговорной модели от существительного, которое обозначало основной предмет торговли в конкретном месте, например – *Свиной базар, Конский базар, Продуктовый базар*.

Базар был вот, вот, где костёл, там, там базар был это... зерно продавали, ўсё. Вот этот вот скверик, где райисполком построенный, базар был. Это продавали лён, дрова, тутока ўсё это, хозя... Ну, приезжали из дярёўни. А гэтый базар был, здесь продавали коней, короў, свиней. Тут три базары было. [У этих базаров были свои названия?] А яны в чытверг эты базары, тут их в четверг были, а базары – яны назывались, вот этый – Свиной базар, гэтый – Продуктовый базар, энный – Конский базар. Вот так яны и назывались⁷.

[Инф. 1:] А базар был в четверг. [Этот базар около кинотеатра?...] [Инф. 2:] Где дом Советов стоит. То базарная площадь. [А там был еще какой-то базар?] Был Конский рынок, назывался Конский базар. Это животных там в основном продавали, где теперь современный базар. [Это по улице Гагарина?] Да. Вот там был Конский рынок назывался. Это был базар, ну, такой, больше скот там продавали. А это был – где продавали всякое, всякую всячину⁸.

Рынок «Хитрушка»

И в каждой части города была своя рыночная площадь. [Где была в той части?] Вот между двумя храмами. Она так и называлась – Рыночная площадь. [Это то же самое, что Базарная площадь?] Там, да, где вот этот семиэтажный дом, там тоже была Базарная площадь. [А там, где кладбище сейчас?] Кладбище сейчас? [Ну а там же рядом рынок, раньше не было рынка?] Тут рынки были разные. Был рынок «Конский торг». [Где он был?] Он был... могу на карте показать. <...> На развилке улиц... вот этими... Конский торг. Лошадей продавали⁹.

Другие же названия рынков – как *Хитрушка* или *Биржа* – являются самостоятельными микротопонимами, за которыми стоит набор объяснительных нарративов и определенных характеристик. Так, *Хитрушкой* называют небольшой ежедневный базар, который сейчас находится в начале

улицы Гагарина на пересечении с улицей Ленина. По словам некоторых информантов, рынок на этом месте существовал всегда, по словам других – здесь он появился только в нынешнее время. Так или иначе, это свидетельствует о том, что рынки являются важной культурной реалией для местного сообщества. В локальной традиции за рынком под названием *Хитрушка* закрепилась репутация места, где могут обхитрить.

[Что такое Хитрушка?] Хитрушка? Ну это ж рынок такой. «На Хитрушке» говорят. Во, это самое, рынок. [Почему его так называют?] Хитрый значить. [Смеется.] Что-то там продают такое. Может, кто кого обманывает, может, по-хорошему. Ну Хитрушка... даже не могу вам сказать. Хитрый такой рыночек¹⁰.

[Что такое Хитрушка?] [Инф. 2:] Хитрушка? Дак это ино тперь даже зовём Хитрушка. [Где это?]

Теперь у нас за кинотеатром. [Инф. 1:] Где теперь базарчик вот. [Вот этот маленький?] Возле исполкома. [Инф. 2:] А то была дзе остановка. [Возле исполкома?] Так это маленькая. Это называлась Хитрушка. [Инф. 1:] А тут, где вяликий дом, тут была гэта... <...> [Почему называли Хитрушкой?] Ну вот что хитрят там, наверное. Что там так Хитрушка и Хитрушка¹¹.

Согласно некоторым информантам, этот маленький рынок на улице Гагарина называют также и *Биржей*.

[Что такое Биржа?] Биржа? Ну это тоже, Биржа – это, какой-то рыночек, может, Биржа. Вот. [Где он?] Ну здесь, вы не были у нас на рынке? На маленьком рынке. На маленьком рынке, вот это, скорей всего, это Биржей и называется. А большой рынок – это туда, ну как вам объяснить, короче говоря, есть большой рынок и Биржа, правильно. Биржа – она была маленькая, потом её там рас... это самое, переделали¹².

[Что называют Биржей?] Биржа – ну, это як гътся, это такой базарчик, базарчик небольшой, называется Биржа. [Где он находится?] Есть тут у нас улица Ленина, вы знаете, церкву видели, як... мимо церкви ехали уже? [Это которая голубая?] Да, вот эта вот церковь, первая, по левой стороне. Вот за тый церковью проехать, будет улица Ленина. А там будь перекрёсток. Перший дом этый, проедете дом, и будет кинотеатр, а где кинотеатр – то Биржа там. [Маленький базарчик за кинотеатром направо?] Да, да, да. Это называется Биржа. [Это и сейчас там базарчик?] И да, и щас, и щас там продают. Да, да, там вот яблoк продать, груши продать, там бывает, ну, эти и краски, всё так продают. Ну это называется Биржа, маленькая. [Это давнее название?] Оно... ну это, может, годов пять-шесть тому назад назвали, Биржа назвали и всё, вот так. А раньше называли – это маленький базарчик. А теперь назвали Биржа, уже побольше – Биржа, стала Биржа, вот так. [Что такое Хитрушка?] Ну это та самая... Хитрушка говорили. Та самая это Хитрушка. [Почему ее так называют?] Ну вот... обхитривают. [Смеется.] Хитрили... как-то так. А як хочешь называй – Хитрушка, базарчик¹³.

Стоит предположить, что в случае названия рынка *Биржей* имеет место смешение топонимов и называемых объектов из-за их близкого расположения – большинство информантов отмечает, что *Биржей* называлось место с другой стороны улицы Ленина, которое представляло собой центральную площадь города, где принято было собираться по разным поводам¹⁴: решать денежные вопросы, выпивать и т.д.

[Где была Биржа?] Биржа – вот, где теперь банк ВТБ или как яго там звать. Ну так говорят «на Бирже», это старья глубочане всё говорят «на Бирже, на Бирже» – а где такая Биржа. [Усмехается.] [Почему так говорили?] Ну дак это Биржа, это ж... шо там было, тоже ж некие явреи банк держали, може, якие-то, ти что¹⁵.

Биржа – вот это, где дом Советов. Перекрёсток – это называли Биржей. [Почему так называли?] А ти знаете что, помню, в пятьдесят девятом году я сюда приехал, мне было шестнадцать лет, и на работу трудно было устроиться. Ну я как пацан, так на стройку пошёл. Ну, некоторым местным, которые были... хотелось больше заработать, они искали, и они нигде работали. [Смеется.] Ну а мне лишь бы какой-нибудь рубль заработать – я был доволен. Я пошёл на стройку, меня взяли вот в шестнадцать лет. И там называли Биржа труда, все безработие толпились там. Да, и пили. И «Голубой Дунай» был, столовая называлась «Голубой Дунай»¹⁶. Она и в голубую краску покрашена была, вот, Биржа труда¹⁷.

Биржа ж – вот тут, где... гэ тот, «Внешбанк» и дом Советов, тут была давней Биржа. Я ж сама помню. [Почему так называли?] Ну называли Биржа, не знаю, чаму Биржа. Биржа была. Биржа. «На Бирже». Пьяниц ловили всё тамака. На тый Бирже. [Они там сидели?] Ну конечно, пьянствовали, яны их ў колхоз, это теперь пьяниц ня берут в колхоз, а тогда же они ловили их и ў колхоз пёрли работать. Да, там была Биржа¹⁸.

Базар, на котором в прошлом продавали скот, до сих пор существует в городе – он расположен вдали от центра на улице Физкультурной, рядом со старым еврейским кладбищем, и работает по

Биржа

выходным. Прежде базарным днем считался четверг, в этот день в город стекались жители близлежащих деревень, чтобы продать свой товар. С этим явлением связаны детские и юношеские воспоминания некоторых информантов.

[Чем батьки занимались? Сельской гаспадаркой?]
[Инф. 1:] На господарце, да. [Часто ездили в Глыбокае?] Пяшком. Ходили пяшком. [Инф. 2:] На торг... Бабушка дважды в день ходила пяшком. Двенадцать километров туда и обратно, с утра и с обеда. Туда и обратно. Этого я теперь понять не могу. [Как это?] Ну так. Два кошки сюда наладует на коромысла и идёт бягом. [нрзб.] [Инф. 1:] Я як масла там, всё, тока з гэтого. [Инф. 2:] Продавали... потому что землю покупали. Продавали масло, сыр, молоко, сметана, яйца. Ягоды все те... <...> [Инф. 1:] И на базар носили. И так про... Базар был только по чытвергам, а так носили – коли як соберёшь, так и нясёшь... [Где был

четверговой базар?] Ну вот дзе и тяперь, вот там, там. Далёки... [Инф. 2:] Далёко там, на Физкультурной? [Инф. 1:] Ну, брукаванная вулиця была, камнями гэтым. <...> [Это только мама ваша ходила или батька тоже?] [Инф. 2:] На кони, на вяликий базар. [Инф. 1:] Еха... на больший базар в четверг на кони ехали. [Инф. 2:] Это ж всё... на кони уже. <...> [То есть батька ездил в Глубокое на коне?] [Инф. 1:] Зярно вёз. Зерно продавать мяшками, а мы кошками там яички якие. [Вы с мамой не ходили?] Ходила, всё время ходила. Носили, во, яички там, масло там, что там такое вот¹⁹.

Статус Глубокоего как торгового центра во многом связан с тем, что здесь проживали евреи, которые зачастую были заняты именно в торговле и с которыми связаны устойчивые представления об их особых способностях в этом деле²⁰ (см. также заметку «Евреи»).

Вот, дальше магазины у нас... у них были... ну почти вся торговля на процентов девяносто в городе была еврейская торговля²¹.

[Как относились к евреям местные горожане?] Я мы, христиане, жили сами собой, яны жили сами собой, как бы таких каких-то конфликтов-то же не было. [Какие контакты ведь были?] Ну, натурально, ходили магазин, амаль что ўсе магазины ж были еврейские. Натурально ж были так²².

Во-первых, евреи скупали и перепродавали продукцию у приезжающих в город крестьян, а затем продавали ее на рынке, поэтому у многих сложились особые отношения с некоторыми евреями²³.

[Инф. 1:] Вот это евреи закупляли... закупали. [Инф. 2:] Были постоянные евреи. [Эти продукты покупали евреи?] [Инф. 1:] Постоянные уже были покупатели даже. [То есть были даже постоянные точки сбыта?] Точки сбыта, да. [Инф. 2:] Да. Конкретно. [То есть по этим точкам и разносили?] Да, да, да. <...> [Были продукты, которые специально несли евреям, а какие-то просто так?] Всё евреям. [Инф. 1:] Ну такое было там. [Инф. 2:] Баба, расскажи уж как ў детстве: всё, гъть, всё это жидам, всё жидам – по-польски ж. Всё жидам²⁴.

Во-вторых, евреи содержали собственные магазины (лавки), где можно было купить всё необходимое.

[Евреи торговали на рынке?] Нет, евреи, евреи торговали в магазинах, у их было, были. Они все, вот эта Ленина вулица, сплошная была ўся в магазинах. <...> У них ла... эти магазины были, и яны торговали всяким, ўсё, ўсё, ўсё, что надо было²⁵.

Вот это, где евреи в большинстве жили, по Ленина улице, это звалась Виленская. Виленская улица. Виленская. Это центр города был. Виленская улица. [Вы говорите, они торговлей занимались?] Большинство – торговлей. Торговля, или торговля... [Чем торговали?] Магазины держали. [Продукты продавали?] И продукты, и материалы, всем чем, много было тут²⁶.

Третьей важной чертой евреев в отношении торговых дел было их добродушное отношение к нуждающимся, что в принципе соотносится с представлениями о евреях как об открытых и отзывчивых людях²⁷: если человек не мог в данный момент оплатить то, что ему нужно – евреи всегда *давали наперед*, то есть разрешали принести деньги за покупку тогда, когда человек сможет.

Но фактически, поскольку мама рассказывала, что з йими было дуже добро – коли чего что надо тябе купить, ти что – дак «чаго ты бядуешь, бяри, а будет час – отдаси», вот так вот можно было. Ну яны силь, в основном, торговали, в основном всё яны были, вот²⁸.

В локальном репертуаре глубочан распространены рассказы об отдельных еврейских персонажах, которые умели успешно торговать. Как правило, в этих рассказах присутствуют распространенные мотивы хитрости, находчивости и предприимчивости евреев. В качестве наглядных иллюстраций приведем несколько примеров – о продаже коровы, о торговце Шейнкере и мяснике Перкусе.

Вот Шенкель [Шейнкер], я вспомнила этого еврея. Где теперь у нас кинотеатр, вот этот дом Шенкеля, он и сейчас сохранился. Вот, и он был очень богатым евреем, ну, продавали там, например, подковы для лошадей. Ну, гвозди, лопаты. Ну, всякие металлические. И говорили, что, значить, вот в базарный день Шенкель носил деньги... Ну а деньги были тоже металлические в основном, польский злот был, такой вот, ну и гроши там. Так он носил, говорили, ведром²⁹.

[Инф. 1:] Ну вот что знали, Перкуса все знали. [Инф. 2:] Ну потому что он мясом торговал. [Смеется.] [Инф. 1:] Мясом торговал. Вот, старушка там в очереди стоит, говорит: «Ну что ты мне эту коску даёшь?» – «Да какая это коска, это сахарная кость». [Инф. 2:] Сахарная косточка называл. [Смеется.] [Инф. 1:] «Сахарная косточка – а ты “кость”»³⁰.

И евреи очень торговали в то время. И что... ведет мужик там с Ластович там, например, или с дру-

гой деревни, значит, это самое, корову на базар. Сказал ён: столько и столько. Значит – всё. Больше ему никто не даст на базаре. Вот интересно как. И как они договаривались – ни мобильных, ничего не было. Ну, на глаз вот так, наверное. И человек, бывало, за полцены приходилось продавать скот. [То есть евреи оценивали?] Оценивали, да. И они, имели... [То есть они покупали за цену более дешёвую, чем это стоило?] Да. Но у них был сбыт, а уже мужик – в другое место не мог, от его не брали. [То есть они перекупали?] Перекупали, перекупщики. [То есть они сами ничего не производили?] Не, они перекупщи... ну, может, и было, но в основном я слышал об этом, что перекупщики³¹.

Подземные ходы

Подземные ходы являются значимыми объектами в описаниях ландшафта Глубокого. Упоминания о подземных ходах связываются, прежде всего, с православным собором Рождества Пресвятой Богородицы, возведенным католическим орденом кармелитов на деньги Иосифа Корсака, а позже переданным в распоряжение православной церкви во второй половине XIX в. Вместе со второй значимой постройкой города – католической церковью Святой Троицы, расположенной прямо напротив, – башни собора Рождества Пресвятой Богородицы создают узнаваемый силуэт Глубокого. Предпосылкой для историй о подземном ходе, пролегающем под собором, нередко служат рассказы о глубоких подвалах собора, где в нынешнее время проводят экскурсии. Стоит также отметить, что предания с сюжетом о существовании подземных ходов образуют заметный элемент городского текста во многих локальных традициях³².

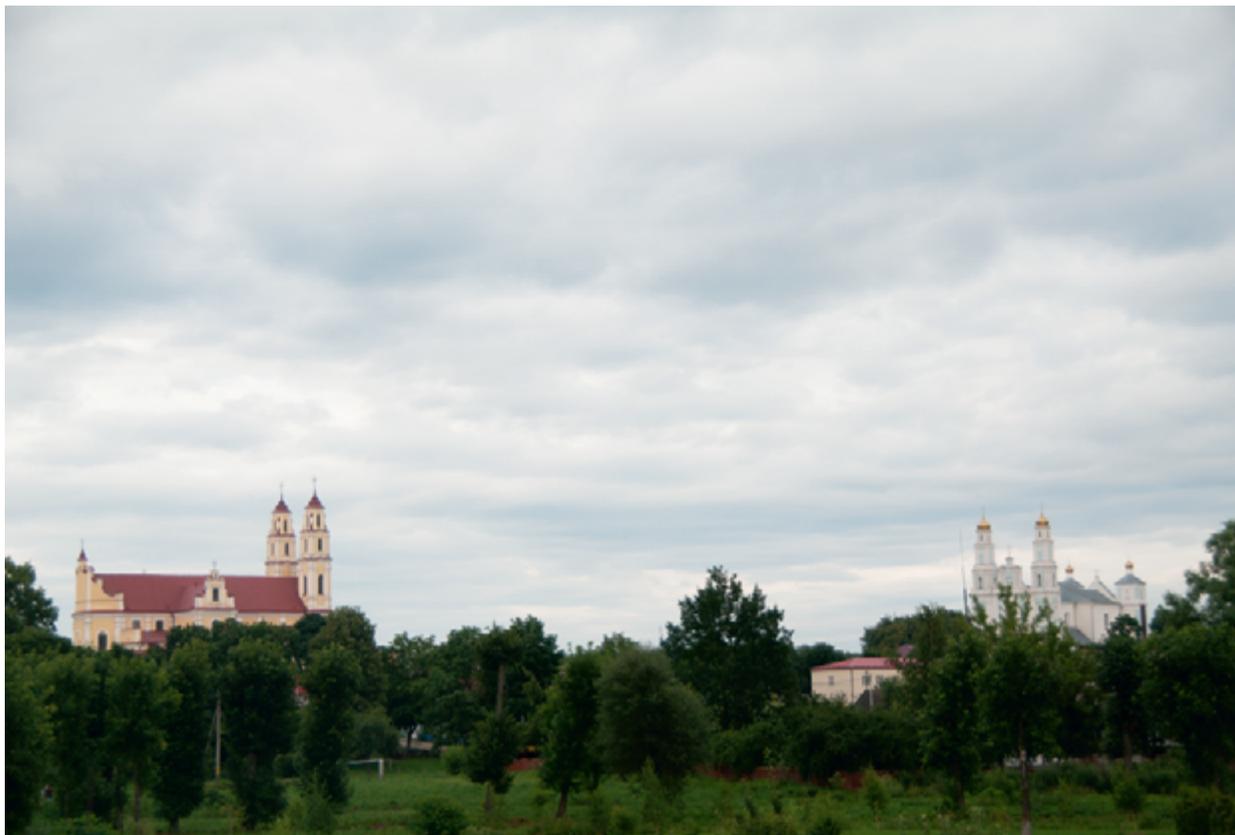
[Не слышали про какие-то туннели?] Значить, як кажуть гисторыки архітэктурны, нияким кляштарам непатрэбныя гэтыя самыя подземныя ходы, падземелья. Подземныя ходы, это як бы атрибут замкаў, крепостей, и тое, что, ну есть сведение, так сказать, важкае, важки аргумент, наконт таго, что кляштар кармелитов – это и ёсть перабудаваны замок Корсаков. Иосиф Корсак, який там стоить на аллее Славы... <...> И ён запусціў свой замок, які прыйшоў у упадок ён аддаў яго гэтым кармели-

там, якія яго убудаваў у свой кляштар. <...> Так вот к гэтаму к этому ўсе і схиляюцца, што гэтыя падземныя ходы – это и ёсть от того замка Корсаков, родового замка. Нибыта тады гэта ўсё лагічна и вялікія падвалы гэтыя³³.

У нас же тут под церковью тутока можа, аж за костёл тут ход ёсть тутока, и свет там проведен, потому что там склады. Склады там, иконы ёсть старинные, там, ну, всякое ёсть. И потому что я, можа, в прошлом году и перед Пасхой пригласили девчата там помочь убрать, дак были открыты подвалы. Я кажу: «Ай, не пойду, так эдак холодно». А там же так холодно, як всё равно холодильник який. Ну, по ступенькам спускаешся туды, там... ну и там... Стены там выложены давнешней ж кирпич был крепкий, не эдакий, як тяперь, вот як церква положена эта, кирпич красный. Там нигде рубиночки... и ина як шлифованная стена яна, так, так сделано. Интересно. Ну теперь свет тут проведен, потому что тут склады, а там тёмно, там тьма, там никто не был³⁴.

Относительно местонахождения второго конца подземного хода существует несколько версий: согласно первой версии, ход заканчивается на кладбище Коптевка, согласно второй – ход дотягивается до бывшего собора Петра и Павла в Березвечье, на территории которого сейчас находится тюрьма. Ещё одним значимым объектом, фигурирующим при описании траектории подземных ходов, является озеро – в нескольких случаях отмечается, что подземный ход проходил под одним из озёр, расположенных в черте города. Стоит отметить, что существование определенного круга текстов мистического характера, связанных со старинными и заметными архитектурными сооружениями города, является довольно типичным явлением для культурных традиций различных городов.

[На месте тюрьмы был какой-то замок?] Был женский монастырь. И был ход тут прорытый, или под этой дорогой, от Коптевки, от кладбища и шёл до церкви, от церкви до костёла, от костёла, говорят, вроде под озером, и аж туда, ход такой. Можно тяглой было проехать, говорят. А востров этот, говорят, что монахи копали, и этот

Церковь святой Троицы и собор Рождества Пресвятой Богородицы

такий ёсть остров среди озера, вроде бы яны туда носили зямлю. Ну никто не знает, где тут этот ход. И ён замурован со всех сторон. [По нему ходили монахи?] Да. Вроде говорят, вроде бы ён, или под дорогой идёть вот туда, до замка до этого, или под под... возером³⁵.

[Есть рассказы, что под городом есть какой-то подземный ход?] Есть. Это вот за кладбище, вот на Максима Горького что, я сам туды лазил, в подземный ход. [Это где Коптевка?] Да, Коптевка. [Оттуда от кладбища?] Оттуль снутри заходили, и там была разбита, дырка выбита была... [Это из каплицы?] Ага, с кладбища с каплицы и сюда на низ. А мы что, а мы пацаны тады ж ещё были. Жили тагда ещё на Максима Горького. Так там были... ну, пацаны, бригада была нас там. Дак мы скрутим махорки коряшков, тады же табак были и коряшки и, бывало, и самосад была... [Что такое

корешки?] Корешки – это махорка. И тады запалим и тады полезем туды. Вот, и сходим вниз туды. Идём ниже, ниже, ниже. А дальше потухнет – всё. Дальше не идём ужо. Назад ворочаемся. [Там были высокие потолки?] Ну... ходили. [В целый рост?] В целый рост ходили³⁶.

[Не слышали, что в Глубоком есть подземные ходы?] Обязательно. От нашей церкви... от нашей церкви, наша церковь, голубая такая, аж в Березвечскую ту церковь. [Подземный ход?] Подземный ход³⁷.

[Не слышали про подземный ход?] А, вот, про подземный ход, я, конечно, там не была, но говорили, что с этой во... это не церковь, а як ина называется... ну, церква – это як поменьше, а як это называется... вот такая вот, вторая... <...> Ну храм такой больший у нас, и, ну, из-под яго – ну, эдак го-

воруют, я не знаю, я не дзе не читала, ёсть через вот это озеро, что тут во, которое озеро у нас, с тый стороны, по дну, под дном, не по дну, а еще глубже, и вроде бы туды, там же раньше тоже церква была, теперь у нас тюрьма там³⁸.

Примечательно, что маркированность подземных ходов для городской среды нашла отражение в названии одного из озер города.

[Инф. 2:] Вот возле тюрьмы – Подлазное. Под которым был лаз, значить, под этим. [Под озером?] Да. Ход там был подземный... у этих. 3 монастыра. [Т.е озеро называлось Подлазное?] [Инф. 1:] Оно и теперь, токо оно с той стороны. Там получается как... [Чертит на песке схематическое расположение городских объектов.] Короче, вот это длинное, да, наше озеро, ну, Великое, да. Вот костёл стоит... Потому получается... ну, вот это Кагальное, да, вот речушка так идёт. Здесь у нас тюрьма эта, да. Ну, это ж монастырь был. И вот тут Подлазное. И вот они как-то вот тут соединяются. И сюда речка эта Берёзовка. То есть тюрьма стоит на таком шикарном месте – полуостров получается. [Инф. 2:] Вот они где-то тут... это Подлазное озеро, тут лес, ну, значить, было что... какой-то ход. [Инф. 1:] А где-то сюда... вот, наверное, эти соединялись, видно, вот это вот... церковь, костёл, и все вот остальные... под монастырём³⁹.

Среди местных жителей существует несколько историй о посещении подземных ходов, как правило, эти рассказы связаны с воспоминаниями о детстве или поре юности, когда кто-то из информантов или их знакомых был полон энтузиазма, чтобы залезть в подземные ходы. В некоторых случаях посещение подземных ходов сопряжено с атмосферой мистического и таинственного – так, один из братьев информантки после посещения подземного хода потерял рассудок, другая информантка столкнулась там со старыми захоронениями.

Ну и слушайте, брат уже Вяликие Луки кончил и у нас ещё был, там в дярвене, я ж з деревни родом вот тут за больницей Обруб. И тоже он был историк. Историк тот. И вы понимаете, они пошли в

тот подземный ход, фонари у них ж были такие, фонари, знаешь, на керосинке такие, и с фонарями пошли в той подземный ход. <...> И они говорят: дошли, можа, вот до половины, до половины они дороги, и там что-то стало трещать, и яны вернулись назад, их, може, четыре или пять человеки пошло. Ну, Ивану нашему ничего, ничего, а вот этот, Витя, он одурнел, як говорят. Понимаете, подействовало на психику яму. <...> Ён ничего плохого не делал, но уже от преподавания яго отстранили. Ну он же всё, хоть и был... ну уж больно, ён же и Пушкина наизусть, ён же всё наизусть читал, а если б вы знали, и большой был. <...> Ну, видите, на нервной почве⁴⁰.

[Рассказывали тут про какие-то подземные ходы?] Да, подземные ходы есть. Али щас не знаю, куда они тяперь идут. Я есчë ходила вот по этим... вот с нашей церкви идёт сразу вниз, и там похоронены, ну, под церковью, батюшки, там и монахи, по видимому, и всё. И я ходила, я, правда, училась з начальником этой, пожарной, дочкой, и ён пошёл, и взял меня и эту же... мы поскольку з йим были... туда, где даже мамка потом не знала, что мы пошли, что туда. И пошли з йими. И вы знаете что, ну там одёжа, там всё. И там похоронены, для всех [нрзб.] вот як для скота поделено это всё, было так вот, и похоронено. И вот мы пошли. И такой... Афанасьев Серёжа повёл нас: пошли-пошли. Свеча горела, там ещё двоих ещë, с пожарной, ешчо начальство такое шло. А мы же як, зато держались... Боже, открывает, вы знаете что... Свечка не тухла ещë, а там идут, идут под церковью дальше, говорили, что вроде ж или под озеро или куда ходили... то ли в Березвечье, но там уже когда начало, уже свечка тухнуть стала, тогда мы дальше не пошли. А когда он открыл гробик... Ой, аж тяперь страшно, вы знаете что. Открыл досочки и открыл дос... лежал человек... серый, вот, говорить, попел идёт. Лежал человек полностью... як воздух дошёл. Только косточки посыпались. [Рассыпались, да?] Вот это я своими глазами видела. [Т.е гробы были прямо в ходах?] Под... гробница там, под церковью, под церковью теперь. И пошло туда дальше. А потом уже начала свеча тухнуть, и дальше не пошли. [Когда вы ходили?] Ну... может, тридцать девятом, может... Да, в тридцать девятом⁴¹.

По приведенным текстам можно судить о том, что обсуждение находящихся в городе подземных ходов может встраиваться в разные контексты – существенно варьируются сообщения об их раз- мере, времени постройки и назначении. В заклю- чение приведем еще несколько текстов, в которых описываются различные мнения о функциональ- ном использовании подземных ходов и подва- лов – для хранения документов в годы войны, для уничтожения людей при немцах, для укрытия монашек, для хранения продукции консервного завода и даже в шуточном варианте – для хране- ния варенья местных учителей.

[Для чего был этот подземный ход?] А для чаго это? Ну, як война, ти что, там можно было и спрятаться, можно было много что, то тамака и вещи, тамака и полно оставалось этих документов, всё же было в церкви, в подвале, тамака всё, чтобы пооставались, скока кто родился. Палили – там не было ничёго. А гэтыя – у церкви всё оставались этыя, бумаги. [То есть документы там сохраняли?] До- кументы, да. Многие вот. [Не говорили, что там были захоронения?] Не, никого там не хоронили, там нельзя хоронить, там только ход и всё такое туда это не, туда не хоронили никогда. Никогда не хоронили. [Давно был вырыт этот ход?] Это давно, в начале, когда строили тый костёл и церковь, тог- да ж закладывали этот фундамент. Но нас не было на свете – мне так кажется. [Усмехается.] Вот, это делали с целью для того чтобы, моэт быть, война, ти что, и можно тамака и спрятаться, и что эти до- кументы якие оставить⁴².

Там прово... проводят экскурсии, и там освяще- ние есть на... подо всю церкву там подвал такой. Там и детей убивали, там и всё. [Кто убивал де- тей?] Ну было, было такое, при немцах, что ужас- ности робили там всякие. [Там была тюрьма или там просто убивали?] [Вздыхает.] Друг другу про- давали и, як говорится, и убивали там. Были там, когда чистили, были... як останки человеческие. Ну подвал этот оборудовали, проводят экскурсии, показывают⁴³.

[Зачем были подземные ходы?] [Инф. 1:] Ну там же в время войны прятались, да, я была там в этих катакомбах. [Кто прятался?] Ну там перяходили,

переход там. [Инф. 2:] Это монашки переходили, это самое, с одной там... [Зачем монашкам там ходить?] Ну они, это самое, в годы войны. <...> [Вы не слышали, зачем это нужно было?] [Инф. 1:] Ну это во время войны, ходы эти сделали. Что-то они там прятали, прятали. [Инф. 2:] Когда... когда войны были, там прятаться этим самым... верую- щим... не верующим, а монашкам там и... во, ве- рующим которые⁴⁴.

А потом одно время, мне тут одна женщина расска- зывала, что раньше у нас вот тут консервный завод был, там большой был подвал, под церковью, ну, это ж раньше на рялигию правительство так это... как гьтсь, не обращало внимания, и яны хранили про- дукцию от консервного завода там, з бочками там вот, это самое, ну, капусту, огурцы квасили, всё это под церковью было. Ну и там, ну и, можа, кто из лю- бопытства там полазил в подвале, нашли черяпков, ну штук может тридцать черяпы этыя... ну, людские, ну, без мяса ж... Кто их туда...⁴⁵

И, в общем, с озера проложен подземный ход аж сюды вот был до костёла. Но правда-неправда – не знаю. Но там [имеется в виду книга «В краю голубых озер»] написано. Вот с озера, у нас девки, вот, эта самое, я учился ў школе, значить, ну, я с пятидесятого года рождения, вот, и с озера, зна- чит, там быў, плебания звались, такая, ну, где ксёндз жиў там, и под костёлом было обход, ну... под костёлом был ход ў подвал. И вот такая Чэся была, Бальцарей, ну тяперь она ужо на пенсии давно. «Чэся зъела ўсё варенье, вот и всё стихот- воренье». Деўки нашли вот этот ход подземный, что лазили, украли варенье там, ну, и зъели, пред- ставляете? <...> [Варенье было в подвале?] Да, под костёлом было ў подвале варенье, ставили учите- ля. В общем, девки, вот так вот... вот плябания, во эта костёл. Вот у плябании, где жил ксёндз, был подземный ход в костёл, и там учителя жили, жили учителя, варили варенье. И ставили в этом подвале. И де там жили... и обнаружили этот ход, и украли варенье. «Чэся зъела всё варенье, вот и всё стихотворенье»⁴⁶.

Наполеон

Наполеон является значимой фигурой в репер- туаре рассказов местных жителей о собственном

городе. Поводом для этого служат сведения о краткосрочном пребывании Наполеона в Глубоком во время похода на Москву летом 1812 г., хотя в некоторых случаях звучат соображения о том, что французская армия проходила через город, наоборот, во время отступления:

[Не слышали, что Наполеон где-то проезжал?] Да, Наполеон был. Но я точно не знаю, где он останавливался, точно не могу сказать, но через Глубокое он шёл. Тут где-то, не знаю, где-то там за городом где-то есть большое захоронение их, я тоже толком не знаю, где это. [Французов?] Да, да. [Когда он здесь шел?] Ну, когда отступал⁴⁷.

Рассказы о Наполеоне связаны прежде всего с несколькими объектами в городе – колонной на кладбище Коптевка, собором Рождества Пресвятой Богородицы и бывшим костёлом Петра и Павла в Березвечье (раньше – православный монастырь), в стенах которого с 1960-х гг. находится исправительная колония № 13.

По общепринятой версии, мемориальная колонна на Коптевке была установлена в память о принятии конституции Речи Посполитой от 3 мая 1791 г., о чем свидетельствует современная памятная табличка, прикрепленная к колонне⁴⁸. Судя по сохранившимся памятникам на кладбище, здесь хоронили как католиков, так и православных, хотя последних значительно меньше. Отдельную часть кладбища занимают захоронения польских солдат, погибших в ходе военных действий в 1920–1921 гг.

Среди местных жителей эта мемориальная колонна нередко связывается с приездом Наполеона в Глубокое – иногда она даже прямо называется *Наполеонской башней*. Скорее всего, в данном случае имеет место широко представленная в белорусском и западнорусском фольклоре тема французов и Наполеона, когда дается отсылка к значимым (квази)историческим событиям⁴⁹.

[Что за колонна стоит на Коптевке?] Это памятник Наполеону. [Наполеону?] Да. [Почему здесь Наполеону памятник?] А ён ж тут быў. Тут и шведы были, тут кто хочешь в Белоруссии. [Это французы поставили или жители?] Мож, жители поставили или французы⁵⁰.

Колонна на Коптевке

[Не слышали, что где-то Екатерина проезжала?] Наполеон проезжал. [Наполеон проезжал?] Наполеон проезжал, и вот на кладбище построена эта, такая башня. Вот это Наполеонская башня. [Наполеонская башня?] Да. Это я знаю, и мамка моя дюже знает⁵¹.

Эта колонна является одним из узнаваемых объектов в городе, а ее дополнительная привлекательность, возможно, связана также с тем, что на вершине колонны уже долгое время гнездятся аисты:

[Что про эту Наполеонскую башню рассказывали?] Там буселки водятся, в этой башне. Буслы. [Они давно там?] Давно. Это и щас они выводят. Я помню: прилетает и прилетает, прилетает⁵².

У некоторых жителей Глубокого существует даже мнение о том, что колонна на Коптевке предназначена специально для аистинного гнезда, а символическим обозначением колонны и самого кладбища становится название *батяново гнездо*.

У нас стоит на кладбище, этот. [Кто стоит на кладбище?] Стоит для аиста это. [Это специально для аиста?] Да. [Она же вроде какая-то старая?] Конечно, старая, это ж ещё, як шёл этот, як яго, Наполеон. И тогда построили эту. Вот, от Наполеона она и осталася. [Зачем он ее построил?] А кто ж её знает, чего она стоит. Там же ёсть у нас и памятник старый, старинный от Наполеона. [Тоже на кладбище?] Всё по Максима Горького. Вот, и там это всё, батяново гнездо, да всё батяново гнездо. [Усмехается.] Да батя... а потом: «Где хоронили?» – «А, под батяновым гнездом». Вот⁵³.

Второй круг текстов, в которых задействована фигура Наполеона, связан с двумя соборами – Рождества Пресвятой Богородицы и бывшим костелом Петра и Павла в Березвечье. Согласно многочисленным мнениям, остановившемуся на несколько дней в Глубоком французскому полководцу предоставили для проживания один из двух соборов.

Ну, короче, там же храм стоял, Петропавловский собор ён назывался, красивейший собор. И Наполеон там во время, когда Наполеон был, так это уже там останавливался, в этом соборе. [Что там сейчас?] А теперь тюрьма⁵⁴.

[Инф. 1:] Ну, ён в монастыре. Или в храме был. [Инф. 2:] В монастыре жил он, говорят⁵⁵.

Устойчивым мотивом в этой группе текстов является упоминание о том, что Наполеону настолько понравился местный собор, что он выразил сожаление о том, что не может увезти его с собой.

[Не слышали, что Наполеон где-то проезжал?] Ну, единственное, что, вот, как в музее говорят, что останавливался он там, в монастыре, это где тюрьма эта была, и что про этот собор говорил: «Забрал бы с собой, увёз бы в Париж». [Какой собор?] Этот, святой Богородицы. Ну, церковь, церковь. [Которая голубая?] Ну, ну⁵⁶.

Наша церковь вроде была когда-то униатская. [Это теперешний собор?] Это собор. Машинально. Вот и говорят, что вот когда была война з Наполеоном, и ён здесь был, и ён сказал: «Глубокое – я бы только забрал храм этот». [Почему он так сказал?] Ну, может ён понравился⁵⁷.

Да, и сказал [Наполеон], что неплохо было бы перевести в Париж и поставить рядом с этим, Нотр-Дам де Пари⁵⁸.

[Слышали какие-нибудь истории про Наполеона?] Ён Наполеон когда был, ён быў у Березвечье, ў монастыри. Ён тут останавливался. И яму это Березвечье очень понравилось. Вот что⁵⁹.

В некоторых случаях мотивы первой и второй группы текстов могут так неразрывно соединяться в одном рассказе, что их невозможно развести:

[Есть какие-то места в центре города, которые как-то называют?] Ботяново гняздо, ну там же это, вон, на кладбище. Это ботяново, это в честь, вроде, Наполеона. Наполеон ж тут был. [Почему Ботяново гняздо в честь Наполеона?] Двенадцать там были, нешто, двенадцатый год, по-моему, вот. Наполеону очень наш собор понравился. Что ён бы желал бы перявести яго в Италию. [Смеется.]⁶⁰.

В одном из рассказов про французского полководца вместо обычно упоминаемой колонны фигурирует также находящаяся на Коптевке каплица святого Ильи, которую, согласно данной версии, Наполеон поставил в знак того, что при возвращении из Москвы в Глубоком будет устроена столица:

[Что такое Коптевка?] Это кладбище. На ей француз, когда наступал француз, он шёл через Глубокое. Ну и понравился ему монастырь этот, и он

хотел здесь столицу зробиць. И соорудил такую на кладбище, вот там, Максима Горького кладбище есть, от церкви як ехать на Полоцк. Это дорога Вильнюс – Смоленск и шла. Вот. [Что он сделал на кладбище?] А, такую каплицу поставил, что як будет назад возвращаться, будет столицу тут робиць. [То есть это было, когда он шел на Москву?] Як шёл на Москву, да⁶¹.

Отдельную и немногочисленную группу составляют тексты, в которых собственная биографическая или семейная линия в той или иной степени пересекается с фигурой Наполеона. Так, например, воспоминания о контакте далекого предка с Наполеоном могут передаваться из поколения в поколение внутри отдельной семьи.

Не, ну это действительно так, ну, Наполеон был, был... Что там было, так трудно сказать. Ну только я... например, наша бабушка говорила, что её родители говорили, что это были очень трудные времена, когда шёл Наполеон, потому что забирали у людей скот, забирали зерно, короче говоря... <...> Армию кормить, надо было кормить, и поэтому народ страдал здесь очень от этого⁶².

Между прочим, вот, ушли времена. Как говорится, лет двадцать. Я вот... мне одна женщина в Глубоком говорит: «Мой, там, дед видел Наполеона, и он поднимался по этим башням». Ну, вот, это вот как семейное предание, я вот могу поверить, что это так и было. Вот, значит, дед рассказал отцу, отец сыну, и в принципе на протяжении каких-то сто пятьдесят лет, в принципе это может быть. <...> Такое, да, можно было услышать было. Как бы... «О, Наполеон»... как-то это и какая-то гордость была для глубочан, но сейчас как бы это уже поколение ушло... <...> Ну, это как бы присутствовало ещё в этом самое, как сказать, живое, переходящее из поколения в поколение как бы вот, предание. Это даже можно было, даже можно было не читать с книги специальные исторические, а это как бы присутствовало вот в разговорах...⁶³

О пребывании Наполеона в Глубоком свидетельствуют не только воспоминания, сохранив-

шиеся внутри отдельных семей очевидцев, но и некоторые вещественные доказательства – согласно некоторым представлениям, в городе остались клады и ценные вещи со времен посещения французского полководца.

А наполеоновские вещи находили, прусские находили. [Что находили?] Вот пряжки находили ихняя, тады это от снаряда шарики находили. [Прямо в городе?] У городе находили. А тые ж пряжки, вот их где захоронение было, дак карьеры тут ж были этые горки, разрабатывали, копали, отвозили, кости гэтыя на дороги туды. Пряжки находили этые всё, кости находили. [Где находили кости?] Ну... ну там, там вот, где примерно, где... лясок, где какой, всё, горушка якая. Вот всё вот это⁶⁴.

[Какая есть известная легенда про подземные ходы?] Ну что здесь сокровища закопаны Наполеона. [Где?] Под озером, да. Ход идёт, один из... ну, здесь, где консервный завод сейчас, вот он, на месте консервного завода находились сажевки, а наверху стоял монастырь. [Что находилось?] Ну, как такие пруды. «Сажевки» – это белорусское название, да. Пруды для рыбы. И монахи выращивали рыбу. Ну, может быть, ход и был под озеро, но Наполеон останавливался здесь. [Наполеон где останавливался?] В самом монастыре. [В монастыре, да?] Да, да, вот где сейчас православная церковь, неделю жил, но это вы, наверное, слышали без меня. Это все знают⁶⁵.

Евреи

Поскольку евреи продолжительное время проживали на территории Глубокого и составляли значительную часть местного населения, в локальном репертуаре глубочан, затрагивающем городскую среду, непременно возникают упоминания евреев и еврейской культуры даже тогда, когда эти темы не были спровоцированы исследователем. Безусловно, обилие и разнообразие текстов о евреях, рассказанных нам информантами, не позволяет охватить весь собранный материал в рамках одной заметки, поэтому мы ограничимся лишь несколькими сюжетами.

По словам местных жителей, в довоенное время население Глубокого составляли преимуще-

ственно евреи – по сравнению с проживающими здесь белорусами и поляками численность евреев была выше в несколько раз. Многие из информантов отмечают, что почти весь город был занят еврейскими домами, особенно много евреев проживало в центре. Как правило, это было связано с тем, что евреи занимались торговлей, ремеслами, работали в больницах и административных центрах (см. также заметку «Торговый город»).

[Какие есть кладбища в Глубоком?] Еврейское есть. Вот, где базар, знаете, ну вы знаете, наверное, где базар, вот там к озеру, там яврэйское кладбище. [Теперь там не хоронят?] Ой, а теперь там их не хоронят. [Есть сейчас в Глубоком евреи?] Ой, вы знаете, можа, даже и нет. Очень много... [А раньше были?] При Польше здесь было двадцать процентов крестьян, а восемьдесят – евреев. Это был торговый центр, это на Вильнюс, Полоцк дорога шла. И торгаша ехали – это всё через Глубокое было. [Евреи были местные?] Да, местные. [Было какое-то место, где они жили?] Вы знаете что, они жили на всех улицах, вот по Московской стоить пара хаток еврейских, наверное, туда, под МКК [молочно-консервный комбинат]. Там такие старые-старые дома. Пара, наверное, есть ещё⁶⁶.

[Глубокое был еврейский город?] В основном евреи жили, да. [Даже больше их было?] Больше было евреев, чем... чем жителей православных, так поляки здесь. [Даже поляки здесь жили?] Ну поляки... ну, поляки – католики. Вероисповеданье – католики <...> [Много было евреев?] Много. [Они по всему городу жили или у них были свои улицы?] Нет, нет, они по всему... вот по нашей улице очень много евреев было. А там ж улица была и... Едковая называлась, там евреи были. [Едковая?] Ядковая. Улица эта, там магазины были все, лавки это все... [Съестные?] Ихняя, да, мясные⁶⁷.

[Говорят, здесь евреев много было?] Тут евреев было бо... больше, чем нас. [Правда?] Да. Шоб немец их не уничтожиў – нам места не было, крестьянину работы. Они все посты по... занимали. [Евреи на земле работали?] Это токо, як я знаю, ў нас ў городе, ў нашем городе токо тры работали на земле. А то все – киоски, магазины, тут же были магазины... ряд за... хата за хатой. Крыша

за крышей. [Прям?..] Да, так вплотную всё, так. [Так магазины стояли?] Магазины были у йих, в хатах были всё время магазины были. Всё сплошную, одним рядом в сплошную⁶⁸.

Довольно распространенными являются случаи, когда от упоминания евреев как группы информант переходит к рассказам о конкретных персонажах, с которыми у него связаны наиболее яркие воспоминания. Таким образом, восприятие евреев в целом складывается на основе опыта контакта с отдельными знакомыми личностями. В то же время имеет место и обратный процесс: традиционные устойчивые представления о евреях могут переноситься на отдельных знакомых информанту людей.

[Чем занимались евреи кроме магазинов?] Это поставляли железо – надо для плугов, для всяго, это всё йих было. Надо что тябе: сегодня нету – завтра приди – уже сё есть. Пожалуйста, бери. Во как. Ну дорогое было. Али было. Сказал, что должно быть – будет всё, заходи, бери. А нема денег – и что, и будешь иметь – отдаси. [Что?] А ежели нема денег, купить сейчас, будешь иметь – мне отдаси. То есть потом... Не то, что я тябе не дам – пожалуйста, бяри. У нас этот праздник, есть Паска, там Рождество идет, так – тут Женя, Женя Бэндик жил по нашей улице, по Максима Горького, <...> Сенкевича ина ж при Польше считалось. «И что – на моего батьку, – и что ты не заходишь?» – «А что я пойду, когда грошей нема? Что я пойду брать?» – «И что, те что надо – бери, хоть через полгода, али ты отдаси. Бери». Надо к празднику муки брать – матка пекла свои булки, всё полностью. Надо... он пойдёт, килограмм шестнадцать какой-нибудь муки, шо надо, селёдку, что там всё, всё браў. Он давал на павер и грошей не брал⁶⁹.

[Евреи были там, где вы жили?] Были. [Вы с ними общались?] Вот и теперяка я б з йими говорила, хорошие. Жили яны у нас. А их же бедных мучили всё время. Дед дружил з йими, явр... з явреями. [Ваш дед?] Мой дедушка. Очень дружил з йими хорошо. Вот, это самое, а яврэйи были хорошие. Дружны... вот мы идём ночью на Паску з бабушкой, яны нас позывают, мы у йих ночуем, чаю, сахару, сялёдочку яны положуть, ўсё, спать ў пя-

рину ляжем, всё дружно, хорошо. Вот яны были очень хорошие⁷⁰.

При описании мест проживания евреев, как правило, звучат упоминания о центре города и расположенных там улицах – Ленина, Энгельса (бывш. Друйская), Московская (бывш. Докшицкая, Варшавская, в период оккупации Берлинштрассе), Комсомольская, Ленина (бывш. Виленская) (на этих же улицах в 1941–1943 гг. располагалось гетто, подробнее см. ГЕТТО). В речи местных жителей многие из этих улиц оказываются в той или иной степени связаны с конкретными евреями или с отдельными эпизодами контактов с еврейской культурой.

[Были какие-то части в городе, где жили евреи или где жили цыгане?] Что-то я цыганов не помню. Евреи-то жили по улице нынче Московской. <...> Вот, и, значит, по Московской жили, потом жили... по Ленина и по той вот улице, не знаю, как она называется, шо на базар идти. Основное, в общем, центр был города был еврейский. [Сам центр был еврейский?] Да. И вот где гостиница, знаете, может быть, там была синагога за гостиницей, ближе к озеру⁷¹.

[Были какие-то улицы, где жили в основном евреи?] [Инф. 2:] Евреи жили – во, Ленина улица, вот тут во, это ихние дом такие, старые дома, тут снесено половина их. Вот, это все еврейские дома, вот там, где была старая библиотека, там... [Инф. 1:] Короче, начиная вот от Ленина и туда, это там... Ну даже из здесь ещё были эти вот... Вот на перулке там Долгицеры жили. Потом около больницы этой старой Цемас там. На Полевой там Пелкин жил. Где вот этот магазин, там этот, Перкус жил... <...> [Инф. 2:] И вот эти еврейские постройки – это всё старые дома. [Инф. 1:] Где, где площадь, там вот эти дома стояли, магазины там у них были и старая музыкальная школа тоже. <...> Была синагога вот это у них, с этой стороны, где, как вам сказать... Напротив аптеки вот который дом, двухэтажный, да, и потом вот... между гостиницей и вот этим домом стоит. Вот на этом месте синагога была когда-то. Я не помню, когда... помню, ещё по развалинам каким-то ползали там малямы⁷².

В отдельных нарративах можно проследить, как конкретные места в городе довольно четко ассоциируются с отдельными персоналиями – как правило, в этих случаях семейная или личная траектории пересекаются с траекторией евреев. В этих рассказах, основанных на личных воспоминаниях и переживаниях информантов, значительную роль играет эмоциональная составляющая – в качестве иллюстраций приведем рассказы, где воспоминания о Виленской улице и вообще посещении Глубоккого связываются с еврейкой Рохой, а Комсомольская улица – с Пелтиным Давыдом Соломоновичем и его семьей.

[Сколько здесь было евреев?] Очень много было. Вот эта Виленская улица, что называется, я не знаю, ти какая теперь яна... [Виленская?] Ага, Виленская называлася вулица. Там почти одни евреи жили. Явреев очень много было. Но боле торговлей, занимались торговлей. Они магазинчики держали, там тое-сёе, так вот. [У них была какая-то специализация, или они всё продавали?] Ну я не знаю, можа, может, там у кого что, я не... я просто не слых... як сказать, не знаю. Я помню, бывало, мама кажить: «Поможи занясти в Глубокое яйки, – это самое, – а то, – гъть, – мне тяжко». Ну дак мама два кошыка яиц и я, и двенадцать километров пяшком, и там такая была яврейка, Роха называли её. Ну это я тада её уже всегда, як только ёсть, это так тады яё... И она мне дала пять грошей. А тада деньги были это металлические. «Купи сябе мороженого». Я ж небольшая была. А мороженое возили на колясочках по улице... [А кто мороженое продавал? Тоже евреи?] Не, так уже, наверно, люди. Так вот на маленьких колясочках возили: «Лёды, лёды!» – «Купи сябе лёды». И я пришла и думаю: «Пять копеек... хочется ж морожено купить, али лучше карандаш?» Папа ругаеть мяне: «Что так часто списываешь карандаш? Заточи, заточи тябе». Взяла лучше карандаш купила. [Вместо мороженого?] Ага. [Смеется.]⁷³.

Ну у нас явреев, знаете, сколько было? Вот моя мамка, моя мамка была шестого года рождения, а папка – с одиннадцатого. <...> И моя мамка у явреев служила, а явреи у нас жили по Комсомольской улице, где у нас тяперь Комсомольская улица. Ну явреи были очень хорошие. И обувь

Перекресток ул. Ленина и ул. Московской

дадут, какую-либо, ну, хоть старенькую, но дадут, понимаете. Они одевали мою маму. Мама сказала: «Ежли б так, я б, можа, и не выжила». А они одевали. Одежку какую дадут, и курточку якую там шить. Хоть бедненько, но одевали. Но если ты хорошо служишь. И верно, надо верно. Они не любили лжи, они любили, чтобы честный был человек, потому что это ж дом доверяешь. Она детей у йих смотрела. И говорила: «Я, может, лет пять дятей смотрела». Надо детей и покормить, и доверяли даже ести варить дитям. Потому что ей ужо, говорила, ей ужо было, может, двенадцать, так, до пятнадцати годов ина служила, где-то вот так. <...> Вот, а потом ужо после войны, мама же, уже они поднялися, но мама все равно с явреяи имела связь, вот это, Пелтина Давыда Соломоновича, они уехали, в Израиль они уехали. <...> Но мама с Давыдом Соломоновичем, вот з мяскокомбината, это какие-то родственники они были,

мама у йих вроде бы она служила. И вот ён помнил, всегда ён спрашивал: «А где ж мама похоронена?» Кажу: «Вот, на автостанции». И ён ездил, Давид Соломонович до мамы на кладбище! [Начинает плакать.] Вы подумайте, как это! А наши ж – и не посмотрят на кладбище. А посмотрите, как они – приедут бог знаеть откуда, и вот около базара, посмотрите, какое кладбище. Оно ж красивое. Этому ж кладбищу, може, знаете, сколько лет. Мне уже будеть шестьдесят восемь, а ему уже полных девяносто годов этому кладбищу. А можа, и сто⁷⁴.

Среди рассказов о евреях отдельный набор текстов составляют истории о детях и первых контактах с евреями. С одной стороны, в этих текстах подчеркивается отсутствие любой разницы между детьми разных национальностей – все вместе играли и ходили в школу. В то же время в текстах,

в которых происходит контакт ребенка со взрослыми евреями, как правило, упоминается о хулиганстве и подшучивании над евреями.

Ядвига [тётя] была одинокая, она, вот, дружила, кстати, с еврейской семьёй по фамилии Файертаг. И ина, значить, ну, помогала по хозяйству. Вот, мальчик у них был, Додик, с которым я играла всё время. <...> [Родители не говорили, чтобы вы не дружили с евреем?] Наоборот, я с тётушкой ходила к ним. Она ж у них была там за домохозяйку. [Ваша тетя?] Моя тётя Ядвига. [Которая идишь знала?] Да. Она одинокая была. Семьи не было, вот она и помогала им. [Т.е. они могли оплачивать домохозяйку?] Ну я не знаю, сколько там они ей платили, не платили. Но как бы была такая дружба. Она меня возьмёт. Там з этим, мы з малым йих гуляем с этим Додиком. Она там что-то делает. [Как к вам относились родители Додика?] Нормально, нормальные были отношения, не было... Обычные человеческие отношения были⁷⁵.

[Вообще было много богатых евреев?] Много было. Очень много было. И я вот теперь позабыла все даже наши улицы, по Энгельса улицы там... было очень много евреев. Лекарь был... Леках, Леках. Врач. Тоже в Глубоком был. [Тоже еврей?] Еврей, да. [Леках звали?] Да, фамилия Леках. Врач очень хороший. [У них был свой закон?] А я не... знаете... может, как и религия, так может, у них свой закон, а так... ну... мы же общались, я и в школу ходила з евреечками. Я у йих, они ко мне ходили. Никакого не было. <...> У йих Песах, вот у йих эта маца. Она... по нашей улице выпекали эту там мацу. У нас Сроль такой... Ой, как же там, ой холера... [Задумывается.] Позабывала уже фамилии. [Они все собирались в одном доме и пекли мацу?] Ой, ну там может быть, оне пекли, а тогда налаже... нала... а мы ж, малые, под окнами смотрели, як... Воду брали, у нас колодцы... [Смеется.] Так мы сало кидали, чтоб йим туда... [Смеется.] Дети, дети. [А им уже нельзя с салом?] А им нельзя. Так чтоб в нашем колодце не брали, знаете, подшиванцы такие, уже были у нас мальчишки, ну вот... там: «Алка, иди там, Аля, возьми там у матки сала», – «А зачем?» – «Хлеба приняси». Оне тогда к колодцу как приедут за водой, а там видят хлеб и сало – не брали воду. [Смеется.] [За что их

так?] Ну такие вот дети, знаете вот, были малые. Ну вот, и мацу эту пякли – а мы под окнами глядели⁷⁶.

[Не помните, чтобы евреев дразнили?] А, вот, евреев – не знаю. Только единственное что о евреях, мне один человек рассказывал, я с ним работал. У них есть праздник весной какой-то, что нельзя ничего делать самим. И вот, и просить нельзя. И, говорит, много евреев было особенно по улице, вот, где райисполком нынче, это здание высокое, и по Московской – там жили. И, говорит, еврей выходит на... на дорожку и стоит возле своего дома. Пацаны бягут: надо свечку запалить или керосиновую лампу, что-нибудь. Он не имел права – неделю или сколько, я не знаю, не знаю точно сколько, он не имел права. И просить не имел. Пацан забегает и яму запаливает это самое. И ён даёт ему сколько-то – золотый. Злоты были. Он золотый в карман – фух! – [задул огонь] и побег дальше! [Смеется.] Он не имел права тоже его наказывать, мог бы за воротник схватить и... А второй идёт, тоже пацан – видишь, как хитро пацаны? [Смеется.] Ага, тоже знает. Он стоит, он заходит тоже – и этот так же само! И их штук пять-шесть. Вот уже последний идёт – он зажигает и уже не гасит свечку. [Смеется.]⁷⁷.

Стоит также упомянуть о том, что значимость еврейской культуры для локальной среды Глубокого отмечена в одном из городских топонимов – одно из пяти озер, находящихся в городе, носит название Кагальное.

[Откуда название города Глубокое?] Знают точно... Так вот Глубокое озеро – вон то. И по названию озера – называется город Глубокое. [Почему озеро назвали Глубокое?] Ну потому что оно глубокое. <...> А название именно по названию озера. А в народе это озеро называли не Глубокое, а Кагальное. Почему – потому что было население, было ещё, кроме белорусов, еврейское. И еврейский кагал, и они брали его в аренду и ловили там рыбу. [Что такое кагал?] А кагал – это, вот, йих общество еврейское. Такое... взаимопомощь там, и всё. Вот, и ловили там рыбу. И рыбу эту продавали на базаре. И в народе называли уже не Глубокое озеро, с Кагального озера – откуда⁷⁸.

[Как озера называются?] [Инф. 1:] Ну, Кагальное, гэто – Вяликое. Кагал – хто яго знае, можа, тут яврэй что. Кагал – Кагальное. <...> [Кагал означает что-то по-еврейски?] Кагалом, можа, можа ж что-то обстраивали... хто яго знае. [Т.е. что такое кагал?] Кагал – это... некая, что говорят, сово... совокупность. [Инф. 2:] Это... это если слово перявести – общество. Общее. Кагалом, говорят, кагалом народу пошло. Ну или группой. Ну это вот так перяводится⁷⁹.

Гетто

С еврейским населением Глубокого тесным образом оказываются связаны воспоминания местных жителей о гетто, которое существовало в городе с 1941 по 1943 гг. (см. также заметку ЕВРЕИ). Создание гетто началось стремительно, сразу же с приходом немецких войск в Глубокое, из-за чего евреям пришлось скорострительно покинуть свои дома.

Когда пришли [немцы. – Н.С.], значит, сразу сделали гетто. [Сразу?] Сразу. Первым делом⁸⁰.

А шо йим сопротивляться, их як пришёл немец, это... ўсех согнали – гетта звали, проволокой, столбы большие поставляли, проволокой колючей обгородили – гетта звались⁸¹.

Их всех выгнали, из домов выгоняли. Да, да, их там... их разбомбили потом. А так, дома остались пустые, хто клуночек який-то взял с собой, якие драгоценности, там что-то дятёнка якого и всё, и – выметайся – во, посадили в гетту⁸².

По описаниям информантов, территория гетто была огорожена деревянными досками с колючей проволокой и занимала центральные улицы города – Белостокскую, Полевую, Красноармейскую, Московскую (бывш. Докшицкая, Варшавская, в период оккупации Берлинштрассе), Чкалова (бывш. Легионовая), Энгельса (бывш. Друйская), Ленина (бывш. Виленская), Кирова (бывш. Дворная), Горького (бывш. Сенкевича, в период оккупации Фридрихштрассе).

Гетта была чуть ли не полгорода. От этой самой, вот где Белостокская улица, где теперь Хитрушка,

Памятник жертвам Холокоста на ул. Чкалова

и аж, аж туды ў конец Виленской, и это обгорожено, такими высокими-высокими досками⁸³.

А гетто было, як вам сказать, как тяперь часть Полевой улицы и Энгельса улица, и Красноармейской. Там было несколько выселено всех людей, и там было гетто отгорожено, и держали их, евреев⁸⁴.

Вот эти улицы, что на Московской, потом сюда Кирова улица. Ленина улица. Так, как на базар идти, все обгородили таким высоченным забором из жёлтых досок. Свежих⁸⁵.

Первоначальное положение евреев в гетто было сопряжено с постоянным требованием со стороны немцев в получении золота, что было обусловлено представлением о зажиточности евреев (см. также заметку «Торговый город»), в противном случае им грозил расстрел.

Тады [немец] стаў яко же, стал доить. А яврэи никогда не брали до бума... бумажка – это фук [дует] – ина сторела. Они брали золото. Что сде... купляеш у мяне – золотом плати. Золотом, а без золота... И ёнто доил, доил. Вот сказал рабину, ну, священнику: стоко зьярётэ золота мне – вядро – будете жить, так – будем расстреливать. Ну, рабин скажеть – золото собирают. Золото раз. Выдоиў все их золото, выдоиў. <...> Ну а тады уж всё, нема что им доить – ну, тады ўсе, ў машину и ў Борок [место уничтожения и погребения евреев Глубокого]⁸⁶.

С восприятием евреев как обладателей огромного богатства связаны также воспоминания жителей Глубокого о том, как после уничтожения гетто на этой территории долгое время находили клады в виде золота, материалов, посуды.

Вот где гетто ихние было, где яны были за всё поселе... поселивши было, после этого... строилися наши, белорусы, и очень понаходили много и золота, вот и там, драгоценностей. [Это еврейское?] Еврейское поостававшия. На ихнем попелище⁸⁷.

[Не слышали, что в еврейских домах находили клады?] Слышала, чаму же не слышала. [Это в Глубоком?] Да, в Глыбоким. Город разбомби... спаили, разбомбили, а як стали будоваться, де-то там копать, и находили банки з золотом. [Банки с золотом?] Ну слоики литровые. [Евреи так хорошо жили?] Евреи богатый народ был. [Почему?] А я ж не знаю чаму⁸⁸.

Безусловной проблемой для еврейского населения стал запрет на самостоятельное передвижение за территорией гетто – выход за его пределы был возможен только при следовании на работы.

Немцы йих гоняли на работы. Не знаю, что яны там делали, мужчины, женщины. По чятвёры стоя... вставляли так и так шеренгами, колонки такие, гнали на работы. Рано и вечером пригоняли⁸⁹.

В городе евреи опознавались по нашитой на одежде звезде и наложенным на них ограничениям при перемещении по улицам.

Идешь по городе... навстречу идуть знакомые, ты идешь по асфальте, а ён где идзе... Звезда на гру-

дах, звязда, на плечах. [Они ходили по городу?] Ну тоже, куды на работы идуть вот. Па... наверна, с краю ишли, по улице так⁹⁰.

Основной трудностью для загнанных на территорию гетто евреев была постоянная нехватка пропитания. Несмотря на угрозу смерти некоторые местные жители пытались помочь узникам гетто – передавали евреям продукты и необходимые вещи⁹¹ или выменивали их на золото.

Впёрли их сюды и всё, и яны тут голодовали, коли кто дак ён не боится, подойдет, это что-нибудь подышет, дак яны тады золото давали. Кольца бывали, часы. [То есть люди приносили еду, а евреи им давали золото?] Ну, а этия давали часы и кольца, того, эдакого, монеты – не знаю, а кольца и, может быть, серёжки, вот, это золотое – это яны давали, чтоб кто не боится. А каб попал немец, дак это б в гетту разом и жидам и расстрелял бы⁹².

[Были случаи, когда белорусы помогали евреям, давали еду?] Да какой там, если не допускал полицай... Да давали, подносили там, то знакомые, то... Другий раз увидят какие-нибудь, может, что и такое, материал имели, ти что ли, зменяли. То картошка надо, то хлеба⁹³.

Об одном из контактов с узниками гетто связан пронзительный рассказ информантки, когда за пучок перышек зеленого лука ей перекинули из-за забора детское платье:

Тётя у мене жила по Гагарина, и я приду и кажу: «Тётя...» А тада, знаете, что, это после войны ни было ни тряпочки ни какой негде купить, ни обуви, ничего. А молодой же хочется что-нибудь надеться. На голое тело наденешь який свитерок и всё, а там ничего... Дак ина кажеть: «Иди в огород, нарви зелёного луку, звязи этый кулёчек, мы перя... через доски в гетту перекинем этим яврем, а яны нам нешто дадут – ти платок, ти який-нибудь шарфик, ти что-нибудь перякинут». Ну дак я уже эдак луку нарвала, а тётя нешто несла уже картошки, нешто ещё там кинула им. И яны мне перекинули платице, вот яно некое детское, али ж такое хорошее, что я форсила дак всю... всю

молодость в йим, в этом платье. Эдак перякинули за этый зелёный... пёрышки за этыя⁹⁴.

Среди воспоминаний о непосредственной помощи евреям встречаются рассказы о том, как местные жители способствовали побегу с территории гетто, принимали в свои семьи еврейских детей, пытались спрятать знакомых евреев у себя дома⁹⁵. Один из частных случаев спасения евреев связан с местным ксендзом, который запретил немцам убивать молодую еврейку:

Ну дак вот одна явреечка так, ну молодая, и ляте-ла, и за ей лятели, убить хотели. (Ну ужо ксёндз той умер.) А ина подлятела и ксяндзу да рук. А ксёндз тады сказал, ксёндз говорит, мол, по-яврейску, и сказал: «Як хочите робите з ей, но каб у меня на глазах ничёго не було, чтоб я ничёго не видел». Ну и оставили эту жишовочку, и эта жишовочка вырастила, выгодавалася, и як, и эдак спасибовала ксяндзу, что ён яе спас. [Он ее в костеле спас?] Ну ён, ён на вулице, ина бегала, ён перенял, ну а тады по-нямецку стал говорить, каб яны яе не убивали, что не надо. Ну яны даровали як ксёндз⁹⁶.

В одном из рассказов о попытке спасения узника гетто встречается мнение о том, почему над евреями совершались жестокие расправы – по словам одного из информантов, причина этого в греховном преступлении евреев против Христа, вину за которое необходимо было принять со смирением и в единстве со всем еврейским народом⁹⁷.

[Не было случаев, когда местные помогали евреям?] Евреям – ну, перядавали, перядавали, всё знакомым там через забор, конечно. [Не прятали их?] Ну... я говорю, батька был, завёвши этого самого, Шохмана этого, и Шохман побыл няделю там и вярнулся туда в гетту. [Почему?] Ска[зал]: «Что людям, то и нам. Мы от Бога это заслужили...» И всё и так на следующий... через няделю их. [Что значит «заслужили от Бога»?] Ну дак что... яны ж распинали Иисуса Христа. [Но это же когда было.] Вот, ну дак яны это... грех этот, значить, яны считают, что сделали грех. Грешники. [И поэтому?..] Да, поэтому, да. Вот⁹⁸.

Этот мотив покорного принятия своей судьбы и полнейшего подчинения чужой воле звучит также в рассказе о раввине, который призывал еврейское население к отказу от сопротивления⁹⁹.

И ён [раввин. – *Н.С.*] сказаў, ён сказаў: «Нам так надо, пришло время, нам надо, так погибать надо такой судьбой». Всё, они ему и поверили. Да. [Сопротивляться не надо?] Не, и ёны не сопротивлялись. «Нам так надо». Всё. [Почему так?] Ну не знаю. Это яны... яму... ён священник. Ён сказал, як надо, яны все застались жа: «Всё, это так пришло время наше такое»¹⁰⁰.

В современном Глубоком находится несколько памятных мест, посвященных погибшим евреям: памятник на еврейском кладбище, мемориальный сквер на улице Чкалова (бывш. Легионовая), мемориал в д. Борок. В дни памяти узников гетто в город приезжают родственники и знакомые погибших.

[Часто сюда приезжают евреи?] Ну они приедуть девятнадцатого августа¹⁰¹ обязательно. Это в этом году сколько лет будет. Ну приезжают, всё время приезжают. Приезжает раввин, из Вильнюса раввин приезжает, у нас, наверное, раввина нет, приезжает раввин, и они обязательно, тут они молятся на кладбище. Да, и митинг, и посол даже приезжал, из... израильский. Ну, может быть, консул, я не знаю, но кто-то был...¹⁰²

Евреи приезжают, вот, двадцать четвёртого числа¹⁰³, двадцать четвертого августа. Раньше с Ленинграда приезжали, а сейчас я не знаю, з Германии должен при... с Израйля приезжают сюда на это кладбище, и они тут уже, просто такой митинг вроде бывает, приезжает райисполкома и их встречают, ну и пара человек, ну там, с райисполкома, выделяют, и их водют на это кладбище, они тут молятся, тут уже и торжественные мероприятия проходят, есть еврейский вот тут памятник специально¹⁰⁴.

Примечания

- ¹ Зап. от муж. 1931 г.р. Соб. Н. Антонова, А. Кирзюк.
- ² Имеется в виду, что в день интервью рынок не работал.
- ³ Зап. от муж. 1955 г.р. Соб. Е. Чернякова, А. Головина.
- ⁴ Зап. от жен. 1942 (?) г.р. Соб. А. Кирзюк, А. Скопина.
- ⁵ Зап. от жен. 1942 г.р. Соб. Р. Зенюк.
- ⁶ Зап. от жен. 1942 (?) г.р. Соб. А. Кирзюк, А. Скопина.
- ⁷ Зап. от муж. 1931 г.р. Соб. Н. Антонова, А. Кирзюк.
- ⁸ Зап. от жен. 1922 г.р. [Инф. 1] и от жен. 1926 г.р. [Инф. 2]. Соб. О. Чёха, Е. Чернякова.
- ⁹ Зап. от муж. 1955 г.р. Соб. Е. Чернякова, А. Головина.
- ¹⁰ Зап. от жен. 1928 г.р. Соб. Н. Савина, В. Кухтина.
- ¹¹ Зап. от жен. 1927 г.р. [Инф. 1] и от жен. прибл. 1950-х г.р. [Инф. 2]. Соб. Р. Зенюк.
- ¹² Зап. от жен. 1928 г.р. Соб. Н. Савина, В. Кухтина.
- ¹³ Зап. от муж. 1930 г.р. Соб. А.Б. Мороз, О.В. Белова.
- ¹⁴ Ср. статью о месте под названием Биржа в Могилёве-Подольском [Алексеевский, Жердева и др. 2008а, 198–201].
- ¹⁵ Зап. от жен. прибл. 1960-х г.р. Соб. Р. Зенюк.
- ¹⁶ Распространенное название заведений на территории советского пространства, подробнее см. [Бадин, Савицкий 2008].
- ¹⁷ Зап. от муж. 1943 г.р. Соб. А. Кирзюк, Н. Антонова.
- ¹⁸ Зап. от жен. 1946 г.р. Соб. Н. Савина, В. Кухтина.
- ¹⁹ Зап. от жен. 1927 г.р. [Инф. 1] и от жен. прибл. 1960-х г.р. [Инф. 2]. Соб. Р. Зенюк.
- ²⁰ Представления о неоспоримом богатстве евреев – одни из самых распространенных; они, в свою очередь, накладываются на общее представление о кладах как о принадлежащих нечистой силе. См. например [Белова 2013, 69; Мороз 2015, 42].
- ²¹ Зап. от жен. 1922 г.р. Соб. О. Чёха, Е. Чернякова.
- ²² Зап. от муж. 1955 г.р. Соб. Е. Чернякова, А. Головина.
- ²³ Рассказы о традиционном занятии евреев торговлей и перекупкой продукции у крестьян являются довольно распространенными. См., например [Терешина 2013; Мороз 2015, 46–47; Слюжинкас 2015, 118–121].
- ²⁴ Зап. от жен. 1927 г.р. [Инф. 1] и от жен. прибл. 1950-х г.р. [Инф. 2]. Соб. Р. Зенюк.
- ²⁵ Зап. от муж. 1931 г.р. Соб. Н. Антонова, А. Кирзюк.
- ²⁶ Зап. от жен. 1927 г.р. Соб. О. Чёха, А. Кирзюк, А. Скопина.
- ²⁷ См., например [Алексеевский 2013, 23; Белова 2013, 66; Мороз 2015, 49; Слюжинкас 2015, 115–116].
- ²⁸ Зап. от жен. 1942 г.р. Соб. Р. Зенюк.
- ²⁹ Зап. от жен. 1922 г.р. Соб. О. Чёха, Е. Чернякова.
- ³⁰ Зап. от муж. 1953 г.р. [Инф. 1] и от муж. 1957 г.р. [Инф. 2]. Соб. Н. Савина, В. Кухтина.
- ³¹ Зап. от муж. 1943 г.р. Соб. А. Кирзюк, Н. Антонова.
- ³² См., например [Абашев 2003; Каргополье 2009, 62–69; Громов 2015].
- ³³ Зап. от муж. 1955 г.р. Соб. Е. Чернякова, А. Головина.
- ³⁴ Зап. от жен. 1946 г.р. Соб. Н. Савина, В. Кухтина.
- ³⁵ Зап. от муж. прибл. 1950 г.р. Соб. Н. Савина, В. Кухтина.
- ³⁶ Зап. от муж. 1931 г.р. Соб. Н. Антонова, А. Кирзюк.
- ³⁷ Зап. от жен. 1946 г.р. Соб. Н. Савина, В. Кухтина.
- ³⁸ Зап. от жен. 1946 г.р. Соб. Н. Савина, В. Кухтина.
- ³⁹ Зап. от муж. 1953 г.р. [Инф. 1] и от муж. 1957 г.р. [Инф. 2]. Соб. Н. Савина, В. Кухтина.
- ⁴⁰ Зап. от жен. 1946 г.р. Соб. Н. Савина, В. Кухтина.
- ⁴¹ Зап. от жен. 1933 г.р. Соб. Р. Зенюк, О. Чёха, Н. Антонова.
- ⁴² Зап. от жен. неизв. г.р. Соб. А. Скопина.
- ⁴³ Зап. от жен. 1927 г.р. Соб. О. Чёха, А. Кирзюк, А. Скопина.
- ⁴⁴ Зап. от жен. 1957 г.р. [Инф. 1] и муж. 1948 г.р. [Инф. 2]. Соб. Е. Чернякова, А. Скопина.
- ⁴⁵ Зап. от жен. 1946 г.р. Соб. Н. Савина, В. Кухтина.
- ⁴⁶ Зап. от муж. 1961 г.р. Соб. Н. Савина, В. Кухтина.
- ⁴⁷ Зап. от жен. 1936 г.р. Соб. О. Чёха.
- ⁴⁸ Стоит отметить, что достоверных сведений о том, в честь чего была установлена колонна, нет. Предположение о том, что это знак в честь принятия конституции 1791 г., было высказано историком Оттоном Гедеманом в очерке «Глубокое» 1935 г. Среди других версий происхождения колонны – место гибели одного из братьев на дуэли из-за девушки или памятный знак в честь победы в войне 1812 г. См. [Альшевская, Янцевич 2012, 70–71].
- ⁴⁹ См., например [Дучыц, Клімковіч 2011; Лобач 2014].
- ⁵⁰ Зап. от муж. 1931 г.р. Соб. А. Кирзюк, Н. Антонова.
- ⁵¹ Зап. от жен. 1933 г.р. Соб. Р. Зенюк, О. Чёха, Н. Антонова.
- ⁵² Зап. от жен. 1933 г.р. Соб. Р. Зенюк, О. Чёха, Н. Антонова.
- ⁵³ Зап. от жен. 1930 г.р. Соб. Н. Антонова.
- ⁵⁴ Зап. от жен. 1942 (?) г.р. Соб. А. Кирзюк, А. Скопина.
- ⁵⁵ Зап. от жен. 1922 г.р. [Инф. 1] и от жен. 1926 г.р. [Инф. 2]. Соб. О. Чёха, Е. Чернякова.
- ⁵⁶ Зап. от муж. 1953 г.р. Соб. Н. Савина, В. Кухтина.
- ⁵⁷ Зап. от жен. 1932 г.р. Соб. М. Коженевская, Р. Зенюк.

- ⁵⁸ Зап. от жен. 1926 г.р. Соб. О. Чёха, Е. Чернякова.
- ⁵⁹ Зап. от муж. 1931 г.р. Соб. Н. Антонова, А. Кирзюк.
- ⁶⁰ Зап. от жен. 1936 г.р. Соб. О. Чёха.
- ⁶¹ Зап. от муж. пригл. 1950 г.р. Соб. Н. Савина, В. Кухтина.
- ⁶² Зап. от жен. 1922 г.р. Соб. О. Чёха, Е. Чернякова.
- ⁶³ Зап. от муж. 1955 г.р. Соб. Е. Чернякова, А. Головина.
- ⁶⁴ Зап. от муж. 1931 г.р. Соб. А. Кирзюк, Н. Антонова.
- ⁶⁵ Зап. от муж. 1955 г.р. Соб. Е. Чернякова, А. Головина.
- ⁶⁶ Зап. от жен. 1932 г.р. Соб. М. Коженевская, Р. Зенюк.
- ⁶⁷ Зап. от жен. 1930 г.р. Соб. Н. Антонова.
- ⁶⁸ Зап. от муж. 1930 г.р. Соб. А.Б. Мороз, О.В. Белова.
- ⁶⁹ Зап. от муж. 1930 г.р. Соб. А.Б. Мороз, О.В. Белова.
- ⁷⁰ Зап. от жен. 1930 г.р. Соб. М. Коженевская, А. Головина.
- ⁷¹ Зап. от жен. 1937 г.р. Соб. Н. Антонова, Р. Зенюк.
- ⁷² Зап. от муж. 1953 г.р. [Инф. 1] и от муж. 1957 г.р. [Инф. 2]. Соб. Н. Савина, В. Кухтина.
- ⁷³ Зап. от жен. 1927 г.р. Соб. Р. Зенюк.
- ⁷⁴ Зап. от жен. 1946 г.р. Соб. Н. Савина, В. Кухтина.
- ⁷⁵ Зап. от жен. 1937 г.р. Соб. Н. Антонова, Р. Зенюк.
- ⁷⁶ Зап. от жен. 1930 г.р. Соб. Н. Антонова.
- ⁷⁷ Зап. от муж. 1943 г.р. Соб. А. Кирзюк, Н. Антонова.
- ⁷⁸ Зап. от жен. 1926 г.р. Соб. О. Чёха, Е. Чернякова.
- ⁷⁹ Зап. от жен. 1936 г.р. [Инф. 1] и муж. 1934 г.р. [Инф. 2]. Соб. О. Чёха.
- ⁸⁰ Зап. от жен. 1937 г.р. Соб. Н. Антонова, Р. Зенюк.
- ⁸¹ Зап. от жен. 1933 г.р. Соб. А. Кирзюк, Н. Антонова.
- ⁸² Зап. от жен. 1949 г.р. Соб. А. Скопина, Е. Чернякова.
- ⁸³ Зап. от жен. 1927 г.р. Соб. Р. Зенюк.
- ⁸⁴ Зап. от жен. 1927 г.р. Соб. О. Чёха, А. Кирзюк, А. Скопина.
- ⁸⁵ Зап. от жен. 1937 г.р. Соб. Н. Антонова, Р. Зенюк.
- ⁸⁶ Зап. от муж. 1930 г.р. Соб. А.Б. Мороз, О.В. Белова.
- ⁸⁷ Зап. от муж. 1938 г.р. Соб. Н. Савина, В. Кухтина.
- ⁸⁸ Зап. от жен. 1933 г.р. Соб. А. Кирзюк, Н. Антонова.
- ⁸⁹ Зап. от жен. 1927 г.р. Соб. Р. Зенюк.
- ⁹⁰ Зап. от жен. 1926 г.р. Соб. М. Коженевская, И. Соркина, М. Крутиков.
- ⁹¹ См. также рассказы о помощи узникам гетто из Биржая [Вятчина 2015, 175].
- ⁹² Зап. от жен. 1933 г.р. Соб. А. Кирзюк, Н. Антонова.
- ⁹³ Зап. от жен. 1926 г.р. Соб. М. Коженевская, И. Соркина, М. Крутиков.
- ⁹⁴ Зап. от жен. 1927 г.р. Соб. Р. Зенюк.
- ⁹⁵ См. также рассказы о спасенных евреях из Биржая [Вятчина 2015, 179–181; Слюжинскас 2015, 125–126].
- ⁹⁶ Зап. от жен. 1933 г.р. Соб. А. Кирзюк, Н. Антонова.
- ⁹⁷ Ср. также другие упоминания о предначертанной судьбе евреев, навешанных народно-религиозной традицией [Белова 2013, 74; Мороз 2015, 47–48].
- ⁹⁸ Соб. от жен. 1936 г.р. Соб. О. Чёха.
- ⁹⁹ Подобные стереотипы о покорности евреев, зачастую спровоцированные указаниями раввинов, уже не раз отмечались исследователями, см., например [Белова 2013, 74; Вятчина 2015, 173–183].
- ¹⁰⁰ Зап. от муж. 1930 г.р. Соб. А.Б. Мороз, О.В. Белова.
- ¹⁰¹ 19 августа 1943 г. произошло жестокое подавление восстания в гетто – вся территория вместе с находящимися на ней людьми была сожжена. В результате этой операции погибло около 5000 евреев.
- ¹⁰² Зап. от жен. 1946 г.р. Соб. Е. Чернякова, А. Головина.
- ¹⁰³ Мероприятия в память о погибших в гетто могут проходить в разные дни во второй половине августа – как правило, каждый год при выборе даты проведения памятных мероприятий стараются учитывать, когда смогут приехать из-за границы родственники погибших. Я благодарна Маргарите Коженевской за эту информацию.
- ¹⁰⁴ Зап. от жен. 1923 г.р. Соб. Н. Савина, В. Кухтина.

Литература

- Абашев 2003 – *Абашев В.В.* Пермская башня смерти: история и легенда // Города региона: культурно-символическое наследие как гуманитарный ресурс будущего. Саратов, 2003. С. 157–164.
- Алексеевский 2013 – *Алексеевский М.* «Еврейский характер» в этнокультурных стереотипах жителей Латгалии // Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии. Материалы экспедиций 2011–2012 годов / Отв. ред. С. Амосова. М., 2013. С. 19–35.
- Алексеевский, Жердева и др. 2008а – *Алексеевский М.Д., Жердева А.М., Лурье М.Л., Сенькина А.А.* Материалы к «Словарю локального текста Могилева-Подольского» // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 419–442.
- Алексеевский, Жердева и др. 2008б – *Алексеевский М.Д., Жердева А.М., Лурье М.Л., Сенькина А.А.* Словарь локального текста как метод описания городской культурной традиции (на примере Могилева-Подольского) // Штетл, XXI век: Полевые исследования / Сост. В. Дымшиц, А. Львов, А. Соколова. СПб., 2008. С. 186–218.

- Альшевская, Янцевич 2012 – *Альшевская Е.П., Янцевич И.В.* Гордость Глуботчины: архитектурные памятники и знаменитые люди: технологическая карта экскурсии [Электронный ресурс] // Министерство спорта и туризма республики Беларусь, национальное агентство по туризму. Глубокое, 2012. Режим доступа: <http://belarustourism.by/upload/iblock/584/5842c461ab315bd72269c9a52c25b7cd.pdf>.
- Ахметова 2008 – *Ахметова М.В.* «Русское» и его символы в «локальном тексте» города Муром // Геополитика и русские диаспоры в Балтийском регионе: Сб. науч. тр.: В 2 ч. Ч.1: Гуманитарные аспекты проблемы: русские глазами русских / Под общ. ред. А.П. Клемешева. Калининград, 2008. С. 59–74.
- Ахметова 2009 – *Ахметова М.В.* «Русскость» как топос «локального текста»: случай Мурома // Вестник РГГУ. Сер. «Филологические науки. Литературоведение и фольклористика». 2009. № 9. С. 207–215.
- Бадин, Савицкий 2008 – *Бадин Ж., Савицкий Р.* «Ви-дел, друзья, я Дунай голубой...»: «Голубой Дунай» в топонимике советского города // *Krogs Eiropas kultūras telpā*. Daugavpils, 2008. С. 238–250.
- Белова 2013 – *Белова О.В.* Портрет этнического соседа: евреи глазами славян (по фольклорно-этнографическим материалам с Гродненщины) // Желудок: память о еврейском местечке / Отв. ред. И. Копченова. М., 2013. С. 63–81.
- Вятчина 2015 – *Вятчина М.* Холокост в воспоминаниях жителей Биржай // Евреи на карте Литвы: Биржай. Проблемы сохранения еврейского наследия и исторической памяти / Отв. ред. И. Копченова. М., 2015. С. 173–183.
- Громов 2015 – *Громов Д.В.* Легенды Галичского озера // Живая старина. 2015. № 3. С. 17–20.
- Дучыц, Клімковіч 2011 – *Дучыц А., Клімковіч І.* Сакральная геаграфія Беларусі. Мінск, 2011.
- Каргополье 2009 – Каргополье: фольклорный путеводитель (предания, легенды, рассказы, песни и присловья) / Сост. М.Д. Алексеевский, В.А. Комарова, Е.А. Литвин, А.Б. Мороз, Н.В. Петров; под общ. ред. А.Б. Мороза. М., 2009.
- Куприянов 2013 – *Куприянов П.С.* Нырбский узник: исторический персонаж как «гений места» // Фольклор XXI века: герои нашего времени. М., 2013. С. 39–54.
- Куприянов, Половов 2010 – *Куприянов П.С., Половов П.С.* Заметки об историческом пространстве современного села // Сборник статей в честь М.П. Чередниковой. М., 2010. С. 98–111.
- Лобач 2014 – *Лобач В.А.* *Волаты и асілкі* в легендах и преданиях Витебщины // Живая старина. 2014. № 3. С. 24–28.
- Лурье 2008 – *Лурье М.Л.* Локальный текст города и его словарное описание // Штетл, XXI век: Полевые исследования / Сост. В. Дымшиц, А. Львов, А. Соколова. СПб., 2008. С. 186–196.
- Мороз 2015 – *Мороз А.Б.* Еврейский Лепель глазами сельских жителей // Лепель: память о еврейском местечке / Отв. ред. С. Амосова. М., 2015. С. 46–47.
- Слюжинскас 2015 – *Слюжинскас Р.* Исторические воспоминания литовцев о евреях в окрестностях Биржай (1920–1940 гг.) // Евреи на карте Литвы: Биржай. Проблемы сохранения еврейского наследия и исторической памяти / Отв. ред. И. Копченова. М., 2015. С. 111–126.
- Терешина 2013 – *Терешина Д.* «Многие евреи... они все занимались торговлей»: воспоминания о еврейских лавках и бродячих торговцах довоенной Латгалии // Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии. Материалы экспедиций 2011–2012 годов / Отв. ред. С. Амосова. М., 2013. С. 36–77.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ-БРФФИ «Адаптивные механизмы культуры русско-белорусского пограничья: судьба народной традиции в меняющемся мире», проект № 15-24-01004.

Ольга Белова

Быт и повседневность в рассказах жителей Глубокого

Фольклорно-этнографическая традиция Глубокского района уникальна благодаря его исторически пограничному статусу (государственные границы проходили через этот регион со времен Великого княжества Литовского; в межвоенный период (1921–1939 гг.) здесь же проходила граница между Польшей и СССР). Данное обстоятельство обусловило, с одной стороны, богатую этнокультурную мозаику (в частности, еврейская культурно-религиозная традиция сохранялась на территории района вплоть до Второй мировой войны), а с другой – характерное для пограничных регионов смешение разных региональных элементов. В настоящее время еврейская составляющая ушла из традиции Глубокого и его окрестностей, и только память старожилов представляет единственный бесценный источник сведений о когда-то процветавшем еврейском местечке.

Благодаря рассказам местных жителей нам удалось прикоснуться к прошлому многонационального Глубокого, услышать его голоса и наглядно представить повседневную жизнь города, в котором ежедневно – на работе, на рынке и в магазинах, в часы досуга, в будни и праздники

взаимодействовали белорусы, поляки, евреи, татары...¹

Рассказы наших собеседников полны точных этнографических деталей, но в то же время содержат элементы мифологизации, характерные для описания элементов «чужой» культуры, увиденной сквозь призму традиционных верований и стереотипов. К этническим и конфессиональным соседям в традиционной культуре сформировалось особое отношение, сочетающее мифологические стереотипы с опытом непосредственного соседства², что и отразилось в рассказах жителей Глубокого.

Почему Глубокое?

Во время подготовки к экспедиции, собирая материал о Глубоком, мы обнаружили в Архиве Центра изучения белорусской культуры, языка и литературы (Национальная Академия наук Республики Беларусь, Минск) запись предания о происхождении названия города. Согласно этому преданию, город получил свое имя благодаря

Екатерине II, которая путешествовала в этих местах².

Аднажды Кацярына II захацела свет паглядзець і выправілася ў дарогу. Прыказала сваім слугам закласці фаетон. Заклалі слугі фаетон, прыходзяць і прысталі з распросамі к матушке: «А куда ж пані путь дзержыць?» І адвячаіць ім Кацярына: «Да вот, хачу з'ездзіць у Віцебскую губерню, казалі, там дужа прыгожыя мяста». Ну, на Віцебшчыну, дык на Віцебшчыну. Сказана – сдзелана. Села матушка ў сваю карэту і едзіць. Перад ёй усё ляса да і ляса мялькаюць, азёра. Сначала царыца ехала і любавалася, а тут трасца тваей матары, як зашаталася, затраслася карэта, што аж не стрывала Кацярына і спрашываець у свайго кучэра: «Халімон, што тут такое? Чаго так трасець? Дзе мы едзім?» І атвячаіць ей Халімон: «А едзім мы, матушка, па глыбокіх ямах, крэпкаш здзесь дарогі плахія». Кацярына зноў спрашваець: «А як гэта меснасць называецца?» – «А без названня яна, матушка», – талкуіць кучэр. «Так, няхай жа яна называецца Глыбокае», – прамолвіла матушка. А тым месцам, гдзе ехала Кацярына, пастроілі горад Глыбокае³.

И поэтому чаще всего первым вопросом, который мы задавали нашим собеседникам, был вопрос о происхождении названия города. Выяснилось, что версия с участием «путешествующей императрицы» довольно широко известна, хотя некоторые рассказчики относятся к ней скептически.

Може, якая тут ехала, это самое царыца, ци хто тут некто ехал, загразла. Тут грази было много. И оны ка: «Такая глубина!» И с того времени стало назваться Глубокое. Вот это вроде бы так⁵.

А Глубокое называется из-за того... Царица ехала на коне, и конь провалился. «Во, – каже, – глыбокае». И пошло: Глубокое, Глубокое. [Это была просто царица?] Да. Ну ц... ну какая... говорили, что царица проезжала и ця... и ейная увалилилася...⁶

Екатерина Вторая ехала мимо, её карета застряла в лужине. В Глубокой. Еле-еле вытолкали эту ка-

рету. И она махнула рукой: «А! Глубокая яма!» С тех времён пошло название Глубокое. Но это «левая» легенда, Екатерины тут никогда не было. Значит, я ещё помню, мне 65, да, помню то Глубокое, которое – дорога шла из этого самого, с Докшиц в Глубокое. То есть со стороны Минска. Она была усажена – вот такие огромные берёзы росли. Аллея такая до Докшиц. Справа-слева огромные берёзы, аллея почти до центра Глубокого, не до центра – до железной дороги точно доходила, это я помню. Такие огромные берёзы, и все почему-то говорили, что это Екатерина посадила. Но я смотрел продолжительность жизни берёзы – не подходит, что Екатерина могла посадить⁷.

«Еврейское» Глубокое: профессионалы и специалисты

Основной целью нашей экспедиции была реконструкция этнокультурного портрета многонационального и многоконфессионального города, поэтому темы соседства, сотрудничества, взаимоотношений, контактов и конфликтов, границ «своего» культурного пространства в соприкосновении с «чужим» стала основной в большинстве записанных интервью. Наши собеседники (белорусы, поляки, татары) особо подчеркивали еврейскую доминанту в городском пространстве⁸, свидетельствуя о том, что городская повседневность во многом определялась контактами с еврейским населением (этнонимы, обозначающие соседей, также становятся объектом народной этимологии).

[О еврейх:] Йих фамилия Юда. Юдейская эта вера. Юда – это такое произошло у йих, цар был, в Иордании, так? Июда. Июдейская вера считается. «Жид» на польском считалось – «житель Иорданской долины». А «яўрэи» уже у нас звали – яўрыт [т.е. иврит] знаешь, яўрэй⁹.

Во-первых, это очень умные люди – евреи. У йих среднечков нет, у йих или полностью дурак, или очень... они все умные очень. Все образованные, все грамотные и очень сильно держали экономи-

ку Белоруссии! Это ж они подняли экономику! И лес возили, и рыбу в Европу. С Европой торговали. Не наши ж деревенские, мужичьё это! Они ж и масло продавали, у них же ж и коровы, наверно, были¹⁰.

С профессиональной деятельностью евреев связано в местных рассказах одно из городских озер – Кагальное, якобы купленное еврейской общиной для обеспечения рыбой.

В Глубоком, коля... большинство возле озера Кагальное, это ж йихнэе было озеро. Вот это озеро – это еврейское было. За то ж оно и называется Кагальное. [А почему еврейское?] Еврэй купили¹¹. Вот, а купили, ну, это у ёих было як – своя такое, ну... як сказать... обшэство йихнэе. Назывался *кигил*. Ну и от этого слова озеро Кагальное. Вот, это йихнэе было. <...> [Зачем евреи купили озеро?] Ну, рыбу. Для рыбы. А сами ж они не ловили, тут впрод был один, ён ловил, але ловили хто хотели и продавали йим. Были тут такие, что занимались этим только что... рыбацтвом. Ловили рыбу и носили по домах продавали¹².

Жизненный уклад города определяли еврейские специалисты разных профессий¹³, а основной чертой облика городских улиц становились еврейские магазины. Благополучие евреев, обусловленное родом их деятельности, нередко становилось предметом зависти (иногда и детской).

Ну, жили дружно. [Ваш дом стоял среди еврейских?] Нас тут было пять домоў. Вот сюда, в эту улицу, было пять домоў христианских, а вообще кругом были еўрэй. Ну, я не знаю, я не сказала б, что они были... можно сказать что... Але это тоже зависело от... к ним относились. Потому что были ж такие, что... и обижали их. Но польская власть ня дуже шановала. [А чем они занимались?] Торговлей! По дерэўнях ездили, рэзьё собирали... ну, трапё. Собирали. Скупляли гусей и индюкоў, отправляли на Германию, всё... яны торовлей. Ну, были и мастеравыя. Были и портныя, шапки делали, шапочники были, сапожники. Но трудом тяжёлым не занимались. [Животину не держали, землю не пахали?] Было несколько сямей, по де-

Янина Мечиславовна Ботяновская

ревнях они жили, у них там была земля... мало, мало, считанные были. [Они на земле работали или в аренду отдавали, чтобы им кто-то обрабатывал?] Которые отдавали, а которые были такие, что и сами трудились, но это были считанные. А тут этые только вот так жили. <...>

И у них же в основном же были магазины. И были целый рад – с одной стороны и с другой – еврейские магазины, целая улица. [А где?] Это вот тут вот, яе нет теперь. Это были только одни магазины, их ў сороковом году разобрали все. Вот тут вот напротив Дома Правительства были гэтыя магазины¹⁴.

Яўрэй в городе ўси были. <...> Збереть там смятаны, собеть масла – жиды что купляли, яички купляли, жиды ели хорошо. А мы – как выпадеть. А всё ж

Алина Ивановна Чешун

надо продать, чтоб купить. Надо хомут купить – коня ўпрагчи, надо повозку, надо ж всё было...¹⁵

[Ваши соседи евреи были? Как вы общались?] Вы знаете, очень хорошо. Евреи очень хорошие. У меня был такой одноклассник, вернее, не одноклассник, а одноклассник – Биёминко... И его мама бегаёт, кормит: «Ай, Биёминко, открой рот!» А мы ж – нам бы гэтого дали. А я так вот бутылочку молока возьму да пойду сяду к йим – у йих крыльцо было – и сяду там, и тоже пью своё молоко. А думаю: хоть бы и мне такое, як этому Биёминку!¹⁶

По свидетельствам местных жителей, еврей-торговцы соблюдали корпоративную солидарность и не бросали в беде коллегу, оказавшегося в трудном положении. «Горячий боб», продавае-

мый на рынке, служил своеобразным сигналом бедствия, и евреи сразу приходили на помощь своему соплеменнику.

А там магазинов было больше, чем теперь. Один к одному! И всё магазины. У йих было такое поверие: вот проторговался ён, допустим. Купляеть пуд бобу, кричит: «Гэйся, бобок, гэйся, бобок!» И о стакану – пятьдесят копеек стакан – продаёт. И яму дают такие гроши, что пуд бобу продать (это шестнадцать килограмм – пуд), и ён куплял новый магазин. Во какие дружные были люди! [А что он кричал? Что это значит?] «Горячий боб» – «гэйся бобок». Купить, сварить и продать. Если ён... у йих такое поверие было, если ён в тяжёлом положении, ему надо уже помогать¹⁷.

Основное занятие евреев – торговля – логически предполагало наличие у них значительных богатств (золота и денег, измеряемых ведрами и литровыми банками). Подтверждением этому служили «клады», находимые уже в послевоенное время при сносе или перестройке старых еврейских домов¹⁸. При этом в рассказах присутствует мотив наказания за несправедливо присвоенное богатство.

И я еше думаю, что вот где теперь этый... тут по Ленина этот дом, я думаю, что тут тоже под йим... если б поискали дóбро, нашли [смеется]. Это был межрайонный магазин жалеза. Там всё металлическое продавалось. И это межрайонный магазин был. [Тоже евреи держали?] Еврэй. У яго, ён жиў где-то, а може там, где ён жиў, там, може, это было у яго. Там это може и было. Идет с магазина, уже закрытый магазин, и нясеть ведро, а то и два денег. А деньги были при Польше металлические, бумажек я и ня помню. А металлические были. По пять, по десять злотых, по сто злотых были – металлические, серебряные монеты были. Ну, мелочь, конечно, не серебряная была. А злот серебряный тоже был¹⁹.

Самое было у Глубоким! Вы не чули, вы не знаете, в Глубоким сколько гэто... Як копанули, вот тут, де рэсторан, а тут стояла йихная... дом, в который возили лён сдавали, сено туда... Дак вот, батька говорил мой, кажеь, золото оставляют на низу,

золото, а серебро вёдрами носят на второй этаж! Там двухэтажный был дом, долго стоял тамака. И вот як яго разбирали, поломали, и этот трактор як копал, и раскопал это золото. И рабяты там хватали етыя пятёрки. <...> И вот гэто золото, и человек (это ж мы жили в дярэвне, а ён возил крупу продавал сечку), и ён много золота набраў, ну, як там яму удалось, и поехал куда-то, хотел вроде, взял документы и поехал. Тады было строго за золото. И поехал ён ўставяць зубы. Яго арэстовали и посадили. Вот так. Нельзя было золото [брать]²⁰.

Благодаря тесному соседству нашим собеседникам оказались известны некоторые особенности деятельности еврейских профессионалов. Так, глубочанский резник поделился своим «секретом» с соседом-белорусом:

И тут такие... Ну, мы дружили с этой семьёй особенно. Мы им помогали, як и дети ў них уже были, так ён, етых, куплял овец. И делал, етые... кошеры. Ну, ето у их же мясо для их было отдельное. Заднюю часть им нельзя было есть. Только перэднюю. И там какие-то якие, ну, кровеносные сосуды, в общэм, там надо было повырэзать, это кошер ихний назывался. Так ён: «А! Соблюдаю я ето! Порэжу, порэжу и добро сжируть!» [Смеется.] [Это он только на свою семью так мясо резал?] Нет, ён [нрзб.] мэжу етыми... [Это его профессия была резать?] Ён такой... такие заработки яго были. [Как такого человека называли, который резал евреям?] Нияк его не называли. [«Резник» не говорили?] Нет. [Это он у себя дома делал?] В доме. В доме делает. [А курей он тоже резал или был другой человек?] Нет, курэй у их у бани... ну вот, теперь уже, по-моему, этого здания вообщшэ нет, вот вытрезвитель <...> А, вот рядом с гостиницей, сюда к этому ручайку, ну, гостиница знаете ж где?²¹

Были свои «профессионалы» и в еврейской бане:

Вниз, Московская улица и гостиница. Вот, и там было... их была баня. Баня гэта была общшая, там могли все мыться. Но часть – это была еврейская. И там сядел вот етый мужчина, который резал етых курэй. И жэнщина сидела, которая подбывала жэншшин. Вот, ето у их особенность.

Это было уже часть – вот сразу тут от входа, это было ихняя часть, а ў другой двери, там уже можно было идти всем. Баня гэта была каждый день. [А когда это было? После войны уже?] Это было ещё пры Николаю построенная, и было вот пока новую не построили. Ну тогда уже, конечно, не было еврейской там якой, была вся общшая баня. [А потом там вытрезвитель был?] Вытрезвитель в этой бане. Когда построили баню городскую, был вытрезвитель там, а потом яго ликвидировали, теперь его, мусить, вообщшэ уничтожили. И всё гаворать, что етые... архитектурные дрэвности, чаму яго было уничтожать? Это ж такое дрэвнее здание! Сколько таких зданий уничтожили... И за чем?²²

О знаменитом обувном закройщике, работавшем быстро (а быстрота как бы является отличительной чертой евреев) было рассказано в несколько неожиданном контексте:

[Не слышали, чтобы воробьев называли *жидками* или *жидами*?] Ну, може, и слышала трошки. Ягы скачут, як жидки. <...> Потому что жидки, жидок – они тоже такие быстрые: такие вот знаете «ого!» – жидок. Евреи раньше было – ого! Ти вот этот Яша. Он сапожником... шил сапоги, закройщик был знаменитый – КБО [комбинат бытового обслуживания] ж раньше было. <...> А ён такой быстренький, вот и они тоже²³.

Помнят о еврейских школах в Глубоком – был хедер, и была знаменитая «школа Раяка». При этом в рассказах о «еврейских школах» образ учебного заведения часто затмевается образом молельного дома, и «школой» (по аналогии с еврейской традицией) именуется синагога («А у нас много школ было, где сам равин был – большая такая школа»).

У их же еврейки ў школу гэту не ходили, только сами евреи. Просто по закону йим нельзя было. <...> А у нас много школ было, где сам равин был – большая такая школа. <...> Там был назывался школьный двор, и мы тады чераз этот двор ходили, там была государственная баня. <...> Яны ж в субботу баню не топили <...> в пятницу молились. Вот идёшь – каждый сам сабе молится громко,

Анна Константиновна Коллонтай

правда говорить, что «шуму, як у жидоўскай школе». Там яны каждый сам сабе молится²⁴.

[А школа, которая рядом была, ее тоже уничтожили? Еврейская школа?] Школа была. Вот етый сквер, на той стороне. Была еврейская школа. Там учились евреи, только евреи. Учителя у их свои были, и рабин приходил ихний, священник. Это было здание, оно христианина, они нанимали это здание. [Это тот дом, где папа молитвы слышал?] Нет, это был частный дом, я ж вам говорю, что он там – половина сапожники там, ето, были, а в другой половине, чэрэз коридор, была ета... Ну, дом-пятистенка. И там етыя дети Богу молились. Ну, там малыя. Это назывался *хейдер*. [То есть хейдер отдельно, а школа отдельно?] А школа, это было – называлась «школа Райка». Директор этой школы был Райк фамилия. [А там уже и мальчики, и девочки учились?] И мальчики... ну, в основном мальчики учились²⁵.

В польской школе учились дети разных национальностей, и там они осваивали первый опыт этноконфессионального соседства.

У нас же пры Польше было в школе было три религии. В каждую среду в Плисе приходил ксёндз, приходил батюшка и приходил рабин. Евреи с класса – в классе учились все вместе – а когда уже в среду пришли священники, значит, делили. Право-

славные идут в один класс, евреи в другой, католики – в третий. <...> Ну, вот поглядеть – у нас дисциплина была. Надо было спокойно сидеть, слушать, молиться, как скажут. А у евреев в классе не сидели, по классу ходили. А нам интересно. Я в ключевую дырочку смотрела. Любопытство детское. Ну, и смотрю, что они безразлично – и туды, и тудой ходят, и нечто говорят. А в нашем классе спокойно. [А рабин?] Он тоже нечто там говорил. [А девушки с парнями были отдельно?] Все вместе²⁶.

Я не знаю, в обшэй... в школах очень мало евреев было. Вот я училась, в моём классе было две евреечки и два еврея – мальчики. Чатыри только. [А вы в польской школе учились?] Ну, я начинала учиться в польской школе ещчэ. А где яны учились, яны все неграмотные были, не знаю... [усмехається]. Ну тут же яны не могли в етой, домик был небольшой етый. Ну, учились в две или в три смены, учились.

[В польской школе были уроки закона Божьего?] Были. [А евреи в это время что делали?] А их... яны домой уходили. Учились же, были же католики и православные. И татары ж были у етом классе. Так вот, татары и евреи уходили. А православные и католики – параллельные классы – у одним католики, у другим православные. И приходили – к нам приходила монашка, а к иим приходил дьякон. А этих отпускали. И всегда ж перад

началом занятий – молитва. Все вставали и молились и они вставали, но оны не молились. Стояли руки опустивши, стояли и всё. [Просто слушали, да?] Вот, два еврея и две евреечки были. И два татарыны, и татарочка²⁷.

Благодаря постоянному общению с еврейскими специалистами глубокские белорусы владели еврейским языком, что вообще характерно для славянского населения бывших местечек. И у нынешних жителей Глубокого есть свои представления о еврейском языке – о том, на котором говорили их соседи и который был понятен многим неевреям (язык *иудиш*), и о том, на котором говорят сегодня евреи в Израиле и который непонятен выходцам из Глубокого (*габрэйский язык*)²⁸.

[А на каком языке они между собой разговаривали?] Между собой они разговаривали по-еврейски. [А когда папу пригласили в суд?] Они тогда говорили по-тутэйшему. [А папа не говорил по-еврейски?] Папа мой говорыл, яго и не отличишь от яўрэя! Он пять лет у яўрэя учился сапожному делу. А там так он даже и молитвы йихные... Ну, ён понимал, что... Потому что, ён йих не понимал, потому что етыя молитвы были на габрэйском языке, не на еврейском, не на иврите. А чераз коридор это была йихная школа, где учили дятей Богу молиться. И ён етыя все молитвы... [На слух выучил?] На слух! Мы в детстве, я помню, просили: «Таточка, помолися ты по-жидовску!» [Смеется.] Ну просто интересно было. [И он мог сказать слова?] Ну, сколько скажет етых слоў... [Не помните, каких?] Не, ня помню. [Получается молились они на одном языке, а разговаривали на другом?] Они учились на габрэйском и на габрэйском молились, а это «иудиш» язык. Они тоже евреи вот в Палестине, у йих тоже там разведёно. Это одна сторона, это другие, вот. [Разведёно что – молитва и разговор?] Молитва – у йих всё было одно. А вот разговор и вообще вот даже еты габрэи недолюбливають. [Кого?] Етых, еврееў. Габрэи, ето там корэнные, местные, оны там всё врэмя живут. И теперь вот когда перэзжають отсюда ети, от нас, и яны там совсем у другим месте селятся. [И язык у них разный, не понимают они друг друга?] Даже почти что не понимают. Потому что вот тут одна семья еврейў и две девочки. А я говору, а чаму вы девочек не учите своему языку? А яны гаворать:

«А мы собираемся в Израиль, а там, гаворать, совсем другой язык. И тогда, гаворать, им будет тяжело пераучиваться». [На что похож язык «иудиш»?] Ну, они сами собой понимают, а габрэи ети слабо их понимают. Этот «юдиш» был более к немецкому. [Немцы евреев понимали? Евреи понимали немецев?] Яны понимали, а немцы же с ними не разговаривали. Согнали в гетто и...²⁹

Еврейский дом

Контакты продолжались и в домашнем пространстве. Из расспросов о еврейском жилище удалось узнать некоторые любопытные моменты – наши собеседники помнят детали интерьера (например, мезузы на косяках дверей или комнаты-«секреты»³⁰), однако, рассказывая о них, явно мифологизируют «чужое» пространство (упоминание о маце «в виде звезды», украшающей «кут», т.е. красный угол; «темная комната», предназначенная для молитвы хозяина дома).

[А в домах у них всё так же устроено?] Такие ж самые дома. Только у йих у каждом доме б́ыла тёмная комнатка. Без окон. Маленькая такая комнатка без окон. Это у каждом доме. [А для чего?] И на дверях, вот входные двери, у них там что-то было такое, ну, углубление, и там какая-то бумажка, и жестью забито. И яны когда заходил в дом и целовал это. [Как целовал?] Ну, эту жестяночку эту. [Прямо к ней губами?] Да, губами целовал. Он же бумажку эту не достанет. [А на бумажке что написано?] А хто их знает! Не показывали. [А темная комната эта зачем?] Ну, это тоже якое-то... праздник, это, по-моему, на Пасху, когда им, это, мацу ели. Там тоже молились. Это в каждом доме эта была тёмная комната. Маленькая. Там два-три человека могли быть. [И кто-то туда на Пасху один входил молиться?] Ну, хозяин³¹.

[А вы не ходили в еврейский дом?] Всегда была. [И как он выглядел?] Таки як и наш. <...> [В наших домах иконы. У них же точно не могло быть икон? А что у них было?] Один раз я заходила к ним, дак н́а кути висела вот такая вот в виде звязды маца. Давал ра́бин. [А когда он давал это?] На Пасху. И этот кусочек яны вешали в угол³².

Обыкновенный дом. Только у йих в углу на ўшакáх какие-то делали отверстия и что-то там... молились. Еврей одевал свою такую полосатую рызу свою, и всё стоял и молился всё лбом туды, об это. Я як зайду к йим – так всё надо [мне было туда] пальцем потрогать [смеется]. [А что там такое висело?] А вот в ушаку выведена такая дырочка – и вот что они там... по прэданию что-то надо? [Там бумага была?] Може, бумага какая, они молились по этой... Там ничо, только она закрыта. Дырка закрытая, бумажкой заторкнутая и всё. И всё молились: «Ахрык-нахры»³³. Всё лбом. На лбу вот такая привязка у йих. Рыза полосатая, чёрная с белым. Бывает серая³⁴.

Религиозная жизнь: синагога, моление, ритуалы и атрибуты, пищевые запреты

Синагоги Глубокого свидетельствовали о многочисленности еврейского населения, разделенного на «касты», каждая из которых имела свою синагогу, и являлись средоточием религиозной жизни евреев. Некоторые из наших собеседников помнят внутреннее убранство синагог, куда они, будучи детьми, «забегали», – «иероглифы» на стенах, «на коже буквы нарисованы»; устойчивым зрительным образом являются коленапреклоненные или сидящие на полу молящиеся (контаминация христианского и мусульманского моления?), при этом синагога в детских воспоминаниях предстает как место пугающее...

[Мы видели костел, церковь. А евреи где молились?] У йих было здесь сколько... шесть синагог. Йихных. Но немцы, когда уже в сорок первом году бомбили Глубокое, так все бомбы падали на синагоги. [А почему? Прицельно били или они высокие были?] <...> А бомбили только по синагогах. В первый день у йих ещё планов, наверно, не было. Яны разбомбили дом на базарэ и по Минской улице там на поле далёко, там домики стояли, тры, один разбомбили. А после синагоги. Коло костёла была синагога... [Каменные синагоги или дере-

вянные?] И дерэвянная, вот тут вот на повороте до костёла – з [улицы] Ленина, тут дерэвянная двухэтажная была, у почта, тут во дворэ – от раки з этой стороны – тоже была дерэвянная, а по Московской улице были камен... кирпичные, тоже двухэтажные, две были двухэтажные.

Их же [евреев] много тут было. А у них же тоже – не то чтобы... ну, яны еўрэй и все... одна у йих вера. У йих были свои касты. И каждая каста имела свою синагогу. [Что такое касты? Они из разных семей были или по профессиям?] Нет, это религиозное было такое. Разьединение. Это йих религиозное. [Они не все одной веры?] Яны были все одной веры, но якая-то между ними была разница. И каждый шёл в свою эту синагогу. [Только мужчины ходили молиться или женщины тоже?] Ходили мужчины. Но жэнщины могли туда ходить, были галёрки. И только на ету галёрку³⁵.

Я раз быў забежал в синагогу. Как глянуў – все... на коленках все. А чё? – «Там же у нас иконы красивые», – дак а... кожа, а на коже буквы нарисованы, а уж какие – я дуже не понимаю, не могу прочесть. [На стенах?] Да, на стенах. [Какие?] Ну такой, як вот как пластинки разостланы, приколоты до стяны уж. [Как таблички?] Да, ну-ну, это таблички, там и надпись, а чаго надпись – мы та... може, молиться по этих буквах – кто их знает. [Что за синагога была – на Московской?] Ну, на Московской, где гостиница. [Росписи на стенах не было?] Ну, я там глянуў, спужаўся. Я ничего ня видеў, не знаю. [А зачем забежали?] Ну я не подумаў, може, как у нас, а там совсем по-другому, на коленьках все молятся, так. [Забегали зачем?] Ну, интересно, думаю поглядеть, думал, у нас обычай такой же, как у нас, а тут... там совсем другой³⁶.

[В синагогу не ходили?] Ай, забегала! Идём в баню, зайдём... Дак женщины у йих не участвовали. Мужчины только. <...> Так, как и у мусульманов, тоже женщины не имеют ничего. Вот у православных и у католиков – и мужчины, и женщины, все одинаковы, а у их нет. Зайдешь... Они разрешали. Они наоборот, наоборот ещё: «Заходи, заходи!» – тянеть. [А как там внутри?] Ай, там же ж вы́соко, окна большие, и сидят на полах. У них ни икон не было, ничего, какие-то иероглифы на стенках написаны по-ихнему – и всё³⁷.

В то же время память наших рассказчиков сохранила воспоминание о том, как евреев созывали на молитву (возглас на идише), как выглядело молитвенное облачение евреев.

И вот был еврей специальный, уже на за́ход солнце, ён идет и это самое... идёть по этой улице и кричить: «Ин шул арайн! Ин шул арайн!» Это пора уже в эту... в синагогу. И тогда все выходят, закрывают магазины³⁸.

[Как выглядел раввин? В чем был одет? Не так, как священник?] Ну, наподобие. Тёмный плащ такой, длинный, и носил он на цепочке, ну не знаю что там – *кочулочка* такая висела тут. А когда молился, закрёплял на лоб. А что там? Не знаю. [Как это выглядит?] Коробочка такая. Как коробочка. Чёрненькая, и тогда на лоб он закрёплял – молился³⁹.

Нет, у их было только такое это... вроде такой накидки – это для молитвы – полосатое. И на голове у них было такое... называлось *ярмолка*. Вот теперь, може, когда в телевизоре показывают католических священников, бискупов там, и вот у них такая вот... Так это наподобие этой ихней ярмолки. Это каждый яврэй должен был носить. И по закону, если ён уже жанился, всё, ему нельзя было стричься и бриться. Но это не соблюдали. Это мало бородатых почти не было. Это уже старые такие, а молодёжь вся брилася и стриглася⁴⁰.

В воспоминаниях о том, как выглядели религиозные евреи, подчеркивается их отличительная черта – наличие бороды. И именно в этой связи вспоминается обычай – дети бросали в бороды старикам «волчки». При этом рассказчики подчеркивали, что речь идет о волчках-предметах (неких приспособлениях, раскручивающихся на нитке).

С бородой выглядал [раввин] и носил такую одежду, как халат. Капалюш обыкновенный. [Евреи] хорошо одевались, прычёски, как у всех. Бородатых было мужчин! А дети что возьмут воўчки робили такие, раскрутить-раскрутить, да ёму ў бороду! Жыдоў было ўсякіх: и чёрных, и рыжих, задужа было іх много...⁴¹

Еврэй пожилые люди были все с боро́дами. И тогда всякие детвора воўчки пускали ў бороды. Знаете, что такое волчок? Нитками закручивается. [Я думала, что волчки – это колючки, а это не это?] Ну, что-то такое накручивается. Как образец – микролук, у которого накручивается палочка, а потом подторкивают, она раскручивается. Что-то вот такое было... Это я только слышал разговоры такие⁴².

Несмотря на уверения наших информантов о том, что волчки представляли собой некий предмет, выскажем предположение, что два записанных свидетельства – это аллюзия приуроченного к 9 ава (день разрушения Иерусалимского храма) обычая (довольно позднего) покрывать себя репейником (чтобы усилить страдания в пост), постепенно переродившегося в детскую забаву (дети бросают колючки в бороды раввинам и друг в друга)⁴³.

Еще один предмет, ставший объектом мифологизации, – тфилин и филактерии, используемые евреями во время молитвы. Согласно свидетельству одного из наших собеседников, обычай обматывать руку ремнем восходит ко временам Исхода, когда неназванный по имени предводитель еврейского народа, чтобы собрать разбежавшийся в пустыне народ, призвал чертей, и те, сгоняя палками разбежавшихся евреев, переломали им руки⁴⁴.

Их же ж знаешь, кто их вывел... Як этот был... яны ж были... Фараон крэпко их мучил, яўрэев. Ну, и ён решил их в Европу вывести, этот пастух. Так ён что... прытворился богом! И, гово́рят, ён пас всё время коров, и видел як... пролив этот Иорданский. Ён там бывает прилив и отлив, раз ў году был. Ну, и вот там можно было море перейти у колено. Вот. Ну, и вот ён это... А фараон крэпко мучил, это царь, фараон этот. И он, это, хотел этот... вывести их ў Европу, яўрэев, с Израиля. Ну, что ён там издевался над йими. Дак он это, прытворился, что ён святой. А фактически он был пастух, пастил коров. И ён им говорил: «Буду вясти вас через ту...» Ну, як он перевёл пролив... Говорит: «Тут будет степь, тут будут перапёлки водиться. Много не бярыте, сколько звести могуть». Тады ины стали разбегаться. И ён собрал чартей, каб погонять их ў кучу. <...> Як им добро стало,

от фараона утякли. Ну, рэ... морэ сошлося, уже догнать их фактически невозможно. Они почувствовали, что зямля это... тут обетованная, можно пожить, давай разбежаться. И, в общем, у них есть молебие такая, яны... хустка рабая такая, типа был ихний... палатки, от дождя ховалися, накрывалися ими, типа одеяло такое. Тады яны наматывают рэмень, як моляцца, на рукú. Гус наматывают. Это черти гоняли их, шишками били, палками руки ломали им. Сгоняли ў кучу, не могли их согнать. Вот, тады погоняли этих яўрэев ў кучу. Ну и далее он их повёл в Европу. [То есть из-за того, что черти их били, поэтому они наматывают себе?..] Да, гус наматывают, тады это руку рамнём укручивают⁴⁵, что это, это были полумы частые, яны палками их гоняли, черти⁴⁶.

Найденный в разрушенном здании предмет («коробочка» со свиной щетиной) представляет собой сочетание несочетаемого – молитвенный атрибут, содержимое которого является запретным для евреев.

Мы, як я была небольшая, мы, рэбаты, пошли после уже войны разбита... ну, и мы пошли глядеть у гэту школу йихную. Де яны там молилися, они ж там молилися яўрэи. Ну, прышли, а ребята цикавые, нашли вот гэтакый рэмень, широкий, яны на лоб яго ложили. А пры гэтом рэмни вот такая, як у тебе гэта... коробочка. Ну, мы взяли, ребята, раздёрли эту коробочку – поглядим, что там, в гэтой коробочке! А там шерсть свиная, настоящая связка такая! Во такая толстая, вот такая – кусочек гэты шерсти. Звязано ў гэтым, гэтом, и ў рэмни. И яны, як молилися, ложили на лоб этот рэмень. [С шерстью?] Шерсть свиная! У свиной же ёсьць шерсть большая! <...> И вот эта шерсть звязана, это у них гэтакый был закон. [А зачем?] Зачем – потому что яны свиное ничего не ели. [А шерсть на лоб зачем?] Вот за то у йих был же какой-то закон, что яны носили и эту шерсть и молились яны, гэто у йих было звязано. Принесла домоў – рэмень красивый, чёрный такой и гус такой – там шерсть увязана⁴⁷.

Зафиксировано также свидетельство о молении над водой, которое происходило осенью на берегу озера возле еврейского кладбища (обряд «вы-

трясания грехов», происходящий в период между еврейским Новым годом и Судным днем). Не увидеть свою тень в воде означало скорую смерть молящегося⁴⁸. В связи с этим сюжетом возникает и другой – о том, что во время моления некий «чертохоп»⁴⁹ может схватить еврея и утащить в воду⁵⁰.

Оне ходили к озеру. И вот собираются уже в субботу, в пятницу вечером идут на озеро. И смотрят тень ти увидят свою? Тень. Отражение своё ў воде. Если увидить тень, значить, жить будет; если нет тени твоей, значить, умирает. Вот такой вот. «А-а, уже пошли на... к могильнику этому, к озеру, тада пошли». [На какое озеро ходили тень смотреть?] Так у нас же ж тут озеро и кладбище <...> возле кладбища⁵¹.

[Как евреи молятся над водою?] Смотрятся ў воду, хто их знает, что им там покажется. Они не рассказывали. Мужики только ходят, а женщины же не ходят. [Почему?] Женщины ж не молятся. Еврэйки не молятся. Яны [мужчины] под паху свой Псалтир – и пошёл в синагогу. А жидовки и понятия не имеют, что надо молиться, не умеют и читать. [И кто-то их может из-под воды уволочь?] Видимо, дьявол. *Чертохоп*. Ну так это же и дьявол. Какая разница? Это по-нашему, по-белорусски *чертохоп*. [Так он и на белоруса может напасть?] Нет, белорус туда ня пойдёт. Белорусу не надо. Як яны они там молятся, что яны там молятся. Может, ён грешник, может кто. Ведь они тоже грехи свои отмаливают. [А когда они туда ходят?] Это осенью⁵².

Говоря о религиозных обрядах, наши собеседники упоминали обрезание (называя его «крещением») как действие, приобщающее новорожденного к еврейству⁵³.

У йих етых жэншин не крестили, ниякого крещэния яны не получали, йих не учили и молиться. Мальчиков тоже на восьмом дне – делали обрэвание. А девочек – ничего. [А что за обрэвание такое? Кто делал? Был какой-то специальный человек?] Это у них такое крещэние было. Сбиралось двэнаццать еврейў, ну, и прыходил етый йихний свяшценник, молились, ну и ето самое,

Алина Михайловна Чухарева

отрезали у мальчика крайнюю плоть. [А священник был один на всех или их было много?] Нет, несколько у йих было. И свяшшеник это был и судья йихный, и ўсё⁵⁴.

Обрезанцы ж яны – жидаы. [Что это значит?] Стручок обрезаы. Это маленькому сразу. У йих был специально один гэтакий, и ён делаал. Если маленький ёсь, и яны вокруг как-то стручок обрезаы. Был такой специальный, что ён уже понимал. А може, рабин? Не знаю⁵⁵.

К сфере «еврейского», определяемого религиозными предписаниями, наши рассказчики относят и пищевые запреты. Упоминается неупотребление в пищу частей коровьей туши, но лидирует, безусловно, запрет на употребление свинины, мотивированный легендой о превращении в свинью еврейской женщины.

Жидаы, у них была бойня, они там убивали коров, там телят чи быков, вот не знаю, что яны ели – чи яны не ели заднюю часть, чи яны перэднюю не ели, но некоторою яны часть не ели⁵⁶.

[А еще чего нельзя было по закону?] Свинины нельзя. [Не рассказывали, почему?] Ну, по закону. Это вот даже если читать закон Божий, это им Бог запрэтил. Это Богом запрэщено йим – свинина.

[А чем свинья плохая, почему Бог запрэтил?] Не знаю, чаму. [Христианам ведь можно?] Ну, это ж был Бога любимый народ. Еврэи. И ён им все законы даваў, и мы теперь живём по религиозных законах йихных. У нас почти те же молитвы, что у них, усё такое. Это был его излюбленный народ. И ён им запрэтил. И по сегодняшний день⁵⁷.

[Почему евреям нельзя свинину есть?] Нельзя. У йих по закону они свинью не едят. Как-то по закону... давней говорили... свинья... Чи то – еврэйка бярэменная была. И вот она де-то там ў сарае завалилася и не стала беременной. А подняли – там не еврэйка, там свинья с поросятами. Прэвратилась. Ну это легенда такая. Я ж в детстве, я ж малая была. Вот такое слышала. Еврэйка сталася. <...> А правда это, не правда... [Она упала в сарае?] Ну, не упала, но факт тот, что говорят, что ти пропала... яўрэйка бярэменная. А кто-то сказал, что де-то там в сарае упала. А ночёўки такие ставили, ночёўки, чтоб стирали, дерэвянные такие, корыта, ставили так. Завалилася, и понимаете – там свинья с поросятами⁵⁸.

[Чего евреям есть нельзя?] [1:] Свинину. <...> Свинину ня ели. Им же показывали ухо, зложить [из полы одежды], они не любили. [Ухо, как свиное?] Да-да! [2:] И ты робил гэто? ([1] смеется и показывает, как складывали «ухо»). [А что евреи де-

лали, когда такое видели?] [2:] Ну, явно ж по головкам не гладили⁵⁹.

[Что евреи не едят?] Ага, свинину. [А почему?] Дак, мусить, и татары не ядуть свинину тоже! <...> Они боле курáтину, куратину они любять. А вот свинину нельзя, мусить. Свиное ухо покажи – дак ого! Утикают!⁶⁰

При этом неоднократно подчеркивалось, что в быту евреи нарушали этот запрет, потому что для некоторых свинина была предметом тайного вождения; более того, утверждается, что евреи в Израиле свинину едят⁶¹.

[Вы сказали, что у евреев женщины больше закон соблюдали?] Яны больше вот етот соблюдали закон. [Почему так?] Ну вот хто их знаеть там... <...> А яны, ето, яны боле соблюдали. Даже ж у нас соседи были: пры́деть до папы моего: «Митька, дайте сала трохи поесть!» [Смех.] Дома ж нельзя!⁶²

Молодые евреи вот когда приезжали в деревню, то тихонько, чтоб старые не слышали: «А свиные ножки есть?» Не знаю чего, но это такой деликатес считался⁶³.

Ну там вот ездили там наши глубоцкие евреи в Израиле приезжали, говорили, что гэтые габреи едят уже свинину. Тамошние. Ну, цие, як это уже говорытся, яны отышли и яны уже были не так уже приверженные Богу. А это уже были приверженцы Бога, для их же десять заповедей, для их да́но! Для еврее́ да́ны десять заповедей, и мы теперь должны исполнять⁶⁴.

Суббота и воскресенье

Воспоминания о том, как евреи отмечали субботу, встречаются почти в каждом из записанных в Глубоком рассказов. Помимо указания на запрет работать встречаются также свидетельства о том, как эти запреты при определенных обстоятельствах можно было обойти, как христиане и евреи выручали друг друга в выходные и праздничные дни (помощь по дому и по хозяйству – субботнее разжигание огня и зажигание свечей, с одной сто-

роны, и помощь в воскресенье в огороде – с другой; «внеплановая» субботняя торговля – еврейка тайком отпускает товар из лавки дочери своей соседки, и т.д.).

У ихх, девка, был своя... свое законы. Я знаю, что вот як у нас батюшки хрэстють, у ихх еврее́ обрэзали, у ихх это свой был закон. Коли яны праздновали, яны праздновали по-своему. У яўрее́ это суббота, ў пятныцу зайшло солнце, ужо у ихх праздник. Вот это я точно знаю. И вот у ихх же ж какие-то *Будки* бывают, у ихх совсим другие праздники, другие законы. Яны по-своему молятыся. Тут ў Глубоком только не знаю, на какой улице, там... по Ленина <...> их молебная была. Это тоже чула и знаю, что як молятыся, обязательно должен христианин им свечки палить⁶⁵.

[У нас праздничный день – воскресенье, а у евреев?] У еврее́... Бог сотворя́ свет шесть дней. Это... пять дней. То есть шесть! А седьмой день, он сказал, это праздник, это отдых. Вот, и у ихх это был суббота. А христиане взяли день, в который Иисус Христос воскрес. Седьмой день. [А как они субботу праздновали?] У них ужо в пятницу, солнце на за́ход, всё! Яны запаливали свечки в домах, и всё, уже яны ничего, даже зимой печку яны просили кого-то, чтоб йим уже с крестьян кто-то поджёт печку. И вечером... это, утром запалили им свечки. На ночь яны гасили, а утром... И ничего яны не делали. [По дому, по хозяйству?] Ничего! У их хозяйства никакя не было! [Скотину они не держали?] Ну, я не знаю. Помоему, етые, которые вот тут были, як их называли – ломовые извозчики. Раньше ж машин не было, всё ж перавозили́ грузы на ко́нях. И были евреи несколько ломовые извозчики. Так я думаю, что яны ко́ней своих кормили в етые дни. А так у них это считалось – за́ход солнца, всё. И оны уже, ничего им нельзя делать⁶⁶.

А моя бабушка в субботу ходила к евреям зажигать печку, тогда у них праздник этот, суббота, и яны не зажигали ничего. Это у них такой обычай, это святой день, як у нас воскресенье. Так вот она, помню, ходила⁶⁷.

Июдеи. У ихх праздник вот *Са́бус* был, вот мацу что... вот у ихх... а здесь торговала, народ был, а

у их праздник, *Пэйсах* этот ихний, а у нас Пасха, и мама... надо к Пасхе что-то какие... Мама тады: «Бяги до Лэйки (звали её Лэйка) – дасть мне сколько копеек – бяги, там у ей возьми, надо гэтого... ванилина или чего там, дрожжей, сбегай к ей». А чераз дорогу она жила, так мы здесь – она туда. Ну, я побягу к ей. Я побягу, а радом там ещё яўрэи. Ну, иду, чтоб не видели, что... я со двора забягу – рабёнок забег! Дак яна мне мацы надаёт, дово-о-о-льна, что я прышла, эти деньги прынесла! Она мне мацы надаёт, я прынясу, а мне мама смеяться: «Ну что, ты мацу будешь есть?» А я эту мацу ела, любила! Вкусная – ну як пяченье безвкусное, вот такое. [А что это такое?] Это ж у яўрэеў такая национальная блюда. <...> А у их суббота, праздник – Пэйсах. [Каждую субботу?] Каждую субботу. Это ихняя суббота, праздник, уже магазины закрыты, уже к йим не пойдёшь, не купишь ничего. Я ж говорю, что ходила до её тайком, зайду [со двора], а радом яврэи живут, если б яны увидели, дак яны её... А знаете, рабёнок... Мама: «Бяжи!» Ну, я побягу, она меня и прыметь...⁶⁸

Яны ж просились у полякоў, чтоб в воскресенье торговать. А поляки говораць, торгуйте в субботу и торгуйте в воскресенье. У вас у субботу праздник, у нас в воскресенье. Ну и так порашили, что были закрыты и в субботу, и в воскресенье – праздник был. Продуктовые были открытые, але только етые... Уже под конец у нас были тут у Глубоком государственные. А еврейские были тоже закрытые. Але прыди, постучи у двэри, и табе открыють и дадут, что табе надобно! [Смеется]⁶⁹.

Сабус уже находить, понимаете как, сабус у их в пятницу вечером, перед субботой. В субботу... У татар у пятницу эгыт праздник, а у их суббота, а у нас воскресенье. Вот сабус уже находить, яны уже ничего не делают, всё! Иду с поля, корову гоню, мне зовут яўрэйки: «Ходи, ходи! Спички зажги!» У их уже в печке – она спички не зажжёт! У их такой закон! Я спички зажгу, забягу, спичку ткнула, и всё! Оне что – конфетину какую дадут, ну а как же! <...> У мяне подруга еврейка чераз дорогу жила. Надо – я её зову – ходи ко мне. А у нас сад был. <...> А я яе позову, у нас к воскресенью надо нарубить охра́пя – травы. Собираешь

ботву и рублишь, надо же свиныйм. А в воскресенье не будешь работать. А у их же в субботу праздник. Я-то яе позову сюда к нам, она мне нарубить ботвы етой!⁷⁰

Иногда субботняя помощь становилась своеобразным «доходным делом» детей и подростков. Рассказывали, как несколько мальчишек по очереди зажигали огонь в еврейском доме и, получив вознаграждение, тут же его гасили, не боясь наказания со стороны еврея. Однако последний из компании все же честно исполнял работу и оставлял свечу зажженной⁷¹.

Практика соседства

Взаимодействие представителей разных конфессий не ограничивалось обрядовыми или ритуальными ситуациями. Повседневные контакты были естественным фоном городской жизни, и участие соседей проявлялось в самых разных ситуациях. Лейтмотивом рассказов о практиках соседства являются упоминания о дружбе и профессиональном сотрудничестве, о взаимопомощи и взаимовыручке (иногда подарок еврея расценивается как некое чудо – например, выменянная у еврея корова долгие годы кормит целую семью), о спасении от неминуемой гибели⁷², а также о вкусном угощении (конфеты, печенье, мороженое и т.п.), которое получали работавшие у евреев.

У нас в Глубоком жили евреи, татары, католики и православные. Четыре конфессии. Дружба – очень большая дружба. Все друг друга любили, дружили. И мама моя работала у этих евреев, и отец работал у этих евреев...⁷³

Ну, они как народ, я бы не сказала, что они [евреи] плохие. Если с ними кто был хорошо, ну, относился по-человечески, так яны и помогут, яны всегда в бяде каждому помогут. Не сказала бы, что это был який вредный народ⁷⁴.

Дзедушка мой вазіў прадаваць дровы ў Глыбокае да вайны. А яўрэі прыязджалі да дзедушкі ў яго свой лес і хата, там ніхто не жыў, дык яны прыязджалі і там жылі, прывяжуць ад дрэва да

дрэва нейкія сеткі і там іх дзецяў там пускал гуляць, а мяне прасілі каб я іх глядзела. І мяне кармілі яўрэі. Марожанае дзе там раней было, а ў іх было, ды і канфеты ў іх былі, і пячэнне. Мяне дажэ прасілі каб я ела, каб тыя дзеці таксама елі, бо яны надта не хацелі. Яўрэяў не баяліся, яны добрыя людзі. Ну што нашы варылі – не капуста, картошка, у нас дажэ лепей было дома па сраўненію з другімі людзьмі, але ў яўрэяў лепей, вот тая яешня, смачней у іх было⁷⁵. Мясa – курэй толькі елі. Чаму так, то па дзісь дзень не знаю, чаму так. Нечага не елі, а не магу сказаць чаго. Дома ў іх нічога было, была абстаноўка. Добрыя абсалютна⁷⁶.

Дедушка мой занимался... сейчас мясокомбинат, а бойня была в Глубоком. И он с одним евреем дружил. Мой дедушка – Александр. И занимались заготовкой скота. Покупали скот у населения, приезжали и сюда возили. Тут колбасу или что-то там делали. <...> И вот дедушка с этим евреем, ну, может, они и в доле были, собирали это мясо <...> покупали у людей мясо, разделывали... <...> Знаю одну очень хорошую историю. Когда дедушка простудился, вёз эти туши, на санях... просто заболел и дедушка умер. В 27-м году это было. Бабушка осталась одна. Маме моей было еще только семь лет. Но этот еврей, с которым работал мой дедушка, не оставлял яе и постоянно навешивал яе. Что бабушка рассказывает: приезжает, говорит: «Ой, Александрына (а поскольку Александр был это муж, то уже Александрына выходила по мужу!) <...> Александрына, я тебе и твоим детям привез...», – и мяшок, говорить, костей с мяском, они ж обрезают. Вот целый мяшок, – говорить, – бах! через порог, целый мяшок этих костей мёрзлых. Так она это всё ценила, ведь денег же не брал! Не забывает яё, всё время ей привозил. А потом – у яе был бычок хороший. И он ходил-ходил, знал, что хороший бычок: «Александрына, продайте мне этого бычка!» – «Ну як яго продам?! Хае еще побудеть!» – «Я тебе тёлку хорошую привязу». И ён привёл ей тёлку. Взамен, поменять на этого бычка. Вот. Эта тёлка оказалась породистой коровой впоследствии. Мама яе получила в посаг [в приданое], когда вышла мама замуж. <...> Это корова была вроде немецкой породы <...> и давала невероятное количество молока. Я яё помню, эту корову. <...> А потом от этой коровы были ещё

тёлочки. Но бабуля сказала такую фразу: «Вот тебе, дочка, корова, каб тебе и твоим детям хватило!» <...> Так эта корова жила 16 годоў, она была!⁷⁷

Интересно свидетельство о том, что во время разрешения спорных вопросов у раввина в качестве незаинтересованной стороны приглашали христианина, и решение этого «нейтрального» посредника оказывалось окончательным:

Если у их вот спор между семьями или там между роднёй, их рассуживал ихний... рабин, свяшшеник рассуживал. И брали хрестьянина. Хрестьянин должен быть. Вот у нас вот два браты не могли подялить участок. Там и участок... там забор, с одной стороны доски прибывать, чи с другой. Вот. Вот это не могла яны, у их было такое вот это, что яны если уже заспорыли... Так мой папа ходил за это, уже в свидетели туда. Ну, и этот самый рабин говорить, ну вот, говорить, это посторонний человек, ён не касается, ён нам посторонний, вот, на тебе, говорить, колóк и на тебе топор, и загоняй колок. По етому колку яны должны поставить забор. [Как он решил, так и они должны были сделать?] Так они уже должны были! Ну, я, говорить, с которой стороны доски прибывать. Так он говорить: «Знаешь что? (это соседи чераз улицу были), – говорить, – знаешь, на етаго старшаго, знаешь, Янкель, ты старэйший, уступи ты етому! Хай с твоей стороны будет и лад, и доски, и всё!» Ну и так и порэшили, и так и зробили⁷⁸.

Сосед мог выручить в самой необычной трудной ситуации, когда человеческие отношения оказывались сильнее должностных инструкций:

Моя сестра, ну, она семь классов кончила и два класса – тут такая была кройки и шиття, у монастырэ. Ну, и оны встрэтились. Пять человек. Ну и так – кружком стали говорить между собой. Щас НКВД, и забрали их. Так дóбро, что сосед тут был в этом НКВД, еврей. И ён увидел яе: «А ты, – говорить, – шикса, что тут робишь?» [И отпустил ее?] «А ну, убирайся! Что ты тут робишь? Работай тут! А ну, убирайся!» И вытолкнул яе за двери. А этих некоторых, которые старэйшие, у Берз-

вечах – некоторых отпустили, але мало отпустили. Одну дивчину отпустили, чи... Ой, лёгкая жизнь была!⁷⁹

Конфликтность явная и потенциальная

Отношения соседства, безусловно, не были безоблачными, омрачаясь бытовыми неурядицами и ревнивым отношением к чужому благополучию. Любопытно также, как в речевом этикете взрослых и детей изменяется отношение к слову «жид», которое стало осознаваться как бранное после того, как советская власть легитимизировала слово «еврей».

Яны не любили, як им скажешь «жид». Ну, яврэй и яврэй...⁸⁰

Правда, они не любили, особенно ў 39-м году назови его «жидом», дак получишь. Советская власть была, как говорыться, за их. Як и пры Польше – только поляки. Православный в конторе якой-нибудь, чи на почте, чи где, ня будет робить. Только яны. Только поляки. В советское время тут уж равноправие стало, али все равно, яўрэй надо было говорить – «яўрэй»⁸¹.

А Биёминко этот [ребенок соседей-евреев], если разозлюся, дак я ему: «Ах ты, Биёминко порхатый жид!» А потом matka [его] бежит ко мне сюды, я под кровать... И дед: «А! Такую твою... жидоўка, пошла, ты рабёнка будешь бить!» – а что я обзываю. А потом пришли большевики, и мы с ним около сарая играем, а ён мне говорит: «Таиса, а тыперь не будешь меня называть “жид”. В тюрьму посадят!» И я тогда так боялась! Вы знаете – рэбёнок! Боялась сказать «жид». Так и было у нас! <...> И надо было только «еврэй» говорить. При советской власти. А при Польше «жид» – ничего страшного, это говори, обзывай – ничего страшного⁸².

Целый ряд паремий и дразнилок отражает противостояние этнических соседей, проводя границу между «своим» и «чужим»:

[1:] Говорится: «Рахуйся, як жиде...» [1 и 2 хором:] «Живи як братья, а рахуйся як жид». [2:] Рассчитывайся. «Живите як братья, рассчитывайте як жиде». [1:] Справедливо. <...> [2:] Вот эта поговорка – правильная...⁸³

[Если надо было что-то обидное сказать, обозвать еврея или татарина?] Мы дак называли своих малых еврееў: «Жи́ды, жи́ды, черти, скоро вам померти!» [А они в ответ?] Бились⁸⁴.

Обрэзанец назовут. Ну, жид – жид. Ну, хай жид будеть. Яны не обижалисе. Ну, «жид пархаты, нос лабаты»⁸⁵.

«Яўрэй, сдохни скорэй, а жид будеть долго жить!» Яўрэеў называли жи́ды. [Это обидное слово?] Даки сами жи́ды гэтак отвечали, я же с жи́дами работала: «Жи́д!» – «И что?! Жи́д будеть долго жить, а яврэй – сдохни скорэй!» Таким ломаным языком⁸⁶.

Особый пласт местечкового фольклора составляют рассказы о шутках, направленных против иноконфессиональных соседей, – дети и подростки (но иногда и взрослые) использовали клишированные присловья или совершали некоторые действия, чтобы помешать еврейскому богослужению или возведению шалашей-кущей⁸⁷. Такие ситуативно обусловленные дразнилки и вмешательство в чужой ритуал суть воплощение идеи приоритетности «своего» перед «чужим», еще не осмысленная (в детском сообществе) или уже осмысленная (у взрослых) попытка доказать свое превосходство над соседом⁸⁸. Средства для унижения профессионального оппонента удивительно стандартны – во всем восточно-европейском регионе это упоминание свиньи (прямо или опосредованно) или имени Божьего, которое является столь же неприемлемым для представителя другой религии, как и «запретное» в иудаизме животное.

Свинья фигурирует в шутках, которые отпускали в сторону молящихся нанимателей работниченевреи или мальчишки, мешающие молиться заезжему еврею.

Еврей нанимает работника, говорит: сделай это, это, это и отдыхай. А чтобы это сделать, дня не хватит. Такой заботливый был человек – каб тот

без работы не сядел. Они такие люди, за копейку готовы гнать лягушку в Полоцк. И тут получается, на их праздник (у нас называют «Будки»), ну, они когда там чего-то молятся, работник так стоит и говорит: «Ай, какая вкусная свинина». И всё. Такой обычай, что получается, если такое услышит, то надо по новой начинать молитву. А там не одна молитва, там... ну, и короче, после всех этих случаев <...> повелось, что во время ихних праздников кроме их никого не было⁸⁹.

И зачастую евреи приезжали на хутор и жили. Они торговлю вели и собирали макулатуру, як говорится, собирали, старую одёжу эту всю, там мыло продавали, меняли, ещё что-то там, мелочи такие. Да бывает, застанет уже время, ему уже молиться надо, дак ў нашем доме молился еврей. Один, вот который торговал. Так мне же интересно было поглядеть это. Встал и прямо в угол глядел, и кий-то рэмешок, как коробочку на лоб прикрёпил, и нешто там, и руками махал, и нешто-то говорил, молился. А нельзя было сказать, если еврей молится, «свинья», или «вон свинья», или назвать свинью. Тогда он кидает молиться, ему сначала начинать надо. [И никто не делал так специально?] Дак вот, были ж, откуда я и знаю, были шалуны такие, мальчишки. Что если где-нибудь вот так остановится и молится, дак прибягут и тогда кричат: «Свинья там ти пошла!» – ти что там, свинью называют, чтобы он начинал с начала молиться. Но они не любили, чтобы свинья была, и свинью не называть, и не годовали свиней. [Сколько раз в день молились?] Не знаю. [Вот вы говорите, у вас в доме это было в обеденное время?] Он в обеденное время был захавши и молился⁹⁰.

Можно было и не упоминать свинью, а использовать выкрик, которым подзывают свиней: «Аюсь!» – этот вариант дразнилки характерен для Витебского региона⁹¹.

Яўрэі свініны не елі. Калі на яўрэяў «аюськалі», яны очань абіжаліся. Гэта для іх было як неўважэніе для іх. Абіжаліся⁹².

Это моего мужа брат ходил в гимназию – мальчишки. А вот по Кирова улице, и тут много было еврейских домиков, и эти окна незакрытые, ну,

он [еврей] молится. Мальчишки идут под окно: «Аюсь!» Он начинает опять молиться снова, и не-сколько раз!⁹³

А до еврээў тоже прыходил ра́бин, всегда в няделю раз. До католикоў прыходила монашка, а к нам [православным] прыходил отец диякон. <...> На яўрэяў бываеть... Если на рэлигию йихный ра́бин, там, бываеть, дверь открыють, крыкнуть: «Аюсь!» (свинья), оны кидают и начинают обратно сначала. А если директор уже увидит, то уж немало! Нельзя было. Ругали сильно. А так ничего особенного. В субботу они только в школу приходили, но писать оня уже не писали. Праздник. Як у нас ў воскресенье, а у йих ў субботу⁹⁴.

[А евреи молятся как-то по-особенному...] А, дак яны ж молятся вот так рукў... гус наматывают, становятся на этот... А только скажи: «Аюсь!» – всё, обратно отвязывает это всё, только скажи «свинья», «аюсь». Всё, кончаеть молиться и ничего не скажет. Не ругается, ничего. Обрато только завязал. А мы ж пацаны были, скажем «аюсь» – и всё⁹⁵.

[А шалашей не строили?] Шалашы были, у йих шалашы выходили, знаешь... им надо было возле дома, и яны делали шалашы. В гэтых шалашах яны молилися. Молилися яны, и у йих там свечи горят всегда. В гэтом шалаше. Кажны коло своего дома делал шалаш. Кажный еврэй делал шалаш. Ну а наши пацаны, такеи были благие, як лютут, знаешь, мимо этого шалаша: «Аюсь!» Всё, жид гэтог начинает заново, это потому что крикнули «аюсь!» – свинью. Яны свиней не признавали⁹⁶.

Иногда в качестве «устрашительного» предмета использовалос свиное сало – в качестве «шутки» мазали салом стол однокласнику-еврею, клали сало около колодца, из которого евреи брали воду для приготовления теста для мацы.

Это бывало [дети дразнили евреев]. Это знаете... гимназия называлася, это гимназисты зробили – которы жид дужа исполнительный, дык прыдут – салом намажут ти стол, ти что. Свинины, бояли-ся свинины⁹⁷.

У йих Пейсах – вот уже гэта маца. По нашей улице выпекали эту мацу. У нас Сроль такой... Оне пякли, а мы ж малые под окнами смотрели як. Воду брали – у нас колодцы – так мы сало кидали, чтоб им туда... [смеется] [воду не брать] А им нельзя! Чтоб в нашем колодце не брали – знаете, подшиванцы [т.е. сорванцы] такие ж были у нас мальчишки, ну вот тады: «Алка, иди там, Аля, возьми там у матки сала!» – «А зачем?» – «Хлеба прыняси!» Оне к колодцу як прыедуть за водой, а там увидять хлеб и сало, и ня брали воду. Вот такие вот дети!⁹⁸

В аналогичной ситуации вмешательства в чужой ритуал использовалась также формула «Бог помагай»: произнесенная в присутствии еврея, возводящего сукку, она останавливала процесс, и еврей вынужден был откупаться от «шутников».

Як начинали строить [евреи будки], малыцы молодья, як говорыться: «Ну, пойдём, пройдем по ихней улице». Знали же один одного жидоу. <...> Ну, соберутся и пойдём. Идутъ: «Ой, Хайм, привет, хай помогает Бог!» Всё, як сказал «Бог помагай», и ён должен будку эту снять и тады наново строить. Ну тогда [еврей]: «Заходи, я тебе золотоуку, золотоуку, ой, жулики, жулики»⁹⁹.

Акциональным вариантом словесных шуток было забрасывание различных предметов или запускание птицы в синагогу или в куцу; запускание вороны в синагогу обычно связывается с молением евреев в Судный день и с представлением о похищении кого-то из молящихся демоном-хапуном (об этом сюжете см. ниже). Появление в куце «распятого» скворца расценивается евреями не только как осквернение сакрального пространства, но и как недоброе предзнаменование.

[У евреев была своя церковь?] Знаешь, где была яўрэская? Де тепер гостиница, была яўрэская гэта, богомольня. Яны туды собиралися и молилися. Яны стануть на колени и кланяются, кланяются, головой бьютъ об гэTOT... А малыцы, были такие хулиганы, ворон ловють и ему пустють туды. Вороны лётаять, крычать, а яны ня могутъ поднять голову. Як увидять, так и стоять раком. А ворона лятить – гrrr! гrrr! <...> [Говорят, какой-то хапун у них был?] А,

хапун... Ну вот, тады и был хапун, коды им напустили этих ворон. Напугали их – хапун. Они встали, головой як упёрли вниз, так и могли подняться, покуль вороны ня улятели. <...> Малыцы <...> ходять хохочуть, что напугали жидоу¹⁰⁰.

Ну, обычно у них раньше на неделю Пасха. А потом православная Пасха. <...> И когда я уже училась, дак мне ж было интересно всюду проникнуть! Они строили будки евреи. Строили будки обыкновенные. [На Пасху?] Перад Пасхой. Прытом около дома, обставляли такими еловыми лапками, то ёлочками, а ў будке обычно была обёрнута бочка. Вверх дном – в этой будке. Ну и они там по-своему молились. Ну, я когда перад Пасхой, нас православных заставляли идти к исповеди. Я шла к исповеди, и прылетели скворцы, и скворец ударился о провода и упал. И он уже неживой. Я его взяла, скворца в руки, кажу: «Птичка моя, так мне тебе жалко!» И мы идём, я зайшла в эту будку и положила, и распяла этого скворца на этой бочке. Посля сколько было разговоров! Что скворец прылятел и подох у йих! [А сами они как к этому отнеслись?] Отнеслись с ужасом, что, говорят, нас, наверно, ожидает несчастье. Скворец и тот подох на нашей бочке. [И несчастье случилось потом?] Ну как? Война ж стала! Йих же сразу евреев в Плисе согнали в один дом, там же была и синагога. Сначала хотели в синагогу и не знали, что с ними делать, но опосля в отдельный дом собрали этих евреев. В Плисе было много евреев. Там более, чем православных было евреев. Ну и когда ж немцы стали вообще преследовать нацию евреев. Многие старались крестьяне укрыть, одну семью где-то там на хуторе укрывали. И они спаслись. [А с теми, кого согнали, что с ними случилось?] Что случилось – страшно случилось. Заставили выкопать яму около Плисы, недалеко, там кладбище, и расстреляли¹⁰¹.

Был записан также рассказ о том, как на еврейскую Пасху дети пугали евреев, надев на палку выдолбленную тыкву со свечой внутри:

А мы, пацаняты, знаете, дети: ага, будки! «Алка! (Мама арбузы растила.) Алка, у матки стягни арбуз!» А у нас перад нами, знаете, живуть шастёры дятлей... не было ничего, таки бедные. «Аля, иди

давай!» Старшую сестру мою, тая не подходила к йим, у йих не вяла компанию. А я ж меньшая, всюду лезу. Ну, я вытяну арбуз. А что ж яны делают? Яны вот это снимут сверху, всё выдерут снутри, выржут глаза, нос, зубы сделают, поставят бумагу туда цвятную и свечку поставят. И вот в этот Пейсах яны там уже собираются, а мальцы эти на палку оденут, и...! Гвалт! Пугали! Назавтра уже папу встречают там евреи, которые уже знают: «Михась, ты не знаешь, чьи там ребята приходили, пугали наших?». Папа го[ворит]: «Не, не знаю я». Ну что, папа будет... ну, он знает, что наши соседи, пацанята... Ну и я ж там. Мой арбуз, и мне ж надо поглядеть! И вот там бягом побегли, а я остаюся последняя! [Смеется.]¹⁰²

Судя по рассказам неевреев наиболее отталкивающей чертой их еврейских соседей был якобы присущий им специфический запах, что так или иначе подпитывало латентную конфликтность в повседневных контактах и лишней раз укрепляло представление о евреях как о чужаке¹⁰³. Как и в других регионах, специфический запах объясняется физиологией и особенностями питания, а также «наследственностью»; особенностью историй на эту тему является апелляция к собственному опыту рассказчика.

Да, запах есть от йих. Не наш запах. От самого человека. Ось такой, еврейский запах. Говорят, як от жидовки несёт. Пот такой или что-то. И чистые, аккуратные, я ж дружила, хорошие евреи, богатые, к йим зайдёшь – совсем не то. Зайдёшь к нашему, простому, обыкновенному, ничего там и нет, бедный и всё... а к йим уже зайдёшь – какой-то дух уже свой¹⁰⁴.

[Вас друзья приводили домой?] Да, мои девочки. [Вас кормили?] Яны не угощали, но я бы там и не села. [Почему?] А вот так. <...> Яны, запах у йих был противный. [В доме плохо пахло?] В доме и яны сами. Кажуть: «Смярдишь ты як жид»¹⁰⁵.

Они были трошки другие <...> Ну, такие трохи мордастые, чёрные такие. [А не пахло от них?] Ну... вот я жила в маленькой квартире. И давали нам бóльшую квартиру. Явряям дали другую, а нас хотели в ту поселить. Як увойшли мы – там такой

смород от йихнэго пота! Я сказала: «Я сюда жить не поеду!» Вонючий такой у йих пот. <...> Там была моя знакомая, дак яна говорить, что, в общем, стирала им, прислуживала, дак говорит: после каждой ночи простыни меняли... [Если они не работали, то почему потели и дурно пахли?] Наследственное – от жидоў¹⁰⁶.

[Говорили, что от евреев как-то пахнет по особенному?] Точно. Я сам узнал! <...> Мне приходилось работать с евреем. Он католик, крещён в церкви, но у него отец еврей. А знаете, как получилось, что он еврей? После войны евреи грамотные были более и работали в райкомах, в райисполкомах, как кто проявил себя. Ну, и один в налоговой инспекции работал еврей. А нужно было молоко, мясо сдавать государству, тогда по многу, яички тоже нужно было сдавать. И вот одна женщина жила с дочкой, и еврей приходит, значит, с налоговой этой инспекции, значит. У неё не выходит ничего! Уже и просрочено! согласишься, значит, спишу, а нет – значит, нет. Пришлось женщине согласиться. И она потом родила еврея. Ну, там в деревне стали: откуда, что, как? Ни с кем не была вроде бы замешана. <...> И действительно, он когда пришёл к нам работать, я не знал. Его фамилия [обычная], я знаю, из какой местности, из деревни – папахивает евреем! [Что за запах?] От него, пот выделяется, у каждого человека свой пот. От его запах. Но я ничего не говорю. Потом один тоже был на курсах вместе с ним. И этот еврей, который от еврея, хоть и католик, говорит, каждый вечер ходил в Витебске в баню, но всё равно запах еврейский был. Говорит: он еврей! Говорю: знаешь что, и я заметил! По запаху и я заметил, но никому не говорил. Говорит, точно! И мы в комнате, говорит, так сказали: сколько ты не мойся, всё равно евреем пахнуть будешь [смеется]. <...> И я, когда учился, я заочно учился и попал на квартиру к евреям, я там не мог быть... Я тогда пошёл в гостиницу (почему к еврею попал – потому что в гостинице места не было), я взял бутылку вина, портвейна, помню «три семёрки», конфет – говорю, как себе хочешь, устрой меня, на администратора. <...> Там у них вообще [на квартире] запах совершенно другой¹⁰⁷.

А, яны только курей ядут. [А почему?] Вот вишь, ины як с того... Як ины перайшли Иорданскую долину, там много было перапёлок. И они ловили

их и ели. И они начали тухнуть, тамака у йих жара, пустыня, там ж надо было ещё преодолеть... вот. И они як ишли черээ пустыню, и начáli портить-ся, и они стали, евреи, вонять, этыми курами дохлыми... ну, перапёлками. Вот, потому что основное питание у них... [курятина] как у нас в Белоруссии – хлеб, а у китайцев – рис...¹⁰⁸

Но любят ни что – о, курятину. В общем, птицу любят. И особенно у курятины вот хвостик этот, который... коля попы хвостик, они очень любят пососать это место. А что-то выделяется, с запахом, похожим с ихим запахом! Говорили, что если, например, я чеснок люблю, чеснок к салу на закуску, говорят: «Тебе всё равно, что еврею хвостик пососать» [смеется]¹⁰⁹.

Несмотря на многочисленные заверения в честности евреев (в торговле, при расчетах и т.п.), по некоторым свидетельствам сосед-еврей по определению должен был обмануть соседа-нееврея, потому что «у евреев такой закон» и за обман христианина еврею «списываются грехи»¹¹⁰:

Один мужик работал у евреев, [когда был] маленький. Они довольно умные такие люди были. И сами особо тяжёлую работу не делали. И вот он пацаном им скот пас или что... Но были и бедные вместе с тем. Богатые стремились помочь бедным. Они не бросали в беде их. Они молодцы они! У евреев такой закон: должен он русского обмануть, христианина. Вот если он обманет его, но крестьянин не узнает – значит, ему списываются грехи какие-то. Не знаю, насколько правда или нет, но вот [знакомый, который на евреев работал] рассказывал. Он еврейский язык знает, хорошо всё. Но если русский узнает, что он его обманул, наоборот, говорит, грех большой! [Смеется.]¹¹¹.

В рассказах наших собеседников присутствует также мотив намеренного «вредительства», в частности – порчи продуктов, которые евреи предлагают соседям-неевреям (плюют в тесто, обмакивают пальцы в вино)¹¹².

Когда я училась, я у еврееу была на квартире. Она жила муж с женой, и детей у йих не было. Такие, среднего ж возраста, годоу по пятьдесят им, мо-

жет, больше. И у йих мужчина коров резал и продавал евреям. Она ж вот только кошерное мясо. Кошерное – это чистое. Что-то у йих – ти крестовину не ели... Так этот еврей резал короу куплял и мясо продавал уже евреям. И у йих работница была. Ну, держали они, корову свою держали. Эта женщина и корову доила, и всё это, и пекла булки каждую субботу. Каждую субботу яна пекла булки. Не в субботу, а к субботе пекла булки. И булки все одинаковые. <...> И она целый тазик пекла булочек. И всегда мене угощали. Всегда мне одну булку давали такую. А мне – это ж люди сказали! – что, кажуть, это, може, выдумка, може, правда, я не знаю... что они, говорят, у последнюю булку плюють! [Смеется.] А ўсе булки одинаковые. И я всегда подменивала булку [смеется]¹¹³.

Эти будки они строили во время своей Пасхи. Они ничего не делают, всё уже заготовить, всю ёжу, питьё, всё, и выносили будку из дома, и тамока уже стояла у них это всё яства. Там яны уже молилися. <...> Яны там гуляли, пьянствовали, справляли праздник. [Что ели?] У йих самое важное блюдо была – это рыба. Рыбу они и заливную, и так... особо рыба у йих самое ценное. И вино. Красное вино обычно. Казали, рассказывали, что вот яны проклинали там, пальцы макали у это самое вино. И надо дать христианину обязательно, угостить. Но это была гўторка [байка]. [А зачем нужно было угостить христианина?] Ну, як говорится, они ж считали сабе выше Бога. Я так понимаю. И вот яны всё, что, як будто бы враги крещёные. [А будки эти как выглядели?] Ну, палки, шатёр такой против... ў своем доме. С дома шатёр такой, навес рóбили, вешали там, може, рамки якие, може, ёлками убирали. Я ж ня был, ня видел, ня знаю. [И он большой был в высоту?] Як с коридору выходить в гэту сторону, где у них проглядное место самое такое, и там. По-моему, з ёлок они ставили гэтыя будки. И там они тогда пьянствовали и молилися, и отмечали праздник¹¹⁴.

Присутствует также мотив угрозы, исходящей от евреев (могут убить за деньги даже своих соплеменников; применяют физическое и моральное насилие по отношению к христианам; изнуряют непосильной работой), и представление о том, что везде «йихное было всё право, и йихный был весь закон».

А жи́ды, а жи́ды, яны да... Жи́ды, яны можуть человека убить и закопать, и знать ня будешь, да! Вот тутока, возле милиции, дом был, и жили мои знакомые, дятей хрестила <...> Як стали крыльцо робить на вулици, нашли две головы закопанные ў хате. Значить, забили их, золото забрали, гроши етых жи́доў, а етых жи́доў забили. А хто забил, дак хто знаеть... <...>

Еврэи же жили и говорыли так моей бабушке и деду говорили (ну, ён хочь и дружил, и яна дружила): «Мы вас ў мяшок усадили, христианив усех вот допустим, но ещё не завязали». Поняли вы? «Ў мяшок мы вас усадили усих вокруг, но не завязали». Если б йим дали право, нам белорусам хана всем было бы, завладели б яны всем, скажу открыто, так как есть. Да! Всё было б, всё! Мы идём ў костёл на всюошную, а дети такие, етые, ну как вам сказать, по лет трынаццать-чатырнаццать-пятнаццать, ну вот такие (а мы мост пераходим чераз рэку и ў костёл), а яны камни кидали вот такие нам ў костёл под ноги. [Еврейские дети?] Да, еврэйские дети. <...> Это вот я вам скажу что. Кидали камни. Нам нельзя было пройти, мы не могли никуда пожаловаться, не могли ничего рассказать. Бо йих милиция, вот как сейчас милиция, йих милиция боялася. Йихное было всё право, и йихный был весь закон. <...> Мы уже кругом были окружены. Так и сказал деду главный йихный, что «вы мало поживете, вы у мяху вси зложенные у нас, только вас завязать»¹¹⁵.

Врэдные были, давили работой до восьми, до девяти... Однажды напился гэ тот жид пьяный и, гэ то самое: «Ненавижу гэтых русских, ненавижу, я бы их удавил, я бы их удавил», – ходил выгукивал. Мы яго боялися¹¹⁶.

Стереотип «опасного соседа» просвечивает и в высказываниях относительно того, почему нееврейская молодежь не завязывала дружеских отношений с евреями, а также в уже вполне мифологизированном представлении о том, что нельзя связывать судьбу с евреем.

Мы как-то не дружили, не то что враги были, но але ж то... «Ай! там жи́ды!» Чи там вот уже як подрастали, вечарынка якая – «Ай, там жи́ды! Не пойдём туды!»¹¹⁷

Я только знаю, что говорили, вот нам нельзя, ну, это, наверно, и староверам, и православным связывать судьбу с евреем. Я помню, у нас в деревне одна женщина вышла за еврея замуж. В Вильнюсе они жили, и она заболела тиберкулёзом и умерла. Из староверов. И всё говорили: «А-а, она поэтому померла, что за еврея замуж вышла». Вот именно с евреем нельзя связывать судьбу, потому что евреи – они ж Христа распяли¹¹⁸.

Еврейские праздники

Пасха

Рассказы о еврейской Пасхе содержат ряд типичных мотивов: представление о том, что на еврейскую Пасху (которая всегда раньше христианской) погода портится и становится холодно, в регионе Глубокого является устойчивой приметой¹¹⁹; отмечается наличие специальной пасхальной посуды; основным маркером праздника является маца (говорят о маце двух видов – с «православной кровью» только для евреев и без добавления крови для угощения неевреев)¹²⁰, она же выступает символом пасхального гостеприимства – евреи обязательно угощали ею соседей-христиан (в том числе детей).

[О разнице праздников: еврейская пасха всегда раньше.] Хотя бы не совпало, говорыли, с еврэй... (у нас не говорыли «еврэй») с жи́доўским святом! Тады будеть холо́дно¹²¹.

[А не было такого, что у них была разная посуда?] Угу, была пейзаховая посуда. Только для Пасхи. <...> Всё было только пейзаховое – и кружки, и ложки, и миски, и всё это было только на Пасху. Пасха прыйшла, вымылося, всё сложили и опять схоронили¹²².

У іх свае празнікі, мы дажэ не знаем калі. У іх Пасха раней. Яны пяклі мацу, гэта пост нейкі трохі быў, з пятніцы яны, то ў нас гаварылі, што жыды ўжо селі святкаваць. І тады ўжо мацу. А яна тоненькая-тоненькая, як у нас прычасціе, яна паколатая, можа, іголкамі, дырачкі былі чучь-чучь толька. Ну і па свайму маліліся. А гаварыць яны ўмелі і па нашаму¹²³.

У іх быў пост, і яны толькі мацу пяклі, і на мацу нада было хоць капелька чалавечаскай крыві. Неважна чыёй, проста каб чалавечаскай. Гэта на мацу на гэту бралі. Мацу прынасілі, я дажа помню яе, яна была ціпа як марыйнае пчээнне, суханькая, тоненькая, тады яны ж толькі мацу гэту елі, а як прыхадзіла ў іх гэта свята і гэта маца аставалася. Гэта свята шчыталася як Вялікдзень. Гэта свята раней чым каталіцкі Вялікдзень. І тады яны прынасілі яе на рынак і раздавалі ўсім хто хацеў. Частавалі. Не раз бывала, што прывозілі гэтую мацу дзецям¹²⁴.

Представление о маце как воплощении ритуальной чистоты (даже «хлебный дух» оскверняет ее и делает непригодной!) в этом регионе мы записали, пожалуй, впервые:

[Ту мацу, которую папа приносил, они делали не для себя, а для других?] Нет, ето для йих. Они же сорок дней не ели хлеба, ничо́го. И всё – суп яны варыли з етой мацы, и там и пякли что, и толькo з мацы. Уже нияких, ни крупы, ни муки – ничо́го не употрэблялось. Даже такое было, что у йих такие были корзины большие плётеные, и яны в етыя корзины купляли мацу ету и приносили домоў на чердак ставили. Ну, а у них не так уже законные были мужчины, як женщины. И вот этот нёс на чердак и пёрднул – простите за грубость! Всё! Жонка почула, и ина прыказала уничтожить ету мацу. И ён ету целую корзину к нам принёс. А ведь ина чистая, не думай, что, толькo вот! «А я хлеба поевши был! Я же тепер, грит, хлеб ем!» А вот, значить, воздух хлебный нельзя на яе! [Смеется.] У йих дурные законы были! Если лежить мясо и попала капля молока на яго, всё – уже им есть нельзя по закону¹²⁵.

Память наших рассказчиков сохранила такие интересные детали, как устройство машины для раскатывания теста для мацы и специальное устройство («колки») – палки для переноски мацы (рассказчик, правда, довольно сбивчиво говорит о некой процессии, когда на палках переносили мацу).

И мацу вот ету пякли, а мы под окнами глядели. Такая лента идёт, по ей такие блины ложать. И яна

идёт. А там стоят мужчины и женщины и принимают, и на такие протвины, як на палочки накупают, набрасывают, и ету мацу у печь совают, и там тады усунут яе, пякли. А через которое время гляжу уже, выносят ету мацу, большие кошики такие большие, туда накла́дут и понясли. Остальным куда-то. Разносят по этих... де жили. [А из чего ее пекли?] Мука. Обыкновенно – мука, вода и... без соли, без ничего. [А почему мама вас спрашивали, будете ли вы это есть?] Она православная. Но она не против была. Они дружили с евреями. У меня отец очень дружил¹²⁶.

А яны свою Пасху отмечали, яны не ели хлеба. А ели яны толькo мацу. Маца ета, ой, мы бегали всё... яны пякуть мацу, мы лётали, нам не давали пока ещё Пасха [не наступила], а уж в Пасху дак прынясуть мно-о-го-много гэтой мацы нам. А маца такая тоненькая-тоненькая, ни соли, ничо́го у ей нет. Толькo вода и мука, но мука самая-самая. [А это евреи делали мацу?] Евреи сами сабе пякли мацу. [А были в ней дырочки?] Да, делали дырочки. <...> Раскатывали тесто, а потом яны уже сделали некую машину, и машина ета <...> Закладали туда тесто и оттуда выходила тоненькая гэта, листы такие были длинные. И жаркая печь. И толькo сунуть и вынимают. И собирается много баб и гэтак пякуть гэту мацу. [А не говорили, что в маце должна быть кровь?] Ну, гэто говорили, и я читала, что должна быть православная кровь. Главное, толькo такая [маца], которая была у ра́вина. <...> ...толькo такая маца, которую ён раздавал потроху каждому. Евреям, толькo евреям. Они гэтой мацы нам не давали. После из етой мацы, они тёрли и опять пякли, выпекали всякое. [А не говорили, что кровь должна быть младенцев?] Была такая книжоночка, и говорили, что маца гэта, должна быть... кровь христианская, але гэто не в каждую мацу, толькo был где етот ра́вин, ра́вин или ра́бин¹²⁷.

У евреев своя церковь была. Як Ленина улица, перекрёсток, и поворот налево. Московска улица. Там щас построена гостиница. Там ихняя... [нрзб.] церкоў. Яны свае праздновали празники. Им надо такое – я сам пацан ещё был – такие колки были, як под метлу, колочки. И так были заострены [с одного конца], очищены. На тых колках себе мацу

пьякли. Такие плосные пьякли, таки раскатанные, тоненько-тоненько, як пластинки играющие [граммофонные]. [Круглые?] Круглые, ага. И гэта уже угошали нас. Як быдто уже нашего, как-то, понимаете, ребёночка забили, вот кроў извлекают – это ели мы, вот так вот. [Что с кровью?] Ну это по закону должны украсть малыша и забить его, вот кроў ўзять и ў это добавить ў эти булочки, ў эти лепёшки. И вот угошшали. Може, так не было, но али, но так говорили. Уже закон их такой – кто знает? [Кровь в мацу, и ей угощают?] Да-да-да-да, угошшают, да. [А что с колами делали?] У лес ходили, усекали – [евреи белорусским детям за это] платили деньги. [Для чего палки?] Тады, як, как ходили, у их процессия, вот тот круг [мацу] на палку втыкают, нясут як как зонт. [Несли над головой?] Да, да-да, это как процессия такая, обычай такой. [На какой праздник?] Это... это на Рождество. Не на Паску, а на Рождество. На Паску-то яички качали, а на Рождество. Коляды. Яны раньше за нас, напярод. [А наши евреев угощали чем-то на праздники?] Як яны рядом с жидами живут – зовуть на гости – ян ж идуть¹²⁸.

В одном из рассказов еврейская Пасха характеризовалась как «черная» и «темная»: это свидетельство сопоставимо с представлением о «траурной» еврейской Пасхе (в противоположность «красной» христианской Пасхе), зафиксированном в гомельском Полесье¹²⁹:

У нас [православных] Пасха всегда позже на две недели йихнеё. У йих – как это называлось... Яна [соседка-еврейка] ж всегда прыходила ко мне, инжир приносила, там фрукты, сухофрукты прыносила за две недели. И у йих такой праздник, ну, как у нас тоже. Ну, она мне объясняла – как у нас же Иисус Христос воскрес, то и у йих. То у йих в это время ўсё черное. Окна завешаны чёрным, чтобы никто не заходил, чтобы в тёмном, и оны только молятся. Они по-своему молятся, мы по-своему молимся. А оне по-своему молятся. Вот, и яны всегда садятся в комнату и где-то восемь дней, «квадру» яны сидят; они так молятся каждый день, не то что раз в день, они утром, в обед и вечером. <...> Пекли каравай, она каравай прыносила, и у йих сухофрукты тогда. Вот каравая кусочек она прынесёт и сухофрукты прынесёт. Инжир всегда пры-

носила, изюм, курагу прыносила всегда. Но водки она никогда не употребляла¹³⁰.

Они очень любили, когда к ним пойдёшь, угощают, особо этой... мацой. [А что это такое?] Такое, як теперь у поляков дают облатки. Такое из муки спёченное. На праздники – и они уже старались этой мацой угостить русских и белорусов. На вкус пресное такое. [На какой праздник ее пекли?] Але у йих, наверно, яна всё время была. Если к йим попадеш в дом, так яны стараются угостить этой мацой. [А из чего ее делают?] З муки. Такое тонкое-тонкое. [А чем еще угощали?] А так – булочки были, вот они всегда на праздник пьякли. Ну, и старались налить спиртного. У них настойки были свои, делали они. <...> Они очень были такие гостеприимчивые¹³¹.

В Глубоком, как и в других регионах славяно-еврейского соседства, представление о наличии в маце христианской крови воплотилось в рассказах о «кровавом навете», которых было записано очень много (основной мотив – бочка с гвоздями, куда помещают несчастную жертву)¹³². Здесь мы приведем лишь свидетельства, окрашенные местным колоритом, в которых содержится отсылка к историческому прецеденту (случай произошел в конкретном месте по соседству (например, в Докшицах, в Долгиново или в Германовичах), и информация о нем передается как своего рода историческое предание) или ссылка на собственный опыт (личные и семейные мемуары с мотивом «кровавого навета»). Такого рода тексты наглядно показывают связь мифологемы с локальной историей.

[Евреи приглашали христиан к себе на праздники?] Нет. [Мацой не угощали на Пасху?] Угощали. [А где они пекли ее, дома?] А здесь специальный был дом, вот теперь ета..., вот теперь центральная площадь, тут был дом, и там специально пьякли яё. [Это была пекарня, или пекли у кого-то дома?] Это просто был дом, як аны считали, ето кошерный дом, и там яны пьякли ету мацу. И уже где-то с сентября месяца яны уже начинали пячы, потому что ето ж сорок дней яны питалися только мацой етой. Так ето ж на семь с половиной тысяч напечь! [Маца им нужна к Пасхе?] Пасха это.

[И потом после Пасхи они сорок дней питались мацой?] Аны после Пасхи и во врэмья Пасхи. Мой папа был сапожник, к яму прыходили и еврэи етые, прыносили нам, детя́м. Так папа говорыть: «А гэто, – говорыть, – не с хрыстианской кровью?» [Как это? Что это значит?] «А, – говорыть, – не». [Почему он так спрашивал?] Потому что, не знаю, правда это или неправда. Вот я уже у еврэеу после войны спрашивала, недавно – чи правда это, что это... «Ай, – говорыть, – это лишь бы только погром зробить». Потому что, говорыть, а зачем, говорыть, врач любый узять етых несколько капель крови. Значить, что-то было у йих. Но это было особое. Табе б етой мацы не досталось. [Так откуда они кровь в мацу брали?] Вы знаете, что-то было так. Тут же вот недалёко, в Докшицком районе Долгиново. Там всегда были большие базары. И вот отец с сыном приехали. Сын маленький был, приехали на базар. Вот яны отъезжать, и вспомнили, что не купили баранок. А это всегда было уже – если едут с дярэуни и прыязжают когда назад уже едут, то обязательно, это, должны купить моток баранок. И ён етого мальчика послал за баранками. Послал, ждэть, его нет. Пошёл ён к етому еврэю, говорыть: «А ён у мене не был». После его нашли, етого мальчика, всяго сколотого у канаве где-то. Ну что? Рашили, что это яўрэи яго. Уже на мацу [усмехается] скололи. [Это какое-то поверье, что они могут ребенка?..] Ну вот что-то яны, это, на мацу на эту. И тогда такой был погром там, что, говорыли, аж до Глубокого перья лятели. Ветер был оттуда, и перья оттуда лятели. Всё – и домь разгромили, там собралися люди, ну, съехалися, як на базар, съезжалися. А тады як побрали оглобли, и всё там громили – и магазины, и всё... Так даже етые... папа мой говорыл, что стражники – ну, это было ещё пры Николаю, стражники не дали рады. Вот. И священники там уже, и все... собрались и чуть... [Это в какие годы было?] Это ещё до Польщи было. [А для чего им кровь нужна?] Ну, якую-то они мацу пякли, обязательно яна должна была быть с кровью хрыстианской и нявиннаго! [То есть взрослого нельзя?] Ну, мама рассказывала, что яе тётку... Она тут была у Уделе корчма. А эта тётка яе жила, ну, была бедная она, ну, сирота была. У яе брат был, там у соседней дярэуне, и яна в этой корчме прислугой была. И вот етые, собираются етые... яе хозяйка

повела в баню, и там так уже мыла, что нико́ли етого не было. А тады яна глядить, что собираются ето... еврэи, мужчины одни, в этот дом и что-то говорать и говорать между собой, и что-то кого-то ещё не хватало там. И яна тады етое... яе взяў страх, и яна стала утекать. Сказала, что ей, ну, надо по... к ветру, как это перевести... Ну и яна пошла. И ета хозяйка... а главное, что яе не выпускают з дому. И яе за гэто взяў страх, что яе не выпускают з дому, и что-то тут такое робится. А ужо гэта, ужо разговоры были про это Долгиново. И яна к етой хозяйке, что ей надо к ветру. А ета хозяйка яе повела. Никогда яна ей не водила, и яна ей повела. Ну, и яна пошла и з ей, и яна тады, вроде уже садится на дело, и бягом! И бягом до брата. И гэтыя яврэи за ей. Догонять. А там два километра было. И яна як ўбегла, открыла двери, черэз порог и завалилася. И яны к етому брату: «Ай, на что, не знай, чаго яна напугалася, что гэто ей показалося, чагой яна гэтак бэгла...» Ёсё. А после нашли ей жениха, купили три гектара ей зямли и сто злых дали, это было при Польщи. Каб яна только нико́му гэто не рассказывала. [Евреи дали ей?] Еврэи. [То есть она догадалась, в чем дело?] У йих что-то ж такое ето... А ина была дивчиной ещё это самое... [Невинная девочка?] Ну, ещё конечно, она невинная ещё. [А сами евреи что говорят, есть у них такое или нет?] Ну, ён мне так сказал: «Ай, это басни! Что, – говорить, – в каждой больнице еврэй быў. И мог ён взять у шприц етой крови. Этого не надо было робить». Ну, может быть, и так?¹³³

Ну вот, рассказывала ещё мама моя, что в Докшицах был такой случай. Что мальчика украли, побили, може, ему трынадцать годоў было чи сколько, и родители шукали-шукали, и потом там нашли в подвале где-то, яны яго замучили и кровью истекали. Там люди оглоблями <...> там били етых жидоў, там неведомо, что робилось. Это ж когда было... До войны ж наверно! У Докшицах. Мама сама не бачила, але рассказывала, что ай-ай, что там робилось! Ну они эту кроў вроде в мацу, всим мацу эту угощали, всим яе давали...¹³⁴

Маца – прыносиў дедушка. Мы ели. [Как она выглядела?] Гэто яны пякуть перад праздником, перад святом, перад Паской. У нас перад Паской

что – яечки, а у их... вот такая вот круглая, вот такая во большая и тоненькая. Но ўкусная такая, сухонькая. [А из чего делали?] А коли яны мацу эту делают, говорили, а ў мацу надо одна капля нашей крыви туда. Нашей крыви. Вот! Нашей крыви одна капля! Ў эту мацу надо. Потому что они Богу же верили, а Матке Боскей святой они не верили. Они только Богу верили. Иисусу Христу Богу верили, а остальному не верили. [А как они кровь добывали?] У их была в запасе эта кроў! [Они запасались?] Конечно! [А откуда?] В Герма́новичах ж пропала девочка... Вот. Ну пропала, батьки ищут и ищут; милиция ищет. Проходить до йих уже ў хату, а у шкафе – чують что-то, значить, капельки капают и на таз... <...> Яны открывают шкаф, а девочка висит подвешенная... И эта кровь стекает. А тады яны эту кроў держать много годоў и всим разделяют по капельке. Йим надо живого человека кроў, дорогуша. Вот тебе и жиды¹³⁵.

А их [евреев] и надо было не любить. Вы, наверно, может быть, от родителей знаете? [Почему?] А потому что многие страдали из-за них <...>. Лет 20–25 тому назад я ехал в Минск, подвозил одну женщину. И она со слезами рассказывает мне, говорит: «Еду в церковь молиться за доченьку». Она училась, в Молодечно, кажется. И, говорит, на автостанции провожали её, она, значит, села в автобус, поехала, но домой не приехала. А как? А потом тело нашли её. И врачи сказали, что высосана кровь вся. Да, даже в это время [т.е. лет 20 назад]. А раньше очень часто они делали это. Шприцами то ли... или как ещё. В давности, не знаю, насколько правда или нет, они должны мацу делать такую, слышали? Это блин такой, ну, из муки – и туда несколько капель крови христианской должны капнуть. И причём живого человека должны высосать эту кровь. Так вот говорили, что раньше, в далёком прошлом они что делали, правда это или нет... Бочка круглая, гвоздей туда втыкали, туда человека – и крутили вот так [показывает, как крутили, будто за приделанную ручку]. А потом собирали эту кровь. Чтобы приготовить эту мацу. Сколько крови надо было – нет [не знаю]. Вот за это, конечно [не любили евреев]¹³⁶.

Будки, Трубки, Кучки

Локальная особенность представлений о еврейский осенних праздниках состоит не только в терминологическом разнообразии – были зафиксированы такие термины, как Кучки, Будки, Трубки, но и в том, что местная традиция устойчиво соотносит праздник Будки (т.е. праздник Кущей) с еврейской Пасхой (и «сдвигает» этот праздник на весну), что характерно для некоторых регионов Украины и Белоруссии¹³⁷. Хотя некоторые из наших собеседников уверенно говорили о Будках как об осеннем празднике. Сравним несколько свидетельств:

[Какие еще еврейские праздники помните?] Ешшэ было, у йих было *Будки*. Это, ну, по-религиозному як это... ну, их скитания по пустыне, когда яны ишли с этага... в *Землю Обитаемую*. Это шатры. Это где-то осенью были етые Будки. Там около каждого дома, ну такое... як туалет [смеется] такое размера ставили, накрывали яловыми лапками и пол устилали. Ну там столик, и там, ето, ядў ставили, и только мужчины там были, женщинам там нельзя было¹³⁸;

Будки – это бывает, знаете, вот осенью. Оне строят будки под домом на улице. Будка отстроена, там у них должны быть куры... ну, приготовлено [еды]. Уже они молятся там и едят что там. Не знаю, я ж не была. Только знала, что эти будки¹³⁹;

Еврейская Пасха <...> она больше совпадала вот с польской. Или за польской, или вместе с польской. <...> [Что такое *Будки*?]: Это вот знаете что? Вот как-то менялась погода. Говорят, что яны в этот период яны *заседали*. А что они там делали? Может, молитва была какая у них? Заседали. Заседание было евреев во время... И плохая погода была. Всегда: «А, это еврейские Будки». Вот если ранняя Пасха, допустим, там март – то метель, ветер, холодно. Всегда. На еврейскую Пасху – всегда <...> У йих Будки – это Пасха была. Это заседание было. Но что в этих будках делалось, я вам не скажу, потому что не знаю. <...> О! Еврейские Будки – холодно. Это начались еврейские Будки. Этот период проходит, и тады, после этого... она как-то совпадает с польской. Польская ж Пасха или у нас вместе или всегда раньше. И вот

Глафира Петровна и Иван Ипполитович Орехва

только то проходит, и начинается [русская] Пасха, и наступает тепло. <...> Это всегда тёпло – Боженька воскрес!¹⁴⁰

Некоторые же рассказчики связывают праздники *Кучки* и *Будки* с осенним периодом, при этом *Кучки* могут трактоваться как скорее поминальный обряд¹⁴¹, во время которого единственной разрешенной обувью были резиновые галоши:

Ешшэ у йих был... было такое праздник *Кучки*. Ну это як праздник и это як, ну, траурное такое. Это по сорок дней, нет, тридцать дней, это было траур по этому... по Моисею. Ну, который их вывел, вёл в *Землю Обитаемую*. Это было тридцать дней. Это вот когда у йих кто-то помираў, и аны

тогда, это самое, им нельзя было никуда ходить, сидеть дома надо было, и резиновые галоши. [Без обуви?] Без обуви. Нельзя было, ну они ж босиком шли, это в честь того, як умер йихный этот... Мойсей, у них был тогда траур, и они... их тридцать дней. [Это *Кучки*?] *Кучки*. [А когда это? В какое время года?] А я уже даже ня помню. Вот гэтые Трубки – где-то в сентябрэ были. [А *Будки*?] А *Кучки* гэтые... у йих не было так, что праздник, я ж вам говорю, это было як траур по покойникам – тридцать дней. [То есть это по любому покойнику они так делали?] Да. [А что с галошами вы сказали?] Галоши – это как обув. [Они должны были во время траура носить резиновые галоши?] Я не знаю, чи это им обязательно, но яны ходили в галошах. Ёсе. [Не в другой обуви?] Не в другой обу-

ви. Но это надо было, по-моему, уже совсем быть босиком ходить! [Смеется.] Потому что яны ж тогда ходили босиком!

[*Будки и Кучки* – это не одно и то же? Разные праздники?] Это да, это траурное, поминальное, а это... как это... ну, в честь того, як оны у пустыне и оны у шатрах жили. [А будки все время стояли на улице или их специально строили?] Построить яе и после разбирали. [А вы сказали только мужчины?...] Мужчины только там ели. Еда там была поставлена, но ели только мужчины. [А женщины ели дома?] А женщины дома. [И у этой будки не было крыши?] Крыша была, с етых, с еловых... [А на пол что стлали?] Тоже яловые ветки. [А когда будки строили, никто не шутил – проходит мимо и что-то сказать или сделать надо, чтобы он разломал и заново строил?] Ну, ломать не ломали, ну было, что поставят эту ядú – украдут. Ну и хулиганили – оправится кто. [Не было такого, что в эту будку дети кошку бросят или птицу запустят?] Были даже и взрослые [подшучивали]. Знаете что – вяликой отказности за гэто не ймели¹⁴².

Праздник *Будки* был ознаменован постом (полным отказом от пищи), который отразился даже в местной фразеологии:

[Что про «Будки» говорили?] [1:] Что говорили – что *заседают в будки*. [2:] Заседают. Яны ничего тады не ядут, я знаю, яны постят, это строго это всё было. Это вот такое от людей чулося. <...> [Говорили человеку, который отказывается от еды:] «Ай, ты як жид! <...> Чаго ты не яси, на шо ты постишь?»¹⁴³

Праздник *Трубки*, основным действием которого было трубление в шофар, связывается в народном сознании с библейским Исходом, когда евреи заблудились в пустыне и «один одного искали». В городском пространстве Глубокого праздник был ознаменован процессией около озера, сопровождавшейся звуками труб и стрельбой.

Были яшчо *Трубки* у йих. Это тоже в честь того, як яны заблудились в пустыне и разошлись, и один одного искали. И трубили у трубки. Это яны тогда ходили коля́ озера, по поли ходили, и у йих

такие были трубочки, и яны трубили. [Это прямо здесь, в Глубоком?] <...> [Что за трубки были?] Ну такая вот трубочка. [Из чего?] Я не зная с чаго, я яе не видела сблизка. Яны ж не показывали это. [В нее надо было трубить?] Трубить. И это самое... ну... як это... *пуга́ч* называлося. Стрэляли. [Это тогда же?] Да. [А что это за праздник?] Ну это етыя... Трубки. [Так он и назывался – *Трубки*?] И они не возле домов, а специально ходили на озеро?] Ходили, потому что это же у честь того, что яны в пустыне искали один одного. [А стреляли зачем?] Стрэляли, чтоб звук. [За тем же самым, что и трубили?] Что и трубили, как бы это – *находить*¹⁴⁴.

«Никипор», или «Чертохоп»

Представление о том, что у евреев есть некий «страшный» праздник, когда они оказываются во власти нечистой силы, в славянской традиции связывается с поверьем о демоне-«хапуне», похищающем в Судный день одного из молящихся евреев в качестве жертвы¹⁴⁵. Это поверье живо и в наши дни, о чем свидетельствуют полевые записи последних лет¹⁴⁶. В Глубоком были записаны интересные локальные варианты представления о демоне-похитителе, которого здесь именуют *никипор*, *чертохоп* (эти термины фиксируются нами впервые!), а также *хапун*, *хапунец*, *хватала*¹⁴⁷. В день, который именуется *Никипор* (ср. название еврейского праздника *Йом Кипур*), нечистая сила пугает евреев: показываются страшные видения (черт является в виде коня); на человека, не пошедшего в синагогу, нападает внезапная болезнь. «Страшный» контекст этого праздника усугублялся тем, что к нему приурочивались бесчинства нееврейской молодежи: в синагогу могли закинуть кота или запустить свинью (о подобных шутках уже шла речь выше). Подобно сюжету об использовании крови для приготовления мацы, сюжет о хапуне трансформируется в форму детских страшилок.

[Не было такого дня, когда евреи собирались в синагогу и плакали и кричали?] А, во, это я былась. Было. Это назывался *Никипор* [Йом Кипур]. Это у честь того, когда им Бог даваў десять заповедей. Тогда были страшные молнии и огонь с неба, в обшшэм, такие страшные видения. И вот это в честь этого Никйпор. [А почему название

такое? Что это значит?] Ну, не зная, чаго ён так это звали. А тут у нас о, говорить, сегодня у жидоў *чертохон!* У йих какое-то было поверье, что это-то Никипора может у йих что-то такое... ну, может с человеком что-то такое случиться. И вот тут у нас недалёко кузнец был, яго дочка была небольшая. И прибегаёт ён к нам: «Ой, ходите Дусю нашу ратуйте!» – «А что с Дусей? Як яе ратовать?» – «Конь стаў ў дверях и да яе головой, и ногами бьёт, нас не подпускает никого». Мама говорыць, ну что, говорыць, там может этот конь, як ён у вас ў хату? «Мы не знаем, як ён зайшоў». Мама говорыць: «Ну пойдём поглядим – где-то твой конь? Ты, – говорыць, – кузнец и ня можеш с конём справиться!» Мама заходить, говорыць – так нема ж ниякого коня, де який конь?! «Ну что ты, ня видишь? Ой, соседка дорогая, зробіте так, як у вас робят!» Ну это перакрэстить. Мама зайшла туда. И вышла. Ну, говорыць, ниякого ж коня нема! «Ну як – вот стоять и бьёт ногами, нет подойти! Зробіте так, як у вас робят!» мама тогда перакрэстила¹⁴⁸. И ён: «Ой, – говорыць, – ты нас спасла! Спасла нашу Дусю. Нема коня». Вот у йих что-то было такое. Йим якое-то видение давалося. [Это на этот праздник?] На этот праздник. [А почему вы сказали *чертохон*?] Никипор. Чертохон. Это ж «никипор», это ж по-йихнему чёрт! Но гэто в честь десяти заповедей. Это сильно тады йим были страшные видения в это врэмья. Это тоже было ещё в пустыне. [«Никипор» в какое время года?] Это де-то осенью. Поздней осенью. Ай, и хулиганили! [Как?] И кота туды ўкинуть, а яны тады гвалт! Крычать! [Смеется.] [Кота куда?] У синагогу йихнюю. Даже папа рассказывал, когда ящё небольшой был, зловили свинью, чия-то свинья ходила свободно, и еврея старόго пой... де-то яго нашли, больного, увязали на ету свинью и пустили туда. Так эта свинья по их лётала, а яны все полягли на зямлю и лежали не двигались, пока эта свинья не вылятела оттуда, не скинула этого. [То есть они так испугались?] Спугались. У йих что-то сильно страшное было. [Это тоже на *Никипора* было?] Это на Никипора. [А ворону не пускали туда?] Ай, что кто придумает. [Как еще этот черт может появляться – конем, а еще?] Ну, было такое, что... як теперь бы сказали, что парализовало человека. А это на Никипора случилось, и было что ето его... уже якая-то сила... [Это когда дочку

кузнеца?] Не, это другой мужчина. [А что было?] Ну, яго парализовало короче. Но гэто было уже ж что. Что-то Никипор ему... прыдушиў (?). [Это с любимым могло случиться?] Конечно! [Не потому что он что-то плохое сделал?] Ну, а эти... Эти были хорошие люди, кузнец он был, порабочные, набожные. Ён всегда – окна к нам были, а тут дома не было одного, только огород – так видно было, как ён вечерами молился, стоял у окна. [Что случилось с тем, которого парализовало? Это в синагоге было?] Нет, это дома. Так вот говорыли, что за то, что не пошёл в синагогу. [А потом здоровье вернулось к нему?] Вернулось¹⁴⁹.

[Не слышали, что есть какой-то *чертохон*, который «хапает» евреев?] Ну эта гаворят так – чэр-тахоп, – а я говорю, ня видеў чертахопа. [Что гаворят?] Наверно, чорт идеть, хапает и уносит, а я говорю: ня видеў ни черта, ня видеў чертахопа. [Куда он приходит?] Ну эта як святки подходят, такое. [Праздник есть какой-то?] Ну, таки праздник у их, называют *чертахон*. [Праздник так называют?] Ну, таки праздник, чертахоп некий, черт йих знает. [Хапает и что?] Ну, може, хапает, я ж ня видеў. Може, токо название такое, може, и ня делается, хто яго знает¹⁵⁰.

[Вы не слышали слово *чертохон*?] Ну, это, може, касалось до еврееў, *чертохон* – я не знаю... Это ў осень бывает, такая, як, ну Прэчистая – всегда бывает гроза очень большая, а тады, може, *Будки*, кажут: «А, это *чертохон* ихний начаўся»¹⁵¹.

[1:] Но хапун – это бывало. [2:] Ну дак хто это хапун – рэбят страшили! [1:] Это такая ночь тёмная. Восенью. [2:] Детей страшили раньше: «Не йди, там хапун! Схватить – и всё! И тебе ўже ня будет!» [Это осенью?] [1:] Ну да. [2:] Ночи тёмные, понимаете. Вечер, тёмные ночи. <...> Знаете, а дети ж лезут всюду! Им хочется на улицу – а не пускают. [Так пугали и белорусских, и еврейских детей?] Ну, я не знаю, там у яврееў чи там по-другому як...¹⁵²

Чертохон может быть приурочен к празднику Куцей (*Кучки*) и к ритуалу моления над водой, а также к еврейской Пасхе (т.е. скорее к празднику *Будки*, который в данной локальной традиции ассоциируется с еврейской Пасхой). В одном из рас-

Людмила Перфильевна Маслова

сказов к празднику *Чертохоп* приурочен «пасхальный» ритуал с бочкой с гвоздями (евреи якобы с осени начинали запасать христианскую кровь для приготовления мацы).

[Еврейские Кучки.] Говорили. Вот говорили, это ж Кушчи называется. Когда гэтае *Кучки*, у нас называли *Кучки*, на кладбище, среди этих сосен, они строили свои эти кушчи. И там сидели по ночам. И прылятаў *хапун* и кого-нибудь хапаў. И этат человек пропадаў. [А кто такой хапун?] Не знаю. Мож, чёрт яурэйски. [Але именно на гэта свята?] Да. На еврейские Кучки. <...> На еврейском кладбище. А дзе ж больше им эти кушчи строить? Не среди ж хат! [А яки ён, хапун?] Не знаю, можа, з пэйсами¹⁵³.

[А вот в Кучки что делали они?] Ну вот это они ходили, знаешь что, на воду, глядели у воду. Это, як они звали, *чертохоп*. [А зачем они смотрели в воду?] Ну вот, что они там увидят в этой воде?! А что они там могли видеть? Просто такая, знаете, каждому своё. <...> [А евреи смотрели в воду и читали?] Чи яны там молилися, чи кто йих знает. [А чертохоп это называлось?..] Что может кто-нибудь схватить, что может кто-то утонуть¹⁵⁴.

Называют *Кучки*. Дожди льют без конца! Холодно! И вот рассказывают, что они, когда ложатся спать, и никто не ложится к краю – они боятся, что вроде его кто-то схватит¹⁵⁵. Когда Кучки. Это евреи. Не христиане, а евреи. [А кто их может схватить?] Ну, чёрт, може, не знаю! Ни-

кто не хотел ложиться крайний, что его может схватить¹⁵⁶.

Хапун говорили [был такой праздник]. Праздник был, они себе такую будку под хатой – это в октябре. [Как этот праздник назывался?] Я вот по-йихнему забыла... [А вы как называли?] Ну, это *Чертохон* кажут. Яны хватали ў етый Чертохон – ў бочку клали и качали, каб кроў дали. А кроў на Пасху должна быть ў мацу. Гвозди нагнали ў бочку, кинуть тебя... мы боялись. Яны тады целую няделю. Сели вечером ў пятницу, и яны только там ядуть, в етых будках. В октябре месяце. Яны уже целую няделю, у ных уже наготовлено всё. [Как выглядели будки?] Примерно так, як вот туалет – под крышу, из досок сбитые, и она там уже только молятся и ядуть. А потом она яе разбирали. Всё врэмя они не стояли так¹⁵⁷.

Это моя мама рассказывала, что йих якей-то *хапун* хватает. И вот перад Пасхой они уже стояли, молилися, молилися, каб хапун некий там не схватил. [А что это?] Вроде кто-то зникал с йихней еврейской судьбы, с жизни. [Хапун злой какой-то?] Вроде типа якой нечистой силы. Хто-то уносил гэто. Яны молилися, молилися, хоть бы не ухватили яго¹⁵⁸.

Когда сюжет о хапуне теряет свою актуальность и уже не бытует в форме развернутого нарратива, на лексическом уровне все равно остается понятие о вихре под названием *хапун/капун*, что напоминает об основной ипостаси этого персонажа¹⁵⁹:

Хапун – это какое-то иностранное слово, <...> это вихрь какой-то проходит. Вихрь – это по-русски, а по-белорусски выходит – *капун*¹⁶⁰.

Праздник с факелами

Нам удалось записать единичное свидетельство, относящееся к осеннему празднику Симхат Тора – в детских воспоминаниях одной из наших собеседниц он фигурирует как «праздник с факелами»; именно так запомнилась ей шумная процессия на улицах Докшиц:

[А осенью, вы говорите, был праздник у евреев?] Никогда не забуду, мы приехали в Докшицы, <...>

и яны тады ходили с факелами по улицах и громко пели-кричали¹⁶¹. А я, помню, маленькая была, боялась, помню. Боялась, дак все сядели под окном глядели, а я сховалась, голову закрыла. Боялась жидоў. Жидаы ходили. Потом поляки прекратили, не дали им ходить. [А зачем они ходили с факелами?] Не знаю...¹⁶²

Обряды жизненного цикла

Свадьба и похороны – основные еврейские обряды, о которых нам удалось получить сведения. При этом как всегда погребальный обряд оказался прокомментирован неевреями гораздо подробней, поскольку свадьба, проводимая в основном в доме, оказывалась вне поля зрения нееврейских соседей.

Еврейская свадьба

[А свадьбы еврейские вы видели?] Видела. Яны ж – только евреи. Никого они не приглашали. Танцы йихные, ну, это ж увидишь праз окна и только! Близо подошёл уже. Так так только толкутся, музыканты у них свое были, у их свое инструменты были, толкутся и всё! И всё: «А хосене! А хосене!» Это: «Свадьба! Свадьба!» [На палках навес держали над молодыми?] Ну, гэто когда венчались, венчание нельзя было увидеть. [Они в синагоге венчались или дома?] В доме¹⁶³.

По нашей улице свадьба была еврейская. На улице там йихный рабин уже ритуал проводил. А мы дети-то глядели. Ну, поглядеть-то надо было! И вот стоял, что он там говорил, я ж не знала. А тогда два выпьют, а рюмки бросают под ноги. Молодёжь. А хто ж его знае, чаго яни били эти рюмки? Выпивать что давал им – я ж то не знаю, только знала, что бросали эти рюмки¹⁶⁴.

Погребальный обряд

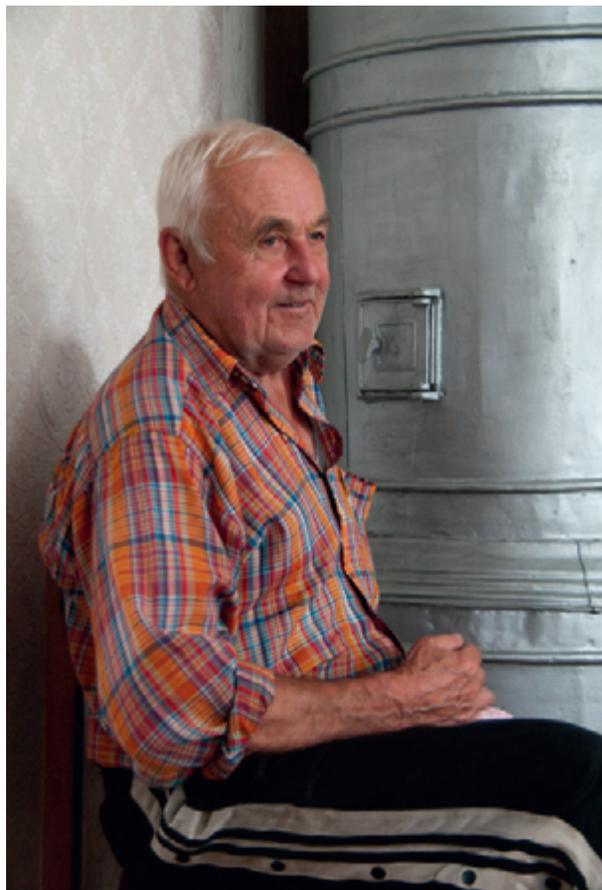
Перед тем, как рассказать о том, как в практике соседства отразился обряд еврейских похорон, обратим внимание на один локальный сюжет, значимый для городского текста Глубокого. Это рассказы о том, как в свое время песок с еврейского кладбища (разрушая при этом могилы) брали для

Александр Васильевич Парфенович

строительства дорог и что из этого вышло. Представления о несчастливых участках дороги на подъезде к Глубокому до сих пор активно бытуют в местном фольклоре¹⁶⁵.

[Еврейское кладбище было одно?] Одно. [Там, где и сейчас?] Одно. И оно почти до забора базара было. Большое было кладбище, и туда к озеру. Вы же знаете – советская власть? Делали вот эту дорогу – Глубокое–Вильнюс–Витебск – и оттуда брали зямлю. З этими костями, и со всем. И знаете, что этие... этот участок дороги – всё время теперь там аварии. [Они прямо через кладбище дорогу проложили или просто землю брали?] Землю брали. От озера – там вот озеро второе – от того озера и брали песок. Это ж место высокое, там почти гравий. Ну и з этими костями, со всем.

Иван Юлианович Полидовец

Ну а потом уже стали просто люди кричать, стали в Витебск звонить, что это робится, як это дорогу робить костями. И вот тут такое место, что всё время аварии, и на Браслаў – там тоже небольшой участок, и там тоже всё время аварии. [И туда тоже эти кости возили?] Тоже гэтыя песку возили. [А тут – это где?] Вот этот – на Витебск. [А как-то называют этот кусок дороги?] Она ж раньше Вильнюс–Витебск называлась, а теперь же Вильнюс не наша [смеется]¹⁶⁶.

Кладбище было до самого озера. Потом взяли сделали карьер, брали песок. Надо было песок, в городе, центр города близко возить, вот строители брали песок на дорогу. А власти не подумали, что это кладбище, а потом евреи поднялись, как поднялись евреи, так начали... <...> Эту всю зем-

лю забрали на Кирова улицу, на Московскую, вот поэтому теперь несчастья – там непрерывные аварии. Конечно, из-за этого! И кости валялись, потом кости собирали. Наши люди собирали... Брали эту самую землю, так вырывали ж и кости! И собирали кости и потом хоронили, перезахоранивали. [Аварии] и на Кирова часто бывают, на Максима Горького возле кладбища, и на Московской... А что ж вы думаете, не из-за этого?!¹⁶⁷

[Правда, что есть тут опасный участок дороги, куда землю с кладбища привозили?] Может быть. Землю с кладбища вывозили на дорогу. Строили Советскую эту дорогу вот, тут же была побитая дорога <...> было еврейское кладбище, отсюда вывозили во – коло озера, <...> можа, знаете, метроу двадцать его вывезли, много вывезли, и вот там всегда, где сыпали песок с кладбища, там всегда разбиваются машины. А тут тады были явреи, Пелькин такой жидок был, Фридман, пошли в райком, тутока усё гэто, тады прекратили. <...> Это старинное. Люди рассказывали: «А-а-а, это с клабища навёзено!» Кости бывало, черепья. Это, ка, нельзя возить это!¹⁶⁸

Еврейские похороны глазами неевреев

Описание еврейских похорон глазами еврея (мальчик-подросток вспоминает, как еще до Второй мировой войны хоронили его деда) дано в статье Ю. Бернштейн. Здесь же мы представим не столько этнографическое описание обряда, сколько его мифологему, определяемую взглядом со стороны; в то же время показательно, что соседи неевреи в ряде случаев были вовлечены в еврейские похороны (и как простые наблюдатели, и как помощники, например могильщики).

В Глубоком мы записали любопытный рассказ о случае, имевшем место еще до революции – по стечению обстоятельств тело умершей еврейки было оставлено без присмотра (ее не поместили в морг вместе с христианскими покойниками, потому что там стоял крест), и вот что за этим последовало:

Интересный был случай. Это ещё при Николае было. Мама моя работала в больнице. И вот положили еврейку в больницу. И она помёрла. Ну, а

этыя, санитары: «О, будем мы яё у морг ложить с усими! Будем жидоўку ложить!» У нас же только с сорокового... с сорок дэвятого года это «еврейство» стало, у нас называли «жид». Ну в Польше и теперь называют «жид». И национальность як писали, так тоже писали «жидовская». «Будем жидоўку ложить в эту... с христианами, там же, – говорать, – крыж стоять». И оны... «Ай, – мама говорыть, – куды хочете, туды и ложите! Абы вы знали, де она ёсьть, як прыедуть забирать, каб вы знали». Ну, приехали яё забирать, а яны яе заняли у подвал больничный, приехали забирать, и там хто тогда дежурил, говорыть: «Идите в морг и забирайте!» Дали ключи, пошли – яе нет там! А у них такое якое-то было, что если оставить покойника одного, без присмотра, кто-то пры нём будет сядёт, ён уйдёт. Поглядели – нет. И каб яны прышли спросили, и яны справили, як это говорытся, гевалт! [Смеется.] Мама глядить – что-то такое? Ходють толпами – и коли больницы, и по Московской улице тутока, и всё – и туды до морга подойдут, и ходють. Тады вышел фельдшер и говорыть: «Шо вы ходите? Шо вы шукаете?» – «Ой, доктор, не сообщшили сразу, як яна помёрла, никто пры ей не был, и яна ушла!» Ён говорыть: «Як это ушла?!» И фельдшер з ими пошёл, поглядел – нет! Тады ён гэтых санитаров позвал, говорыть: «Куды вы эту подели жидоўку?» [Смеется.] – «А в подвале вон стоять!» Тады позвали их, завяли в подвал, ну и она ляжить там. Забрали, а то было, шо она встала и пошла! [То есть при покойнике должен кто-то сидеть?] Кто-то должен сесть. Вот оны должны были, як она помёрла, сразу сообщшить, и прышли б яе, и забрали, и уже сядел бы пры ей!¹⁶⁹

В этом «случае из жизни» отражено традиционное еврейское поверье о том, что нельзя оставлять покойника одного, иначе он «исчезнет», его унесут черти либо он превратится в ходячего мертвеца, отмеченное еще в начале XX в. в вопросе Ан-ского по обрядам жизненного цикла¹⁷⁰. Представленное в виде городской байки о том, как евреи «потеряли» в морге труп родственницы и бросались искать ее по улицам, потому что решили: «Нихто пры ей не был, и яна ушла!» – поверье сохраняется уже в нееврейской среде Глубокого.

Петр Владимирович Волянец

Как и в других регионах, в Глубоком устойчиво бытует представление о том, что евреев хоронят сидя и без гроба¹⁷¹; иногда отмечается, что в могиле устраивают специальную лавочку, на которую сажают покойника; похоронная процессия движется «с подбегом»; для переноски тела использовалась специальная черная «кровать»; в могилу клали посуду и столовые приборы.

[О погребальном обряде евреев.] А евреи сидячего яго... <...> Ну, садять. Ё гробу поставять яго и... там садят. Фактически не так как у нас. Совсем по-другому. А яўрэяў – йих садять¹⁷².

Яўрэяў харанілі <...> везлі хараніць нармальна, у грабу, як і ўсіх, гэта ж ужо савецкі час, можа 69 год, а як на кладбішча прывезлі, вынялі з граба, пасадзілі ў мяшок і пасадзілі седзячы. На обшчам кладбішчы, но толькі сядзячага¹⁷³.

[Хоронят евреи так же, как мы?] Не. [А как?] Я вам расскажу, как. Може, ня ўсе, так я не знаю, но я скажу, что я видел. Таки Бэнттик, где мы брали же муку, так, он держал короўку. Вот, держал для сябе корову, куплял сенокосу, всё [нрзб.]. Ну, сена надо, с Микулич – недалёко дяревня, километра чатыре, как пошёл к батьке и стал говорить: «Дай коня, нехай сын зъездить в Микуличи, договорились... сена там купили – привезти». – «Нехай бяре, цё, жалко?» Пришёл, батько запрог коня, помочь сыну, телегу... не телегу – ну, сани – зимой это было. Уже утром, что – пять часоў, шесть часоў – чё, что такое – нема, нема. Что такое – нема? Нешто случилось. Батька пошёў до яго, тут же ж рядом жиў. «Приехаў?» – «Нема». Что он там делает? Неужели... он же не пьяница, ничего. Так долго грузит, что ли? Ночь, ночь уже, ўсё тёмно. Гьть: «Пойдём, може, где яко несчастье, обяруўся, ехаў с санями», – так мой отец говорит ягонному батьку. Ага: «Пойдём», – ну и пошли, застанули, може, километры... прошли, може, километры... два, ну два с половиной, больше не будет. Глядить: конь стоить, з-за леса выехавши только – и конь стоить. Вот конь стоить, а... а чаму круг коня никто ня ходить? Ня видно. Подходить: воз обяруўся и на яго. И... и прыдушило. Задавило. Вот батька уже... Воз подняли, неживого на воз положили и повезли домой. Как же хоронят, интересно посмотреть. Захожу – уже выходят уже это, из дома, койка такая, ну эк-то... железная такая, облегчоная такая, облегчоная. Стлано чорное такое, як одеяло стлано. Яго положили на ту койку, закрыли, вчетвяром: один сзаду... идут-идут вчетвяром. Отседа нясли аж туда-то. Это километр... мобыть, километра полтора будет [до еврейского кладбища]. И бягом-бягом туда, аж на кладбишше, и я сзаду: как там будут хоронить. [Бегом?] Ну так вот, чуть, с подбегом, с подбегом так вот. [Как?] С пробегом, так. И приходят, и я прихожу. Гляжу: яма выкопана. Это яма, такая яма вкосу, здесь откос сделанный, там сделана така лавочка – садиться. С зямли, выбрана лопатой так. Яго тады в яму садят вот так яго, до горы вот так вот садят, ну яго вытягивают [показывает, как сидит покойник: сидит на лавке, спину отклонил назад, опершись о стену дома, ноги несколько вытянуты вперед] до горы вот так вот, а тут доски накокую. И замли наверх – и всё. Без гроба,

без ничего. [Его посадили в могилу и сверху наискось доски?] Да, такие доски, так, ну тако, земли, такое, и всё. [Он был замотан во что-то или в чем он был?] Ну вот, в костюм, ня голый. Костюм, конечно, не такой... и засыпали и всё. [А на голове что?] Некий чепчик черный, не чепчик – який-то [нрзб.] – Бох йих знает. Я же там глядел, знаете, как... Вот так йих хоронють. [А когда закопали, что делали?] Ну и всё, и тады где-то взяли камень, и на это место, в голове, сьтавать камень. Вот такой рост [показывает руками размер – около метра]. И ёсь выбивать – выби... а кое-кто выбивали, а есть дак так камень. У их крестов не ставить. У йих крестов не ставить – токо камни. [А поминать остались или пошли назад?] Да это ўсе и пошли, ўсе полностью. [Поминки они справляют?] А нет. Экий закон у их. [Почему их сажали?] Вот такой обычай у их, такой обычай. Вот так. [Рабин был на похоронах?] Был, рабин да, рабин как же, молиў... всё. <...> [Еврея, на похоронах которого вы были, несли на кладбище пешком?] Пешком, да, пешком, пешком¹⁷⁴.

По нашей улице носили еврейё. У кроватях. У йих не было этих... ни гробов, ничего. Кровать чёрная – и в чёрной кровати уже нясуть яўрэя. И на кровати звоночек: дзинь-дзинь-дзинь-дзинь-дзинь! Уже видно, что понясли яврэя хоронить. По нашей ж улице носились... В яму ложили и досками закрывали. Садил як-то. Садил. А тогда доски ложили, не так, як у нас. У нас даже врач помёр, <...> так ходили глядели мы. Лежал – у йих не ложили в гробу, а в порогу. В порогу. Солома подостла́на, на ту солому ложили покойника, завёрнутого, конечно, в простыни, и так яго и выносили. После войны уже стали в гробы ложить. <...> Хороший яврэй был, врач хороший...¹⁷⁵

Хоронили евреев утром, на рассвете йих хоронили, несли их на таких... палочках. <...> А хоронил который – Друйко. Семья Друйко. Хоронили на рассвете, несли на таких палочках... Хоронили голым совершенно, заворачивали в эти... в саван, да. И их на рассвете всегда хоронили. Их никто не возил, их несли с подбежками такими, с подпрыгиванием. Когда их хоронят – подпрыгивают: прыг-прыг-прыг! [Зачем так делают?] Такая традиция наверное, я не знаю... <...> Хоронили не в

гробу, то ли их сажали... Их как-то бросали. Их несли с подпрыгиванием и их бросали. Не носилки были сделаны, а такие палочки – вот мама мне рассказывала – такие палочки, а тут как бы ткань лежала. Такие – типа носилок. На рассвете и так вот: бу-бу-бу-бу-бу-бу! так вот, вот таким голосом – что-то они там, может, говорили или что...¹⁷⁶

У йих если помрёт, то ён не ў гробу, кладуть яго на полу, на соломе. Ў мяшку. Вот ляжить. Яко ў мяшку хоронили. Если вот, допустим, родственников нет, некому якись-то плакать надо – нанимали. Плакали, кто умели. Вот тут у нас один [еврей умер] <...> а яна работала у жидоў служанкой, и яна умела по-ихнему говорить, як надо, ну а тады яны коров держали, на поле гоняли, как раз перад самой войной. Дак она рассказывает всё об йих. «Ну, а як гэто голосить?» А яна ж умела! Як покóтит! Точно плачешь! <...> А хоронить – я как раз была в городе и нясли яго хоронить. Тут же, где базар, кладбище было. Як кровать, две спинки такие – спереду и палки подниз подбиты – спереди и сзади. И утroph нясуть. А сзади уже идуть, моляться по-своему, плачуть, там ўсё это¹⁷⁷.

[Как хоронят евреев? Так же, как христиан?] Нет. Христиан же хоронят в гробах, а у них была такая кровать, чёрного цвету, там что-то было по-еврейски написано, две ручки вставлялись такие ў это... и еврэя этого ложили ў это... на... ў эту кровать. Яго ж не в гробе ложили, а такая, ну, саваншитый специально, в этом саване. И туда – дети ж всюду дойдуть и доглядять – и там ложили вилки, ложки, такие маленькие кастрюльки, тарэлочки, мисочки – ну, в общем, всю посуду, всё гэто ложили в эту кровать. Ну и нясли его четыре еврэи нясли его так – вот так етые ручки уставленные, и нясли ету кровать туда на кладбище. Там в яме обставляли досками и ложили туда етого покойника, и всё это к яму туда ложили. [Эту всю посуду?] Посуду. Ложили туда, зверху закрывали тоже досками ну и закапывали. Ну, у них это было интерэсно. Мы, конечно, християне туда не заходили, когда похороны у их были¹⁷⁸.

Еще одно соответствие анкете Ан-ского касается прощания с покойным. Согласно одному из вопросов, покойному шептали на ухо: «Чтоб ты

знал, что ты мертв». В Глубоком было записано свидетельство, что специально нанятая «плакса», пребывая возле тела, все время говорила покойному: «Ты не забудь своё имя (называет ейное имя), ты не забудь своё имя, ты помни своё имя. Ты не забудь своё имя», «Ты помнишь, что ты спишь, не забудь своё имя, ты помни, что ты спишь» (это делалось для того, чтобы покойник не «встал»):

Нанимали человека, женшину, яны назывались *плаксы*, этия плакса должна была сядеть всё врэмья коло этого покойника и говорить: «Ты не забудь своё имя (называет ейное имя), ты не забудь своё имя, ты помни своё имя. Ты не забудь своё имя», – всё врэмья вот так вот. Аж пока уже и не опустят и не закроют, и всё. <...>

[Плакса, которую нанимали, еврейская была?] Еврэйка. Папа мой рассказывал, я ещё малая была совсем. На базар ходили, ну когда базар разойдетя, а базар етый каждый день был, и ходили – ну это натрасецца сено там это, соломы, собирали вот на подстилку свинням – каждый ж годовал свинню. Папа мой пошёл собрать гэтого сена на базар. От пришёл на гэтый базар, стал это сено стрэбать, подходить к яму яврэй и говорыть: «Ой, ты, – говорыть, – на гэто специалист». А папа мой был такий, ну, дуже такий был, это, ну як сказать, доброго сэрдца или як сказать, что если кто помирал, ён любому ишёл копать яму. Даже на самоубийц. Хотя гэтого с тысячи единицы были. Мильён на единицу. «Ты ямы копаеш, ты умееш. Вот мы, – говорыть, – с утра чатыри человеки копаем и, – говорыть, – на десять сантиметров не прокопали». А это было зимой, вяликие морозы! «А ты ж умееш! А то привязли, – говорыть, – и стоим, и мёрзнем». Ну, там на кладбище был дом больший, там, я не знаю, их сразу як привозили, заносили етого покойника туда, там яго мыли, солили, там шо-то з йим робили. Чи смазывали чи... потом опять одедали и хоронили. Ну папа мой пошёл, пошёл к одному рыбаку, взял этот инструмент, что лёд долбать, пошёл, а гэто стоять ў этом ложку, и стоять над ей женшину, уже вся посиневши и эта плакса. И всё повтораеш: «Не забудь своё имя, запомни, что ты спишь, не забудь своё имя». Говорыть: «Иди ты в хату, погрэйся!» – «Ой, что ты, ня можно, ина встанеть!» Ён говорыть: «Ха! Встанеть! Я яе лопатой тады по мозгах!

[смеешся]. И будет лежать!» И не отошла! Уже вся дрожала, вся синяя, и не отошла, пока не выкопал яму эту и пока яе не опустили. Стояла гэтак и говорила. Но заработал не благо. Двадцать пять злотых дали. А гэта половина коровы. Вот. Яму дають, ён говорыть: «У нас, – говорыть, – ето нельзя. У нас покойнику яму выкопать, у нас нельзя брать грóши». Ён говорыть: «Ты выкопал не по своему, а выкопал по нашему. И это не тые, хто хоронить, а это кагальные гроши». [Кагал деньги собирал?] Ну это какую-то бедную ховали. И на все эти похороны было зложено общее такое. Ой, много у йих было дурноты... Ну это вы подумайте, что стоять над этим покойником и говорыть... что «помни, что ты спишь, помни своё имя». <...> [Про имя свое – почему надо так говорить «помни своё имя»?] Ну чтоб не забыл имя своё! [А при этом имя она называла?] Называла! Называла имя и говорыть: «Запомни, что ты спишь и не забудь своё имя». [И обращалась по имени, которым при жизни звали? «Запомни, что ты спишь»?] «Ты помнишь, что ты спишь, не забудь своё имя, ты помни, что ты спишь». [Плачки только женщины были, мужчин не приглашали сидеть с покойником?] Только женщины. Плаксы яны назывались. Им за это платили. [И много?] Ну, яны жили з этого. [То есть это были одни и те же плаксы, которые ко всем?] Да, это были специальные¹⁷⁹.

Особенность похорон маленьких детей также предстала в одном из воспоминаний, относящихся к межвоенному периоду; специально назначенный человек нес тело, прижимая к груди под полами длинной одежды:

И еше у них что было. Когда умирал рабёнок, яго на этой кровати не нясли. А яго – был специальный яврэй – у него такая был... вроде халата такого, длинная одёжина. Ён одевал гэто и брал вот так вот под этот халат этого рабёнка и нёс. На кладбище. А польский полициянт увидел эту... ну, увидел, что гэто халат, там же ж видно, что-то такое нясетя ён. И ён раскинул полы – и у полицию яго! [Смеешся.] «Забил! Жидек забил хлопца! Хлопчика!» [А он один шел, процессии не было?] Нет, у них же нельзя ийти на кладбище. У йих нельзя! [То есть хоронит кто-то один, специальный человек?] Специальные люди. Вот носильщи-

ки етые, ну и там хто-то ж яму копал, и еще какие-то там еще мужчины. Я папу спрашивала, говорю, а эты все, говорю, и кастрюльки, и всё ей положили? Туды, говорыть, всё положили! [А ребенку тоже надо посуду класть?] Ничого з рабёнком гэтым не нёс. [Как одевали покойника?] Ну, у белый материал укрученный. [Родственники вообще не ходят на кладбище?] У йих вообще нельзя на кладбище ходить. [Вообще никому?] Ну, памятник если ставить, там что-нибудь, а так як у нас, вот у поминальные дни – не, у них нельзя¹⁸⁰.

Похороны девственниц также отличались от других похорон; считалось, что девушка не должна была отправиться на тот свет «невинной», и этот исправлял специально назначенный человек¹⁸¹. В Глубоком такого «специалиста» называли *тукалка* или *паскудник* (термины в нашей левой практике встречаются впервые).

И девушка не должна была помёрти девушкой. А если ина помреть так, внезапно или что, так был такой еврей, назывался *тукалка*, и ён это [жест рукой – как будто пробивает что-то!] [Так он сам с ней это делал?] Сам! Ну, этот тукалка. [Как с женой, хоть она и мертвая уже?] Да. И такое было. [Был такой человек, которого звали в таких случаях?] Специальный был человек. Вот плакса было специальное, и этот был мужчина. [А если не девушка молодая, а старая дева в возрасте?] Всё равно. Хоть и старая дева, и... Ну, у них старых дев не было. Они жанили их. [Хочешь не хочешь, а замуж иди?] Хоть з дурным, хоть... [Всё равно замуж пристроят?] Замуж пристроят...¹⁸²

Знаете, у яўрэев был такой вот обычай, так... вот если ина, допустим, помреть, яё нельзя целкой хоронить, понимаешь? Тады был такой в Глубоком специальный человек, *паскудник* звали его. И он мёртвой жидовке целку ломал. [А это был еврей или?] Еврей. Да, ён был такой... специальный был, тайный был такой человек, звали его *паскудник*. Ну, и вот он это, ломал эты целки. Если уже девочка, допустим, умирает – нельзя хоронить, по ихному обычаю. Так ён звался *паскудник*¹⁸³.

Рассказывая о поминальной традиции евреев, их соседи отмечали, что у евреев не были приняты по-

минки в привычной для славян форме: «у йих поминки – это пост и молитва»; отличительной особенностью был отказ от обычной обуви – на период траура надевали галоши (см. об этом выше):

[То есть они вообще не поминали покойников?] Они поминали, но они поминали дома. [А как поминали?] Не знаю. [А когда в галошах сидят – это и есть их поминки?] Это их поминки. Они молились, постили, пост у йих, это самое... до восхода солнца можно было раз поесть и всё. И то только лёгкая такая пища. Это целый месяц. У йих поминки – это пост и молитва. [В течение месяца после смерти?] После смерти¹⁸⁴.

Особенностью многих рассказов о еврейских похоронах, записанных в Глубоком, было стремление наших рассказчиков сравнить похоронный обряд евреев и татар. Поскольку татарская традиция в Глубоком продолжает существовать, помеченные соседями особенности татарского погребального обряда (например, устройство могилы или заворачивание тела в специальный саван) переносились на еврейские похороны, которые наши собеседники описывали в основном со слов своих старших родственников, добавляя детали, которые казались им уместными в контексте описания «чужого» погребального обряда (общие мотивы – похороны без гроба, помещение тела в могилу в сидячем положении, положение в могилу посуды; показательно, что оценка «чужого» обряда может быть как «страшного»).

Про татарские похороны [брат рассказывал]. Тут покойник лежит, потом его ломают и сажают, когда хоронят. Досками обставляли могилу, потом его посадили и доски поставили. Тогда на кладбище угощают людей булочками, печеньями и фруктами¹⁸⁵.

Татарские похороны – заворачивают в чёрное покрывало и хоронят очень рано, чтоб люди не приходили. Вечером все сажаются около покойника и ужинают. Татары хоронят сидя. Окружают досочками, уголочек делают и сажают покойника¹⁸⁶.

Татары [молиться] в Амбросовичи ездили. <...> Татар тоже много было. В Амбросовичах у йих там и кладбище, и церковь. Я знаю, что татары – это

ихное место – Амбросовичи. Они хоронятся там. [Как татар хоронят?] Даже видела! <...> Вот этот дом, жил у нас татарин человек. И ён помёр. Его хоронили. Их же знаете, как – их же не так, как вот русских: в гроб положили, там всё. Ёих нет. Ёих заворачивают ў ткань – вы знаете, такая ткань, може, на шерсть трошки похожа, но не толстая. [Какого цвета?] Тёмного. Тёмного цвета. Заворачивают ёих, и вот он лежит, человек такой завёрнутый, закрыто всё, нявидимый. На кладбище его... так, може... как-то ложут [и несут], а в могилу говорят, их – сидя. Сидя. Их сидя, в могилу сидят¹⁸⁷.

Татары были. Татары ж есть и в Глубоком. Раньше ж эта улица Школьная называлась Татарская. [Они на этой улице жили?] На этой улице были, да. [Как они появились в Глубоком?] Вот не знаю, но это давным-давно. Это, наверно, когда было татарское иго. Оттого и появились у нас татары. [Они как-то отличались?] У ёих свое законы. И теперь они исполняют свои праздники. Не хоронятся здесь в Глубоком. Везут, где-то есть у ёих кладбище отдельное. <...> Ну, и татар хоронят тоже не так. Их сидя хоронят. Татар хоронят – яму выкапывают, обставляют и человека садят¹⁸⁸.

[1:] Да, яны хоронять интересно, у нас в гроб ложать, там же не ложать ў гроб, у татар и у евреёў, наверно, садят. Седючи. Досками обставляют, я-то не видел, так рассказывают! [А как их без гроба хоронят?] [2:] Садят, наверно, оставляют. [Не заворачивают?] Да, заворачивают в шерстяные одеялы... [Какое-то специальное одеяло?] Покупаются такая ткань, вот на пальто, вот такая вот¹⁸⁹.

[Как хоронят евреев?] Камень, гроб делают. А кто без гроба. Щас яны делают гроб хоронють. Крест не ставят. У гроб ложуть. Вот которые уже поехали туда, в Израиль, так уже так хоронили – без гроба. А которые с гробом хоронють. Накрывают, там специально всё выбинтовано, ну как... не песок же, там зроблено уже, залито, красиво – не гэто что як у нас... просто в зямлю. У нас же хоронять – гроб делают. А татары тоже ж хоронять эдак во! Обставить-обставить досками, посадить... в мешок! [А почему сидят?] Ну, сидя, яны молятся, яны закрываются, тоже такие молятся абы что нейкое... безбожно. <...> А которые молодые хоронять – делают гробы.

Вера Александровна Дубровская

Даже до развода доходить – матка хочет зробиць гроб, а батька не хочеть. И так – да. Тут девочка забилася на велосипеде, чи машина подбила, татарка, мы пошли глядеть. В мешок посадили, завязали. Сидят там молятся за етым – у мяшку яна, мы не видим яе. Посидели, поглядели – в куточку поставили на диване седячи, и в ляжку гэдак опускають. Там досточками наверху обставить, засыпають. Страшно¹⁹⁰.

Евреи тапер научилися и так хоронить, ў гробу. Ну, а вот у татаров – от монголо-татарского ига их тут много, целые улицы были татаров! Ну, у ёих тады так: обставляли – метр десять досочка, обставляли яго кругом, посадили яго, миску давали, ложку. И сядить ён сидя. И так закапывали. [А зачем ему миска?] Каб на том свете ел!¹⁹¹

[Евреи хоронят, вероятно, как и мы.] Это татары только хоронят закрученных. Татары хоронят без

гроба. Закручивают татары. А эти [евреи] – у их же были гробы. Не, в гробах хоронят они. Татары некрещёные, то яны закручивают ў простыни такие белые, потом ў матерьял, и татары ў яме... Яма выкопаная, я видела, <...> Дома ён лежал во гробе, но приехали на кладбище, гроб этот сейчас же побили и запалили. А его доски в яме поставили наклонно, яго так опустили, як посадили. И сразу на няго зямлю. Страшно, страшно... лепей в гробу¹⁹².

Гетто

Трагическая история еврейского гетто в Глубоком отразилась во многих свидетельствах, записанных во время экспедиции и представленных в этой книге¹⁹³. Мы приведем фрагмент лишь одного рассказа, в котором объединились мотивы, характерные для размышлений о судьбе евреев, записанных от нееврейского населения в самых разных регионах (Украина, Белоруссия, Молдавия, Литва, Латгалия, Польша...) – почему этот народ не противился судьбе, как евреи пытались «выкупить» свои жизни, почему – однажды избежав смерти – евреи снова возвращались в гетто...

А немцы что? <...> Ну, яны [немцы] ж говорили: «Нам люди не надо, нам надо территория. И здоровый народ, чтоб мог работать». У них было запланировано тоже гету уничтожить, а тады уничтожать остальных. Только оставлять самых здоровых женщин и мужчин. [Гетто быстро уничтожили?] Гета была – этапами уничтожали. Первый этап – это у сорок вторым году, их тогда партиями гоняли у Борок, там уже были выкопанные ямы. Ну тоже евреи выкопали етые ямы. Тры. И туда их гоняли. Там два с половиной тысячи убили. А в сорок третьем году, ў августе месяце уже было запланировано. Так вот подумайте – что за народ? Это уже в Шарковщине, в общем, ў всех районах уже геты поуничтожали. Дали объявление, что кто остался жить, собирайтесь и, это самое, собирайтесь у Глубоцкую центральную гету. Вы там будете работать и жить. Все – никто в партизаны не пошёл, никто ни это самое! Все вернулись! Сюда. И две с половиной тысячи их собралось из этих районов. Тут уже опять было их семь с половиной. И тут – у партизаны – здо-

ровый такой мужчина, армию польскую отслуживши, яго загнали туда уже в Борок, до етых ямы, и ён уже раздеўся, немцы ж не расстрэливали в одеже, як вот загоняли их туды, раздеўся уже ложиться в яму – перапрыгнуў эту яму, утёк! И вярнуўся в гетто! Ну! И погиб в гете! [А почему так? Какие-то у них были правила?] Нет, правила... Вот, яны были такие, что жить и всё. Яны думали, что если ён пойдеть в партизаны, его забьют. Если яму что – немцам яны всё отдавали. У евреев, у их же ж было, у богатых у их было даже посуда пэйсаховая отдельная, и з ей только в эти пэйсаховые дни ели. Ина была у богатых... у средних была серэбряная, у богатейших даже золотая эта посуда б́ыла. И немцы им давали – вот столько и столько. Хотите жить – столько и столько килограммов золота. И оны зложуть и дадут. Перад самым уничтожением пять килограмм сказали – дали. Вот. А партизаны просили у их нямного, шо им надо было где-то аэродром построить что-то... Ну, надо было. И яны им не дали ничего, говорить, мы всё немцам отдал́и, у нас ничего этого нету.

<...>

Почти четвёртую часть спалили. И что втикали! Утекали – не оружие хватали, а хлеб. У каждого торбочка с хлебом была. А оружие было у их. Там же ж дальше обгорэли дома, это ж нечувать было, а тут, коло ближайšie домь́и як начали горэть, так рв́алося оружие, так рв́ались патроны! Так мой папа, ён же такой был человек, ну, сказать... я б сказала, что ён был святой – никого не обидел, никóму... никого нищего не это самое... не пропустил. Так ён казаў: «Ой, <...>, говорить, – столько оружия, хоть бы один за свою жизнь сябе, за сябе постоял, хоть бы за сябе одного заби́ў!» Утекали, лятели. На пулемёты.

<...>

Яны такие, я не знаю, народ был, что яны за жизнь так держались... Уже вся сп́аленая гета б́ыла, а откуль – яврэй. Идеть и на плечах нясеть ногу говьяжью. Ну, четвёртую часть. Тут к яму, что его расстрэливать, а ён: «Я не йду работать, я йду работать!»

<...>

Ну, и папа пошёл за хлебом, вышел и увидел – гнали партию. А там мы жили, так мы и не знали даже, что это – убивают их. И впереди иш́еў ста-

рик – рабин йихный. Ну, это йихный священник. И ён казаў: «Не ропщите, не проклинайте Гитлера, ён не виноват. Ён посланы от Бога за то, что мы сграшили крэпко – мы отступили от веры, это нам покарание, каб мы прышли до веры, а ня прыдем, нам усим смерть»¹⁹⁴. И говорыл, тут сосед был дурный. Ну, ён жил тут у наших соседей, и кигал гэты йихный собирал ему гроши и давал гэтому человеку, и яго семья жила, и гэтого дяржали у сябе. Так ён таки был буйный, можно сказать. А шёл, голову спустивши, и молчал, и ничо́го¹⁹⁵.

Не только «вишневая столица»...

Сегодня Глубокое – самый известный в Белоруссии «вишневый» город, столица «Вишневого фестиваля». В 2013 г. «Глубоцкой вишне», ставшей настоящим брендом города, поставлен памятник. Но и за много лет до этого, как говорят старожилы, Глубокое было цветущим городом и воспоминания об этом со временем не потускнели.

В Глубоком было, где стадион, было когда-то там, до войны, при Польше, до 39-го года, тут, где стадион, был сад. Городской сад. Росли фруктовые деревья – яблони, груши, сливы, вишни, черешни, кустов очень много было всяких. Короче, был сад. И в Глубоком так было принято – значит, утром сходили все в церковь, пришли в церкви, пообедали, и где-то часа в три женщины все нарядно одевались, мужчины... брали зонтики, уже мужчины одевали на туфли галоши обязательно, такие... не такие галоши, как наши, такие аккуратненькие, прозрачные, и шли все гулять в сад – *шпацерова́ть*. Шпа-це-ро-вать. *Шли на шпа́цер*. Шпа́цер – это польское слово. Просто, ну, гулять. Пройтись. Детей брали. Тоже одевали детей аккуратно одевали. Шли – и там продавали *лёды* – это мороженое, потом *ляндри́нки* – это монпасье, конфеты такие ледяшки. Маленькие ледяшечки, обвалянные в сахаре – ляндринки. И напитки – никогда не было вина, никогда не было водки, никогда не было никаких пирожков... Я помню, когда у нас начались вот эти советские праздники, туда у нас везли и колбасу, и пирожки, и бутербро-

ды, и всякую-всякую... А мама говорит: «Ой, не могу понять, неужели дома нельзя покушать?! Ну как это при людях ходить эту колбасу есть?!» Она не могла понять. А там было только так: напитки, газировки из сока, хорошие такие, пробки – вы не видели таких, наверно, открываешь, она у тебя прям шипит! Бутылки красивые были. И когда заходишь в этот сад, чтоб никто вот так вот не рвал, это не принято было, это было вообще ужасно прямо! На столе вымытые лежали фрукты в красивых вазах. Если хочешь, подходи, если хочешь что – бери. Бесплатно. Столики стояли у входа там. Вот такая была культура. И в это время играл духовой оркестр – пожарники. Пожарники были духовыми музыкантами и играли мелодии. Кто хотел – тот танцевал. [Все жители шпацеровали?] Все – и евреи, и татары¹⁹⁶.

Наверное поэтому Глубокое вполне могло стать столичным городом. Об этом, согласно одному из рассказов, напоминает колонна, установленная Наполеоном в знак того, что он хотел сделать Глубокое столицей вместо оставленной им Москвы...

А колонна там, вот просто я не могу рассказать, что там... Ну, стела такая стоит, вроде типа той, что он [Наполеон] хотел отметить, что тут, де монастырь, ему дуже понравилась эта местность. И он решил тут столицу свою, если уж не Москву, то уже столица будет тут¹⁹⁷.

Целью нашей экспедиции было составить этнокультурный портрет города, взглянув на его историю глазами его жителей – через опыт соседства, повседневные контакты и конфликты. Глубокое – город на перекрестке культур, и его жители подарили нам возможность прикоснуться к многонациональной истории и услышать голоса прошлого, за что им наша сердечная признательность.

Работа выполнена в рамках проекта «Проблемы межэтнических контактов и взаимодействий в текстах устной и письменной культуры: славяне и евреи» (грант РНФ 15-18-00143).

Примечания

- 1 Участники этнографического отряда при обработке записанного материала пользовались двумя способами транслитерации при передаче диалектной речи наших собеседников: 1) упрощенной на основе русской орфографии с соблюдением диалектных особенностей речи информантов; 2) на основе белорусской орфографии с соблюдением диалектных особенностей речи информантов.
- 2 Об институте соседства и соседе как персонаже славянской традиционной культуры см.: *Белова О.В. Сосед // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 2012. Т. 5. С. 132–134.*
- 3 В русском, украинском и белорусском фольклоре царица Екатерина – странствующий персонаж: она ездит по просторам подвластных ей земель, оставляя по себе память в местных названиях. См.: *Виноградов В.В., Громов Д.В. Легенды о путешествующей императрице // Живая старина. 2007. № 3. С. 4–7; Белова О.В., Петрухин В.Я. Фольклор и книжность: Миф и исторические реалии. М., 2008. С. 122–124.*
- 4 Лопушинская Б.Ю., 1933 г. р., католичка, д. Мерецкие Глубокского р-на Витебской обл., зап. Т.П. Пилипёнок, 2006 г. (АЦИБКЯЛ, Минск).
- 5 Жен., 1941 г. р., зап. Р. Зенюк.
- 6 Муж., 1950 г. р., зап. В. Кухтина, Н. Савина.
- 7 Муж., 1955 г. р., зап. Е. Чернякова, А. Головина.
- 8 Об особенностях локального текста города Глубокое см. статью Н. Савиной в этом сборнике. О значимости еврейского культурного элемента свидетельствуют и фольклорные тексты, например, предание о происхождении названия деревни Мерецкие Глубокского р-на Витебской области, возводящее топоним к профессиональной деятельности евреев-карчмарей: «У канцы дзярэўні стаяла карчма. Усе дзіравенскія мужыкі любілі туды заглядваць. Дзіржалі ету карчму жыды Шлёма і Тіпа. Любілі яны с луніватых мужыкоў дзеньгі сдзіраць. І давалі брагу ўзаймы за што-нібудзь. Напрымер, прыдзіць дзіцюк у карчму, а расплачвацца німа чым, тады Шлёма і кажыць: “Здзівай штаны, сцягівай боты”. Ну а што дзелаць: глынуць бражкі хочыцца. Вот і плацілі мужыкі такую мерку, бы Шлёма за адны штаны гары не даваў, а трэбаваў большага. Вот із-за гэтага прэдпрынімацельства Шлёмы і абразавалася дзярэўня Мярэцкія. Ат слова мера ці мераць і абразавалася названне дзярэўні» (Лопушинская Б.Ю., 1933 г. р., католичка, д. Мерецкие Глубокского р-на Витебской обл., зап. Т. П. Пилипёнок, 2006 г. АЦИБКЯЛ, Минск).
- 9 Муж., 1950 г. р., зап. В. Кухтина, Н. Савина.
- 10 Жен., 1946 г. р., зап. Е. Чернякова, А. Головина.
- 11 О «владении» озерами Глубокого евреями см. в статье И. Соркиной.
- 12 Жен., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз.
- 13 См. об этом также: *Хаккарайнен М.* Местечко вспоминает о прошлом: рассказы о еврейских ремесленниках и ремеслах // Штетл, XXI век: Полевые исследования / Сост. В.А. Дымшиц, А.Л. Львов, А.В. Соколова. СПб., 2008. С. 159–176.
- 14 Жен., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз.
- 15 Жен., 1933 г. р., зап. А. Кирзюк, Н. Антонова.
- 16 Жен., 1932 г. р., зап. Р. Зенюк, А. Головина.
- 17 Муж., 1950 г. р., зап. В. Кухтина, Н. Савина.
- 18 О связи некоторых городских объектов с «еврейским золотом» см. в статье Н. Савиной.
- 19 Жен., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз.
- 20 Жен., 1930 г. р., зап. М. Коженевская, А. Головина.
- 21 Жен., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз.
- 22 Жен., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз.
- 23 Жен., 1947 г. р., зап. Н. Антонова.
- 24 Жен., 1929 г. р., зап. О. Чёха.
- 25 Жен., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз.
- 26 Жен., 1927 г. р., зап. А. Кирзюк, А. Скопина, О. Чёха.
- 27 Жен., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз.
- 28 О языковой картине мира евреев – уроженцев местечек Подолии, Буковины, Гродненщины, Смоленщины и Брянщины – и иерархии еврейских языков в наивном языковом сознании см.: *Белова О.В.* Освоение пространства языка: между «своим» и «чужим» // *Слова. Концепты. Мифы. К 60-летию Анатолия Фёдоровича Журавлева / Отв. ред. Г.К. Венедиктов. С., 2011. С. 38–49.*
- 29 Жен., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз.
- 30 О функциях комнат «секретов» в еврейских домах см.: *Соколова А.* Архитектура штела в контексте традиционной культуры // *100 еврейских местечек Украины. Исторический путеводитель. Вып. 2. Подолия / Авт.-сост. В. Лукин, А. Соколова, Б. Хаймович. СПб., 2000. С. 67–68.*
- 31 Жен., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз.
- 32 Жен., 1929 г. р., зап. О. Чёха.

- ³³ Стандартный способ передать звучание молитвы на непонятном языке, представив ее как ритмизованную «заумь». Ср. о молитве татар: «[Чем татары отличались от христиан?] Так яны ж и говорыли, ня поймёшь, як яны говорыли, одевались, як и все, одёжа такая ж, але ж говорить – яны говорыли по-своему. [А вера у них какая была?] Татары, татарская вера и была. [Они как-то молились по-другому?] Яны по-другому молились, яны хреститься... православные хрестяться в три пальцы, католики – знаете, а яны во: “Аллах даунам! Аллах даунам!” [прикладывает ладони к лицу]. Ну, по-татарски кажуть гэтак» (жен., 1933 г. р., зап. А. Кирзюк, Н. Антонова).
- ³⁴ Жен., 1930 г. р., зап. Н. Антонова.
- ³⁵ Жен., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз.
- ³⁶ Муж., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз.
- ³⁷ Жен., 1930 г. р., зап. Н. Антонова.
- ³⁸ Жен., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз.
- ³⁹ Жен., 1927 г. р., зап. А. Кирзюк, А. Скопина, О. Чёха.
- ⁴⁰ Жен., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз.
- ⁴¹ Жен., 1926 г. р., зап. М. Коженевская, М. Крутиков, И. Соркина.
- ⁴² Муж., 1927 г. р., зап. Е. Чернякова, А. Головина, Р. Зенюк.
- ⁴³ За разъяснения благодарю М. Каспину. Ср.: «У евреев славянских стран доселе борются безуспешно с распространенным обычаем бросания “берелех”, “шишкес” или “будяков” (один из видов колючей травы, репейник, чертополох): молодежь забавляется в синагоге тем, что кидает “будяки” в бороды стариков, отвлекая их, таким образом, от печали по поводу гибели Иерусалимского храма» (Н. Переферкович; https://ru.wikisource.org/wiki/ЕЭБЕ/Аба_девятое); «Нужно, однако, признать, что в словах Сендерла таилось подчас много здравого смысла, хоть он и сам об этом не догадывался, говорил просто так, без задней мысли. Над ним любили подтрунивать. Мальчишки в день девятого аба, бывало, забрасывали его колючками репейника, в день Хошайно рабо, когда всю ночь бодрствуют, в него больше, чем в других, швыряли подушками» (*Менделе Мойхер Сфорим*. Путешествие Вениамина Третьего: Повести. Роман. М., 1986. С. 284).
- ⁴⁴ Об участии черта в событиях Исхода повествует легенда, записанная в Могилёвской губернии в конце XIX в.: во время странствий по пустыне Моисей разбил сделанного евреями золотого тельца; черт предстал перед евреями в виде разбитого тельца; они побежали за ним, и черт увлек их в пустыню. Чтобы собрать евреев, Моисей дал клятву, что вместо гибели всего народа он будет давать черту каждый год по паре. Черт затрубил в громадный рог и собрал евреев (*Демидович П.* Из области верований и сказаний белорусов // *Этнографическое обозрение*. 1896. № 1. С. 119). Этот вариант легенды объясняет причину исчезновения молящихся евреев в Судный день (сюжет о черте-*Хануне*, см. далее).
- ⁴⁵ Ср. иное объяснение обычая туго обматывать руку ремнем во время молитвы в легенде из волынского Полесья: после распятия Христа евреи объявили, что то, что «пёршее до нас прыйдэ, это будэ наш Бог». Явившийся евреям теленок (аллюзия ветхозаветного золотого тельца?) стал для них «сакральным» животным, из кожи которого делают ритуальные ремни, которыми евреи «соби́ руки крэпко обмотують, шоб йим больно бу́ло, и мо́ляца» (см.: *Белова О.В.* Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005. С. 126–127). Мотив боли, испытываемый при молитве, имплицитно указывает на распространенное в народно-христианской среде представление о том, что евреи сознают свою вину за распятие Христа и разными способами стараются искупить ее (см.: *Белова О.* Евреи в фольклорных нарративах славянского населения Галиции (по материалам полевых исследований 2009–2010 гг.) // *Jews and Slavs. Vol. 23: Galicia, Bukovina and Other Borderlands in Eastern and Central Europe / Ed. by W. Moskovich, R. Mnich and R. Tarasiuk. Jerusalem, Siedlce, 2013. P. 237–238*).
- ⁴⁶ Муж., 1950 г. р., зап. В. Кухтина, Н. Савина.
- ⁴⁷ Жен., 1930 г. р., зап. М. Коженевская, А. Головина.
- ⁴⁸ Поверье о том, что в Судную ночь евреи сами могут узнать, кого из них схватит черт (они смотрятся в воду: жертва похищения не увидит своего отражения) зафиксировано в Польше, Украине, Белоруссии (см.: *Federowski M.* Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. Kraków, 1897. Т. 1. С. 238; *Cała A.* Wizerunek Żyda w polskiej kulturze ludowej. Warszawa, 1992. С. 100; *Чубинский П.П.* Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. СПб., 1872. Т. 1. Вып. 1. С. 189, 191; *Демидович П.* Из области верований и сказаний белорусов. С. 119–120). Ср. свидетельство из волынского Полесья: в праздник Кучки евреи смотрятся в бочку с водой – тому, кто не увидит своего отражения, суждено умереть (*Bielowa O.* Legenda o Chapunie: formy istnienia na pograniczu polsko-ukraińsko-białoruskim // *Podlasie Nadbużańskie –*

- 500-lecie powstanie województwa podlaskiego / Nauk. red. Oleg Latyszonek. Muzeum Rolnictwa im. ks. K. Kłuka w Ciechanowcu. Ciechanowiec, 2013. S. 295).
- ⁴⁹ Термин в нашей полевой практике фиксируется впервые. Подробнее о значении слова *чертохон* и о понятии, им обозначаемом, см. ниже, в разделе о праздниках.
- ⁵⁰ Ср. свидетельство из района Белостока (Подлясье): во время «вытрясания грехов» евреи что-то бросали в воду (говорили, что они бросают свои «грехи») и одновременно смотрели в воду: кто не видел своего отражения, того мог забрать дьявол (*Cała A. Wizerunek Żyda... S. 59*).
- ⁵¹ Жен., 1930 г. р., зап. Н. Антонова.
- ⁵² Жен., 1929 г. р., зап. О. Чёха.
- ⁵³ Среди украинцев Подолии и у поляков в Литве также бытует представление о том, что у евреев, как и у христиан, существует *крещение* («Евреи крестят детей» – Ярышев Могилёвского р-на Винницкой обл., 2004 г.), которое заключается в ритуале обрезания (для мальчиков) и имянаречения (для девочек) (*Hryciuk R., Moroz E. Wizerunek Żyda // Polska Sztuka Ludowa – Konteksty. 1993. № 3–4. S. 91*). Возможный источник этого представления может корениться в речевой практике этнических соседей: как отмечала Р. Лилиенталова, в Польше обряд обрезания в разговорной речи евреи называют по-польски *chrztu, chrzcin* (*Lilientalowa R. Dziecko żydowskie // Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne. Kraków, 1904. T. 7. S. 146*); ср. в современных материалах, записанных у польскоговорящих евреев на территории Литвы, – человек, держащий на коленях младенца во время обрезания (*сандак*) называется «крестным отцом»: «Ten, który trzymał dziecko na rękach, wniosł go do pokoju gdzie mieli to robić – to był później jego chrzestny ojciec, opiekun» (*Hryciuk R., Moroz E. Pamięć tradycji w relacjach mieszkańców Litwy narodowości żydowskiej // Polska Sztuka Ludowa – Konteksty. 1993. № 3–4. S. 85*). Употребления соответствующего термина этническими соседями оказывается достаточным для формирования представления о наличии у них соответствующего обряда. Подобно тому, как христианское крещение позволяет причислить ребенка к «своему» народу и «своей» вере, так и «еврейское крещение» делает еврея евреем: «Хрестил сына по-еврейски, и он законный еврей» (муж., 1917 г. р., Тульчин Винницкой обл., зап. Ю. Мягкова, С. Егорова, 2005 г.).
- ⁵⁴ Жен., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз.
- ⁵⁵ Жен., 1926 г. р., зап. М. Коженевская, М. Крутиков, И. Соркина.
- ⁵⁶ Жен., 1929 г. р., зап. О. Чёха.
- ⁵⁷ Жен., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз.
- ⁵⁸ Жен., 1930 г. р., зап. Н. Антонова.
- ⁵⁹ Муж., 1931 г. р. [1], жен., 1933 г. р. [2], зап. В. Кухтина, Н. Савина. Шутки со «свинным ухом», которые могут быть адресованы евреям и татарам, сродни другой забаве, распространенной в Витебском регионе, а именно ситуативно обусловленному выкрику «Аюсь!», о чем подробнее будет сказано ниже.
- ⁶⁰ Муж., 1938 г. р., зап. В. Кухтина, Н. Савина.
- ⁶¹ См. об этом также: *Белова О. Этнокультурный стереотип – между нормой и антинормой // Норма и аномалия в славянской и еврейской культурной традиции / Отв. ред. О.В. Белова. М., 2016. С. 12–13*.
- ⁶² Жен., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз.
- ⁶³ Муж., 1980 г. р., зап. А. Кирзюк, А. Скопина.
- ⁶⁴ Жен., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз.
- ⁶⁵ Жен., 1934 г. р., зап. В. Кухтина, Н. Савина.
- ⁶⁶ Жен., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз.
- ⁶⁷ Жен., 1932 г. р., зап. Р. Зенюк, А. Головина.
- ⁶⁸ Жен., 1930 г. р., зап. Н. Антонова.
- ⁶⁹ Жен., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз.
- ⁷⁰ Жен., 1930 г. р., зап. Н. Антонова.
- ⁷¹ Подробнее см. в статье Н. Савиной.
- ⁷² См. историю спасения еврейской девушки, за которую перед немцами заступился ксендз, в статье Н. Савиной. Свидетельство о католическом священнике, который в своих проповедях убеждал прихожан не сотрудничать с немцами и не способствовать убийству евреев, см. в статье Ю. Бернштейн.
- ⁷³ Жен., 1946 г. р., зап. Е. Чернякова, А. Головина.
- ⁷⁴ Жен., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз.
- ⁷⁵ О вкусной еврейской кухне неевреи говорят повсеместно – и на Украине, и в Молдавии, и в Белоруссии, и в Латгалии (см., например: *Андреева Ю., Вятчина М. «Кошерный стол» и «хазер»: пищевые практики евреев в представлении нееврейских жителей Латгалии // Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии. Материалы экспедиций 2011–2012 годов / Отв. ред. С. Амосова. М., 2013. С. 218–244*). Еврейские блюда становятся своего рода эталоном и маркером кулинарного мастерства. Ср. свидетельства из Глубокого: «Но яны вкусно готовили. Рыба фаршированная у их очень вкусная была. <...> Если теперь кто-нибудь вкусно готовить, люди гово-

- рят: “Ну точно, как у жидов!” <...> О! жида вкусно готовить! <...> Между собой люди: “Рыба, точно как у жидаў!”» (жен., 1933 г. р., зап. В. Кухтина, Н. Савина).
- ⁷⁶ Жен., 1932 г. р., зап. Р. Зенюк, А. Головина.
- ⁷⁷ Жен., 1942 г. р., зап. А. Кирзюк, А. Скопина.
- ⁷⁸ Жен., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз.
- ⁷⁹ Жен., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз.
- ⁸⁰ Жен., 1949 г. р., зап. А. Скопина, Е. Чернякова.
- ⁸¹ Муж., 1934 г. р., зап. О. Чёха.
- ⁸² Жен., 1932 г. р., зап. Р. Зенюк, А. Головина.
- ⁸³ Муж., 1931 г. р. [1], жен., 1933 г. р. [2], зап. В. Кухтина, Н. Савина.
- ⁸⁴ Жен., 1929 г. р., зап. О. Чёха.
- ⁸⁵ Жен., 1926 г. р., зап. М. Коженевская, М. Крутиков, И. Соркина.
- ⁸⁶ Жен., 1940 г. р., зап. А. Скопина, Е. Чернякова.
- ⁸⁷ Из недавних работ см.: *Погодина С.* «Ксы! Ксы!»: религиозные шутки над евреями // Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии. Часть II / Отв. ред. С. Амосова. М., 2016. С. 161–167.
- ⁸⁸ Подробнее об этом аспекте этноконфессионального диалога см.: *Белова О.* «Со своим уставом в чужой монастырь...»: «наступательная» модель в этноконфессиональном диалоге // Праздник – обряд – ритуал в славянской и еврейской культурной традиции / Отв. ред. О.В. Белова. М., 2004. С. 119–136; *Белова О.В.* Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. С. 149–153.
- ⁸⁹ Муж., 1980 г. р., зап. А. Кирзюк, А. Скопина.
- ⁹⁰ Жен., 1927 г. р., зап. Р. Зенюк.
- ⁹¹ См. также: *Полацкі этнаграфічны зборнік*. Вып. 2: Народная проза беларусаў Падзвіння. Частка 2. С. 359.
- ⁹² Жен., 1942 г. р., зап. Р. Зенюк.
- ⁹³ Жен., 1932 г. р., зап. М. Коженевская, Р. Зенюк.
- ⁹⁴ Жен., 1926 г. р., зап. М. Коженевская, М. Крутиков, И. Соркина.
- ⁹⁵ Муж., 1950 г. р., зап. В. Кухтина, Н. Савина.
- ⁹⁶ Жен., 1929 г. р., зап. О. Чёха.
- ⁹⁷ Жен., 1927 г. р., зап. Р. Зенюк.
- ⁹⁸ Жен., 1930 г. р., зап. Н. Антонова.
- ⁹⁹ Муж., 1934 г. р., зап. О. Чёха.
- ¹⁰⁰ Жен., 1928 г. р., зап. А. Головина, Е. Чернякова.
- ¹⁰¹ Жен., 1927 г. р., зап. А. Кирзюк, А. Скопина, О. Чёха.
- ¹⁰² Жен., 1930 г. р., зап. Н. Антонова.
- ¹⁰³ Представление о «еврейском» запахе является одним из самых устойчивых этнокультурных стереотипов, по сей день сохраняющим свою актуальность в формировании мифологизированного образа еврея, что подтверждается неиссякаемым полевым материалом последних лет. Из недавних работ см.: *Просина С.* Одежда, внешность, запах: общие характеристики внешнего вида евреев // Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии. Материалы экспедиций 2011–2012 годов. С. 254–255, 269–270.
- ¹⁰⁴ Жен., 1930 г. р., зап. Н. Антонова.
- ¹⁰⁵ Жен., 1929 г. р., зап. О. Чёха.
- ¹⁰⁶ Жен., 1940 г. р., зап. А. Скопина, Е. Чернякова.
- ¹⁰⁷ Муж., 1943 г. р., зап. Н. Антонова, А. Кирзюк.
- ¹⁰⁸ Муж., 1950 г. р., зап. В. Кухтина, Н. Савина. Этиологический мотив, объясняющий появление «еврейского» запаха поведением евреев в пустыне во время Исхода (ели испорченное мясо перепелов, которых им послал Бог), зафиксирован также в волынском Полесье (см.: *Белова О.В.* Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. С. 58–59).
- ¹⁰⁹ Муж., 1943 г. р., зап. Н. Антонова, А. Кирзюк.
- ¹¹⁰ Об обмане как первоочередном проявлении «еврейской хитрости» см.: *Белова О.В., Петрухин В.Я.* «Еврейский миф» в славянской культуре. М., 2008. С. 320–322.
- ¹¹¹ Муж., 1943 г. р., зап. Н. Антонова, А. Кирзюк.
- ¹¹² Ср. в материалах из Латгалии: евреи угощали христиан «проклятой мацой», которую предварительно топтали ногами (см.: *Погодина С.* «Еврейская бараночная»: пищевые практики евреев в интерпретации иноэтнических соседей // Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии. Часть II. С. 142.
- ¹¹³ Жен., 1921 г. р., зап. И. Копченова, Н. Антонова.
- ¹¹⁴ Муж., 1934 г. р., зап. О. Чёха.
- ¹¹⁵ Жен., 1930 г. р., зап. М. Коженевская, А. Головина. Образное клише «вы мало поживете, вы у мяху вси зложенные у нас, только вас завязать» можно сравнить с другой речевой формулой, обозначающей неминуемые трагические события и встречающейся в рассказах о Холокосте: предвидя свою гибель, евреи говорили своим соседям: «Нами расчинили, вами замесят» (см.: *Белова О.* Евреи в фольклорных нарративах славянского населения Галиции (по материалам полевых исследований 2009–2010 гг.). Р. 248–250; *Белова О.* Историческая память и современный фольклор (на примере народных рассказов из бывших еврейских местечек польско-украинско-белорусского пограничья) // *Historia mówiona w świetle nauk humanistycznych i społecznych* / Redakcja Stanisława Niebrzegowska-Bartmińska,

- Joanna Szadura, Mirosław Szumiło, przy udziale Janusza Kłarcia. Lublin, 2014. S. 288.
- ¹¹⁶ Жен., 1940 г. р., зап. А. Скопина, Е. Чернякова.
- ¹¹⁷ Жен., 1933 г. р., зап. В. Кухтина, Н. Савина.
- ¹¹⁸ Муж., 1943 г. р., зап. Н. Антонова, А. Кирзюк.
- ¹¹⁹ См. об этом также в статье А. Головиной.
- ¹²⁰ Аналогичный материал записан в Латгалии, см.: *Погодина С.* «Еврейская бараночная»... С. 142.
- ¹²¹ Жен., 1933 г. р., зап. В. Кухтина, Н. Савина.
- ¹²² Жен., 1929 г. р., зап. О. Чёха.
- ¹²³ Жен., 1932 г. р., зап. Р. Зенюк, А. Головина.
- ¹²⁴ Жен., 1942 г. р., зап. Р. Зенюк.
- ¹²⁵ Жен., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз.
- ¹²⁶ Жен., 1930 г. р., зап. Н. Антонова.
- ¹²⁷ Жен., 1929 г. р., зап. О. Чёха.
- ¹²⁸ Муж., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз.
- ¹²⁹ См.: *Белова О.В.* Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. С. 116.
- ¹³⁰ Жен., 1946 г. р., зап. В. Кухтина, Н. Савина.
- ¹³¹ Жен., 1937 г. р., зап. Н. Антонова, А. Кирзюк.
- ¹³² Из недавних работ см.: *Амосова С.* «Поймают, убьют, кровь вытянут и прибавляют в эту мацу»: рассказы о кровавом навете в Латгалии // Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии. Материалы экспедиций 2011–2012 годов. С. 191–217; *Амосова С.* Наветные тексты и другие представления о еврейских праздниках у жителей Латгалии // Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии. Часть II. С. 127–140.
- ¹³³ Жен., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз.
- ¹³⁴ Жен., 1934 г. р., зап. М. Коженевская, И. Соркина.
- ¹³⁵ Жен., 1930 г. р., зап. М. Коженевская, А. Головина.
- ¹³⁶ Муж., 1943 г. р., зап. Н. Антонова, А. Кирзюк.
- ¹³⁷ Подробнее об этом см. в статье А. Головиной.
- ¹³⁸ Жен., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз.
- ¹³⁹ Жен., 1930 г. р., зап. Н. Антонова.
- ¹⁴⁰ Жен., 1947 г. р., зап. Н. Антонова.
- ¹⁴¹ О *Кучках* как поминальном празднике подробнее см.: *Белова О.В.* Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. С. 178–179.
- ¹⁴² Жен., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз.
- ¹⁴³ Муж., 1931 г. р. [1], жен., 1933 г. р. [2], зап. В. Кухтина, Н. Савина.
- ¹⁴⁴ Жен., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз.
- ¹⁴⁵ См.: *Белова О.В.* Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. С. 231–239.
- ¹⁴⁶ См., например: *Bielowa O.* Legenda o Charunie: formy istnienia na pograniczu polsko-ukraińsko-białoruskim. S. 293–304; *Белова О.* Портрет этнического соседа: евреи глазами славян (по фольклорно-этнографическим материалам с Гродненщины) // Желудок: память о еврейском местечке / Отв. ред. И. Копчёнова. М., 2013. С. 79–80; *Базаревич А.* Еврейское население в народной традиции г. Ушачи и окрестностей: Этноконфессиональные стереотипы // Лепель: память о еврейском местечке / Отв. ред. С. Амосова. М., 2015. С. 86.
- ¹⁴⁷ См. также в статье О. Чёха.
- ¹⁴⁸ Ср. белорусское поверье о том, что избавить еврея от домогательств черта можно, осенив его крестным знаменем (*Демидович П.* Из области верований и сказаний белорусов. С. 109).
- ¹⁴⁹ Жен., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз. Показательно переосмысление термина *чертохоп*. Эта же рассказчица, говоря о высылках из Глубокого после прихода советской власти, употребила слово чертохоп для обозначения неминуемой беды: «Уже знаете что под конец? Сядели связавши одёжу и там что – чтоб взять с собой что. Потому что ночью – як это уже говорыли – *чертохоп* был! [Смеется.] Днём прыходили вагоны, ночью подъезжали с машиной, пять минут на сборы, и в машину, и на вокзал, и увозили».
- ¹⁵⁰ Муж., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз.
- ¹⁵¹ Жен., 1934 г. р., зап. В. Кухтина, Н. Савина.
- ¹⁵² Муж., 1931 г. р. [1], жен., 1933 г. р. [2], зап. В. Кухтина, Н. Савина.
- ¹⁵³ Жен., 1937 г. р., зап. Р. Зенюк, Н. Антонова. В этом нарративе отмечается «еврейский» облик хапуна – он с пейсами. Схожее описание см. в рассказе В.Г. Короленко «Судный день (Иом кипур)»: «жидовский черт» Хапун «носит пейсы да ермолку». Подробнее о внешнем облике этого демонологического персонажа см.: *Белова О.В.* Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. С. 233.
- ¹⁵⁴ Жен., 1929 г. р., зап. О. Чёха.
- ¹⁵⁵ Ср. свидетельства из Польши (Бельск Подляский; Кросно) о том, что евреи спали на одной кровати, ложась так, чтобы соприкоснуться головами в центре (тела спящих при этом образовывали «звезду») и чтобы никто не оказался с краю и не был утащен чертом (см.: *Cała A.* Wizerunek Żyda... S. 98).
- ¹⁵⁶ Жен., 1932 г. р., зап. М. Коженевская, Р. Зенюк.
- ¹⁵⁷ Жен., 1926 г. р., зап. М. Коженевская, М. Крутиков, И. Соркина.
- ¹⁵⁸ Жен., 1940 г. р., зап. А. Скопина, Е. Чернякова.
- ¹⁵⁹ Подробнее см.: *Белова О.В.* Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. С. 231.

- ¹⁶⁰ Жен., 1923 г. р., зап. В. Кухтина, Н. Савина.
- ¹⁶¹ Хождение с зажженными свечами (факелами) – один из элементов праздника Симхат Тора, см.: <http://www.eleven.co.il/article/13809>.
- ¹⁶² Жен., 1929 г. р., зап. О. Чёха.
- ¹⁶³ Жен., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз.
- ¹⁶⁴ Жен., 1930 г. р., зап. Н. Антонова.
- ¹⁶⁵ Отметим, что представления о «несчастливой» дороге разделяют не только те рассказчики, кто просто знает об этом, но и непосредственный участник тех дорожных работ. Один наш собеседник во время описываемых событий работал водителем на автобазе и возил на самосвале землю с еврейского и христианского кладбища на строительство дороги (муж., 1939 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз).
- ¹⁶⁶ Жен., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз.
- ¹⁶⁷ Жен., 1946 г. р., зап. Е. Чернякова, А. Головина.
- ¹⁶⁸ Муж., 1931 г. р., зап. Н. Антонова, А. Кирзюк.
- ¹⁶⁹ Жен., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз.
- ¹⁷⁰ Ср.: «Опасаются ли оставлять покойника на ночь одного? Каков смысл этого?»; «Есть ли поверье, что, если покойника оставить на ночь одного, он исчезнет (его унесут черти)?»
- ¹⁷¹ См. материалы из разных славянских ареалов: *Белова О.В.* Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. С. 194–198; *Белова О.* Портрет этнического соседа: евреи глазами славян (по фольклорно-этнографическим материалам с Гродненщины). С. 73–74; *Белова О.* Еврейское кладбище в рассказах жителей Лепеля и окрестностей // *Лепель: память о еврейском местечке / Отв. ред. С. Амосова.* М., 2015. С. 100–106; *Белова О.* Евреи в фольклорных нарративах славянского населения Галиции (по материалам полевых исследований 2009–2010 гг. С. 243–245; *Алексеевский М.* Представления о еврейских похоронно-поминальных традициях в рассказах жителей Латгалии // *Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии. Материалы экспедиций 2011–2012 годов.* С. 138, 152–167; *Амосова С.* Представления о «чужих» кладбищах и «чужом» погребальном обряде (на материалах экспедиций 2009–2010 гг. в Ивано-Франковскую и Закарпатскую области Украины) // *Традиционная культура.* 2012. № 2. С. 20–29.
- ¹⁷² Жен., 1930 г. р., зап. М. Коженевская, А. Головина.
- ¹⁷³ Жен., 1942 г. р., зап. Р. Зенюк.
- ¹⁷⁴ Муж., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз.
- ¹⁷⁵ Жен., 1930 г. р., зап. Н. Антонова.
- ¹⁷⁶ Жен., 1946 г. р., зап. Е. Чернякова, А. Головина.
- ¹⁷⁷ Жен., 1926 г. р., зап. М. Коженевская, М. Крутиков, И. Соркина.
- ¹⁷⁸ Жен., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз.
- ¹⁷⁹ Жен., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз.
- ¹⁸⁰ Жен., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз.
- ¹⁸¹ Такой же обряд зафиксирован в других регионах – в Подолии, в юго-восточной Польше (см. подробнее: *Белова О.В.* Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. С. 188; *Cala A.* The Image of the Jew in Polish Folk Culture. Jerusalem, 1995. P. 128).
- ¹⁸² Жен., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз.
- ¹⁸³ Муж., 1950 г. р., зап. В. Кухтина, Н. Савина.
- ¹⁸⁴ Жен., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз.
- ¹⁸⁵ Жен., 1934 г. р., зап. М. Коженевская, И. Соркина.
- ¹⁸⁶ Жен., 1937 г. р., зап. Н. Антонова, А. Кирзюк.
- ¹⁸⁷ Жен., 1947 г. р., зап. Н. Антонова.
- ¹⁸⁸ Жен., 1927 г. р., зап. А. Кирзюк, А. Скопина, О. Чёха.
- ¹⁸⁹ Муж., 1938 г. р. [1], жен., 1941 г. р. [2], зап. В. Кухтина, Н. Савина.
- ¹⁹⁰ Жен., 1936 г. р.
- ¹⁹¹ Муж., 1950 г. р., зап. В. Кухтина, Н. Савина.
- ¹⁹² Жен., 1946 г. р., зап. В. Кухтина, Н. Савина.
- ¹⁹³ См. статьи Ю. Бернштейн, Н. Савиной, О. Чёха.
- ¹⁹⁴ См. сходный пример в статье Н. Савиной. О мифологизированном сюжете, связанном с призывом раввина к непротивлению, см. подробнее: *Белова О.* Историческая память и современный фольклор (на примере народных рассказов из бывших еврейских местечек польско-украинско-белорусского пограничья). С. 289–293. В статье Ю. Бернштейн приводится свидетельство Бориса Глаза, еврея – очевидца уничтожения гетто в Глубоком, где упоминается местный раввин: «...раввин Кац сидел на телеге – он был очень пожилым и, видимо, не очень здоровым, ходить он не мог – и шевелил губами, произносил молитву. Рядом с ним сидела его жена».
- ¹⁹⁵ Жен., 1930 г. р., зап. О. Белова, А. Мороз.
- ¹⁹⁶ Жен., 1946 г. р., зап. Е. Чернякова, А. Головина.
- ¹⁹⁷ Муж., 1950 г. р., зап. В. Кухтина, Н. Савина.

Оксана Чёха

Народные легенды Глубокого

«Народная Библия»

Народные легенды на религиозные сюжеты всегда представляют большой интерес, поскольку позволяют увидеть, какие именно библейские события представляются носителям традиционной культуры наиболее значимыми и лучше запоминаются, а также проследить особенности интерпретации этих событий – появление в повествовании дополнительных деталей (под влиянием народной или книжной традиции) или, напротив, упрощение сюжета. Важно, что в Глубоком, месте многолетнего совместного проживания католиков и православных, удалось записать тексты от представительниц обеих конфессий – Ванды Кухто (ВК) и Леониллы Алексеевны Козел (ЛАК), то есть получить «католический» и «православный» вариант «народной Библии». По причине того, что с основания и до середины прошлого века большинство населения Глубокого составляли евреи, фигура еврея, вообще тема еврейского народа, еврейских повседневных обычаев и ритуальных практик не могла не найти отражения в народных нарративах нееврейского населения (например,

легенда о том, почему евреи не едят свинину). Наконец, в числе персонажей народных легенд оказываются и цыгане с их тягой к кочевой жизни и приписываемой им привычкой к воровству (легенда о том, почему цыганам разрешено красть).

Очевидно, что появление в Глубоком некоторых сюжетов объясняется влиянием книжной традиции (легенда о гостии, из которой полилась кровь после того, как евреи начали ее колоть). В других случаях легенда могла измениться, испытать воздействие апокрифической литературы (легенда о «благородном разбойнике» из апокрифического «Евангелия Детства») или в результате знакомства с иноэтнической традицией (представление о «роговом» Адаме). Все это лишнее демонстрирует, насколько «многослойными» оказываются фольклорные тексты в зоне интенсивных многоязычных и поликультурных контактов, какой до Второй мировой войны являлось Глубокое.

Публикуемые народные библейские легенды рассказывают об «исторических» событиях, произошедших с момента сотворения мира, и объясняют его существующее устройство, составляя,

Ванда Кухто

таким образом, основной корпус этиологических легенд. Кроме них в этот корпус входят легенды об аисте и о хлебном колосе, объясняющие, почему аист ест лягушек и отчего стебель у колоса голый. Несколько легенд относятся к жанру эсхатологических – описывают конец света или отдельных его частей (легенда об Афоне, который уйдет под воду, если на него ступит нога женщины).

Сотворение мира

Бог творит Адама из глины, Еву – из его ребра, отчего у мужчин теперь на одно ребро меньше. Еву искушает уж, который в действительности является дьяволом (Люцифером), свергнутым Богом с неба. Кусок яблока, который Ева в свою очередь предлагает Адаму, застревает у него в горле

в том месте, где сейчас у мужчин кадык. После грехопадения тело людей стало мягким и ранимым, хотя до этого было прочным («такое как ноготь ўсе») и не болело. Старший сын Адама и Евы убивает своего брата из зависти, и сцену этого убийства можно увидеть в полнолуние на диске луны, где «Каин Авеля несеть».

Примечательна деталь хвастовства «анёла» Люцифера, который подбивает на восстание часть ангелов – он выкорчевывает из земли дерево и заявляет: «Я дуб большой вырыў, я ўсе могу». В этом можно видеть *locus communitatis*, встречающийся и в других фольклорных жанрах, когда требуется подчеркнуть силу героя (чтобы показать свою удаль, дубы из земли вырывают былинные богатыри, например, Илья Муромец), или же ре-

плику из богоборческих легенд о великанах, которые поднимают из земли огромные камни или выкорчевывают деревья в попытках напугать небо¹.

1. [А откуда вообще демоны произошли?] От анёлов. Один анёл самый большой был, вышэйший. И ён сказаў: «Чаго мне не поклоняются, а Богу поклоняются?» И потом тады стали: «Я дуб большой вырыў, я ўсе могу». И тады частка анёлов отлучилась. Яны думали, что перяможуть, тады война була меж ними, промеж анёлами и злыми духами. И стали они чернеть, с бялого став черными-черными. И Господь их скинуў. Яны упали в пекло. Подземное такое пекло (ВК, 1937 г.р., зап. А. Головина, О. Чёха, Р. Зенюк).

2. [А с чего пошел мир?] Пошёл с Адама и Эвы. Перш-наперш Господь сотворил Адама. [Из чего?] Из глины. А жонка с яго ребра. [А вот у мужчин такой бывает...] Это Адам подавился яблоком, як яблок запращенный ела Эва. Вуж этот, яму ж стало завидно, что людям стало добро в раю, а яму плохо. Этот анёл, который дьяволом стал самым главным. Тогда он созвёл Эву: «Покушай, будешь вумная. Будешь ўсё добро и зло знать». Яны зла не знали, только молились. Якой болезнью, ничего не було. Высокие, красивые. Тело у них было, говорить, такое как ноготь ўсе. <...> Женщина пострадала, детей рождает в болезни. [Были у них дети?] Были у их Каин и этот... Завидный один брат, и взяў забиў гэтого брата. Во як ён яго забиў. Господу палили. Гэтот палил жарно один, а другой барана. И у гэтого огонь прямо пошëў у небо, у младшего, и тады ян со злости забиў брата (ВК, 1937 г.р., зап. А. Головина, О. Чёха, Р. Зенюк).

3. Пэrvые шэсть дней, когда Бог сотворил свет. Первые дни это были, когда отдалил воду от зямли, потом воздух и солнце, а потом значить, в шэстой день сотворил Адама, сделал из рябра [Еву], у их ведь и тяперь можно знать, что у мужчин нет одного рябра. Жили яны, это был рай, Эдэм. <...> Но було запрещенное дерево, а там сидел змей и ён яё искусил. И Ева ему кажет: «Пожалуйста, давай попробуваем это яблоко». <...> И когда он только прикусил это яблоко, яблоко застряло, и

вот осталось у мужиков вот такое это, все равно як кость какая-то (ЛАК, 1929 г.р., зап. О. Чёха, Н. Антонова).

4. У Адама и Евы были дети, из этого пошел тады род. И вот яны-то, дети, тоже долго жили, по пятьсот, по шестьсот годов. <...> [А не говорили, что их звали Каин и Авель?] Да, Каин забил Авина. Гэтого более любили сына, гэтому все оставляли, а гэтому ничего. [А не говорят, что это видно на месяце?] Говорят, что на луне Каин Авеля несеть (ЛАК, 1929 г.р., зап. О. Чёха, Н. Антонова).

Потоп

5. Был разврат на земле, что Господь Бог уже дальше терпеть не мог. Я вас, кажет, уничтожу. Только была одна семья Ноева, которая верила в Бога. Ну тогда же ещё не было ни Матери Божей, ни Иисуса Христа, только они верили в Бога. И ён им сказал: «Сделай ковчег», – и ён сделал ковчег и туда посялил своего сына и нявестку, одного сына и другого сына, и всяго. И ковчег этот долго плавал по воде по этой, и ён, его занесло на гору Арарат, это которая гора где-то там в Армении. Это в наше, настоящее уже время послевоенное один француз залез туды на эту гору, там на горе на гэтой вода мерзлая на самой вершине, но ковчег гэтого один верх выступивший. Вырызал как-то и принёс на зямлю, учёным ён дал, и никто не признавал, в тяперешнее время у нас такого дерева и нет. И ён тады пошел с сыном, <...> армяне закрыли, никого не пустили (ЛАК, 1929 г.р., зап. О. Чёха, Н. Антонова).

Моисей. Исход

Евреев притесняли разные народы, особенно «римляне», которые даже впрягали их в плуг вместо скота. Из рабства евреев вывел Моисей, который потому и почитается больше других. Во время сорокалетнего странствия по пустыне с неба сыпалась «манка», которая облепляла раскаленные камни и жарилась, превращаясь в мацу. Погнавшиеся за евреями «римляне» утонули, когда воды Красного моря снова сомкнулись над ними, и превратились в русалок.

Легенда о сорока годах скитаний в пустыне и о происхождении мацы возникла в разговоре, что-

бы пояснить слушателю, каким угнетаемым народом были евреи, кого и за что они почитают, и почему захотели испытать Христа, усомнившись в том, что он и есть царь Иудейский. Иисусу показали на перевернутое корыто, под которым лежала беременная еврейка, и предложили угадать, кто или что там находится. После ответа Христа, что под корытом свинья с поросятами, евреи обнаружили, что женщина действительно обратилась в свинью, устрашились и с тех пор не едят свинины.

6. Это был так, что евреи сидели, а Иисус Христос же был еврей – это же от царства Давида евреи исходили. Чаго яны всегда с Богом были связаны, были всякие язычники, были кто кому поклонялся. Жиды никогда не поклонялись никому, только именно Богу. О, он с ними имел, знаешь, связь. И ён, знаешь: «Я ништо Царь Иудейский», – а они ждали, что ён придет и царство даст. Их же притесняли всю жизнь, сколько они живут. То арабы, то яшче кто-нибудь, особенно их угнетали римляне, яны на них и пахали, и всё. А вывел их из этого рабства Моисей. И вёл ён их сорок годов. Там можно было за две недели перейти, а он их сорок лет водил в пустыне. И им тогда манка сыпалася. Вот зашто у них гэта манка, что-то такое. <...> С неба сыпалася, як будто бы в виде манки, як таких малюсок. И яны облипали на камни, а пустыня, жар же, и яны сразу жарилися. А так яны умирали, им было нечего есть. И эта манка у них получилася як маца. <...> И так он их вывел из рабства. И у нас чтят Моисея, и у них же самый основной Моисей у жидов. И пришёл к ним Иисус в дом, и они зробили, положили жидовку под корыто: «Под этим корытом что? Если ты Бог, скажи нам, что там?» Тады ён говорит: «А там свинья с поросятами». Они подымают, там свинья с поросятами (ЛАК, 1929 г.р., зап. О. Чёха).

7. Превратились, и казали, когда там плывёт какой-нибудь корабль, были, знаешь ли, звуки, песни, и люди тонули. Тонули корабли. Все як <...> русалки. [А не называли их фараонками?] Это фараоны. Это были тогда, значит, у римлян фараоны. И они владели тогда, знаешь... войско. И яны владели тогда всем (ЛАК, 1929 г.р., зап. О. Чёха, Н. Антонова).

Конец света

8. [А какими будут признаки конца света?] Яко дождь иде, хмара. Крыж на небе будеть Господен. Вода выйдеть уся, звяры выйдуть, такими голосами страшными будуть, чяовек чяовека не увидит. <...> Як один Господь, так и одна Пасха будет перед концом. Печать будуть ставить на руки бб. Им же лепее будет жить, а других преследовать. Но недолго будуть преследовать. А потом спасутся (ВК, 1937 г.р., зап. А. Головина, О. Чёха, Р. Зенюк).

Следующие четыре легенды не описывают библейских событий, но ссылаются на них, подкрепляя «авторитетным» источником собственно народные объяснения происхождения ряда обычаев, запретов и предписаний². В частности, верят, что яйца на Пасху начали красить после того, как Мария Магдалена сотворила перед Иродом чудо в доказательство воскресения Христа:

9. Красили яйца не знаю, по якой причине, но красили даўно. Когда Магдалена ушла, знаешь, к цару Ироду, и сказала, что яна <...> дак яна принясла яму яичко. И он кажет: «Что ты докажешь, что Христос воскрес?» А яна кажет: «Вот смотри». А перед ним это красное яичко, белое зробилось красным. Ну вот, после этого стали красить яички (ЛАК, 1929 г.р., зап. О. Чёха, Н. Антонова).

Повсеместно приписываемая цыганам склонность к воровству объясняется данным им на то божьим дозволением в благодарность за то, что цыган украл один из гвоздей, предназначенных для распятия Христа, и тем самым облегчил его муки:

10. Цыганы як прыязджали, то ўсё хавали, бо яны крали. Гаварылі, што гвоздзь украў [як] Хрыста прібівалі, цыган гвоздзь украў, за то можна красц (Анна Францевна Козловская, 1927 г.р., зап. Р. Зенюк).

Легенды призваны истолковывать даже те представления, которые – строго говоря – напрямую вступают в противоречие с объективной реальностью. Так, верят, что евреи не едят щуки, потому что щучьи кости напоминают орудия страстей Христовых:

11. Голову щуки [евреи] никогда не ели, потому что там, когда начинаешь голову, там есть и крест, там есть и гвозди, там есть и вот пика такая, что Иисуса Христа били. И вот действительно, станешь глядеть – точно! (Галина Петровна Долманова, 1932 г.р., зап. Р. Зенюк, М. Коженевская).

Другой пример – представление о том, что православные отмечают свою Пасху в «темную ночь» после еврейской Пасхи, которая приходится на полнолуние, на светлую ночь, потому что Христос был схвачен в лунную ночь, а в момент снятия с креста стояла темнота (оттого, что в момент смерти померкло солнце?):

12. Вот у жидов я добро знаю, у их Пасха. Пасха ихняя начинается у полнолуние перед самой нашей Пасхой. Они кончают, мы начинаем. [Почему перед нашей?] Потому что Иисуса Христа забирала у светлую ночь, а пока яны яго мучили, и тады як яго снимали с креста, была темная ночь. Так наша всегда идет всегда у темную ночь. А яны свою Пасху отмечали, не ели хлеба. Ели яны только мацу пякли (ЛАК, 1929 г.р., зап. О. Чёха).

Легенда о хлебном колосе

Иллюстрация общеславянского сюжета об уменьшении хлебного колоса в наказание за прегрешения людей – раньше колос был длиной со стебель, потому зерна и муки было много, и люди перестали ценить хлеб³. Женщина подтирала пол блинами вместо тряпки, это увидел Бог, рассердился и решил оборвать колос, чтобы у людей больше не было зерна. Он уже начал обрывать его, когда прибежала собака и стала просить оставить зерна ей на хлеб. Бог прекратил обрывать колос, и теперь люди живут тем зерном, что выпросила собака – «на собачьем бреху мы живем».

13. Это уже в настоящее время. Такая была легенда. Это легенда, это ни в Библии, ни в Евангелии не сказано. Было много, знаешь что, зерна, и зерно йшло с самого зерна, колос гэ тот был больший. И яна, знаешь, женщина, этими блинами распорядилась, <...> так и мусор гэ тий убирала, блином этим, которых напекла. «Ай хватить мне, ай хватить мне!» Бог кажеть: «Ну сколько... » Тут толь-

ко гаўкнул собака, и на собачий брех остался вот этот колос, оставил. А так бы он сорвал все. На собачьем бряху, мы живем на собачьем бряху. Что собака лаяла, и остался этот колос (ЛАК, 1929 г.р., зап. О. Чёха, Н. Антонова).

Легенда об аисте

Сюжет о превращении в аиста человека, которому Бог доверил выбросить мешок со змеями и лягушками⁴. Любопытный человек развязал мешок, и гады расползлись по всему свету, поэтому теперь он и все его потомство обречены их собирать. Легенды с таким сюжетом хорошо известны украинцам, белорусам, полякам и (частично) болгарам.

14. Говорят, был человек, яму Бог сказал: «Уноси это все, уничтожь». Гадюк там и усих гэ тых... А ён нес и рассыпал. «Ну, коли рассыпал, так ты теперь роби, ходить будешь и подбирать». Вот тыпер аист ходит и подбирает (ЛАК, 1929 г.р., зап. О. Чёха).

15. Вот такую я слышал легенду. Вроде бы Бог собрал змей, ну, наверно, и лягушек – ну лягушки, они вроде бы не вредные... но змей – это точно – в мешок, завязал и сказаў человеку: «Няси, куда-то, чтобы они не выползли, закопай или что. И не гляди». А ему ж интересно было, человеку. Взяў мяшок, раскрыў, о они – раз! и вылезли. Тады Бог узнал и решил потомство создать, чтоб собирали. Аист, например, змей же поедает, лягушек. Ну, вот и собирает. Мама легенду рассказывала (Геннадий Фёдорович Поздняков, 1943 г.р., зап. Н. Антонова).

Чудеса

Отдельный жанр народного религиозного фольклора составляют тексты о чудесах, сотворенных местными иконами или святыми, а также о чудесных происшествиях, случившихся в сакральных, культовых местах, расположенных неподалеку.

В Глубоком одним из таких мест является Борок, где во время оккупации массово расстреливали евреев и военнопленных. Записана легенда о явлении иконы Богородицы в Борке в 1964 году:

15. Немцы сгоняли туда пленных, потом их всех побили-постреляли, и они похоронены здесь в Борку сразу. Столько много, мы потом туда ходили эти могилочки рассматривали. Там могилки и теперь есть. А напротив в 64-м явилась на небе... не на небе... на дереве... девятиклассники там из музыкальной школы ходили в Борок, как раз после Дня Победы, говорят: «Ай-яй-яй! Кто-то висит, висит, висит на дереве!» Подскочишь – не видишь, а когда отходить – видеть. В руке держит что-то такое... свет сияет... невозможно глядеть. Это крест, по-видимому. Моего мужа племянничек мне личенько рассказал: «Тётя Вера, на солнце глядеть ещё можно, но, что держала в руке – нельзя было». <...> Подскочили снять – никого нет. Сосёнка такая – может, выше, чем наш дом. До самой ночи поздней видно было. Почему: потому что там эти пленники лежат. Кто знает, какие там угодники. Может, там такие люди были достойнейшие. <...> На этом месте построить бы капличку, чтобы молиться можно было, а тут всегда на День Победы – ай, песни, лотки, гуляния, – всякое. Если бы сейчас случилось – зафотографировали бы... и была бы икона Богородицы в полный рост (Вера Васильевна Платончик, 1933 г.р., зап. Р. Зенюк, Н. Антонова, О. Чёха).

После того, как православному собору Рождества Пресвятой Богородицы в Глубоком в 1911 г. была подарена икона «Достойно есть», копия чудотворного образа из афонского Карейского храма, появились рассказы о ее чудесах. Леонилла Алексеевна так пересказывает историю, услышанную на остановке от женщины из соседнего села:

16. «Я так болела, у меня голова тряслась, и руки тряслися. И не могла не робить, ничего. Я приехала помолиться к этой иконе». У нас когда несут ее, поднимают вышей, а тут люди все преклонившиеся на коленях, и проходят, над тобой эту икону проносят. Казала: «Я так помолилася, и надо мной пронесли, а я не могу, у меня трясутся и руки, и голова трясется, и все трясется у меня. Так я уже и не знаю, что со мной будет. Ну, помолилася, кончилась тут служба, думаю, пойду на автобусную, поеду автобусом домой. Пришла на автобусную, и ни голова не тряслась, ни руки, и

по сегодняшний день каждый год приезжаю, молюсь» (ЛАК, 1929 г.р., зап. О. Чёха).

То, что икона была привезена с Афона, способствует сохранению и бытованию легенд, связанных со Святой горой, например, легенды о том, почему на землю Афона не должна ступить нога женщины и что случится, если это все-таки произойдет.

17. Если на Афон-горе будет женщина, то она пойдет под воду, потому что яна ехала, Матерь Божия, плыла на корабле, и яна ехала в Грецию. И этот корабль повернул, и приплыли яны к берегу, к Афонской горы. Она сошла и говорит: «Это будет земля моя, так здесь красиво». И гэто считается ейная земля. Як турки хотели зробить таки мост, чтоб там сделать и пляжи будуть, и курорт, монахи не дали никак (ЛАК, 1929 г.р., зап. О. Чёха).

Яркий пример того, насколько глубоко городские книжные сюжеты способны проникнуть в народную культуру, демонстрирует записанный от Ванды Кохты текст о том, как варшавские евреи оскверняли гостию.

18. Яны [евреи] сказали: «Покажи, який Бог у вас?» Облаток этот дают, причастие. Принесли яны гэто причастие, яна [служанка-христианка в еврейском доме] не праглынула, узаяла в платочак и принясла. Дак яны стали колоть, голками кололи, и тада облачатка стала бегать по ўсих комнатах. И не могли зловить ея никто. Тады священника вызывали, и кроў пошла [из этой облатки?]. Точно это було. [Это вашей маме рассказывали?] Да, это точно було. [В Варшаве, не здесь?] Да. У нас же гэтого не було, гэдак не робили, нешто не чувать. Ужо чувать, што гэта служанка вот у явреев служила, и она говорить, кровь давала им. [Сама?] Ага, маца. Такую робили як блины, и усим давали. [И вам?] Не, я уже не попала. Это при Польше було. [А служанка как давала кровь?] Яны платили. Може с пальца, чи с вены (ВК, 1937 г.р., зап. А. Головина, О. Чёха, Р. Зенюк).

Легенды о чудесной облатке, из которой льется кровь, когда ее истязают, были известны польским хроникам XV–XVI вв., а также различным жанрам

Леонила Алексеевна Козел

религиозной литературы (в первую очередь – в проповеднических ехемпла)⁵.

Демонология

Записанные в Глубоком тексты о ведьмах, нечистых покойниках и некрещенных младенцах в жанровом отношении представляют собой былички или сказки. Почти всегда речь идет о персонажах славянской народной демонологии за исключением рассказов о «еврейском черте», *Хапунце* или *Хватале*, который в день Йом Киппур (Судный день) похищает и уносит одного из представителей еврейской общины⁶. Однако даже в этом случае мы имеем дело не с персонажем еврейско-

го фольклора как таковым, а с тем, что знало и рассказывало об этом персонаже нееврейское население местечка.

19. У них ёсь один, говорили, у евреев хватала, хапунец был у их. Таки вихор начинаўся, и яврея одного не станеть. [А у католиков и православных?] Не. Тады они мацу робили, тады кровь брали у хрыстианоў, и тады не стало их хватать, а то хватало их. <...> Были такие будки, будки. И яны, я же говорила вам, и хапунец был тады. <...> Холодно робится (ВК, 1937 г.р., зап. А. Головина, О. Чёха, Р. Зенюк).

Примечательно еще одно упоминание о «вихре» (дьяволе) в связи с представителями уже дру-

гой конфессии – с мусульманами. Это рассказ о татарских похоронах самоубийцы в Амбросовичах, соседнем с Глубоким селе, где расположено татарское кладбище. Умершую хоронили по татарскому обычаю без гроба, и в самый разгар похорон налетел вихрь, так как – по словам Ванды Кохты – хоронили не христианку.

20. Еще у нас тут были Амбросовичи. И повесилась. Что ей случилось? Чи с маткой ни зладила, чи што, повесилась. Приходим, она в гробе лежит, в цветах. А мать ейная работала в больнице, и больница ея хоронила. Все, и гроб заказали, и одежду. И все поехали туда в Амбросовичи. И только приехали туды в Амбросовичи, мать сейчас вынула ея из гроба, все сорвала, скинула, гроб этот тоже откинули. И она ее в саван, закрутили, посадили. И только посадили, говорит, налетел неки вот такой вот вихор, и все крутил там, что мы все, говорит, утекали от этой могилы як могли. Такой вихор был. А там было тихо, добро. И когда ее закопали, тихо стало. [А почему налетел?] Ну, може, дьявол какой. Это же не христиане, а масульмане. [А не потому, что она самоубийца?] А может за то, что самоубийство. [А где самоубийц хоронили?] Раньше ховали перед кладбищем, а теперь хоронят обыкновенно. Едут к архиерею, берут разрешение (ВК, 1937 г.р., зап. А. Головина, О. Чёха, Р. Зенюк).

Несмотря на то, что перед собирателями не стояла задача сбора текстов по народной славянской демонологии, несколько текстов было записано, и ниже мы приводим их, чтобы дать читателю самое общее представление о том, какие мифологические персонажи знакомы местной народной традиции.

Не записано быличек о лешем, водяном или домовом, но фиксируются рассказы о колдунах – чаровницах и чаровниках, которые могли делать заломы («путалки»), отбирать молоко у чужих коров, наводить порчу на людей и скот. В рассказе о колдуне из Глазичей, повторяющем известный сказочный сюжет, брат чернокнижника вызвал дьяволов, которые служили его брату, но не смог с ними справиться, не знал, какую дать им работу, и они вырвали у него глаз.

21. В Глазичах чароўник был. Брат был чароўник, а други брат хотел читать, три милороты [приворо-

ты?]. Одни прочитаў, други, а третьи як прочитаў, то яны вылятали, кричали: «Работы давай». А ён со страху знаешь, дак яму воко вырвали. А старший брат пошёл и сказал: «Во дурак, вызвать вызвал, а работы не дал». [А кого это он вызвал?] Дьяволю. [А что будет, если вызвать, а не дать работы?] Ну ўсё, задушать (ВК, 1937 г.р., зап. А. Головина, О. Чёха, Р. Зенюк).

Записано также сообщение о том, что в жарко натопленной бане могут показаться души некрещенных младенцев, умерших при рождении, и тогда свидетель этого должен дать им имена и тем самым «окрестить» их.

22. Ходили такие анекдоты, что когда баню топють, вот когда камни нагреются в бане, камень лопається, и появляется там фигура рабёночка. Это сказки. Это нехрещенный рябёночек, и кто это делает, тот треба перехрести три раза и сказать: «Если панна, буди Анна, если пан, то буди Ян». Значить, яго душа получила хрэст (Мария Константиновна Зязюля, 1929 г.р., зап. Р. Зенюк, А. Головина).

Некоторые мифологические рассказы напоминают о необходимости соблюдать установленные нормы повседневного поведения, а именно, не работать в праздничные дни и не упоминать имя черта. Так, к человеку, поминающему чертей, те являются после смерти, пляшут и свистят возле его гроба.

23. У нас в деревне был такой кавалер, говорил: «По смерти хоть и черти». Гэтак все говорил. «Ай, что там будет. По смерти хоть и черти!» Як помер ён, як ён помёр, як стали русскаго ходить в дванадцать часов, ходить вокруг гробá и подсвистывать. Во як було (ВК, 1937 г.р., зап. А. Головина, О. Чёха, Р. Зенюк).

За человеком, работающим в праздничный день и не соблюдающим воскресенья, приезжает карета. Сперва белая – с предупреждением одуматься, а затем черная, чтобы уже забрать и увезти в неизвестном направлении.

24. Во, на Глубокем тоже было. Ён работаў и работаў, был человек работающий, месяцем работаў.

Дык приехала белая карета и яму сказала – ён и недели и праздники работаў – что забяруць яго, забяруць. А ён все равно работал, тады приехала чёрная карета и забрала яго. А куды забрала? Не стало яго (ВК, 1937 г.р., зап. А. Головина).

От Клавдии Антоновны Лобан записан рассказ о «книге совести», в которой ведется учет всем человеческим грехам:

25. Книга же ёсть, книга совести ёсь, когда человек помреть, эта книга раскрывается, все твои грахи там написаны, колько ты в жизни живешь, книга совести, да? В евангелиях читаешь – книга совести на каждом человеке, все грахи написаны, кагда ты за всю жизнь согрязил. Вот тогда ты попадаешь или в рай, или в пекло, и будешь там. [Эта книга у всех или только у православных?] Должна же у всех быть, у всех людей (Клавдия Антоновна Лобан, 1934 г.р., зап. А. Кирзюк, А. Скопина).

Сказки о кладях

С трагическими событиями прошлого века, с массовым уничтожением еврейского населения связаны городские легенды о том, как при строительстве новых зданий находили клады в подвалах еврейских домов.

26. Дома еврейские все сожгли. Кто-то находил драгоценности, деньги, когда строили на месте еврейских домов. Были бедные и богатые евреи. Если один еврей богатый, он бедного не оставит, всем поможет (Галина Петровна Долманова, 1932 г.р., зап. М. Коженевская, Р. Зенюк).

27. Золота в Глубоком было порядочно, <...> потому что было много людей, которые бежали от Советской власти и привезли с собой много золота. Где гетто были, может, там клады находили. Евреев было много богатых (Ольга Викентьевна Дрозд, 1933 г.р., зап. О. Чёха, Е. Чернякова).

Главным образом рассказывают о горшке золота, найденном во время строительства универсама:

28. Да, был клад. Напротив Белого дома. Тут стояла одного – или он купец, или кто такой был –

разбирали и нашли клад. Один милиционер забрал этот клад, и его посадили. При Советской власти был клад (ЛАК, 1929 г.р., зап. О. Чёха).

При этом наряду с современными городскими легендами о еврейских кладях были записаны и другие, гораздо более старые сказки о кладях, знакомые исследователям по ранним публикациям. В частности, рассказы о том, как клад «приходит» в виде старика или белого животного, которое надо ударить, чтобы оно «рассыпалось золотом».

29. [Находили люди клады?] Гэто було. Старик приходиў. Старый пришоў до их, а яны попужались – закрытые двери, а старик пришоў. Говорили, надо было палкой кинуть, золото приходило. [Ночью приходил?] Ночью, як яны закрытые были. Этакіе боязливые были. А старые люди говорили: «Золото приходило» (ВК, 1937 г.р., зап. А. Головина, О. Чёха, Р. Зенюк).

Известна сказка о «заклятом» кладе: когда владелец прячет клад, то обговаривает условия, – как правило, трудно выполнимые, – при которых другой человек сможет обнаружить его тайник и забрать сокровище. Предполагается, что оно навсегда останется спрятанным от людей. Однако у такого события всегда оказывается случайный свидетель, который слышит приговор и забирает золото. В записанной в Глубоком легенде отец, обидевшийся на сына, закликает клад открыться только той руке, которая его зарыла, т.е. ему самому, полагая, что после его смерти уже никто не сможет к нему прикоснуться. Сын же, подслушав отца, приносит из церкви тело покойного и его мертвой рукой достает свое наследство.

30. Заклятое, закликали золото. <...> Батька обидеўся. У батька много золота есть, дак ён яго заклёў под печкой: «Чья ручка закопала, нехай та и откопает». Заговорун, умел заговаривать. А сын почуў гэто. Так как ён помер, сын пошёл в церковь и затянул яго туды. Чья ручка закопала, та и откопает. И откопала! (ВК, 1937 г.р., зап. А. Головина, О. Чёха, Р. Зенюк).

В продолжение историй о быстрых способах разбогатеть был записан рассказ о том, как до-

быть «неразменный рубль»⁷, монету, которая всегда будет возвращаться к своему владельцу после совершения покупки. Для этого в канун дня всех святых (1.XI) на перекресток надо принести кота, обернутого в нитки, и продать его за один рубль. Из нашей записи не совсем понятно, зачем кота потребовалось заворачивать в нитки, однако, как следует из других опубликованных материалов, это делалось для того, чтобы за то время, пока покупатель (черт) будет распутывать узелки, продавец смог спокойно уйти.

31. Это же говорили, на крыжевую дорогу надо идти перед Усими Святыми, говорят, али, может, это легенда. Тады кота увярнуть у нитки, вкрутить, и будут тады кота гэтого куплять, и будут давать много грошей, но только брать один, гэтот один рубль. И гэтот рубль возвращается уже. [И кто будет покупать?] Ну, будут выходить, может, люди, может, духи злые (ВК, 1937 г.р., зап. А. Головина, О. Чёха, Р. Зенюк).

Не фиксируется легенд ни о разбойничьих кладах, ни о самих разбойниках. Единственный текст на «разбойничью» тему представляет собой контаминацию двух сюжетов: легенды о «благородном разбойнике», который еще ребенком встретился с младенцем-Христом (искупался в той воде, где Богородица мыла Христа, стал его «крестным» братом и очистился от струпьев), а позже был распят с ним на соседнем кресте⁸, и легенды о «великом грешнике» – разбойнике, которому для искупления собственных грехов требуется совершить невозможное (в нашей записи – поливать сухую палку, пока на ней не вырастут яблоки).

29. Давно було, як мать Божия ходила. С младенцем попросилась переночевать в одном доме. Она попросилась ей протянуться, а яна кажець: «Я к тебе с душой, жёнка, али уж мой муж разбойник, як я могу принять тебе?» – «Ничего, господняя воля будеть». Ну и тады яна осталася, а тады ён пришоў, а яна уж кажець: «Сховайся троху». А ён кажець: «А ты ести подала ей?» Постель ей построил. Христос некупаний, стала яна купать Христа, а ён: «Таки пекны, – яна глядела, – а мойто сын – одни струпы». Цэ у сына у гэяного разбойныка. Тады яна кажець: «Ну купиай в моей

воде», – и яна покупала, и ён як яичко. И назавтра Мать Божия и пошла. И тады рос сын, рос, и вырос большой, и стаў як батька разбойник. И забиў и батьку, и матерю.

И тады идуць законники [монахи] уже стали, уже много годоў прошло, идуць и моляться. И думать: «Гэтак им добро, а гэтак мне плохо. Забыю я их». А тады думаеть: «За что я буду бить их?» Подыйшоў до них сзади и говорит: «Дайте мне покута [епитимью] якую», – и: «Ну вот лясочка ёсь, – говорят яны, – поливай». И ён поливаў, и прижила она. И ён был пойшоўши в горы и долго там был, и молиўся Богу, и это уже яблонька выросла. И яблочки гэткие пекные, гэткие пахнучие. И ужэ ехал священник и говорит: «Гэткий пах, сходи погляди» на гэтого, который вез. И тот наперед идет. И чем дальше идет, тем лепее пахнет. И пришоў до яго и хотел уже яблоки рвать, а ён говорит: «Не смей. Кто минэ посповидаеца, тот и яблоки возьметь ўсе». И ён пошел и сказал священнику, и священник сказал: «Ну поедем». И посповидал его, и посповидал его, и той, як грех скажет, так яблочек и свалится. И два яблочка наверху остались. И священник кажець. Священник глянул и сказал: «Ой, что же это такое?» И той сказал: «Ай, забыў, матку и батьку забиў». И гэтые свалилися. И Господь простил яму все, и все тады. И тады он скоро помер уже (ВК, 1937 г.р., зап. А. Головина).

Примечания

¹ См.: Белова О.В. Великан // Славянские древности. Этнолингв. словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1. С. 301–302.

² Или же такие практики объясняются путем прямой отсылки к библейским событиям. Например: «Поминают у нас тридцать, а у православных сорок дней. [Почему 30?] Это тридцать лет жизни Христа. [А почему 40?] А сорок постил Христос, на пуще был» (ВК, 1937 г.р., зап. А. Головина).

³ См.: «Народная Библия»: Восточнославянские этнологические легенды / Сост. и коммент. О.В. Беловой. М., 2004. С. 441–498.

⁴ Там же. С. 411–440.

⁵ Например: «В пятницу 15 августа некая женщина из Познани, приняв Святое Причастие, вынула из уст

гостию, чтобы продать ее пребывающим в Познани евреям. Гостию нашли в лугах Познани. В месте ее нахождения с людьми стали происходить чудеса. В Познани же в 1399 году против евреев было выдвинуто обвинение в осквернении гостии». Подробнее см.: *Мочалова В.* Евреи – инициаторы христианских чудес // Концепт чуда в славянской и еврейской культурной традиции / Отв. ред. О.В. Белова. М., 2001. С. 218–232.

⁶ Подробнее см.: *Белова О.В.* Легенда о Хапуне: формы бытования сюжета на польско-украинско-белорус-

ском пограничье (<http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/pogranichje/belova3.pdf>).

⁷ Подробнее см.: *Белова О.* Неразменный рубль в поверьях и магических практиках славян // Антропологический форум. № 18 Online. С. 230–242.

⁸ Сюжет известен в польской традиции, где бытует в форме колядок и прозаических нарративов. Его источник – апокрифическое «Евангелие Детства». Легенда об излечении сына разбойника содержится также и в украинских списках «Евангелия Детства». См. «Народная Библия»... С. 319–320.

Юлия Бернштейн

Гибель штетла Глубокое глазами его подростков

Поиск в Фонде Шоа Архива визуальной истории¹ приносит исследователю несколько десятков свидетельств бывших жителей Глубокое. Их послевоенная жизнь протекала в разных странах, поэтому видео-интервью с ними были проведены Фондом на разных языках: русском, английском, испанском и иврите. Выборка из интервью на русском и английском языках предоставила в мое распоряжение около двадцати воспоминаний о довоенном и военном прошлом евреев – обитателей города. Эти видео-свидетельства были собраны во второй половине 1990-х гг., в эпоху Перестройки и конца Холодной войны. Переломный исторический момент наложил отпечаток на культурные линзы, сквозь которые свидетели воспринимают свой опыт и находят слова для его выражения². Снятие советского идеологического запрета на память о Холокосте побуждает многих интервьюированных из стран бывшего СССР оспаривать советский канон истории Второй мировой войны.

В калейдоскопе свидетельств евреев Глубокое мое внимание привлекли несколько интервью ровесников, родившихся в 1927–1932 гг. К началу Второй мировой войны они были еще детьми, ли-

шенными опыта независимой жизни во взрослом мире³. С некоторыми ограничениями можно считать их свободными наблюдателями жизни тех секторов общества, в которых они были рождены. После войны им не к кому было возвращаться в Глубокое, поэтому свою взрослую жизнь они строили в других городах, нередко в других странах. В результате, с одной стороны, их воспоминания сформированы под влиянием представлений общества, в котором протекала их послевоенная жизнь, с другой – Глубокое осталось в их памяти местом, где взрослая жизнь известна, в основном, по рассказам членов семьи. Если обратиться к семьям выходцев из Глубокое 1927–1932 годов рождения, проинтервьюированных Архивом, то эта группа свидетелей могла бы показаться персонажами исторической драмы. Среди них есть сыновья председателя Юденрата, шойхета, заседателя советского народного суда, одного из богатейших коммерсантов и бедного торговца; все они видят довоенную жизнь Глубокое и гибель евреев города с разных точек обзора.

Моя архивная публикация о военном прошлом евреев Глубокое будет в основном опираться на

*Иегуда Юнгельсон на руинах
Большой синагоги, конец 1940-х.
Фотография из коллекции
Д. Ротман*

свидетельства Якова Суховольского⁴, Бориса Глаза⁵, Рувена Юнгельсона⁶, Залмана Фейгельсона⁷ и Израиля Хановича⁸. Суховольский – приемный сын богатого коммерсанта Гершона Ледермана, в годы немецкой оккупации возглавившего Юденрат⁹. Глаз – внук богатого купца Исроила-Йосла Глаза и сын сочувствовавшей коммунистам Рахили Глаз, избранной в 1939 г. народным заседателем и расстрелянной немцами в первые недели оккупации. Юнгельсон – сын богатого коммерсанта, Фейгельсон – сын бедного лавочника, Ханович – сын Бен-Циона Хановича – шойхета¹⁰ и мозла¹¹; последние трое после войны уехали в США. Иногда их свидетельства совпадают с «Книгой памяти братьев Раяк»¹² (которым до 1939 г. принадлежала еврейская гимназия Глубокого), иногда нет. О многих эпизодах они вспоминают не так или не совсем так, как о тех же эпизодах повествуют статьи в Википедии¹³ или на сайте «Заметки по еврейской истории» под редакцией Е. Берковича¹⁴. Скорее всего авторы статей в Википедии¹⁵ и на сайте Берковича не имели доступа к свидетельствам Архива.

Свою компиляцию воспоминаний евреев Глубокого я начну со вступления в город советских войск в сентябре 1939 г.

1939–1941

Никто из свидетелей не сомневается в том, что евреи Глубокого вздохнули с облегчением с при-

ходом советской армии; немецкого антисемитизма боялись гораздо больше, чем Советов. «Мы не очень боялись прихода советских войск, – вспоминает З. Фейгельсон. – Особенно евреи. Мы с ними (советскими военнослужащими. – Ю.Б.) были взаимно дружелюбны»¹⁶. Правда, его отец был вынужден закрыть магазин; как и многие другие евреи Глубокого, теперь он попадал в категорию «бывших торговцев» – в этом не было ничего хорошего. Вместе с тем перед евреями открылись возможности работать в государственных учреждениях. Отец Фейгельсона, например, устроился на работу в Заготзерно, мать Б. Глаза пошла работать в горсовет¹⁷. «Поначалу она приветствовала приход Советской власти, – вспоминает Глаз, – <...> когда она познакомилась с новым руководством, приехавшим с востока, поостыла. Когда она узнала новые порядки до конца; когда появились райкомы, охладела ко всему этому, но продолжала работать. На последних выборах в народные судьи ее выбрали народным заседателем». В горсовете Рахиль Глаз занималась расселением беженцев, наводнивших город: «Почти в каждом доме жила семья беженцев из Польши или <...> Вильнюса»¹⁸. От беженцев горожане узнавали о преследовании евреев немцами; «в русских газетах об этом не писали <...>. В еврейских газетах в польские времена об этом писали, при русских у нас больше не стало еврейских газет», – говорит Р. Юнгельсон¹⁹.

Улица Московская (раньше Варшавская), 1943 г., справа фрагмент первого дома – Большая синагога. Из книги «Глыбоччына: ад старажытнасці да сучаснасці». Мінск, 2009. С. 254.

С рассказами о национализации семейного бизнеса на удивление часто соседствуют воспоминания о возобновлении отношений с новообретенными родственниками с советской территории. До 1939 г. связи с ними почти не было; по воспоминанию Фейгельсона, письмо в город в пятидесяти километрах от польско-советской границы шло дольше, чем в Сан-Франциско. «Мама <...> надеялась увидеть семью, – вспоминает он. – Из Полоцка приехала навестить сестра с мужем. Ее муж Моше Магид был директором галантерейного магазина»²⁰.

Судя по всему, под угрозой разорения коммерсанты Глубокое стремились не только воссоединить семьи, но и хотя бы отчасти спасти свое состояние. Вспоминает Дороти Гордон: «Когда пришли русские, владельцы магазинов отослали все, что смогли, из товаров родственникам вглубь России. Так они аннулировали бизнесы. Иначе бы все отобрали»²¹.

Помимо страха разорения, начиная с февраля 1940 г. над всеми состоятельными и образованными жителями Глубокое, евреями в том числе, нависла угроза депортации. Многие из них стали жертвами четырех массовых депортаций населения недавно включенной в состав СССР Западной Белоруссии (в феврале, апреле и июне 1940 г. и в июне 1941 г.). Во вторую депортацию попали еврей-ремесленники, в третью – беженцы из немецкой зоны оккупации, а также врачи, инженеры, учителя, профессора, адвокаты, артисты²², раввины,

деятели сионистских партий и Бунда²³. По воспоминаниям З. Фейгельсона, «ходили слухи, что предпринимателей могут послать в Сибирь. Помню, как мы вытряхивали мешки из рогожи, собирались засушить сухарей, чтобы было что взять с собой в Сибирь»²⁴.

В памяти свидетелей осталось, как «семьи целиком сажали на поезд и отправляли вглубь России в Сибирь»²⁵. Школьники 1940–1941 гг. вспоминают, как детей, чьи родители уже были «там», забирали прямо из класса; это было неожиданностью и потрясением для всех. Депортации разожгли ненависть местного населения к евреям²⁶. Из-за того, что новая власть полякам не доверяла, государственные должности в Глубокое достались в основном евреям; почти все милиционеры, например, были евреями. Яков Суховольский вспоминает, что «еврей-коммунисты принимали активное участие в “органах”». Следуя рассуждениям Я. Суховольского, «когда что-то негативное происходит, гнев падает на исполнителей. Скажем, если приходили еврей-милиционеры забирать человека, у него на всю жизнь откладывалось в памяти, что это делали евреи»²⁷.

Тем, кто избежал депортации, нужно было приспособиваться к новым порядкам. Гершона Ледермана «сначала взяли организовать Потребсоюз, потом оттуда прогнали, потому что в прошлом он был “буржуй”. <...> Брат Иерухим закончил

Свадьба Шейны Шапиро. 1937 г. Кроме Розы Хавес (в берете), ее сына Бэреле и Ривэле Ледерман все участники этого торжества погибли в гетто. На фотографии сидят (справа налево) Сося Хавсе, Матля Шапиро, Шейна Шапиро и ее муж, Шлейме-Меер Шапиро. Фотография из коллекции Я.Р. Суховольского

десятилетку и поехал во Львов поступать в горный институт. Из-за социального происхождения его не взяли»²⁸. Бизнес отца Рувена Юнгельсона национализировали, а его дом отобрали; семье пришлось снимать жилье. Отец устроился на работу с мизерной зарплатой, но семья не бедствовала, жила на деньги, вырученные от продажи на черном рынке припрятанных царских золотых монет. Р. Юнгельсон рассказывает о своей жизни в период между двумя войнами:

Я по-прежнему играл в футбол, катался на лыжах и коньках. Все было тем же самым для меня. За исключением того, что меня не хотели держать в школе, потому что мой отец был капиталистом. Чтобы меня не выгнали из школы, мои родители обратились за протекцией к своей бывшей служащей, которая еще в Польше была коммунисткой, а теперь стала большой начальницей. Она помогла²⁹.

В школе исчезли учителя-поляки, «некоторых из них арестовали, во главе стала русская администрация». Еврейская жизнь сильно изменилась; «не стало еврейских школ и еврейских организаций; еврейская благотворительность была запрещена»³⁰. Я. Суховольский вспоминает об этом времени:

В 1940 г. мне исполнилось 13 лет. Отец купил мне тфилн³¹, но никакого торжества не было (на довоенную бармицву³² старшего брата было приглашено больше 100 гостей. – Ю.Б.). Праздники потихоньку отмечали. Отец дома молился. В том углу, где он всегда молился, висела большая картина, изображавшая Стену Плача³³.

Залман Фейгельсон рассказывает: «Для религиозных жизнь стала сложнее. В городе было восемь-девять синагог, по крайней мере, пять больших; они оставались открытыми»³⁴. Он помнит активную антирелигиозную пропаганду, из-за которой молодые стали меньше ходить в синагоги. Молодежь была в центре внимания советской пропагандистской работы. Я. Суховольский вспоминает открытый в Глубоком Дом пионеров с прекрасными пионервожатыми Каликовой и Ханой Фишер, уделявшими своим подопечным много внимания. Дети проводили там все время, «дома почти не бывали, дома порядки стали не те, что прежде»³⁵.

Некоторым религиозным людям индоктринация их детей в советский атеизм была невыносима. Первое время было возможным послать подростков учиться в виленские ешивы. Вспоминает Израиль Ханович:

Злата Борштейн (Бургин) с воспитанниками еврейского детского сада Глубокое 1935 г. Все дети погибли в гетто. Переживут войну только Злата и сидящие перед ней Бэреле Хавес (в эвакуации) и Ривэлэ Ледерман (укрывалась в польской семье). Фотография из коллекции Я.Р. Суховольского

В это время многие бежали из Западной Польши. Мои дядя с тетей и брат с женой прошли недалеко от Вильно (они бежали из Варшавы. – Ю.Б.). Дядя боялся идти в Глубокое, потому что его знали как эмиссара Любавического раби³⁶. <...> К моему отцу пришли посоветоваться трое: два человека, державших еврейскую школу, и меламед³⁷. Сквозь сон услышал, как отец им сказал, что собирается отослать меня в Вильно: «Что из него будет здесь? Он станет комсомольцем и коммунистом». <...> Поехал в Вильно; через две недели была закрыта граница. Я очень тосковал по дому, хотя и был среди родственников. Все мы были частью любавического движения; в Вильно была небольшая любавическая ешива³⁸ еще с довоенных времен³⁹.

Позднее вместе с группой ешиботников Ханович отправился в японский консулат в Каунасе, где все они получили транзитные визы, которые консул Сугихара выдавал евреям, невзирая на запрет своего правительства⁴⁰.

1941 г. Вступление немецкой армии на территорию СССР

Когда голос В. Молотова из городских громкоговорителей сообщил жителям Глубокое о вторжении немецких войск на территорию СССР, одиннадцатилетний Берл Глаз очень огорчился, что теперь не поедет в Полоцк на областную олимпиаду:

До войны по всему Советскому Союзу проводились олимпиады: пели песни, читали стихи и монологи. Выбирались победители, которых отправляли на очередной тур. Я стал победителем районного тура; читал монолог из романа «Мальчик Мотл» на идише и должен был поехать в Полоцк на областную олимпиаду. Учитель еврейской литературы Кац меня репетировал каждый день⁴¹. Осталось буквально несколько дней до поездки в Полоцк⁴².

Спустя недолгое время через город потянулась отступающая советская армия. Б. Глаз рассказывает об этом паническом бегстве военнослужащих, городских чиновников и партийных работников:

Отступали наши панически. Не было понятия части. В одиночку, небольшими группами. Ободранные, голодные. Зачастую без оружия. Заходили во дворы и вели себя достаточно нормально. Просили поесть-попить. Их кормили. Они уходили дальше. <...> Буквально в первые дни войны райком, горсовет и милиция все побросали, погрузились на автомашины и бросили город. <...> Массовой эвакуации не было. Город остался без власти, радио не работало. Никакой связи с внешним миром не было»⁴³.

Сразу была объявлена мобилизация. В оставшемся без власти городе начались грабежи промышленных и продовольственных баз и магази-

нов. По мнению Б. Глаза, «в основном грабежом занимались неевреи. Я бегал от базы к базе, был в центре всего, евреев я там не видел»⁴⁴.

Я. Суховольский помнит, что с евреями стали сводить счеты, и они уже боялись идти в деревни за продовольствием. Для многих еврейских семей встал вопрос – эвакуироваться или остаться. Он объясняет колебания земляков и позицию своих родителей по поводу эвакуации: «Пока была Советская власть, у части населения сложилось отрицательное отношение к происходившему; некоторые колебались. Кто хотел эвакуироваться, кто нет – зависело от многих причин. <...> Для нашей семьи такой вопрос не стоял»⁴⁵.

Для семьи Глазов такой вопрос стоял остро: Рахиль Глаз понимала, что при немцах ее как сотрудницу органов советской власти ожидало наказание. Тем не менее, она решила не покидать Глубокого, чтобы не отрывать семью от дома и хозяйства. «Я не хочу, чтобы вы страдали из-за того, что я стала народным заседателем», – говорила она⁴⁶.

Дальнейшие события разворачивались «страшно быстро. <...> Второго июля появились немецкие мотоциклисты»⁴⁷.

Борис Глаз рассказывает о своих первых встречах с Вермахтом:

Немецкие машины особенно не останавливались, не было никакого грабежа. Немецкие солдаты не обращали на нас внимания. Потом пошли велосипедные части. Эти останавливались, заходили во двор. У нас был колодец, просили пить... Помню, зашла во двор группа немцев, попросили пить. Вынесли ведро воды, чашку. Один немец сказал: «Пейте сами». Они попили. «Напоите своих детей». Нам с сестрой дали попить. После этого они стали пить сами... Они ничего, кроме воды, не просили. Ничего не грабили»⁴⁸.

Яков Суховольский помнит, как в первый день после вступления немецкой армии в Глубокое «евреи боялись выходить на улицу. Потом к ним стали заходить, хватать людей на всякие работы. Открыли комендатуру. <...> Была создана полиция из местных поляков и белорусов»⁴⁹. Евреям было приказано носить на рукаве белую повязку. Опираясь на доносы местного населения⁵⁰, военная

комендатура занялась «арестами советских общественников»⁵¹, в числе которых оказалась в тюрьме Рахиль Глаз.

Борис Глаз вспоминает об аресте матери и тюремном свидании с ней, оказавшимся последним:

Когда пришли немцы, знакомые из местной полиции предупредили ее, что ее посадят. Она ушла из дома в Дуниловичи к двоюродному брату. Через два дня пришли ее арестовывать. Отец сказал, что ее нет, тогда его посадили. Матери это стало известно, и она вернулась. При входе в город двое местных сдали ее немецким властям. Отца выпустили. Он сумел договориться с полицейским, и поздно ночью мы пошли к ней в тюрьму. Одинокaя камера, август, холодно; мама в своем сером осеннем пальто вышла полная бодрости, сказала нам, что отсидит пару лет в концлагере и вернется домой. Запретила нам плакать. Мне было одиннадцать, сестре тринадцать – так я ее видел в последний раз. От тех же полицейских отец узнал, что она была расстреляна вместе с тринадцатью городскими активистами вскоре после этого»⁵².

Спустя недолгое время к военным добавились гражданские власти; прибыл Гебитскомиссар. По воспоминаниям Р. Юнгельсона, в администрации Гебитскомиссара «было три раздела: немецкий, христианский и еврейский (Deutschtum, Judentum, Christentum)»⁵³. После того, как была сформирована новая система управления городом, немецкая администрация начала выпускать приказы, нацеленные на евреев.

С его (Гебитскомиссара. – Ю.Б.) приездом притеснения стали более организованными. <...> Белую повязку сначала сменили на желтый круг – лате – потом это должен был быть могодovid (с левой стороне на груди и спине). При встрече с немцем – позже стало с любым арийцем – снять шапку. Не ходить по тротуару»⁵⁴.

Приказ снимать шапку перед арийцем стал причиной смерти младшего брата отца Б. Глаза: «Он шел по тротуару и не снял шапку пред немцем. Немец остановил его, сделал замечание и на месте расстрелял»⁵⁵.

С каждым новым приказом повседневная жизнь евреев становилась все стесненнее и страшнее. Вспоминает Б. Глаз:

Приказы вывешивались на улице. В центре города были специальные тумбы для объявлений, на окраинах – на электрических столбах и стенах домов:

Евреям разрешалось посещать рынок только с двенадцати дня. К этому времени большинство продуктов уже раскупают.

Сдать все золото и все серебро по именному списку. У властей был список богатых евреев города, против каждой фамилии зажиточного еврея стояло, сколько он должен был сдать золота и серебра⁵⁶.

Можно было оставить минимум муки, сахара и прочего, остальное сдать.

Сдать все шерстяные вещи. За несдачу расстрел.

За любое невыполнение приказа расстрел. За несдачу хлеба расстреляли наших соседей, которые после выхода приказа нагрузили телегу зерном и хотели ее куда-то вывезти⁵⁷.

По воспоминаниям Я. Суховольского, приказ о сдаче запасов продовольствия относился ко всему населению города, но к евреям в первую очередь. К сдавшим продовольствие приходили полицейские и проверяли точность исполнения приказа. Чтобы отвести угрозу, многие евреи попытались прибегнуть к испытанному способу взаимодействия с дискриминирующими властями: стать для них экономически выгодными. Через личные связи в нееврейском мире они искали ходатайства перед городской администрацией: «По ходатайству евреи сами пытались организовывать работу на немцев. В первое время это не было работой на фабриках и в мастерских – их было очень мало. Это были погрузочные работы и ремонт дорог»⁵⁸.

Гершон Ледерман – будущий председатель Юденрата, был задержан на улице и уведен на ремонт дорог. После рабочего дня и последовавших за ним побоев Ледермана принесли домой на носилках⁵⁹.

Гетто

В конце сентября 1941 г. в самом бедном районе города⁶⁰ было организовано гетто⁶¹. Евреи, чьи дома располагались вне гетто, начали подыски-

вать обмены с неевреями⁶². Семья Б. Глаза, например, переехала в ветхий домишко из двух комнат, прежде принадлежавший бедному белорусу-сапожнику. Белорус взамен получил богатый большой дом деда Глаза⁶³. При этом Глазам принадлежала только часть нового жилища, шестиметровая комната; в другой комнатухе ютилась семья из восьми человек.

О формировании гетто и переселении в него вспоминает Я. Суховольский:

Квартал между Виленской и Ложинской был отведен под гетто. Оно не было огорожено первое время, только в 1942 г. его стали огораживать и окончательно загородили во второй половине 1942 г., когда сделали солидный забор с колючей проволокой. С жильем <...> была проблема. Те, у кого в гетто были родственники, шли прямо к ним. Если родственников не было, кто-то должен был распорядиться, чтобы этих людей приютили. <...> Нужно было уложиться в короткое время и переселиться в новое жилье. <...> Люди старались взять, что можно. Вы не представляете себе, как выглядели улицы. Мебель, утварь – все это валялось на улице, потому что люди забирали только самое необходимое. <...> Все это делалось под насмешками местного населения. Немцы ходили фотографировали, как себя ведут «полулюди», как они говорили, «halb Mensch». Для них это был спектакль, для нас – колоссальное потрясение⁶⁴.

Одновременно с возникновением гетто была организована еврейская полиция. Ее сотрудники не были вооружены винтовками⁶⁵; по утверждению Р. Юнгельсона, начальником полиции назначили Юду Бланта. З. Фейгельсон знал нескольких евреев Глубокого, работавших в еврейской полиции. Он рассказывает о них: «Один сейчас в Бруклине, один в Торонто; ничего плохого о них не помню. Некоторые из полицейских позднее ушли из полиции и присоединились к партизанам. Некоторых из них я старался избегать: из-за характера своей работы им приходилось быть жестокими»⁶⁶.

Еврейская полиция подчинялась Еврейскому совету (Юденрату. – нем.), организованному примерно тогда же. Я. Суховольский вспоминает выборы Юденрата, на которых он присутствовал вместе с отцом:

Два партизана – Залман Фейгельсон справа. Фотография из коллекции С. Фелсона (З. Фейгельсона)

Семья Залмана Фейгельсона. Он первый слева в первом ряду. Фотография из коллекции С. Фелсона (З. Фейгельсона)

В один день сказали, что представители от каждой семьи должны собраться в Копанице. Собравшиеся евреи должны были выбрать Юденрат. Характерно, что немцы отнеслись с большим почтением, когда пришел наш раввин рав Кац. Специально для него стул принесли и его усадили. Все остальные стояли. Выдвигались кандидатуры. Помню некоторые фамилии (избранных. – Ю.Б.), в том числе там был избран мой отец. Зундл Мисин, Мейше Шульгейфер, Хаим Рубашкин, Яков Ольмер – это были почтенные люди. После этого вся жизнь гетто организовывалась с помощью Юденрата⁶⁷.

Р. Юнгельсон рассказывает, что его отцу предложили стать членом Юденрата, но он отказался⁶⁸. По мнению Фейгельсона, в назначении Ледерма-

на важную роль сыграла его репутация опытного коммерсанта и знание немецкого языка. Его воспоминания о деятельности Юденрата не звучат ни обвинительно, ни апологетически; роль посредника с безжалостным агрессором не оставляла возможности гуманного поведения. Он вспоминает:

Например, немцы давали Юденрату список вещей для экспроприации; золото, велосипеды, мебель, и они должны были это отобрать. Все знали, что у кого есть. Тех, у кого что-то было, принуждали иногда побоями отдать. У нас с самого начала отобрали корову⁶⁹.

Поскольку члены Еврейских советов, уцелевшие после освобождения советской армией окку-

пированных территорий, осуждались советскими трибуналами (вплоть до смертной казни) как коллаборационисты⁷⁰, некоторые свидетели отзываются о деятельности Юденрата Глубокого с презрением. Например, пришедший в гетто Глубокого из Плиссы М. Цимкинд на вопрос, помнит ли он кого-нибудь из Юденрата, отвечает: «Я их не знал, я к ним не касался, я боялся туда близко подойти. Помню фамилию только Ледерман – председатель глубокского Юденрата»⁷¹.

Б. Глаз отзывается о Юденрате сдержаннее, чем М. Цимкинд, но тоже неодобрительно: «Когда кто-то из молодежи уходил в партизаны, Юденрат передавал фамилии оставшихся родственников немцам. Этим людей расстреливали»⁷².

С Перестройкой пришла потребность и возможность осмыслить Холокост без оглядки на официальную советскую версию войны⁷³. В этом контексте примечательно интервью с Я. Суховольским, в котором особый упор делается на самоотверженные попытки глубокского Юденрата спасти как можно больше евреев⁷⁴. Касаясь мотивов, побудивших его дать интервью Архиву, Суховольский говорит о стремлении внести ясность в формирующуюся на его глазах версию истории глубокского гетто:

Сейчас появилось много литературы. Считаю, что каждый человек, кто помнит о том, что было, или находит ошибки в изданной на эту тему литературе – а я нашел такие ошибки, должен стараться исправлять. Может быть, скажем, для потомков это не так важно, но истина должна быть. Потому что в исторической книге бывает много искажений. Это зависит от того, кто ее пишет и какие тенденции у автора⁷⁵.

Здесь стоит сделать маленькое отступление, чтобы предположить существование еще одной причины, подтолкнувшей Суховольского дать согласие на интервью Архиву. Многие свидетели, говоря о сыновьях председателя Юденрата, называют их Иерухим и Мотке Ледерман, то есть до войны и в гетто Я. Суховольский жил под другим именем. Он рассказывает, что осиротел в три года, жил после этого у своих ближайших родственников и даже не знал, что он не Ледерман: «Мне рассказали о моей фамилии уже в гетто, когда кругом

было уничтожение. Сказали, имей в виду, что ты такой-то; может, у тебя когда-нибудь найдутся родственники»⁷⁶.

Не исключено, что надежда найти уцелевших членов семьи не была единственным мотивом перемены имени. Рассказывая о времени после освобождения Белоруссии советской армией, Суховольский не раз подчеркивает, что он никогда не скрывал, что был в гетто, и в то же время никому не рассказывал о том, что там происходило. «Служившие со мной (в советской армии. – Ю.Б.) знали, что я был в гетто, – уточняет он. – Об остальном я им не рассказывал. На работе тоже знали, что был в гетто»⁷⁷. Быть может, уцелев, он предпочел отдалиться от своего мучительного и – в те времена – небезопасного прошлого. А может быть, Суховольский избегал делиться военными воспоминаниями, чтобы в пересказах не притупилась острота переживания вины за гибель родителей. Решившись восстановить истину в свидетельстве Архиву, он признается: «Все эти годы живу в том времени. Все, что его касается, с трепетом воспринимаю. Каюсь в моих ошибках, потому что я считаю, что ускорил смерть родителей»⁷⁸.

Рассказ Якова Суховольского о Юденрате Глубокого начинается с воспоминания об одном из первых собраний Еврейского совета, на который Гершон Ледерман взял с собой своего приемного сына:

Я оказался свидетелем разговора, когда эти почтенные люди собрались – их было двенадцать человек – и рассуждали, как дальше жить, что делать. Были горячие головы, считавшие, что на немцев работать мы не будем, нужно оказывать сопротивление. Все-таки потом они пришли к выводу, ведь стала такая дилемма: или подчиниться власти и с ней сотрудничать, или идти всей общине и красиво погибнуть⁷⁹.

К общему решению Юденрат пришел с большим трудом, победила ответственность за стариков и детей:

Вопрос был поставлен ребром: чтобы выжить, нужно работать. <...> У нас к тому времени был только один кожевенный заводик, небольшой шерстепрядильный, мельница, электростанция –

мало предприятий. Встал вопрос о том, что где-то нужно загрузить такую массу людей. Причем людей, в своем большинстве не имевших профессий; занимавшихся торговлей, например. Учителя, врачи. Надо этих людей быстро приспособить к новой жизни, чтобы они могли работать... Остановились на том, чтобы приложить максимум усилий, привлечь специалистов по разным отраслям и организовать всякие производства на той слабой базе, какая была в Глубоком⁸⁰.

В русле этих решений были организованы: предприятие по производству масел из льняного семени, мастерские, где шили обувь и одежду, где вязали чулки. Одно время было открыто небольшое предприятие «Гольдкрейцер» – по сбору лекарственных растений: «Еврейские девушки эти растения перебирали, все это отправлялось потом (в Германию)». Расширили кожевенный завод⁸¹. Бывшая узница гетто Д. Гордон работала в группе вязальщиц, организованной Сочанской. Вспоминает Д. Гордон:

Она меня приняла; это было очень хорошо. Мы все, примерно тридцать девушек, оставались в помещении. <...> Мы должны были приходиться каждое утро в семь. Вязали свитера очень большого размера на крупных мужчин. Свитер должен был быть закончен за пять дней.

Свитера посылали на фронт для немецких солдат. Немецкие солдаты получали шерсть из деревень, приносили ее нам и объясняли, какие они хотели свитера. Я была очень благодарна, потому что мне больше не надо было работать в поле или убирать дома и туалеты. Мы называли себя «Вязальщицы»⁸².

Юденрат организовал в гетто питание для нуждающихся, была открыта больница⁸³. Его усилия привели к тому, что смогли пойти работать, получить хлебную карточку и удостоверение личности все, даже несовершеннолетние. Я. Суховольский заключает: «Практически все население, не занятые на немецких складах, на железной дороге, на погрузочных работах, на мясокомбинате, который и до этого функционировал, практически все были задействованы, чтобы работать»⁸⁴.

Помимо заботы о евреях Глубокого на плечи Юденрата легла ответственность за уцелевших

людей из других городов и поселений, которым после уничтожения их общин «было некуда деваться»⁸⁵. В качестве примера Суховольский рассказывает о судьбе беженцев из Шарковщины:

...За полчаса, пока немцы не окружили городок окончательно, евреи <...> подожгли свои дома и бросились в лес. Часть из них перебили, спасшихся потом убило местное население. Условия были такими, что им невозможно было выжить в лесу, и они постепенно стекались в глубокское гетто⁸⁶.

Он вспоминает, что некоторые из беженцев пришли «организованно», потому что иногда немцы «выдавали такие удостоверения евреям, чтобы те ездили и собирали этих беженцев». Суховольский не может объяснить мотивации немецкой администрации, но «для евреев в безнадежном состоянии, умиравших от голода, это было спасением».

В результате к концу 1942 г., когда, по расчетам Суховольского, в гетто оставалось 3500 «своих» евреев, к ним добавилось почти «5500 евреев со всей округи»⁸⁷. Он рассказывает:

У нас были евреи из сорока двух городов и местечек, в том числе из Белостока, Вильно и всей округи. У нас, допустим, вместе с родственниками было (в доме. – Ю.Б.) человек пятнадцать, потом приехали спасенные, и нас стало порядка тридцати человек. Они приехали совершенно раздетые и ничего не имеющие. Их тоже надо было устраивать на работы, и они привыкали, в надежде, что произойдет «а нес» (чудо – идиш)⁸⁸.

О расчете, который Юденрат возлагал на продуктивность, говорит в своем свидетельстве и Залман Фейгельсон:

Неподалеку от гетто было открыто много фабрик. На улице, где мы всегда жили – Вилна Гас, были фабрики, производившие разные товары для немцев. Юденрат считал, что пока евреи продуктивны, их не тронут. <...> Людей принудительно посылали на работу. Даже детей⁸⁹.

Работа двенадцатилетнего Залмана Фейгельсона и его брата Дана на порубке леса считалась очень

хорошей, потому что они без сопровождения шли в лес⁹⁰. Пятнадцатилетний Р. Юнгельсон работал в жандармерии: носил воду и заботился о примыкавшем к ней саде⁹¹. Одиннадцатилетний Борис Глаз работал вместо своей старшей сестры по договоренности отца с Юденратом⁹². Вместе со всеми Б. Глаз подметал улицы, грузил и разгружал зерно, зимой чистил снег. Хотя возраст всех этих мальчиков и не достигал шестнадцати лет, когда выход на работу становился обязательным, они работали, чтобы получать хлебную карточку.

Б. Глаз помнит паек, «который выделялся в гетто на одного человека: двести граммов овсяного неочищенного хлеба и чуть-чуть круп»⁹³. Еда была постоянной проблемой, хотя с таким голодом, как в гетто больших городов, например Варшавы, евреям Глубокого столкнуться не пришлось. З. Фейгельсон не помнит, «чтобы бывал голодным. Хлеб, лук, из них делали «сталинские котлеты». В нашем городе была маслодавильня, у нас было подсолнечное масло. Наверное, получали пайки этого масла и хлеба»⁹⁴. Семья Р. Юнгельсона, сохранившая в гетто какие-то деньги, покупала еду на черном рынке. Он вспоминает:

В гетто не было магазинов, и рынок при немцах не функционировал⁹⁵. Еду доставали на черном рынке. Должен сказать со стыдом, что некоторые евреи разбогатели на страданиях своих собратьев⁹⁶.

Редко кто мог пользоваться черным рынком, но многие прибегали к помощи детей в обеспечении семьи едой; им легче было перемещаться вне гетто незамеченными. З. Фейгельсон вспоминает, как «съездил к знакомому отца в Гвоздово (снял с тулупа могоендовиды, взял займы лошадь и телегу и поехал), привез мешок муки»⁹⁷. Б. Глаз тоже приносил в гетто продукты, переданные друзьями родителей извне. Он рассказывает:

В этом был риск, потому что, если на входе в гетто задерживали проносящего туда что-то, его наказывали. Один раз я прошел немецкий кордон, а со стороны гетто стояли еврейские полицейские, которые нашли у меня буханку хлеба. Отвели меня в полицию и жестоко избили. Тем не менее, продолжал снабжать семью едой⁹⁸.

Особенно остро проблема обретения продовольствия стояла для религиозных евреев; не вся еда, доступная в гетто, им подходила. Родители З. Фейгельсона, например, отказывались от супа, который позволяли уносить домой немцы, у которых работали Залман и Дан: «Я ел, а родители соблюдали кошер». По свидетельству З. Фейгельсона, религиозная жизнь в гетто была очень интенсивной:

Все синагоги оказались вне гетто, в каждый момент в пятидесяти или ста домах, если там собиралось десять евреев, собирались на молитвы. В нашем доме не было. Должно быть, отец ходил в другие дома⁹⁹.

Не только некошерность еды делала жизнь религиозных евреев в гетто особо мучительной. Довольно быстро, по свидетельству Я. Суховольского, вышел запрет на похороны на еврейском кладбище¹⁰⁰. С его слов, похороны Геллера и Вандта, Будова и Дрейзенштока, расстрелянных еще в августе 1941 г., «были первыми и последними похоронами на еврейском кладбище при большом стечении народа. Открыто там уже больше не хоронили»¹⁰¹. Тем не менее, многие, как могли, жили по религиозным законам, собирались на молитву и отмечали праздники. Об этом вспоминает Б. Глаз:

Суббота, как раньше, конечно, не отмечалась. Потому что обязательно нужно было работать. Хорошо помню, как, правда, из ржаной муки у нас дома пекли мацу. Отмечалась Пасха. Это была не веселая Пасха, как раньше, но была традиция¹⁰².

Как бы ни были тяжелы обстоятельства, вначале казалось, что политика Юденрата приведет к спасению большинства евреев Глубокого. «Кто хотел в это верить, верили, что надо как-то время оттянуть, вдруг настанет спасение... Ждали, что <...> откроется второй фронт»¹⁰³. Иногда Юденрату удавалось обходить антиеврейские указы городской администрации, опираясь на довоенные связи с неевреями. Как правило, евреям приходилось щедро оплачивать услуги помощников. Это касалось многих жизненно важных ситуаций, например, той, о которой вспоминает Я. Суховольский:

У нас был известный фальдшер Ишиэ Геллер и видные предприниматели Майрим Вандт, Шимен Будов и Ицхок Дрейзеншток, не сотрудничавшие с советской властью. В августе 1941-го они были арестованы вместе с теми, кто был арестован по подозрению в сотрудничестве с советской властью. Мы не знали, где они. Говорили, что сидят в тюрьме. Жене одного из них приснилось, что они убиты и лежат в воде. Она пришла к отцу: «Помогите хоть получить их трупы». <...> За соответствующий выкуп и так далее... удалось получить трупы расстрелянных и похоронить их на еврейском кладбище¹⁰⁴.

За мзду, врученную армейскому и штатскому начальству, Юденрату иногда удавалось отвести угрозу от всего гетто. Суховольский рассказывает об одном таком счастливом избавлении:

В мае (1942 г.) в Глубоком появились гестаповцы в черных мундирах. Их называли «черные студенты» из-за их формы. В городе об этом узнали; был колоссальный переполох. Знали, что посещения этих людей связаны с погромами и расстрелами. Сумел Юденрат, сделали им хорошие подарки и так далее, и они уехали¹⁰⁵.

Говоря о настроении населения гетто в это время, З. Фейгельсон заключает: «Люди знали одно слово “иберлэбн” (идиш) – выжить»¹⁰⁶. Надежда на спасение стала меркнуть, когда в один день без всякой причины были расстреляны 110 жителей гетто. «Обошли квартиры, забрали 110 человек и расстреляли», – вспоминает Суховольский. Среди расстрелянных были его дедушка и бабушка. «Это был первый такой удар, когда 110 человек», – заключает он¹⁰⁷.

Этот расстрел произошел 25 марта 1942 г., а во второй половине мая¹⁰⁸ вышел приказ о создании второго гетто, куда должны были переселиться старики:

Второе гетто было – это Старая Киселейка. Эти два гетто разделялись улицей. Оно было отдельно огорожено. Между двумя гетто были сообщения. Ходили туда, у кого там были родители. Просто пускали так, для этого ничего не надо было <...>. Другое дело – происходили большие трагедии,

душераздирающие сцены, когда увозили этих стариков во второе гетто¹⁰⁹.

Спустя месяц всех стариков вывезли в Борок и расстреляли. Узнав о том, что стариков куда-то увозят, мальчишки – Б. Глаз в их числе – побежали смотреть. Б. Глаз запомнил,

...как раввин Кац сидел на телеге – он был очень пожилым и, видимо, не очень здоровым, ходить он не мог – и шевелил губами, произносил молитву. Рядом с ним сидела его жена¹¹⁰.

Суховольский рассказывает об этом иначе. Он считает, что раввин Кац оказался в группе отобранных на расстрел во время первой акции 20 июня 1942 г. Население второго гетто, по его мнению, было убито сразу после расстрела жертв первой акции из первого гетто. Он рассказывает:

Двадцатого июня такое сообщение, что всем работающим со всеми семьями выйти на спортплац для перерегистрации. Кто боялся, тот не пошел, ходили по квартирам и их выгоняли. Тот, кто имел удостоверение о работе, считал себя неприкасаемым. Выступил один из помощников Гебитско-миссара: «Не волнуйтесь. Ничего плохого вам не сделают. Мы только часть ваших людей отправим в Полоцк и Оршу на работу». Люди мало в это верили. На плацу было более 4000 человек, их <...> стали делить налево и направо. Направо те, у кого есть шайн (удостоверение о работе) и их семьи, налево сначала люди без шайнов, потом стали и с шайнами туда посылать. В ту же группу попадает наш раввин рав Кац¹¹¹. <...> Тут же на глазах у нас оставшихся, тех, кого послали влево, поставили на колени, стали делить на группы. <...> Этим людей, более 2000 человек, группами погнали в Борок и расстреливали там. По дороге в Борок – дорога шла мимо озера – многие бросались в озеро. <...> В Борке уже были выкопаны ямы, их копали неевреи. Пригоняли крестьян¹¹².

З. Фейгельсон считает, что было расстреляно 2500 человек; Б. Глаз помнит, что жертв было четыре тысячи. Всем свидетелям повезло: их семьи не попали в группу обреченных на смерть. «Мы ушли домой. Спустя несколько часов со стороны Борков

стала слышна автоматная и пулеметная стрельба. Всем все стало ясно», – вспоминает Глаз¹¹³. «Кругом был страх, горе, невозможно передать», – говорит З. Фейгельсон¹¹⁴. Все закрылись и сидели дома¹¹⁵. Через несколько дней после расстрела еврейские полицейские объявили, по какому адресу можно взять одежду убитых. Ни отец, ни сестра Б. Глаза туда не пошли, а он сам побежал¹¹⁶. Он «нашел пальтишки своих двоюродных братьев Исролика и Моисея, полушубок Муси, пальто Марьяши, <...> ничего не взял. Ушел домой и рассказал своим близким»¹¹⁷. Суховольский описывает процесс утилизации вещей расстрелянных:

Одежду расстрелянных свозили в склады рядом с гетто, потом еврейские женщины должны были приводить эти вещи в порядок. Бывало, жене попадалась окровавленная рубашка мужа или сына. Вещи стирали, утюжили и складировали. Потом в Варенхауф – магазине для немцев, полицейских и всяких немецких служащих их по соответствующим удостоверениям продавали¹¹⁸.

Конечно же, в этой ужасной ситуации многим, особенно молодым и не обремененным семьей приходила мысль о побеге. Пытаясь придумать, как можно убежать, З. Фейгельсон купил у евреев, работавших в типографии, «пустой бланк с печатью, в который можно было вписать свои данные». Деньги на покупку ему дала мать; это была припрятанная на «черный день» царская золотая пятирублевая монета. Став обладателем удостоверения, Фейгельсон понял, что воспользоваться им не сможет: «Я не знал, куда идти. Чувствовал себя безопаснее в гетто. Хотя я говорю по-русски и польски, мое еврейское “Р” выдает меня как еврея»¹¹⁹.

Некоторые знали о прятавшихся в лесах партизанах. Фейгельсон, например, знал, потому что, приходя на работу, видел развешенные «немецкие бюллетени о тысячах партизан вокруг Полоцка в 90 километрах от нашего города». Другим источником информации о партизанах были еврей-беженцы из окружающих маленьких городков¹²⁰. По свидетельству Я. Суховольского, «в то время уйти в лес было сложно, потому что партизан как таковых было мало, кроме того, партизаны не брали (в отряд. – Ю.Б.) без оружия и брали только боевых»¹²¹.

Известно, что особенно в первый год войны партизаны неохотно принимали в отряды евреев. Это было рискованно; евреи привлекали внимание внешностью, акцентом. Глазу местного жителя были видны приметы «еврейской» одежды и поведения. К тому же приток необученного гражданского населения снижал боевую эффективность отряда. В августе 1942 г. Государственный Комитет Обороны издал приказ № 189 «О задачах партизанского движения», в котором подчеркивалось, что победа над Германией зависит от скоординированных ударов фронта и тыла по врагу, от объединения усилий армии и партизан. В указе говорилось, что «отряды должны включать всех честных советских граждан, стремящихся к освобождению от фашистского ига». Приказ № 189 открывал путь в отряды тем немногим евреям, которые оставались в живых к лету 1942 г. (за первые девять месяцев войны больше 50% городских гетто было уничтожено, большинство евреев убито или спаслось бегством с оккупированных территорий)¹²². После этого приказа партизанские командиры стали охотнее принимать евреев в отряды¹²³.

От побега удерживали не только боязнь не быть принятым в отряд, не только незнание, куда именно бежать, но и страх за оставшуюся в гетто семью, которой в таком случае грозил расстрел. Фейгельсон вспоминает, что после того как он – к тому времени уже член партизанского отряда – увел из гетто мать и младшего брата,

...арестовали отца, тетю и кузена и расстреляли их в наказание. После того, как это случилось, начальник еврейской полиции (Юда Блант) – он был нашим соседом до войны – всегда упоминал судьбу нашей семьи, когда говорил о наказании за побег из гетто... Это осталось со мной на всю жизнь¹²⁴.

По мере эскалации жестокости к узникам гетто таяли их надежды уцелеть, и росло число готовых к побегу. Было замечено, что «у немцев был учет жителей гетто, но не было учета расстрелянных»¹²⁵. Поэтому мудро было выбирать время для побега сразу после массовых расстрелов. После первой акции к партизанам ушла группа, которую возглавлял Авнер Фейгельман, когда-то работавший у Г. Ледермана¹²⁶. Суховольский считает, что эта группа ушла первой.

Авнер Фейгельман
(http://www.eilatgordin-levitan.com/glubokoye/glu_pix/093004_10_b.gif)

Группы стали покидать гетто все чаще, и однажды Фейгельсону представился случай присоединиться к одной из них. Он вспоминает:

Однажды в ноябре 1942 я вернулся с работы, и так получилось, что я стоял недалеко от Юденрата в надежде узнать какие-то новости. Ко мне подошел мой друг и сказал, что в доме прямо через улицу находится еврей-партизан. Я пошел туда, партизана звали Фридман. Он был выходцем из Постава, и раньше я его не встречал. Они организовывали группу, и он спросил меня, хочу ли я присоединиться. Я сказал, что хочу, был решительно настроен, и он не мог мне отказать... Он велел явиться позже вечером к определенному месту у ограды гетто. Я пришел домой взволнованный, особенно не обсуждал, сказал, что решил идти к партизанам. В восемь вечера ушел¹²⁷.

О росте решимости сопротивляться говорит и Я. Суховольский. Он помнит, как они с Иерухимом вступили в подпольную молодежную группу, стремившуюся организовать вооруженное сопротивление. Группа, чем могла, помогала партизанам:

У нас были тайники, и мы стали заготавливать оружие. Мы покупали оружие... воровали сапоги (в цеху, где их шили евреи гетто. – Ю.Б.), джемперы, носки и переправляли партизанам в лес через тех, кто уходил. <...> У нас было два тайника, различно этого оружия¹²⁸.

О том, как можно было «заготавливать оружие» в гетто и о том, почему нужно было уходить к партизанам с оружием, рассказывает Р. Юнгельсон:

Был маленький подпольный рынок контрабандного оружия; винтовки, ружья. Очень маленький, но существовал <...> тех, у кого было ружье, принимали (к партизанам) с большей охотой¹²⁹.

Суховольский уверен, что Ледерман знал о деятельности своих сыновей и их желании уйти к партизанам:

...Отец нас как-то предупреждал, <...> что мы ни в коем случае не должны и думать об этом. Поэтому что на виду, за нами все гетто, риск большой. Даже когда к нам приходил друг отца Родницкий... и говорил, чтобы отец отдал меня в его семью – он получил документы татарина, и жил вне города. <...> Отец отказал, сказал: «Что будет со всеми, то и с ним» («Вос эст зайн мит алэмен, эт зайн эйх мит эм» – идиш)¹³⁰.

Несмотря на уговоры отца, Иерухим и Яков решают присоединиться к своей группе, когда той приходит время покидать гетто. Суховольский вспоминает, вытирая слезы:

Я подхожу к самому тяжелому. <...> Возник момент, когда мы – будем так говорить – предали отца. Мы с группой восемнадцать человек ушли в лес двадцать второго декабря 1942 года. <...> Ушли в отряд «Мститель». Мы, правда, там ничего не успели, ни присягу, ничего. Мы там недолго побывали. И тут в гетто такое закрутилось. Сразу арестовали родных двоих человек из этой группы и расстреляли две семьи... Где-то в середине января к нам прислали посланцев из гетто, которые сказали, что отец просит, чтобы мы во что бы то ни стало вернулись. И мы решили вернуться. Это произошло непросто, фактически мы самовольно ушли из отряда¹³¹.

Здесь стоит добавить, что на решение Якова и Иерухима вернуться повлияло резко «негативное впечатление» от атмосферы жестокой беспощадности, царившей в отряде. Через несколько дней после того, как братья попали в отряд,

...один из тех, кто с нами туда пришел, Мошеньке Вайнштейн, – он был 25-го года рождения – парень совершенно необстрелянный. Там поймали

Группа переживших Холокост из Глубокого у монумента в Борке, конец 1940-х. Фотография из коллекции Д. Ротман

кого-то, и его поставили охранять этого человека. Он уснул на посту, тот убежал, и буквально на второй день приговор. Моську повели в лес и расстреляли. Я не видел, как это было, но видел, как из леса несли его сапоги. Так жестоко, сколько ему было лет...¹³²

До побега, рискуя жизнью, чтобы добыть оружие и одежду для партизан, молодые люди думали, что тем самым заслуживают себе их доверие и признание. Оказалось, что это «оплатило» принятие в отряд, но не принесло признательности. «Мы думали, что все, что мы туда посылаем, <...> что-то значит, – вспоминает Суховольский, – а это все кажущееся было»¹³³.

Борис Глаз, слышавший о возвращении сыновей Ледермана от взрослых, рассказывает этот эпизод немного иначе. По его версии, сыновья Ледермана вернулись в гетто, чтобы спастись от возмездия партизан:

Прошел слух, что сыновья Ледермана вернулись в гетто. Потому что, когда кто-то из молодежи уходил в партизаны, Юденрат передавал фамилии оставшихся родственников немцам. Этих людей расстреливали. Когда два сына председателя Юденрата попали к партизанам, – а там были дети, родители которых погибли из-за доносов того же

Ледермана, – их взяли под арест. Они были бойкие ребята, бежали отсюда и вернулись в гетто¹³⁴.

Похоже, М. Цимкинд имеет в виду именно этот эпизод, когда он презрительно отзывается о деятельности Юденрата: «Когда узнали немцы, что евреи появились в лесу (партизаны), они заставили Юденрат, чтобы те ехали в лес и вешали объявления, что: «Евреи, собирайтесь в гетто, мы вас трогать не будем, мы вас обеспечим». Но уже знали, что это обман»¹³⁵.

По свидетельству Суховольского, побег сыновей председателя Юденрата к партизанам произвел «колоссальный переполох»; многие боялись, что в наказание будет уничтожено все гетто. Гершон Ледерман, понимавший, что «все это хорошим кончиться не может», сам сообщил немецким властям, что его сыновья «куда-то ушли». Когда братья вернулись, «все воспряли духом, что все уладится», что отец как-то их накажет, но «это не скажется на всех». Незамедлительно последовала реакция властей:

27 февраля 1943 г. отец не вернулся домой. Он ходил по всяким делам в Гебитскомиссариат, жандармерию (там было специальное бюро по труду, которое организовывало производство)... с ними общался (какие-то дела, кому-то подарки, что-то

*Группа переживших
Холокост из Глубокое
у монумента в Борке
по случаю годовщины
уничтожения еврейского
гетто, 1951 г.
Фотография из
коллекции Д. Ротман*

такое). <...> Вечер – его нет, ночь – его нет, естественно, тревога такая¹³⁶. А утром к нам пришли три немца в гражданском... Они пришли к нам и забрали мать, меня, брата и сестру¹³⁷.

Их вели через гетто, потом по улице Сенкевича к парку, в котором располагалась Гестапо. Здесь братьям удалось убежать¹³⁸. Яков добрался до Борка и весь день просидел в лесу, а Иерухим был легко ранен и побежал «прямо обратно в гетто. Немцы знали, что он туда возвратился». Чтобы узнать, чем все кончилось, Суховольский вернулся в гетто. Родные спрятали братьев у хороших приятельниц: Якова – у Ханы Цепелевич, а Иерухима – у Асны Гиндиной. Операция, сделанная дядей, чтобы вытащить пулю, не спасла Иерухима от смерти: «Третьего марта, в тот дом, где он прятался на чердаке, пришли жандармы. У него был пистолет, он пытался отстреливаться. Они его застрелили на чердаке. Дядя его потом забрал, и его похоронили»¹³⁹.

Так случилось, что Борис Глаз оказался свидетелем убийства Иерухима. Дом дяди Якова и Иерухима был на той же улице, где жила семья Глазов. Через окно Борис увидел, как к этому дому подъехал немец, начальник полиции города Шпер:

Я как всегда не мог усидеть на месте, выбежал и увидел, как по улице бежит старший сын Ледер-

мана Иерухим. Почему-то он завернул в наш двор, забрался к нам на чердак. Следом за ним бежал начальник полиции и 2 полицейских. <...> Они видели, куда он побежал <...> полезли на чердак, нашли там Иерухима и расстреляли его¹⁴⁰.

Хотя, со слов Суховольского, некоторые считали побег братьев из рук полицейских «чуть ли не геройским поступком; там (в гетто. – Ю.Б.) появилась такая песенка “Было два брата, два героя”»¹⁴¹, сам он вспоминает об этом только в связи с гибелью брата. Суховольский подчеркивает, что организатором передачи оружия партизанам был Иерухим. С гибелью брата спрятанное в тайнике оружие оказывается в полном распоряжении Якова. С этим оружием Яков Суховольский второй раз уходит из гетто¹⁴² (5 марта 1943 г.). На этот раз он и четверо его спутников: Касриил Фукс, Шайке Шенкман, Муля (Самуил) Кац и Моське Жмиевски не собираются присоединиться к отряду. С собой у них было оружие из тайника, поэтому «могли себя сразу обеспечить питанием; коль вооружен, можешь...» Они пошли в направлении Дисны, потому что все члены группы, кроме Суховольского, были оттуда родом и хорошо знали, «где там прятались дисненские евреи». По дороге «нашли Зямку Каца, Фаню Фукс, еще людей». От них узнали, что в непроходимых местах недалеко

от Миор на большом мху¹⁴³ «прячутся евреи из Миор, из Друй и других городков», организовавшие там большой семейный лагерь. Суховольский вспоминает, как они добрались до скрывавшихся на мху евреев: «Мы туда пошли – нашли проводника, туда можно пройти только в определенной время по узеньким тропкам... А там довольно много людей, но таких беспомощных. Во-первых, без оружия. И мы взяли на себя такую миссию – их снабжать»¹⁴⁴.

Постепенно группа росла. Своей главной задачей евреи из семейного лагеря считали мстить¹⁴⁵; проводить крупные операции они были не в состоянии. Действовали они «не планоно, но отчаянно». Суховольскому удалось «поймать и лично прикончить начальника полиции Дисны Мосальского».

О деятельности еврейской группы узнал командир партизанского отряда, базировавшегося недалеко от семейного лагеря. Центральное командование не поощряло независимые разрозненные группы, тем не менее, командир не очень настаивал на присоединении еврейской группы к своему отряду. Узнав, что группа может поддерживать связь с гетто, попросил привезти оттуда в отряд врача. С официальным письмом от командира Суховольский в компании партизана из «настоящего отряда» отправился в гетто; там еще оставался его дядя Мейше – врач. Они добрались до Глубокое и связались с Мейше, но не смогли его уговорить, он отказался покинуть гетто. Позже еврей-партизаны еще несколько раз ходили в гетто с различными поручениями партизан.

В последний раз Суховольский пришел в Глубокое по поручению Довида Пинцова, добившегося официального разрешения на организацию еврейского отряда. Пинцов поручил Суховольскому «пойти в гетто, вывести оттуда людей». В начале августа 1943 г. Суховольский вместе с Циммером – партизаном и выходцем из Глубокое – вернулись в гетто. Сначала все шло по плану. Циммер «забрал с собой несколько человек, и они ушли из гетто», а Суховольский остался, чтобы «помочь местной молодежи организовать сопротивление... в тот момент, когда партизаны начнут освобождать гетто». Со своим заданием он справлялся успешно, но «уввы, события повернулись по-другому». Суховольский рассказывает:

Семнадцатого августа 1943 года родионовцы из дислоцированного в Крулевщизне полка напали на немцев, разгромили немецкий гарнизон и жандармов из Глубокое и ушли в лес. <...> Восемнадцатого августа убитых жандармов привезли хоронить в Глубокое. С вечера девятнадцатого на двадцатое гетто было окружено, приехали из Постава, где стояла часть СС, и откуда-то еще полицейские. В Юденрат пришел представитель, что надо всех выводить. Но конечно, никто никого уже не выводил, и в четыре-пять утра началась паника¹⁴⁶.

Борис Глаз рассказывает этот эпизод немного иначе (он оговаривается, что знает эту историю «по рассказам людей, которые это знали»):

... (В Шарковщине) располагались власовцы, охраняли станцию. Во главе власовцев стоял полковник или подполковник Родионов¹⁴⁷. Однажды раздался телефонный звонок в гарнизон Глубокое из Шарковщины о том, что на них напали партизаны, и они просят помощи. Весь глубокский гарнизон уехал в Шарковщину; родионовские войска встретили их огнем. Был расстрелян весь глубокский гарнизон, а родионовцы ушли в партизаны. Немцы боялись, что партизаны попытаются освободить глубокское гетто, и усилили его охрану¹⁴⁸.

Когда в гетто зазвучали выстрелы, у Суховольского «с собой был наган и граната». К нему бросились знакомые ребята, они решили, что он пришел с кем-то из партизан (на самом деле подготовка к сопротивлению еще только началась, «в принципе еще ничего не было готово»). Поняв, что ошиблись, они вместе с Суховольским попытались убежать из гетто. Он вспоминает:

Мы бросились к забору, я бросил гранату, оттуда открыли такой густой огонь, что пробиваться в этом направлении никакого смысла не имело. Единственное оставшееся в гетто каменное здание было дом Канторовича – большой с хорошими подвалами. Там в подвале был организован... схрон. Спустились в схрон с расчетом дожидаться ночи и попытаться в темноте прорваться¹⁴⁹.

И опять события «повернулись по-другому»:

Они (немцы. – Ю.Б.) стали жечь гетто. Из-за того, что люди не выходили, они с самолетов лили какую-то горючую жидкость и поджигали. Все горело, и люди задыхались в своих схронах, потому что дома были деревянные. <...> В одном из таких схронов находилась Минка Касовская. Вместе с другими она оттуда выскочила и, видимо, в надежде спастись – она знала, что у Канторовича есть тоже убежище, – бросилась к этому убежищу. Немцы выследили, куда она бежит, пустили ее и, когда мы ей открыли, дали команду: «Выходите»¹⁵⁰.

Вероятно, Суховольского выручила смелость и обстрелянность – опыт участия в партизанских военных операциях. Неожиданность немецкой команды не парализовала его волю:

Естественно, никто пока не шевелится. Овчарки лают. А там была такая стесненность... Потом они в ход в убежище бросили гранату. Те, кто был ближе ко входу, пострадали... и тишина. Через какое-то время думаем: «Чего сидеть? Тут задохнешься, передышат, как крысы». Я решил выходить. Сунул наган за лацкан пиджака, со мной еще поднялось несколько человек... Поднимаюсь, там стоят два немца и полицейский. Я говорю по-немецки: «Я вам покажу удостоверение». Вытаскиваю наган и в упор в них стреляю. Вроде получилось. И побежал. Перебежал через улицу и попал в огород к Шулевичу, там росла высокая запущенная картошка. Не знаю, что со мной произошло, но, забежав в картошку, я упал и пришел в себя, когда уже стемнело¹⁵¹.

В ту же ночь Борис Глаз пытался укрыться от обстрела в другом схроне¹⁵². Он увидел в одном доме молящихся стариков в талесах и тфилн:

Они сказали мне: «Что ты будешь делать?» Сказал, что буду стараться выбраться отсюда. «Лучше не надо. У нас здесь во дворе под курятником есть схрон». Спустился в схрон. <...> Там было рассчитано на десять-пятнадцать человек, а было больше пятидесяти. Там оказался двоюродный брат моего отца с женой. Люди начали терять сознание от отсутствия кислорода. Пришел в себя ночью, лежа на земле. Оглянулся и узнал курятник, через

который меня опускали. Гетто горело. Все было в огне. Услышал на чердаке этого сарая еврейскую речь. Сумел туда забраться. Там оказался двоюродный брат отца и еще два еврея. Брат отца рассказал мне, что его жена сошла там с ума. Он увидел, что я потерял сознание и выбросил меня оттуда наружу, а сам забрался на чердак. «Мы решили повеситься, – они держали в руках веревки, – а ты попытайся уйти»¹⁵³.

Глаз решил уйти на православное кладбище в двухстах метрах от гетто, а оттуда пробраться к знакомым белорусам, которые бы его спрятали. На кладбище оказалось очень много евреев; оно было окружено немцами и обстреливалось. Многие были ранены, кругом слышались стоны, плач и крики. В этой суматохе к Глазу подошел его сосед Цале Кремер и спросил, пойдет ли он вместе с ними. Глаз с улыбкой рассказывает о последовавшем чудесном избавлении:

«Я пойду с кем угодно, лишь бы не быть в этом кошмаре». Он подвел меня к девушке нееврейской внешности. Курносая блондинка. Она свободно говорила на идише. Цале было шестнадцать-семнадцать, ей двадцать-двадцать два. Сразу почувствовалось, что она командир. Она была не из Глубокое. Она повела нас обратно в гетто, завела в дом, который еще не горел. Нашла там что-то поесть и накормила нас. Высмотрела загоревшийся дом вне гетто; немцы стояли толпой вокруг этого дома, смотрели на пожар. Она сказала, что если мы пойдем в переулок рядом с горящим домом и будем прижиматься к стене, то немцы нас не увидят, потому что увлечены пожаром. Пожар шумит, наши шаги не будут слышны. А там будет легко выйти. Она оказалась права. Мы вышли на следующую улицу. На углу стоял немец. Она тихо сказала: «Нас трое, он один. Идем на немца». Мы пошли прямо на него. Он не делал попыток нас задержать. Когда мы подошли к нему вплотную, он сказал нам: «Идите на немецкие казармы, там один часовой. Обойдите его (казармы были совсем за городом) и будете спасены». Он нас предупредил, что будет стрелять, но не в нас¹⁵⁴. Так мы и сделали. Когда мы подошли к казармам, Нехам велела нам лечь, а сама выслеживала маршрут часового. Потом оказалось, что она была опытной

партизанкой, работала в разведке. Она вычислила поведение часового, и когда он ушел за другую стенку, мы быстро пробежали и оказались в поле. И всю ночь почти бегом шли под ее руководством. Попадались деревни. Когда стало светло, зашли в лес. На виду был хутор¹⁵⁵.

К евреям, оставшимся в гетто, утром следующего дня пришли еврейские полицейские и объявили о ликвидации гетто. Р. Юнгельсон вспоминает этот визит полиции:

Еврейская полиция пришла к нам и объяснила так же, как немцы объяснили им. Поскольку фронт приблизился, гетто должно быть ликвидировано. Нас якобы должны были перевезти в Люблин. Мы поняли, что это начало ликвидации. Утром в пятницу девятнадцатого августа 1943 г. было ликвидировано все гетто¹⁵⁶.

Отец Юнгельсона не раз говорил своему сыну, что в случае ликвидации тот должен не слушаться немцев, а бежать. Когда в лесу немцы велели евреям раздеться и лечь в заранее выкопанные траншеи, родители и сестры Юнгельсона повиновались, а он вскочил и побежал. В своей попытке обмануть смерть он был не одинок, рядом бежали другие люди. Он вспоминает:

Я был не один. Около 100–150 человек сделали то же самое. Когда я добежал до леса, нас было около пятнадцати. Остальные были убиты или ранены. Мы знали, что в лесу были партизаны, но не знали, где в точности. Нашли партизан в ту же ночь.

Небо было красным, гетто горело. Один из нас сказал: «Встаньте, скажем кадиш». <...> Подошли к хутору <...>. Увидели огонек в окне. Все наше оружие состояло из больших палок, которые мы подобрали в лесу. Начали приближаться к дому. <...> Это были партизаны (евреи). Мы вошли, они нас обняли и привели в отряд¹⁵⁷.

Борис Глаз тоже добрался до партизан. Сначала Нехама привела Цале и Бориса к поляку – связному партизанского отряда. Пришедшие позже партизаны взяли с собой Нехаму и Цале – он уже мог держать в руках винтовку, а Бориса оставили.

Вместе с другими спасшимися евреями, собравшимися в доме связного, они отправились по указанному партизанами маршруту и спустя четыре дня дошли до назначенного места в партизанской зоне. Там в землянках располагался семейный лагерь, начальником которого оказался Абрам Исакович Шуб – хороший знакомый родителей Глаза. В основном в этом лагере были евреи. Лагерю принадлежало пять-шесть коров и несколько лошадей, отбитых партизанами у немцев, которые намеревались угнать их в Германию. Глаз с двумя приятелями их пасли. Научив Бориса обращаться с лошадьми, Шуб сделал его своим личным кучером. Питанием обитателей лагеря снабжали партизаны. Глаз вспоминает принципы, на которых был основан лагерь:

Он был организован Второй Белорусской бригадой, там были собраны специалисты: портные, сапожники, слесаря, которые ремонтировали оружие, даже человек, умевший делать колбасу. Когда бригада была дислоцирована, другие партизанские отряды пользовались услугами этого лагеря. Туда присылали раненых партизан на лечение, туда приезжали на отдых партизаны после каких-то серьезных заданий. Там всегда можно было отремонтировать одежду и обувь. Там можно было помыться в хорошей бане. Там всегда можно было найти бутылку самогона. Партизаны приводили к нам загнанную лошадь, а у нас забирали хорошую. Ремонтировали телеги, брочки и упряжь¹⁵⁸.

Сначала в лагере было очень мало оружия. Когда самолеты начали привозить вооружение, и его стало хватать на всех, командир отряда вручил каждому жителю лагеря винтовку. Глаз вспоминает, что, когда очередь дошла до колбасника – он был очень старым, он спросил у командира: «Скажите, я пришел сюда винтовочками играть или колбасу делать?»

После освобождения советской армией Глубокого и его окрестностей Абрам Исакович Шуб с Борисом Глазом и Яковом Эпштейном (еще одним сверстником Глаза) вернулись в Глубокое. Шуб взял мальчиков жить к себе в семью; у него были жена и ребенок. С начала учебного года мальчики пошли в школу, а где-то в конце сентября стало

известно, что в Вильнюсе открывается детский дом для детей, потерявших родителей во время войны. Каким бы ни был добрым Шуб, он не мог содержать стольких людей. Глаз вспоминает начало жизни в детском доме:

Шуб объяснил нам ситуацию, сел вместе с нами на поезд – он в то время работал начальником спецторга МВД города Глубокое. Отвез в детский дом, который был на улице Жигмунтовской в доме двенадцать на берегу Вилии (сейчас Нерис). Это был большой красивый особняк, в нем чуть больше ста детей. Там можно было послушать ужасных историй. <...> Наши руководители не приветствовали, чтобы мы в тот момент об этом вспоминали. Все преподаватели и воспитатели были евреями. Старые педагоги. Встречали с нами Новый Год; нас не бросали. Часто приглашали детдомовцев к себе домой, там говорили на идише. При этом детском доме была еврейская школа, которая очень скоро закрылась. Детский дом тоже закрылся, потому что пополнения не было. Я там был всего полгода¹⁵⁹.

Девочка из Глубокого Двейра Финефтер помнит, что была в вильнюсском еврейском детском доме с 1944 г. до 1951 г.¹⁶⁰ Она помнит, что евреи из Вильнюса тоже посылали своих детей в школу при детдоме. Так же, как у Глаза, у нее сохранились очень светлые воспоминания о времени, проведенном в детдоме:

Все было на идише. Я была там счастлива. Учителя были очень добрыми и учили всему: как стирать одежду, как стелить постель, чтобы все было аккуратно. Как мать учит дочь. С нами пели еврейские песни. На какой-то праздник к нам приезжали Михоэлс и Зускин и разговаривали с нами¹⁶¹.

В детском доме Борис Глаз встретил День победы. Его воспоминание об этом – один из самых драматичных эпизодов интервью:

Сильный дождь лил с самого утра. Я почему-то оказался один. Сидел на площади Черняховского и плакал. Я понял, что моих близких уже со мной не будет. Пока шла война, пока стреляли – мы еще недавно слышали канонаду из Кенигсберга,

и в Вильнюсе еще постреливали литовцы и польские легионеры – не было надежды, что не будут стрелять, и я буду жить один. Здесь я понял, что все кончено. Ко мне подошли мужчина-рядовой и женщина в офицерских погонах; у обоих еврейская внешность. Сели с двух сторон и начали спрашивать, почему я плачу. Я им объяснил. Они меня забрали с собой; она была военврач, он – излеченный раненный. Они встречали День победы. Напили меня пьяным, чтобы я перестал плакать¹⁶².

***

Эту публикацию нельзя закончить, не обратившись к воспоминаниям свидетелей о контактах евреев с остальным городом. Конечно же, эмоции, которые уцелевшие евреи переживают, вспоминая о взаимоотношениях с неевреями города, зависят и от личных обстоятельств, и от культурных линз, сквозь которые они смотрят на свое военное прошлое. У одних память об этих взаимоотношениях вызывает только презрение и гнев, другие, наоборот, восхищаются благородством земляков-неевреев. Р. Юнгельсон, например, уверен, что «местные относились к преследуемым евреям без симпатии». Он вспоминает о предательстве приятеля-поляка:

У меня был друг, который ел в нашем доме, играл моим футбольным мячом, брал у меня книги, катался на моем велосипеде и вступил в польскую полицию. Он пришел со своим братом к нам домой и взял мой велосипед, футбольный мяч и футбольные бутсы и мой фотоаппарат «Кодак». Я молчал. Был счастлив, что меня оставили в живых. Он пришел и вежливо попросил. Сказал: «Тебе не нужно». И я отдал¹⁶³.

У Б. Глаза другой опыт. Часто заходивший в довоенное время поговорить с матерью Бориса Абрамовича о политике Семен Селица повел себя благородно и отважно. Однажды поздно вечером он пришел к Глазам домой в гетто с большим мешком еды. Глаз изумляется: «Как он сумел туда пробраться? Он был высокого роста под два метра. Принес хлеба, картошки». Создается впечатление, что в гетто Глазы не сомневались в сочувствии и

поддержке поляков и белорусов – друзей семьи. Б. Глаз рассказывает:

Уходя на работу с отцом, часто срывался оттуда, ходил к знакомым белорусам, полякам, близким друзьям родителей; они меня снабжали едой для всей нашей семьи¹⁶⁴.

Эпизод из свидетельства З. Фейгельсона, в котором он возвращается в Глубокое из партизанского отряда за братом, описывает всю гамму отношений местного населения к евреям:

По пути <...> я встретил крестьянина и спросил дорогу. Он обнял меня, благословил, пообещал молиться за меня и дал адрес сестры в Глубоком. Придя в Глубокое, пошел к этой сестре. По ошибке постучал в соседнюю дверь, там жил полицейский. Не знаю, как я это понял, он не был в форме. Я спросил его по-польски, где живет эта пани Войцехович. К счастью не сказал никаких слов с «р»¹⁶⁵, это бы меня выдало. Он сказал, что мне в следующую дверь. Пошел туда, поговорил с ними, но они побоялись передать записку моему брату¹⁶⁶.

Узник глубокского гетто Петр Смушкович рассказывает о встрече в подвале местной тюрьмы с католическим священником. Позднее Смушкович узнал, что священник попал туда за свои проповеди, в которых он говорил местным не участвовать в акциях против евреев. Говорил: «Никогда не знаешь, что случится с самим тобой. Не сотрудничайте с немцами, не ловите евреев»¹⁶⁷.

***

Читателям, знакомым с «Книгой памяти братьев Раяк» или со статьей Википедии о гетто Глубокое, бросается в глаза разница в графичности описаний истязаний, которым подвергали евреев, и вообще в уровне эмоциональности этих документов и цитируемых мной свидетельств. На мой взгляд, она объясняется разницей ситуации, в которой возник каждый из этих документов, жанром и историцизмом момента создания каждого из них. Люди, свидетельствующие перед камерой, боятся потерять контроль над своими чувствами

и подавляют воспоминания, которые могут выбить их из колеи. К тому же интервьюируемые Архивом Шоа свидетельствуют в отсутствии и установившегося канона публичных воспоминаний о Холокосте, и постперестроечной версии истории Второй мировой войны. Этот канон повествования уже установился ко времени написания первой версии статьи в Википедии. К тому же сам жанр интервью призывает к концентрации скорее на фактах, чем на эмоциях, в то время как жанр ламентаций, в котором написана книга братьев Раяк, отсылает к традиции оплакивания жертв, когда эмоции оплакивающего играют важнейшую роль. Важно и то, что, в отличие от братьев Раяк и авторов статей в Википедии или на сайтах¹⁶⁸, ясно представлявших себе своих читателей, постсоветские свидетели Архива Шоа обращаются к неведомому им американскому зрителю. Таким образом, историческая драма воспоминаний детей довоенного Глубокое оказывается помещенной внутрь исторической драмы обретения бывшими советскими евреями коллективной памяти о Холокосте.

Примечания

- ¹ USC Shoah Foundation, the Institute for Visual History and Education. Архив был основан в 1994 г. См.: <https://sfi.usc.edu/vha>. У каждого интервью в архиве есть ID; интервьюируемых можно искать как по имени, так и по ID – соответственно в статье применяется двойная атрибуция.
- ² *Mintz A. Popular culture and the shaping of Holocaust memory in America.* University of Washington Press, 2001. P. X, XI.
- ³ Здесь я хочу поблагодарить одного из этих свидетелей – Якова Суховольского, прочитавшего и прокомментировавшего предварительный вариант этой статьи.
- ⁴ Iakov Sukhovolskii, ID: 36910.
- ⁵ Boris Glaz, ID: 50428.
- ⁶ Reuben Youngelson, ID: 50602.
- ⁷ Stan Felson, ID: 33651.
- ⁸ Israel Chanovich, ID: 1229.
- ⁹ Во многих воспоминаниях о гетто Глубокое он упоминается под именем Мотке Ледермана.

- ¹⁰ Резник в иудейской общине.
- ¹¹ Специально подготовленный человек, совершающий обряд обрезания восьмидневного мальчика или новообращенного.
- ¹² См.: <http://www.jewishgen.org/yizkor/Hlybokaye/hly009.html>
- ¹³ [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%BB%D1%83%D0%B1%D0%BE%D0%BA%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5_%D0%B3%D0%B5%D1%82%D1%82%D0%BE_\(%D0%92%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%B1%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%BB%D1%83%D0%B1%D0%BE%D0%BA%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5_%D0%B3%D0%B5%D1%82%D1%82%D0%BE_(%D0%92%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%B1%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C))
- ¹⁴ <http://berkovich-zametki.com/>
- ¹⁵ Впервые опубликована в 2012 г.
- ¹⁶ З. Фейгельсон, ID: 33651.
- ¹⁷ По воспоминанию Б. Глаза, подруги и друзья Рахили Глаз «были членами подпольной компартии Польши. Сама не была в партии, но всегда была в этой компании. Очень начитанная, щедрая и общительная. Редко бывала дома, у нее всегда были дела. Если в бедной семье кто-то заболел, нет денег на врача – это была ее забота. У бедного балагулы пала лошадь, нужно было собирать деньги, чтобы купить другую – опять мать. Организовать свадьбу бедной девушки – тоже она», ID: 50428.
- ¹⁸ Б. Глаз, ID: 50428.
- ¹⁹ Р. Юнгельсон, ID: 50602.
- ²⁰ З. Фейгельсон, ID: 33651.
- ²¹ Dorothy Gordon, ID: 6428.
- ²² *Gross J. Revolution from Abroad: the Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia.* Princeton University Press, 1988. P. 196–199.
- ²³ *Litvak Y. Jewish Refugees from Poland in the USSR 1939–1946 // Bitter Legacy: Confronting the Holocaust in the USSR.* Indiana University Press, 1997. P. 128–129.
- ²⁴ З. Фейгельсон, ID: 33651.
- ²⁵ Д. Гордон, ID: 6428.
- ²⁶ Непредсказуемым в тот момент результатом депортаций было спасение депортированных евреев от гибели во время Холокоста.
- ²⁷ Я. Суховольский, ID: 36910.
- ²⁸ Я. Суховольский, ID: 36910.
- ²⁹ Р. Юнгельсон, ID: 50602.
- ³⁰ Я. Суховольский, ID: 36910.
- ³¹ Черные кожаные коробочки с черными ремешками, в которые вложены написанные на пергаменте стихи Торы. Мужчины надевают тфилн на голову и левую руку для утренней молитвы.
- ³² Возраст религиозного совершеннолетия у мальчиков (13 лет) и обряд, посвященный вступлению мальчика в число полноправных членов общины.
- ³³ Я. Суховольский, ID: 36910.
- ³⁴ З. Фейгельсон, ID: 33651.
- ³⁵ Я. Суховольский, ID: 36910.
- ³⁶ Ребе хасидов ХАБАДа.
- ³⁷ Учитель в хедере.
- ³⁸ Религиозное учебное заведение.
- ³⁹ И. Ханович, ID: 1229.
- ⁴⁰ О Сугихаре см.: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Сугихара,_Тиун.
- ⁴¹ Б. Глаз, ID: 50428, рассказывает, что его мать «много внимания уделяла тому, чтобы я и моя сестра <...> хорошо знали литературу на идише, умели писать и читать, для чего для нас был нанят преподаватель. Мы ходили к нему два раза в неделю по два часа занимались идишем».
- ⁴² Б. Глаз, ID: 50428.
- ⁴³ Б. Глаз, ID: 50428.
- ⁴⁴ Б. Глаз, ID: 50428.
- ⁴⁵ Я. Суховольский, ID: 36910.
- ⁴⁶ Б. Глаз, ID: 50428.
- ⁴⁷ Я. Суховольский, ID: 36910.
- ⁴⁸ Б. Глаз, ID: 50428.
- ⁴⁹ Я. Суховольский, ID: 36910.
- ⁵⁰ «Через несколько дней арестовали ни в чем не повинных людей. Это уже местные донесли: „это коммунисты“» (Gita Geseleva, ID: 13718).
- ⁵¹ Б. Глаз, ID: 50428.
- ⁵² Б. Глаз, ID: 50428.
- ⁵³ Р. Юнгельсон, ID: 50602.
- ⁵⁴ Я. Суховольский, ID: 36910.
- ⁵⁵ Б. Глаз, ID: 50428.
- ⁵⁶ Здесь Борис Абрамович рассказывает известную и от других свидетелей историю о работнике Гебитскомиссариата, занимавшем там высокий пост, который до войны при поляках приезжал в Глубокое с цирком. Как говорили, он оказался немецким шпионом, который передал немцам все сведения о благосостоянии жителей.
- ⁵⁷ Б. Глаз, ID: 50428.
- ⁵⁸ Я. Суховольский, ID: 36910.
- ⁵⁹ Я. Суховольский, ID: 36910.
- ⁶⁰ Б. Глаз, ID: 50428.
- ⁶¹ На улицах Маркса, Энгельса (тогда Друйская), Красноармейской (тогда Киселёвка), Чкалова и Красных партизан (тогда Дуброва), см.: <https://ru.wikipedia>.

- org/wiki/%D0%93%D0%BB%D1%83%D0%B1%D0%BE%D0%BA%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5_%D0%B3%D0%B5%D1%82%D1%82%D0%BE_(%D0%92%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%B1%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C).
- ⁶² Б. Глаз, ID: 50428.
- ⁶³ Глаз с любовью вспоминает дом своего доброго и веселого богатого деда, где маленьким проводил все свободное время: «У него (дедушки) был большой-большой деревянный дом. Разбит на две половины, между ними большая кухня. В одной половине дедушка, бабушка и еще холостые дети, в другой семьи женатых сыновей. Богатый дом; красивые шторы, красивые люстры. На еврейские праздники все дети с семьями собирались в этом доме. Громадная столовая, где собиралось по 40 человек», ID: 50428.
- ⁶⁴ Я. Суховольский, ID: 36910.
- ⁶⁵ З. Фейгельсон, ID: 33651.
- ⁶⁶ З. Фейгельсон, ID: 33651.
- ⁶⁷ Я. Суховольский, ID: 36910. Из переписки с Я. Суховольским я узнала имена остальных членов Юденрата: Рав Кац, Макс Островски, Довид Ихильчик, Залман Шпарбер, Довид Мунвэс, Ишие Меерович, Хоне Пинтов.
- ⁶⁸ Юнгельсон объясняет отказ отца его нежеланием стать инструментом принуждения евреев гетто.
- ⁶⁹ З. Фейгельсон, ID: 33651.
- ⁷⁰ *Альтман И.* Холокост и еврейское сопротивление на территории СССР (http://jhistory.nfurman.com/shoa/hfond_112.htm).
- ⁷¹ Moisei Tsimkind, ID: 19869.
- ⁷² Б. Глаз, ID: 50428.
- ⁷³ Об этом см.: *Бернштейн Ю.* Обстоятельства времени: евреи бывшего СССР в зеркале американского проекта мемориализации Холокоста // *Неприкосновенный запас.* № 93 (1/2014) (<http://www.nlobooks.ru/node/4433#sthash.FT0k77wN.dpuf>).
- ⁷⁴ По мнению Суховольского, окончательно потеряв доверие к немцам летом 1942 г., члены Юденрата тем не менее не бросили общину и остались с ней до конца.
- ⁷⁵ Я. Суховольский, ID: 36910.
- ⁷⁶ Я. Суховольский, ID: 36910. Как я узнала из переписки с Я. Суховольским, надеясь уцелеть на «арийской» стороне, евреи гетто старались приобрести удостоверения личности поляков или татар. Мотке Ледерману добыли удостоверение на имя умершего родственника, которое звучало по-польски. Этим удостоверением он воспользовался при мобилизации в советскую армию в июле 1944 г. И так с этим именем и остался.
- ⁷⁷ Я. Суховольский, ID: 36910.
- ⁷⁸ Я. Суховольский, ID: 36910. Побег братьев Ледерман к партизанам стал причиной смерти их родителей.
- ⁷⁹ Я. Суховольский, ID: 36910.
- ⁸⁰ Я. Суховольский, ID: 36910.
- ⁸¹ Я. Суховольский, ID: 36910.
- ⁸² Д. Гордон, ID: 6428.
- ⁸³ Я. Суховольский, ID: 36910.
- ⁸⁴ Я. Суховольский, ID: 36910.
- ⁸⁵ Я. Суховольский, ID: 36910.
- ⁸⁶ Я. Суховольский, ID: 36910.
- ⁸⁷ В интервью Архиву визуальной истории Суховольский называет другие цифры (2000 и 6000 соответственно). Исправления внесены в результате переписки автора с Я. Суховольским.
- ⁸⁸ Я. Суховольский, ID: 36910.
- ⁸⁹ З. Фейгельсон, ID: 33651.
- ⁹⁰ З. Фейгельсон, ID: 33651.
- ⁹¹ Р. Юнгельсон, ID: 50602.
- ⁹² Сестра Мира была красивой, и отец боялся ее пускать на работу, «потому что были часто случаи изнасилования» (Б. Глаз, ID: 50428).
- ⁹³ Б. Глаз, ID: 50428.
- ⁹⁴ З. Фейгельсон, ID: 33651.
- ⁹⁵ Возможно, Юнгельсон здесь вспоминает не о начале оккупации, когда, по свидетельству Глаза, по утрам функционировал рынок.
- ⁹⁶ Р. Юнгельсон, ID: 50602.
- ⁹⁷ З. Фейгельсон, ID: 33651.
- ⁹⁸ Б. Глаз, ID: 50428.
- ⁹⁹ З. Фейгельсон, ID: 33651.
- ¹⁰⁰ Ср. рассказ Б. Глаза о довоенных похоронах его деда: «Родственники не имеют права принимать какое-либо участие в похоронах. Есть похоронная команда (хевра кадиша. – Ю.Б.), которая приходит, и начинается торг: сколько будут стоить эти похороны. В нашей семье особого торга не было. Они были одеты в специальную форму: черные длинные плащи. Приходят плакальщицы, которые моют тело, готовят тахрихим: белые полотнища, которые нельзя шить нитками. Сначала делается типа брюк и тужурки, потом все заматывается белым полотнищем. Покойник лежит на земле, на полу; горят свечи. Вокруг на

низких табуретках сидят родственники и посетители. Плакуют. Пришла эта команда, положили на носилки (специальные, одни на весь город) и бегом-бегом, мы еле успевали. Если человек умер после обеда, его должны похоронить назавтра до обеда. Если до обеда – в этот же день. Дедушка умер рано утром: в этот же день его похоронили. На кладбище раввин читает кадиш, потом все приходят домой. На столе баранки, яйца и газированная вода. Баранки и яйца, потому что они круглые: чтобы память об умершем была бесконечной. <...> Покойника кладут прямо в могилу без гроба. Он смотрит на восток», ID: 50428.

¹⁰¹ Я. Суховольский, ID: 36910.

¹⁰² Б. Глаз, ID: 50428.

¹⁰³ Я. Суховольский, ID: 36910.

¹⁰⁴ Я. Суховольский, ID: 36910.

¹⁰⁵ Я. Суховольский, ID: 36910.

¹⁰⁶ З. Фейгельсон, ID: 33651.

¹⁰⁷ Позже стало известно о расстреле большой группы цыган. «Их тоже вели мимо гетто, и вдруг такие крики, вопли. Их тоже отвели в Борок... и там расстреляли» (Я. Суховольский, ID: 36910).

¹⁰⁸ По воспоминаниям Я. Суховольского и Б. Глаза.

¹⁰⁹ Я. Суховольский, ID: 36910.

¹¹⁰ Б. Глаз, ID: 50428.

¹¹¹ Об этом эпизоде Суховольский спорит с «Черной книгой». Он считает, что: «В Черной книге допущена ошибка, они пишут, что раввин Кац погиб в августе при ликвидации гетто. Ничего подобного».

¹¹² Я. Суховольский, ID: 36910.

¹¹³ Б. Глаз, ID: 50428.

¹¹⁴ З. Фейгельсон, ID: 33651.

¹¹⁵ Я. Суховольский, ID: 36910.

¹¹⁶ В этой акции погибли два брата Абрама Глаза (один с семьей, один с беременной женой) и одна незамужняя сестра.

¹¹⁷ Б. Глаз, ID: 50428. В рассказе З. Фейгельсона можно найти другой взгляд на эпизод с одеждой расстрелянных. Поскольку люди ожидали, что их пошлют куда-то на работу, многие оделись в лучшее и спрятали ценности в одежду. После расстрела те, кто остались в живых, «должны были все это отыскать», ID: 33651.

¹¹⁸ Я. Суховольский, ID: 36910.

¹¹⁹ З. Фейгельсон, ID: 33651.

¹²⁰ З. Фейгельсон объясняет причину большей осведомленности беженцев о партизанах тем, что у евреев

из деревень или маленьких городков было больше контактов с местными крестьянами, у которых были связи с партизанами, ID: 33651.

¹²¹ Я. Суховольский, ID: 36910.

¹²² См.: *Slepyan K.* The Soviet Partisan Movement and the Holocaust // *Holocaust and Genocide studies.* Vol. 14, n. 1 spring 2000. Oxford University Press. P. 10.

¹²³ См.: *Бернштейн Ю.* «Не вы говорите о своих заслугах, а пусть люди о вас говорят»: еврейки среди белорусских партизан // *Евреи: другая история.* М., 2012. С. 409–410.

¹²⁴ З. Фейгельсон, ID: 33651.

¹²⁵ Я. Суховольский, ID: 36910.

¹²⁶ Я. Суховольский, ID: 36910.

¹²⁷ З. Фейгельсон, ID: 33651.

¹²⁸ Я. Суховольский, ID: 36910.

¹²⁹ Р. Юнгельсон, ID: 50602.

¹³⁰ Я. Суховольский, ID: 36910.

¹³¹ Я. Суховольский, ID: 36910.

¹³² Я. Суховольский, ID: 36910.

¹³³ Я. Суховольский, ID: 36910.

¹³⁴ Б. Глаз, ID: 50428.

¹³⁵ М. Цимкинд, ID: 19869.

¹³⁶ По свидетельству Б. Глаза, после ареста и гибели Ледермана председателем Юденрата стал Х. Рубашкин.

¹³⁷ Я. Суховольский, ID: 36910.

¹³⁸ Вспоминая об этом, Суховольский плачет: «Сейчас, с высоты этого возраста; как я мог убежать, когда мать там осталась?»

¹³⁹ Я. Суховольский, ID: 36910.

¹⁴⁰ Б. Глаз, ID: 50428.

¹⁴¹ Подруга Я. Суховольского И. Зингер прислала ему из США фрагмент этой песни: «Эс зайнен ин гетто цве бридер гевейн, ин гетто, ин гетто ин дер шлекхеле цайт, зогт эйнер цум цвейтн, – майн гарц из цурсн аф штикер – нит дер лэбн, нор камф из дер икер» (В гетто два брата было, в гетто в то страшное время, и сказал один другому: «Мое сердце разорвано на части, и не жизнь, борьба это главное» – идиш).

¹⁴² В этом отряде он живет под чужой фамилией. «Во втором партизанском отряде из страха за оставшихся в гетто родственников я был под фамилией Кривицкий», – вспоминает он.

¹⁴³ Торфяное болото.

¹⁴⁴ Я. Суховольский, ID: 36910.

- ¹⁴⁵ Находясь в партизанском отряде, Юнгельсон тоже считал мечь своей главной целью: «Я был ребенком, я хотел отомстить за всех евреев. Я хотел убивать».
- ¹⁴⁶ Я. Суховольский, ID: 36910.
- ¹⁴⁷ Со слов Глаза, когда он был в партизанах, слышал, что якобы «к Власову и к Родионову были направлены представители советской власти с предложением сдать ся, что им будет все прощено. Власов отказался, а Родионов дал согласие перейти на сторону Советского Союза», ID: 50428.
- ¹⁴⁸ Б. Глаз, ID: 50428.
- ¹⁴⁹ Я. Суховольский, ID: 36910.
- ¹⁵⁰ Я. Суховольский, ID: 36910.
- ¹⁵¹ Я. Суховольский, ID: 36910.
- ¹⁵² Предшествовавший день Глаз провел в лазарете гетто, ухаживая за заболевшей дизентерией сестрой (он помнит, что «летом 43 года вспыхнула эпидемия дизентерии»). Вечером отец пришел сменить его, и это был последний раз, когда Глаз видел их обоих, ID: 50428.
- ¹⁵³ Б. Глаз, ID: 50428.
- ¹⁵⁴ Нередко свидетели вспоминают о содействии со стороны немцев. Как правило, речь идет о помощи солдат. З. Фейгельсон вспоминает, как в день первой акции «...столкнулся с немцем-водителем грузовика. Его звали Франц Зилингах, он всегда нам помогал. Он спросил меня, в чем дело. Рассказал ему всю историю. Он посадил меня в кузов грузовика... довез до гетто, остановился около нашего дома и подождал меня. Зашел и нашел там родителей и младшего брата живых. <...> Попросил Франка отвезти меня обратно, чтобы сказать девушкам (с которыми Фейгельсон вместе работал. – Ю.Б.), что они могут спускаться (с чердака). Франц отвез их в гетто», ID: 33651. Р. Юнгельсон рассказывает, что, когда он работал в жандармерии, немец-начальник кухни его кормил: «Он давал мне с собой хлеб, иногда масло и провожал меня до гетто. При этом я позже видел, что он участвовал в ликвидации гетто», ID: 50602. Я. Суховольский тоже упоминает помощь некоторых немцев, когда он описывает ситуацию с едой: «...очень многие работали у немцев на складах и тому подобное. Среди немцев тоже были разные люди; многие из них в общем-то помогали. Сложно было внести (продукты) в гетто. Одного поймали, которому немец что-то дал, так чуть ли не хотели этого немца наказать. Чтобы реабилитировать немца, решили застрелить этого еврея», ID: 36910.
- ¹⁵⁵ Б. Глаз, ID: 50428.
- ¹⁵⁶ Р. Юнгельсон, ID: 50602. Списки расстрелянных евреев Глубокого см. в книге: Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Глыбоцкага на раёна. Мн., 1995. С. 284-296.
- ¹⁵⁷ Р. Юнгельсон, ID: 50602.
- ¹⁵⁸ Б. Глаз, ID: 50428.
- ¹⁵⁹ Б. Глаз, ID: 50428.
- ¹⁶⁰ Электронная еврейская энциклопедия называет годом закрытия детского дома 1949 г. См.: <http://www.eleven.co.il/article/10920>.
- ¹⁶¹ Dveira Finefter, ID: 13260.
- ¹⁶² Б. Глаз, ID: 50428.
- ¹⁶³ Р. Юнгельсон, ID: 50602.
- ¹⁶⁴ Б. Глаз, ID: 50428.
- ¹⁶⁵ Еврейский акцент был особенно слышен в произнесении звука «р». Чтобы проверить, не является ли кто-то евреем, его часто просили произнести слово «кукуруза».
- ¹⁶⁶ З. Фейгельсон, ID: 33651.
- ¹⁶⁷ Peter Smuszkowicz, ID: 3403.
- ¹⁶⁸ <http://shtetle.co.il/Shtetls/glubokoe/edidovich.html> и <http://berkovich-zametki.com/2007/Starina/Nomer1/Edidovich1.htm>

88	..	Антонъ и Мартинъ въ Бодровскій Ущаръ Виленисканъ стор. правая.		
89	135	Зундесъ Арроениовичъ Драженъ —	3	46.
90	138.	Месръ-девъ Туриновичъ Доникинъ —	2	72½
91	139	Абраамъ Рабиновичъ —	2	72½
92	139.	Рубинъ Абрамовичъ Тиндуръ —	2	..
93.	"	Петръ Мунимовичъ Унаевъ. —	3.	60
94.	141.	Анхесъ Давидовичъ Рубкинъ. —	2.	31.
95.	142.	Вдова Сорка Узокова. —	2.	11.
"	"	Негорички. —	2.	95.
96.	143.	Несонъ Новиковичъ Панефортъ —	2.	31.
97.	146.	Камилъ Давидовичъ Фейгензонъ —	2.	21.
98	147	Сисмонъ. —	2.	21.
99	148.	Медисенъ Леидовичъ и Минимкинъ —	1.	57½
100.	149.	Петръ Минимовичъ и Минимкинъ —	1.	57½
101.	151	Гурма Менделевичъ Емануэль. —	..	76½
102	152.	Кастеръ Абрамовичъ Кенуъ. —	1.	11.
103.	154.	Петръ Виногоровичъ Деота. —	"	66.
104.	157.	Месръ Мисерковичъ Крауто. —	нисеро-	
105.	159.	Абраамъ Кеисеровичъ Умбергъ —	1.	11.
106.	160	Минимъ Минимовичъ Мендесъ. —	2.	11.

Голоса Глубокого

Оксана Чёха

«Итальянцы на пляже»: детские воспоминания о трагических событиях Второй мировой войны

Иван Антонович Татыржа (1934 г.р.) живет в Глубоком всю жизнь. Когда немцы пришли в город, Ивану Антоновичу не было и десяти лет, и его военные воспоминания – воспоминания ребенка, который – как и многие другие дети – стал невольным свидетелем страшных событий Второй мировой войны. На современного слушателя, знакомого с более широким историческим контекстом и способного дополнить эти воспоминания деталями, которых не мог знать ребенок-зритель, такие рассказы действуют с особенной силой. Вот несколько отрывков из его интервью.

О пленных итальянцах на «Пляже»

После того как в сентябре 1943 года между Италией и странами антигитлеровской коалиции было подписано перемирие, итальянские военнослужащие, оказавшиеся на тот момент в распоряжении гитлеровских войск, в одночасье превратились из союзников в предателей и противников. С ними поступали как с военнопленными – свозили в лагерь и уничтожали. Один лагерь находился в Березвечье, в трех километрах

от Глубокого. Людей там держали на морозе под открытым небом и не кормили. Как и в случае с еврейским гетто, местные жители контрабандой носили еду заключенным, получая взамен от них деньги, одежду, вообще хоть что-нибудь, чем те могли бы им отплатить. Иван Антонович помнит об игрушках, которые бросали ему и другим детям итальянские военнопленные.

Тут вот, где пляж, помню, пленных гнали. Пришел эшелон, и гнали пленных с вокзала и в Борок. По нашей улице, и загибали, и сюда, и на мостик, и по Советской улице. [Каких пленных?] Наши русские, и тады были итальянцы. А итальянцы <...> як возеро становилось, так тут отдельно раньше был «Пляж» при поляках еще. Так сюда вроде итальянцев. Я там лётыл туды, як говорится, носили бураки, бульбину у торбину зварит там матка и через возеро зимой <...> подъедем до проволоки, перякинем торбы туды с ежем. Они делали очень интересные – где брали краски? – и вырезали з древа и мядведьков таких, помню, и нам уже перекидывали игрушки. Ну, говорили, что итальянцы вроде были на «Пляже» на гэтом <...>.

Иван Антонович Татыржа

О том, как немецкий оркестр играл «Катюшу»

Из самых разных источников известно, что немецкие солдаты знали и с удовольствием слушали советские песни, равно как и в Советском Союзе «своими» считали переделанные песни немецких композиторов. Неудивительно потому, что на немецком «параде» в Глубоком могла быть исполнена «Катюша». Ребенок, однако, был поражен, что «чужие» играют «нашу» музыку.

Еще помню, знаете, на площади Першого мая при немцах идёт отряд у наших шинелях, белые трубы, и «Катюшу» режут. Парад быё немецких и наших. Но яны не пленные были, власовцы, может, или что такое. И «Катюшу», главное «Катюшу» резали.

Трубы, конечно, такие троху поломанные. Нямецкие же все были трубы жёлтые, начищенные. Отряд шёл. Человек с полсотни. Но гэто мусить говорили, я же не знаё, а я удивился, что «Катюшу» резали и играли на этой музыци, оркестр. [Кто еще шел на параде?] Только музыканты в основном. Перше немецкие шли, а тады в завершение гэти пошли <...>.

О том, как убивали евреев и подожгли город

<...> У Борку в пэрвый раз их тады погнали, пошли и там их стрелялы. Второй раз яны кинулись ужэ туды на лес, и там переложили у городе вот тут по улице Красноармейской, там памятник стоит тоже. Ёсть памятник, и обгорожено место это.

А третий раз, уже последний раз их запалили, расстреляли, и выгорело гэто гетто. <Кто поджег?> Немцы мусить. Кто их знает? <...> Мы ж сидели як мыши в хатах, никуды не выходили, каб ня спутали. <...> Город запалили, як отступали, як яны сказали эвакуироваться с Глубокого в двадцать четыре часа. И мы в Обрубку сюда вот, тут ейная сестра двоюродная жила. Матка взяла Райку и икону за плечи, короўку за вярёўку, ну а мы с батьком, да и собратыш у мяне был.

О том, как евреи хоронят умерших

До прихода гитлеровских войск основное население Глубокого составляли евреи. На вопрос о жизни соседей Иван Антонович рассказывает о том, что он видел и что слышал о еврейских похоронах. В рассказе отмечаются такие детали еврейского погребального обряда, как привлечение к обустройству могилы неевреев (христиан), помещение тела в могилу без гроба, положение на глаза покойнику черепков и «перевязывание» пальцев покойного веточками (вероятно, отражение обычая давать в руки покойному палочки, иногда именуемые «вилочками», для того чтобы облегчить ему передвижение к месту последнего Божьего суда в день воскресения мертвых). В рассказе фигурирует также такая деталь, как удушение подушкой – распространенное поверье относительно того, что именно так евреи «помогают» умирающим расстаться с жизнью¹. Как и в других локальных традициях, основной видимой особенностью еврейских похорон является их быстрота

и стремительность – тело бросают в могилу, присутствующие «разбегаются от ямы»².

<...> Говорят там тоже, что явреи не дают умереть спокойно. Как чувствуют, что помирает, значить, подушку набрасывают, и он кончается, и тады за ноги и на пол. На полу ляжит, свечки поставят, запалят подсвечники и сидят в чёрное уже одевшись. А потом у мешок, вязут на кладбище, чтобы такая была пуня. Там уже мыў христианин, одевать в саван. Носилка у них была такая як кровать, носили ж. <...> Ну и говорили, что три разы с этого ложка, раз-два-три и – бульк! – в яму кинуть. Без гроба, гроба у них нема. Там досточками обставлено так, и лезет снова не еврей, яны разбегаются от ямы. Як бросают, разбегаются усе. Заходит туды, як ён там лёг, поворачивает как надо. Мешок раскрыть, ложат черяпки с глиняной посуды на глаза, на рот, а пальцы дубцами от метлы перевязывают. Вот и закрывают, и засыпают.

Примечания

- ¹ См. подробнее: *Белова О.В.* Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2004. С. 187–188, 197–198.
- ² Ср.: *Белова О.* Еврейское кладбище в рассказах жителей Лепеля и окрестностей // *Лепель: Память о еврейском местечке / Отв. ред. С. Амосова.* М., 2015. С. 103–104.

Андрей Мороз

«Столько истории в этих стенах...»: история Глубокого через призму истории одного дома

Среди полевых фольклористов, этнологов, антропологов распространено представление об «информанте последнего дня»: когда работа уже завершена или близка к завершению, когда участникам экспедиции остается только подвести итоги и совершить прощальную прогулку по месту, где проходит экспедиция, проститься с местом и его обитателями, почти всегда случается неожиданная встреча, которая значительно обогащает собранный материал или заставляет взглянуть на него совершенно другими глазами. Так произошло и с нами во время работы в Глубоком. Прогуливаясь по центру города, чтобы сфотографировать дополнительно несколько объектов, о которых нам рассказывали наши собеседники, мы (О.В. Белова и автор этих строк) остановились у старого кирпичного одноэтажного дома позади местного *Белого дома* (здания райисполкома) – на улице Гагарина (№ 3 Б).

Пока мы рассматривали торцевую глухую стену здания, сохранившую следы былой пристройки, которая закрывала лестницу в подвал, мы сами стали объектом пристального внимания со стороны владельца расположенного в этом доме ме-

бельного магазина. Отвечая на наше любопытство, хозяин сначала обвел нас вокруг здания, затем пригласил внутрь и, наконец, предложил спуститься в подвал, служащий сейчас складом. Недавно купленное здание явно вызывает гордость у владельца, оказавшегося любителем и знатоком локальной истории, поэтому в течение часа мы узнали различные факты, слухи и предания, связанные с домом и местом, на котором дом выстроен. В этих рассказах, сбивчивых, легко перескакивающих с одной темы на другие, но всегда интересных, вырисовывалась история не только дома или квартала, но и города в целом, и этой части Беларуси, оказавшейся местом целой цепи драматических и трагических событий, происшедших за последние несколько столетий. Так один дом, его история оказались каплей воды, отражающей историю всего города.

Отталкиваясь от воспоминаний о том, что раньше было в этом доме, наш собеседник незаметно переходил к рассказу о других зданиях Глубокого с похожей или иной судьбой, о частях города и значимых для его социальной и экономической жизни объектах. Причудливые

Здание по ул. Гагарина ЗБ

переплетения событий, неожиданные повороты судеб их участников на фоне жестокой и кровопролитной истории этих мест в XX в. постепенно обрастают слухами и домыслами, сливаются с традиционными фольклорными сюжетами настолько, что не всегда представляется возможным разграничить, где мы имеем дело с фактами, а где с фольклорным осмыслением окружающего мира. Впрочем, разумеется, рассказанное не следует воспринимать как мемуары и свидетельства очевидца (наш собеседник часто пересказывает слухи или чужие истории), но исключительно как фольклоризованную версию местной истории. В этом смысле записанное представляет самостоятельный интерес.

Текст беседы здесь публикуется с сокращениями. За рамками публикации осталась та часть разговора, которая не имеет отношения к истории зданий и районов Глубокого. В случае необходи-

мости упоминаемые названия, реалии, события комментируются в сносках.

Оно стояло бесхозное. И крышу-то – надо большие деньги тут положить, хорошую черепицу... Тут вот [показывает, где раньше был выход] <...> Окошко вот тут было, это и вон то маленькое окошко. Это, короче, мне рассказывали, что... человеку надо подъехать, у него фотография есть (историк местный, он книгу пишет про узников тут, про гетто), знакомый, Юра Петровский – отец его тут сидел, када... За универмагом двухэтажное старое здание кирпичное – там была SD [при немцах] – узники, во время войны. А в Шуневцах, в деревне, был такой идиот, ну, такой... при поляках, когда большевики пришли и советская власть стала в Западной Беларуси, где мы находимся шшас (до Ветрина Западна Беларусь была) – он ходил по танцам, такой сопливый, знаешь, все его

там... это самое, так, ну... типа дурачок, идиот¹. Пришли немцы – он дослужился до капитана. Ведь... ведь в Минске [?]. И он, который над ним насмеялись? – отец Юрки Пятрова: «Дурачок, дурачок!» – он тогда на двое суток сюда поса... на две недели посадил и тут... показал, хто... хто у власти. А это была полиция и полевая жандармерия тут в оба [?] узники сидели². [Он только прикидывался дурачком?] Он дурачком прикидывался, а при кем... немцах выслужился, это само. Это мне Юра Петровский рассказывал про своего отца. И а так... много таки... всякой информации ну просто стараешься собрать.

А так вон сосед – автомагазин – он в писят четвёртом году, он старше дед, сюда приходил, пирожки покупал – тут это, послевоенное пиво пили³. И, это самое, продавщица была, тут такие стеллажи, пирожки с повидлом по пять копеек покупал. А до этого ешшо было, до поляков, тут лаўка была у какого-то еврея. Он просто по Московской жил, в старой лаўке, где вот шчас мяскокомбинат⁴ сосны посадил – там снесли четыре дома и, это само, там была еврейская лаў... чорное такое деревянное здание – магазин. Тут вообще восемьдесят процентов еўрееў жили в Глубоком до войны. Это самое, и сто лавок было на тринадцатый год. Где вот суд, велосипеды продавали. Сто лавок тут было. Шарковшчына, Докшицы в округе – тут просто центр такой быў, стечение ўсех... С Двины даже плоскодонки лошадыми таскали по ржанице [?] – товар с Греции приходил сюда, вот так. Это самое... дак мы – подвалы то же... подвалы раньше делали, чтоб лёд лежал, ну, холодильникоў не было, и лёд лежал у нас целое лето: молоко, вот всё это ложить, мясо. Подвалы такие поделенные были, и то же... мы как ни копали картошку вот садить, это самое, – постоянно то вилочку какую найдёшь такую. А ниша уже была – это ж евреи прятали, когда немцы пришли, у каждого нишу прятали. Вот тут аптека где, на Бирже⁵, тоже одноклассник ниши...

Тут ещё ў Глубоком с Израиля приезжал (его родители давно вывезли), говорит: если Глубоком перекопать полностью, тут таких можно... стоко золота найти можно – на десять Глубоких⁶. И самый большой клад – 666 монет – наши вот тут во... рынок строили коло кинотеатра. ЮМЗ⁷ копанул – и жбанок нашли. И в Москву пошёл – ещё

когда Советский союз был. Самый большой... там... больших этих царских монет. <...> А сосед мой Махонь – сразу тогда – как нашёл (это знаешь, такое человеческая радость) – двое жигулей купил – «Ниву» и «Пятерку» – сынам. У него вот жидовская эта лавка была – мы жили – на три семьи, мяскокомбинат где был, скот старый принимали, а сосед камень держал, вот такой вон на [?] камень. А вы знаете: раньше выделяли по пять соток – по шесть – каждый уж кусочек земли, шоб... это само, наши... дети детей войны наши батьки – выращивать... сажать. И он как плугом едет, а он вон так вот, и ничего не посадить – он ра... разозлился, вяроўку взял и сбоку руками – вдвоём выкопали яму, шоб его туда похоронить. А я малой бегаю, шо, можот, четыре-пять лет – ну, еще в школу не ходил. Дождь моросил, и он, гляжу: копал-копал (у него кролики были, я ходил постоянно, это самое) – он хватъ... типа горшочка – побежал в дом. И вот после этого богатство началось: две машины, там то, сё, вот, короче. А вот тут стоял – где белый дом когда строили – вот эту девятиэтажку⁸ – там парк быў, и там старая Хитрушка⁹ – там была... еврейская баня, еврейская школа (вот, где мойка была – это еврейская баня была, они ж мылись там, ну... на так, как в это само), а тут музыкальная школа – старое красное здание стояло, двухэтажное. Вот когда тут сносили музыкальную школу, под площадь, универмаг и это самое, бульдозер прошёл – пять-десять копеек, царское золото. Мои одноклассники, которые жили тут вот, на этом самом, бежали... И потом милицию выставили. А участковый такой быў Изойтко – показательный, в районной газете было, так уже: с дочкой, с женой такой, уже он правильный при большевиках... И он нашёл жбаночек. Поставили на охрану его, и он где-то в этих руинах нашёў, домой, взяў отпуск и поехаў в Сочи – в Советском Союзе – и зубному технику предлагаў золото. Принёс пару копеек, десяток, а все ж зубные техники при Союзе же всё на КГБ стучали. «Ну, заўтра, – говорит, – приноси». Принёс – там уже под рученьки беленьки. Як дали по... заднице, ён сказаў, что третий раз уже нашёў жбанок. Где закапан, и тут уже обыск у нас. Откопали монеты, [пистолет] ТТ и вторую обойму. И потом у него жись поломалась, он и священником быў, и садеў, короче, ну... и шчас егонный след потеряўся. <...>

[Вы упомянули Биржу – это что такое?] Это Биржа – такое словосочетание – вот это центр был, ну тут когда-то было биржа труда при... при... вот у меня фотография, я смотрел в Интернете: когда немцы построили около костёла, в сорок первом году выстроили всех, пришла тут... это, Вермахт пришёй – фотографию я смотрёй (просто интересуюсь, так так, скоко время про...). Биржа во – называется центр Биржа. Ну, как бы это в Глубоком, это самое... ну тут центр самый – на Биржу, это вот это... у глубоких коренных Биржа – это значит центр. Это вот там Березвечье¹⁰, это... Наполеон же хотеёй храм, где тюрьма щас, перенести¹¹. Кстати вот, скоко миллиардов токо на восстановление коло... где Наполеон приходиёй – тут же ему... думали, когда Наполеон пришёй, тут кармелиты босоногие¹² были, и вот это здание (я фотографии смотрел): на втором этаже ночеваёй Наполеон, когда на Вильнюс шёй, на Россию. [На втором этаже чего?] Вот там костёл стоит – это было... не костёл, это кармелиты босоногие были, это испокон веку белорусская ж своя была эта... вероисповедания. Потом, когда под поляками были, когда в восемьсот восе... шестом году Муравьёй¹³ тут на штыки детей подымаёй, не знаю, что недоделает русский солдат – доделает русский поп – передали вот этот вот православия. И вот где церковь стоит... костёл... церковь – там двухэтажное здание такое, и там тоже такие кади... [За церковь?] За РУВД, милицией, это само, там Наполеон ноче... ночевал, это само, фураж там это, и... князья местные, это само, которые против россиян были, фураж, и эти ж кармелиты босоногие да... кормёжку всем этим... войску и... Тут же тут до хрена тыщ собрали, это самое... повстанцев, и с Наполеоном пошли на Россию. И эти самые, кармелиты эти имели город вот, по речке под этой – это было под этими, а это уже был город – мястец... мястэчко считалось¹⁴. И там тоже казематы, и там тоже археологи копали... там же можно... экскурсию водят, это самое, экскурсовод есть, по воскресеньям автобусы приезжают. И вот от того здания под зе... под землёй... когда ешшо XV–XVI век, под озером прокапано такой во арочный, в рост человека, когда знаешь, передёшь большое озеро вон то [оз. Кагальное] вот так, по пояс. И выход за церковь в часовню быёй. Вот, спасались, кода мо-

нахи... мужской монастырь же быёй, кода Наполеон пришёй – он же хотеёй это красивое здание... красивой этих церквей было.

И просто что за это здание – у нас же сидели особые... в Советском Союзе был особый режим: смертники двадцать пять лет... смертник... ну, смертная казнь или двадцать пять лет рецидивисты сидели [... – опять переходит на рассказ о тюрьме в бывшем базилианском монастыре в Березвечье]. [И сейчас так же?] Нет, щас уже там алиментщики – кого только нету. Это ж Советский Союз был, тут... тут таки, знаешь, вещи делали – с Советского Союза все по две-по три ходки – это ж третья ходка рецидив считается, ну, если по одной статье. И сидели такие специалисты, что Боже мой! Тут изготовляли такие... из бензопилы сделал вертолёт на плечи, подняёйся – и ветер не рассчитаёй. А присылали служить [охранниками] – туркмены, таджики – русский не понимали. Ту-тук [выстрелил] – и всё. И сбиёй. Там тройная полоса – просто лётчика знаёй с Витебска – да гърит: над вашей зоной в Советском Союзе летал – там такая... И двери сделали: хлопнуёй дверь охранник – десять рублей вылетали. Червонец российский... ну, этот, Советского Союза. Тут таких спецоёй! Машину взяли переваривать – тут же производство было – катки для... лили, литейное производство для... валом [?] на ж/д вокзал. Блоки лили фундаментные. Оплётки для стартерёв, генераторов. Когда [телевизоры] «Витязь», «Горизонт» появился – оплётку для телевизора делали. Тут производство... деревообработка была, тут же они работали Боже мой! Тюрма давала такой прибыль. Ну дак они переварили машину, нишу зробили, и он утёк в машине: сховаёйся, вот так сложиёйшись, вот так... ну... это долго рассказывать можно. [... – отвлекается на рассуждения о кладоискателях].

Я польские сайты – просто по-польски троху розмовляю – смотрел: таки Ластоёски был, вот там, где Ластовичи (у меня дача там), Лавриноёй [?], Ластовичи, и там замок должен стоять. Вот я две польские карты сравнивал, понимаешь, и на одним так, на вторым так, и толком... а уже ж это... это, наверно, XV–XVI век, где замок стоял – вот там искать где-нибудь. Ну а тут кто... потеряёй около тавэрны, вот тавэрна – на Зябки поворот, там пацаны постоянно копейки ищут, это самое, ну

кто вот... евреи любили золото, что оно ценится, а русские иваны не любили копейки, потому что вот у рваных штанах она... потеряешь, а бумажка задерживалась. Евреи разумные люди были – жбанок ёсть – в неё. А бумажка – это пшик. У бабушки керенских, яки мы гуляли [?], такие подстилки были – так мех [?] – грошей было. Это самое... Ну, поискать... тут уже кто токо не ищет золото, а так... где панский маёнтки¹⁵, наскоко я помню, ешшо помню, як Машероў¹⁶ был, и подошёл директор школы наш – партизанили, и панский маёнток – за три дня дорогу настелили гравийку, по боевой славе уехали там, и панский маёнток стояў цеў. Это я в Тюменскую область на Север уехал на семь лет – приехал, его уже большевики сравнивали. Вот на таких местах, где прятали... но зо... что золота тут много, то...

И на... на Бирже на этой вот, где аптека – там тоже подвал. Одноклассник жиў. Тоже он простукивал-простукивал камень – оба – и свежая кладка, вынул: такая ниша. Где-то рукой вот так во – но там уже ничего не было. Потому что... это ж была контрибуция. Когда немцы придумали вот на... еврейское старое кладбище вот тут во – они хоронили там своих, – а напротив рынок быў, это да [?]. И немцы сгоняли потом со всех сторон [?] евреев, типа мы будем отправлять, это, и контрибуцию, плати контрибуцию. Брали, например, жену и детей, а мужика отправляли: «Иди за... стоко заплотишь – забéрем... забéрешь своих». И той шёў золото откапываў, доставаў, прыносиў – его золото забирала, а его туда же. Вот типа... Дак я говорю, тут напрятано, тут такие разговоры, что и переплавляли его, и в «Зингерт», вот в швейные машинки устраивали, отлаиўки делали – что токо не делали, не п... як не прятали.

Ну, история тут о-го-го! [... – говорит о неуважении к истории и о недоступности местных архивных материалов.] У наш архив гореў – раза три его подпаливали. А тут лесные братья до 58-го года. У лесах, сельсоветы эти все, литовцы, Армия польская Крайова¹⁷, латыши – тут воевали... власти советской тоже не было. Зелёные братья тут, понимаешь, орудовали – пришли с сельсовета – если ты не под йих – убивали. Участковых два было на город, ехали... яны боялись туды ехать: чё я поеду? Бухали, им тут хорошо было. Деўки, сало и самогонка – и чё я туды поеду? А тут жихар, который

прошёл школу Абвера, отучиўся – два... кстати, школа Абвера была – кода едешь на Лаврыновку, справа были артсклады от вооружения армии группы «Центр». Итальянцы пленные строили под зямлёй и над зямлёй¹⁸. Из этого – Ушачи, вот это прорыв где¹⁹, дальше там, за Глубоком, когда прорывались бригада партизанска, – была негласна договорённость с этими, с немцами, которы в Глубоком: мы вас не трогаем – вы нас не... не рвёте, не взрываете. А со второй школой – школа Абвера была, вот, где школа Абвера была разрушена, они потом взрывали – там курган, Академия наук Беларуси копала вот лет пять назад курган, и просто – это ж местные царки, это вот которые у власти все колхозами эти – яны услышали: четыр... 1414 год, вот им надо было шестистолетие тут... так, на с... по курганам на сто лет это поселение, Глубокое, старше выходит – тыща трыста [нрзб.].

Это самое... вот историей-то просто интересуюсь, дак и тут... и кода вот это... тюрьма была, тут же сажали, когда большевики в 39-м году пришли, сем человек беларуская молодёжь – танкетка заходила со стороны Полоцка – поляки отошли, а яны кидали гранату и стреляли от церковного забора, расстреливали. Там ранены, медсестра – семь человек – фотографию я их смотрел – яны против большевиков были. Ну и дед мой говорыў: «Яки... цо то, курва, за войско, як у онучах пришли!» Польская же, знаешь, хромовая обута такая, упражь, всё, артиллерия там, конница. А это ж батраки пришли, и это ж батраков ставили начальниками тут. У тюрьму прислали с Архангельска, с Вологды начальников это всех, конвоироў ўсех. И яны Западная Беларусь, яны шшытали поляк... ну, типа и беларусы уже поляки, типа, капиталисты, буржуазия, тоже добро зажиточно жили – и малейшее что-нибудь, донос – и сразу всё, в тюрьму. За контрабанду – он идеть у Польшу нясеть, например, царские копейки – золото тут дают ему, он продаў дороже, оттуль нясеть чулки, одеколон, духи – ну всё такое, знаешь – тут продает. Его споймали и увели [нрзб.] в Глубоко или в Даугавпилсскую тюрьму сразу [нрзб.]. Посидел троху – выходи. [Нрзб.], ну, со старыми людьми разговариваў, где... Зябки – не Зябки – дярёўня ездий когда-то, вось до Тюменской области [до того как уехал на работу в Тюмень], заготовителем ездий на машине тогда. Я им привозиў душистый

горошек, там это сдавали яны там картон, старые телогрейки, ну, это самое. Дед сидеў, ему уже девяносто сем лет, говорится – когда наступали ешшо, наверно, до... Наполеона – тут же через Беларусь шессот лет шастали все, во... это самое, то туды, то сюды, то шведы, то немцы, то поляки, короче, и тут... выбили всю... всё... генофонд у всих этих самых. Остались сельяне. И еврея в православие калёным железом яго не перевядешь. Вот это шо нация молодцы. А тут... перевяли у православие. Тады пришли поляки, княжество Литовское, это, там то-сё... у католичество, понимаешь. Эти князьям давали деньги²⁰, которы князья, это самое, а сельяне простые – яны переходили. Ну уже иде молиўся дома по-старому, но на ўси на это самое показываў, что так, это самое. Ходили-шастали (мысль потеряў)... короче, выбили тут генофонд увесь, которы разумных, и теперь там прис... белорусы такие приспособленцы. Всю жись ходили через Беларусь, яны так приспособились вот так жить, что... [нрзб. – рассказывает о том, как в 1941 г. Красная армия отступала, и был приказ заключенных Березвечской тюрьмы] что уничтожить, а что гнать на [нрзб.]. И туду уже дальше, на Россию. И эти все семьи сели на подводы, и вот колодцы позабывали. Людям проволокой руки сзади... расстреливали, и в колодцы кидали, и в казематах там в тёмных [?]. Потом гнали. Потом, когда налятела, это самое, авиация, их под... <...> И короче яны их расстреляли... где прорыв в Ушачах – там расстреляли ўсех. Узникоў. А тут такие узники – читаешь, тут такие из дерявень попропадали уж названия нет. Ну ведь ветврач, учитель – все вот такие, интеллигенция которые. И при Сталине ж это сядеў – там Берия сядеў, а тут сядеў у нас – ня помню названия – тоже грузин у КГБ (и тяперешнем КГБ²¹), окошечко горело до двенадцати ночи. Тридцать седьмой – тридцать восьмой, до... до войны двести тридцать тысяч ў Куропатах²² уничтожили интеллигенции. Яны выбивали интеллигенцию, чтоб своих ставили с России на это самое, чтоб надо было ассимилировать это белорусов в российскую империю.

[Вы упомянули старую Хитрушку – это что?] А! Она была, где вот щас... [Это рынок?] Да, да-да, рынок. Где «Орбита» [магазин] стоит, ну набере... хотели делать набережную – денег не хватило, вот

на этом месте там была... габрэйские бани, яўрэйская лазня²³, потом... ну то стар... старинное здание типа такое вот, ну... это самое, и такое... торговля была. Это улица... это ж не была не это самое, это была... не помню, это была Розы Люксембург – Московская, потом Московская, а это была... эта была Замковая, по-моему. Я на память все улицы старинные не помню. И тут приезжали, тут большая торговля. Вот это всё площадь была, где универмаг, тут такая, тут площадь была. И тут пароконки такие это, восьмьсот какого-то года, я смотрёў, тут продавали фураж, сено, ўсё, бочки. Это фотографии на польском сайте смотрёў. И тут рынок быў большой, по выходным – субботу, воскресенье. А маленький сбоку, он каждый... каждый это самое. Вот вишни продать, там грибы там... [Там, где сейчас рынок?] Во, Хитрушка-то перенясли яе, вона была вот там, потом, в девяностые годы – Перестройка – вот тут вот была, де щас стоит... с подвалом торговый центр – была водонапорная башня – вот тут Хитрушка была. А изначально, я як помню, ешшо с семисят яко-го – второго года – вот там она была. На старом месте, когда ешшо школа стояла, Белого дома, универмага не было – это всё старинные здания всё стояли. Так яны ж, идиоты, к дню... к Дню письменности яны такое здание – старее этого, – около озера старинное здание... Бизнесмены говорили: продайте. Ни хрена. А потом оно взяли яго, за два дня сровняли с зямлём. Там такие валуны, это, мельница стояла около озера. <...>

[Рассматриваем подвал, пол в одном месте немного просел. Спрашиваем, не было ли там еще одного уровня.] А это не, это заливали... заливали... наверно, при большевиках это уже, это ешшо не старая залиўка. А быў у нас подвал, короче, я когда в ошшем в класс десятый – здесь вот ГАИ глубокское – там быў... поликлиника, там быў райком партии когда-то в старом здании – тоже такие волны [сводчатый потолок волнами, как в том здании, в котором ведется разговор] – райком партии, где щас поликлиника зубная. И, это само, и там был подвал. И там хранились польсь... а тут, понимаешь, по Глубокому проведена была – тут же... яма, это самое... вот так... вот такие вот с камня, из кирпича – канализацию. Линёўки, стёк воды – и в озеро всё уходило. Чуть выше – и с... в земле было сделано. Любое вот это здание, вот

прикиньте – такой подвал – от него была сделана линёвка незаметно, и там хранили медпрепараты, кода больница была. Там сухо было идеально. Где-то около... за костёлом копануё ЮМЗ. И... попортиё польскую эту саму линёвку. И теперь там вода стоит. Где ГАИ, и там в подвале постоянно вода стоит, и таки запах таки, ну, знаешь, гниють потолки тоже. Тут же недавно кода, при Наполеоне, в костёле, этот, прятали колокол. Колокола же были. ЮМЗ копаё около костёла, через дорогу, где суд, – колупнуё, и пришли – вот такой вот колокол откопаё. Отлитый там ешшо хрен знает ў каком году. Там ешшо штемпель ешшо. [Когда это было?] Два года назад, наверно. Не, тут, я говорю, с миноискателем и с архивом, если б в архиве посидеё год. Сразу с миноискателем будешь знать, где... где идти и что откапывать. А шас я смотреё... мы смотрели в интернете, я говорю, царская десятка (у меня есть там и пятёрка) до девяносто... тыща восемьсот девяносто восьмой год – Александр быё, а потом, девяносто девятый, – Николай стаё. И вот с Николаем оно дешевле. А до девяносто девятого года дороже. До тыща восемьсот доллароё доходит на аукционе в идеальном состоянии десятка. Это прикиньте, какие деньги. <...>

[Вы с какого года?] С шестьдесят шестого <...> [В конце семидесятых где подростки собирались?] У нас в Глубоком по... например, я жил на Московской, у нас молодёжь собиралась – гитара – на... на конечной... как на кольцо ехать, к самолёту [выезд из города, кольцевой перекресток с мемориалом-самолётом в середине] – тогда ж не было самолёта и кольца не было, перекрёсток такой был... быё – Вильнюс – Полоцк трасса и Даугавпилс... Рига – Даугавпилс – Минск. Вот пересечение. Мы там собирались, а потом ходили в хоккей, в футбол, а потом уже, когда подросли, уже в РДК²⁴, заводиться, у РДК бьёшься. Это ж такие кулачные бои это ж... Кинотеатр. У нас было во – три сеанса вечером кинотеатр, ресторан и РДК. Всё. Тоды ж ни видикоё, ни теликоё – ничего не было. [РДК – на Коммунистической?] Районный дом культуры [нрзб.], ну там шас танцзал прилепили, он тода быё летний такой, крышу вот, ну... прутьями обнесено.

[А площадь перед костелом, где фонтан, – что там было?] А там вот эта площадь, вот... ведь ко[г]-

да при немцах – это центральная площадь была... там, и тут вторая. Там кармелиты босоногие, там по речку, там было этих... монашества это ўсе земли, и там же они в... скоко леса, рыбу производили, продавали – да я читал бюджет этого самого – там Боже мой, чё-то: мёд, клюква там, ягод – ну там охреть, чем это вот монахи занимались. И у их... работали, им деньги платили, они там жили припеваючи, они своим трудом. Там тоже площадь была и костёл – ну это ихное всё было. Там до хрена чего поносили. Консервный завод строили – поносили. Дак даже большевики... военнопленные на стадионе были похоронены, и яны бульдозером сравнивали – сделали стадион. В пятьдесят втором году. [Это где Коптевка²⁵?] Да, где от Коптевки, но сюды, ближе ж были похоронены. Вот где-то в пятьдесят втором году. Вот, где там КИМ [?] построили, таки ну, швейное... ка... частник. Приехал немец, и украинская переводчица там в гостинице [нрзб.] жила. План немецкий – до сантиметра! Фамилия, имя, отчество, откуда что, часть. Вот он отмеряеть – забиё это само, вот где край дороги, и вот роўно – раз-раз и ўсё, вот, начертит, это, взвод солдат – эксгумация, в Беларуси ёсть. И он выкапывает – роўно гроб, даже я смотрел [?] – всё в идеале. У нас... [смеется]. Я немцев за что уважаю – что у них всё как должно быть. А не так, что... может, как-нибудь. И вот они перезахоронили на новом кладбище, ну, тэ уже новое кладбище, там, это само, на Хорошках, там первого зэка с тюрьмы по... должны похоронить первого – у которого никого родственников нет, одинокого. [Это когда кладбище открывают?] Да.

Рассказ нашего собеседника был интересен и важен нам не только как еще одно подтверждение записанных от других информантов сведений, не только как уточнение многих данных, в точности которых у нас были сомнения, не только как интервью с человеком, хорошо знающим и любящим свой город. Этот рассказ, услышанный в подвале старого здания, стал взглядом на город и его жизнь из одной точки; он, как взгляд, брошенный на город со смотровой площадки, во многом подытожил наши знания о многонациональном Глубоком, высветив колоритные детали жизни полиэтничной и мультикультурной среды.

Литература

- Андреевы 2008 – Андреев А., Андреев М. Удивительная Беларусь. К 600-летию юбилею Беловежской пуши. 2008. Режим доступа: http://bookz.ru/authors/aleksandr-andreev/udivitel_188/page-6-udivitel_188.html
- Гедэман 2012 – Гедэман О. Глыбокае. Гістарычны нарыс. Паставы; Глыбокае, 2012.
- Мороз 2014 – Мороз А.Б. Еврейский текст города Велижа // Круг жизни в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2014. С. 285–295.
- Мороз 2015 – Мороз А.Б. Еврейский Лепель глазами сельских жителей // Лепель: память о еврейском местечке. М., 2015. С. 35–52.
- Соколова 1970 – Соколова В.К. Русские исторические предания. М., 1970.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ-БРФФИ «Адаптивные механизмы культуры русско-белорусского пограничья: судьба народной традиции в меняющемся мире», проект № 15-24-01004.

Примечания

- 1 В Глубоком широко известна история немецкого шпиона, которого все принимали, по рассказам, или за артиста, или за дурачка, поддерживали, кормили его, а после прихода фашистских войск выяснилось, что он офицер. Некоторые информанты называют его фамилию – Ветвицкий: «Тут у нас быў по фамилии Веквицкий, бедный артист, жалели яго ўсе, кормили и всё, а это быў немецкий шпион. А после он быў тут большим комиссаром, армию свою быў... органи... собраўши. Ездиў на партизан. Ну ён як ездиў на партизан – ён ездиў... от у дярэўню под видом партизан, а потом немцам сообщашаў, что вон там партизаны были – дярэўни палили» (ж., 1930 г.р., зап. О. Белова, А. Мороз). О том же см.: <http://shtetle.co.il/Shtetls/glubokoe/edidovich.html>
- 2 Речь о том, что и в подвале здания SD «за универмагом», и в подвале дома, в котором идет интервью, при немцах содержались арестованные.
- 3 После войны в доме была пивная.
- 4 Одно из крупнейших предприятий в городе – мяскокомбинат.
- 5 Неофициальный топоним, сохранившийся еще с начала XX в. Биржей по старой памяти называют небольшую часть ул. Ленина, между улицами Энгельса и Красноармейской, где, по рассказам, было средоточие еврейской торговли.
- 6 Сюжет о кладах, якобы находящихся в земле или старых постройках, вообще крайне распространен как в деревенской, так и в городской традиционной культуре. Зачастую в фольклорных преданиях о кладах происходит их историзация – происхождение кладов возводится к какому-либо громкому и значимому для данной местности историческому событию (прежде всего к войне) [Соколова 1970, 198, 209]. В случае этнического и конфессионального соседства, в особенности с евреями, большое развитие получает тема еврейских кладов, неизменно сопутствующая представлениям о евреях как о народе, представители которого не любят (физически) работать, зато умело торгуют и потому богаты [Мороз 2014, 294–95; Мороз 2015, 49]. В дискурсе жителей Глубокого тема кладов занимает заметное место, что, видимо, поддерживается реальными находками при реконструкции центра города.
- 7 ЮМЗ (Южный машиностроительный завод) – марка трактора.
- 8 Имеет в виду новое здание райисполкома по соседству.
- 9 Неофициальный топоним, название рынка на ул. Гагарина, доставшееся ему в наследство от прежнего рынка, более масштабного, находившегося неподалеку, но впоследствии застроенного. Топоним как правило объясняется тем, что на рынке постоянно кого-то обманывали.
- 10 Березвечье – в прошлом деревня, возле которой в 1637 г. был построен базилианский монастырь, существовавший до 1939 г. После захвата этой территории советскими войсками (в 1918–1939 гг. Глубокое входило в состав Польши) монастырь был упразднен, и в нем была устроена следственная тюрьма НКВД. В момент нацистской оккупации там же находился лагерь для военнопленных, позже – в советское время и до сих пор – тюрьма. Сейчас Березвечье – окраинный район Глубокого.
- 11 Наполеоновские войска проходили в июле 1812 г. через Глубокое, сам император остановился в городе на несколько дней в ожидании тяжелой артиллерии и провел эти дни в монастыре кармелитов [Гедэман 2012, 55–56]. Краеведческая литература и

тематические сайты широко транслируют историю, согласно которой Наполеон настолько был потясен красотой костела кармелитского монастыря, что сказал: «Если бы я мог взять костел с собой в Париж, то ему было бы не стыдно находиться по соседству с Нотр-Дам» [Андреевы 2008] (аналогичное предание существует в связи с вильнюсским костелом св. Анны). В настоящее время костел функционирует как православный храм Рождества Богородицы. Наш информант путает церкви и относит этот сюжет к костелу Березвечского монастыря.

¹² Определение *босые* или *босоногие* применяется к монахам нескольких орденов, в том числе и кармелитов, потому что они из аскезы не носят обуви (или носят лишь сандалии) с 1 мая до Воздвижения Честного Креста Господня.

¹³ М.Н. Муравьев *Вешатель*, гродненский, минский и виленский генерал-губернатор (1863–1865), руководитель подавления Польского восстания 1863–1864 гг.

¹⁴ Ранее Глубокое было поделено на два местечка речкой. Одна часть принадлежала Юзефу Корсаку, который передал ее потом ордену кармелитов, другая – роду Зеновичей.

¹⁵ Имения.

¹⁶ П.М. Машеров – Первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии (1965–1980).

¹⁷ Польские вооруженные формирования, подчиненные правительству Речи Посполитой в изгнании,

которые во время Второй мировой войны были основой польского сопротивления фашистским войскам, а после ее окончания некоторое время вели борьбу с советскими войсками и польскими коммунистическими властями.

¹⁸ Во время войны в концентрационном лагере в Березвечье помимо советских и польских пленных содержались и итальянские военнопленные. После заключения в 1943 г. перемирия между Италией и антигитлеровской коалицией немецкие войска стали брать бывших союзников в плен и отправлять в лагерь смерти. В Березвечье содержались и погибли несколько сот итальянских солдат. Они работали на строительстве оборонительных сооружений.

¹⁹ Имеется в виду прорыв шестнадцатью партизанскими отрядами блокады, осуществлявшейся фашистскими войсками. Ушачи – районный центр Ушачского р-на Витебской обл.

²⁰ Имеет в виду, что евреи давали деньги князьям, чтобы их не обращали в христианство.

²¹ То есть в том же здании, где и раньше был, и теперь есть КГБ.

²² Урочище под Минском, место расстрелов и захоронений репрессированных органами НКВД в 1937–1940 гг.

²³ Баня.

²⁴ Районный дом культуры.

²⁵ Коптевка – название ныне действующего кладбища.

Анастасия Головина

Еврейский календарь глазами иноэтнических соседей

Предметом нашей статьи являются еврейские праздники, точнее, представления о них, которые сложились у жителей г. Глубокое, проживавших в соседстве с евреями или помнивших о том, каким было Глубокое, когда в городе присутствовало значительное еврейское население. Тема праздников выбрана по следующим причинам: такие события довольно наглядны, красочны и потому хорошо сохраняются в памяти нееврейского населения. Помимо этого, во время празднеств происходит более тесная интеграция с соседями (угощение мацой на Песах, зажигание свечей в шаббат). Но, поскольку на бытовом уровне о чужой религии и обрядах мало что известно и представления о них основаны на стереотипах и предрассудках, взгляд соседей на еврейские праздники – сюжет, достойный внимания и описания на новом материале¹.

Во время бесед с информантами-неевреями мы обратили внимание, что собеседники периодически путаются в названиях праздников, а также по-разному указывают время года, в которое этот праздник справляется.

Так, одна из информанток на вопрос об осенних праздниках рассказывает:

Осенью, не помню какого числа. <...> [А вот кучки делали они?] Ну вот это они ходили, знаешь что, на воду, глядели у воду. Это, як они звали, чертохоп. [А зачем они глядели в воду?] Ну вот, что они там увидят. А что они там могли увидеть? Ну, мы же в церкви псалтырь читаем по-еврейски. Псалтырь Давыда. [А евреи смотрели в воду и читали?] Чи молились, чи кто его знает².

Возможно, что под выражением «глядели в воду» имеется в виду обряд «Ташлих», в рамках которого принято стоять на берегу водоема, молиться и выбрасывать крошки из карманов в воду. Информантка упоминает и «чертохопа», или «хапуна», – черта, который, по поверьям, бытующим у белорусов, украинцев и поляков, ежегодно в Судный день похищает одного еврея³. Таким образом, в словах информантки сливаются воедино целых три еврейских праздника: Рош-ха-Шона, Йом Кипур (Судный день), Суккот. Однако все эти праздники приходятся на осень и зачастую перетекают один в другой, что и может объяснять подобную путаницу.

В принципе, такое «объединение» не является уникальным для Глубокое: оно характерно и для

других населенных пунктов Витебской области, а также для других регионов⁴, однако, по-видимому, в Глубоком существовала своя традиция, отождествляющая осенние и весенние праздники.

Иноэтническим соседям особенно памятливы два праздника: Суккот и Песах (оба длятся по неделе, оба требуют длительной подготовки, имеют сложную и выразительную обрядность, предполагают взаимодействие с соседями и поэтому памятливы им). Праздник Суккот требует построения шалашей, а на праздник Песах происходит масштабная уборка, приготовление мацы, символическая продажа и сжигание хамеца⁵ и т.д.

В воспоминаниях жителей г. Глубокое, с одной стороны, упоминается строительство евреями шалашей, происходившее весной и именуемое рассказчиками *Посох* или *еврейская Пасха*. С другой стороны, есть свидетельства о том, что сам праздник *Будки*, или *Кучки*, имел место именно весной. Таким образом, налицо контаминация двух праздников: в интервью с местными жителями прослеживается устойчивая традиция, соединяющая признаки двух праздников при рассказе об одном из них.

Праздник Суккот, который в славянском (белорусском, украинском) дискурсе имеет устойчивое название «Кучки» или «Будки» – в связи с постройкой специальных шалашей (кущей), по мнению большинства нееврейских информантов, отмечался весной. Таким образом, празднику Суккот приписывается один из признаков праздника Песах (однако полное отождествление этих праздников происходит далеко не всегда).

<...> Будки – это они весной, тоже их много съезжается. И вот на эти Будки, наверное, они поминуют покойников. Вот как у нас Радоница. После Пасхи, второй вторник – Радоница – едут на кладбище, так и у них – едут на кладбище⁶.

Соседи-христиане соотносят еврейский праздник со своим: Песах с Пасхой, Шавуот (праздник, накануне которого у евреев принято ходить на кладбище) – с Радоницей и т.п. Во-вторых, существует абберрация в употреблении названий: для событий, связанных с весенними праздниками, используется название осеннего праздника – «Будки». Но чаще происходит обратное – праздник

Зоя Иосифовна Татыржа

называют «еврейской Пасхой», однако традиции, приписываемые этому празднику, характерны для праздника Суккот:

Обычно у них раньше на неделю Пасха. А потом православная. Они строили будки еврейские, перед Пасхой, около дома, обставляли еловыми лапками, ёлочками. А в будке обычно была перевёрнута бочка, вверх дном. И они там по-своему молились⁷.

Примечательно, что собиратели зачастую специально уточняли у информантов время года, когда строились «кучки»/«будки», и те упрямо отвечали, что это именно весна, именно на Пасху:

[А у евреев какие праздники были?] Посох, Пасха. Накануне нашего, какой и теперь, и давней, перед нашей Пасхой, як Иисуса Христа мучили, так яны справляли. [А вот ваш отец рассказывал, как они строили осенью шалашаши.] Нет, это на Пасху. Летом, весной. Они выносили, у них это назывался праздник Будки. Эти будки они строили во время своей Пасхи. Они ничего не делают, всё уже заготовят, еду, питьё, и выносили будку из дома, и там уже стояли у них яства. Там уже молились. Они там гуляли, праздновали, справляли праздник⁸.

И Пасха была, только время другое. Обычно бывает на неделю раньше, чем у белорусов. Говорили: «Ой, холодно на улице», – это, значит, у евре-

Евгения Петровна Бобровская

ев праздник, евреи в будки засели. [Почему в будках?] Ну, может, молятся⁹.

Вот когда у нас Пасха, за неделю уже говорили – евреи засели в будки. Я думаю, в будки они не садились, они дома. И вот молились в них неделю. И вот всегда, погоды нет. Говорили: «А, еврейские будки, теперь холодно, ветер». Целую неделю¹⁰.

Когда у нас Пасха, а у них тоже праздник. Там разница в неделю. И вот если погода хорошая на еврейскую Пасху, назовём её Пасхой, то, значит, на нашу плохая будет. Или наоборот. Они тогда на этот праздник не имеют права ничего делать. Ну, вот это будки и называется. Они из лапок ели делают на улице будки и в этих будках сидят. [А что они там делают, едят?] Да, едят. Наверное, целый день нельзя, только после захода солнца. [Почему из ели?] Потому что в это время года ничего больше нет, это доступный материал¹¹.

Мария Константиновна Зязюля

В приведенных выше фрагментах интервью присутствует еще мотив смены погоды на еврейский праздник. Этот мотив необыкновенно популярен и встречается в материалах, записанных практически во всех бывших еврейских местечках. Очень часто утверждают, что на христианскую Пасху всегда бывает солнце, а на еврейскую – идет дождь, однако зачастую дождем, по представлению иноэтнических соседей, сопровождаются любые еврейские праздники (что проистекает из представления, что чужой праздник – это праздник наоборот, а также из-за восприятия иноверцев как носителей магических знаний, благодаря которым они способны влиять на погоду).

Если на еврейскую Пасху будет холодно, значит, наша будет тёплая. А если еврейская тёплая, то, значит, у нас будет дождь и всё такое... На Пасху пекли мацу – как вафли, дырочки, но без соли, без ничего. Всех мацой угощали, старались всех угостить. <...> Будки тоже на Пасху. Говорили: «Сели жиды в буд-

ки – значит, буде то ли тёплая, то ли плохая погода». Будки ставили около дома¹².

Примечательно, что в соседней Гродненской области, в пос. Желудок, который также в прошлом представлял собой еврейское местечко, приурочивания «Кучек» к весне не наблюдалось:

Некали, як праздники, некали у их была гэта, ну вот-вот, когда Кучки, такие называли Кучки. Кучки, знаете, бывают под осень, и такие во время тога, як грачыха уже паспее яшчэ и тады были жыдоуский Кучки называли, яурэйские Кучки. Яны, кажа, сядзели, а у нас там возле, Лебяда рэчка цячэ, <...> и яны там, у гэтым лесе прыязджали на лета отдыхать, всегда там яны рабили ужо як цяпер гэтыя гамаки и вешали усё¹³.

[Может, слышали, Кучки были?] А-а! Жидовские Кучки! Это когда холодно, они тогда кучковались, вот, и старались в тот дзень, вот в это время эти Кучки, заготовить себя на зиму овощи, картошку. Вот это они старались заготовить. А ещё, главно, говорят: «Пара картошку копать». – «Яшчэ жыды не збирался!» <...> Яшчэ жыды не збирался, яшчэ Кучки не настали. <...> И это до сегодняшнего дня. «Вот холодно-холодно...» – «Нет, яшчэ ж рана, яшчэ жыдоуских Кучкаў не было, яшчэ ж будуць жыдоуския Кучки» <...> Это у октябре месяце, где-то у ноябре. <...> Старались всё заготовить себе, знаете, и зимнюю одежду уже старались, знаете¹⁴.

Мы попробовали предположить, с чем могло бы быть связано такое привязывание еврейских праздников к другим временам года. Вероятно, перед нами – локальная традиция, которая отождествляет два праздника. По материалам А. Васяновича, аналогичное явление наблюдается и в ряде других регионов (Северная Бессарабия, юг и юго-восток Украины). На примере Глубокого мы убедились, что временная приуроченность еврейских праздников в локальных календарных традициях сильно разнится и требует дальнейшего изучения.

Примечания

- ¹ Теме еврейских праздников глазами этнических соседей посвящен ряд публикаций, см.: *Белова О.В.* Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2004. С. 159–211; *Белова О.В.* Портрет этнического соседа: евреи глазами славян (по фольклорно-этнографическим материалам с Гродненщины) // Желудок: память о еврейском местечке. М., 2013. С. 63–81; *Белова О.В.* Legenda o Chapunie: formy istnienia na pograniczu polsko-ukraińsko-białoruskim // Podlasie Nadbużańskie – 500-lecie powstanie województwa podlaskiego / Nauk. red. Oleg Latyszzonek. Muzeum Rolnictwa im. ks. K. Kluka w Ciechanowcu. Ciechanowiec, 2013. S. 293–304; *Амосова С.А.* Материалы экспедиции в Буртшын Ивано-Франковской области // Живая старина. 2011. № 3. С. 54–55; *Амосова С., Каспина М.* Евреи и славяне: детские воспоминания о зимних праздниках // Лехаим. 2010. № 12 (<http://www.lechaim.ru/ARHIV/224/amosova.htm>); *Амосова С., Каспина М.* Евреи и славяне: детские воспоминания о еврейских осенних праздниках // Лехаим. 2010. № 9 (<http://www.lechaim.ru/ARHIV/221/kaspina.htm>); *Амосова С., Каспина М.* Детские воспоминания о праздниках: евреи и славяне о Песахе // Лехаим. 2010. № 3. С. 33–39; *Амосова С., Каспина М.* Детские воспоминания о праздниках: евреи и славяне о Пуриме // Лехаим. 2010. № 2. С. 36; *Амосова С.* «Гаман и Евдоха погоду крутят»: к интерпретации одного календарного сюжета // История – миф – фольклор в еврейской и славянской культурной традиции / Отв. ред. О.В. Белова. М., 2009. С. 359–369; *Андрушкевич В., Гехт М.* Рассказы о еврейских праздниках // Евреи в культурной памяти жителей Латгалии. М., 2013; С. 177–190; *Голант Н.* Обычаи, обряды и образ жизни евреев в зеркале румынских мифологических представлений // «Старое» и «новое» в славянской и еврейской культурной традиции / Отв. ред. О.В. Белова. М., 2012. С. 314–323; *Васянович А.* Мифологизация «еврейских кучек» в современных метеорологических представлениях украинцев // Круг жизни в славянской и еврейской культурной традиции / Отв. ред. О.В. Белова. М., 2014. С. 310–326.
- ² Козел Леонилла Алексеевна, 1929 г.р.; соб. О. Чёха.
- ³ См.: *Амосова С., Каспина М.* Евреи и славяне: детские воспоминания о еврейских осенних праздниках; *Белова О.В.* Портрет этнического соседа: евреи глазами славян (по фольклорно-этнографическим материалам

- с Гродненщины); *Белова О.В.* Legenda o Charunie: formy istnienia na pograniczu polsko-ukraińsko-białoruskim.
- ⁴ «„Еврейскими Кучками“ в некоторых районах Украины принято называть период за 2–3 дня до Вербного воскресенья, совпадающий с еврейской Пасхой» (*Васянович А.* Мифологизация «еврейских кучек» в современных метеорологических представлениях украинцев. С. 312).
- ⁵ Хамец (ивр. חמץ), любое мучное блюдо, в том числе хлеб, при приготовлении которого в тесте произошел процесс брожения.
- ⁶ Радиш Валентина Устиновна, 1946 г.р., д. Обруб Глубокского р-на; в Глубоком живет с 1969 г.; соб. В. Кухтина, Н. Савина.
- ⁷ Коллонтай Анна Константиновна, 1927 г.р., хут. Плисса Глубокского р-на; соб. А. Кирзюк, А. Скопина, О. Чёха.
- ⁸ Татыржа Зоя Иосифовна, 1936 г.р., д. Анкуды Поставского р-на Витебской обл.; в Глубоком живет с 1955 г.; соб. О. Чёха.
- ⁹ Бобровская Евгения Петровна, 1937 г.р., д. Старые Шаробаи, в Глубоком живет с 1957 г.; соб. Н. Антонова, А. Кирзюк.
- ¹⁰ Михалевич Галина Федоровна, 1949 г.р., д. Папшичи, в Глубоком живет с 1968 г.; соб. А. Скопина, Е. Чернякова.
- ¹¹ Поздняков Геннадий Фёдорович, 1943 г.р., д. Ластовичи Глубокского р-на; в Глубоком живет с 1959 г.; соб. Н. Антонова.
- ¹² Зязюля Мария Константиновна, 1929 г.р., Браславский р-н; в Глубокое переехала после войны; соб. Р. Зенюк, А. Головина.
- ¹³ Груца Галина Павловна, 1936 г.р., д. Бояры Лебедские Лидского р-на Гродненской обл., проживает в пос. Желудок Щучинского р-на Гродненской обл. с 1972 г.; соб. Н. Пасюта, М. Коженевская.
- ¹⁴ Кулевич Мария Иосифовна, 1937 г.р., пос. Желудок Щучинского р-на Гродненской обл.; соб. Н. Пасюта, М. Коженевская.

Анна Скопина

На стыке двух религий

В городе Глубокое проживают две совершенно разные семьи, чьи пути пересеклись в культурном пространстве разных конфессиональных традиций. Удивительно, что семьи с разными вероисповеданием и жизненным опытом являются друзьями, свободно обсуждают вопросы религии, истории города.

Маргарита Яковлевна Шнейвайс (родилась в г. Борода, 1957 г.р., еврейка) осветила все стороны своей жизни, рассказала о своей семье, поделилась своими мыслями и взглядами. Она вышла замуж за Владимира Лазаревича Шнейвайса (родился в 1948 г. в Шарковщине), сына уважаемого человека. Его отец, Лазарь Пейсович Шнейвайс, был банкиром в Глубоком. Маргарита Яковлевна вспоминает, что свекор был «коммунист – и все, никаких еврейских традиций». Воспитывался дядей, который также не соблюдал кашрут. «Такая семья, не было религии. Они как-то не придерживались, как моя бабушка, допустим... у нас все было: и язык, и кухня», – говорит Маргарита Яковлевна.

Муж нашей героини также человек советской закалки, вопросы о еврейских праздниках вызвали дискуссию:

– Что такое Йом Киппур, вы знаете? – спрашиваю.

– Йом Киппур – это когда? Тихо! [пытается вспомнить]. Суккот-то я знаю, там деревья сажают, все это, – говорит Маргарита Яковлевна. – А Йом Киппур, вы это самое, я займусь этими книжками. Все у меня это есть, просто все путается, столько праздников.

– А что такое *Будки*? – снова задаю вопрос.

– Это же перед Пасхой, – отвечает Маргарита Яковлевна.

– Я не понимаю, что такое Будки, – вступает в разговор Владимир Лазаревич. – А-а-а, Будки! Это во время Пасхи.

– Это еще соседка кричит: «Погода плохая – Будки уже», – вспоминает Маргарита Яковлевна. – А это что такое, Пасха?

– Да, это Пасха, – отвечает Владимир Лазаревич.

– Соседка кричит: «Евреи заседают – погода испортилась». Ну, заседают, значит, Пасху отмечают, – повторяет Маргарита Яковлевна.

На вопрос, хотел ли он стать ближе к иудейской вере, Владимир Лазаревич ответил так: «Раньше

их тут много было, а теперь куда, нет никого, неинтересно». Родители Маргариты Яковлевны также были людьми советскими, отошедшими от религиозных традиций. Сама же она пару лет назад, когда не могла уже справляться со всеми превратностями судьбы, приняла крещение: «Синагоги здесь нет, я бы, может, и в синагогу ходила, <...> муж заболел, ну и перекреститься хотел, и потом стало легче, поменялось кое-что». Маргарита Яковлевна призналась, что в семье были беды и болезни, хотелось получить духовную поддержку, а православие рядом. Но, несмотря на то что наша собеседница исповедует православие, считает она себя еврейкой. И говорит, что «все произошло от евреев».

Маргарита Яковлевна читает книги как о православии, так и об иудаизме. Все вопросы, связанные с иудаизмом, обсуждает с другом семьи – Олегом Борисовичем Парфёновым (1969 г.р.). Она просит нас, интервьюеров, задавать все вопросы непосредственно ему. Так что следующим собеседником стал именно Олег Борисович.

Несмотря на то что герои нашего очерка в силу жизненных обстоятельств развели свою этничность с предназначенной им традицией религиозной принадлежности, они стараются все обсуждать с духовно близкими людьми. И это отнюдь не всегда прицерковный круг, скорее это круг интеллигентов-единомышленников.

Когда заходишь в дом к Олегу Борисовичу, взгляд падает на мезузу, которая прикреплена к двери. Олег Борисович Парфёнов родился в Глубоком. С большим энтузиазмом рассказывает о своей семье.

«Мой прадед ездил в Америку, заработал денег и купил землю. Дед закончил Виленский университет при царе, был судьей, учителем в Докшицах. Пришли в 1939-м году „советы“, „освободили“ от земли, – говорит Олег Борисович, немного улыбаясь и подмечая, что это в кавычках, – у нас было пять лошадей, семь коров, около 20 га земли, лучшая библиотека в округе, как говорил мой отец. Во время войны партизаны в помойном ведре немца искали, на бабушку кричали: „Где золото дели?“ Дом спалили. Бабушка должна была скитаться с детьми. Дед пошел в Докшицы за хлебом, не воевал, и пропал, ну наверняка по подозрениям каким-то как еврей. Такое что-нибудь. Сам я его не видел, но могу показать фотографию».

Бабушка и дедушка Олега Борисовича в день свадьбы

Олег Борисович отлучается на несколько секунд к шкафу и достает фото. Черно-белая фотография в деревянной рамке, на которой изображен один из счастливейших моментов в жизни человека – свадьба. Дед, статный, в пиджаке и белой рубашке, держит под руку невесту – бабушку Олега Борисовича.

Я показываю карту Глубокого и спрашиваю его о топонимах и расположении бывших еврейских мест.

«Синагога находилась на пересечении Московской улицы и Кирова. Рядом находилась миква, так как для существования миквы нужны проточные воды. Раньше по улице 3 Июля был ручей, сейчас все это заросло, канава. Вторая синагога была в районе бывшей музыкальной школы», – отвечает Олег Борисович.

Спрашиваю у Олега Борисовича: «А вы в церковь ходите?» – «Хожу». – «В православную?» – «Нет, не в православную. Вы же не видите здесь у

Олег Борисович Парфенов

меня (показывает на стены, намекая на иконы). Вы понимаете, о чем идет речь». – «Ездите в Минск?» – «Синагога ближайшая в Полоцке, Минске».

Информант утверждает, что он не еврей, а белорус, но при этом старается соблюдать кашрут, а именно – не может есть свинину: «У меня отвращение, что это нечистое животное. Рамбам говорит, что отчиститься никак не сможешь, какие бы

благословения ни произноси над этим мясом. Да и потом, сама процедура его приготовления, это невозможно, чтобы без крови, если говядину еще можно как-то вымочить, то свинину никак. Вот поэтому и не едят. Хотя наши едят. Белорусские. Я задал полоцким вопрос: «Ну а как быть, если пища некошерная, если везде свинина?» Они: «Олег, едь в Израиль!». Спрашиваю, соблюдает ли он кашрут, на что Олег Борисович отвечает: «У меня русская жена, с этим проблемы. Я не могу, когда они котлеты со сметаной едят – как вы это едите? – у меня даже с этим проблемы». Между приемами молочного и мясного у него проходит не менее четырех часов: «Все мои друзья знают, что я не буду есть бутерброд с колбасой и сыром. В наших условиях это все сложно соблюдать, продуктов не купить».

Олег Борисович читает Тору, но утверждает, что ему не хватает жизни, чтобы ее изучить. Больше всего его пугает то, что в сердце человека нет Бога, и сам он полагает, что Бог один. Про гиюр, обращение нееврея в иудаизм, говорит с опаской и немного печальным голосом. В Глубоком нет общины, а ездить постоянно в другой город сложно. По мнению информанта, «религия идет изнутри».

Город Глубокое – место, где органично сосуществуют несколько конфессий, где чтут историю и обычаи. Оба наших героя с почтением относятся к традициям, о которых они узнали не через свою семью в детстве, а шли к ним на протяжении всей своей жизни, читая, общаясь и знакомясь с новыми их аспектами. Именно это и делает их опыт уникальным – попытка совместить религиозную традицию, которой не было в семье, с личным опытом и этнической принадлежностью.

Еврейское кладбище Глубокого

Михаил Носоновский

Еврейские надгробные надписи из Глубокого как исторический источник и явление культуры

Из истории еврейской общины Глубокого

Глубокое (белорусское *Глыбокае*, польское *Głębokie*, еврейское *קָלוּבֵּלָא*) – город и районный центр в Витебской области Республики Беларусь, расположенный на исторической Старой Смоленской дороге между Вильнюсом и Полоцком, в прошлом – местечко. Первое упоминание о Глубоком датируют 1414 г. Тогда местечко принадлежало Великому Княжеству Литовскому, а после Люблинской Унии 1569 г. оказалось на территории Речи Посполитой. После второго раздела Польши (1793 г.) Глубокое оказывается в Российской империи и входит в Дисненский уезд сначала Минской, а после 1843 г. – Виленской губернии. С 1920 г., после провозглашения независимости Польской Республики, Глубокое принадлежит Польше и административно относится к Виленскому воеводству (*Województwo wileńskie*), будучи одной из самых удаленных северо-восточных частей польских Кресов. С началом Второй мировой войны в сентябре 1939 г. территория, на которой находится Глубокое, присоединяется к СССР и входит в Белорусскую ССР.

Название «Глубокое» связывают со старым наименованием местного озера Глубокое, которое в

XIX в. получило название Кагальное (*Кагальнае*, от еврейского слова *קהל* «кагал», «еврейская община»). Другое озеро в Глубоком – Великое (*Вялікае*), откуда вытекает река Березвица (*Бярозаўка*, *Brzozówka*). По реке Березвице проходила граница между Полоцким и Виленским воеводствами, которая с XV в. делила местечко на две части. Юго-западная часть изначально принадлежала польским магнатам Зеновичам, а затем, с 1628 г. до 1813 г. – Радзивиллам. Северо-восточная часть принадлежала роду Корсаков, а с 1639 г., по завещанию Юзефа Корсака, перешла во владение к католическому монашескому ордену босых кармелитов. Таким образом, Глубокое в XVII–XIX вв. фактически состояло из двух местечек: радзивилловского и кармелитского¹.

Первое упоминание о евреях в Глубоком относится ко второй половине XVI в., но их количество в тот период было невелико. В радзивилловской части Глубокого, начиная с XVIII в., евреи стали селиться в заметных количествах. Процент евреев среди городского населения стал значительно расти в конце XVIII в. В 1704 г. в Глубоком жило 105 евреев, в 1752 г. – 707, в 1765 г. – 868, в

то время как в 1783 г. уже 1113 евреев. В рамках Ваада Литвы, входившего одно время в так называемый Ваад Четырех Земель, надобщинную структуру еврейского территориального самоуправления, Глубокое пребывало под юрисдикцией общины Сморгони².

В 1742 г. евреи Глубокого получили разрешение от виленского епископа Михала Зенковича построить деревянную синагогу на месте прежней сгоревшей. Синагога должна была быть построена на значительном отдалении от костела на месте, где прежняя синагога была разрушена в результате пожара. О первой синагоге в Глубоком не существует никаких сведений. Новая деревянная синагога должна была быть «непохожа на костел, то есть без башни или высокой крыши, и невысокой, чтобы не выделяться и не выглядеть подобной костелу, когда евреи празднуют свои молитвы»³.

Фасад здания синагоги, выходящий на улицу (ныне ул. Коммунистическая), был довольно оригинальным. Вход имел портик с четырьмя колоннами, над которыми возвышался навес. Этот тип фасада отмечен в регионе (Бобруйск, Брест, Пинск, Лида) у таких зданий, как банки и отели. В 1935 г. исследователь истории Виленского края Отто Хедеманн писал, что новая синагога, предположительно, не только стояла на месте прежней, но и была на нее похожа, на что указывают некоторые архитектурные детали, характерные для XVIII в. Большая синагога была разрушена немцами во время оккупации, после 1941 г. Другое важное общинное здание, миква, было снесено весной 2012 г. (находилась в Глубоком на нынешней ул. Московской, 9)⁴.

Согласно «Актам Ошмянским 1742 года», в связи с разрешением Виленского епископа построить синагогу в Глубоком было получено также разрешение на создание еврейского кладбища, чтобы «хоронить усопших в обычном месте за городом, не после захода солнца и без оскорбления христиан»⁵. Различные авторы расценивают это либо как разрешение на создание кладбища, либо как разрешение на продолжение его использования. Находки, сделанные в ходе экспедиции центра «Сэфер» по изучению еврейского кладбища Глубокого в 2015 г., показали, что самые старые памятники относятся к началу XVIII в. Таким образом, кладбище действовало еще до 1742 г.

Экономический и юридический статус евреев во владельческом местечке влиял на их занятия. В XVIII в. евреи в Глубоком начинают доминировать в торговле. Среди еврейских занятий в Глубоком того периода наиболее развито было корчмарское дело и торговля с западными регионами Речи Посполитой, в направлении Кенигсберга. Если в 1704 г. в местечке было 18 лавок, в том числе 5 еврейских, то в 1752 г. уже 18 из 22 лавок принадлежали евреям. У нас нет подробной информации о еврейских ремесленниках. Известно, что в 1752 г. традиционную для евреев профессию сапожника в Глубоком имели 39 человек, а профессию портного – 33 человека, однако не известно, сколько из них были евреями. Кроме того, евреи занимались сельским хозяйством. Евреи, в отличие от остальных мещан, по прибытии владельца не должны были отбывать службу при помещике, но были обязаны, как и все другие, доставлять продукты. В одной из шести сохранившихся инвентарных описей имущества в радзивиловской части местечка с 1702 г. по 1783 г. содержится информация о количестве еврейского недвижимого имущества в местечке. Опись различает термины «дом» и «халупа». Источник не уточняет, однако, различие между этими двумя типами объектов. В 1752 г. в радзивиловской части города из 262 «домов» и «халуп» – 9% «халуп» и 74% «домов» принадлежали евреям⁶.

В XIX – начале XX в. евреи уже составляли большинство населения местечка: 755 человек в 1766 г., 3917 в 1897 г. (70% всего населения) и 2844 в 1921 г. (63% всего населения). Среди известных представителей еврейской общины Глубокого упоминают Шмуэля Могилевера, одного из основателей палестинофильского движения, который родился в Глубоком и был здесь раввином с 1848 по 1856 гг. В Глубоком короткое время жил также Элиэзер Бен-Йегуда, основоположник и лидер движения возрождения языка иврит.

Более широкое развитие еврейской общественной жизни в Глубоком относится к началу XX в. В 1915 г. в городе действовал филиал Еврейской ассоциации поддержки жертв войны и погромов. Его возникновение было связано с несколькими погромами в августе и сентябре 1915 г., устроенными отступающими русскими армейскими подразделениями. В 1930-х гг. в Глубоком действова-

ли организации «Бунд», «Бейтар» и «Ха-шомер ха-цаир». С установлением советской власти в 1939 г. они были ликвидированы, как и все политические партии и сама еврейская община⁷.

К началу Второй мировой войны численность еврейского населения оценивается примерно в 3000 человек, что составляет около двух третей всех жителей. После начала Второй мировой войны в город приехало только несколько еврейских семей, бежавших из областей Польши, занятых немцами. Кроме того, относительно немногие евреи были позже депортированы в Сибирь советскими властями⁸.

Глубокое было оккупировано немецкими войсками 2 июля 1941 г. Сразу после захвата города последовали расстрелы представителей еврейского населения. Так, в августе 1941 г. немцы расстреляли 42 еврея. В сентябре 1941 г. немцы организовали в местечке гетто на улицах Маркса, Энгельса (тогда Друйская), Красноармейской (тогда Киселёвка), Чкалова (Легионовой) и Красных партизан (тогда Дуброва), куда сгонялись как евреи из Глубокого, так и из соседних мест. На протяжении 1941–1942 гг. осуществлялись акции по расстрелу еврейского населения, в самой крупной из которых, 20 июня 1942 г., были убито более 2500 человек. Глубокское гетто и его население было полностью уничтожено 20 августа 1943 г., всего в глубокском гетто были замучены и убиты более 10 000 евреев⁹.

В 1988 г. в Глубоком проживало около десяти евреев, но ни тогда, ни сейчас в поселке не было еврейских организаций. В 1990-х гг. в Глубоком установлено три памятника. Один из них был построен на месте бывшего гетто на улице Чкалова, еще два в месте расстрелов в лесу Борок.

Современное состояние еврейского кладбища и его документирование

Старое еврейское кладбище расположено в юго-западной («радзивиловской») части города, к северу от его центра, между рекой Березвицей и улицей Энгельса (бывшей Друйской), напротив колхозного рынка. Как правило, еврейские кладбища сооружались у водоема на возвышенности, и Глубокое не было исключением в этом отношении.

Кладбище было частично разрушено во время Второй мировой войны. В 1970-е гг. наиболее ста-

рый (прилегающий к песчаному берегу реки) участок кладбища пострадал в результате того, что здесь был сооружен песчаный карьер, и песок вывозили для строительства автотрассы. По рассказам местных жителей, построенная якобы «на костях» автотрасса пользуется дурной репутацией. В начале 2000-х кладбище было огорожено металлической оградой с воротами. Были установлены таблички с надписями (рис. 1, рис. 2, рис. 3):

Рис. 1. Ворота, ведущие на еврейское кладбище Глубокого. Надпись на иврите:

מקום מנוחת עולמים של יהודי גלובוק
– «Место упокоения евреев Глубокого».

Рис. 2. Табличка у ворот с надписью: «Старое еврейское кладбище, разрушенное нацистами 1941–1945».

Рис. 3. Табличка на ограде с западной стороны еврейского кладбища¹⁰

У входа из камней сложен памятный знак с надписью (рис. 4):

פך

Да будет с вами божья благодать¹¹.

Рис. 4. Мемориальное сооружение у входа на кладбище.

Рис. 5. Фрагмент мацевы в основании мемориала

Видно, что в основании монумента использовались части надгробий (рис. 5). Так, на одном из камней можно прочесть обрывок надписи с датой:

דוד זל	Давид б[лагословенной] п[амяти],
נפט ב כסליו	скончался 2 кислева
שנת תרסח	[5]658 (1887 г.),
תנצבה	д[а будет его] д[уша] з[авязана]
	в [Узле] Ж[изни].

В ходе работ по восстановлению кладбища, которые проводились в начале 1990-х гг. по инициативе и при финансовой поддержке выходцев из Глубокого (ныне проживающих в Германии, Израиле и США), многочисленные фрагменты разрушенных памятников были перенесены к ограде кладбища и составлены в несколько полукруглых рядов (участки В и С). В центральной части не-

крополя также расположена большая клумба в виде звезды Давида (участок D), внутри которой размещены несколько десятков сохранившихся надгробий, найденных в Глубоком в послевоенное время.

Эпиграфическое исследование еврейского кладбища было выполнено 22–30 июля 2015 г. в ходе летней полевой школы, организованной международным центром «Сефер» (руководитель школы – Ирина Копченова). Документация надгробных памятников (*мацев*) велась под руководством Александры Фишель, Михаила Васильева и Михаила Носоновского. В ходе экспедиции была составлена карта кладбища, записаны сохранившиеся тексты эпитафий, а также сделаны фотографии более пятисот надгробий¹².

Собранные материалы, включающие как полный каталог кладбища, так и этнографические интервью с жителями Глубокого, планируется опубликовать в открытом доступе в виде электронной базы данных, разработка которой начата центром «Сэфер» в 2015 г.

Эпитафии как исторический источник

Конкретно-исторические сведения, содержащиеся в эпитафиях, довольно скупы. Тем не менее, важной находкой было обнаружение нескольких памятников первой половины XVIII в., относящихся к периоду, предшествующему тому, как виленский епископ Михал Зенкович дал евреям дозволение устроить свое кладбище. Эти находки подвели итог спору о том, было ли кладбище основано только в 1742 г. или же действовало ранее. Наиболее ранние памятники находились на разрушенной западной части кладбища (со стороны карьера и реки), за пределами современной ограды, в настоящее время рассеянные по склону и частично засыпанные землей. Удалось прочесть следующие надписи, относящиеся к первой половине XVIII в.

(A19)¹³

פנ	З[десь] п[окоится]
האשה חינה	женщина Хена,
בת הרר שמואל	дочь р[абби] р. Шмуэля
זל	б[лагословенной] п[амяти]
תקפ	[5]510 (1749/50)
ל	п[о малому исчислению].

(A28)

פנ	З[десь] п[окоится]
האשה מגיטל	женщина г[оспожа] Гитл,
בת ה אליעזר	дочь р[еба] Элизера
תקח	[5]508 (1747/8)
ל	по [малому исчислению].

(D2)

פנ	З[десь] п[окоится]
האשה חשובה	женщина важная,
מ רבקה בת	г[оспожа] Ривка, дочь
מהר שאול	н[ашего учителя] р[еб] Шауля,
זל	б[лагословенной] п[амяти],
נפטרה ח טבת	скончалась 8 тевета
שנ תקו	[5]506 (1745) го[да]
לפק	по м[алому] и[счислению].

(23)

פנ	З[десь] п[окоится]
ההרר מאיר	р[аввин] р[еб] Меир,
בן ה אייזיק	сын р[еба] Айзика,
זל	б[лагословенна] п[амять] п[раведника],
בשנת תקד	<скончался> в год [5]504 (1743/4)
לפק	по м[алому] и[счислению].

(A31)

פנ	З[десь] п[окоится]
ר שלום זלמן	р[еб] Шалом Залман
בה ירחמיאל	с[ын] р[еба] Йерахмиэля...
...תקב	[5]502 (1741/2).

(A29)

פנ	З[десь] п[окоится]
הה כהרר	у[важаемый] р[аввин]
שמואל	р. Шмуэль,
בה [אפרים]	с[ын] р[еба] Эф[раима],
זל	б[лагословенна] п[амять] п[раведника],
לפרט תקא	по исчислению [5]501(1741)
ל	п[о малому исчислению].

(A10)

פנ 3[десь] п[окоится]
 מהו יצחק н[аш] у[читель] Ицхак,
 האלוף מהורר глава, н[аш учитель] р[аввин]
 יוסף p[еб] Йосеф,
 יצו [хранит его] [твердыня] и и[збавитель],
 לפר רח по сч[ету] н[ово]м[есячье]
 ניסן תקא нисана [5]501 (1741)
 לפ по м[алому] и[счислению].

(A23)

פנ 3[десь] п[окоится]
 האשה женщина
 מ מרים г[оспожа] Мирьям,
 בת הר אהרן дочь р. Аарона,
 נפ ג י אייר ск[ончалась] во вторник 10 ияра
 תפח [5]488 (1728)
 לפק п[o] м[алому] и[счислению].

Самый старое датированное надгробие было обнаружено под склоном оврага в юго-восточной части кладбища (рис. 6). Памятник представляет собой округлый камень с небольшим углублением в центре, предназначавшийся, по всей видимости, для хозяйственной деятельности (возможно, как заготовка для жернова) (рис. 7). Вторичное ис-

Рис. 6. Надгробия за оградой кладбища на склоне оврага у берега реки Березвицы

пользование камня в качестве надгробия, вероятно, связано с малочисленностью или небольшим благосостоянием еврейской общины Глубокого в начале XVIII в.

Надпись на памятнике гласит:

(A21)

פנ 3[десь] п[окоится]
 התורני מ знаток Торы г[осподин]
 שו Ш[ломо] З[алман]
 זל б[лагословенной] п[амяти]
 תסת [5]568 (1707/8)
 לפק по м[алому] и[счислению].

Имя погребенного обозначено только двумя начальными буквами: Ш и З. Аббревиатура *יז* (*шин-зайн*), согласно справочной литературе¹⁴, может означать либо שלום זלמן Шломо Залман (Шолом Залман), либо שניאור זלמן Шнеур Залман. Отметим, что популярность имени Шнеур Залман связано с распространением любавического хасидизма (точнее, движения Хабад) в XIX в., поскольку это имя носил основатель этого движения р. Шнеур Залман из Ляд (1745–1813). В XVI–XVII вв. это имя было менее распространено. Этимологически имя Шнеур Залман восходит к еврейско-испанскому Senior («старший») и германскому Залман (Соломон). Отметим, что имена несемитского происхождения זלמן Залман и קלמן Калман записываются в консонантной орфографии (без гласных), как если бы они были исконно древнееврейскими. В эпитафиях из Глубокого встречается Шнеур Залман Ицхак, сын Авраама Шмуэля Якубовича, скончавшийся в 1921 г. (69) и Шнеур Залман, сын р. Йосефа Хаима на поздней эпитафии без даты (С94).

В то же время имя Шолом Залман (или Шломо Залман) и аббревиатура *יז* встречаются еще на нескольких надгробиях:

(A31)

פנ 3[десь] п[окоится]
 ר שלום זלמן p[еб] Шалом Залман
 בה ירחמיאל с[ын] p[еба] Йерахмиэля...
 תקב... [5]502 (1741/2).

Рис. 7. Старейшее надгробие в Глубоком, принадлежащее Ш[ломо] З[алману] (А21, 1708 г.)

(129)

פנ 3[десь] п[окоится]
 האש' חסי женщина [ина] Хася,
 בת מ дочь г[осподина]
 שלומה זלמן Шломо Залмана,
 זצל б[лагословенна] п[амясть] п[раведника],
 וניפי יז טבת сконч[алась] 17 тевета
 תקעג [5]573 (1812)
 לפק по м[алому] и[счислению],
 תנצבה да б[удет] д[уша ее] з[авязана]
 в [узле] ж[изни].

(154a) – см. рис. 8.

פנ יוסף 3[десь] п[окоится] Йосеф,
 בי שלמה זלמן сын Шломо Залмана,
 זיל б[лагословенной] п[амяти],
 ממדינת из страны
 פאמערין פרוסיא Померании в Пруссии,
 נפ טו שבט ск[ончался] 15 швата.

(270)

מוי ... ... уч[итель],
 במה [מהר] с[ын нашего] у[чителя]
 שלמה זלמן р[еба] Шломо Залмана,
 כד כסליו 24 кислева года [5]633 (1872),
 שנת תרלג д[а будет] д[уша его] з[авязана] в
 תנצבה [узле] ж[изни].

(246)

פנ 3[десь] п[окоится]
 האשה החשובה женщина важная,
 מרת שימע госпожа Симе
 בת המופלג מהר дочь изв[естного] у[чителя нашего]
 שלמה זלמן סגל р[еба] Шломо Залмана Сегалья,
 יצו [хранит его] о[плот и] и[збавитель],
 ונפ כה ניסן скончалась 25 нисана
 שנת תריג года [5]613 (1853)
 לפק по м[алому] и[счислению],
 תנצבה д[а будет] д[уша ее] з[авязана]
 в [узле] ж[изни].

(98)

פנ 3[десь] п[окоится]
 הרבני המפו знам[енитый] раввинист,
 מהורר שאול н[аш учитель] р[аввин] р[еб] Шауль,
 בן המ שיז сын у[чителя] Ш[ломо] 3[алмана],
 זצל б[лагословенна] п[амясть] п[раведника],
 נפטר скончался
 בי אלול 10 элула года
 ש[תקנתי] [...] [5]560 (1800)
 לפ по м[алому] и[счислению].

(102)

פנ 3[десь] п[окоится]
 מ חיים בי'מ г[осподин] Хаим, с[ын] г[осподина]
 שיז Ш[ломо] 3[алмана],
 ונפי כב חשוון ск[ончался] 22 хешвана
 תקסח [5]568 (1807)
 לפק по м[алому] и[счислению],
 תנצבה д[а будет] д[уша его] з[авязана]
 в [узле] ж[изни].

Общее количество датированных памятников, соответствующих различным хронологическим периодам, можно оценить с помощью представленной таблицы:

Датировка памятников	Количество памятников на отдельных участках			Общее число памятников
	Основной участок	Участок А	Участок D	
1703–1750	2	6	1	9
1750–1799	79	11	10	100
1800–1850	90	1	18	109
1850–1899	–	5	69	74

Приведенное распределение хорошо согласуется с историческими сведениями о судьбе еврейской общины Глубокого, которая достигла наибольшей численности и экономического благополучия в XVIII в.

Эпитафии как явление культуры

Еврейские эпитафии как жанр народной литературы выражают ряд важных идей, связанных

как с отношением к жизни и смерти, так и с самими способами бытования еврейской традиции и культуры. Типичные формулы из эпитафий основаны на библейских выражениях, но используют их по-своему. Они как бы переводят эти выражения из мира библейских реалий в мир повседневности. Еврейские эпитафии соотносятся с двумя мирами: с одной стороны, с миром идеальных ивритских текстов, с другой стороны – с реальной жизнью. Задача эпитафии – привязать реального человека к идеальному и вечному¹⁵. Это соотношение достигается несколькими разными способами.

Во-первых, путем сравнения с соименным библейским персонажем и путем использования библейских цитат, при этом цитирование довольно сложное, многослойное. Вот как при помощи цитирования Янкев и Рохла из Глубокого сопоставляются с библейскими Яковом и Рахелью:

(182)

קול יעקב	Глас Якова*
יעלה	подымается
מתח הארץ	из земли.
הרבני היקר	Раввинист дорогой
מהוי יעקב	на[ш учитель] Яков,
במוה מענקא	сын на[шего учителя] Менке,
זצל	б[лагословенна] п[амять] п[раведника],
נפט חית אייר	скончался 8 ияра,
אתקץ הימיו	И закончились [5]591 (1831)** его дни,
נזכה ויעמוד	и восстанет, и удостоится
לגורלו	своей участи,
לפק	по м[алому] и[счислению].

(D48)

פן	З[десь] п[окоится].
היא מצבת	Это памятник
קבורת רחל	погребения Рахели***,
בת מ משה	дочери господина Моше,
זל	б[лагословенной] п[амяти],
נפט כג ניסן	сконч[алась] 23 нисана
שנ תרכג	го[да] [5]623 (1863)
לפק	по м[алому] и[счислению].

* Быт. 27:22

** Год смерти записан с помощью хронограммы

*** Быт. 35:19

Рис. 8. Надгробие Йосефа, сына Шломо Залмана из Померании Пруссии (154а)

Во-вторых, за счет использования «абсолютных» времени, места и имени. Эпитафия включает указание на место (מטת פה – «здесь покоится»), время (дату) и имя погребенного, таким образом определяя его положение в пространстве и во времени. В-третьих, это проявляется в том, как внутреннее еврейское двуязычие (древнееврейский/идиш) отражается в надписях. Иврит и идиш имеют разные фонологические системы, потому разные системы орфографии. Фактически ивритская орфография используется для «книжных» реалий, а идишская – для профанно-будничных. В-четвертых, интересно промежуточное положение между официальной и народной религией (галаха почти не регламентирует, что входит в эпитафии, это живой народный обычай). В-пятых, эпитафии не имеют рассказчика, от лица которого они написаны, и не имеют адресата, они пишутся для вечности. В-шестых, как литературное явление эпитафии занимают промежуточное положение между авторской и народной литературой. Еврейские эпитафии составляют самостоятельный жанр, со своим периодом становления, расцвета и распада. Связь эпитафий с другими видами литературы, пожалуй, наиболее интересная их сторона.

По утверждению теоретиков литературы, главным отличием фольклорного текста от высокой литературы является отсутствие автора и существование множества версий. Есть эпитафии, написанные авторами, но в большинстве разные варианты одного и того же сюжета. Еще в 1928 г. фольклорист В.Я. Пропп показал, что количество постоянных сюжетных элементов в народных волшебных сказках ограничено 32-мя функциями, что позволило классифицировать всё многообразие сказочных мотивов¹⁶. Подобно фольклорному тексту традиционная еврейская эпитафия воспроизводит одну и ту же структуру, используя для этого практически неизменный набор формул и устойчивых выражений.

Принято считать, что надгробные надписи служат для сохранения памяти об усопшем, однако, в действительности они зачастую не предназначены для чтения, а призваны свидетельствовать о праведности усопшего на Небесном Суде. Надписи состоят из стандартных формул на иврите, но в том, как они обращаются с любым нестандартным материалом, обнаруживается

влияние идишской орфографии и синтаксиса. То, что при первом рассмотрении выглядит как библейские цитаты, на деле является парафразами поздних канонических текстов, цитирующих Библию.

Большинство эпитафий в Глубоком, как и большинство ашкеназских эпитафий вообще, содержат четыре неперменных элемента.

1. Начальная формула в виде аббревиатуры מַטַּת פֶּה) = «здесь покоится» или «здесь похоронен»). Изредка используется другие формулы, например, לַעֲלֵי קִבְרֵי «знак над могилой» (47, 1916 г.).

2. Имя погребенного и его отца – «такой-то, сын/дочь такого-то». Данное «официальное» имя покойного при жизни использовалось для вызова к чтению Торе, оно же записывалось в кетубу (брачный договор) или гет (документ о разводе). Перед именем следует «титул» или формула вежливого обращения, часто в виде аббревиатуры, такой как רַבִּי הַרְבֵּי = רַרְר «раввин», «реб», מוֹרֵנוּ הַרְבֵּי «наш учитель раби», הַרְבַּנִּי «раббанит» и подобные. Отметим, что в данном случае слово «раввин» и его производные в большинстве случаев не свидетельствуют о том, что погребенный имел раввинскую ординацию или должность. В первоначальном значении слово רַב «рав» означало лишь «знаток Торы». Слово רַב «реб» на идише может использоваться в качестве традиционного вежливого обращения к любому мужчине, например, оно часто встречается в диалогах героев Шолом-Алейхема.

Фамилии в традиционных эпитафиях употребляются редко. Большинство евреев Российской Империи получили фамилии в XIX столетии, однако пользовались ими лишь при контактах с властями, а потому фамилии редко фигурируют во внутренних общинных документах и эпитафиях. На кладбище в Глубоком большая часть фамилий относится к началу XX в.: Свердлин (318, 1909 г.), Гусман (308, 1918 г.), Пресман (307, 1919 г.), Фейгельман (317, 1920 г.). В этот же и более ранний период в качестве родового имени могли также использоваться семейные прозвища, маркирующие принадлежность к коэнам или левитам: הַכֹּהֵן Коэн (258, 1887 г.), קַדְרֵי קַדְרֵי=קַדְרֵי Кац («праведный коэн» – на многих надгробиях XVIII–XIX в.), הַלֵּוִי Леви (или Галеви) (D1, 1863 г.; 322, 1900 г.), לֵוִי סֵגַל=סֵגַל Сегаль («потомок Леви») (165, 1822 г.; 246, 1853 г.; 230, 1857 г.).

(14a) – см. рис. 9.

פנ	З[десь] п[окоится]
כ מהור	на[ш учитель]
גד קלו קלמן	р[еб] Кало[нимус] Калман,
ב הה	с[ын] в[еликого] р[аввина],
מארה גמ	в[еликого] с[ветила]
דוד כץ	Давида Каца,
ברח [אדר] ב	в н[овомесячье адара]-II
תקדד	[5]524 (1764).

В отдельных случаях встречаются указания на географические названия. Кроме уже упомянутой Померании в Пруссии (154a), это Лепель (223, 1928 г.), Вилькомир (47, 1916 г.) и некоторые другие.

Рис. 9. Надгробие Калонимуса Калмана, сына Давида Каца («праведного козана») (14a, 1764 г.)

Перед именем зачастую следует краткое (а то и весьма пространное) описание добродетелей умершего. Наиболее типичный вариант *איש תם וישר* («человек непорочный и честный») восходит к Книге Иова (1:1). На женских надгробиях *השנה והצניעות* (иногда *הנכבדות*) – «женщина важная и скромная (уважаемая)»¹⁷. Составители эпитафий весьма изобретательны в варьировании хвалебных формул, в эпитафию нередко включается библейский стих, в котором речь идет о соименном библейском персонаже. Однако особенностью некоторых глубоких эпитафий является иногда почти полное отсутствие хвалебных формул.

3. Дата смерти по еврейскому календарю, приводимая обычно «по малому исчислению», то есть без указания тысячелетия. На многих старых эпитафиях в Глубоком указан лишь год, а месяц и число отсутствуют. В некоторых случаях год зашифровывается при помощи хронограммы – фразы, в которой необходимо сложить числовое значение выделенных букв (182, 1831 г.).

Если дата приходится на какой-либо важный день календаря (праздник, пост и тому подобное), то обычно это отмечается. В связи с этим интересно надгробие Лифше, умершей 15 ава¹⁸, дата смерти которой указана прописью (а не с помощью *гематрии*, как в обычном случае).

(119) – см. рис. 10.

פנ	Здесь покоится
האשה	женщина
מ ליפסע	г[оспожа] Лифше,
בת מ חיים	дочь г[осподина] Хаима,
שנפטרה	ушедшая из жизни
עשר באב [בחמשה]	пятнадцатого ава
שנת תקמ	год [5]540 (1780)
לפק	по м[алому] и[счислению].

4. Заключительная формула-благопожелание (в литературе иногда называемая «эвлогией»). В большинстве случаев это аббревиатура *תנצב"ד* («да будет душа его/ее завязана в Узле Жизни»), восходящая к Первой Книге пророка Самуила (25:29)¹⁹. Хотя эта формула почти обязательна в других местах, в Глубоком мы находим довольно много эпитафий без нее. Примеры таких «минималистических» эпитафий:

(62)

פנ	З[десь] п[окоится]
אשה איידלה	женщина Эйдла,
בת מהורר	дочь на[шего учителя]
יוזל	р[аввина] р[еба] Юзеля
זצל	благославенна память праведника,
בשנת תקמז	в год [5]547 (1786/7)
לפק	по м[алому] и[счислению].

(50)

פנ	З[десь] п[окоится]
האשה יענט	женщина Йента,
ב מהו בצ[לל]	дочь на[шего учителя] Бецалея,
תקמ	[5]540 (1779/80).

(51)

פנ	З[десь] п[окоится]
הרי מרדכי	р[еб] Мордехай,
במ חיים	с[ын] г[осподина] Хаима,
זצל	б[лагословенна] п[амять] п[раведника],
ונפטר	скончался
בשנת תקס	в год [5]540 (1779/80)
לפק	по м[алому] и[счислению].

Таким образом, надписи из Глубокого тяготеют к определенному минимализму. В них зачастую отсутствуют характерные для эпитафий других регионов хвалебные формулы, дата и заключительное благословение. Возможно, краткость, точнее, лапидарность надписей связана с тем, что их материалом являлся гранит – камень твердый и неудобный для резьбы.

Интересной особенностью эпитафий (впрочем, отнюдь не являющейся специфической только для Глубокого) является использование лигатур для сочетания букв *алеф-ламед* и *ламед-пей-куф*. Например:

(16a)

פנ הא	З[десь] п[окоится] ч[еловек],
הרר יוסף	р[аввин] р[еб] Йосеф,
במהורר	с[ын] на[шего учителя] нашего
יהודאלי	р[аввина] р[еба] Йехуды-Лейба,
זצל	б[лагословенна] п[амять] п[раведника]
דד סיוון	24 сивана [5]540 (1780)
תקמ לפק	по м[алому] и[счислению].

Рис. 10. Эпитафия Лифше, умершей 15 ава (119)

Здесь имя לֵיבֵיִתְּוֹ יְהוּדָאֵיִבַּ Йехудайеб записано в одно слово, при этом имя Йехуда заканчивается на букву *алеф* (а не на *хей*, как в стандартной орфографии), который соединен в лигатуру с начальной буквой имени Лейб – *ламедом*. Причиной такой двойной подмены была заповедь не упоминать имя Всевышнего *всуде*, то есть избегать сочетания букв *йуд-хей-вав* (содержащихся в имени бога) и в то же время заменить сочетание לֵבֵי *эль* (также означающее «бог») соответствующей лигатурой – לֵב (рис. 11).

Заключение

Эпитафии из Глубокого являются важным историко-культурным источником по истории местечка. Находка памятника 1708 г. – одного из самых старых еврейских надгробий в Белоруссии – позволила сделать вывод о существовании здесь еврейского кладбища уже в начале XVIII в. Вторичное использование камня для изготовления мацевы является интересным свидетельством того,

Рис. 11. Эпитафия на надгробии Йосефа, сына Йехуды Лейба (16а, 1780 г.) с соединительной лигатурой алеф-ламед.

насколько установка памятника была важной для евреев Глубокого даже в условиях малочисленной общины и недостатка необходимого материала. Особенностью многих ранних эпитафий из Глубокого является также их краткость: отсутствие месяца и дня при записи даты, а также стандартных хвалебных формул и финальной формулы благословения.

Примечания

- ¹ Об истории Глубокого см. в настоящем сборнике статью В. Мочаловой «Глубокое – страницы истории» и И. Соркиной «Местечко Глубокое и его жители на фоне эпохи: XVIII – первая треть XX в.».
- ² Glubokoye, Encyclopaedia Judaica / Ed. Michael Berenbaum and Fred Skolnik. Vol. 7. 2nd ed. Detroit: Macmillan Reference USA, 2007. P. 642–643.
- ³ Hedemann O. Głębokie (Szkic dziejow). Nakladem oddziału polskiego towarzystwa krajoznawczego w Głębokiem. Wilno, 1935.
- ⁴ <http://www.sztetl.org.pl/en/article/glebokie/5,history/>
- ⁵ Hedemann O. Głębokie (Szkic dziejow). S. 30.
- ⁶ Ibid.
- ⁷ Ibid.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ Едидович В., Гольдман г. Глубокое – История о рождении и гибели одного из старейших еврейских ишувов Восточной Европы. <http://shtetle.co.il/Shtetls/glubokoe/edidovich.html>
- ¹⁰ Указанная здесь датировка кладбища, как видно далее, не вполне соответствует действительности.
- ¹¹ Традиционное сокращение יא («здесь покоится») ошибочно приводится с перепутанным порядком букв, а также с конечной формой буквы *нун* (ן), которая не используется при записи акронимов.
- ¹² Пользуясь случаем, автор хочет поблагодарить друзей и коллег: Ирину Копченову, Михаила Васильева, Александру Фишель, Михаила Бессмертного, Александра Котика, Бориса Рашковского, Эстер Зыскину и других участников экспедиций, выполнивших работу по сбору и обработке полевых материалов, на основе которых подготовлена эта статья.
- ¹³ Здесь и далее в скобках указывается номер памятника в именном указателе, который приводится отдельной таблицей далее в тексте сборника.
- ¹⁴ См., например, словарь традиционных сокращений Авраама-Иццока Штрауса. <http://www.daat.ac.il/daat/vl/tohen.asp?id=9>
- ¹⁵ См. мои работы на эту тему: *Nosonovsky M. Old Jewish Cemeteries in Ukraine: History, Monuments, Epitaphs // The Euro-Asian Jewish Yearbook – 5768 (2007/2008) / M. Chlenov, ed. Moscow, 2009. P. 237–261; Nosonovsky M. Folk beliefs, mystics and superstitions in Ashkenazi and Karaite tombstone inscriptions from Ukraine // Markers, 26. 2009. P. 120–147; Носоновский М. Эпитафии XVI века с еврейских надгробий Украины // Памятники*

культуры. Новые открытия. (Письменность, искусство, археология): Ежегодник за 1998 год. М., 1999. С. 16–27; Носоновский М. Книжная лексика в еврейском языке и орфография // Тирош 8. М., 2007. С. 115–129.

¹⁶ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. – 416 с.

¹⁷ Источник стандартной формулы по отношению к женщине *חַשׁוּבָה וְצַדִּיקָה* *хашува у-цедуа, хшуве уцнуе* («Важная и скромная») мне неизвестен. Возможный перевод этой фразы на русский язык – «порядочная и почтенная женщина». Слово «скромность», *צניעות*, в контексте иудаизма обычно имеет отношение к сексуальности. В Глубоком выражение *חַשׁוּבָה* «скромная» употребляется во многих эпитафиях, но обычно без сочетания с «важная». Выражение «важный» употребляется как по отношению к мужчинам (*צדיק*), так и к женщинам (*חַשׁוּבָה*). В Талмуде (Песахим 108a) обсуждается вопрос о том, должна ли женщина облакачиваться во время пасхального седера, или же это только обязанность мужчины? Сказано, что «женщина в доме мужа не должна облакачиваться, но если она важная женщина, то должна». Моше Иссерлис (Рама) комментирует (Орах Хаим 472.4 gloss)

это место: «в наше время» (то есть в XVI в.) все женщины – важные.

¹⁸ Пятнадцатое ава (ивр. *Ту бе-Ав*) в наше время считается «праздником любви» (по аналогии с днем св. Валентина), основанном на Талмуде, однако аутентичность этого праздника вызывает сомнения.

¹⁹ Эта формула имеет весьма сложную структуру и связана с раввинистическими представлениями об Узле Жизни – совокупности всех душ народа Израиля, находящейся под божественным Престолом Славы. Значение выражения «Узел Жизни» в раввинистической литературе и в эпитафиях существенно отличается от библейского, поэтому в этом случае уместно говорить об опосредованном цитировании формулы, имеющей библейское происхождение, а не о непосредственном цитировании Библии. Формула также обсуждалась (вне связи с еврейской литургической или раввинистической литературой) в книге Дж. Фрэзера «Фольклор в Ветхом Завете» (1918 г., русский перевод 1931 г.), откуда она, по-видимому, стала известна Осипу Мандельштаму, написавшему стихотворение про «Узел жизни, в котором мы узнаны и развязаны для бытия».

Алфавитный указатель имен

Фамилия, имя и имя отца (патроним) покойного	Фамилия, имя и патроним на иврите	Дата смерти	Сектор и номер памятника
А			
Аарон	[אהרן]	—	022
Аарон, сын Йерухама Фиша	אהרן בן ירוחם פיש	—	A 024
Аба, сын Элиэзера Давида	אבא בן אליעזר דוד	05.10.1871	242
Авраам	אברהם	—	B 001
Авраам Аба, сын Элиэзера	אברהם אבא בן אליעזר	18.07.1831	201
Авраам Ицхак Давид, сын Моше	אברהם יצחק דוד בן משה	23.07.1848	245
Авраам, сын Гершона	אברהם בן גרשון	11.08.1842	168
Авраам, сын Гершона	אברהם בן גרשון	—	D 049
Авраам, сын Дова	אברהם בן דוב	09.02.1783	059
Авраам, сын Йосефа	אברהם בן יוסף	11.09.1790	D 047
Авраам, сын Мешулама	אברהם בן משולם	11.03.1760	002
Авраам, сын Мордехая <i>коэна</i>	אברהם בן מרדכי כץ	18.09.1790	072
Авраам, сын Натана	אברהם בן נתן	30.03.1830	D 012
Авраам, сын Эфраима	אברהם בן אפרים	26.07.1848	D 026
Авраам, сын Яакова	אברהם בן יעקב	24.02.1765	009
Александр Зискин, сын Ашера	אליכסנדר זיסקין בן אשר	—	269
Арье Лейб, сын Шмуэля	ארי ליב בן שמואל	01.09.1786	048
Асне, дочь Натана	אסנע בת נתן	23.07.1831	177
Ашер, сын Моше	אשר בן משה	30.12.1776	012
Б, В			
Барух, сын Давида	ברוך בן דוד	17.07.1872	264
Барух, сын Цви	ברוך בן צבי	—	015
Батъя, дочь Авраама	בתי בת אברהם	1786	061
Батъя, дочь Йехуды	בתי בת יהודי	1796	079
Батъя, дочь Элиэзера	בתי בת אליעזר	13.05.1823	190
Бейла Шейна, дочь Дова	בילא שינא בת דוב	11.08.1820	164
Бейла, дочь [Арье Лейба]	ביילה בת [ארי ליב]	15.01.1789	076
Бейла, дочь Саади	ביילה בת סדיה	19.05.1789	073
Бейла, дочь Шмуэля	ביילה בת שמואל	13.10.1879	292
Бейла, дочь Элиэзера	ביילה בת אליעזר	09.04.1843	194
Беньямин Бунем, сын Шмуэля	בינמין בונם בן שמואל	30.06.1800	120
Беньямин Йосеф, сын Хаима	בנימן יוסף בן חיים	21.05.1769 (или 30.04.1809)	D 050
Беньямин, сын Эльзара	בנימן בן אלעזר	05.05.1762	A 015

Фамилия, имя и имя отца (патроним) покойного	Фамилия, имя и патроним на иврите	Дата смерти	Сектор и номер памятника
Биньямин Бейниш, сын Яакова	בנימן ביינש בן יעקב	16.02.1820	147
БАХМАН Мордехай, сын Ицхака Бахмана	באכמאן, מרדכי בן יצחק	—	B 013
Брайна, дочь <i>коэна</i>	ברינה בת [...] כץ	1749	020
Броха, дочь Йехуды <i>коэна</i>	ברוכה בת יהודה כץ	—	039
Вихне, дочь Саади	וויחנע בת סעדי	08.03.1825	156
Г			
ГАЛЕВИ Неизвестная, дочь Яакова Галеви	הלוי, [...] בת יעקב	—	C 058
ГАЛЕВИ Сара Мине, дочь Ицхака Галеви	הלוי, שרה מינע בת יצחק	22.02.1900	322
ГАЛЕВИ Фрейда, дочь Арье Лейба Галеви	הלוי, פריידה בת ארי ליב	09.11.1863	D 001
Геля, дочь Шломо, <i>похоронена вместе с матерью Дворой</i>	געלי בת שלמה	—	A 027
Гершон Менахем Мендель, сын Авраама	גרשון מנחם מענדיל בן אברהם	10.02.1880	276
Гершон, сын Йехошуа <i>коэна</i>	גרשון בן יהושע כץ	18.01.1764	A 014
Гершон, сын Йехошуа Хешиля	גרשון בן יהושע העשיל	28.10.1784	060
Геся, дочь Йосефа	געסי בת יוסף	1762	016
Геся, дочь Моше	געסי בת משה	25.02.1857	228
Гиса, дочь Биньямина	גיסה בת בנימן	1785	055
Гита, дочь Йехуды Лейба	גיטה בת יהודה ליב	—	D 006
Гита, дочь Меира	גיטה בת מאיר	15.03.1840	144
Гите Йенте, дочь Эльазара	גיטע יענטע בת אלазар	1888	297
Гитл, дочь Авраама	גיטל בת אברהם	01.10.1796	107
Гитл, дочь Йехуды Лейба	גיטל בת יהודה ליב	21.12.1807	099
Гитл, дочь Йоэля	גיטל בת יואל	08.10.1771	035
Гитл, дочь Меира	גיטל בת מאיר	28.01.1793	083
Гитл, дочь Элиэзера	גיטל בת אליעזר	1748	A 028
Гитла, дочь Меира	גיטלה בת מאיר	16.10.1823	181
ГОБЕРМАН Неизвестный <i>левит</i>	האבערמאן, [...] הלוי	—	C 032
ГОБЕРМАН Рахель, дочь Йосефа Давида Гобермана	האבערמאן, רחל בת יוסף דוד	—	C 099
Голда, дочь Йехуды Лейба	גאלדה בת יהודה ליב	09.04.1850	195
ГОРДОН Неизвестная, дочь Абы Гордона	גארדאן, [...] בת אבא	—	C 087
Гронам, сын Яакова	גרונם בן יעקב	12.02.1856	226
ГУРЕВИЧ Авраам Яаков	הורוויץ, אברהם יעקב	—	C 042
ГУСМАН Брайне, дочь Хаима	הוסמאן, בריינע בת חיים	09.12.1918	308
Д, 3			
Давид, сын Гилеля	דוד בן הילל	12.10.1758	029a
Давид, сын Ицхака Айзика	דוד בן יצחק אייזק	22.07.1823	157
ДАНИЛЕВИЧ Хава Йенте, дочь Шломо	דאניлеוויטש, חוה יענטע בת שלמה	17.01.1935	306

Фамилия, имя и имя отца (патроним) покойного	Фамилия, имя и патроним на иврите	Дата смерти	Сектор и номер памятника
Двора, дочь Айзика <i>коэна</i>	דבורה בת איזיק כץ	—	A 027
Двора, дочь Арье Лейба	דבורה בת ארי לייב	02.06.1767	A 011
Двора, дочь Хаима Цви	דבורה בת חיים צבי	—	C 053
Двора, дочь Цви	דבורה בת צבי	14.05.1820	163
Доба, дочь Йехуды Лейба	דיבה בת יהודה לייב	—	D 045
Дов-Бер Арье Лейб, сын Шломо Йехуды	דוב בער ארי' לייב בן שלמה יהוד'	01.02.1880	234a
Дов-Бер Лейб, сын Цви	דובער לייב בן צבי	24.12.1890	282
Дрейза, дочь Гилеля	דרייזה בת הלל	13.09.1757	021
ДРЕЙЗЕНШТОК Сара Ривка	דרייזענשטאק, שרה רבקה	—	B 018
ЗАЛКИНД Неизвестный, сын Ицхака Залкинда	זאלקינד, [...] בן יצחק	—	C 038
Зеев, сын Нафтали Герца	זאב בן נפת' הערץ	23.07.1838	191
Зисл, сын Давида	זיסל בן דוד]	—	C 056
Зисле, дочь Цви Гирша	זיסלע בת צבי הירש	03.04.1830	180
И, Й			
Исраэль Давид, сын Габриэля	ישראל דוד בן גבריאל	—	312
Исраэль Моше, сын Цви	ישראל משה בן צבי	18.04.1890	169
Исраэль, сын Авраама	ישראל בן אברהם	28.06.1802	140
Исраэль, сын Йехошуа Лейба	ישראל בן יהושע לייב	—	B 008
Итке, дочь Йехиэля Михла	איטקע בת יחיאל מיכל	11.11.1892	332
Итле Кейла, дочь Зелига	איטלע קילא בת זעליג	21.04.1880	268
Ицхак Яаков, сын Эли Дамесека	יצחק יעקב בן אלי דמשק	13.03.1921	311
Ицхак, сын Давида	יצחק בן דוד	29.06.1834	A 026
Ицхак, сын Йосефа	יצחק בן יוסף	18.03.1741	A 010
Ицхак, сын Йосефа	יצחק בן יוסף	24.06.1814	146
Йекутиэль Зусман, сын Шлом[o] Залкина	יקותיאל זוסמן בן שלמה] זלקן	01.09.1760	006
Йекутиэль Зусман, сын Эльазара	יקותיאל זוסמן בן אלעזר	02.04.1774	037
Йента, дочь Хевеля	ינט[ה] בת חבל	09.03.1771	033
Йента, дочь Бецалеля	יענט בת בצלל]	1780	050
Йента, дочь Йехошуа	ינט בת יהושע	21.02.1793	082
Йента, дочь Саади	ינטה בת סעדי	24.01.1759	A 007
Йерухам Фишель, сын Натана	ירוחם פישל בן נתן	21.12.1784	056
Йехезкель	יחזקאל	—	043
Йехиэль Мих[л], сын Арье Лейба	יחיאל מיכל] בן ארי לייב	30.03.1883	286
Йехиэль Рафаэль, сын Хаима	יחיאל רפאל בן חיים	13.04.1837	204
Йехиэль, сын Хаима	יחיאל בן חיים	30.07.1808	152
Йехошуа Зелиг, сын Гилеля	יהושוע זעליג בן הלל	07.10.1809	143
Йехошуа, сын Авраама	יהושע בן אברהם	17.05.1779	018
Йехуда Лейб, сын Шабтая	יהודה לייב בן שבתי	25.01.1779	026

Фамилия, имя и имя отца (патроним) покойного	Фамилия, имя и патроним на иврите	Дата смерти	Сектор и номер памятника
Йехуда Лейб, сын Шмуэля	יהודה ליב בן שמואל	11.05.1804	135
Йехуда, сын Дова	יהודה בן דוב	14.02.1798	096
Йехуда, сын Мешулама	יהודה בן משולם	1842	193
Йешаяху, сын Цви	ישעיהו בן צבי	02.09.1805	151
Йона Зеев, сын Акивы	יונה זאב בן עקיבה	16.05.1864	232
Йона, сын Авраама Абы	יונה בן אברהם אבא	25.07.1805	149
Йона, сын Мордехая	יונה בן מרדכי	18.09.1767	008
Йосеф	יוסף	—	C 098
Йосеф, сын Зеева	יוסף בן זאב	—	B 002
Йосеф, сын Ицхака	יוסף בן יצחק	1781	042
Йосеф, сын Йехуды Лейба	יוסף בן יהודה ליב	27.09.1780	016a
Йосеф, сын Йехуды Лейба	יוסף בן יהודה ליב	14.12.1833	200
Йосеф, сын Шломо Залмана, <i>из прусской Померании (на территории совр. Мекленбург-Передней Померании, Германия)</i>	יוסף בן שלמה זלמן	—	154a
К			
Калонимус Калман, сын Давида <i>коэна</i>	קלו קלמן בן דוד כץ	05.03.1764	014a
Катриэль, сын Моше	כתריאל בן משה	09.11.1874	D 003
КАЦ Зисе Мирьям, дочь Йехиэля Михла Каца	כץ, זיסע מרים בת יחיאל מיכל	25.01.1908	278
КАЦ Йехуда Реувен, сын Дова-Бера Каца	כץ, יהוד ראובן בן דובער	18.10.1873	259
КАЦ Неизвестный, сын Меира Каца	כץ, [...] בן מאיר	04.02.1870	233
КАЦ Песах, сын Меира Каца	כץ, פסח [בן] מאיר	1889	299
КАЦ Ципе Фейга, дочь Давида Каца	כץ, ציפע פייגע בת דוד	27.01.1868	240
КАЦ Эфраим Давид, сын Шабтая Каца	כץ, אפרים דוד בן שבתי	08.10.1883	267
Кейле, дочь Меира	קייילע בת מאיר[ר]	—	293
КОПЕЛЯН Гене, дочь Давида	קאפילא[ן] הינע בת דוד	08.07.1899	329
Л			
Лейб, сын Элиэзера	ליב בן אליעזר	—	D 052
Лея Рася, дочь Авраама Абы	לאה רשיא בת אברהם אבא	07.01.1889	295
Лея, дочь Бейниша	לאה בת בנוש	10.04.1864	243
Лея, дочь Хаима Лейба	לאה בת חיים ליב	06.04.1905	323
Либа Бейле, дочь Залмана	ליבה ביילע[ע] בת זלמן	07.12.1899	321
Либа, дочь Моше	ליבה בת משה	15.02.1805	D 013
Либа, дочь Шимшона	ליבא בת שמשון	31.01.1824	D 037
ЛИБЗОН Батья, дочь Давида, <i>из Вилькомира (совр. Укмерге, Литва)</i>	ליבזאהן, בתי בת דוד	23.02.1916	047
ЛИПМАН Фейгл, дочь Йом-Това	ליפמן, פייגל בת יוט	16.12.1825	166

Фамилия, имя и имя отца (патроним) покойного	Фамилия, имя и патроним на иврите	Дата смерти	Сектор и номер памятника
ЛИТА Элиэзер, сын Авраама	ליטא, אליעזר בן אברהם	—	011
Лифше, дочь Хаима	ליפסע בת חיים	—	119
ЛОЙМАН Менуха Эстер, дочь Аарона	לאימאן, מנוחה אסתר בת אהרן	05.01.1929	307a
М			
М[ихаль], дочь Авраама <i>коэна</i>	מ[כל] בת אברהם כץ	14.05.1798	125
Малка, дочь Дова	מלכה בת דוב	15.01.1808	D 019
Марьяша, дочь Зеева	מריאשה בת זאב	06.03.1894	173
Меир Шмуэль, сын Беньямина	מאיר שמואל בן בנימן	12.04.1878	275
Меир, сын Айзика	מאיר בן אייזק	1744	023
Меир, сын Арье	מאיר בן אריה	18.05.1801	136
Меир, сын Исраэля Исера	מאיר בן ישראל איסר	25.02.1828	183
Меир, сын Йехиэля Михла	מאיר בן יחיאל מיכל	—	003
Меир, сын Саадии Цви	מאיר בן סעדי צבי	19.03.1812	110
Меир, сын Шмуэля	מאיר בן שמואל	07.10.1822	159
Менахем Мендель, сын Фишеля	מני מענדל בן פיסל	[?].04.1919	313, 314
Менахем Мендель, сын Шмуэля Цви	מנחם מענדל בן שמואל צבי	22.04.1884	257
Менахем Нахум, сын Хаима	מנחם נחום בן חיים	—	D 021
Менахем, сын Меира	מנחם בן מאיר	04.06.1776	027
Менуха, дочь Давида	מנוחה בת דוד	07.11.1797	078
Мирла (Марла), дочь Аарона	מרלה בת אהרן	11.11.1867	235
Мирьям, дочь Аарона	מרים בת אהרן	19.04.1728	A 023
Мирьям, дочь Меира	מרים בת מאיר	—	D 016
Мирьям, дочь Эфраима	מרים בת אפרים	15.01.1894	331
Михаль, дочь Меира	מיכל בת מאיר	24.02.1828	185
Михл, сын Йехошуа	מיכל בן יהושע	03.02.1808	D 010
Михла, дочь Моше	מיכלא בת משה	05.02.1901	320
Михле, дочь Мордехая	מיכלע בת מרדכי	—	049
Мордехай, сын Хаима	מרדכי בן חיים	1780	051
Мордехай, сын Яакова	מרדכי בן יעקב	03.08.1813	148
Моше Исраэль, сын <i>коэна</i>	משה ישראל בן [הכהן]	—	211
Моше, сын Аарона	משה בן אהרון	15.05.1773	017
Моше, сын Авраама	משה בן אברהם	1787	D 007
Моше, сын Авраама Яакова	משה בן אברהם יעקב	—	C 025
Моше, сын Баруха, <i>проповедник</i>	משה בן ברוך	—	A 017
Моше, сын Ицхака	משה בן יצחק	10.09.1771	031
Моше, сын Йехуды Идея	משה בן יהודה אידל	18.06.1795	077
Моше, сын Менахема	משה בן מנחם	15.01.1771	010

Фамилия, имя и имя отца (патроним) покойного	Фамилия, имя и патроним на иврите	Дата смерти	Сектор и номер памятника
Моше, сын Реувена	משה בן ראובן	12.12.1890	206
Моше, сын Эфраима	משה בן אפרים	27.08.1848	216
Н			
Нафтали, сын Цви	נפטלי בן צבי	01.12.1805	D 043
Нафтали, сын Элияху	נפטלי בן אליהו	1831	202
Нахман, сын Менахема	נחמן בן מנחם	20.05.1869	241
Неизвестная, дочь Давида	בת דוד [...]	27.06.1801	137
Неизвестная, дочь Исраэля <i>коэна</i>	בת ישראל כץ [...]	17.05.1780	041
Неизвестная, дочь Исраэля <i>коэна</i>	בת ישראל הכהן [...]	—	C 047
Неизвестная, дочь Пинхаса	בת פנחס[ס] [...]	1796	D 041
Неизвестная, дочь Цви	בת צבי [...]	1758	024
Неизвестная, дочь Шмуэля Малого	בת שמואל הקטן [...]	—	C 002
Неизвестный	[...]	17.02.1780	A 025
Неизвестный	[...]	1937	C 003
Неизвестный	[...]	1906	C 008
Неизвестный <i>коэн</i>	כץ [...]	05.02.1755	019
Неизвестный <i>коэн</i>	[...]	—	290
Неизвестный юноша	[...]	—	B 009
Неизвестный юноша	[...]	—	C 049
Неизвестный(-ая), сын(дочь) Аарона	בן(בת) [א]הרון [...]	04.10.1780	044
Неизвестный(-ая), сын(дочь) Аарона	בן(בת) אהרון [...]	—	208
Неизвестный(-ая), сын(дочь) Давида	[...]	06.12.1887	221
Неизвестный(-ая), сын(дочь) Ицхака, <i>проповедника</i>	בן(בת) יצחק [...]	21.06.1788	057
Неизвестный(-ая), сын(дочь) Йеху[ды]	בן(בת) יהו [...]	20.04.1873	262
Неизвестный(-ая), сын(дочь) Йехуды Лейба	בן(בת) יהודי ליב [...]	06.02.1824	D 030
Неизвестный(-ая), сын(дочь) Меира	בן(בת) מאיר [...]	1808	D 014
Неизвестный(-ая), сын(дочь) Рафаэля Малого	בן(בת) רפאל קטן [...]	03.07.1917	210
Неизвестный(-ая), сын(дочь) Хаим Ицхака	בן(בת) חיים יצחק [...]	—	C 059
Неизвестный(-ая), сын(дочь) Хаима	בן(בת) חיים [...]	28.08.1823	165
Неизвестный(-ая), сын(дочь) Эльазара	בן(בת) אלעזר [...]	[29.05].180[3]	D 029
Неизвестный(-ая), сын(дочь) Эльазара	בן(בת) [אל]עזר [...]	09.05.1896	256
Неизвестный, сын Ицхака	בן יצחק [...]	12.12.1766	030
Неизвестный, сын Меира <i>коэна</i>	בן מאיר כץ [...]	—	A 009
Неизвестный, сын Моше	בן משה [...]	—	007
Неизвестный, сын Шломо Залмана	בן שלמה זלמן [...]	24.12.1872	270
Нехама, дочь Йешаяху <i>коэна</i>	נחמה בת ישעיהו הכהן	28.11.1887	258
Нехама, дочь Нисана Каца	נחמה בת ניסן כץ	25.05.1826	179
Нехама, дочь Шломо	נחמה בת שלמה	30.01.1808	101

Фамилия, имя и имя отца (патроним) покойного	Фамилия, имя и патроним на иврите	Дата смерти	Сектор и номер памятника
П			
Пельга, дочь Цви	פעלטה בת צבי	22.12.1805	113
Песах	פסח	1758	001
Песах, сын Авраама	פסח בן אברהם	—	A 018
Песя	פעסה	1926	022a
Песя Дрейзе, дочь Йехуды Лейба	פעסיי דרייזע בת יהודה לייב	25.03.1921	070
Песя, дочь Арье	פעסי בת ארי	1757	A 003
Песя, дочь Лейба	פעסי בת לייב	09.06.1802	140
Пинхас, сын Йосефа	פנחס בן יוסף	02.05.1846	217
Пинхас, сын Меира	פינחס בן מאיר	25.02.1893	302
Пинхас, сын Яакова	פנחס בן יעקב	—	167
ПРЕСМАН Реувен Занвиль, сын Пинхаса	פרעסמאן, ראובן זנוויל בן פנחס	11.10.1919	307
ПРЕСМАН Цви Гирш, сын Реувена Занвиля, <i>похоронен вместе с отцом</i>	פרעסמאן, צבי הירש בן ראובן זנוויל	18.10.1919	307
Р			
Рафаэль Цви, сын Йехуды	רפאל צבי בן יהודה	17.06.1885	273
Рахель, дочь Йосефа	רחל בת יוסף	08.10.1812	130
Рахель, дочь Меира	רחל בת מאיר	07.11.1810	155
Рахель, дочь Менахема	רחל בת מנחם	19.09.1775	283
Рахель, дочь Моше	רחל בת משה	12.04.1863	D 048
Рахель, дочь Шимона	רחל בת שמעון	14.01.1801	D 039
Рахель, дочь Шолема	רחל בת שילם	31.01.1830	176
Рахель, дочь Яакова	רחל בת יעקב	17.03.1770	028
Рейза, дочь Зеева	רייזה בת זאב	13.01.1830	198
Реувен, сын Давида	ראובן בן דוד	27.08.1847	219
Реувен, сын Мешулама	ראובן בן משולם	22.06.1812	139
Ривка	רבקה	—	C 102
Ривка Рейзе	רבקה רייזע	—	B 016
Ривка, дочь Аарона	רבקה בת אהרן	08.07.1831	178
Ривка, дочь Йехуды Лейба	רבקה בת יהודה לייב	10.05.1807	100
Ривка, дочь Йехуды Лейба	רבקה בת יהודי לייב	10.10.1865	236
Ривка, дочь Меира	רבקה בת מאיר	18.02.1772	A 012
Ривка, дочь Моше	רבקה בת משה	07.01.1799	118
Ривка, дочь Моше	רבקה בת משה	07.04.1838	D 025
Ривка, дочь Цви	רבקה בת צבי	02.02.1886	289
Ривка, дочь Шауля	רבקה בת שאול	31.12.1745	D 002
Ривка, дочь Шмуэля	רבקה בת שמואל	30.04.1900	174
Ривка, дочь Элизера	רבקה בת אליעזר	11.02.1832	184

Фамилия, имя и имя отца (патроним) покойного	Фамилия, имя и патроним на иврите	Дата смерти	Сектор и номер памятника
Рикла, дочь Беньямина	ריקלה בת בנימן	01.06.1788	D 022
Рисе Зендл, дочь Баруха	ריסע זענדל בת ברוך	26.11.1923	A 033
Рита, дочь Калмана	ריטה בת כלמן	—	D 009
Роза, дочь Ицхака	רוזה בת יצחק	11.03.1771	034
Роза, дочь Йосефа	רוזה בת יוסף	23.04.1775	054
Роза, дочь Шломо	רוזה בת שלמה	20.04.1795	095
Розе Шимке, дочь Яакова	רוזע שימקע בת יעקב	20.02.1857	227
[P]ОЗЕНТАЛЬ Неизвестный	[ר]אזענטאל, [...]	03.02.1900	224
Роша, дочь Яакова	ראשי בת יעקב	02.06.1767	A 011
Рошк[e], дочь Шимш[она]	ראש[ק] ... בת שמש[ון]	—	309
С			
Сара Элька, дочь Бунема	שרה עלקה בת בונם	07.01.1875	237
Сара, дочь Залмана	שרה בת זלמן	09.01.1786	D 005
Сара, дочь Исраэля	שרה בת ישראל	18.12.1812	128
Сара, дочь Михаэля	שרה בת מיכאל	29.12.1873	261
Сара, дочь Хаима	שרה בת חיים	1786	058
Сара, дочь Цви	שרה בת צבי	07.02.1818	215
Сара, дочь Яакова	שרה בת יעקב	23.01.1778	040
Сара, дочь Яакова	שרה בת יעקב	23.05.1873	265
СВЕРДЛИН Арье, сын Авраама Масипи	שווערדלין, אריה בן אברהם מסיפי	18.10.1909	318
СЕГАЛЬ Песя, дочь Ицхака Сегаля	סגל, פסייא בת יצחק	17.12.1857	230
СЕГАЛЬ Симе, дочь Шломо Залмана Сегаля	סגל, שימע בת שלמה זלמן	03.05.1853	246
СЕГАЛЬ Шмуэль, сын Менахема Зундла Сегаля	סגל, שאול בן מנחם זונדל	04.10.1822	165
СИМКИН Михаэль Лейб, сын Моше Симкина	שימקין, מיכאל ליב בן משה	15.02.1920	310
СИМКИН Моше, сын Цви Симкина	שימקין, משה בן צבי	28.02.1920	310
Слава, дочь Моше	שלאווא בת משה	—	263
СОСНОВИК Неизвестный	סאסנאוויק, [...]	—	C 013
Сула, дочь Йехуды Лейба	סולה בת יהודה ליב	1795	D 036
Сулка, дочь Авраама	סולקה בת אברהם	—	D 017
Т			
Тила, дочь Хаима	טילה בת חיים	28.10.1793	105
ТРЕЙСТЕР Неизвестный(-ая), сын(дочь) Менделя Лейба, из Глубичей (Белоруссия)	טרייסטער, [...] בן(בת) מענדיל ליב	—	C 030
ТРЕЙСТЕР, Неизвестная	טרייסטר, [...]	04.02.1920	188
Тубе, дочь Шмуэля	טובע בת שמואל	17.11.1816	162

Фамилия, имя и имя отца (патроним) покойного	Фамилия, имя и патроним на иврите	Дата смерти	Сектор и номер памятника
Ф			
Файвиль, сын Авраама	פייוויל בן אברהם	08.10.1860	244
Фейга, дочь Дова	פייגה בת דוב	—	036
Фейга, дочь Нахума	פייגה בת נחום	07.04.1813	109
Фейга, дочь Цви <i>коэна</i>	פייגה בת צבי כץ	27.12.1788	074
Фейге, дочь Хаима	פייגע בת חיים	08.10.1871	248
ФЕЙГЕЛЬМАН Хаим Шрага Файвиш, сын Менахема Менделя Арье Лейба	פייגעלמאן, חיים שרגא פייבויש בן מי מנדיל אריי ליב	22.08.1938	304
ФЕЙГЕЛЬМАН Ш[неур] Залман Дов	פייגעלמאן, שי זלמן דוב	21.10.1920	317
ФЕЙГЕЛЬСОН Лейбл, сын Йосефа	פייגעלסאן, לייבל בן-יוסף	1943	222
ФЕЙГЕЛЬСОН Неизвестный(-ая), сын(дочь) Файвеля, <i>из Лепеля (Белоруссия)</i>	פיינג[ע]לסאן, [...] בן(בת) פייבל	20.06.1928	223
ФЕЙГЕЛЬСОН Рива Лея	פייגעלסאן, רבה לאה	1943	222
Фейгл, дочь Гершона <i>коэна</i>	פייגל בת גרשון כץ	13.04.1765	A 013
ФЕЙДЕЛЬГОЛЬЦ Неизвестный	פידעלהאלץ, [...]	—	B 006
Фишель, сын Реувена	פישאל בן ראובן	14.03.1831	175
ФИШЕР Неизвестная, дочь Шимона Мордехая Фишера	פישער, [...] בת שמעון מרדכי	19.02.1940	B 010
ФИШМАН Залман Йехуда Лейб, сын Шмуэля Беньямина	פישמאן, זלמן יהודה ליב בן שמואל בנימין	05.01.1921	315
Фрейда, дочь Моше	פריידה בת משה	1793	108
Фрума	פרומה	—	A 016
Фрума, дочь Моше	פרומה בת משה	—	079a
Фрума, дочь Цадока	פרומה בת צדוק	20.07.1908	294
ФРУМИНА Неизвестная, дочь Меира Фрумина	פרומין, [...] בת מאיר	—	C 037
Х			
Хаим, сын Айзика	חיים בן אייזק	18.01.1804	091
Хаим, сын Ицхака	חיים בן יצחק	1804	D 038
Хаим, сын Йехуды Лейба	חיים בן יהודה ליב	03.11.1825	160
Хаим, сын Моше	חיים בן משה	14.12.1789	075
Хаим, сын Моше	חיים בן משה	01.01.1854	225
Хаим, сын Рафаэля	חיים בן רפאל	30.10.1886	255
Хаим, сын Шломо Залмана (или Шнеура Залмана)	חיים בן שי	23.11.1807	102
Хаим, сын Элиэзера <i>коэна</i>	חיים בן אליע (כץ)	22.03.1757	A 001
Хаим, сын Эфраима	חיים בן אפרים	21.08.1795	D 035
Хайка, дочь Йехезкеля	חייקה בת יחזקאל	17.04.1844	218

Фамилия, имя и имя отца (патроним) покойного	Фамилия, имя и патроним на иврите	Дата смерти	Сектор и номер памятника
Хана Добе, дочь Арье	חנה [ד]אבע בת ארי	09.11.1881	271
Хана, дочь Гади	חנה בת גדי	1792	D 034
Хана, дочь Ицхака Айзика	חנה בת יצחק אייזק	13.03.1825	156
Хана, дочь Мен[ахем] Мен[деля]	חנה בת מני מן	—	D 028
Хана, дочь Моше	חנה בת משה	11.05.1803	134
Хана, дочь Натана	חנה בת נתן	27.03.1886	284
Хана, дочь Хаима	חנה בת חיים	19.02.1762	005
Хана, дочь Хаима <i>коэна</i>	חנה בת חיים כץ	23.11.1765	029
Хана, дочь Цви	חנה בת צבי	10.11.1815	131
Хас[я], дочь Моше	חסי[ה] בת משה	18.02.1780	012
Хася, дочь Занвиля	חסיא בת זנוויל	18.11.1781	067
Хася, дочь Ицхака	חאסה בת [יצחק]	1802	124
Хасе, дочь Цви	חסיע בת צבי	13.11.1878	238
Хася, дочь Шломо Залмана	חסי בת שלומה זלמן	20.12.1812	129
Хая Сара, дочь Йехиэля	חיי שרה בת יחאל	16.03.1857	229
Хая Сара, дочь Элиэзера	חיי שרה בת אליעזר	21.02.1810	154
Хая, дочь Зеева	חיה בת זаб	1773	080
Хая, дочь Ицхака Айзика	חי[ה] בת יצחק אייזק	01.09.1784	068
Хая, дочь Цви	חיה בן צבי	1799	084
Хена, дочь Зеева Вольфа	חיענא בת זаб וואлף	22.05.1821	161
Хена, дочь Шмуэля	חינה בת שמואל	1749 (или 1750)	A 019
Хенка	חינקה	—	A 030
Хинде Слава, дочь Йосефа Зеева	הינדע סלאווה בת יוסף זаб	16.11.1886	252
Хинде, дочь Шалома	הינדע בת שלום	—	280
Ц			
Цви, сын Шабтая	צבי בן שבתי	09.06.1779	014
Цви, сын Шолема	צבי בן שולם	22.10.1781	045
Церна, дочь Шимона	צערנה בת שמעון	09.07.1832	199
Ципе, дочь Шму[эля]	ציפע בת שמו	—	326
Ципора, дочь Йехуды Лейба	צפורה בת יהודה ליב	1788	086
Цирла, дочь Йосефа	צирלה בת יוסף	04.02.1829	D 008
Ш			
Шабтай, сын Авраама	שבתי בן אברהם	20.10.1852	214
Шабтай, сын Саади	שבתי בן סעד	24.01.1750	A 008
Шалом Залман, сын Йерахмиэля	שלום זלמן בן ירחמיאל	1742	A 031
Шауль, сын Шломо Залмана (или Шнеура Залмана)	שאול בן ש'ז	31.08.1800	098
Шейна, дочь Авраама	שיינא בת אברהם	03.08.1843	189

Фамилия, имя и имя отца (патроним) покойного	Фамилия, имя и патроним на иврите	Дата смерти	Сектор и номер памятника
Шейна, дочь Баруха	שיינה בת ברוך	10.01.1807	112
Шейна, дочь Цви Г[ирша]	שיינה בת צבי ה'	—	025
Шимон, сын Мордехая	שמעון בן מרדכי	04.03.1877	266
Шимон, сын Шмуэля	שמעון בן שמואל	20.08.1868	239
Шломо Залкин, сын Йекутиэля	שלמה זאלקין בן יקותיאל	27.03.1786	052
Шломо Залман (также возможно Шнеур Залман)	שז	1708	A 021
Шломо Михаэль	שלמה מיכאל	—	B 014
Шмуэль, сын Авраама	שמואל בן אברהם	03.11.1884	260
Шмуэль, сын Баруха	שמואל בן ברוך	05.03.1788	064
Шмуэль, сын Эльзара	שמואל בן אלעזר	—	004
Шмуэль, сын Эфраима	שמואל בן [אפ]רים	1741	A 029
Шнеур Залман, сын Йосефа Хаима	שניאור זלמן בן יוסף חיים	—	C 094
Шуле, дочь Габриэля	שוליע בת גבריאל	16.12.1893	172
ШУЛЬГЕЙФЕР Йехиэль Бенъямин, сын Элиэзера Элии <i>коэна</i>	שולהייפער, יחיאל בנימין בן אליעזר אליה הכהן	11.11.1921	319
Ә			
Әзриэль, сын Дова-Бера	עזריאל בן דובער	—	D 011
Әзриэль, сын Ноаха	עזריאל בן נח	06.07.1836	D 027
Әзриэль, сын Шломо	עזריאל בן [שלמה]	28.10.1795	D 042
Әйдла, дочь [Ю]зеля	איידלה בת [יו]זל	1787	062
Әли, сын Абы	אלי בן אבא	1891	279
Әли, сын Моше	אלי בן משה	03.03.1887	D 051
Әли Сендер, сын Моше	אלי סענדר בן משה	26.03.1869	234
Әлия Сендер, сын Аарона Элиэзера	אליה סענדר בן אהרן אליעזר	18.07.1831	203
Әли[якум], сын Шимона	אליק[ום] בן שמעון	—	249
Әлиэзер, сын Авраама	אליעזר בן אברהם	1777	013
Әлиэзер, сын Элияху	אליעזר בן אליהו	26.09.1803	093
Әлиэзер, сын Яакова	אליעזר בן יעקב	31.01.1808	153
Әлька, дочь Аарона	עלקא בת אהרן	08.01.1808	D 018
Әлька, дочь Шимшона	עלקа בת שמשון	16.02.1870	231
ӘНШТЕЙН Неизвестный	ענשטיין, [...]	05.12.1909	323b
Әстер	אסתר	1806	D 040
Әстер Нехама, дочь Ицхака Аарона	אסתר נחמה בת יצחק אהרן	09.04.1887	254
Әстер, дочь Мордехая	אסתר בת מרדכי	—	063
Әстер, дочь Моше <i>коэна</i>	אסתר בת משה כץ	—	030a
Әстер, дочь Цви	אסתר בת צבי	07.09.1872	D 004
Әтка, дочь Арье Лейба	אטקה בת אריה ליב	26.06.1808	141
Әтка, дочь Дова	עטקה בת דוב	03.12.1848	213
Әтла, дочь Шалома <i>коэна</i>	עטלה בת שלום כץ	15.01.1804	D 031

Фамилия, имя и имя отца (патроним) покойного	Фамилия, имя и патроним на иврите	Дата смерти	Сектор и номер памятника
Эфраим, сын Нахума	אפרים בן נחום	25.01.1785	053
Эшка, дочь Цви	עשקה בת צבי	23.12.1819	158
Ю, Я			
ЮНГЕЛЬСОН Неизвестный	[...], יונגלסאן	—	B 021
Яков Цви, сын Ицхака	יעקב צבי בן יצחק	15.02.1903	324
Яков, сын Арье Лейба	יעקב בן אריה לייב	06.02.1832	199
Яков, сын Баруха	יעקב בן ברוך	30.07.1843	189
Яков, сын Йекутиэля	יעקב בן יקותיאל	—	046
Яков, сын Менке	יעקב בן מענקא	21.04.1831	182
Яков, сын Нафтали	יעקב בן נפתלי	18.08.1834	197
ЯКУБОВИЧ Шнеур Залман Ицхак, сын Авраама Шмуэля	יאקובאוויץ, שניאור זלמן יצחק בן אברהם שמואל	15.03.1921	069
Без имени			
Неизвестный	[...]	1746	017a
Неизвестный	[...]	26.02.1781	065
Неизвестный	[...]	1784	066
Неизвестный	[...]	1791	085
Неизвестный	[...]	19.01.1795	097
Неизвестный	[...]	26.03.1813	111
Неизвестный	[...]	1801	117
Неизвестный	[...]	1813	127
Неизвестный	[...]	29.01.1805	132
Неизвестный	[...]	1810	142
Неизвестный	[...]	1924	145
Неизвестный	[...]	1819	150
Неизвестный	[...]	08.12.1813	155a
Неизвестный	[...]	29.05.1885	272
Неизвестный	[...]	1885	274
Неизвестный	[...]	1883	296
Неизвестный	[...]	1889	298
Неизвестный	[...]	17.04.1903	303
Неизвестный	[...]	19.07.1920	309a
Неизвестный	[...]	21.02.1921	312a
Неизвестный	[...]	1910	316
Неизвестный	[...]	1896	325
Неизвестный	[...]	31.08.1761	A 002
Неизвестный	[...]	1758	A 004
Неизвестный	[...]	1779	A 006

Фамилия, имя и имя отца (патроним) покойного	Фамилия, имя и патроним на иврите	Дата смерти	Сектор и номер памятника
Неизвестный	[...]	19.04.1927	А 034
Неизвестный	[...]	—	В 007
Неизвестный	[...]	1936	В 015
Неизвестный	[...]	1926	В 019
Неизвестный	[...]	1914	С 017
Неизвестный	[...]	1909	С 021
Неизвестный	[...]	1932	С 022
Неизвестный	[...]	07.03.1933	С 024
Неизвестный	[...]	19.01.1910	С 026
Неизвестный	[...]	16.10.1903	С 051
Неизвестный	[...]	1928	С 055
Неизвестный	[...]	16.01.1932	С 057
Неизвестный	[...]	1932	С 068

Топонимы

Топонимы, указанные в тексте эпитафий	Современное название и местоположение	Имена уроженцев или выходцев из места, а также номера их надгробий
Глубичи הלוּבִּיץ	В XVIII в. местечко в Дисненском уезде вначале Минской, а затем – Виленской Губернии. В настоящее время агрогородок Голубичи в Глубокском районе Витебской области Белоруссии.	ТРЕЙСТЕР Неизвестный(-ая), сын(дочь) Менделя Лейба (С030)
Вилькомир ווילקאמיר	В XVIII–XIX вв. уездный город Литовской, а с 1842 г. – Виленской губернии. Современный <i>Укмерге</i> в Вильнюсском уезде Литвы.	ЛИБЗОН Батъя, дочь Давида (047)
Лепель ליעפליע	В XIX в. – уездный город Витебской губернии. В настоящее время районный центр Витебской области Белоруссии.	ФЕЙГЕЛЬСОН Неизвестный(-ая), сын(дочь) Файвеля (223)
Померания מדינת פאמעריץ	Историческая область на южном побережье Балтики. С сер. XVIII и по XX в. – входила в состав Пруссии. Находилась на территории современной Польши и немецкой земли Мекленбург-Передняя Померания.	Йосеф, сын Шломо Залмана (154а)

Составители Александра Фишель и Михаил Васильев

110.	166.	Авсей Штросовичъ Таммъ	1.	90.
111.	8.	Аейзеръ Зеликовичъ Коусъ	1	40.
112.	10.	Берна Яковлевичъ	3.	90.
<u>Гуица Виленская степ. левая.</u>				
113.	169.	Александръ Александровичъ Фейнбергъ	4.	22
114.	"	Вуногоръ Исидоровичъ Сагалъ	1.	85.
115.	170.	Аронъ Давидовичъ	1.	70.
116.	171.	Вильямъ Штраусъ	3.	50.
117.	"	Вуногоръ Вунодоровичъ	1.	15.
118.	172.	Гита Гинбургъ	1.	30.
119.	173.	Исидоръ-Исидоровичъ Унаевъ	4.	"
120.	174.	Довидъ Рейдманъ Фейнбергъ	3.	90.
121.	175.	Василийъ Берковичъ Динь	4.	"
122.	176.	Анкетъ Берковичъ Динь	3.	80.
123.	"	Абрамъ Яковлевичъ	"	70.
124.	180.	Пинхусъ Исидоровичъ Гинксонъ	4	47.
125.	182.	Василийъ Исидоровичъ Ридманъ	3.	87.
126.	181.	Д. Д. Д.	3.	37.
127.	186.	Анна Исидоръ	3.	70.
128.	188.	Айда Исидоровичъ Манушинъ	5.	27.
129.	189.	Анна Аннамовичъ Ревель	3.	87.
130.	190.	Исидоръ Исидоровичъ Фейнбергъ	2	16

Приложения

Предисловие

Представленные в публикации материалы хранятся в составе фонда Дисненского поветового староства Виленского воеводства (фонд № 437), который находится в Зональном государственном архиве г. Молодечно.

Общий объем фонда 2535 ед. хр., хронологически они охватывают период с 1919 г. по 1939 г. В связи с тем, что с 1921 г. Глубокое находилось в составе Дисненского повета Виленского воеводства Польской Республики, большая часть документов составлено на польском языке.

Основная масса документов, содержащихся в фонде, – это циркуляры, указания Сейма и Совета Министров Польской Республики, Министерства сельского хозяйства и земельных реформ о проведении выборов в гминные правления, переписи населения; протоколы заседаний староства, окружных избирательных и общих собраний граждан; бюджеты староства; сведения об административном делении территории повета, о национальном и религиозном составе

населения, количестве землевладений и имений, и т.п.

Документы данного фонда также содержат материалы, отражающие общественно-экономическую, политическую и культурную стороны жизни еврейской общины Глубокое в межвоенный период: создание и деятельность отдела Виленского еврейского просветительского товарищества в Глубоком (Oddział Wileńskiego Żydowskiego Stowarzyszenia Oświatyw Głębokim), Союза сионистов (Związek Syonistyczny), Отдела Товарищества распространения профессионального и крестьянского труда среди евреев (Oddział Towarzystwa szerzenia pracy zawodowej i rolnej w śród Żydów «ORT»), организация мероприятий в еврейских школах и т.п. Интерес представляют также материалы, раскрывающие имена раввинов, имена владельцев домов и торговых предприятий, количество синагог и молитвенных домов.

Предисловие, перевод с польского и публикация Маргариты Коженевской

Список домовладельцев местечка Глубокое за 1921 г.¹

№ п/п	Название улицы	№ дома	Фамилия и имя
1	ул. Сенкевича (совр. ул. Горького)	2	Дрозд Антони
2		4	Дрозд Лукаш
3		4а	–
4		6	Зязюля Базыль
5		6а	–
6		8	Шевчонок Миколай
7		10	Шевчонок Александер
8		12	Ледник Александер
9		14	Ледник Владимеж
10		16	Карузо Юзеф
11		18	Хромова Хелена
12		18а	–
13		20	Гинько Пётр
14		22	Сивко Юзеф

15		24	Рудак Александер
16		26	Кондратович Антони
17		28	Кондратович Хельяш
18		30	Жолткевич Тимофей
19		32	Жолткевич Кароль
20		34	Яновский Юзеф
21		36	Ясюкевич Даниэль
22		38	Пашкович Петр
23		40	Шерман Мендель
24		42	Вигдерхаус Бенцион
25		44	Шапиро Йосель
26		46	Фридман Лейзер
27		48	Хомич Анджей
28		48a	–
29		50	Свердлин Шейна
30		50a	–
31		52	Фейгель Шая
32		54	Семеш Антони
33		56	Загорская Александра
34		58	Хоревич Кароль
35		60	Хоревич Юзеф
36		62	Пашкович Каролина
37		64	Пилиёнок Габриель
38		66	Душевская Юлия
39		68	Душевская Теофилия
40		70	Баран Ян
41		72	Лавринович Ян
42		74	Доминевская Юлия
43		74a	–
44		76	Карузо Казимеж
45		78	Юргель Катажина
46		80	Мойсеёнок Теодор
47		82	Шкленик Мечислав
48		84	Марцинкевич Францишек
49		86	Юцкевич Тадеуш
50		88	Корзевич Ян
51		90	Яновский Винцент
52		92	Яновская Евгения
53		94	Каплан Лея
54		96	Статута Паулина

55		98	Филипёнок Миколай
56		100	Фейгельман Гесель
57		102	Фрумин Лейба
58		104	Гордон Ицек
59		106	Церковь
60		1	Озаревич Катажина
61		3	Ледник Михал
62		5	Гжибовский Кароль
62		7	Ледник Михал
64		9	Богданович Ян
65		11	Душевский Иполит
66		13	Куров Матеуш
67		15	Пашкович Михал
68	ул. Замковая (совр. ул. Ленина)	1	Шерзон Арон
69		3	Лисицкий Йосель
70		5	Цепелёвич Залман
71		7	Коц Довид
72		7а	–
73		9	Вольфсон Довид
74		11	Двоскин Мордух
75		11а	–
76		13	Левит Лейба
77		15	Баратынский
78		17	Копелёвич Хана
79		19	Беркон Афроим
80		19а	–
81		21	Альперович Рахмель
82		23	Мирман Шмуйла
83		25	Богданович Антони
84		27	Соловейчик Залман
85		29	Левитан Берка
86		31	Сосновик Израель
87		33	Краут Райна
88		35	Пинтов Аба
89		37	Пинтов Аба–Рахмель
90		39	Ходос Фрейда
91		39а	–
92		39б	–
93		41	Пак Мендель

94		43	Краут Ицек
95		45	Гордон Эвель
96		47	Купершток Шломо
97		49	Козел Шепся
98		51	Шерзон Мейер
99		53	Беркон Шолом
100		55	Горгель Хаим
101		57	Пресс Шломо
102		59	Слуцкий Израель
103		61	Гительзон Залман
104		63	Хевлин Хаим
105		65	Гоberman Мендель
106		65a	–
107		67	Альперович Михель
108		69	Фейертаг и Пуликовский
109		2	Иванов Теодор, Романовский Юзеф, Соловейчик Хана,
110		4	Миндлин Йосель
111		4a	–
112		6	Перевозкин Мендель
113		8	Краут Борух
114		8a	–
115		10	Гефен Исаак
116		10a	–
117		12	Богданович Розалия
118		14	Райхель Берка
119		14a	–
120		16	Шейнкер Михал
121		18	Шмидт Ицка
122		20	Банк Геня–Рейза
123		20a	–
124		20б	–
125		22	Липенгольц Хаим
126		24	Левитан Арон
127		26	Залкинд Мендель
128		28	Зак Лейба
129		30	Пинтов Абрам
130		30a	–
131		32	Петух Якуб
132		34	Освецимский Юзеф

133		36	Гельман Абрам
134		38	Плескачевский Юзеф
135		40	Малкин Ципа–Лея
136		42	Шпайер Пинхус
137		44	Гоберман Рубин
138		46	Минкова Рива
139		48	Шейнкер Янкель
140		50	Шляхтер Кастрель
141		52	Гордон Шмуйла
142		54	Куринец Шмуйла
143		54а	–
144		56	Мостович Стефан
145		58	Клячкин Хаим
146		60	Хейфец Овсей
147		62	Беркон Хаим
148		64	Беркон Шмуйла
149		64а	–
150		66	Краут Янкель
151		68	Дрейзеншток Афроим
152		70	Папернов Рафаил
153		72	Поднос Мордух
154	ул. Белостокская (совр. ул. Гагарина)	1	Войтехович Каетан
155		1а	–
156		3	Петух Татьяна
157		5	Логина Александра
158		7	Бобровская Агата
159		9	Храповицкий Ян
160		11	Подынго Симон
161		13	Курило Залман
162		15	Фейгельсон
163		17	Райнес Зундель
164		19	Бауэр Лея
165		21	Леках Йосель
166		23	Кац Йосель
167		25	Смольский Куба
168		27	Щебет Александр
169		29	Соболевский Ян
170		31	Соболевский Хелиаш
171		33	Соболевский Антони

172		35	Островский Владислав
173		37	Шехман Рубин
174		39	Фридман Израэль
175		41	Фрейдкин Хаим
176		43	Гольберштейн Ицек
177		45	Мусин Гирша
178		47	Малиновский Станислав
179		2	Ясинский Винцент
180		4	Трухлес Йоффе
181		6	Новицкий Владимеж
182		8	Мояйко Ян
183		10	Хуцкий Ян
184		12	Хуцкая Антонина
185		14	Малискевич Симон
186		16	Ясюкевич Томаш
187		18	Коц Зелик
188		20	Щебет Антони
189		22	Щебет Стефан
190		24	Вайман Берка
191		26	Ходос Симон
192		28	Урвант Мовша
193		30	Леках Мовша
194		30а	–
195	ул. Ломжинская (совр. ул. Энгельса)	1	Закревская Александра
196		3	Карузо Казимеж
197		5	Симанкович Игнатий
198		7	Плескачевский Александер
199		9	Плескачевский Миколай
200		11	Мацкевич Тадеуш
201		13	Петух Михал
202		15	Трухлец Юлия
203		17	Стотик Стефан
204		19	Домажино Игнатий
205		21	Альперович Сроль
206		23	Клеманский Юзеф
207		25	Гордон Залман
208		27	Юнгельсон Шейна
209		29	Сосновик Мовша
210		31	Гинзбург Осер

211		33	Пукин Хаим–Бер
212		35	Рапопорт Мовша
213		37	Фрейдкин Доба
214		39	Шпунт Моха
215		41	Рутенберг Самуель
216		43	Пак Нота
217		45	Шапиро Шломо
218		47	Пуклевский Песя
219		2	Барщевский Филип
220		4	Казимирский Стефан
221		6	Микульский Винцент
222		8	Войтехович Станислав
223		10	Изотова Анна
224		12	Родионова Мария
225		14	Михалевич Ядвига
226		16	Хуцкий Антони
227		18	Жуковская Юзефа
228		20	Этингоф Янкель
229		22	Ходос Хелена
230		24	Курило Берка
231		26	Любович Лукаш
232		28	Медюк Даниель
233		30	Флейшер Шепся
234		32	Кац Аба
235		34	Гинзбург Берка
236		36	Лейкинд Зелик
237		38	Симкин Перец
238		40	Сосновик Сроль
239		42	Фидельгольц Песя
240		44	Юнгельсон Левик
241		46	Блат Лейба
242		48	Меллер Геня
243		50	Мейтес Зерух и Геня
244		52	Мирман Ицек–Бер
245		54	Фрейдкин Хаим
246	Рынок Костюшки (сегодня здесь расположено здание райисполкома и прилегающая к нему территория)	2	Миндлин Шейна

247		4	Островский Владислав
248		6	Клячкин Хаим
249		8	Гиндин Мовша
250		10	Гилевич Хаим
251		12	Тейтельбаум Шевель
252		14	Гибельзон Ицек
253		1	Альперович Трайна
254		3	Фридман Лейба
255		5	Альперович Михель
256		7	Шварц Янкель
257		9	Поднос Мордух
258		11	Шапиро Мовша
259		13	Хавлин Хаим
260		15	Поднос Кусель
261		17	Рудерман Мендель
262		19	Фейгель Йосель
263		21	Миндлин Кусель
264		23	Сосновик Израель
265		25	Краут Янкель
266		27	Паланд Абрам
267		29	Райхель и Зак
268		31	Меллер Моха
269		33	Фрейдкин Хаим
270		35	Фейбельбаум Шевель
271		37	Фрейстер Хаим
272		39	Еврейская гмина
273		41	Гуревич Мордух
274	ул. Яткова (совр. район Центральной площади)	1	Штур Александер
275		3	Плескачевский Юзеф
276		5	Русак Базыль
277		7	Буткевич Юзеф
278		9	Церковный
279		11	Плескачевский Юзеф
280		13	Фридман Лейба
281		15	Срагович Янкель
282		17	Дворкин Бейла
283		19	Боудин Малка
284		21	Шпарбер Абрам
285		23	Зельдин Зундель

286		25	Фейгель Гирша
287		27	Богин Мейер
288		29	Фрейдкин Хаим
289		2	Хевлин Гирша
290		4	Миндлин Берка
291		6	Фейгельсон Симон
292		8	Тумаркин Сроль
293		10	Соловейчик Янкель
294		12	Клячкин Хаим
295		14	Островская Энта
296		16	Шульгейфер Хаим
297		16а	–
298		18	Гурвич Сора
299		20	Дрейзеншток Йосель
300		22	Шпарбер Абрам
301		24	Шенкман Берка
302		26	Марголин Сроль
303		28	Фрейдкин Хаим
304	ул. Дворная (совр. ул. Кирова)	1	Клёт Мендель
305		3	Ситковский Ян
306		5	Кнель Фейга
307		7	Клёт Якуб
308		9	Фрейдкин Хаим
309		9а	–
310		11	Хавес Сроль
311		13	Сицкин Хаим
312		15	Дейер Мойша
313		17	Лушко Абрам
314		19	Вишневер Гирша
315		21	Тылес Элья
316		23	Вайнман Берка
317		25	Цепелёвич Борух
318		27	Цырлин Янкель-Бер
319		2	Лейбкинд Бася
320		4	Миндель Мендель
321		4а	Ихильчик Давид
322		6	Гиндин Залман
323		8	Маркман Бейнус
324		10	Маркман Носон

325		12	Лимановская Агата
326		14	Шаробайко Павла
327		16	Эйдензон Рубин
328		18	Кнель Лейба
329		20	Глаз Шмуила
330		22	Дыскинд Мося
331		24	Эйдензон Абрам
332		24а	–
333		26	Марголин Шейна
334		28	Фейгельсон Эля
335		30	Клёт Борух
336		32	Райхель Абрам
337	ул. Виленская (совр. ул. Ленина)	1	Цирлин Хаим
338		3	Каплан Эвель
339		5	Копелёвич Янкель
340		5а	–
341		7	Казимирский Францишек
342		9	Шапиро Михол
343		11	Шапиро Борух
344		13	Юнгельсон Янкель
345		15	Ицин Мордух
346		17	Таубес Арон
347		19	Пуклевский Песя
348		21	Рудерман Хаим
349		23	Рудерман Мендель
350		25	Берзон Афроим
351		27	Юнгельсон Мейер
352		29	Гельман Шмуила
353		31	Цейтель Роха
354		33	Майзель Мася
355		35	Гордон Мендель
356		37	Плискин Гершон
357		39	Свердлин Борух
358		41	Краут Сроль
359		43	Шульгейфер Лейзер
360		45	Меллер Мендель
361		47	Шапиро Песя
362		49	Шапиро Залман
363		51	Минушкин Мовша

364		53	Гительзон Носон
365		55	Шварцер Рафал
366		57	Гойлер Сроль
367		59	Фейгельсон Йосель
368		61	Пен Рувим
369		63	Кац Кастрель
370		65	Фидельгольц Хаим
371		67	Мильштейн Нахман
372		69	Фрейдкин Хаим
373		71	Цирлин Шмуйла
374		73	Гинзбург Вульф
375		75	Эйгес Вульф
376		77	Донхин Хаим
377		79	Плискин Мендель
378		79а	–
379		79в	–
380		79с	–
381		81	Беркон Эля
382		83	Кастрель Гершон
383		85	Дрейзеншток Афроим
384		87	Фрейдкин Хаим
385		2	Осанович Александер
386		4	Конопацкий Александер
387		6	Коваленок Алексей
388		6а	–
389		8	Главницкий Петр
390		8а	–
391		10	Дименштейн Рубин
392		10а	–
393		12	Шадевский
394		14	Крейнес Мовша
395		16	Антаев Онисим
396		16а	–
397		18	Ейгес Хаим
398		20	Ейгес Уна
399		22	Ейгес Шая
400		24	Гельман Шмуйла
401		26	Шапиро Аба
402		28	Фидельгольц Хацкель
403		30	Алой Мовша

404		32	Берзон Хацкель
405		34	Решин Хаим
406		36	Мицкевич
407		38	Гиндин Мейер
408		40	Вайнштейн Мендель
409		42	Миндель Мендель
410		44	Соколовский Антони
411		46	Йоффе Йосель
412		48	Любович Томаш
413		50	Кукуць Ян
414		52	Сушинский Павел
415		54	Могильник Кусель
416		56	Пуликовский Миколай
417		58	Юнгельсон Фишель
418		60	Краут Хаим
419		60а	–
420		62	Вайнштейн
421		64	Гельван Мендель
422		66	Эйгес Берка
423		66а	–
424		68	Либерман Янкель
425		70	Кочергинский Довид
426		72	Хейфец Лейзер
427		74	Трейстер Лейзер
428		74а	–
429		76	Рабинович Мейер
430		78	Фрейстер Ицек
431	ул. Легионова Стара (совр. ул. Красноармейская)	1	Мирман Лейба
432		3	Финкельман Залка
433		5	Фейгельсон Сора
434		7	Гильман Рафаэль
435		9	Гурвич Рувин
436		11	Шевц Шолом
437		13	Папкин Хая
438		15	Махлес Залман
439		17	Шпарбер Исер
440		19	Шпарбер Исраэль
441		21	Йоффе Рива

442		23	Левитан Мовша
443		25	Фишер Абрам
444		27	Дрейзеншток Герц
445		29	Кнель Хаим
446		31	ЦалкинД Мовша
447		33	Свердлин Янкель
448		35	Шульман Хаим
449		37	Виноград Лейзер
450		39	Итингоф Шепся
451		41	Лозовик Янкель
452		43	Будов Хона
453		45	Пилдос Лейзер
454		47	Шпунт Израэль
455		49	Додин Геля
456		2	ПаланД Абрам
457		4	Гиндин Абрам
458		6	Фейгельсон Хаим
459		8	Банд Абрам
460		10	Дрейзеншток Афроим
461		12	Ханович Израэль
462		14	Коц Залман
463		16	Гордон Израэль
464		18	Шенкман Эля
465		20	Каган Нота
466		22	Верх Абрам
467		24	Алай Шахна
468		26	Эпштейн Йося
469		28	Гордон Мордух
470		30	Вайнштейн Гирша
471		32	Папкин Довид
472		34	Мирман Файвес
473		36	Менкес Хаим
474	ул. Легионова Нова (совр. ул. Красноармейская)	1	Кучинский Ян
475		3	Кац Мовша
476		5	Свердлин Роха
477		7	Тылес Идель
478		9	Соснович Шепся
479		11	Гиндин Ицек

480		13	Портной Райха
481		15	Дроздович Хелена
482		15а	–
483		17	Зак Шлома
484		19	Папкин Шлома
485		21	Зендель Хаим
486		23	Хейн Носон
487		25	Перкин Песя
488		27	Бауер Овсей
489		29	Гуревич Мордух
490		31	Кацович Зелда
491		33	Этман Абрам
492		35	Малискевич Копель
493		37	Плискин Ицек
494		39	Гительзон Мендель
495		41	Фишер Липа
496		43	Глозман Якуб
497		2	Слуцкин Мендель
498		4	Бауер Гирша
499		6	Гинштейн Марьяся
500		8	Гительзон Йосель
501		10	Этман Эля
502		12	Зак Хая
503		14	Перман Рива
504		16	Готкин Бася
505		18	Фейгельсон Арон
506		20	Фрумин Абрам
507		22	Краут Йося
508		24	Глозман Шмуїла
509		26	Фейгельсон Рахман
510		28	Бозен Рися
511		30	Фишман Янкель
512		32	Гордон Самуель
513		34	Файман Эстер
514		36	Минькович Шейна
515		38	Свердлин Овсей
516		40	Цырлин Шмуїла
517		40а	–
518		40 б	–
519		40 с	–

520	ул. Домброва Нова (совр. ул. Интернациональная)	1	Глезер Бася
521		3	Векслер Абрам
522		5	Соколовский Александер
523		7	Соколовский Александер
524		9	Хоткевич Теодор
525		11	Альхимович Петр
526		13	Гембицкий Мустаф
527		15	Шейндин Лейба
528		17	Плискина Текля
529		19	Дзятлик Станислав
530		21	Кисель Петр
531		23	Мойшелёвич Мустафа
532		25	Чижевский Игнатий
533		27	Заремба Евдокия
534		29	Соколовский Ян
535		31	Соколовский Ян
536		33	Милькманович Рафал
537		35	Пашкович Базыль
538		37	Файштейн Залман
539		39	Бобровский Юзеф
540		41	Ермакович Юзеф
541		43	Ялович Стефан
542		45	Лесницкий Казимир
543		47	Савицкий Александер
544		49	Кобылинская Анна
545		51	Новик Ян
546		53	Войцехович Эдвард
547		55	Фрейдкин Хаим
548		2	Фрейдкин Хаим
549		4	Ицин Перец
550	ул. Домброва Стара (совр. ул. Красных партизан)	1	Слуцкин Вульф
551		3	Кобылинский Теодор
552		5	Цемах Абрам
553		7	Грибун Базыль
554		2	Гаухман Ицек-Хаим
555		4	Щебет Миколай

556	ул. Варшавская (совр. ул. Московская)	1	Мирман Петр
557		1а	–
558		16	–
559		3	Пен Гирша
560		5	Сицкин Хаим
561		7	Пен Хаим
562		9	Вейцкин Шмерка
563		11	Дамескин Ицек
564		13	Глаз Довид
565		15	Зязюля Ян
566		17	Шаробайко Паулина
567		19	Шаробайко Ян
568		21	Лобачевский Эдвард
569		23	Лабецкий Петр
570		25	Срагович Ицек
571		27	Глаз Довид
572		29	Храповицкий Ян
573		29а	–
574		31	Гаухман Йося
575		33	Шпайер Арон
576		35	Шаробайко Миколай
577		37	Шаробайко Ян
578		39	Космач Гжегож
579		41	Войцехович Анджей
580		43	Лос Анеля
581		43а	–
582		43б	–
583		43в	–
584		45	Лиша Ян
585		47	Шаробайко Ян
586		49	Микенгольц Хая–Сора
587		51	Плескачевский Ян
588		53	Войцехович Ян
589		55	Фрейдкин Йосель
590		57	Тылес Мейер
591		59	Медзюк Мендель
592		61	Гиндин Шмуйла
593		63	Длот Роха-Лея
594		65	Ципкин Арон

595		67	Мойсеёнок Ян
596		67а	–
597		69	Бахман Мордух
598		71	Щебет Казимир
599		71а	–
600		73	Лабецкий Юльян
601		75	Щебет Юзеф
602		77	Шидловский Юзеф
603		79	Петух Александер
604		81	Пашкович Игнатий
605		83	Гмина
606		83а	–
607		83б	–
608		85	Ходос Абрам
609		87	Эткин Шевель
610		89	Синагога
611		91	Будов Гилька
612		93	Фейгельсон Мовша
613		95	Фейгельсон Хаим
614		97	Рабинович Ига
615		99	Цирлин Пейсах
616		101	Краут Янкель
617		103	Мирлин Двейра
618		105	Трейстер Ицек
619	ул. Варшавская (совр. ул. Московская)	2	Фейгельсон Абрам
620		4	Берзон Мендель
621		4а	–
622		6	Шмидт Лейзер
623		8	Хавкин Шмуїла
624		10	Хавкин Довид
625		12	Хавкин Хаим
626		14	Ловцевич Петр
627		16	Микульская Стефания
628		16а	–
629		18	Лобановский Игнатий
630		20	Липский Адам
631		22	Храповицкий Якуб
632		24	Храповицкий
633		26	Блышко Ян

634		26а	–
635		28	Соболевский Ян
636		30	Заремба Францишек
637		30а	–
638		32	Зайковский Даниэль
639		34	Зайковский Шимон
640		36	Шер Эстер
641		38	Зевалич Анджей
642		40	Зевалич Адам
643		42	Зевалич Александер
644		44	Быстров Алексей
645		46	Кац Тевель
646		48	Заремба Анджей
647		50	Зельдин Шмерка
648		52	Шпайер Лейзер
649		54	Срагович Хаим
650		56	Кац Мейер
651		58	Фишман Шмуель
652		58а	–
653		60	Глаз Мендель
654		62	Гаухман Берка
655		64	Берковский Рувин
656		66	Фишман Шмуила
657		68	Глаз Сроль
658		70	Хидцкель Рафал
659		70а	–
660		72	Гуревич Мендель
661		74	Цепелёвич Борух
662		76	Цирлин Янкель–Бер
663		78	Ходос
664		80	Малкин Бейля
665		82	Ванд Бася
666		84	Ходос Мейер
667		86	Вайнштейн Шолом
668		88	Цейтель Лесля
669		90	Хавес Израель
670		92	Еврейская гмина
671		94	Синагога
672		94а	–
673		94б	–

674		94в	–
675		94г	–
676		96	Рейдер Шмуйла
677	ул. Краковская (совр. ул. Советская)	1	Богданович Эльжбета
678		3	Скраго Миколай
679		3а	–
680		5	Желткович Кароль
681		7	Скраго Базыль
682		9	Скраго Базыль
683		11	Шапиро Аба
684		13	Богданович
685		13а	–
686		15	Юнгельсон Мордух
687		15а	–
688		17	Соловейчик Исер
689		19	Чехович Габриель
690		21	Баран Камилия
691		23	Баран Героним
692		25	Захарьяшонок Аполинарий
693		27	Грунёндр Миколай
694		29	Кучко Бартоломей
695		31	Пилецкий Антони
696		33	Гинич Болеслав
697		35	Сивко Миколай
698		37	Дранкович Катажина
699		39	Рудак Ян
700		41	Мойсеёнок Миколай
701		43	Мостович Стефан
702		43а	–
703		45	Лозовский Францишек
704		47	Ходосевич Теофилия
705		47а	–
706		49	Карузо Станислав
707		49а	–
708		51	Рекля Станислав
709		53	Войнич Казимеж
710		55	Кукуць Юзеф
711		57	Гапапович Александр
712		59	Тарговицкий Игнатий

713		61	Русак Юзеф
714		63	Михаэль Даниэль
715		65	Кацович Мовша
716		67	Лойман Янкель
717		69	Яцыно Казимир
718		2	Юнгельсон Абрам
719		4	Сивко Владимеж
720		6	Фейгельсон Йосель
721		8	Беркович Ицек
722		10	Юнгельсон Мота
732		12	Пашкович Феликс
724		14	Фридман Янкель
725		16	Фруммин Шмуйла
726		18	Кривичанин Антони
727		20	Кривичанин Михал
728		22	Пинтов Фишель
729		24	Рудерман Залман
730		26	Соловейчик Абрам
731		28	здание, принадлежащее местной администрации
732		30	Фейгин Шмуйла
733		32	Поцянковская Мальвина
734		34	Субоч Феликс
735		36	Гинтофт Текля
736		36а	–
737		38	Беркон Хаим
738		40	Боркин Ян
739		42	Миндель Абрам
740		44	Костел парафиальный
741		46	–
742	ул. Сенкевича (совр. ул. Горького)	16	Церковное здание
743		18	народная школа
744		19	церковное здание
745		19а	–
746		19б	–

Примечания

¹ Зональный государственный архив г. Молодечно. Ф. 437. Оп. 1. Д. 217. Л. 39–51. *Перевод с польского Маргариты Коженевской.*

Список владельцев промышленных и торговых предприятий в местечке Глубокое (1923 г.)¹

№	Фамилия и имя	Вид торговли	Адрес торгового предприятия
1	Шерман Мендель	торговля зерном	ул. Сенкевича (совр. ул. Горького), д. 40
2	Шапиро Йосель	торговля зерном	д. 44
3	Ваксмахер Лейба	торговля зерном	д. 15
4	Фридман Лейзер	торговля зерном	д. 46
5	Каплан Рива	галантерейные товары	д. 94
6	Фейгельман Фишель	галантерейные товары	д. 100
7	Гордон Ицек	торговля лошадьми	д. 104
8	Рудерман Залман	торговля лошадьми	ул. Краковская (совр. ул. Советская), д. 24
9	Рудерман Фейга	продовольственные товары	д. 24
10	Соловейчик Черна	продовольственные товары	д. 17
11	Беркович Хаим	пекарня	д. 8
12	Пинтов Шимон	кожевенник	д. 22
13	Соловейчик Кейля	галантерейные и продовольственные товары	д. 26
14	Малиновская Доминика	пивная	д. 57
15	Малиновский Витольд	юридическое бюро	ул. Замковая (совр. ул. Ленина), д. 2
16	Национальный кооператив	табачные изделия галантерейные и продовольственные товары	д. 2
17	Иванов Теодор	продовольственные товары	д. 2
18	Гайер Бернард	юридическое бюро	ул. Краковская (совр. ул. Советская), д. 69
19	Шерман Арон	розничная торговля	ул. Замковая (совр. ул. Ленина), д. 1
20	Лисицкий Йосель	галантерейные и продовольственные товары	д. 3
21	Богин Рувин	изделия из золота	д. 7
22	Миндлин Сора	пекарня	д. 4
23	Полонский Антон	продовольственные товары	д. 4
24	Фруммин Лейба	торговля зерном	ул. Сенкевича (совр. ул. Горького), д. 102
25	Фридман Сора	галантерейные товары	ул. Замковая (совр. ул. Ленина), д. 7
26	Соловейчик Фейга	галантерейные и продовольственные товары	д. 4
27	Маркман Хаим	продовольственные товары	д. 4

28	Пашкович Константин	продовольственные товары	д. 8
29	Соловейчик Эйдля	галантерейные и продовольственные товары	д. 9
30	Полонский Антон	столовая	д. 13
		пивная	д. 13
31	Околович Юзеф	продовольственные товары	д. 11
32	Двоскин Мордух	пекарня	д. 11
33	Левит Лейба	галантерейные и продовольственные товары	д. 13
34	Гольдин Лейба	продовольственные товары	д. 15
35	Исурин Мордух	аптека	д. 15
36	Копелёвич Хава	чайная лавка и пекарня	д. 17
37	Гофен Исаак	изготовление обуви	д. 10
38	Карчмарский Ксаверий	вино-водочные изделия	д. 19
39	Альперович Рахмель	галантерейные и продовольственные товары	д. 21
		табачные изделия	
40	Гордон Якоб	пивоварня	д. 19
41	Гордон Хася	галантерейные и продовольственные товары	д. 23
42	Спорыш Юзеф	продажа книг	д. 14
43	Шульман Соня	галантерейные и продовольственные товары	д. 16
44	Вейцкин Гирш	канцелярские товары	д. 31
45	Рыжов Аркадий	юридическое бюро	д. 20
46	Краут Эся	галантерейные и продовольственные товары	д. 33
47	Пинтов Абель	кожевенник	д. 35
48	Залкинд Абрам	часовщик	д. 26
49	Арион Фейга	продовольственные товары	д. 28
50	Шапиро Эстер	галантерейные и продовольственные товары	д. 30
51	Шапиро Йосель	пекарня	д. 30
52	Вильнин Мовша	галантерейные и продовольственные товары	д. 30
53	Абельсон Бася	продовольственные товары	д. 32
54	Шейнин Гита	фотоателье	д. 39
55	Краут Ита	продовольственные товары	д. 43
56	Гельман Абрам	парикмахерская	ул. Замковая (совр. ул. Ленина), д. 36
57	Фруман Соня	галантерейные и продовольственные товары	д. 38

58	Ваксмахер Вольф	продовольственные товары	д. 45
59	Лойман Рива	продовольственные товары	д. 38
60	Кнель Зыска	производство обуви	д. 49
61	Гоберман Фейга	галантерейные товары	д. 44
62	Шпайер Рина	продовольственные товары	д. 42
63	Шерзон Мейер	галантерейные товары и обувь	д. 51
64	Горгер Песя	галантерейные товары	д. 55
65	Тейтельбаум Ицек	торговля мукой	д. 46
66	Кабачнин Лейба	продовольственные товары	д. 50
67	Соловейчик Мовша	часовщик	д. 50
68	Йоффе Израель	часовщик	д. 52
69	Кац Хаим	галантерейные товары и обувь	д. 67
70	Шерзон Залман	розничная торговля	д. 67
71	Цинципер Соломон	торговля мясом	д. 54
72	Фейертаг Оттон	аптека	д. 69
73	Отдел Виленского синдиката	сельскохозяйственная продукция	д. 56
74	Славин Рейза	продовольственные товары	д. 66
75	Ульнер Израель	розничная торговля	д. 52
76	Вайнштейн Лейба	галантерейные и сельскохозяйственные товары	д. 60
77	Вайнштейн Лейба	табачные изделия	д. 60
78	Хейфец Овсей	розничная торговля	д. 60
79	Цирлин Шмуйла	продовольственные товары	д. 64
80	Цирлин Шмуйла	пивная	д. 64
81	Польское Окраинное Товарищество	торговля вином и водкой	д. 64
82	Беркон Шмуйла	продовольственные товары	д. 64
83	Краут Янкель	пекарня	д. 66
		продовольственные товары	д. 66
84	Дрейзеншток Сора	изделия из железа	д. 68
85	Фридман Сора	галантерейные и продовольственные товары	д. 72
86	Могильник Сора	продовольственные товары	д. 70
87	Шейнкер Янкель	изделия из железа	д. 72
88	Поднос Залман	изделия из кожи	д. 72
89	Скоковский Целезий	сапожник	д. 72
90	Малиновский Станислав	продовольственные товары	д. 78
91	Канис Копель	торговля зерном	д. 78
92	Томчик Людвик	торговля винами и водкой	д. 78
93	Пинтов Абрам	кожевенник	д. 30

94	Пинтов Кейля	галантерейные и продовольственные товары	д. 30
95	Пинтов Хана	торговля кожей	д. 5?
96	Пинтов Лейба	торговля кожей	д. 4?
97	Прен Шлома	портной	д. 57
98	Аллоу Эля	торговля головными уборами	д. 61
99	Краут Мойжеш	торговля кожей	д. 66
100	Блант Шмерко	торговля кожей	ул. Склепова (совр. район Центральной площади), д. 1
101	Мейтес Геня	изделия из железа	д. 1
102	Фридман Роха	галантерейные и продовольственные товары	д. 3
103	Шапиро Люда	торговля кожей	д. 5
104	Гершовин Борис	парикмахер	д. 9
105	Шапиро Мовше	торговля кожей	д. 11
106	Поднос Кушель	торговля кожей	д. 13
107	Фрумин Мовша	торговля кожей	д. 10
108	Мейерович Йозеф	галантерейные и продовольственные товары	д. 15
109	Фейгель Йосель	изделия из железа	д. 19
110	Миндлин Кушель	галантерейные и продовольственные товары	д. 21
111	Зендель Мендель	торговля кожей	д. 23
112	Краут Роха	изделия из железа	д. 25
113	Краут Носон	пивная	д. 25
114	Поланд Абрам	торговля кожей	д. 27
115	Зак Мендель	торговля кожей	д. 29
116	Фрейдкин Симон	торговля кожей	д. 33
117	Фейгельсон Якуб	торговля кожей	д. 33
118	Гордон Бенче	торговля кожей	д. 35
119	Арчик Арон	чайная	д. 37
120	Гельман Мендель	торговля кожей	д. 39
121	Гуревич Мордух	торговля кожей	д. 41
122	Свидлер Лейба	продовольственные товары	д. 41
123	Ромм Сора	канцелярские товары	ул. Замковая (совр. Ленина), д. 32
124	Хевлин Гириш	галантерейные и продовольственные товары	ул. Склепова (совр. район Центральной площади), д. 2
125	Альперович Марьяш	галантерейные и продовольственные товары	д. 5

126	Шварцер Роха	розничная торговля	д. 5
127	Шапиро Залман	розничная торговля	д. 5
128	Меллер Геня	розничная торговля	д. 5
129	Куринец Шмуyla	розничная торговля	д. 5
130	Соловейчик Мовша	розничная торговля	д. 5
131	Соловейчик Вера	розничная торговля	д. 5
132	Друц Вольф	розничная торговля	д. 5
133	Ольмер Ицек	розничная торговля	д. 5
134	Зайчик Лейзер	розничная торговля	д. 5
135	Шпарбер Швейр	розничная торговля	д. 5
136	Зайчик Мовша	розничная торговля	д. 5
137	Островская Энта	аптека	д. 5
138	Шпарбер Исер	галантерейные товары	д. 5
139	Цейтель Хася	розничная торговля	д. 5
140	Шульгейфер Хаим	аптека	д. 5
141	Слоботкин Ицек	галантерейные товары	д. 5
142	Гуревич Сора	продукция сельского хозяйства	д. 5
143	Меллер Нехама	розничная торговля	д. 5
144	Тейтельбаум Маля	галантерейные товары	д. 5
145	Каплан Эстер	розничная торговля	д. 5
146	Финферхольт Песя	галантерейные товары	д. 5
147	Левинзон Мендель	розничная торговля	д. 5
148	Дрейзеншток Йосель	продажа посуды	д. 5
149	Гуревич Итка	продовольственные товары	д. 5
150	Шпарбер Залман	розничная торговля	д. 5
151	Шейнкман Берка	галантерейные и продовольственные товары	д. 5
152	Гершон Шмийер	галантерейные и продовольственные товары	д. 5
153	Шрафель Соня	розничная торговля	д. 5
154	Зак Роха	розничная торговля	д. 5
155	Зак Соломон	розничная торговля	д. 5
156	Каган Гося	розничная торговля	д. 5
157	Банд Песя	галантерейные и продовольственные товары	д. 5
158	Тейтельбаум Шевель	галантерейные и продовольственные товары	д. 5
159	Глерер Мира	розничная торговля	д. 5
160	Гильман Рахель	галантерейные и продовольственные товары	д. 5
161	Гордон Бася	галантерейные и продовольственные товары	д. 5

162	Шевц Шолом	галантерейные и продовольственные товары	д. 5
163	Гордон Мордух	шапки	ул. Варшавская (совр. ул. Московская), 93
164	Шапиро Соня	галантерейные и продовольственные товары	д. 93
165	Фердман Мойжеш	парикмахер	Рынок Костюшки (се- годня здесь располо- жено здание райиспол- кома и прилегающая к нему территория), д. 33
166	Польское товарищество демобилизованных солдат	табачные изделия	д. 35
		галантерейные и продовольственные товары	
		вино-водочные изделия	
167	Дроздович Владислав	чайная	д. 37
168	Ледник Шимон	пивная	д. 39
		табачные изделия	
169	Цепелёвич Лея	галантерейные товары	д. 53
170	Сельскохозяйственный отдел	предметы для сельского хозяйства	д. 8
171	Лоевский Станислав	вино-водочные изделия	д. 10
172	Рапопорт Роха	галантерейные товары	ул. Склепова (совр. район Центральной площади), д. 3
173	Хевлин Гирш	пекарня	ул. Яткова (совр. район Центральной площади), д. 2
174	Миндлер Берка	часовщик	д. 4
175	Срагович Янкель	галантерейные и продовольственные товары	д. 15
176	Боудин Малка	?	д. 19
177	Дворкин Бейля	пекарня	д. 17
178	Войдатон Стефан	вино-водочные изделия	д. 21
179	Желиговский Юзеф	вино-водочные изделия	д. 23
180	Дрейзеншток Йосель	изделия из стекла	д. 20
181	Морголин Гирш	галантерейные и продовольственные товары	д. 26
182	Богин Мейер	дрожжи	д. 27
183	Поляк Шлома	пекарня	д. 28
184	Кремер Шмуель	продажа одежды	Рынок Костюшки (сегодня здесь располо- жено здание райиспол- кома и прилегающая к нему территория), д. ?

185	Вильнин Мовша	продовольственные товары	ул. Замковая (совр. ул. Ленина), д. 30
186	Рапопорт Мовша	портной	ул. Ломжинская (совр. ул. Энгельса), д. 35
187	Фрейдкин Доба	продовольственные товары	д. 37
188	Лислянский Самсон	портной	д. 31
189	Леках Бер	комашник*	д. 43
190	Шапиро Шломо	торговля зерном	д. 45
191	Блат Лейба	торговля зерном	д. 46
192	Лозовик Шлома	пекарня	д. 44
193	Трейстер Ицек	ресторан	д. 52
194	Фрейдкин Вольф	изделия из кожи	д. 54
195	Гинзбург Роха	продовольственные товары	ул. Варшавская (совр. ул. Московская), д. 105
196	Мирлин Двойра	продовольственные товары	д. 105
197	Новицкий Владимир	продовольственные товары	д. 103
198	Эйгес Шолом	продовольственные товары	д. 105
199	Плискин Альтер	продовольственные товары	д. 94
200	Дименштейн Хана	пивная	д. 99
201	Фридман Двойра	чайная	д. 96
202	Виноград Хая	продовольственные товары	д. 94
		табачные изделия	
203	Рабинович Ита	розничная торговля	д. 97
204	Фейгельсон Мовша	аптека	д. 91
205	Фейгельсон Хаим	пекарня	д. 93
		чайная	д. 93
206	Будов Гилька	пекарня	д. 91
207	Рубашкин Залман	продовольственные товары	д. 96
208	Гордон Элья	продовольственные товары	д. 98
		табачные изделия	д. 98
209	Вайнштейн Шолом	чайная	д. 92
		табачные изделия	
		пекарня	
210	Левитан Берко	продовольственные товары	д. 92
211	Ходас Мейер	продовольственные товары	д. 82
212	Шерман Арон	портной	д. 82
213	Копелёвич Копель	столовая	д. 78
214	Цирлин Янкель	вино-водочные изделия	д. 76

* Комашник – изготавливал лекало для обуви.

215	Глаз Давид	продовольственные товары	д. 68
216	Цепелёвич Сора	продовольственные товары	д. 64
217	Берковский Рубин	чайная	д. 64
218	Фишман Геня	продовольственные товары	д. 88
219	Срагович Сора	галантерейные товары	д. 54
220	Шпайер Зундель	портной	д. 52
221	Дрейзеншток Муся	столовая	д. 43
222	Срагович Сора	продовольственные товары	д. 25
223	Фидельгольц Якоб	портной	д. 30
224	Плавник Фрума	продовольственные товары	д. 13
225	Клёт Малка	чайная	д. 51
226	Дилевич Хаим	торговля зерном	Рынок Костюшки (сегодня здесь расположено здание райисполкома и прилегающая к нему территория), д. 10
227	Шенкман Брайна	продовольственные товары	ул. Ломжинская (совр. ул. Энгельса), д. 31
228	Вержбицкий Станислав	вино-водочные изделия	ул. Виленская (совр. ул. Ленина), д. 84
229	Беркон Афроим	продовольственные товары	д. 77
		пивная	
230	Гинзбург Гита	аптечный склад	д. 79
231	Беркон Эля	пивная	д. 81
232	Эйгес Вольф	пивная	д. 75
233	Либерман Кейля	продовольственные товары	д. 68
234	Шульгейфер Мордух	галантерейные товары и табачные изделия	ул. Легионова (совр. ул. Красноармейская), д. 1
235	Цирлин Шмуила	пекарня	ул. Виленская (совр. ул. Ленина), д. 73
236	Плискин Гершон	пекарня	д. 37
237	Гордон Мендель	слесарь	д. 35
238	Зундельсон Мейер	пекарня	д. 27
239	Бориюдин Пейсах	слесарь	д. 21
240	Генштейн Фишель	портной	д. 6

Примечания

¹ Зональный государственный архив г. Молодечно. Ф. 437. Оп. 1. Д. 1402. Л. 254–257. *Перевод с польского Маргариты Коженевской.*

**Сведения о евреях – жителях местечка Глубокое,
содержащиеся в «Памятных книжках Виленской губернии» (1890-е – 1910-е гг.)**

Публикация Константина Карпекина

Буфенберг (Гуфенберг) М. – с 1894 г. являлся содержателем частного одноклассного еврейского училища с приготовительным классом, имел звание частного начального учителя (ПКВГ на 1900 г., с. 263; ПКВГ на 1901 г., с. 276).

Горфинкель М.И. – помощник начальника охотников пожарного общества (ПКВГ на 1910 г., с. 141; ПКВГ на 1911 г., с. 148; ПКВГ на 1912 г., с. 172; ПКВГ на 1913 г., с. 173; ПКВГ на 1914 г., с. 191; ПКВГ на 1915 г., с. 179).

Гофман Мордух Иоселевич – заместитель (помощник) начальника охотников пожарного общества (ПКВГ на 1901 г., с. 281; ПКВГ на 1902 г., с. 257; ПКВГ на 1903 г., с. 266; ПКВГ на 1904 г., с. 204; ПКВГ на 1905 г., с. 141; ПКВГ на 1906 г., с. 141; ПКВГ на 1907 г., с. 151).

Кацович Моисей Самуилович – учитель частного одноклассного еврейского училища с приготовительным классом (ПКВГ на 1900 г., с. 263; ПКВГ на 1901 г., с. 276), с 1901 г. являлся содержателем этого же училища, имел звание частного начального учителя (ПКВГ на 1902 г., с. 252; ПКВГ на 1903 г., с. 261; ПКВГ на 1904 г., с. 201; ПКВГ на 1905 г., с. 138; ПКВГ на 1906 г., с. 138; ПКВГ на 1907 г., с. 148; ПКВГ на 1908 г., с. 138; ПКВГ на 1909 г., с. 138; ПКВГ на 1910 г., с. 138; ПКВГ на 1911 г., с. 146; ПКВГ на 1912 г., с. 169; ПКВГ на 1913 г., с. 170; ПКВГ на 1914 г., с. 188; ПКВГ на 1915 г., с. 176), помощник начальника охотников и одновременно заведующий имуществом (ПКВГ на 1906 г., с. 141; ПКВГ на 1907 г., с. 151), а затем – заведующий имуществом пожарного общества (ПКВГ на 1908 г., с. 141; ПКВГ на 1909 г., с. 141; ПКВГ на 1910 г., с. 141; ПКВГ на 1911 г., с. 148), с 1911 г. одновременно являлся секретарем правления общества (ПКВГ на 1912 г., с. 172; ПКВГ на 1913 г., с. 173; ПКВГ на 1914 г., с. 191; ПКВГ на 1915 г., с. 179).

Лузах-Горфинкель Шейна – дантист (ПКВГ на 1912 г., с. 102).

Мирман П.У. – член правления пожарного общества (ПКВГ на 1903 г., с. 266).

Островский Мовша – хозяин аптекарского магазина (ПКВГ на 1900 г., с. 78; ПКВГ на 1901 г., с. 91; ПКВГ на 1902 г., с. 100; ПКВГ на 1903 г., с. 102; ПКВГ на 1904 г., с. 47; ПКВГ на 1907 г., с. 114; ПКВГ на 1908 г., с. 101; ПКВГ на 1909 г., с. 103; ПКВГ на 1910 г., с. 103; ПКВГ на 1911 г., с. 117; ПКВГ на 1912 г., с. 114).

Фейгельсон Мовша – хозяин аптекарского магазина (ПКВГ на 1900 г., с. 78; ПКВГ на 1901 г., с. 91; ПКВГ на 1902 г., с. 100; ПКВГ на 1903 г., с. 102; ПКВГ на 1904 г., с. 47; ПКВГ на 1907 г., с. 114; ПКВГ на 1908 г., с. 101; ПКВГ на 1909 г., с. 103; ПКВГ на 1910 г., с. 103; ПКВГ на 1911 г., с. 117; ПКВГ на 1912 г., с. 114).

Фрейзеншток (Дрейзеншток) Афроим (Эфроим) Зунделевич – с 16 августа 1890 г. являлся старостой мещанского управления (ПКВГ на 1891 г., с. 283; ПКВГ на 1892 г., с. 306; ПКВГ на 1893 г., с. 335; ПКВГ на 1894 г., с. 351; ПКВГ на 1895 г., с. 364; ПКВГ на 1896 г., с. 315; ПКВГ на 1897 г., с. 126; ПКВГ на 1898 г., с. 44; ПКВГ на 1899 г., с. 44; ПКВГ на 1900 г., с. 30; ПКВГ на 1901 г., с. 38).

Шульгейфер Мордух – хозяин аптекарского магазина (ПКВГ на 1900 г., с. 78; ПКВГ на 1901 г., с. 91; ПКВГ на 1902 г., с. 100; ПКВГ на 1903 г., с. 102; ПКВГ на 1904 г., с. 47; ПКВГ на 1907 г., с. 114; ПКВГ на 1908 г., с. 101; ПКВГ на 1909 г., с. 103; ПКВГ на 1910 г., с. 103; ПКВГ на 1911 г., с. 117; ПКВГ на 1912 г., с. 114).

Шурин Мордух – хозяин аптекарского магазина (ПКВГ на 1912 г., с. 114).

Источники

ПКВГ на 1891 г. – Памятная книжка Виленской губернии на 1891 год. Вильна, 1890.
 ПКВГ на 1892 г. – Памятная книжка Виленской губернии на 1892 год. Вильна, 1891.
 ПКВГ на 1893 г. – Памятная книжка Виленской губернии на 1893 год. Вильна, 1892.
 ПКВГ на 1894 г. – Памятная книжка Виленской губернии на 1894 год. Вильна, 1893.
 ПКВГ на 1895 г. – Памятная книжка Виленской губернии на 1895 год. Вильна, 1894.
 ПКВГ на 1896 г. – Памятная книжка Виленской губернии на 1896 год. Вильна, 1895.
 ПКВГ на 1897 г. – Памятная книжка Виленской губернии на 1897 год. Вильна, 1896.
 ПКВГ на 1898 г. – Памятная книжка Виленской губернии на 1898 год. Вильна, 1897.
 ПКВГ на 1899 г. – Памятная книжка Виленской губернии на 1899 год. Вильна, 1898.
 ПКВГ на 1900 г. – Памятная книжка Виленской губернии на 1900 год. Вильна, 1899.
 ПКВГ на 1901 г. – Памятная книжка Виленской губернии на 1901 год. Вильна, 1900.
 ПКВГ на 1902 г. – Памятная книжка Виленской губернии на 1902 год. Вильна, 1901.
 ПКВГ на 1903 г. – Памятная книжка Виленской губернии на 1903 год. Вильна, 1902.
 ПКВГ на 1904 г. – Памятная книжка Виленской губернии на 1904 год. Вильна, 1904.
 ПКВГ на 1905 г. – Памятная книжка Виленской губернии на 1905 год. Вильна, 1905.
 ПКВГ на 1906 г. – Памятная книжка Виленской губернии на 1906 год. Вильна, 1906.
 ПКВГ на 1907 г. – Памятная книжка Виленской губернии на 1907 год. Вильна, 1907.
 ПКВГ на 1908 г. – Памятная книжка Виленской губернии на 1908 год. Вильна, 1908.
 ПКВГ на 1909 г. – Памятная книжка Виленской губернии на 1909 год. Вильна, 1909.
 ПКВГ на 1910 г. – Памятная книжка Виленской губернии на 1910 год. Вильна, 1910.
 ПКВГ на 1911 г. – Памятная книжка Виленской губернии на 1911 год. Вильна, 1911.
 ПКВГ на 1912 г. – Памятная книжка Виленской губернии на 1912 год. Вильна, 1912.
 ПКВГ на 1913 г. – Памятная книжка Виленской губернии на 1913 год. Вильна, 1913.
 ПКВГ на 1914 г. – Памятная книжка Виленской губернии на 1914 год. Вильна, 1914.
 ПКВГ на 1915 г. – Памятная книжка Виленской губернии на 1915 год. Вильна, 1915.

**Выдержки из протоколов заседаний Глубокского РК и Дисненского УК КП(б)Б
(январь 1940 г. – май 1941 г.)**

Представленные материалы хранятся в составе фонда Глубокского районного комитета Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии (фонд № 7045-п), который находится в Государственном архиве Витебской области (ГАВО).

В сентябре 1939 г. Западная Белоруссия была присоединена к Белорусской ССР, и на ее территории введено новое административно-территориальное деление. Глубокский район был образован в январе 1940 г., тогда же был создан и Глубокский райком КП(б)Б. Общий объем данного фонда – 5 531 дело, хронологически они охватывают 1940–1941, 1944–1962, 1965–1991 гг. Некоторые сведения по еврейской истории Глубокого имеются в документах довоенного периода, которые включены в отдельную опись № 1а (ее объем – 46 дел). Основная масса документов, содержащихся в ней, – это директивные указания ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)Б, протоколы районных партийных собраний, заседаний райкома партии, личные дела по приему в ВКП(б), ведомости на выдачу зарплаты, а также книги учета партбилетов и кандидатских карточек. Наибольший интерес представляют протоколы заседаний райкома КП(б)Б, в которых имеется информация о назначении лиц на определенную должность, приеме кандидатов в члены ВКП(б). Такие документы являются ценными источниками биографического характера: благодаря им можно установить имена евреев, проживавших в Глубоком, их возраст, уровень образования, профессию как до приезда в Западную Белоруссию, так и в предвоенное время.

Предисловие и публикация Константина Карпекина

1) Из протокола № 2 заседания бюро Дисненского укома КП(б)Б от 16 января 1940 г.¹

(...) СЛУШАЛИ: Об утверждении зав(едующего) Домом Соцкультуры города Глубокого. Докладывал тов. Чигилойчин.

ПОСТАНОВИЛИ: Кацмана Юрия Матвеевича рождения 1914 года, кандидат КП/б/Б с 1938 года, № к(андидатс)кой карточки 2140793, еврей, образование ниже среднего, выходец из семьи кустаря-извозчика, в настоящее время служащий, до приезда в Зап(адную) Белоруссию работал начальником ВИР НКВД Суражского района.

Утвердить товарища Кацмана Юрия Матвеевича зав(едующим) Дома Соцкультуры города Глубокого. Просить Вилейский обком КП/б/Б утвердить наше решение. (...)

2) Из протокола № 6 заседания бюро Глубокского райкома КП(б)Б от 4 февраля 1940 г.²

(...) СЛУШАЛИ: Об утверждении зав(едующего) отделом пропаганды и агитации Глубокского РК КП(б)Б. Докладывал тов. Анисковец.

ПОСТАНОВИЛИ: Нахимовского Исаака Гиршевича, рождения 1897 года, член КП/б/Б с 1921 года, № партбилета 0882658, по национальности еврей, образование неполное среднее. Выходец из рабочих. До приезда в Западную Белоруссию работал в Мстиславском РК КП/б/Б зав(едующим) отделом пропаганды и агитации.

Утвердить тов. Нахимовского И.Г. зав(едующим) отделом пропаганды и агитации Глубокского РК КП(б)Б.

Просить Вилейский обком КП/б/Б утвердить наше решение. (...)

3) Из протокола № 10 заседания бюро Глубокского райкома КП(б)Б от 26 февраля 1940 г.³

(...) СЛУШАЛИ: О работе члена партии Линкера Ю.М. Доклад(ывал) тов. Анисковец.

ПОСТАНОВИЛИ: Линкера Юду Менделевича, рождения 1910 года, члена КП/б/Б с 1932 года, членский билет № 2831751, еврей, служащий, образование среднее. До приезда в Западную Белоруссию работал инструктором торгового отдела гор. Дубровно. Утвердить тов. Линкера Ю.М. председателем Глубокского райпотребсоюза. Освободив его от обязанностей райторга Глубокского РИКа. Просить Вилейский обком КП/б/Б утвердить наше решение. (...)

4) Из протокола № 7 заседания Глубокского райкома КП(б)Б от 11 июня 1940 г.⁴

(...) СЛУШАЛИ: Об утверждении управляющего районной конторы заготскот. Докладывает тов. Лейзерович.

ПОСТАНОВИЛИ: Гиндельмана Иосифа Цалевича, рождения 1902 года, член ВКП/б/ с 1938 года, № партбилета 0886248, по национальности еврей, выходец из рабочих, образование низшее. В настоящее время служащий. До приезда в Западную Белоруссию работал директором маслопрома гор. Ельск, в настоящее время работает управляющим районной конторы заготскот гор. Глубокое. Утвердить Гиндельмана И.Ц. управляющим конторы заготскот Глубокского района. Просить Вилейский обком КП/б/Б утвердить наше решение. (...)

5) Из протокола № 9 заседания Глубокского райкома КП(б)Б от 23 июня 1940 г.⁵

(...) СЛУШАЛИ: Об утверждении директора горпищеторга гор. Глубокое. Докл(адывает) тов. Лейзерович.

ПОСТАНОВИЛИ: Илова Элью Лейзеровича, рождения 1909 года, по национальности еврей, член КП/б/Б с 1931 года, № п(арт)б(илета) 0878835, образование низшее, по соцпроисхождению рабочий, в настоящее время служащий.

До приезда в Западную Белоруссию работал зав(едующим) базой горпищеторга гор. Гомеля. В настоящее время работает директором горпищеторга гор. Глубокое.

Утвердить тов. Илова Э.Л. директором горпищеторга гор. Глубокое.

Просить Вилейский обком КП/б/Б утвердить наше решение. (...)

6) Из протокола № 11 заседания Глубокского райкома КП(б)Б от 12 июля 1940 г.⁶

(...) СЛУШАЛИ: Решение первичной парторганизации при РК КП/б/Б от 8-го июля 1940 г., заявление и другие материалы о приеме кандидата в члены ВКП/б/ Энкину Славу Зусевну, рождения 1915 года, член ВЛКСМ с 1931 года, по национальности еврейка, по соцпроисхождению из рабочих. В настоящее время служащая, работает литработником райгазеты «За свободное житье» в гор. Глубокое.

Рекомендуют члены партии: Ананиш Ф., член ВКП/б/ с 1927 года, № п(арт)б(илета) 0885552, знает ее с 1938 года.

Леф Е.А., член ВКП/б/ с 1931 года, № п(арт)б(илета) 0879757, знает ее с 1937 года.

Рекомендация РК ЛКСМБ.

Докл(адывает) секретарь первичной парторганизации при РК КП/б/Б тов. Молодченок, присутствовала Энкина Слава Зусевна.

ПОСТАНОВИЛИ: (...) Утвердить решение первичной парторганизации при РК КП/б/Б от 8-го июля 1940 г. Принять кандидатом в члены ВКП/б/ Энкину Славу Зусевну с одногодичным кандидатским стажем. Просить Вилейский обком КП/б/Б выслать один комплект кандидатской карточки и учетную карточку. (...)

7) Из протокола № 13 заседания Глубокского райкома КП(б)Б от 2 августа 1940 г.⁷

(...) СЛУШАЛИ: О благоустройстве города. Докл(адывает) пред(седатель) горсовета тов. Воротынский.

ПОСТАНОВИЛИ: Заслушав доклад пред(седателя) горсовета тов. Воротынского о благоустройстве города и содоклад Лейзеровича и Крикунова, РК КП/б/Б отмечает:

Благоустройство города проходит крайне неудовлетворительно, так как по ремонту мостов и тротуаров почти ничего не сделано. Планом предусмотрено ремонт мостовых и тротуаров 3600 м., выполнено всего лишь 150 м.

Озеленение города не производится. Городской сад не приведен в надлежащий вид и порядок и не является культурным отдыхом и развлечением для трудящихся. Ремонт жилищного строительства выполнен на 50–60%. Ремонт бани и электростанции не закончен. Снабжение населения топливом не организовано, прачечные в городе отсутствуют, несмотря на то, что смета и ассигнование горсовету отпущено достаточно – 212 тыс. руб. и до сего времени освоено только 60 тыс. Организация труда среди строительных рабочих поставлена неудовлетворительно. Рабочие бригады не знают плана предстоящих работ, аппарат строительной конторы засорен классово-чуждыми элементами (...).

СЛУШАЛИ: Об утверждении народного судьи гор. Глубокое. Докл(адывает) тов. Лейзерович.

ПОСТАНОВИЛИ: Горон Хеме Абелев(ич), член ВКП/б/ с 1932 года, № п(арт)б(билета) 282158. Утвердить народным судьей Глубокского района.

Просить Вилейский обком утвердить наше решение. (...)

8) Из протокола № 19 заседания Глубокского райкома КП(б)Б от 1 октября 1940 г.⁸

(...) СЛУШАЛИ: Решение первичной парторганизации РК КП/б/Б от 30/IX-40 года, заявление и другие материалы о приеме в члены ВКП/б/ кандидата партии Беленькую Александру Григорьевну, кандидатский стаж с мая месяца 1939 г., кандидатская карточка № 2145830, по национальности еврейка, рождения 1914 г., выходец из крестьян середняков. В настоящее время работает зав(едующим) учетом РК КП/б/Б.

РЕКОМЕНДУЮТ: Блюдин Айзик Меерович, член ВКП/б/ с 1929 г., номер партбилета 0885873, знает ее по совместной работе с 22/IX-39 года.

Лейзерович Зелик Лейзерович, член ВКП/б/ с 1924 г., № п(арт)б(билета) 0885939, знает ее по совместной работе с 22/IX-39 года.

Молодченоч Яков Молахович, член ВКП/б/ с 1925 г., п(арт)б(билет) № 0862165, знает ее по совместной работе с 23/IX-39 года.

(...).

ПОСТАНОВИЛИ: (...)

Утвердить решение первичной парторганизации РК КП/б/Б от 30/IX-40 г. и принять в члены ВКП/б/ кандидата партии Беленькую Александру Григорьевну. Голосовало «за» 5 членов РК КП/б/Б, «против» нет.

Просить Вилейский обком КП/б/Б выслать один комплект партбилета и учетную карточку. (...)

9) Из протокола № 34 заседания Глубокского райкома КП(б)Б от 21 февраля 1941 г.⁹

(...) СЛУШАЛИ: Об утверждении директора Заготживсырье. Докладывает Середняков.

ПОСТАНОВИЛИ: Утвердить директором Заготживсырье гор. Глубокое тов. Райчука Моисея Соломоновича, кандидат(ат) ВКП/б/ с 1939 года, кандидат(идатская) карточка № 151912, рождения 1911 года, по соцпроисхождению из рабочих, в настоящее время служащий, по национальности – еврей.

Просить Вилейский обком утвердить наше решение.

СЛУШАЛИ: Об утверждении зав(едующего) библиотекой парткабинета Глубокского РК КП/б/Б. Докладывает тов. Середняков.

ПОСТАНОВИЛИ: Утвердить зав(едующим) библиотекой парткабинета Глубокского РК КП/б/Б тов. Зархину Лизу Иосифовну, рождения 1914 года, беспартийная, по соцпроисхождению из кустарей, в настоящее время служащая, по национальности еврейка.

10) Из протокола № 37 заседания Глубокского райкома КП(б)Б от 3 марта 1941 г.¹⁰

(...) СЛУШАЛИ: Об утверждении зам(естителя) нач(альника) по оперчасти тюрьмы НКВД гор. Глубокое.

/докладывает тов. Середняков/

ПОСТАНОВИЛИ:

Утвердить зам(естителем) нач(альника) по оперчасти тюрьмы НКВД гор. Глубокое тов. Таберга Абрама Хаимовича, рождения 1913 года, кандидат(идат) ВКП/б/ с 1939 года, кандидат(идатская) карточка № 1314641, по соцпроисхождению из рабочих, в настоящее время служащий, партвзысканий не имеет, по национальности еврей.

Просить Вилейский обком КП(б)Б утвердить наше решение. (...)

11) Из протокола № 40 заседания Глубокского райкома КП(б)Б от 1 апреля 1941 г.¹¹

(...) СЛУШАЛИ: Утверждение председателя пищевой артели «Свобода» гор. Глубокое.

/Докладыв(ает) тов. Каменева/

ПОСТАНОВИЛИ: Утвердить председателем пищевой артели «Свобода» гор. Глубокое тов. Гельфмана Григория Самуиловича, 1909 года рождения, соцпроисхождение – из рабочих, беспартийный, по национальности – еврей. (...)

12) Из протокола № 46 заседания Глубокского райкома КП(б)Б от 9 мая 1941 г.¹²

(...) Слушали: Об утверждении секретаря первичной парторганизации Горпищепромторга.

/Доклад(ывает) тов. Щербаков/

ПОСТАНОВИЛИ:

Утвердить секретарем первичной парторганизации Горпищепромторга гор. Глубокое члена ВКП/б/ с 1931 года тов. Идова Эля Айзиковича. (...)

Примечания

- ¹ Государственный архив Витебской области (ГАВО). Ф. 7045-п. Оп. 1а. Д. 5. Л. 9–10.
- ² Там же. Л. 36.
- ³ Там же. Л. 65.
- ⁴ Там же. Л. 186.
- ⁵ Там же. Л. 204.
- ⁶ Там же. Л. 222.
- ⁷ Там же. Л. 251–252, 262.
- ⁸ Там же. Л. 329–330.
- ⁹ ГАВО. Ф. 7045-п. Оп. 1а. Д. 6. Л. 79.
- ¹⁰ Там же. Л. 111.
- ¹¹ Там же. Л. 156.
- ¹² Там же. Л. 195.

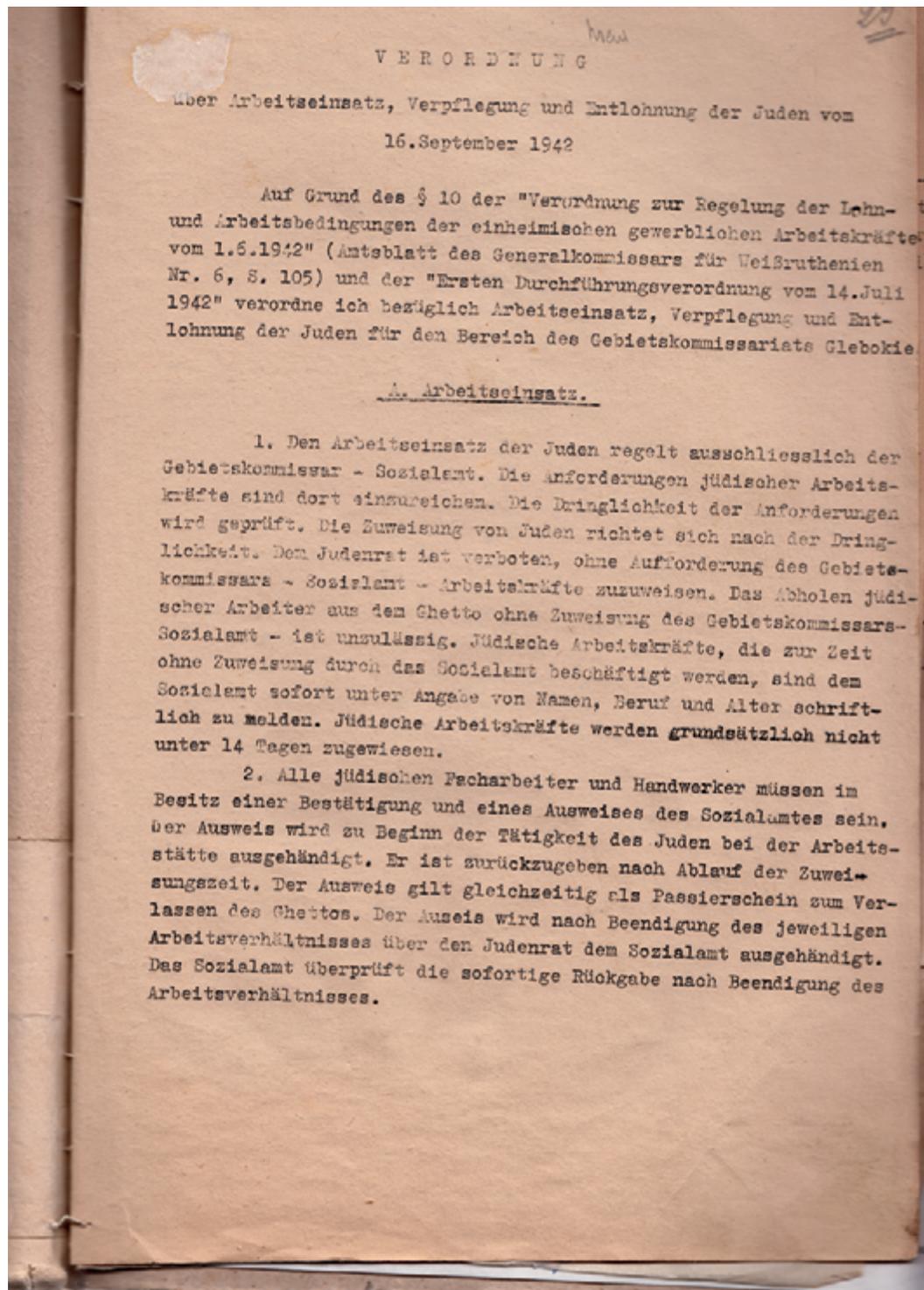
**Verordnung über Arbeitseinsatz, Verpflegung und Entlohnung der Juden vom 16. September 1942
(Распоряжение о привлечении к труду, питании и оплате труда евреев от 1 сентября 1942 г.¹)**

После захвата Глубокского немецко-фашистскими войсками с 17 июля 1941 г. в городе находился центр местного органа оккупационной администрации – Глубокского окружного комиссариата. В его компетенцию входило распоряжение всем движимым и недвижимым имуществом, имевшимся на территории округа, заведывание образованием, лесными и охотничьими угодьями и т.д. Окружной комиссариат функционировал до июля 1944 г., то есть до освобождения города советской армией. Документы, образовавшиеся в результате деятельности данного учреждения, хранятся в Государственном архиве Витебской области (в составе объединенного архивного фонда № 2836, который учтен под названием «Учреждения, организации, предприятия и формирования немецких оккупационных властей Глубокского округа»). Всего сформировано 17 дел за 1941–1944 гг. Преобладающее большинство оригиналов документов комиссариата было создано на немецком языке, но при описании документов, для более удобного их использования лицами, не владеющими немецким языком, в начале 2000-х гг. они были переведены на русский язык. В свою очередь переводы были сформированы в самостоятельные архивные дела. На хранении в архиве находятся инструкции генерального комиссара, постановления гебитскокомиссара Глубокского округа, рапорты инспекторов и начальников районов, переписка о материальном снабжении войск, именные списки работников учреждений, разрешения на проезд и переселение. Вниманию читателей предложено распоряжение гебитскокомиссара Глубокского округа «О привлечении к труду, питанию и оплате труда евреев» от 16 сентября 1942 г., а также его перевод (Ф. 2836. Оп. 1. Д. 3–4). Данный документ отражает специфику положения еврейского населения на оккупированной территории.

Предисловие и публикация Константина Карпекина

Примечания

¹ Ошибка переводчика – правильно 16 сентября (*Прим. ред.*)

AUSZUG AUS DER VERORDNUNG

zur Regelung der Lohn - und Arbeitsbedingungen
der einheimischen gewerblichen Arbeitskräfte
vom 1. Juni 1942

Zur Sicherung der Kriegswirtschaft und zur Festigung des Preisgefüges ist es notwendig, die Löhne der in deutschen und einheimischen Dienststellen, Verwaltungen, Unternehmungen und Betrieben beschäftigten Arbeiter einheitlich zu regeln und festzulegen. Für den Generalbezirk Weisseruthenien ordne ich folgendes an :

§ 1.

Geltungsbereich.

Räumlich: Der Generalbezirk Weisseruthenien.

Persönlich und fachlich: Alle gewerblichen (physische) Arbeiter und Arbeiterinnen nichtdeutscher Staatsangehörigkeit. (Angestellte werden nicht erfasst).

§ 2.

Lohnsätze.

Für die Entlohnung gelten die folgenden Lohngruppen, in die die Arbeiter je nach ihren Tätigkeitsmerkmalen einzustufen sind.

Gruppe I a:	Schwarzarbeiter	0.80 Rbl. je Stunde
	(Schwarzarbeiter sind ungelernete Arbeiter die mit den primitivsten Hilfsarbeiten beschäftigt werden)	
Gruppe I b:	Ungelernte Arbeiter, Hilfsarbeiter	
	Über 18 Jahren	1.00 Rbl. je Stunde
	unter 18 Jahren	0.80 " " "
	unter 16 Jahren	0.50 " " "
Gruppe II :	Angelernte Arbeiter	1.35 " " "
Gruppe III:	Facharbeiter	1.70 " " "
Gruppe IV:	Fachvorarbeiter u. Meister	2.50 " " "
Gruppe V:	Ungelernte Frauen für leichte, typische Frauenarbeit	0.80 " " "
	unter 18 Jahren	0.60 " " "

Soweit es sich um Arbeiten von Frauen handelt, die nach Schwere und Leistung der Männerarbeit gleichkommen, dürfen Frauen die gleichen Löhne wie Männer erhalten. u.s.w.

§ 10.

Jüdische Arbeitskräfte.

1) Juden erhalten 80% des Grundlohnes der Lohnstufe I oder der Lohnstufe V. Die Zahlung von Lohnschlägen an Juden ist verboten. u.s.w.

3. Der Arbeitseinsatz der jüdischen ungelerten Arbeiter erfolgt in Zukunft nur noch in Arbeitskolonnen von 1 : 10, 1 : 20 und 1 : 30 usw. Diese Kolonnen werden vom Judenrat zusammengestellt und vom Sozialamt wochenweise fest zugeteilt. Der Kolonnen - führer bringt seine Kolonne auf Grund einer Zuweisungskarte des Sozialamts zum Arbeitsplatz. Auf dem unteren Abschnitt der Zuweisungskarte bestätigt die Dienststelle oder der Betrieb den Tag der Meldung und die Stärke der Kolonne und gibt die Zuweisungskarte sodann sofort unmittelbar ans Sozialamt zurück.

B. Entlohnung.

Bezüglich Zahlung der Löhne und Verrechnung der Verpflegung ist wie folgt zu verfahren:

1. Da der jüdische Arbeiter aus arbeitseinsatzmässigen Gründen für den Arbeitgeber nicht billiger sein darf als der weissruthenische, erfolgt die Entlohnung der jüdischen Arbeiter auf der gleichen Basis wie die der weissruthenischen, nur mit dem Unterschied, dass den Juden nicht der volle Nettolohn berechnet wird.
2. Für jeden beschäftigten Juden ist in der Lohnliste zunächst der tarifmässige Lohn entsprechend seiner tatsächlichen Verwendung (Ungelernte, Angelernte, Facharbeiter, Vorarbeiter und Meister) nach den Lohnsätzen des § 2 der Lohnverordnung vom 1. Juni 1944 zu ermitteln.
3. Dem tarifmässigen Gesamtlohn ist der Lohn gegenüberzustellen, der gemäß § 10 der Lohnverordnung vom 1. Juni 1942 für den Juden zu berechnen ist, d. i. (ohne Rücksicht auf die tatsächliche Verwendung des Juden) 80 % des Grundlohnes der Lohngruppe I oder V (ohne jeden Zuschlag).
4. Auf den nach vorstehender Ziffer 3 für den Juden zu berechnenden Lohn ist die Verpflegung mit 0,50 RM je Tag in Anrechnung zu bringen.
5. Der Differenzbetrag zwischen dem tarifmässigen Gesamtlohn nach vorstehender Ziffer 2 und dem für den Juden nach Anrechnung der Verpflegung zuzahlenden Lohn ist an die Zahlstelle des Gebietskommissars abzuführen.
6. Die Arbeitgeber, welche Juden beschäftigen, haben jeweils halbmonatlich dem Gebietskommissar, Abt. II Fin., eine

32
- 3 -

Abrechnung nach beiliegendem Muster einzureichen, und zwar:
für die erste Monatshälfte bis zum 20. des betreffenden Monats,

für die zweite Monatshälfte bis zum 5. des nächsten Monats.

Zu den gleichen Terminen sind die sich aus der Abrechnung ergebenden, Zahlstelle beim Gebietskommissar Glebokie abzuführenden Beträge zu überweisen auf das Konto Nr. 41 bei der Bank in Weißruthenien, Zweigstelle Glebokie oder durch Barszahlung bei der Zahlstelle Glebokie zu entrichten, mit der Bezeichnung: " Abführung von Judenlöhnen ".

C. Schluss- und Übergangsbestimmungen.

Diese Verordnung tritt mit Wirkung vom 16.9.1942 in Kraft. Soweit Lohnabrechnungen für Juden für rückliegende Lohnperioden noch nicht erfolgt sind, ist bereits nach den Bestimmungen dieser Verordnung zu verfahren.

Glebokie, den 16.9.1942

gez. H a c h m a n n
Gebietskommissar

Beglaubigt:

Gebietsreferent

16 29-32

РАСПОРЯЖЕНИЕ

о привлечении к труду, питанию и оплате труда евреев от
1 сентября 1942 года

На основании §10 "Распоряжения о упорядочении условий оплаты и труда местным ремесленникам от 1.8.1942г." (ведомственный бюллетень Генерального комиссара по Белоруссии за № 6, стр.105) и "Первого внедрящего распоряжения от 1 июля 1942г." приказываю осуществлять следующие мероприятия относительно привлечения к труду, питанию и оплате труда евреев на территории Генерального комиссариата в Глубоком:

А. Привлечение к труду.

1. Привлечением к труду евреев занимается исключительно социальное ведомство Гевитскомиссара. Туда следует подавать затребования евреев, занятых трудом. Настоятельность требований будет изучаться и проверяться. При назначении на работу евреев следует руководствоваться настоятельной необходимостью. Иденрату (еврейскому совету) запрещено назначать людей на работу без на то требования социального ведомства Гевитскомиссара. Не разрешается вывод рабочих-евреев из гетто без их распределения на работу социальным ведомством Гевитскомиссара. В случаях, когда еврей-рабочие работают без назначения на работу социальным ведомством, следует доносить в социальное ведомство с письменным указанием фамилии, профессии и возраста работающего. Евреи моложе 14 лет принципиально не назначаются на работу.

2. Все еврейские квалифицированные рабочие и ремесленники должны иметь подтверждение своей квалификации и удостоверение социального ведомства. Удостоверение личности выдается в начале работы на рабочем месте и оно изымается по истечении времени направления на работу. Удостоверение личности считается одновременно пропуском для выхода из гетто. Это удостоверение после окончания объема работы через иденрат вручается социальному ведомству. Социальное ведомство проверяет на предмет срочности возвращения удостоверения личности по окончании объема работы.

ВЫПИСКА ИЗ РАСПОРЯЖЕНИЯ

об упорядочении условий труда и оплаты местным ремесленникам
от 1 июня 1942 года

Для обеспечения военной экономики и укрепления ценообразования необходимо унитарно регулировать и определять оплату в немецких и местных служебных инстанциях, управах и предприятиях занятых рабочих. Для Генерального округа Белоруссии приказываю следующее:

§ Сфера влияния.

В пространственном отношении: Генеральный округ Белоруссии.

В личностном и профессиональном отношении: Все ремесленные (физического труда) рабочие и работницы не немецкого подданства (служащие не учитываются).

§ Ставки зарплат.

Для выплат за труд действуют следующие тарифные разряды, по которым распределяются занятые по своим признакам деятельности рабочие.

Группа Ia: Чёрнорабочие	0,80руб./час
(чёрнорабочие, это неквалифицированные рабочие, которые заняты на самых примитивных вспомогательных работах)	
Группа Ib: Неквалифицированные рабочие, вспомогательные рабочие	
старше 18 лет	1руб./час
моложе 18 лет	0,80руб./час
моложе 16 лет	0,50руб./час

- 2 -

Группа II: Полуквалифицированные рабочие с начальной вступкой	1,35руб./час
Группа III: Квалифицированные рабочие	1,70руб./час
Группа IV: Квалифицированные бригадиры и мастера	2,50руб./час
Группа V: Неквалифицированные женщины для лёгких, типичных для женщин работ	0,80руб./час
моложе 18 лет	0,60руб./час

А если речь идёт о работе женщин, которая по трудности и производительности равняется мужской работе, то женщины должны получать такую же зарплату, как и мужчины и т.д.

§ 10.

Рабочие еврейской национальности.

- 1) Евреи получают 80% основной заработной платы группы I или группы V.
- 2) Евреям воспрещается выплата надбавок к зарплатам и т.д.
- 3) Привлечение к труду еврейских неквалифицированных рабочих в будущем будет происходить только в рабочих колоннах I : 10, I : 20 и I : 30 и т.д. Эти колонны составляет кденрат и понедельно к ним жёстко прикомандируются представители социального ведомства. Руководитель колонны ведёт свою колонну, руководствуясь картой социального ведомства назначения на работу к рабочему месту. В нижней части карты назначения на работу служебная инстанция или предприятие отмечает день прибытия и количество людей в колоннах/колонне и сразу отдаёт эту карту представителю социального ведомства.

В. Оплата за труд.

Относительно выплат зарплаты и расчёта за питание необходимо поступать следующим образом:

1. Так как рабочий еврейской национальности по причинам их специфического привлечения к труду должны обходиться работодателю не дешевле рабочего белорусской национальности, то оплата за труд еврейскому рабочему происходит на той же основе, как и белорусскому, с той только разницей, что еврейу начисляется не полная чистая зарплата.
2. Для работающего еврея в платёжной ведомости сначала следует начислять зарплату согласно тарифу для неквалифицированных, полуквалифицированных, квалифицированных рабочих, бригадиров и мастеров по тарифным ставкам § 2 о зарплате от 1 июня 1942года.
3. Полной, совокупной тарифной зарплате следует противопоставить зарплату, которую согласно § 10 о зарплате от 1 июня 1942года надлежит начислять еврей, то-есть (без принятия во внимание фактического использования еврей) 80% основной зарплаты тарифной группы I или V (без надбавок к зарплате).
4. К зарплате, начисленной еврей согласно пункта 3 следует ещё зачислять стоимость питания 0,50РМ в день.
5. Разницу суммы между тарифной совокупной зарплатой согласно пункта 2 и зачётом за питание 0,50РМ в день отчисляют в кассу Гебитскомиссара.
6. Работодатели, дающие работу евреям, должны два раза в месяц подавать в отдел II (финансовый отдел) Гебитскомиссара отчёт по прилагаемому образцу, а именно:
за первую половину месяца до 20 соответствующего месяца,
за вторую половину месяца до 5 числа следующего месяца.

В такие же сроки следует переводить суммы отчислений (от зарплаты евреям) в кассу Гебитскомиссара в Глубоком на счёт №11 банка в Белоруссии, Глубокский филиал или наличными вносить в кассу в Глубоком с пометкой

"Отчисление от еврейских зарплат".

6. Заключительные и переходные постановления.

Настоящее постановление вступает в силу с 16.9.1942г. Поскольку вычеты из зарплат евреев за предыдущие периоды не проводились, то уже следует поступать согласно определений настоящего постановления.

Глубоков, 16.9.1942г.

Подлинник подписан

Х а х м а н н

Верно: Гебитскокомиссар

М.П. гебитс-комиссара в Глубоком

Подпись

Гебитсreferент

Жизнь гетто в Глубоком по фотоматериалам из архива Мемориального музея Холокоста (Вашингтон, США)

Фотографии, иллюстрирующие жизнь еврейского гетто в Глубоком, публикуются с разрешения Мемориального музея Холокоста (The United States Holocaust Memorial Museum, Washington – далее USHMM). Комментарии к некоторым фотографиям взяты с сайта <http://www.eilatgordinlevitan.com/glubokoye/glubokoye.html>

Гетто в Глубоком было создано 22 октября 1941 г. Оно находилось на территории улиц Энгельса, Заслонова, Красноармейской, Чкалова, Красных партизан. От остальной части города гетто было изолировано деревянным забором, опоясанным колючей проволокой. Попастъ на территорию гетто можно было через единственные ворота.

В гетто были согнаны не только евреи из Глубокого, но и из 42 городов, местечек и деревень (в том числе из Шарковщины, Постава, Плиссы) – всего около 6000 человек. В начале 1942 г. юденрат гетто в Глубоком стал создавать предприятия и мастерские, где евреи могли работать и быть так называемыми жизненно-важными работниками для оккупационного режима.

Население гетто было разделено на тех, кто был признан пригодным для труда (и они работали в многочисленных мастерских) и тех, кто нет. В декабре 1941 г. были расстреляны 40 человек, признанных «малополезным элементом». 25 марта 1942 г. были расстреляны еще около ста евреев.

В конце мая – начале июня 1942 г. внутри гетто создается второе гетто, куда свозят «малополезных» евреев. 19 июня 1942 г. 2500 евреев, которые были сочтены непригодными для работы, были убиты в близлежащем урочище Борок.

В ночь с 18 на 19 августа евреи заметили, что охрана вокруг гетто была усилена. После полуночи, каждые 20–30 минут приходили новые части солдат из Двинска и Вильнюса. 19 августа 1943 г. члены юденрата получили приказ организовать евреев для депортации в Люблин. Но депортация была сорвана, часть обитателей гетто оказали вооруженное сопротивление. Стрельба в гетто длилась более двух суток. Гетто было разрушено обстрелом из орудий и бронемашин и полностью сожжено. Было убито около 4000 человек.

Рекомендованные источники и литература о гетто в Глубоком

- Национальный архив РБ. Ф. 861. Ед. хр. 13. С. 81. Показания жителя Глубокого И.В. Немировского. О зверской расправе над евреями в гетто г. Глубоком Вилейской области, учиненной 19 августа 1943 года (<http://www.jewish.ru/history/press/2008/05/news994262154.php>).
- Берникович Д.* «Марш жизни» 70 лет спустя (<http://nspaper.by/2011/07/05/marsh-zhizni-70-let-spustya.html>).
- Едидович В., Гольдман Г.* Глубокое. История о рождении и гибели одного из старейших еврейских ишувов Восточной Европы (<http://shtetle.co.il/Shtetls/glubokoe/edidovich.html>).
- Едидович В., Гольдман Г.* Глубокое (<http://www.holocf.ru/Editor/assets/Glybokoe.doc>).
- Khurbn Glubok (The Destruction of Globokie) / [Ed.] M. and Z. Rajak. Buenos Aires, 1956.
- Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Глыбоцкага раёна. Мінск, 1995.
- Раяк М., Раяк Ц.* Хурбн Глубок (перевод на русский язык Я.Р. Суховольского – рукопись).
- Розинский Г.* Восстание в Глубокском гетто (<http://www.jewish.ru/history/press/2008/05/news994262154.php>).
- Шульман А.* «Кадиш» на глубокской земле (<http://shtetle.co.il/Shtetls/glubokoe/glubokoe.html>).

Предисловие и перевод с английского Ирины Копченовой

Фото 1. Еврейские женщины гладят нацистскую военную форму в мастерской в гетто в Глубоком (USHMM Desig #483.07 W/S #08057 Museum Photo Archives CD # 0120)
Мастерская по пошиву одежды располагалась в доме Сары Кремер (жены учителя Залмана Кравица). Мастерскую возглавлял Мякинин. Здесь работало несколько десятков портных, среди них: Зелик Глазман, Залман Фейгельсон, Шломо-Давид Прен, Этинггоф и др.

Фото 2. Еврейские дети мастерят коробки в гетто в Глубоком (USHMM Desig #483.07 W/S #08059 Museum Photo Archives CD # 0120)
Работали даже дети. Они делали картонные коробки, чтобы немцы могли упаковать вещи, произведенные в мастерских евреями, для отправки в Германию. Этой мастерской руководил 11-летний калека, Яша Мазовецкий, внук И. Альперовича, здесь работал 7-летний Зинке (Аарон-Ицхак) Раяк

Фото 3. Еврейские мужчины делают вывески в мастерской в гетто в Глубоком (USHMM Desig #483.07 W/S #08076 Museum Photo Archives CD # 0120)

Фото 4. Еврейские женщины делают гуталин в мастерской в гетто в Глубоком (USHMM Desig #483.07 W/S #08086 Museum Photo Archives CD #0120)

Фото 5. Еврейские мужчины работают в дубильной мастерской в гетто в Глубоком (USHMM Desig #483.07 W/S #07954 Museum Photo Archives CD #0120)

Фото 6. Еврейские мужчины за работой в сапожной мастерской в гетто в Глубоком (USHMM Desig #483.07 W/S #07968 Museum Photo Archives CD #0120)

Фото 7. Молодые евреи за работой в сапожной мастерской в гетто в Глубоком (USHMM Desig #483.07 W/S #07957 Museum Photo Archives CD # 0120)

Фото 8. Еврейские женщины и девушки работают на складе одежды швейной фабрики в гетто в Глубоком (USHMM Desig #483.07 W/S #08048 Museum Photo Archives CD #0120)

Фото 9. Еврейские мужчины работают на маслодавильне в гетто в Глубоком (USHMM Desig #483.07 W/S #07886 Museum Photo Archives CD # 0508)

Фото 10. Еврейские мужчины за работой на фабрике по производству растительного масла в гетто в Глубоком (USHMM Desig #483.07 W/S #07955 Museum Photo Archives CD #0120)

Фото 11. Еврейские женщины шьют тапочки в гетто в Глубоком
(USHMM Desig #483.07 W/S #07980 Museum Photo Archives CD #0120)

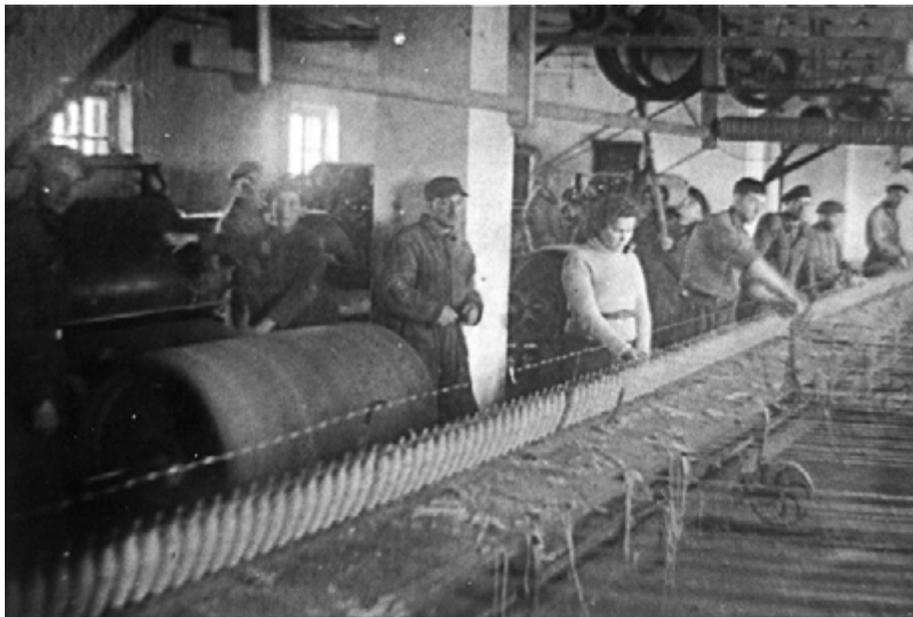
Фото 12. Еврейские мужчины и женщины делают валенки в мастерской в гетто в Глубоком
(USHMM Desig #483.07 W/S #07988 Museum Photo Archives CD #0120)

Фото 13. Евреи работают в питомнике растений в гетто в Глубоком (USHMM Desig #483.07 W/S #08072 Museum Photo Archives CD #0120)
В садах евреев были созданы настоящие плантации. Выращивали хмель и др. растения. Во главе питомника стоял Кац из Новых Свенцяи, всего здесь работали около 40 евреев, в том числе Моше Мирман, Лейб Кривицкий, Сарка Срагавич, Циля Мирман и др.

Фото 13а. Еврейские мужчины и женщины делают валенки в мастерской в гетто в Глубоком (USHMM Desig #483.07 W/S #08014 Museum Photo Archives CD #0120)
Мастерская располагалась в доме Шулевичей. Здесь работали 60–70 женщин и детей, они вязали свитера, носки, перчатки, шили, делали валенки

Фото 14. Еврейские мужчины и женщины из гетто в Глубоком работают в прядильне (USHMM Desig #483.07 W/S #08082 Museum Photo Archives CD #0120)

Фото 15. Еврейские мужчины и женщины на производстве деревянной обуви в гетто в Глубоком (USHMM Desig #483.07 W/S #07973 Museum Photo Archives CD # 0120)

Мастерская сапожников располагалась в доме Линушкиной, руководил предприятием Давид Друи, здесь также работали Ханан Мельцер, Давид Вейман, Залман Шицкин и др. Здесь трудились и фиктивные «сапожники»: учитель Кастрел Шнейдерман, например, делал деревянные сабо, Липа Ландау (сын раввина из Друи) научился шить ботинки. Сапожники всегда были завалены работой, получали заказы от немцев, которые отправляли обувь в Германию или продавали ее.

Фото 16. Еврейские женщины за работой в мастерской по производству шляп в гетто в Глубоком (USHMM Desig #483.07 W/S #08047 Museum Photo Archives CD #0120)

Фото 17. Евреи за работой в типографии в гетто в Глубоком (USHMM Desig #483.07 W/S #08101 Museum Photo Archives CD #0508)

Summary

This book is the third part in the series “A Jewish Shtetl in Contemporary Cultural Memory”, dedicated to the history and culture of Jews in Belarus. The aim of this large-scale project is to uncover archival material and to introduce new findings about the history, traditions and folklore of the Jewish settlements, as well as to showcase the surviving fragments of Jewish cultural heritage and to draw attention to the problems of its conservation. The books in the series are based on materials collected both during annual field schools that are organized by the Center “Sefer” and the Center for Slavic-Jewish Studies of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, as well as through archival research.

The expedition to the town of Hlybokaye (Vitebsk Region of Belarus) was an important milestone in the study of the narratives, historical documents, and preserved cemeteries. It is an attempt to reconstruct the “Jewish history” of former Belarusian shtetls, based on historical, epigraphic and ethnographic data. The field school, which brought together ethnographers and epigraphers from Belarus, Russia, USA, and Ukraine, as well as local historians and volunteers, took place July 22-30, 2015. This expedition

became possible thanks to support from the Genesis Philanthropy Group, the UJA Federation of NY, the Russian Science Foundation and the Rothschild Foundation Europe. Our school received comprehensive assistance from Hlybokaye Regional Executive Committee. The inspiration for this research of Jewish history of Hlybokaye came from *Margarita Kozhenevskaya*, a long time participant of the Center “Sefer” programs, a Hlybokaye native and a doctoral student of the Yanka Kupala State University of Grodno, who came up with the idea to conduct a field school in the region. This book includes an article and archival documents published by her.

The participants of the field school have created an index of 596 Jewish tombstones. Ethnographers have collected 75 narratives, totaling 120 hours; epigraphers have created a full catalog of the Jewish cemetery in Hlybokaye.

But why is the town of Hlybokaye of particular interest to researchers? Because Hlybokaye is an excellent example of a town that historically had been a place where people of different ethnicities and religions coexisted. In the years from 1921 to 1939, Hlybokaye was a part of Poland and up until the begin-

ning of World War II, the town's Jewish life was vibrant and multi-faceted.

Moreover, until the unification in 1832, the town of Hlybokaye was divided into two sectors with identical names: one privately owned and the other controlled by clergy. The two sectors belonged to two different administrative-territorial entities and this division played a role in the way the Jews settled in Hlybokaye because they were allowed to settle only in the privately owned area.

Hlybokaye was always a place on the crossroads of different cultural traditions. The town was inhabited by people of various ethnic backgrounds (Jews, Belarusians, Poles, Tatars, Roma) who practiced multiple religions (Judaism, Catholicism, Eastern Rite Roman Catholicism and, after 1839, Orthodox Christianity and Islam).

The history of the Jewish community in Hlybokaye goes back to the 17th century. The epigraphers who took part in the expedition discovered one of the oldest Jewish tombstones in Belarus, dating back to 1708. The Jewish population of the town had steadily increased over the three centuries, both in absolute numbers and in relation to the Christian population. According to the 1897 census, there were 3,917 Jews living in Hlybokaye (70.4% of the total population).

The history of Hlybokaye is intertwined with the history of its Jewish community. During the expedition, our ethnographers were fortunate to record valuable narratives and memories about Jewish life in Hlybokaye, including family stories and common perceptions of the Jews by their non-Jewish neighbors, consistent with historical and ethnographic sources.

The presence of Jews in the area is also reflected in local toponyms: one of the lakes in the town, formerly called Hlybokaye lake, is now called Kahalnaye (because of its proximity to buildings owned by the Jewish community, and, this is still unconfirmed by documents, because the Jewish community began to rent or possibly even purchased the lake at the end of the 19th century).

Hlybokaye was an important trade hub, and beginning in the mid-17th century hosted a weekly market, as well as three to six annual fairs. Jews played a key role in the town's economy as merchants, craftsmen, fishermen and lessors.

Jews were the majority of the town's population, and until the mid-1930s, the number of Jewish rep-

resentatives in the town's administration was greater than usual in the post-reform Russian Empire (despite the restrictive laws for the Jews).

The Jewish community of Hlybokaye made a noticeable impact on the town's social and political life. For example, during the 1930s there were three newspapers in Yiddish and the town's Jewish population was in close contact with Hlybokaye Jews living in the United States.

The tragic history of the Jewish ghetto in Hlybokaye during the German occupation and until August 19, 1943 (when it was finally liquidated) shows that even under dire circumstances, the Jewish community was able to create various jobs for the ghetto inmates, to open a hospital, and to provide meals for the needy. Those who managed to escape from the ghetto formed a Jewish unit that participated in armed resistance, both independently and in cooperation with the local guerrilla fighters.

After the war, Jewish life in Hlybokaye, as in other Jewish towns, has come to a halt. However the memory of Jewish life in Hlybokaye has survived in the many stories that the town inhabitants so generously shared with participants of the expedition for which we are very grateful.

The structure of the book reflects our comprehensive approach to researching Jewish shtetls. The book consists of analysis of the collected oral history, folklore and ethnographic data, research of the cemeteries and epigraphic sources, and compilation of archival data.

The first part of the book comprises articles on the specific characteristics of the region and history of Hlybokaye and its Jewish community. The first article by *Victoria Mochalova* examines the history of Hlybokaye from the Polish–Lithuanian Commonwealth until the 19th century, and the role that the Jewish community played in the town's development. *Inna Sorkina* explores Hlybokaye's history from the 18th century until the first third of the 20th century, focusing primarily on the social and economic standing of the Jewish population. *Margarita Kozhenevskaya* introduces new archival materials and reviews the daily life of a Jewish town at the turn of 19th-20th centuries. The article by prominent American Scholar *Samuel D. Kassow* tells of interwar Hlybokaye based largely on local source material, but also presents a broader view of the characteristic features that

defined shtetl life during that time. The article by *Kirill Gavrilenko* helps us understand the structure and function of the Jewish burial fraternities in western Belarus during the interwar period. This section concludes with an article by *Mikhail Krutikov* dedicated to the reinterpretation of landscapes and the distinctive cultural and geographical region of “Raysn” (Belarus) by Yiddish modernist poets.

The second part of the book is dedicated to the study of the system of stereotypes, explanatory models, motifs and themes dominant in the local cultural tradition that influence how the local community perceives the town of Hlybokaye. *Natalia Savina* highlights the dominant narrative motifs that define the image of the town and the “urban text” that describes it; the Jews play an important role in the urban narratives about a “trade hub” and the “ghetto”. The article by *Olga Belova* focuses on the everyday life of Hlybokaye as portrayed in the stories of local residents; the memories of older residents have preserved the Jewish past of Hlybokaye, the stories of coexistence in a multi-faith environment, and the memories of Jewish traditions, rituals and folklore. *Oksana Chyoha* explores the local folk legends based on the stories from the Bible in which the Jew plays a prominent role. The research conducted by *Julia Bernstein* focuses on the memories of Jewish teens about the Hlybokaye ghetto. These testimonies were recorded for the USC Shoah Foundation, the Institute for Visual History and Education in the second half of the 1990s. While the article was being prepared for publication, some new memories and photographs from the personal archives of the still-living survivors of the ghetto were found and were added to the research. The authors of this book would like to express their sincere gratitude to *Yakov Sukhovolsky* for his help.

The third part of the book contains selected interviews with residents of Hlybokaye, including commentary from the collectors. One individual shares with *Oksana Chyoha* his memories about the war years, *Andrey Moroz* publishes a story of a house that reflects the history of Hlybokaye as related by its owner. The Jewish holidays, as perceived by the neighbors of other ethnicities, are described by *Anastasia Golovina* in interview fragments discussing the topic of a folk calendar. *Anna Skorina* compares the stories of her two dialogue partners, one of whom was of Jewish descent, but chose to practice Orthodox

Christianity, and the other, an ethnic Belarusian, who is interested in Judaism and practices Kashrut.

The next section of the book is dedicated to the Jewish cemetery in Hlybokaye. The researchers recorded all the parameters of the cemetery: territory, number of tombstones, catalog of *matzevot*, epitaphs, etc. This part includes an article by *Mikhail Nosonovsky* examining the epitaphs found in the Hlybokaye Jewish cemetery as a source of historical information and as a cultural phenomenon. Also included is an extensive database that summarizes information about Hlybokaye’s Jewish cemetery, prepared by *Aleksandra Fishel* and *Mikhail Vasilyev*. The database is presented in a table listing more than 600 *matzevot* and fragments. You can find the map of the cemetery with a list of the numbered tombstones on the back cover.

The last section of the book contains archival materials on the history of Hlybokaye; many of these materials have been translated from Polish and German and are introduced here for the first time. We would like to thank the United States Holocaust Memorial Museum (Washington, DC) for kindly providing photos of the Jewish ghetto, the unique visual materials needed to conduct research on the Holocaust in Hlybokaye.

The authors of the book “The Shtetl of Hlybokaye in Contemporary Cultural Memory” hope that their contribution to the research on the Jewish history and culture of Eastern Europe will help to preserve the Jewish cultural heritage.

We believe that this book, dedicated to Jewish life in Hlybokaye and the history of intercultural communication that is imprinted in people’s memory and reflected in the artefacts, will prove useful to scholars (historians, ethnographers, folklorists) and to a wide range of readers who are interested in Jewish history, culture and traditions.

Olga Belova, Irina Kopchenova
Translated by *Anna Pecherskaya*

Статья написана по гранту РФФ № 15-18-00143 «Проблемы межэтнических контактов и взаимодействий в текстах устной и письменной культуры: славяне и евреи».

Сведения об авторах

- Ольга Белова* – д.ф.н., ведущий научный сотрудник Отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения (Москва); kotmonya@yandex.ru
- Юлия Бернштейн* – независимый исследователь (Мичиган); bernstein.julia@gmail.com
- Михаил Васильев* – научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС (Москва); mvhumanity@gmail.com
- Кирилл Гавриленко* – аспирант, Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина; gkirill95@mail.ru
- Анастасия Головина* – студент кафедры иудаики ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова (Москва); nastiagol7@gmail.com
- Константин Карпекин* – к.и.н., главный хранитель фондов Государственного архива Витебской области; karpekin07@mail.ru
- Сэмюэль Д. Кассов* – профессор, Тринити колледж (США); samuel.kassow@trincoll.edu
- Маргарита Коженевская* – аспирант, Гродненский государственный университет им. Я. Купалы; margosia1988@yandex.ru
- Ирина Копченова* – научный сотрудник Центра славяно-иудаики Института славяноведения РАН (Москва); students@sefer.ru
- Михаил Крутиков* – профессор, Мичиганский университет (США); krutikov@umich.edu
- Виктория Мочалова* – к.ф.н., руководитель Центра славяно-иудаики Института славяноведения РАН, директор Центра «Сэфер» (Москва); sefer@sefer.ru
- Андрей Мороз* – д.ф.н., профессор, Учебно-научная лаборатория фольклора историко-филологического факультета РГГУ (Москва); abmoroz@yandex.ru
- Михаил Носоновский* – профессор, Висконсинский университет в Милуоки (США); nosonovsky@yahoo.com
- Наталья Савина* – магистрант факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге; savnat8@gmail.com
- Анна Скопина* – студент кафедры гебраистики и семитологии Восточного факультета СПбГУ; anutkosun@mail.ru
- Инна Соркина* – к.и.н., доцент, Европейский гуманитарный университет (Вильнюс); ina.sorkina@gmail.com
- Александра Фишель* – аспирант Института восточных рукописей РАН (Киев–Санкт-Петербург); fishelshura@gmail.com
- Оксана Чёха* – к.ф.н., научный сотрудник Отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения (Москва); tchoekha@gmail.com

Материалы из базы данных SFIRA

Подробную информацию о местечке Глубокое и материалах, собранных во время экспедиции в 2015 г. в Глубоком, см. на сайте проекта Sefer Field Research Archive (www.sfira.ru)

Научное издание

Глубокое: память о еврейском местечке

Редактор: О. Белова

Верстка: Д. Дименштейн, Р. Дименштейн

Оформление обложки: С. Трофимов

Технический редактор: В. Комарова

Подписано в печать: 12.01.2017.

Формат 84×100/16. Усл. печ. л. 23,5.

Печать офсетная.

Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»

Москва, 119334, Ленинский пр-т, 32а, корп. В, ком. 808

www.sefer.ru

E-mail: students@sefer.ru; sefer@sefer.ru

Отпечатано в ООО «ТДДС-СТОЛИЦА-8»

111024, г. Москва, шоссе Энтузиастов, дом 11А, корп. 1